URSS

Оглавление

В своем Отечестве… (*Ю. Г. Гельцер*) 5

Кто я и о чем я. Ретро-прогностические этюды 19

Глава 1. «Лебединая песнь демократии прозвучала уже давно» 40

Глава 2. «В России к власти всегда приходят худшие люди» 48

Глава 3. «Я взял за правило предугадывать намерения Путина» 60

Глава 4. Что в прогнозе главное? Концептуальная идея… 104

Глава 5. Всё, что достижимо, должно быть постижимо 127

5.1. Принцип прогностического предназначения 131

5.2. Принцип прогностической градации 162

5.3. Принцип прогностической интуиции 186

5.4. Принцип прогностической альтернативы 208

5.5. Принцип прогностической регистрации 220

Послесловие ко всему, что было и будет 252

Приложение
Ключевые прогностические публикации за 1991–2014 гг. 254

1. Аналитические записки, адресованные президентам России 254

2. Объективная логика политического краха Горбачева 266

3. Август 91-го: очевидное — неизбежное 278

URSS

4. Быть России имперской 289
5. И все-таки имперской России быть 301
6. «Эх, недотёпы… Человека-то забыли…» 313
7. Геннадий Бурбулис ведёт свою игру....321
8. Великими становятся только поверженные революции 334
9. Выборы губернаторов довершат распад России....347
10. Отчизна-мать в предвкушении нового мученика 351
11. Мы возвращаемся на круги своя....355
12. Вперёд к имперскому авторитаризму 359
13. Даёшь самодержавие....365
14. Постная победа....370
15. Зачистка власти....377
16. Демократия в России приказала долго жить....383
17. Демократия умерла? Да здравствует анархия!....386
18. Что, как и почему после Путина 394
19. Имитация союзного масштаба 406
20. Сегодня Медведев с Путиным, завтра Путин с Медведевым 411
21. Глобальный прогноз Черчилля....416
22. Надо ломать судьбу, а не менять политиков....419
23. Партии без будущего, будущее — без партий....430
24. Самая последняя утопия 437
25. В России проигрывает тот, кто побеждает 447

URSS

В своем Отечестве…

Ю. Г. Гельцер

Мы живем в поистине удивительной стране. В стране, бездарно разбазаривающей свои ресурсы, в том числе пренебрегая лучшими умами своих сограждан. Центральное телевидение изо дня в день может нам рассказывать как, например, и где разделась Волочкова, как ее фотографировали и где поместили снимки. И с воплями «Ты не поверишь!» демонстрировать очередные глупости тронувшихся мозгами других звезд шоу-бизнеса.

Когда-то была серьезная печать и желтая пресса, серьезное центральное телевидение и коммерческое — с боевиками и эротикой. Первое — бюджетное, а второе — платное. Сегодня же нам за наши налоги втюхивают всякую белиберду, пытаясь убедить, что век Солженицыных, Капиц, Каплеров безвозвратно закончился, и оскудела земля русская талантами. Да и уровень редакторов сегодня такой, что им постоянно кажется, что умный человек на телевидении — это снижение рейтинга их каналов. К тому же, за появление на экране, желательно, чтобы «откатили» что-нибудь в личный карман. А с этих «умников», писателей или ученых, много ли сегодня возьмешь? Так еще чем умнее, тем больше власть критикуют. За такое вообще хлебное место потерять можно. Нет уж, Волочкова — это беспроигрышно! Это «пипл схавает»!

Виктор Викторович Гущин — политолог, на мой взгляд, уровня Киссинджера и Бжезинского, никак не ниже, а с учетом понимания процессов, определяющих будущее, — намного их превосходит. Но многие ли его знают в нашей стране? Пожалуй, узкий круг специалистов, хотя им опубликованы уже четыре книги и большое количество статей. Государственный Советник Российской Федерации, лауреат российских и международных творческих премий. Единственно, чего, полагаю, для обретения популярности В. Гущину недостаёт, это непосредственного участия в «буйных телевизионных вечерях» Владимира Соловьёва. Книга, которую я имею честь представлять, — пятая в его научно-творческом багаже.

С отдельными частями этой книги я ознакомился по рекомендации общих знакомых еще при подготовке своей собственной со схожим названием: «Основы предсказуемой экономики: Экономика в свете Общей теории систем», вышедшей в издательстве URSS в 2014 г. Сложно делать ссылки на еще не изданную рукопись, да и мне не было предоставлено такого права. Однако, внимательный читатель, если захочет, наверняка сможет обнаружить некоторое влияние размышлений В. Гущина на текст моей книги.

URSS

Издание «Основ…» и публикация книги В. В. Гущина «Умение предвидеть. Как этому научиться. Практическая методика научного прогнозирования политических процессов» свидетельствуют об очень важной вехе в истории науки об обществе. Авторами совершенно целенаправленно, причем независимо друг от друга, поставлен вопрос , что наука об обществе, как и любая наука вообще, может считать себя таковой только в том случае, если она способна не только объяснить происходящее, но и предсказать будущее.

Я думаю, что мы сегодня делаем только первые шаги на начальном пути научного прогнозирования идейно-политических и социально-экономических процессов. Придут более молодые и более смелые, кто сможет вывести научную работу на более высокий уровень, ну а мы прошли свой путь, как смогли. Очень хотелось бы, чтобы у наших последователей получилось лучше и они пошли дальше.

Мы с В. В. Гущиным работали в разных областях науки об обществе. Он — в политологии, я — в экономике. Но само общество целостно и такое деление если по существу, то весьма условно. Именно это понимание, которое, увы, недоступно для многих «узких» специалистов, и позволяет нам видеть не факты, а процессы, не личности, а динамику развития. Что, конечно же, значительно раздвигает горизонты предвидения.

И хотя методология В. В. Гущина мне показалась недостаточно научной, не в последнюю очередь потому, что сам автор считает себя не столько ученым, сколько публицистом, отсюда не только особенности стиля, но и некоторая вольность в подходах и трактовках, для меня книга В. В. Гущина интересна своими идеями, о которых, на мой взгляд, должен знать (не обязательно соглашаться) любой мало-мальски уважающий себя современный обществовед.

Вопрос не в том, принадлежит ли В. В. Гущину приоритет в высказывании тех или иных идей, в большинстве случаев они уходят корнями вглубь веков, на что автор нередко указывает сам, вспоминая Аристотеля или Леонардо Да Винчи. Заслуга исследователя, как совершенно справедливо замечает В. В. Гущин, состоит не в том, что он её открыл или отыскал где-то в книжных или архивных «завалах» — идея обретает жизнь, лишь превращаясь в проект концептуального характера, то есть когда она предстает перед нами в современном облике и звучании, применительно к конкретным особенностям России, с дополнительным обоснованием того, как эти особенности должны будут сказаться на перспективах развития страны. В книге В. В. Гущина представлены два таких Проекта. Один на перспективу под названием «От самодержавия к «самоуправлению», минуя демократию». Мы договорились, что об этой проблеме В. В. Гущин ниже расскажет сам чуть подробнее.

Второй вполне мог бы иметь отношение к нынешним жарким дискуссиям о перспективах державного возрождения России, если бы не был

UPSS

предъявлен общественному мнению, более двадцати лет назад. В июле и сентябре 1993-го В. В. Гущин публикует две статьи — «Быть России имперской. Чем скорее это случится, тем лучше» и «И все-таки имперской России быть. Иначе на ее месте возникнет «черная дыра». Как видно из подзаголовков, это не утверждение. Это призыв. Однако, тогда к этим призывам никто не прислушивался и время было упущено, и только сейчас мы наблюдаем некоторое движение в эту сторону. Некоторое (спасибо Украине!), потому что порой нас перехлестывает совершенно необоснованный ура-патриотизм, сменяющийся робким шепотом: «А что скажет Марья Алексеевна?…» — то бишь Вашингтон устами госдепа.

Говорить, что время упущено безвозвратно, равнозначно признанию России государством, обреченным на близкий развал. Но не исключено, что вопрос «или — или» будет поставлен перед Россией очень скоро и безапелляционно. Я не останавливаюсь на том, что вкладывается в понятие «имперская», так как читатель может ознакомиться с этим в самих статьях, размещенных в Приложениях к этой книге.

Утверждение В. В. Гущина, что на смену не состоявшейся в России представительной демократии придет народное «самоуправление», которое автор рассматривает как исторический цивилизационный прорыв, и отстаивание этой точки зрения на протяжении почти 20 лет — большая заслуга автора. Соглашаясь с В. В. Гущиным в принципе, не могу признать верными его тактические установки. Когда страна по сути дела еще не обрела даже зачатков народовластия, автор постоянно ратует за ликвидацию демократических институтов. И власти, внемля этому призыву, с удовольствием его реализуют. Сам Гущин насчитывает около 300 законодательных и подзаконных актов, принятых в период путинского правления, ограничивающих демократические свободы, в то время как разговоры о народовластии остаются пустым словоблудием.

В результате мы имеем, и эта тенденция только набирает силы, бесконтрольную самодержавную власть, упивающуюся своим своеволием.

Революции по принципу «до основания всё разрушим и лишь затем…» бесплодны и ущербны. В 1920 г. писатель Владимир Короленко писал, обращаясь к Луначарскому: «Не создав почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, вводя немедленный коммунизм, вы надолго отбили охоту даже от простого социализма, введение которого составляет насущнейшую задачу современности» [http://azlibr.ru/k/korolenko_w_g/text_1080_r.shtml].

Любое новшество должно вызреть рядом с отживающим старым и доказать свое право на жизнь. И лишь убедившись, что старое действительно стало помехой, можно браться за «топор истории».

В порыве азарта В. В. Гущин неоднократно повторяет, что надо бороться не за власть, а с властью. По его мнению (здесь взгляды В. Гущина полностью совпадают с подходом князя Петра Кропоткина. — *Ю. Г.*), любая

власть есть порождение господства и угнетения, узурпированное право принимать решения «за и от имени других», но обязательно в свою пользу и к собственной выгоде. Думаю, что это просто литературный перехлест. Конечно, было бы правильнее говорить о борьбе за новое качество власти.

Не могу согласиться также с тем, что народ и власть обречены жить в постоянной конфронтации. Народ не способен на такие действия. Его конфронтация всегда носит волнообразный характер. И порой эти волны затухают на десятилетия. Власть же в этом отношении имеет преимущество, безжалостно мстя народу за короткие периоды своего унижения.

Жемчужиной научного творчества В. В. Гущина, безусловно, является статья «Надо ломать судьбу, а не менять политиков». Наша страна действительно, не смотря на все свои революции, живет и продолжает жить в условиях абсолютного самодержавия. Советы, партии, Думы, Конституции для нее всегда служили лишь дымовой завесой, ковром, под которым власть обделывает свои делишки.

И базой этому самодержавию служит рабская психология народа, которую всячески пестует выродившаяся, уродливая власть. Сегодня всякое инакомыслие — это для них «пятая колонна». Уродуя страну, они всячески пытаются доказать, что только они способны любить ее как никто другой.

Величайшей заслугой М. С. Горбачева является то, что он впервые попытался поставить власть под контроль народа. И совершенно правильно подметил В. В. Гущин, что величайшей трагедией для народа (кстати, Гущин сделал это еще в период пребывания Горбачева у власти) явилось его выдвижение на пост Президента СССР. Желая личной власти, он не смог понять необходимости ликвидации этой должности в стране. Хотя эту «горбачевскую оплошность», по мнению В. Гущина, с лихвой перекрывают заслуги, связанные с ликвидацией КПСС и Советской власти, что, собственно, и предопределило появление на свет Новой России.

Хотелось бы, конечно, чтобы власть изначально и перманентно находилась под контролем народа. Но, к сожалению, признанные Конституцией высшие формы народовластия, прежде всего референдумы, вообще не используются, а авторитет выборов и представительных органов власти с каждым годом становится ниже и ниже. Дело дошло до того, что Госдуме пришлось в Закон о выборах внести поправку, что выборы всех уровней считаются действительными, независимо от числа принявших участие в голосовании. Прежде для этого требовалась половина списочного состава избирателей плюс один голос.

Еще одно утверждение В. Гущина, которое я разделяю безоговорочно: власть — это чиновники, в том числе, и первое лицо. Они — наемная рабочая сила для выполнения определенных целевых программ. Справляешься с работой — работай, выполнил задачу или она тебе не по зубам — до свидания, свято место пусто не бывает. Чтобы установить такой поря-

URSS

док в России, необходима конституционная реформа. Вот конкретная проблема сегодняшнего дня!

В своей книге «Основы предсказуемой экономики» я доказываю, что социально-экономические циклы должны лежать в пределах 25–30 лет. И определяющей причиной тому является смена поколений. Так оно и было, скажем, в XIX веке.

Если взять Россию, то это выглядит так: приход к власти Павла I (1796 г.), восстание декабристов (1825 г.), крымская война (1853 г.), убийство Александра II (1881), первая русская революция (1905 г.).

Однако, в XX веке мир вступает в период глобализации. Цикличность развития различных стран синхронизируется и устанавливается жесткий период — 25 лет и один месяц. Кстати, растянувшийся именно на такой срок период российских реформ, В. Гущин расчленил на три семилетних цикла, с небольшим «довеском» ушедшим на установление в стране утилитарно-прагматического режима во главе с В. Путиным. Если приглядеться внимательно, то такое условное деление 25-летнего цикла присутствует всегда.

Мое утверждение подтверждается следующими событиями:

1 августа 1914 г. — начало Первой мировой войны;

1 сентября 1939 г. — начало Второй мировой войны;

14 октября 1964 г. (в действительности, ключевые события происходили с первых чисел октября) — Октябрьский пленум ЦК КПСС и освобождение Н. С. Хрущева со всех занимаемых постов.

При кажущейся своей второстепенности это событие имеет исключительное значение. Проблема перестройки созрела уже тогда. И снятие Хрущева означало контрреволюционный переворот. Вместо перестройки последовала ее имитация в виде косыгинских реформ, завершившаяся полным застоем. Эволюция имеет свой генетический код общественного развития (и этому вопросу будет посвящена моя следующая книга). Таких игр она не прощает. Общество, не использовавшее своевременно свой шанс, отбрасывается назад на десятилетие, в некую исходную точку, чтобы пройти предназначенный ему путь вновь.

9 ноября 1989 г. — крушение Берлинской стены, а затем и развал СССР и социалистического лагеря.

На этом основании, в своей книге я осторожно высказался, что в первой или второй декаде декабря 2014 года нас ожидает событие, которое определит нашу жизнь на ближайшие 7 лет, а в определенном смысле — и на все 25.

С момента первой публикации этого утверждения прошел почти год. Сегодня я с большой долей уверенности могу сказать, что в будущем этот день назовут началом Третьей мировой войны.

URSS

В. В. Гущин неоднократно пишет о том, что для предсказателя нет большего счастья, если благодаря его предостережениям спрогнозированное событие не состоится. Предупрежден — значит вооружен. И что же?

Было время, когда члены правительства не только читали книги, но и публиковали свои. Сегодня они пишут только в «Контакте» и в «твиттере». Ждать, что они обратят внимание на твою писанину — война к тому времени уже закончится, да и не дождешься. Обращаюсь в один уважаемый академический научный институт, который сам аргументированно доказывает, что США не в состоянии выйти из того перманентного кризиса, в котором они пребывают, не иначе как развязав крупномасштабную мировую войну.

Вот цитата из одной статьи, авторами которой являются работники этого института: «За тем, что мы до сих пор по привычке именуем мировой войной, и что внешне действительно выглядит как обычный военный конфликт, скрывается иное содержание. Военный конфликт здесь есть более или менее военизированная форма чисто экономической по своей сути борьбы (теперь уже не совсем за ресурсы и территории, а скорее за власть как инструмент глобального экономического регулирования экономической активности) между государственными структурами одних стран, с одной стороны, и надгосударственными структурами…, хотя и опирающимися на отдельные страны (США, Великобритания, члены ЕС и т.п.) — с другой». И т.д.

Браво! Всё именно так и есть! Предлагаю: давайте направим соответствующую записку в правительство с указанием даты ожидаемых действий. Ответ: а вы обоснуйте научно, почему именно эта дата, а не какая-то другая. А вдруг то, что вы пишите, это просто совпадение.

Наука сегодня «научно» оперирует кондратьевскими и жугляровскими циклами. По этому поводу написано сотни фундаментальных трудов, защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций. Описаны волны и всплески, обвалы и подъемы. При этом, никому не удалось с помощью этих циклов предсказать ни одного кризиса, ни одной войны. Ну не знаю я, почему так строг сложившийся цикл в 25 лет и один месяц, и не стесняюсь об этом говорить. И никто это сегодня не может объяснить! Увы, глас вопиющего в пустыне… После того как читатель узнает (см. с. 36), что В. Гущин разделяет занятую мной позицию, можно будет говорить уже о «вопиющем дуэте», но, к сожалению, во всё той же пустыне.

Михаил Делягин сегодня со всех трибун говорит: Третья мировая стучится к нам в двери. Сегодня нет важнее задачи, чем договориться нам с Украиной о том, чтобы протекала эта война как можно дальше от наших границ. Какой угодно мир! Но только не дать себя втравить в эту бойню!

Некоторые мои коллеги утверждают, что ожидаемое мною событие уже произошло, но немного раньше в марте 2014 г., когда Россией был аннексирован Крым. Безусловно, ожидаемое событие не «свалится» к нам

URSS

неизвестно откуда, беспричинно. Так или иначе, оно будет связано с уже происходящим. Но декабрьское событие должно быть более значимо для определения характера начинающегося кризиса.

В связи с некоторой задержкой издания этой книги, у нас есть возможность подкрепить свой прогноз, сделанный ещё год назад, конкретными фактами декабря 2014 года. Во-первых, всех кто был знаком с содержанием книги, удивила концентрация политических и экономических событий, пришедшихся на декабрь. Во-вторых, приятно то, что в этот раз не оправдался тезис Гущина В.В. (правда, он предлагает повременить с выводами, полагая, что время для подведения итогов еще не настало, — *Ю. Г.*), заключающийся в том, что если существует для развития событий в России несколько вариантов, то выбирай наихудшее и произойдёт именно оно. Тем не менее, это событие, в силу своей положительности, хотя и замечено, но совершенно недооценено современниками.

Речь идёт о том, что с 9 декабря полностью прекратились боевые действия на Украине. Открылись реальные перспективы, что сложившееся противостояние перейдёт исключительно в политическую плоскость, и будет решено со временем без применения оружия. По максимуму, мир избежал Третьей мировой войны. По минимуму, Россия избежала затратной и кровопролитной братской войны. Далеко не факт, что Россия в этой войне проиграла бы. Но даже победа, в силу того экономического, демографического и социального положения, в котором находится сейчас страна, не гарантировало бы ей сохранения целостности и глубокого кризиса, который мог оказаться разрушительнее самой войны.

Установившееся перемирие даёт шанс на то, что мировой экономический кризис будет развиваться, по крайней мере, не переходя в военную стадию. Но если даже этого не удастся избежать, то Россия смогла отодвинуть этот процесс во времени и, возможно, от своих границ. В-третьих, данное перемирие сопровождалось целым рядом финансовых потрясений для России: резкое падение цены на нефть породило такое же резкое обесценение рубля. Ставка рефинансирования Центрального банка взлетела с 9,5 до 17,5 процентов за один день. Финансовые потрясения в отдельных странах, сливающиеся в один мировой финансовый кризис — это именно то, что нас ждёт в ближайшие 6-7 лет. Они не могут проходить иначе, как вызывая социальную напряжённость и политические потрясения.

Итогом этого кризиса станет полная дискредитация либерально-демократического капитализма. Мир снова вернется к идеям социализма, отвергнув только ту его часть, которая связана с тоталитаризмом. Однако, на пути к этому вовсе не исключено, что нам на какое-то время придется вновь узреть новое лицо Сталина. Но это будет последний его приход. Генетический код эволюции беспощаден: он требует народовластия и со-

ЦИРКЕС

циальной справедливости. И чем быстрее мы осознаем это, тем вернее нам удастся избежать решения экономических проблем путем массового уничтожения друг друга.

Вопрос о том, что обществоведческие научные дисциплины должны не только описывать и объяснять произошедшие события, но и предсказывать их в будущем, поставлен давно и не нами. Но нами впервые даются методики как этого можно достичь. Как я указывал выше, мы находимся только в начале пути. Усилий одних ученых здесь не достаточно. Необходимо, чтобы власть сменила свои технологии лжи, стремление всюду выдавать желаемое за действительное на трезвый взгляд на те процессы, которые происходят в ее стране, в том числе, и с ее участием, а также задалась вопросом: а куда мы, собственно, идем? К чему стремимся? И ответив на эти вопросы концептуально, озадачилась тем, чтобы выстроить общественно-экономические процессы в нужном русле. Тогда будущее примет черты не только предсказуемого, но и очевидного.

В преддверии намеченной публикации книги с В. Гущиным обменялись своими мнениями. В частности, В. Гущин написал:

«Уважаемый Юрий Григорьевич! Книгу Вашу прочитал с интересом и в итоге убедился, мы оба, хоть и разными путями пришли к одним и тем же выводам. Во-первых, пришла пора, когда ключевым элементом интегрированной системы должен стать человек, «принимающий решения», во-вторых, подход к таким решениям должен быть концептуальным, то есть гносеологически адекватным опыту прошлого и запросам будущего, в-третьих, принимаемые решения должны быть предсказуемыми, то есть заведомо учитывающими неизбежные последствия принимаемых решений. Всё остальное — детали, о которых при случае можно и поговорить, но в сути они вряд ли что смогут поколебать. Еще раз примите искренние поздравления с исключительно умной книгой и мои пожелания дальнейших успехов в будущем». Однако, общение обменом мнениями не закончилось. Мое мнение о его книге изложено в данном Предисловии.

В. В. Гущин, согласившись с моим ключевым выводом, что мир стоит на грани неминуемой катастрофы, предложил свой прогностический взгляд на её коренные причины и возможный исход. Полагаю, читателям и с фактической и методической точки зрения будет интересно сравнить, каким нюансами и особенностями отличаются совпадающие выводы, к которым два исследователя пришли независимо друг от друга. В этой связи, подписав свою авторскую часть Предисловия, передаю слово Виктору Гущину для краткого изложения его позиции по вопросу о политическом будущем России.

Ю.Г.Гельцер

URSS

Итак, слово Виктору ГУЩИНУ.

Все противоречия Современного мира и России в том числе, предопределены сегодня одним общим для всех обстоятельством: будет ли найден адекватный ответ на поставленный наступившей эпохой вопрос о переходе к новой управленческой цивилизации. Перед этой проблемой причины всех других экономических, социальных, политических неурядиц, вплоть до жесточайших кризисов, отошли на задний план.

Прежде содержание сменявших друг друга методов управления во все времена каждая страна предопределяла сама. На свой взгляд, вкус и манер. Пока не наступила эпоха глобализации, поставившая перед человечеством невиданную цивилизационную задачу: найти взаимоприемлемый режим управления сразу для всей планеты, для всех втянутых в систему мирового хозяйства государств и даже корпораций

Выбор на поверку оказался небольшой. Поначалу считалось , что для достижения цели будет достаточно унифицировать доказавшую свою управленческую эффективность рыночную демократию, утвердившуюся в наиболее развитой части мира, прежде всего США и Европы. Однако, очень скоро, особенно после неудавшихся попыток демократического реформирования России, её исключения из состава «Большой Восьмерки», выяснилось, что функционального ресурса для управления всей планетой у демократии явно недостаточно.

Мало этого, сама «демократическая зона» оказалась в полосе постоянных из раза в раз нарастающих и обостряющихся социально-экономических и идейно-политических кризисов, суть которых свидетельствует об исчерпанности управленческого потенциала и неминуемо надвигающейся на весь мир дезорганизационной катастрофы. Тем не менее, западный демократический мир, пока ещё находясь в стадии относительного инерционного благополучия, накопленного за долгие годы опережающего развития, предпочитает отстаивать свои прежние управленческие приоритеты, где-то силой, где-то за счет различных видов давления . Особенно демонстративный характер подобные действия приобрели в связи с украинским кризисом. Если дело так пойдет и дальше, то можно и войны не миновать. Здесь всё будет зависеть от того, как поведет себя Россия. Но об этом чуть ниже.

Глобальный «цивилизационный разлом», дал о себе знать на пороге двадцать первого века, когда опробованные столетиями способы и методы управления ушли в прошлое, а новым, подобно шилу, ещё только предстояло пробиться на свет, как стрелочкам травы из-под асфальта. Стало ясно, что практика принятия решений «от имени», «по поручению», «по доверенности», «в соответствии с предоставленными полномочиями», «в рамках компетенции» и любым иным, так называемым, «представительским способом», то есть кем-то вместо кого-то, свой век отслужила. Она просто вошла в острейшее и пока ещё не проникшее в должной мере в

IIRSS

массовое общественное сознание противоречие с правами, свободами, интересами людей, доставшимися им от природы, что называется, по рождению.

Право принимать решения, следовательно, вся власть как таковая, — ведь её смысл именно в конкретном праве на принятие решений и состоит, — уже в разумно обозримой исторической перспективе будет постепенно сосредоточиваться непосредственно в руках людей, граждан той или иной страны. То, что еще вчера общественным сознанием воспринималось как достоинство, — готовность возложить на себя право принимать решения «вместо других», — сегодня оборачивается вопиющим пороком, посягающим на гражданский суверенитет личности. Даже само понятие «депутат» во многих странах оказалось полностью дискредитированным. Отсюда Площадь Тахрир в Египте, Киевский Майдан на Украине, Болотная площадь в Москве.

Диалектический смысл отказа от демократии состоит вовсе не в замене провозглашенного ею управленческого приоритета большинства, а в закономерном придании этому большинству квалифицированного качества: чем больше заинтересованных людей непосредственно участвует в принятии решений, тем ближе оно оказывается в итоге к оптимальному результату. Математики связывают этот эффект с объективно действующим «Законом больших чисел». Значит, выход надо искать в создании приемов и механизмов, позволяющих каждому человеку непосредственно участвовать в принятии решений. Это только на первый взгляд кажется сложным и обременительным. На самом же деле при нынешнем уровне технологической оснащенности, наладить такую систему принятия решений не составит труда.

Эта «концептуальная идея», почерпнутая из недр неотвратимо действующих математических закономерностей, я так считаю, будет предопределять не только развитие идущей на смену демократии системы «самоуправления», но и научную достоверность любых прогностических взглядов на перспективы политических процессов и вообще нашей жизни в ближайшие десятилетия. Полагаю, их наберется не меньше пяти.

Взгляните на всё, что нас окружает под этим углом зрения, и вы обязательно примете правильное решение. Ведь смысл прогноза и его практическое предназначение состоит не в немедленном предъявлении конечного результата, а в его практическом обеспечении. Пусть по частям, даже по крохам. Работает принятое решение на «самоуправление», — оно правильное и перспективное, — не работает, значит, ошибочное, никуда не годное.

В ответ мне нередко возражают, что в тактическом плане переход к «самоуправлению», в том виде, каким оно мне представляется, пока не созрел, оно еще не обрело конкретных очертаний. Но я ведь и не поднимаю вопрос, что «самоуправление» должно наступить прямо завтра. Речь

ПРЕСС

идет только о том, чтобы четко определиться с направлением движения, о выработке навыков сверять с этим направлением любой свой шаг, любое решение.

Даже самое незначительное. Вспомните Бредбери: любая мелочь, даже гибель мотылька или бабочки у вас под ногами, к которой мы порой ненароком оказываемся причастны, в конечном итоге может предопределить в будущем большую трагедию, вплоть до самой истребительной ядерной войны.

«Самоуправление» не посягает ни на одно из достижений или завоеваний демократии. Оно призывает идти дальше, добиваться большего, ориентирует на достижение целей, составляющих суть вековой мечты людей: самим управлять своей жизнью и жизнью страны. При демократии это стремление остается лишь декларацией, — можете убедиться в этом, заглянув в Статью 3 Конституции России, — при «самоуправлении» торжественно обещанное подлинное народовластие просто обязано воплотиться в жизнь.

Причем, к достижению этих целей по сугубо историческим предпосылкам, накопленному опыту «земского управления», давних традиций «народных сходов», повышенного внимания к перспективным общественным инициативам, Россия стоит ближе, чем любая иная страна. Она же, что не может не вызывать сожаления, вместо того, чтобы в условиях нынешнего глобального цивилизационного кризиса сосредоточить внимание и силы на поисках стратегических вариантов не только собственного, но и мирового развития, склоняется рассматривать происходящие события под углом зрения двух великих разочарований: Цивилизованного Запада — Россией, России — Цивилизованным Западом.

И выхода из возникшего цивилизационного тупика ни та, ни другая сторона не видит, не ищет, не предлагает. Но это не значит, что его не существует. Он есть, только связан с глубоким переосмыслением движущих сил мирового развития, с радикальным преобразованием утвердившейся шкалы ценностей, с переходом к новым методам познания, включая научное прогнозирование общественно-политических и социально-экономических процессов.

Для начала важно понять, что нынешняя борьба между Россией и Западом идет не за победу, даже не за господство, а за мировое лидерство, за пример для подражания, то есть за право выставлять верстовые столбы, предопределяющие движение вперед, за возможность управлять существованием всего остального мира. Раньше такие цели достигались богатством и силой, огнем и мечом. Теперь этого мало. В наступившую эпоху лидерство определяется не материальным, даже не технологическим, а интеллектуальным превосходством.

Сегодня на первое место выходит привлекательность примера, умение предугадывать, что людям окажется по душе, а что будет, если и не с

LIBRUSEC

порога, то в конечном итоге, все равно отвергнуто. На мой взгляд, именно в понимании этого состоит заветная тайна разрешения нынешнего глобального политического кризиса, в котором сошлись в отчаянном соперничестве цивилизованный Запад и путинская Россия. В появлении примера обеспечивающего не размежевание, а консолидацию объективно заинтересованы обе стороны. Но у России явно больше шансов такой пример подать.

На протяжении минувших веков, — девятнадцатого и двадцатого, — сыгравших огромную роль в развитии современной цивилизации, России трижды предоставлялась возможность решительным образом повлиять на судьбы мира. Но всякий раз она уклонялась от этой исторической роли. В двух случаях, после Наполеоновский войн и Первой мировой войны просто переложив ответственность за послевоенное обустройство мира на своих мнимых союзников.

После Второй мировой войны, имея в своем распоряжении все права диктовать условия как главный победитель величайшей планетарной битвы от своих заслуг и завоеваний перед вступлением в XX1 век добровольно отреклась, в том числе в пользу бывших противников, чем неслыханно озадачила всё человечество. В результате даже проигравшие страны в итоге послевоенного переустройства не только сохранили за собой гораздо больше, чем то, на что могли рассчитывать, но и оказались в числе мировых лидерах, как это произошло с Германией и Японией. Зато Россию, если кто и называет сегодня «Великой державой», то исключительно в кавычках.

Вразумительного ответа на вопрос, почему так произошло, нет до сих пор. Большинство исследователей, как зарубежных, так и отечественных, сходятся во мнении, что виной всему врожденная российская безалаберность, не позволяющая стране в решающий момент определиться со своими коренными национальными интересами, неумение сосредоточиться на главном, отсутствие навыков принимать единственно правильные решения, о которых бы впоследствии не приходилось сожалеть. Конкретных примеров на этот счет тьма.

Лично у меня на прошлое России, включая как победы, так и поражения, совершенно иная точка зрения. Дело вовсе не в неумении сосредоточиться на главном, тем более не в отсутствии навыков принятия правильных решений на каждый данный момент. Именно умение сосредоточиваться и наличие навыков принятия правильных решений во все времена предопределяло победы России в решающих битвах и схватках. Их бессмысленно даже перечислять. Важно разгадать иную загадку: почему, одерживая победы и добиваясь недюжинных успехов, Россия действительно постоянно как бы теряла интерес к дальнейшему использованию полученных преимуществ к собственной выгоде.

IPRSS

Разумное, тем более научное, объяснение такому феномену найти, пожалуй, невозможно. Во всяком случае, мне не удалось, если не считать мысли, что Россия в своих поступках и решениях ориентируется скорее не на происходящее, а на грядущее, на тот исторический час, который ещё не пробил. Такое предположение неизбежно выводит на идею об историческом предназначении России, о её цивилизационной миссии, которая далеко не всеми одобряется.

С другой стороны уверен, никто не станет отрицать, что Россия никогда выпавшей ей на долю судьбой, не кичилась. Наоборот, все прекрасно знают, рядиться в идейно-политические и морально-этические одежды с чужого плеча давняя российская традиция. Так в нашей стране вместе с варяжскими князьями Рюриковичами утвердилось династическое самодержавие как форма государственного управления; православие было заимствовано у Византии с целью обретения народами, населявшими страну, нравственной и духовной общности; марксизм и коммунизм пришли на нашу землю в погоне за классовым равенством и социальной справедливостью; за западной демократией и либерализмом пустились в погоню в надежде наконец-то отведать «сладкий вкус свободы».

Не секрет и то, что ни одна из попыток поживиться чужим умом и чужим опытом успехом не увенчалась. Многие Россию, не только на Западе, но и в родном отечестве, за это обвиняют, даже упрекают в генетическом «разгильдяйстве». Я же лично хвалю и даже горжусь. В историческом смысле «работать под дурачка», оказывается очень выгодно и полезно. Таким способом ни то, что десятки лет, сотни веков, невиданные ресурсы удалось сэкономить. А главное, — свое собственное историческое предназначение до урочного часа удалось сохранить, осознать и обрести желание претворить в жизнь. Проблема на сегодняшний день состоит именно в этом.

Все наше художественное, литературное, поэтическое, духовное, нравственное наследие, которое можно постичь скорее душой, чем разумом, ориентировано в завтрашний день, в будущее, на поиск ответов на вопросы «ради чего живем» и «чего же на самом деле хотим». Во всем мире имена и произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна, Б. Пастернака, А. Солженицына популярны вовсе не потому, что все они писали о России, а глубоко задумывались над судьбами людей как таковых. Особенно в контексте будущего.

Не случайно и Ф. Достоевский, выступая на открытии памятника А. Пушкину, прежде всего, обратил внимание на то, что творческая душа великого поэта всегда была обращена в будущее, вдохновлена верой в конечное торжество не просто России, а человеческого разума, о чем свидетельствуют пушкинские слова, высеченные на мраморном пьедестале: «Нет, весь я не умру, Душа в заветной лире, мой прах переживет и тления

избежит, И вечен буду я доколь в подлунном мире, Жив будет хоть один пиит!».

Идея об историческом предназначении России именно как родины народного «самоуправления» не была чужда великим научным умам нашего Отечества. Одно лишь перечисление имен занимает полстраницы. При случае я это обязательно сделаю, а сейчас процитирую лишь В. Вернадского: «Общественная самодеятельность и общественное сознание постепенно будут расширены до масштабов государства заменят его».

На протяжении жизни В. Вернадский говорил это несколько раз. В начале двадцатого века при «царе-батюшке» ближе к середине при Советской власти, по сути, не делая различий между самодержавием и большевиками. Его не волновали тактических различия или особенности тогдашних режимов, он в любой ситуации считал главным четкое осознание самой необходимости достижения цели. Полагаю, он твердо отстаивал бы свою позицию и в условиях нынешнего цивилизационного кризиса управления.

URSS

Кто я и о чем я. Ретро-прогностические этюды

Наконец-то задача, которую передо мной поставили, почти как государственную, — на этот счет летом 1980-го было принято специальное решение Секретариата ЦК КПСС, по тем временам уровень более, чем солидный, никак не меньше Совета Министров СССР, — решена. О чем и сообщаю теперь при каждом удобном случае, чуть ли ни на каждом углу, даже при минимальном скоплении народа. Речь идет о предъявлении в обобщенном и кодифицированном виде, много раз проверенной, не давшей за последние четверть века ни одного сбоя, не допустившей ни одной существенной ошибки, — я даю возможность убедиться в этом документально, — **практической методики научного прогнозирования политических процессов.**

Не стану лукавить, был бы вполне удовлетворён, даже счастлив, если бы пройдя проверку временем, получив заслуженное общественное признание вышепоименованная методика, **(если не получит, то и говорить не о чем)**, вошла в терминологический обиход теории и практики научного предвидения как **«Прогностический Кодекс Виктора Гущина»**, как это, к примеру, произошло со знаменитой периодической таблицей Менделеева.

В конце концов, не стал бы возражать и против сравнения выработанной мной прогностической методики с получившими в последние годы скандальную известность **«Окнами возможностей Джозефа Овертона»**. Во всяком случае, концепция американского политтехнолога Дж. Овертона фактически на сто процентов, местами даже терминологически, совпадает со всеми критериями, связанными с содержанием **«принципа прогностической градации».**

Теперь, опираясь на опыт проделанной за долгие годы работы, я исхожу из того, что прогноз, это не какое-то непостижимое таинство, а вполне доступное каждому человеку умение делать правильные логические выводы из закономерной последовательности действий и событий. Для того, чтобы обрести такой навык, нужно не столько много знать, сколько внимательно наблюдать и фиксировать. К примеру, как это делал известный литературный остроумец Козьма Прутков, говоривший: «Щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом».

Жизнь так устроена, что объективные законы действуют как бы сами по себе, независимо от того, знают люди об их существовании или нет. Веками до открытия ключевых законов природы яблоки падали на головы

URSS

людей, а вода выплёскивалась из купальных чанов, пока Ньютоном и Архимедом не были сформулированы известнейшие научные закономерности о всемирном тяготении и определении массы тела, погружённого в жидкость.

Да и в знаменитой периодической таблице Д. Менделеева, ставшей величайшим научным открытием системного характера, не было ничего нового даже для самого захудалого школяра самой заурядной гимназии. Подумаешь, удельный вес?! Подумаешь, валентность?! Кто этого не знает! И Ньютон, и Архимед, и Менделеев, как и любой выдающийся учёный, причастный к научным открытиям, никогда не посягали на вообще неведомое и непостижимое.

Такие случаи крайне редки и к процессу научного познания вообще никакого отношения не имеют. На самом деле, любое «открытие» — это, прежде всего, приведение уже накопленных знаний в закономерный порядок, создающий не только возможность зафиксировать сам факт, но и проникнуть в суть происходящего, а следом и предстоящего развития событий.

Эту истину совершенно гениально сформулировал французский драматург Мольер, устами одного из самых знаменитых, хотя и незадачливых, героев: **«Надо же, я и не знал, что всю жизнь разговариваю прозой».** На бытовом уровне действие объективных закономерностей предопределено самой природой. Люди во всю ими пользуются, даже не подозревая, какая величайшая мудрость скрывается за их, казалось бы, обыденными устремлениями и поступками, заведомо не имеющими никакого отношения к науке.

До тех пор, пока не находится кто-нибудь, кто берётся смысл происходящего расшифровать, сформулировать, представить на общий суд. И тут же в ответ, как правило, слышит: «Ну, кто же этого не знает. Мы и так всю жизнь пользуемся методикой научного прогнозирования». Спасает только то, что **до меня сформулированных, кодифицированных, приведённых в систему ключевых позиций практической прогностической методики никто не предъявлял, её продуктивность на практических примерах не демонстрировал, а достоверность собственных суждений не обосновывал и не доказывал.**

Сбылось, значит, научно, тут и доказывать нечего. На этой точке зрения настаивал даже такой выдающийся мыслитель как К. Маркс: «Сбывшийся прогноз, это наивысший сертификат научности», не раз говорил он.

Я же, не посягая на чьи-либо заслуги, чужие авторитеты и приоритеты, не противопоставляя свои взгляды кому-либо еще, совершаю попытку предъявить любому заинтересованному вниманию авторскую кодифицированную формулу научного предвидения в её математическом подобии: **«1 к.п.и.» + «5 к.п.п.». = Р(А).** Формула, конечно же, условная, в данном случае употребленная скорее для иллюстративной наглядности, чем прак-

Library

тического применения. Хотя, в конечном итоге, для достижения именно этой цели и предназначена.

В самом общем вине выше приведенная формула может быть расшифрована так: **«1 к.п.и.» — концептуальная прогностическая идея,** лежащая в основе любого осуществившегося научно обоснованного прогноза. **«5 к.п.п.» — пять ключевых прогностических принципов.** Перечисляю все пять: **прогностического предназначения, прогностической градации, прогностической интуиции, прогностической альтернативы, прогностической регистрации. (**Подробнее о каждом из принципов в специально посвященных развитию этой темы разделе книги «**Всё, что достижимо, должно быть постижимо.**»).

Заключительные два символа, (Р/А), призваны обозначить степень вероятности практической реализации научного прогноза, взятые в соотношении суммы предъявленных прогнозов (Символ Р) к числу прогнозов практически осуществившихся (Символ А). Она же позволяет определить, если потребуется, коэффициент прогностической квалификации эксперта или исследователя. Действуя по этой формуле, мне удалось доказать, что предъявляемый методологический подход продуктивно работает, как минимум на трех основных уровнях — событийном, персональном, проблемном.

Событийный уровень. Августовский Путч 1991-го года был предсказан и названо имя его главаря за восемь месяцев до того, как на самом деле случился. М. Горбачевым этот факт был зафиксирован, но для предотвращения Путча не использован. В одном из разделов книги рассказано почему. Вопрос о необходимости отмены губернаторских выборов, причем, в самой категорической форме, был поднят еще до прихода В. Путина к власти, в 1999-ом, то есть за пять лет до того, как это произошло.

В 1997-ом году мной была сформулирована рабочая прогностическая идея **о трех семилетних циклах реформирования России**[1]. Двух разрушительных, **«первый»,** с 1985-го по 1991-й, когда мы «крушили» идейно-политические основы того общества, в котором до этого жили; «**второй»**, — с 1991-го по 1998-й, когда «разносили в пыль» его социально-экономический «базис». **«Третья»** реформационная «семилетка», с 1998-го по 2005-й, которой, еще только предстояло последовать, была охарактеризована как **«имитационная».** Её основное предназначение состояло лишь в том, чтобы развитие событий в стране наконец-то «устаканилось» или хоть как-то осела, поднятая революционными либерально-демократическими «преобразованиями», пыль.

«М.С.» ответил, чтоб присылал, но ознакомится с рукописью чуть позже, поскольку в то время не находился в Москве.[i] Делая такой «прогностический вывод», я руководствовался исключительно прагматическим

[1] См. Еженедельник «ВЕК», № 44, 1997 г.

соображением: из двух бульдозеров, отработавших своё, даже одного «подъёмного крана» не соорудить. Вот и придется будущему президенту России, говорил я уже тогда, лишь делать вид, что он что-то решает, кем-то управляет. К конкретным действиям по **«стабилизации»** идейно-политической и социально-экономической ситуации в стране предстояло перейти не ранее второго президентского срока, зато просчитанного лет на 10–15 вперед, примерно до 2015–17 года.

В книге **«Я знаю Who is Putin & что есть Россия»**, вышедшей в свет в 2005-м, главу о Путине, которому еще предстояло впереди три года президентствовать, я так и назвал: **«Исторический приговор: семь лет имитации».** Год восьмой из числа президентско-регламентных «отводился» на **подготовку к переходу от имитационного семилетнего цикла к утилитарно-прагматическому авторитарному режиму,** сроки которому предстояло исчислять уже из других идейно-политических и социально-экономических соображений.

В этот период на смену всем предыдущим реформаторским усилиям должны были прийти достаточно жесткие меры по наведению в стране элементарного порядка. Весь политический сценарий реализации этого прогноза был в деталях прописан в работе **«Что, как и почему после Путина»,** специально заказанной для публикации в презентационном сборнике, (весом около 4-х кг, в золоченой суперобложке, «упакованном» в подарочный кожаный кейс), которым одаривали зарубежных участников инаугурации, избранного в 2008-м году на президентский пост Д. Медведева.

На всякий случай, для дополнительной информации привожу некоторые сведения, почерпнутые из выходных данных книги: **«Москва. 2008 г. «Россия восемь лет с Путиным». Институт Изучения реформ и предпринимательства. Научное издание. Руководитель проекта, автор, составитель О. Л. Климашевская выражает благодарность за предоставленные материалы Пресс-службе Президента Российской Федерации…»**

Странная, все-таки, Россия страна, достойная наследница Византии. Избирают в президенты одного, а празднично «величают», совершенно другого. Правда, желающие понять «почему», могли тут же найти на этот вопрос исчерпывающий ответ: чтобы скоротать время для возвращения В. Путина в 2012 году в президентское кресло, без особой нужды не насилуя Российскую Конституцию[2]. Вот уж действительно, одним умом Россию не понять. Только двумя…

О скором создании **Общероссийского Народного Фронта,** которому ещё только предстоит по-настоящему проявить себя, я завёл речь ещё в 2010-м, за два года до фактического появления этой организации на свет.

[2] См. Сборник «Россия восемь лет с Путиным». М., 2008, с. 162.

ИРСО

Считаю, что созданная по инициативе В. Путина, общенародная организация может сыграть в новейшей истории России исключительно важную роль, если удастся реализовать заложенный в ней организационный и идейно-политический потенциал.

Персональный уровень. Личные и политические судьбы М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина как глав государства на протяжении двадцати лет находились в центре моего прогностического внимания. За это время в посвященных им публикациях ни разу не было неадекватных оценок, а в ключевые моменты своих биографий, — М. Горбачев в 1991-м, Б. Ельцин в 1996-м, В. Путин в 1999-м, 2005-м, и 2014-м, — получили, правда, без особой огласки, в свое распоряжение сведения, проливавшие свет на их обозримое будущее.

И здесь дело тоже обошлось без ошибок. Именно это обстоятельство и позволило мне сегодня присовокупить на случай публичных презентаций книги к её названию еще подзаголовок — **«Записки «тайного советника» трех президентов».** В моей Трудовой книжке на этот счет имеется даже схожая официальная запись: **«Государственный Советник Российской Федерации».** Этот должностной ранг практически соответствует тому служебному званию, которое в далекие прежние времена обозначалось термином «тайный».

В случае Горбачевым мои аналитическо-прогностические усилия были удостоены тройной благодарности. Один раз за предупреждение о нависшей августовской угрозе, второй, — за прямое предотвращение еще одной рукотворной беды, — защиту от заготовленных нападок тогдашнего Конституционного суда[3], третий, за самую адекватную и глубокую оценку событий Августа 1991-го года и анализ причин развала Советского Союза, той роли, которая в связи с этим выпала на долю Горбачева. **(Аудиозапись с этой оценкой у меня «конфисковала» супруга под предлогом, если «понадобится, в своих циклопических бумажных завалах не найдешь», — *В. Г.*).**

В истории отношений с Ельциным тоже были эпизоды, вполне заслуживающие благодарности, в одном случае за действительную поддержку, избавившую его от очень и очень крупных неприятностей. В двух других, я был вправе рассчитывать, если не на благодарность, то хотя бы на правильное понимание. Речь шла о моих искренних попытках помочь не столько ему, сколько стране, однажды с его участием, в другой раз, в связи с ним, но без его участия. В обоих случаях моими рекомендациями Б. Ельцин пренебрег, хотя, не исключаю, впоследствии жалел об этом.

Наиболее интересно сложились контакты с В. Путиным, по сути дела, протекающие вплоть до сих пор в сугубо детективном ключе. Мы с ним в «живую» практически не встречались, но информацией обменивались ак-

[3] См. «Московские новости», В. Гущин, «Горбигейт без Горбачева», № 41, октябрь 1992 г.

URSS

тивно и регулярно в режиме «Алекс — Юстасу», «Юстас — Алексу». Причем, как и положено, только в прямом радио-телеэфире. Не оставляя следов.

Все, наверное, догадались, это происходило с подачи и по инициативе самого В. Путина. Я бы до такой формы общения никогда не додумался. Но не стану лукавить, мне понравилось. Бодрит, знаете ли. Как игра Холмса с доктором Ватсоном в демонстрацию метода аналитической дедукции. Вот только бы не ошибиться кто из нас Ватсон, кто Холмс. Но об этом чуть позже, в специально посвященном этой теме сюжете.

Политические судьбы **М. Горбачева, Б. Ельцина и В. Путина** пронизывает сквозная общая нить: все они пришли к власти «по зову времени» по его же «зову» и уходят, с той лишь разницей, что у М. Горбачева и Б. Ельцина сроки их «ухода» были заранее предопределены, — и тому и другому были отведены семь предначертанных лет, — у В. Путина сохранялся шанс «пойти поперек судьбы». Если бы ему удалось не «примириться» со своим наследственным «политическим предназначением», не продолжить общую для всех троих «линию жизни», а открыть совершенно новую страницу в истории страны.

В. Путин вплотную подошел к этому рубежу, но переступить через него сил так и не нашел. Во всяком случае, пока…А сделать-то нужно, по сути дела, простую вещь — во имя сохранения власти возглавить движение за её ликвидацию. Переход от одной, исчерпавшей себя системы управления, к другой, идущей ей на смену, в историческом смысле, абсолютно всегда осуществляется именно в таком ключе. Смешно об этом напоминать, но объективная логика именно такого развития событий предписана даже самой Конституцией России, Статьей 3, пунктом 1-м. Вдумайтесь в содержание этой статьи тщательно и сами поймете, куда нам и стране самой судьбой предписано двигаться дальше.

Проблемный уровень. Под знаком концептуальной прогностической идеи, сформулированной в 1997-ом году, были рассмотрены важнейшие проблемы, волнующие российское общественное мнение по сей день. Это — **«Несколько откровенных тезисов о так называемой «Национальной идее»**[4]**.** Это — **«Бороться надо не за власть, а с властью».** О содержании и основных направлениях консолидации российского протестного общественного движения[5]. В настоящее время в активной разработке находится авторский прогностический Проект **«От самодержавия к «самоуправлению». Минуя демократию»** (*Проект был презентован на Международной научно-практической Конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», прошедшей 19–20 декабря 2013 года в Москве под эгидой Президиума Российской Академии Наук*.).

[4] См. Прогностический сборник «Глас вопиющего…», с. 188–216.

[5] См. «Я знаю Who is Putin & что есть Россия», с. 295–318.

URSS

До недавнего времени объем моей экспертно-авторской практики составляли четыре прогностических сборника. Первый, **«Пророков нет…»** вышел в 1994-ом году, через пять лет, в 1999-ом, второй, — **«Глас вопиющего»,** в 2004-ом отдельной брошюрой под эгидой «Международного экспертного Совета по борьбе с терроризмом и нарко-угрозой» были изданы мои выступления по проблемам международного терроризма **«Не будет покоя пока жив Джавдет»,** в 2005-ом увидела свет книга **«Я знаю Who is Putin & что есть Россия».**

Завершением книжного цикла прогностических публикаций и стал как раз универсально-методический труд **«Умение предвидеть. Как этому научиться»,** что, на самом деле, только и открыло возможность заговорить о применении практической методики научного прогнозирования в доказательном ключе. Любые системные открытия, если говорить о науке, происходят исключительно благодаря появлению новой методики.

Особенно красноречиво это можно продемонстрировать на медицинском примере: в этой благороднейшей сфере человеческой деятельности все начиналось с того, что древние эскулапы выслушивали дыхание и сердечные ритмы пациентов собственными ушами; затем появилась так называемая «докторская трубка»; следом «стетоскоп»; затем «рентген» и «кардиограф»; в наши дни «компьютерная» и «магнитно-резонансная» томография. И сколько открытий было сделано на этом пути! Сегодня речь уже идет об обеспечении человеку бессмертия к 2050-му году. Если, конечно, сам пожелает, что совершенно не факт…

И все это благодаря появлению новых, более совершенных методов исследования. Такое происходит не только в медицине, но и в других областях человеческой деятельности и научного знания. Не стану утверждать, что эта мысль посетила меня сразу, как только начал работать. Вовсе нет, это уже результат накопленных знаний и опыта, если хотите, даже итог прожитой жизни…

Сейчас же коснусь только главного: любое, обладающее научной достоверностью доказательство, обязательно должно исходить из надежных источников получения знаний, испытанных временем в пределах контрольного прогнозируемого пространства. Минимально такое пространство, опираясь на личный опыт, я исчисляю сроком в сорок лет, из которых двадцать приходятся на долю лет «минувших», то есть лежащих в основе прогноза, — на них он опирается, в смысле выявленных тенденций и закономерностей, — и примерно столько же «грядущих», то есть посягающих на «будущее».

И в том и другом случае двадцать лет необходимы для обеспечения достоверности. Если прогноз исходит из оценок «двадцатилетней выдержки», ему обеспечена историческая достоверность. О достоверности прогностической появляется возможность говорить только по истечении очередных контрольных двадцати лет. Как правило, после такого срока в

отношении сути событий оценки меняются редко, и уж если осуществившийся прогноз вышел на этот рубеж без дополнительных корректировок, можно утверждать, что его основа была научно достоверной. У посягательств на будущее в момент появления на свет вообще никакой достоверной основы, кроме выявленных закономерностей, в которые все равно никто не верит, быть не может.

В этом смысле Россия, обретшая независимость и суверенитет лишь в 1993-ем году сразу оказалась как бы в «мертвой прогностической зоне». **Ей не на что было опереться в прошлом, оно годилось только для подведения итогов. Ей, не на что было ориентироваться в будущем. Было совершенно неясно, что себя на практике оправдает, а что вообще не приживется. Осознание именно этого обстоятельства и подсказало мне мысль переключиться с традиционно событийного научного прогнозирования на экспериментально-методологическое, на мой взгляд, очень перспективное, но исключительно трудоемкое.**

Ведь мало того, что приходилось начинать с нуля, не было никаких гарантий, что закладываемая в обеспечение научной достоверности прогностическая методика себя оправдает. Первоначально она строилась, что называется, по наитию, а это очень ненадежная база. Насколько могу судить, никто из моих коллег за такую работу не взялся. И я их понимаю.

Прогностический час **«Х»** для России в научном смысле маячил где-то далеко впереди. Но к нему нужно было готовиться. В новых условиях по личной инициативе за такую подготовку никто не взялся. Нужно было себя и семью кормить, служебно-житейский статус обеспечивать. Пришлось самого себя «расчленить» на два части. В одной жизни деньги, регалии, должности и профессиональный авторитет зарабатывать, в другой, — обеспечению увлекшей меня научной идеи предаваться. Меня к этому вынудило исключительное стечение обстоятельств и некоторые особенности личного характера, приписываемые людям, родившимся под знаком Овна.

Единственной удачей с того времени и по сей день считаю пришедшую мне в голову плодотворную идею «наладить» аналитическо-прогностический мониторинг происходящих событий и сделанных выводов под углом зрения последующего сравнительного контроля с реальным ходом развития политический процессов. Вообще-то, решение такой задачи не под силу одиночке, но эта здравая мысль в ту пору, к счастью, в голову почему-то не пришла. И вот результат.

Сегодня я готов представить любому заинтересованному вниманию проделанную работу с учетом как раз тех требований, которые, с моей точки зрения, должны предъявляться к достоверному научному прогнозу. А эти требования сводятся в основном не столько к предъявлению неопровержимых фактов, сколько к демонстрации заведомо сформулированных причин и конкретных особенностей произошедшего. В структурном отношении я подразделяю накопленный

UPRSS

таким образом прогностический опыт на три составные части, последовательно связанные друг с другом.

Во-первых, я заведомо исхожу из того, что политика, как и всякая иная сфера деятельности, неразрывно связана с наукой, которая предопределяет её результативность.

Во-вторых, результативность в свою очередь, напрямую зависит от умелого владения концептуальными основами научного прогнозирования, доказавшими свою эффективность на практике.

В-третьих, первые две позиции получают свое концентрированное выражение, в третьей, именуемой **«коэффициентом экспертной квалификации».** Если не вообще как таковой, то, по крайней мере, в её прогностической составляющей.

Скажу абсолютно честно, до самого последнего момента я сам глубоко сомневался, что поставленная цель вообще может быть достигнута, если бы не стимулирующая роль бывшей супруги: ***«Что ты всё бубнишь, зануда! Вечно всем и всеми недоволен. Надоело! Одно не так, другое не этак. Можешь толково и внятно объяснить, что и как надо делать?! Можешь, напиши. Готова помочь, а то осточертел своим вечным брюзжанием и назиданиями».***

Перед таким дерзким вызовом устоять было невозможно! Все-таки женщины обладают, от природы что ли, великим умением человека за живое задеть. Всё, что только могло на произнесенные слова отреагировать, встало дыбом! Записывай, говорю, едва разжав зубы. За две-три дачные недели лета 2011 года книгу надиктовал. Позвонил Горбачеву, спросил, не желает ли взглянуть на черновой, еще не выправленный текст. Наглость, конечно, но так было…

«М.С.» ответил, что в данный момент он вне Москвы, как только вернется, перезвонит. Дней через десять перезвонил, жена свидетель, но к тому моменту, уже «надиктованное» успел сам просмотреть и пришел в ужас: в таком виде вообще никому показывать работу категорически нельзя. Это не больше, чем «черновые наброски», над которыми надо еще работать и работать. Но, с другой стороны, было ясно, работать есть над чем. Концептуально, структурно, проблемно, по фактуре, книжка складывалась.

К 2012-му году весь эмпирический материал, весь опыт, накопленный за двадцать лет, был обобщен, подытожен, разложен «по полочкам», как вещественные доказательства в знаменитом фильме о **«Деле № 306».** Хотя складывался этот творческий «багаж» по сути дела спонтанно, без далеко идущих и заранее заданных целей. Просто как профессиональный журналист взял за правило откликаться на актуальные политические события. Зато теперь всё сложилось в стройную систему взглядов: смотрите, анализируйте, сравнивайте, опровергайте, предлагайте свои версии и методики, прогнозируйте, учитесь принимать правильные решения.

IPRS

В результате на сегодняшний день я обладаю перед всеми своими коллегами политическими экспертами, как отечественными, так и зарубежными, решающим преимуществом: практически любому событию, вплоть до самых сенсационных из них, я в состоянии противопоставить предопределяющий его появление на свет научный прогноз во всех его мыслимых аналитических ипостасях. Начиная с момента политического зачатия и заканчивая подведением итогов. Для начала ограничусь всего лишь одним, зато самым свежим примером.

16 ноября 2014 года, то есть в те самые дни, когда рукопись книги уже находилась в издательстве, В. Путин в интервью немецкой телевизионной кампании ARD поставил в один ряд события, связанные с обретением самостоятельности Республикой Косово, прежде входившей в состав Сербии, и Республикой Крым, решившей отделиться от Украины и присоединиться к России.

При этом В. Путин выразил недоумение, почему страны Запада в первом случае расценивают возникновение независимой Республики Косово как событие закономерное и правомерное, а во втором, в истории с Крымом, как недопустимое, идущее в разрез с нормами международного права.

Сказанное прозвучало, как прямой упрек странам Запада, но на самом-то деле, это было честным признанием собственной крупной политической ошибки России, с самого начала расценившей стремление албанского населения, составлявшее в Косово большинство, к обретению независимости и самостоятельности как сепаратистское и по этой причине как неприемлемое, недопустимое, не заслуживающее международного признания. Чего, кстати, Россия официально не сделала до сих пор.

Хотя, если ориентироваться не на позицию МИДа России, а на слова В. Путина, для непризнания нет никаких оснований. Ведь события в Крыму, на что обратил внимание сам же Президент, развивались по схожему политическому сценарию, что и в Косово. Крым мы признали, более того, удовлетворили желание граждан республики присоединиться к России, следовательно, нет оснований и для дипломатического непризнания Косово.

На мой взгляд, ответственность за дипломатическую блокаду Крыма по сути дела лежит не на Западе, а на России. Принимая то или иное политическое решение, следует исходить не из формальных соображений, почерпнутых из опыта прошлого, а уметь предвидеть и предотвращать неизбежные негативные последствия, которые принятое решение может принести в будущем. В истории с Крымом мы лишь пожинаем политический урожай, нами же посеянный осенью 2008-го в Косово.

Да и Сербии в итоге, не столько помогли, сколько навредили. В 2014-м перспектива вступления Республики в ЕС была поставлена в зависимость от присоединения к санкциям против России. С утратой Косово, превратившегося к этому времени в «отрезанный ломоть», уже смирилась, а

URSS

дальнейшее развитие в силу объективных причин оказалось жестко привязанным к участию в процессах европейской интеграции.

В результате Сербия оказалась перед жесточайшим выборам, которому не позавидуешь: либо предать кровных братьев и союзников, либо отказаться от участия в европейской интеграции, жизненно важной для дальнейшего развития Республики. Выходит, непризнание Косово ни самой Сербии на пользу не пошло, ни Россию от грядущих неприятностей не избавило. Как подтвердило время: обеим сторонам было бы лучше, если бы Россия образование независимой Республики Косово, пусть с необходимыми оговорками, признала.

Мысль о том, что Россия, под воздействием объективных факторов сама неизбежно придет к такому политическому выводу, я высказал отнюдь не сегодня. Она была обоснована еще **в 2008-ом году в материале «Пора определиться», опубликованном в сентябрьском номере журнала «Боевое братство»,** редакция которого попросила меня и еще двух политических экспертов, — В. Никонова и Г. Павловского, — дать оценку причинам и последствиям, разразившегося в ту пору вооруженного конфликта в Южной Осетии с участием России.

Полагаю, напечатанный в журнале текст имеет смысл воспроизвести полностью. Это очень важно, прежде всего, с методологической точки зрения. Мне давно из личного опыта стало ясно: порой для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на, казалось бы, частный, даже мелкий вопрос, вскрывать приходится глубинные исторические пласты. Конфликт в Южной Осетии пример сугубо конкретный, но его подоплека, а главное, — последствия, еще не утратили своего значения. И ещё долго не утратят. С этого соображения статья в **«Боевом братстве»** и начиналась. Читайте сами. Аргументы, в ней содержащиеся, на мой взгляд, еще не раз пригодятся.

«Если оставить за пределами оценок того, что уже произошло и еще будет происходить в Южной Осетии и в связи с ней, эмоциональные морально-нравственные параметры, которые на первый взгляд могут выглядеть не только правильными и справедливыми, но даже благородными, ответа на вопрос о причинах, сути, а главное — ответственности за то, что случилось, мы не получим. Этот ответ нужно искать в изъянах политического мышления руководства страны, имея в виду не какие-то конкретные имена и персоны, а весь идейно-политический истэблишмент, который вот уже 15 лет кряду не может выработать концепцию стратегического развития страны, включая его внешнеполитические и военные компоненты.

Южноосетинскую трагедию надо воспринимать не изолированно, как региональную проблему, а в качестве проявления набирающих силу глобальных политических процессов, за которыми мы мало того, что не поспеваем, так нередко еще и действуем им — этим процессам — в пику.

UPSS

Именно по этой причине 15 лет назад мы потеряли страну, более того — великую державу, что объективно не было связано с осуществлением демократических преобразований даже в самых радикальных формах. Просто над соображениями сохранения страны возобладало стремление к суверенизации каждой из составляющих ее частей под руководством отдельного вождя, из числа бывших партийных бонз. Расплата за это была очень тяжелой, по сути сопоставимой с последствиями третьей мировой войны, которую Россия проиграла, даже не заметив как.

Затем мы не сумели сохранить в зоне своего влияния бывших союзников по братскому Варшавскому договору. Едва мы пошатнулись, как бывшие союзники незамедлительно переметнулись в стан общего потенциального противника. Они сделали это вовсе не по соображениям того, что испугались нападения или военно-политического давления со стороны России. Просто мы не предоставили им ни одного убедительного примера решения хоть какой-нибудь из проблем, возникших перед страной. От сильных — не бегут, а слабых не боятся.

Россия не нашла способа помочь федеративной Югославии уберечься от распада, а затем не нашла способа предотвратить расчленение братской по крови и вере Сербии. Безуспешными оказались наши попытки предотвратить расширение американской системы ПРО, вплоть до размещения ее компонентов в непосредственной близости от наших границ. Мы не сумели доказать мировому общественному мнению, что все рассуждения о необходимости создания глобальной системы ПРО — пропагандистский блеф. Какая может быть система глобальной обороны, когда не существует угрозы глобального ракетного нападения, если в качестве потенциального агрессора не считать Россию?!

Иран, что ли?! Или Северная Корея?! США и НАТО по адресу нашей страны никаких упреков в подготовке глобального ракетного удара не бросают. Следовательно, и это надо понимать, «глобальная оборона» не может быть ничем иным, как неотъемлемой частью системы «глобального нападения», которую упорно и целенаправленно выстраивают США.

И, наконец, конкретно Южная Осетия. Здесь в глазах мирового общественного мнения мы напоролись на то, за что боролись в Косово, где до последнего настаивали на соблюдении принципа сохранения территориальной целостности, которую сама Сербия обеспечить уже не могла, хотя действовать с учетом перспектив решения проблем с непризнанными республиками на территории бывшего Советского Союза — Южной Осетии, Абхазии, Приднестровской Республики, — нужно было совершенно иначе.

Вообще клятвы в верности международному праву как таковому, о чем от российских руководителей в эти дни мы слышим на каждом шагу, нонсенс. На самом деле единого международного права не существует, точнее давно себя исчерпало. Оно в целом и в каждой из своих частей

носит диалектический характер, когда в одних случаях на первое место выходят одни требования, в других — совершенно иные. Бывает, прямо противоположные.

К примеру, так, как противостоят друг другу в международном праве принципы сохранения территориальной целостности и право наций на самоопределение. Это дает возможность разумной политике, осознающей интересы страны, в одних случаях делать ставку на принцип самоопределения, в других — на обеспечение территориальной целостности. США действовали в Косово, ориентируясь на принцип права народов на самоопределение, а сегодня в случае с Южной Осетией, — на принцип обеспечения территориальной целостности. Хотя в обоих случаях руководствовались лишь собственными интересами.

Чтобы впредь не ошибаться в поисках правильного выбора, не мешает хотя бы из любви к формальному соблюдению воспользоваться ещё одним принципом, а, именно, принципам соблюдения принципов: они действуют в практической политике только до тех пор, пока отвечают требованиям реальной обстановки и соображениям целесообразности, связанным с обеспечением национальных интересов страны.

Не сумев правильно определиться по этому вопросу во время косовского прецедента, ныне Россия в глазах мирового общественного мнения действительно выглядит виноватой, поскольку сама же многократно и во всеуслышание заверяла, что твердо будет придерживаться принципа сохранения территориальной целостности, что, применительно к ситуации в Южной Осетии по понятиям международного права, исключало российское противодействие Грузии регулярными вооруженными силами в лице 58-й армии, десантно-авиационных подразделений и кораблей Черноморского военно-морского флота.

Согласитесь, одно дело — выступать защитником принципа самоопределения, если об этом оповещено заранее, и другое — непрошеным защитником территории, которую мы сами признавали неотъемлемой частью Грузии. В результате мы попали по собственной вине в незавидное положение человека, оказавшегося перед суровым обвинением в превышении мер необходимой обороны. Вот уж действительно: глупость до цугундера (тюрьмы) доведет.

Когда я употребляю термины «потребление» и «выживание», то я вкладываю в них не утилитарно-бытовой смысл, а их стратегическое значение, находящее проявление применительно к глобализации в действиях таких стран, как США, стран Объединенной Европы и Япония, а в случае с антиглобализмом — как Китая, Индии, Бразилии, Венесуэлы.

На чью сторону в этом глобальном историческом противоборстве встать, мы еще не решили. Российскую элиту тянет к потребителям, основную массу граждан страны — к обеспечению достойных условий

URSS

существования. Если встать на сторону глобалистов, то действовать нужно одними способами и методами, а если на сторону их противников, совершенно другим. Это касается как проблем самой большой политики, так и малых. До тех пор, пока мы не определимся, с нами будут поступать соответствующим образом не только такие могучие страны, как США, но и их потешные союзники, вроде Грузии и ей подобных». (Сегодня в этот перечень я добавил бы еще и Украину, — В.Г.).

Предъявленный материал по сути дела представляет собой модель, по которой выстроены все прогностические публикации, вошедшие в книгу в качестве Приложений. В них присутствует всё, от истоков до итогов, что дает полное право каждому заинтересованному читателю самому судить об исследовательской работоспособности и прогностической продуктивности предлагаемой методики, как инструмента принятия правильных решений.

На мой взгляд, о более продуктивной, более полезной, более необходимой каждому любознательному человеку книге, именно в качестве «настольной», способной дать ответ на любой политический вопрос, в том числе, (точнее, скорее всего), именно на те, от которых зависит наша повседневная жизнь, трудно даже мечтать. А тут вдруг, бери и пользуйся, как рецептами из знаменитого фолианта «О вкусной и здоровой пище». Я не раз, чтобы от работы над ней не отвлекаться, от миллионных заработков в валюте отказывался. И ничуть не жалею.

Завершенная книга стоит гораздо больше, чем вообще можно заработать. Она принесла удовлетворение решением сложнейшей задачи. Как доказательство теоремы Пуанкаре Г. Перельману. В Москве, на доме № 101 по Проспекту мира в 2006 году в связи с одним из таких эпизодов была установлена трафаретная таблица о будто бы открывшемся в этом здании информационно-прогностического Центра под названием «Четвертая власть».

Полагаю, по горькой иронии судьбы, открыться уже подготовленному в полном объеме к этой торжественной процедуре прогностическому Центру по причине «непредвиденных» обстоятельств, было не суждено. Зато офисная вывеска, по совершенно непонятным причинам, осталась на прежнем месте. Не иначе, как в «мемориальных целях».

Любой кризис разрешить, из любого тупика выйти можно, только научившись принимать правильные решения. Я это умею, десятки, а, может, сотни, раз доказывал, (давно перестал считать), что в личной жизни, что в общественной, что в государственной. Если хотите, даже планетарной. Любой заинтересованный читатель книги может в этом убедиться, стоит лишь перелистать материалы, содержащиеся в **Приложении.**

Кстати, о Приложениях. Они в данной книге играют практически самостоятельную, а не сопутствующую роль. Прогнозирование — дело, конечно, благородное, но лукавое. При умелом владении прогно-

URSS

стическими навыками можно из одной и той же публикации надёргать цитат на любую потребу. Их, в качестве «версий», при определенном умении можно заложить в прогностический контрольный текст сколько угодно. Выбирай не хочу. Хотите во здравие, хотите — за упокой. Вырванным из контекста цитатам я не доверяю, пока не ознакомлюсь с полным текстом прогностической публикации.

Поэтому в книге, где автор не ставит задачи удивить читателя собственной прозорливостью, а стремится пробудить интерес к самому процессу научного предвидения, Приложения служат конкретной доказательной базой, что в книге нет прогностического лукавства. При попытке овладеть методикой научного прогнозирования, это надо знать.

В одном из приведенных в Приложении материалов присутствует фрагмент, на который с некоторых пор обязательно обращаю внимание: «*В основе все мои прогнозы «альтернативные», они всегда были рассчитаны не на реализацию, а предотвращение того, что «предвиделось». Поэтому так тщательно в них прописывались предпосылки грядущего развития событий. Ни в одном из них я не хотел, чтобы «предсказанное», не дай Бог, осуществилось. Наоборот, содержательным стержнем в нем всегда были рекомендации по его предотвращению. Сбывались же они по одной простой причине: к сказанному ни власти, ни страна, ни коллеги не пожелали прислушаться.*

Мы всегда вместо предотвращения реально предсказуемых бед, предпочитаем гоняться за розовыми благоглупостями. Если и сейчас не сумею придать свои «прогностические соображения» огласке, а вероятность этого весьма велика, — в моих «соображениях» скорее всего опять увидят «спекуляции» или «провокации», оскорбительные для В. Путина и для страны, — придется сказать: «неча на зрцадло (зеркало) пенять», на себя оборотитесь. Вас предупреждали, вы не вняли. Так причем здесь я, мои «спекуляции» или «провокации». Любую беду мы всегда создаем своими руками. Так, причем здесь, повторяю, я, со своими прогностическими соображениями, будто бы «накликивающими» беду». ***(Подробнее об этом ещё пойдет речь в разделе «Принцип прогностической альтернативы, В. Г.)***

Но это как бы о каждом предшествующем, отдельно взятом прогнозе. Теперь представьте, каким **негативным прогностическим потенциалом заряжена вся книга,** из которой следует, что наша страна вот уже около 150-ти лет, и при самодержавии, и при коммунистах, и при либерал-демократах, и при нынешнем путинском авторитаризме, находясь временами, казалось бы, в процессе самого бурного развития, при двух мировых войнах и нескольких революциях, в историческом смысле топчется на месте. Одну бездарную власть сменяет еще более бездарная.

Россия сегодня нуждается не в смене Президентов, как за последние четверть века уже трижды было, — Горбачева на Ельцина, Ельцина на Путина, Путина на Медведева, затем того же Медведева опять на Путина, — не в модернизации или модификации представительной власти, пришедшей в полную негодность, не в создании новых политических партий, существование которых исчерпало свою функциональную целесообразность, а в системном цивилизационном управленческом прорыве.

Об этом речь ещё впереди, а пока вернемся к тому, с чего начали. По мере накопления методического опыта стала нарастать и продуктивность прогностических усилий, причем, не только в смысле постижения будущего, но и ликвидации пробелов, или же, наоборот, что на самом деле ещё хуже, ошибочных нагромождений прошлого. Иногда это происходило не благодаря целенаправленным усилиям, а как бы по поощрительному повелению самой судьбы, будто бы она такие сведения специально для меня приберегала.

Так было в случае с Карибским кризисом, когда, сначала отец, а за ним и вся наша семья оказалась причастной к одной из самых загадочных тайн двадцатого века, с выпавшими непосредственно на мою долю возможностями непосредственно участвовать в некоторых событиях, о смысле которых до сих пор не утихают жаркие споры. По стечению совершенно фантастических обстоятельств, я вышел на документы, связанные с «политическим завещанием Сталина», «Памятной запиской» Генсека Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, совершенно неожиданно проливающей свет на причины загадочной отставки Н. Хрущева.

Не иначе, как по велению судьбы я оказался причастным к событиям «пражской весны» 1968-го года, пражской «бархатной революции» 1989-го, по её же «наводке» вышел на личные контакты с Горбачевым, Вольским, Примаковым, Высоцким, Сахаровым, чешским президентом Гавелом, стал участником «Тайной вечери» осенью 1993-го года с Г. Бурбулисом. Полагаю, совершенно спонтанно, всего лишь как отклик на «зов времени», мне пришли в голову идеи публикаций об «Имперской России», о «Последних часах российской демократии», о неизбежном переходе страны от нынешнего утилитарно-прагматического авторитарного режима к «Самоуправлению».

Иногда даже думаю, что идею заняться разработкой **«практической методики научного прогнозирования политических процессов»** мне тоже подсказало не ЦК КПСС, а судьба. Я просто оказался в её руках «тупым орудием», не всегда понимающим, что творю. Как это случилось, к примеру, с публикациями **«Объективная логика политического краха Горбачева», «Быть России имперской», «Ломать надо судьбу, а не менять политиков».** Статьи привлекли к себе повышенное внимание общественного мнения, не только отечественного, но и зарубежного. Если че-

UFRSS

стно, иногда сам сомневаюсь, что всё, прежде написанное в прогностическом ключе, принадлежит именно мне. Убеждают в реальности случившегося, только неопровержимые доказательства и живые свидетельства.

Разве, к примеру, я мог предположить 17 августа 1991-го, отдыхая в Форосе вместе с женой и сыном, неподалеку от крымской резиденции М. Горбачева, что отправляясь в Москву на день-другой, чтобы решить срочно возникший сугубо бытовой вопрос, 19-го августа, окажусь уже в Белом Доме. И проведу там три дня и три ночи в обнимку с автоматом «Калашникова». Патрон из обоймы, после того как узнал, что в те же самые дни, с точно таким же автоматом, в доме напротив, в составе воинского оцепления, основу которого составляла знаменитая «группа Альфа» коротал время мой родной брат, всегда ношу при себе как талисман или «оберег» от совершения глупостей.

На встречах с читателями, когда об этом заходит речь, я перечисляю таких «судьбоносных» эпизодов из своей жизни ровно столько, на сколько, хватает времени. Максимальный рекорд — десять. На самом деле, если скрупулёзно считать, их гораздо больше, но для устной «подачи» всегда выбираю только те, что давались через преодоление сомнений, колебаний, неуверенности, ради которых, прежде чем предъявить, приходилось копать, копать и копать. **Прогнозы не берутся из головы, они пишутся не только под диктовку времени, а правильного понятого прошлого и по-настоящему настоящего.**

Ни что, взятое само по себе, будущим быть не может. Настоящий научный прогноз должен быть основан на четкой логической связи прошлого, настоящего и будущего, а главное, — открывать путь не только к толкованию происходящего, но и к преобразованию самой жизни. Только таким может, а главное, — должно быть настоящее научное предвидение. Именно под таким углом зрения я отбирал для публикации в книге только событийные примеры и материалы, в сути которых наглядно отслеживается прошлое, настоящее и будущее…

Считаю, что именно в этом контексте я просто обязан высказаться о своем отношении к сформулированной Ю. Г. Гельцером в Предисловии к данной книге идее **«генетического кода общественной эволюции», закономерно заложенного в процессы развития человеческой цивилизации**. Я всё время «топтался» где-то «возле». В рассуждениях о существовании 20-25-летних ретро-прогностических циклов, почти что, вплотную подошел к осознанию и самой идеи. Этого было достаточно, чтобы воспользоваться ею на практике, но до окончательной исчерпывающей формулировки, выходящей на уровень научной констатации, как у Гельцера, всё-таки не додумался. Завершающий мастерский «удар кистью» принадлежит только ему.

К сказанному Гельцером рискну добавить несколько попутных соображений, да и то лишь потому, что он сам спровоцировал такое соавторст-

во, цитирую: «***Наука сегодня «научно» оперирует кондратьевскими и жугляровскими циклами. По этому поводу написано сотни фундаментальных трудов, защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций. Описаны волны и всплески, обвалы и подъемы. При этом, никому не удалось с помощью этих циклов предсказать ни одного кризиса, ни одной войны. Ну, я лично не знаю, почему так строг сложившийся цикл в 25 лет и один месяц, и не стесняюсь об этом говорить. И никто это сегодня не может объяснить! Увы, глас вопиющего в пустыне...***»

На констатацию «***никто сегодня не может объяснить***», я, конечно, не мог не отреагировать, сам задира и мимо ушей таких слов не пропускаю. Уж если не объяснением, то своим пониманием поднятой темы, поделиться постараюсь. Единственно, за что заведомо не возьмусь, так это за обоснование жесткой строгости прогностических календарей. Мой личный опыт этого не подтверждает. А вот к рассмотрению правомерности постановки вопроса о содержании политических циклов, если в их основу положен ***гельцеровский «генетический цивилизационный код»*** решил подойти экспериментально. И получил вполне убедительные результаты. Вот эти циклы, судите сами.

Первый цикл (условно «самодержавно-романовский»). С мая 1896 года (коронация Николая Второго) до 1914–1917-го. Последние два-три года каждого цикла, иногда и до пяти лет, «стыковые». **Общий срок — 23 года.**

Второй цикл (условно революционно-кризисный). С октября 1917 по сентябрь 1939 (Начало Второй мировой войны) — июнь 1941-го. (Вступление в войну Советского Союза) Три заключительных года в цикле опять — «стыковые». **Общий срок цикла — 24 года.**

Третий цикл (условно послевоенно-восстановительный). С мая 1945-го по октябрь 1962-го (Карибский кризис) и октябрь 1964-го (Отставка Хрущева). Последние два года — стыковые. **Общий срок — 20 лет.** Третий цикл оказался несколько короче двух предшествующих, поскольку его объективная логика была нарушена целевым субъективным политическим вмешательством. Если бы Хрущев в 1964 году не был отстранен Пленумом ЦК КПСС от власти, цикл продлился бы, как и следовало бы предполагать, судя по объективным предпосылкам, до 1968-69 г., ознаменованного событиями в Чехословакии, обозначившими, собственно, окончание послевоенного переустройства Европы и начало пересмотра итогов Второй Мировой войны.

Третий (условно планетарно-застойный). С октября 1964-го (отставка Хрущева) по ноябрь 1982 (Кончина Брежнева) — апрель 1985-го (Приход к власти Горбачева). Последние три года 1982–1985 - стыковые, на которые пришлись три смены высшего политического руководства страны. В «застойный» период не только в контексте событий в стране, но

URSS

и в мире, не произошло практически ничего, что бы оставило глубокий след в человеческой истории и памяти. Если, конечно, пренебречь, как это собственно и произошло в жизни, Общеевропейским Совещанием 1975 года. (На сегодняшний день все достигнутые на нём договоренности, зафиксированные в Заключительном Акте, практически похерены) и вторжением советских войск в Афганистан в декабре 1980-го. (О нем только стараются реже вспоминать). **Общий срок цикла — 21 год.**

Четвёртый цикл (условно антисоветско-реформаторский). С 1985 по 2008-й. Период распадается на три самостоятельных семилетних цикла (два «разрушительных» с 1985 по 1991-й, (Августовский путч, распад Советского Союз) и с 1991 по 1998 (Августовской дефолт) —2000 (Добровольный уход Б. Ельцина с президентского поста). Третий цикл, с марта 2000-го, когда В. Путин пришел к власти, и вплоть до 2008 года, когда он передал, по сути сугубо формально, свои президентские полномочия Д. Медведеву, в полном соответствии с имитационным духом того периода. Возник так называемый, «тандем». **Общий срок цикла — 23 года.**

Пятый цикл (условно авторитарно-предреволюционный). Если в «заявочной» логике, не произойдет никаких существенных сбоев, он охватит время с 2008-го по 2030-й. Плюс-минус два-три года. (Более подробно о политическом содержании этого цикла идет речь в моем выступлении на Международной научной Конференция «Модернизация России: проблемы и решения» в декабре 2013 года (См. стр. 209-211), а также в размещенной в Приложении статье «Что, как и почему после Путина»).

У нынешнего авторитарно-прагматического цикла, как и у каждого из четырёх предшествующих, имеется, на мой взгляд, конкретная прогностическая альтернатива. Безальтернативных периодов вообще не бывает. Считаю, что будущее принадлежит народному самоуправлению. Иное дело, что альтернативы используются далеко не всегда. Необходимые объективные предпосылки для радикальной перемены курса в обозначенном направлении давно созрели, но всё упирается в низкий уровень зрелости общественного сознания.

Повышение этого уровня, как правило, происходит не эволюционным путём, а революционными скачками. Если власть «уловит» назревание такого «скачка», то может действия масс опередить или значительно смягчить, исходя из своих собственных интересов. Если «верхи» не уловят, чего хотят или не хотят «низы», то не исключаю анархической революции со всеми её «гримасами».

Полагаю, скорее всего, она выплеснется на улицы так называемыми «русскими маршами». На какой момент они могут прийтись, судить не берусь, стихия есть стихия, но то, что такая опасность назревает, не только допускаю, но практически гарантирую.

ИКЕЗ

Если «национал-патриотический дух» разбужен, — а это происходит в России с «подачи» властей прямо на глазах, — то он, подобно вампиру, непременно потребует «большой крови». Малой его не удовлетворишь. Отсюда и возрастающая опасность «крупной войны», вероятность которой сегодня никто не возьмется отрицать. Зато некоторые деятели, типа В. Жириновского, к ней чуть ли ни призывают.

При сравнении политических циклов, которые я попытался вычленить совершенно независимо, руководствуясь только **гельцеровским принципом «генетической цивилизационной эволюции»,** в том виде как я его понимал, оказалось, что они практически совпадают. Некоторые различия в выборе точек отсчёта и в содержательных характеристиках, конечно, имеются, но эти различия, на мой взгляд, не носят принципиального характера, что уже само по себе является дополнительным доказательством, что сам ход мысли, предложенный Ю. Гельцером, является абсолютно правильным и приводит к вполне достоверным результатам.

Сам Ю. Гельцер объясняет это тем, что смена политических циклов, по его наблюдением, совпадает со сменами поколений, во всяком случае, смены поколений в демографической науке исчисляются теми же самыми 20-25-летними циклами, которые, как правило, совпадают. Такие совпадения в большинстве случаев действительно налицо, спора нет, но это, полагаю, скорее тот случай, когда неотъемлемые внешние признаки довольно часто принимаются за суть самого явления. В результате происходит смешение понятий причины и следствия. В смысле восприятия это большой роли не играет, а вот правильному восприятию сути, может и помешать.

Однако, должен честно признаться, я в своем эксперименте исходил совершенно из других «посылов», чем те, на которые ориентирует Ю. Гельцер. Он ставит во главу угла перемены, сопряженные с процессами, вызываемыми чередованием поколений. Я брал за основу другой ориентир, а именно: свои предположения об историческом предназначении времени, не самого по себе, конечно, а находящего выражение в человеческой деятельности. В моем восприятии понятие «генетический код», применительно к человеческой деятельности, имеет скорее метафизический, чем биологический смысл.

URSS

В результате содержание тех политических циклов, которые сформированы мной, исходят из предположения, что на долю каждого политического цикла выпадает вполне определенный функциональный ресурс. Его реализация занимает «на круг» 20-25 лет. На это обстоятельство я уже обращал внимание, рассуждая о методах обеспечения прогностической достоверности, когда предлагал исчислять историческую основу прогноза 20-25 истекшими годами, и точно такому же испытанию временем подвергать прогностическую перспективу.

Речь в обоих случаях шла не о формальном совпадении сроков, а об обеспечении научной сути происходящего. Такой подход оправдал себя и в эксперименте по формированию политических циклов. Я его отнюдь не противопоставляю выводам Ю. Гельцера, просто предлагаю иметь в виду при выборе собственной методики прогностических исследований. Если два разных метода исследований, приводят к получению сопоставимых результатов, значит, оба имеют право на существование. Мне, естественно, ближе собственный опыт. Он, во всяком случае, не исключает наших с Ю.Гельцером амбициозных попыток предвосхитить, пусть не наступление исторических циклов, то хотя бы предопределить их содержание.

URSS

Глава 1

«Лебединая песнь демократии прозвучала уже давно»

27 мая 2014 года меня, как человека имевшего непосредственное отношение к событиям августа 1991-го, когда вместе с группой Народных депутатов СССР я оказался среди защитников Белого дома, пригласили на торжественную встречу, посвященную 25-летию **первого** созыва **Первого** Съезда Народных депутатов СССР.

Говорю как филолог, русский язык обладает уникальной способностью очень тонко оттенять некоторые фразеологические особенности, которые, казалось бы, прямого отношения к содержанию сказанного или написанного не имеют, а на поверку оказываются чуть-ли ни ключевыми, главными, предопределяющими. Два раза подряд употребленное слово «первый» в одной фразе, но по разным поводам, обязательно извлекает из подсознания слово антипод — «последний».

Оно у меня тут же стало коренным в оценке смысла того, ради чего собрались: выборы 1989-го года в Советском Союзе ознаменовали собой событие мирового, я бы даже сказал цивилизационного масштаба и значения. Это была «Лебединая песнь» демократии не только в России, а как функциональной системы управления вообще. Тогдашние Выборы, первые и последние, подняли из народных глубин лучшие силы, лучших людей с честными мыслями, благородными целями, светлыми надеждами и искренней верой в преобразовательный потенциал демократии.

Но очень скоро выяснилось, демократия уже ни к чему не пригодна: ни силы реализовать, ни мыслям дать простор, ни поставленных целей достичь, ни надежды осуществить, ни веры поддержать. Всё! Иссякла! Абсолютно уверен, очень скоро придет час, когда день первого созыва первого съезда Народных депутатов СССР будет значиться в анналах мировой истории в качестве даты кончины демократии как функциональной системы управления.

Пока еще далеко не все и не до конца осознали, что человечество стоит сегодня на пороге нового исторического Рубикона, за которым наверняка откроется новый цивилизационный этап существования общества. Пока что мысль, что ни механических, ни автоматических, ни идейно-политических вечных двигателей, даже таких замечательных как демократия, не бывает, и сегодня еще мало кому приходит в голову. Все норовят её, — «эту самую демократию», — расширять, углублять, совершенство-

UPSS

вать. А она чем дальше, тем хуже работает. Потому, что очень многих и очень сытно кормит. И всё за наш же с вами, дорогие сограждане, счет…

Мне эта мысль пришла лет двадцать пять назад, во всяком случае, первые публикации на эту тему относятся именно к тому далёкому времени. А до первых публичных выступлений на эту тему нужно было еще дожить, додуматься, решиться. Назову троечку. Это **«Демократия приказала долго жить. Ей на смену приходят режимы стандартизованной прагмакратии»**[6]**. «Мы возвращаемся на круги своя. Самодержавие и борьба с ним как извечная форма существования России»**[7]**. «Вперед к имперскому авторитаризму? Парадоксальные размышления о неизбежной гибели диалектики и демократии»**[8]**.**

Должен сделать существенное уточнение: статью для «Литературной газеты», ту, что об «имперском авторитаризме», я отправил в редакцию без вопросительного знака. Как правило, я их вообще не ставлю в своих публикациях. Не знаешь ответа, нечего размазывать «манную кашу по чистому столу». Я не сомневался в том, в каком направлении события, настроения, устремления будут развиваться. Понимал смысл и причины происходящего. Если движение в обозначенном направлении объективно обусловлено, не зависимо от того, нравится мне это или нет, я его приветствую.

Волюнтаристские вмешательства в ход исторических процессов, неважно с каким знаком, «за» или «против», всегда плохо заканчиваются. Поэтому и статью, о которой сейчас веду речь, завершал четко и ясно: **«Короче, долой диалектику и демократию. Вперед к имперскому авторитаризму. Путина на царство».** Можете сами посмотреть, в авторском тексте статьи, абсолютно точно воспроизведенного газетой, никаких вопросов. Редакция этим, поставленным на дыбы «крючком», заголовок оснастила, чтобы категоричность сказанного как-то смягчить. На самом деле, какие тут вопросы! Сегодня мы имеем именно то, что я и предрекал. Разве нет?

Возразил мне хоть кто-нибудь? Конечно, известнейшая личность, дважды доктор, философских и филологических наук, в ту пору и поныне вице-президент Академии гуманитарных исследований Павел Гуревич, полемизируя со мной в начале февраля 2000-го в статье **«Демократия в полосе фальсификаций»,** практически рванув тельняшку на груди, почти что восклицает: ***«Во всем бы согласился с Виктором Гущиным, если бы не одно обстоятельство, — только демократия способна обеспечить власти легитимность, то есть народное доверие и признание»***. Однако, в моих словах «выжимка», или как любят говорить сильно ученые люди, такие как П. Гуревич, квинт-эссенция. Может, я что-нибудь передер-

[6] См. «НГ». 17.08.2000 г.
[7] См. «НГ». 07.04.2000 г.
[8] См. «ЛГ». № 34, сентябрь, 2002 г.

UPSS

нул, ухватился за второстепенное, а главное-то как раз упустил, смухлевал. Ведь, ни много ни мало, мне ставят в вину, — «О, позор мне, позор! — ***«умышленную фальсификацию», то есть злонамеренный обман по заказу, или того хуже, морально-нравственную диверсию против самого святого совершаю.***

В прежние времена, будь я благородным человеком, готовым за свою честь и достоинство постоять, было достаточно оснований к барьеру пригласить. Я же промолчал, только и успел, что собственные сопли языком подхватить, чтоб на них же потом не поскользнуться.

И с чем бы я к барьеру вышел? Только и есть умения, что статьи писать, за которые через двадцать лет стыдно не было бы. Разве это заслуга?! Так это еще нужно подождать, чтобы двадцать лет прошли, да справедливость написанных слов подтвердилась. Вот демократию от разного рода фальсификаций и диверсионных нападок защитить, грудью за её честь и достоинство встать, совсем другое дело. Это я уже тогда понимал. Потому и промолчал. Зато теперь, по кротости душевной и доброй памяти, «**к делам давно минувших дней»,** возвращаюсь.

Вот ведь, как все на самом деле, в хранящейся у меня с тех давних пор статье П. Гуревича, было сказано: «Мне кажется, что мысль Виктора Гущина устремилась в заданном направлении именно потому, что демократия вошла в полосу ***умышленной фальсификации.*** Современная техника, силовые способы решения, манипулятивные возможности всё чаще ***рождают в политическом подсознании крамольную мысль,*** а не послать ли её, демократию, к чертовой матери *(Должен признать, проблески здравой мысли, даже у философских докторов, хоть изредка, но случаются. Правда, с предусмотрительной «подстилкой безопасности». То есть, написанное следует воспринимать так: мысль-то у меня, конечно, рождается, но предупреждаю, она заведомо «крамольная», и я с ней категорически не согласен, — В. Г.*) или по крайней мере не придать ли ей декоративный характер.

«Я сам ловлю себя **на смутном предположении**, пишет далее П. Гуревич, *(Это у вице-президента Академии гуманитарных исследований «смутные предположения»? Возможно ли? Не кокетничайте, дважды доктор. Вам, с Вашим научным авторитетом, надо рубить с плеча, как палачу на лобном месте, а Вы речь заводите о каких-то «смутных предположениях», как если бы собирались рассуждать о деревенском самогоне, а не о президентских выборах, — В. Г.*): затраты на президентские выборы стали ***столь велики,*** а итоги ***столь безутешны,*** что может быть, было бы разумнее — назначать руководителя страны в узком кругу политбюро? Только от чего эти лидеры, ***не имеющие нужной легитимности, исчезают в политическом подводье?»***[9]**.**

[9] См. «НГ». 02.09.2000.

URSS

По-моему, я все-таки ничего не утаил, ничего не передернул, ничего не сфальсифицировал, (А слово ***«подводье»***, это я П. Гуревичу как филолог филологу скажу, как терминологический неологизм по достоинству оценил, — *В. Г.*), честно, буква в букву, процитировал всё, в чем со мной В. Гуревич согласен, а согласен он практически во всем, кроме одного, — ***не будет демократии, не будет легитимности, то есть не будет народного доверия и признания. Я ВСЕ ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛ?***

Должен, к великому моему сожалению огорчить г-на Гуревича, сообщением, что в отличие от уважаемого вице-президента Академии гуманитарных исследований, я уже двадцать лет назад после событий октября 1993-го года понял и в критикуемой им статье написал, что демократии как функциональной системе управления на народное доверие и признание глубоко наплевать. Народ для демократии одна морока, единственная от него польза, что среди него хоть и редко, но всё же еще ***попадаются «гуревичи», готовые «дурить этот самый народ» как бы от его же собственного имени.***

Мало этого, по доброй воле, во имя платонической любви к «бесплотной субстанции», очень смахивающий на чичиковский трюк с «ревизскими сказками», позволяющими «наживаться на том, чего, — говоря словами любезного Павла Ивановича, — «как бы вовсе не существует», уличать других людей, В. Гущина, к примеру, не только в научной некомпетентности, но и ***оскорбительно обвинять в «умышленном фальсификаторстве»***.

Напомню на всякий случай, конкретно П. Гуревичу, что уже лет пять тому, как любезные ему российские «записные демократы» фракционным «скопом» внесли в федеральный закон о выборах антиконституционную поправку, в соответствии с которой выборы отныне считаются состоявшимися по самому факту их проведения, независимо от числа избирателей, принявших участие в голосовании. **Глупость умерла! Да здравствует легитимность!**

Таким образом, уважаемый Павел Семенович, на дорогой вашему любвеобильному демократическому сердцу легитимности был поставлен жирный крест, иными словами, похерили ту единственную соломинку, которая только и спасала демократию, опять же говоря Вашими же словами, от неминуемой гибели в «политическом подводье».

Я уж не говорю о жульническом трюке, при котором объем и качество полномочий, законодательно определенных в расчете на совершенно иной уровень формальной легитимности, исчисляемой по формуле «50+1», для депутатов, ныне избираемых по совершенно новой формуле демократической легитимности «00+0», сохранили прежним. Вот здесь-то Ваше уникальное чутьё на «умышленные фальсификации», наверняка должно было сработать. Но что-то не слышал, не видел, не встречал, не читал, хотя более циничного издевательства над столь дорогой сердцу и разуму П. Гуревича легитимностью трудно даже представить.

ИРСЕС

Искренне соболезнуя Павлу Семеновичу за понесенную невосполнимую утрату, я все свои претензии в связи с незаслуженно нанесенным оскорблением снимаю, подумаешь, глупость сказал…Такое даже с нашими академиками сплошь и рядом случается. Жизнь за это, как правило, сама наказывает…

В подтверждение, что делаю это вполне искренне, поделюсь с П. Гуревичем, как с коллегой, одной тайной, которой еще ни с кем не делился. Читатели, наверное, помнят, обосновывая результативность практической методики научного прогнозирования политических процессов, я говорил, что она построена на жестком применении исследовательской формулы, состоящей из концептуальной политической идеи и пяти прогностических принципов.

Я честно предупредил, что для продуктивного овладения этой методикой потребуется никак не меньше 15–20 лет. Но есть «золотой ключик», отворяющий [Опять же, обращаю внимание П. Гуревича, как филолог философа, что коренной основой этого волшебного «ключика» служит, наверное, вовсе не случайно, слово «вор» (Я имею в виду употребленное чуть выше слово «отворяющий», — *В. Г.*)] любые тайные двери и ларцы, в момент. Это открытая мной прогностическая закономерность называется «заведомой заданностью». Она формулируется следующим образом: ***«Любая власть рано или поздно, обязательно попадает в полосу принятия заведомо ошибочных решений».***

Как только эта закономерность вам открылась, действуйте смело и решительно. Как только на свет появляется любое мало-мальски серьезное постановление правительства, указ президента, решение парламента, или хотя бы заявление о намерениях, тут же предъявляйте свои прогностические позиции, указывающие: действительное развитие пойдет в прямо противоположном направлении, чем-то, на которое ориентируются власти.

Очень скоро убедитесь, такой прогностический подход никогда не дает сбоев. Правда, есть одна «закавыка»: эта методика надежно работает только у людей, которые свято верят в достоинства и преимущества демократии, особенно ее важнейшего параметра — обеспечение легитимности. У остальных она почему-то начинает давать постоянные сбои, а то и вообще перестает работать. Но П. Гуревичу это не грозит, он в святую демократическую легитимность, надеюсь, продолжает верить свято…

К сожалению, «искренним демократам» вообще многое не приходит в голову из того, что в принципе должно было бы. Почему, к примеру, при наличии конституционной декларации, что референдум является *«наивысшей формой народного волеизъявления»*[10] ни один из них за годы существования России так и не был проведен. У нас в стране что, общенацио-

[10] См. Конституция РФ, ст. 3.

LIBRESS

нальных интересов не существует, или представительная власть своим избирателям не доверяет? Ответьте, господа.

Вообще, должен сказать, нет другой такой власти кроме демократической, в основу которой было бы заложено столько потенциальных возможностей для самоликвидации. Принцип «разделения властей», к примеру. Если им умело распорядиться, систему демократического управления дезорганизовать, вообще разнести в клочья, пара пустяков. Посули любому депутату публичный успех, подскажи одну-две перспективные идейки, все честно, без обмана, и пожинайте плоды дезорганизации, получайте гудковых-пономаревых, яровых-железняков, митрофановых-хинштейнов, тютькиных-пупкиных воспитанных в родных депутатских коллективах.

Вроде бы для упрочения власти, а на самом деле, потребуйся это кому-нибудь всерьёз, для её же разложения изнутри. Практически все знаменитые правительско-парламентские скандалы, отечественные (Вспомните, хотя бы, попытку «ельцинского импичмента» в 1998-м году, — *В. Г.*) и зарубежные, разыгрывались именно по такой схеме. И опять же, всё честно и благородно.

Нравится вам такая власть? Мне лично нет. Я уже лет двадцать как этого не только не скрываю, а при каждом удобном случае готов силами померяться, в прямой схватке депутатскую никчемность доказать. Дайте мне выбор, предпочел бы диктатуру, а то и восточную деспотию. В них здравого смысла гораздо больше.

Представительная власть в интеллектуальном смысле власть дураков, не случайно её главный принцип, — побеждает большинство. Дураки везде, и всюду, — всегда в большинстве. Да и во всех иных смыслах, по самому своему предназначению демократическая власть, — власть позорная, век свободы не видать, — нагло эксплуатирующая самые гнусные людские пороки.

Среди избирателей — иждивенчество, вот придут или найдутся умные и хорошие дяди или тети и все проблемы решат, а мы будем «пиварить» супротив телевизора. Среди депутатов — узурпаторский паразитизм. Чужие права присваивают. Чужими мозгами живут. Чужими силами пользуются. Чужими «хлебами» питаются, из «замеса» налогоплательщиков, по полмиллиона в месяц. Среди депутатского корпуса порядочных людей нет, никогда не было. И быть не может. Одни негодяи, либо по недомыслию, либо по умыслу…

Что это за предназначение такое: принимать решения «за других», политическую карьеру на этом делать, «бабки заколачивать»! Действительно порядочный человек, не утративший совесть и стыд, себе такого позволить не может. И не важно, что закон позволяет, или даже предписывает. Обязанность не терять уважение ни к себе, ни тем более к людям, не законом, а самой жизнью продиктована.

LitRes

Обратился бы кто-нибудь из потенциальных кандидатов в депутаты, губернаторы, мэры, президенты ко мне персонально с предложением стать их «доверенным лицом» или поддержать на выборах!.. Первое, что вместо ответа увидели бы, так это фигуральный «кукиш» под носом, зато слова прозвучали бы по их адресу самые последние, которые, к сожалению, в печати воспроизводить не позволительно.

Вы что, меня образованнее, умнее, честнее, справедливей, смелее, порядочней? Чем докажите? На слово не верю. С какими личными качествами вы меня во власти представлять собираетесь? Продемонстрируйте…

Однажды, на какой-то публичной предвыборной уличной «тусне», возле ближайшей к дому станции метро, случайно сподобился эти вопросы Навальному, как кандидату в мэры Москвы, задать. Так он бедняга, стушевался, будто описавшийся первоклассник, промямлил что-то о том, что не он выборы придумал, это, мол, законный порядок. ***«И вы считаете такой закон разумным и справедливым, а себя достойным кандидатом именно меня в Мэрии Москвы представлять, иначе бы здесь за собственное избрание не агитировали?***

И на мало кому ведомом языке суахили добавляю: «Ты что, дурак»? Я этот вопрос на филфаке МГУ на всех доступных и недоступных языках выучил. На первом курсе на занятиях по фонетике. Хорошая была идейка. По жизни множество раз сыграла». Ответ был, должен признать, точный, исчерпывающий, не дурак-таки оказался, всё понял правильно, даже реплику на суахили: ***«Не хотите, не голосуйте. Никто не заставляет».***

А ведь прав Навальный, не мы его, а он нас имеет все основания за дураков держать. Почему бы, действительно, не задуматься и не перестать голосовать. Завтра же, на радость всем, опостылевшей власти пришел бы конец. И без всяких там баррикад, митингов, демонстраций, манифестаций, Болотных площадей, Майданов…Абсолютно уверен, рано или поздно, порядок, при котором одна часть населения, разные там президенты, губернаторы, депутаты, мэры и иже с ними, «держит» другую часть сограждан, за дураков, всё равно скукожится, сдуется. Лучше бы, конечно, пораньше…

Когда с кем-нибудь, всё равно с кем, об этом один на один говоришь, вроде бы люди понимают. А приходит день выборов, идиотская надежда чужими руками жизненный жар загребать, гонит избирателей на участки, как баранов на скотобойню. Правильно психологи говорят, человек, оказавшись в толпе, тут же глупеет раз в десять…

Пора людям вспомнить, что **демократия, в верности которой нынешние власти клянутся, не на депутатском представительстве рождалось, а на прямом участии граждан в принятии решений,** по которым предстоит жить. И принцип, что именно такой порядок является наивыс-

шей формой осуществления народовластия и народного волеизъявления, сохранился до сих пор, он в генетическую народную память заложен…

Назовите хоть один механизм, который бы позволял людям выражать свою волю регулярно и непосредственно на властном уровне, то есть, принимая не «поручeнческие», не промежуточные, а окончательные, обязательные к исполнению, решения. Нет таких механизмов. И не предвидится. Значит, представительная демократия не в состоянии их обеспечить. А есть депутатское прохиндейство, дурь, надувательство, циничное хамство и взаимное сквалыжничество.

И последнее. Все ваши демократические принципы, вроде «разделения властей», обеспечения «взаимных сдержек и противовесов», многопартийности, плюрализма мнений, содействующих якобы формированию политической системы страны, функциональному обеспечению деятельности представительных органов власти и фракционных объединений, на самом деле всего лишь циничная, наглая ложь и политический блеф. Ни к чему иному, кроме размежевания людей, натравливанию их друг на друга, по признакам идейно-политических симпатий и антипатий вышеперечисленные «демократические принципы» не ведут.

Чем была хороша демократия до поры до времени? Тем, что довела до совершенства принцип формирования групповых интересов, лежащих в основе всего исторически достоверного периода человеческой цивилизации. Начиная с родо-племенных времен, вплоть до нынешних, либерально-демократических. Этот принцип себя функционально исчерпал, когда стало ясно, что на самом деле зрелость и уровень развития общества определяются не обеспечением групповых интересов, а за счет роста объёмов и повышения качества удовлетворения жизненных запросов личности.

Если бы мне это стало ясно только сегодня, я всё равно бы гордился. Но мне повезло, на эту мысль я натолкнулся давно, перелистывая в Праге изданный там еще в конце двадцатых годов минувшего века аналитический очерк нашего соотечественника, великого провидца и философа **Николая Бердяева «Новое средневековье».** Вот его слова, к которым сегодня хотелось бы привлечь особое внимание:

«Демократия провозгласила свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выводит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она себя преодолевает. В этом будет её правда. Современные демократии явно вырождаются, и никого уже не привлекают. Веры в спасительность демократии уже нет…».

И написано это было еще в 1922-м году, девяносто два года тому. **ВОТ ТАК-ТО…**

Глава 2

«В России к власти всегда приходят худшие люди»

Содержание десятилетия, ныне получившее наименование «лихие девяностые» в прогностическом смысле оказалось практически «глухим». Здесь все было ясно с самого начала. Одну из моих публикаций, увидевшую свет в июне 1992 года, предваряли такие рассуждения.

«О том, что августовский путч не последнее и не самое страшное испытание, которым предстоит выпасть на нашу долю, можно было предполагать уже осенью 1991-го года. Августовский кризис оказался лишь предзнаменованием других, куда более серьезных кризисов, ожидающих страну. Люди должны понимать природу ситуации, в которой они живут, и знать, что их ждет…

Суть же происходящего состоит в том, что мы переживаем сложнейший и противоречивейший переходный период из одного состояния в другое, и надо давать себе отчет в том, что одним неудачным путчем его испытания не закончатся. Россия по-прежнему обретается в своей Синайской пустыне — на дальних подступах к земле обетованной. Будет ещё немало Путчей, бунтов, возмущений. Но в отличие от библейского Моисея у лидеров перехода нет той высшей силы, которая непосредственно контролировала и корректировала их движение к цели и в случае нужды даровала бы манну небесную.

Поэтому необходима детально продуманная стратегия преодоления сил контрреформы на каждом этапе движения. А для этого нужен интеллектуальный штаб перехода, способный исполнять при нынешних лидерах ту же функцию, которую Господь Бог исполнял при Моисее в Синайской пустыне. То есть, ни при каких испытаниях не упускал из виду конечную цель, составил бы точную карту движения, заранее вырабатывал способы преодоления, или, еще лучше, предотвращения новых попыток переворота, которые могут оказаться посильнее янаевской…»[11].

Надеюсь после такого предисловия, необходимость цитирования самой статьи заведомо отпадает. Всё её содержание укладыва-

[11] См. Прогностический сборник «Пророков нет…» М. 1994 г., с. 52.

URSS

ется в заголовок: **«Эх, недотепы…Человека-то забыли…»**[12]**.** А вот необходимость комментария к процитированному тексту крайне важна.

Девяностые годы, прозванные в народе «лихими», в основном по признаку бандитского беспредела, в смысле событийном, тем более историческом, были довольно ординарными. Президентские выборы Б. Ельцина запомнились, да и то, пожалуй, больше из-за скандала с «коробкой из-под ксерокса», набитой долларами. Ну, может быть, ещё «казиношным» слоганом «Голосуй или проиграешь!». И, конечно, войной в Чечне.

О ней бы сегодня чаще надо вспоминать, когда нынешние события на Украине обсуждаем, призывая на разум опираться, прежде чем оружие в ход пускать. Причем, бывает, что сегодня теми же самыми чеченскими руками, что в середине девяностых в нашу сторону гранаты метали. Это как прикажите понимать?! За что боролись на то и напоролись? Или с самого начала так хотели?

Тогда уточните, понять хочу, кто в нашей стране за спасение российских граждан от террористов, за освобождение журналистов из числа заложников отвечает? Одни чеченцы с помощью других чеченцев? Я не против Рамзана, он мне своей кавказской органикой даже нравится, вопрос в другом: почему мы сами себя ведем так неестественно, как будто нам в какой-то политической стычке мозги напрочь вышибли? Кто мы вообще?!

Я, например, привык считать, что гарантировать жизнь и безопасность российских граждан конституционная обязанность Президента. Для этого ему даны соответствующие права и полномочия. Я не согласен, чтобы забота обо мне как гражданине России кому-нибудь перепоручалась. А то ведь, я так могу вообще забыть кто в России Президент, если Рамзан, спаси его Аллах и Сохрани, не напомнит, как он это сделал 19 января Новорожденного 2015 года на многочисленной манифестации в Грозном в связи рождественским терактом в редакции французского сатирического журнала «Шарли». Причем, сделал так, что всем тут же стало не до смеха. Я лично не исключаю, что это была заявка Кадырова на политическое лидерство во всем мусульманском мире.

И все-таки для одного крупного аналитическо-прогностического выступления тогдашнее десятилетие исходный материал предоставило. Волна социально-политических скандалов тех лет, приведшая к отставке правительства С. Кириенко, к попытке президентского импичмента, к возвращению в премьерское кресло В. Черномырдина, а на его место Е. Примакова, затем Степашина, захлестнула пирамиду российской власти по самую макушку, невольно навела на мысль, что причины происходящего имеют какие-то глубинные, не поддающиеся выкорчёвыванию корни.

[12] См. «НГ» 06.07.1992 г.

ИРСС

Иначе чем объяснить, что судьбы российских политиков при всём различии их личных качеств и несхожести индивидуальных биографий на поверку оказываются до невероятности схожими. Не потому ли создаётся впечатление, кто бы ни приходил к власти, страна движется, хоть и с разной степенью интенсивности, но по одному и тому же «заколдованному кругу». Не лежит ли в основе нашего блуждания по этому «циркулярному лабиринту» какая-то неистребимо порочная закономерность?

Кстати, эта мысль, не только походя, а в серьезном научном исследовании, принадлежащем авторитетнейшему английскому ученому, урожденному австрийцу Фридриху А. Хайеку, получившему Нобелевскую Премию за исследование проблем власти, была не только сформулирована, но и обоснована. В этом исследовании Хайек приходит к выводу, что **«в таких странах как Россия, к власти всегда приходят худшие люди».** Спорить с ним не стану, поскольку с выводом согласен.

Не вижу и необходимости повторять его аргументацию, так как книга Ф. Хайека как и любого нобелевского лауреата опубликована на русском языке и в принципе доступна каждому заинтересованному читателю. Могу предложить лишь некоторые собственные соображения и обобщения на этот счет, усугубляющие сделанные английским ученым оценки.

Жизнь народов и государств протекает не только в системе исторических, геополитических, социально-экономических, но и морально-психологических, духовно-нравственных координат. Последними двумя параметрами, к сожалению, особенно часто пренебрегали и пренебрегают в нашей стране, сначала в контексте материалистического, а затем и марксистско-ленинского мировоззрения.

Хотя именно они, как я считаю, очерчивают тот магический ареал, в котором происходят важнейшие для страны и народа события. Когда души людей на подъёме, взлетает и страна. Унизьте людей, подрежьте им крылья, заставьте их, как говорил величайший российский писатель и драматург, «ткнуться лицом в собственное дерьмо», они вам такое со страной сделают, что долго её пот**о**м, можно употребить тоже слово, но с ударением не на втором, а на первом «О», отмывать придется, по кусочкам собирать.

Духовный, нравственный диапазон исторического процесса ограничен двумя понятиями: возвышенной мечтой о Земле Обетованной и мрачным ожиданием Конца Света, Страшного Суда. Всё, что только можно себе представить, любые искания, любые устремления, любые переживания и страхи укладываются в это судьбоносное ложе.

Однако, не это главное. Дело в том, что история каждой страны, нравственно-психологический облик любого народа позволяет определить, куда прежде всего устремлены ориентиры их духовного притяжения и напряжения. К поиску Царства Божьего на Земле или в сторону Конца

Света, Апокалипсиса. Представления о том и другом вовсе не абстрактны и бестелесны.

Они обретают реальность в поступках и поведении людей, в их судьбах. А в конечном итоге, — в судьбах стран и народов. Наш соотечественник, умница и провидец Николай Бердяев, которого я почему-то в последнее время стал вспоминать всё чаще, называл русских, причисляя, автоматически, к ним и себя, «апокалиптическим» народом». **«Не находя правды в Христе, мы ищем его в Антихристе», — писал он.**

На языке обыденном, житейском, а не мистическим, библейском, это означает, что мы склонны шарахаться из стороны в сторону из одной крайности, в другую. Разве каждый из нас не знает за собой этого греха? Разве мы не видим, что вся наша жизнь, вся наша историческая биография отмечена именно такими метаниями? Разве то, что происходит сегодня прямо на наших глазах, не подтверждает этого?!

Но если бы мы лишь шарахались из крайности в крайность, от хорошего к плохому, то это еще полбеды. Вся беда в том, что мы, чем дальше, тем больше начинаем шарахаться от плохого к худшему, от проступков к преступлениям, от воровства к грабежам. Как если бы сами торопили приход Конца Света, сами загоняли себя и страну на позорную скамью Страшного Суда.

Справедливость этого утверждения очень трудно доказать. Оно из числа тех, в которые можно поверить или же отвергнуть с порога. Но иногда жизнь подает какие-то знаки, помогающие правильно ориентироваться в сигналах судьбы. Очень часто такие подсказки содержатся в языке, который развивается по законам, не подвластным человеческому разуму, но без его помощи не появляется на свет ни одна мудрость. В русском языке три понятия — Государь, Государство, Сударь и Сударыня, Судьба — связаны воедино, как власть и её подданные. И все три слова имеют общий корень — Суд. Пусть мне кто-нибудь докажет, что это совпадение случайное, и не имеет никакой связи с понятием Суда…Страшного!

Именно таким настроением предварялась моя статья **«Ломать надо судьбу, а не менять политиков»,** опубликованная «Литературной газетой» в ноябре 1997 года[13]. Редакция признала мой материал одной из лучших публикаций года. Во всяком случае, читательским откликам на неё была отведена целая страница в предновогоднем выпуске газеты. А ключевая фраза статьи **«Я российскую власть не люблю. На корню и в семенах. Особенно после того, как понял, что она генетически порочна»,** была выделена жирным шрифтом.

С тех пор на каждой встрече, где доводится её упоминать, а это происходит довольно часто, меня просят присущие российской власти «генетические пороки» перечислить. Поначалу я делал это, что называется, на-

[13] См. «ЛГ» № 45, 1997 г.

UPSS

вскидку, благо выбор большой, в какую сторону ни глянь, пороков хоть отбавляй.

Так продолжалось до тех пор, пока на одной из встреч мне не задали вопрос, который меня всерьёз озадачил: *«Изъяны, которые вы перечисляете, спора нет, действительно имеют место. Но в одних случаях они больше похожи на проявление личных качеств, в других, несут на себе печать системных недостатков, в-третьих, действительно, наводят на мысль о своём генетическом происхождении. Существуют ли специальные признаки, по которым можно судить о генетических пороках именно российской власти, а не функциональной системе управления как таковой»*.

Вопрос ориентировал на концептуальный ответ, поэтому на следующую встречу я пришел уже с конкретным набором недостатков, о которых предстояло вести речь и сопроводительным комментарием, где попытался сформулировать главные отличительные признаки их генетического характера. Таких неискоренимых пороков я насчитал пять. На самом деле их гораздо больше, но выявленные пять — ключевые. Вот они.

Порок первый. *Отталкиваясь от определения, данного русскому народу Н. Бердяевым, я называю этот порок апокалиптическим.* Мы сами над собой возносим подонков и негодяев, чтобы потом все силы, а то и жизнь класть на борьбу с ними. По-иному развиваться, каким-то иным способом двигаться, кроме как затылком вперед, мы не умеем. Также, как творить «добро» только ломая себя и страну через колено.

Отсюда обилие бунтов, восстаний, революций, разрушений и последующих реставраций. Побед, оборачивающихся поражениями, и поражений, которые впопыхах принимаем за победы. Затем, спустя какое-то время, за всё это дорого расплачиваемся. Вспомните, как мы ликовали в связи с завоеванием демократии, тому, что вместо Советского Союза с января 1992 года, после Августовского путча и Беловежских соглашений, стали жить в «демократической, независимой и суверенной России».

Вот только оказалось, что на уровень жизнеобеспечения, который согласно статистике существовал в Советском Союзе, мы выйдем только в 2015-м году. То есть, практически четверть века с точки зрения роста производства и народного благосостояния, мы топтались на месте. Насколько далеко за те же самые годы ушел Китай, при сохранении своего коммунистического статуса, не стоит даже говорить, чтобы ни себя, ни людей не смешить.

На вопрос: «Почему так произошло?», заданный моему доброму товарищу, человеку исключительно чуткому к переменам и умеющему, не смотря на свой высокий государственный пост, смотреть на жизнь с тонким юмором, ответил: «Наверное, потому, что никто из нас не появился на белый свет китайцем».

Порок второй. *Россия — страна самовоспроизводящейся истории.* Здесь не только рукописи не горят, но и вместо будущего наступает про-

UFRSS

шлое. Дабы убедиться, что всё, чему суждено с нами произойти, всегда известно заранее, достаточно перелистать страницы русской классической литературы. Самой пророческой литературы в мире. Практически всё о самых актуальных, острых и больных проблемах нашей страны и нашей жизни, уже давно сказано Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Фонвизиным, Грибоедовым, Пушкиным, Толстым, Достоевским, Чеховым, Островским.

Два самых актуальных художественных произведения, в которых описаны не только по сути, что называется, в главных чертах, но вплоть до мельчайших особенностей и деталей нынешних реформаторских перипетий, были созданы, когда подавляющее большинство населения России еще на свет не появилось. Это пьеса М. Горького «На дне»(При случае я всегда перечисляю, кто именно из наших современников там выведен под именами героев пьесы… *В. Г.*) и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита».(Здесь приходится ограничиться только именами «заезжей четверки». В Воланде все и без меня легко распознают Сталина, а в Мастере, — самого Булгакова, — *В. Г.*).

Не случайно еще один даровитый писатель нашей страны И. Бабель, как-то обращаясь к коллегам, пошутил: «Всё, что вы пишите, и даже то, что еще только собираетесь написать, уже давно написано и напечатано в церковно-синодальной типографии Оси Рабиновича в городе Одессе».

Порок третий. *В России авторитет власти, при самодержавии ли, при коммунистах или демократах-ли, всегда был и по сей день остается выше авторитета закона.* Поэтому у нас всегда была бюрократическая, лживая, коррумпированная государственная машина. Сегодня это недуг обрел лихорадочный характер. Всё больше людей начинают понимать, что система управления, основанная на принципах «принятия решений за других», что на практике чаще всего означает, «от имени народа в своих собственных интересах», себя функционально исчерпала.

Сегодня перед народами России, в качестве исторического императива, во весь рост, встала задача перехода от представительной демократии, к новой системе управления, основанной на непосредственном участии граждан в подготовке, обсуждении и принятии решений, по которым предстоит жить. С этого демократия начиналась, об этом людям всё чаще напоминает их природная, генетическая интуиция.

Еще в прошлом веке, когда казалось, что избавившись от царизма Россия обретет совершенно новый облик, великий российский ученый Владимир Вернадский, предлагал ориентироваться на совершенно иную перспективу: **«Общественная самодеятельность и общественное сознание постепенно будут расширены до масштабов государства и заменят его».**

Страна для этого вполне созрела с точки зрения организационно-технологических возможностей, дело теперь затем, чтобы массовое общественно-политическое сознание преодолело стереотип мышления, что

управлять страной можно только «по доверенности», посредством депутатских мандатов.

Порок четвертый. *Российская власть никогда не считала себя ответственной перед народом, а народ, что он этой власти предан.* Но вот что характерно: власть и народ постоянно мстят друг другу за обманутые надежды. Власть народу за то, что оказывается не так глуп, как хотелось бы. Народ власти за то, что она так и не сумела стать лучше, чем предыдущая. Хотя и обещала. Даже клялась.

Поэтому отношения между властью и народом с завидной регулярностью бросает то в жар, то в холод, от пылкой любви к лютой ненависти. Народ ждет от власти благодати, власть от народа — благодарности. Но из этого иждивенческо-патерналистского мезальянса между властью и народом всякий раз получается конфуз.

Порок пятый. *Российская власть обладает непревзойденным умением подтачивать сук, на котором сидит.* Временами создается впечатление, перерастающее в убеждение, что у неё просто атрофировался инстинкт самосохранения. Ни в одной другой стране не создают с таким усердием внутренних врагов, не натравливают одну часть населения на другую, как у нас в России.

Итак, важнейшие генетические пороки российской власти перечислены. Настала пора предоставить ключ к правильному пониманию их природы. Начнем с того, что власть не сама по себе появляется на свет, не из воздуха материализуется. Корни власти всегда уходят в национальную почву, в толщу народных слоев, Мысль, что каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает, аксиома. Во всех благополучных странах справедливость этой мысли проявляет себя одинаково, во всех неблагополучных каждый раз на свой манер. Россия в этом отношении страна не благополучная…

Копнем в самую глубь, это не всегда суть, но обязательно очень близко к ней. Я имею в виду устное народное творчество, так называемый фольклор, в той его части, в которой в наибольшей степени проявляют себя представления «простых людей» о власти, о взаимоотношениях с ней. Это прежде всего русские народные сказки и их главные герои.

В подавляющем большинстве случаев представленные в сказках цари, царевичи, царевны, их придворные, разные там «спальники», «стольники», целовальники, воеводы и бояре, наделены, как правило, чертами мало привлекательными, вызывающими антипатию. Когда речь идет о власти, её представителей «награждают» качествами, от которых «простым людям» хотелось бы избавиться.

Над царями насмехаются, издевательски подтрунивают, изощренно унижают или грубо обругивают. В Европе нет, пожалуй, равноценного примера, в смысле страны и сюжетов, где бы к венценосным особам и их челяди относились так грубо и презрительно, как в русских сказках. И это

ИРСС

происходит вовсе не потому, что «беднота и холопы» заведомо предубеждены против власти.

Фольклорные произведения, тем и отличаются от авторских, что больше ничего не выражают и ничего не отражают кроме представлений самого народа о самом себе и вообще о том, что его окружает. Стоит-ли напоминать, что и самого себя в сказках народ характеризует весьма нелицеприятно. Я больше не знаю страны, где бы самым популярным и любимым героем был бы Иван-дурак. В этом образе уровень самоиронии вообще доведен до простонародного, грубого сарказма.

А за сюжетами, навеянными сказочными фразами вроде «поди туда, не знаю куда», «принеси то, не знаю что», погоней за «жар-птицей», ловлей «чудодейственной щуки», разного рода «самобранок», «скороходов», «самогудов», тоской по чудесным превращениям из «Ивана-подлеца в доброго Молодца» и другим чудесам, российская склонность к иждивенчеству и «халяве», не то чтоб вытекала, а просто хлещет через край.

Так что беру на себя смелость настаивать: к власти в России всегда действительно приходят «худшие люди» или неизбежно становятся таковыми только придя во власть. Эту порочно-генетическую закономерность русский народ распознал на несколько веков раньше, чем нобелевский лауреат Ф. Хайек.

Впоследствии эта закономерность нашла отражение и на более высоком интеллектуально-художественном уровне. В 2005-м году на суперобложку своей книги **«Я зная Who is Putin & что есть Россия»** под фотографию Мавзолея, украшенного транспарантом «Голосуйте против всех», я поместил слова, в справедливости и точности которых абсолютно уверен: «**В России талантливы только те, кто против»**.

Когда меня пытались сразу же за эту фразу упрекнуть в «нескромности», пришлось поблагодарить за незаслуженный комплемент и объяснить, что написанное никакого отношения ко мне не имеет. Слова о таланте относятся исключительно к Ленину. Ведь это должно быть ясно любому смекалистому человеку…

Всё, что есть в русской культуре талантливого и выдающегося, с властью конфликтует, сотрудничество с ней порядочные люди считают для себя унизительным, позорным, постыдным. Обратите внимание: всё самое талантливое, самое значительное в России с точки зрения возвышенных порывов души, все самое гениальное непременно пронизано духом бунтарства, неприятия власти, борьбы с ней. Да здравствует Россия, родина анархии.

Кстати, с понятием «анархия» вообще беда. У нас вместо того, чтобы этой идеей гордиться, в ней всё на самом деле очень умно, а главное, она «русским духом» пронизана и пропитана насквозь, её поливают грязью, по сути дела не понимая, о чем на самом деле идет речь. И первыми запевалами в этом глумливом хоре, звучат голоса именно претендентов на лю-

URSS

бую власть, кроме анархической, то есть подлинно народной. Ориентированной на торжество свободы, совести и справедливости.

Анархия по Кропоткину и Прудону, это не огульное отрицание власти, а особым образом организованная власть, при которой во главе угла стоит именно человек, его заботы и интересы, его духовные и нравственные ценности. Не случайно единственная партийная идеология, с которой находит общий язык православная религия, именно анархия. Просто в те времена, когда эта идея появилась на свет, отсутствовали коммуникационные возможности технического и организационного обеспечения такой власти. (Подробнее об этом в очерке «Самая последняя утопия». **См. Приложение. — В.Г**.)

Ленин это понимал: **«Идеи Кропоткина, — говорил он, — неприемлемы не потому, что вредны, а потому вредны, что не своевременны».** Было бы чуть больше места и времени, на эту тему можно было бы порассуждать отдельно. А то памятник одному из выдающихся отечественных мыслителей в столице стоит, а кроме площадной брани по адресу его провидческого учения никто доброго слова сказать не может.

Риску напомнить лишь об одном художественном произведении, в котором анархия как идея отображена достаточно адекватно: это пьеса бывшего морского офицера, ставшего драматургом, **Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия»**. С моей точки зрения её главный герой вовсе не Комиссар-Девица, а убежденный анархист **Матрос-Алексей**. Он на пафосных призывах Комиссарши места живого не оставил, в нравственном отношении, в храбрости, героизме на несколько порядков превзошел.

В умении видеть завтрашний день, как сложатся у коммунистической власти отношения с людьми, предугадал: «Хотел бы на вас посмотреть, как вы после всех ваших побед, с нашими мужичками, с их верой в «моё» столкнетесь. Как бы здесь ни просчитаться». Так и просчитались. Коммунизм именно под лозунгом «Верните моё», свергли. Двумя никчемными ваучерами совратили, обещанием все «отнять и поделить», завлекли…

А уж в умении трезво, взвешенно, а главное, даже в военном отношении, — а ведь всего-навсего Матрос, — своевременно и точно принимать решения, равных ему во всей пьесе не было. А, может, и во всей российской литературе на революционные темы, до сих пор нет. Согласно идее «у анархистов командует не тот, кому поручено, а тот, кто знает и умеет».

Вот только об Алексее, почему-то предпочитают помалкивать, зато с удовольствием тиражируют образы его «соратников и единомышленников». «Вожака», олицетворяющего мрачного агрессивного революционера-негативиста, «Сиплого», прибившегося к анархистам из криминально-бандитской среды, «Вожачка», карикатурно-шутовскую пародию на главного «предводителя». В самой пьесе автор их ни в грош ни ставит, даже имен не удостоил, «наградил» кличками. И ни одной фразы, над которой бы стоило задуматься, в их уста не вложил.

Зато «Алексей» как «человек из будущего» выписан. Убедительно, мощно, с нескрываемой авторской симпатией. И в фильме «Оптимистическая трагедия», Вячеслав Тихонов сыграл эту роль блестяще, на мой взгляд, гораздо убедительнее Штирлица. В «Семнадцати мгновениях весны» Штирлиц-Тихонов на всем протяжении фильма от встречи с Борманом до встречи с собственной женой один и тот же. Иное дело Тихонов-Алексей, здесь характер сложнее, динамичнее.

Но об этом даже никто не вспоминает. Почему, спрашивается? Штурмбанфюрера, пожалуйста, хоть каждый год ко Дню Победы, как «Иронию судьбы» к Новому году, по телевизору показывают. А Матроса-Алексея забыли напрочь. А зря…Не разобравшись в природе анархии Россию вообще не понять…Кстати, именно к такому выводу в конце жизни пришел Н. Бердяев, до этого считавший сам себя ярым идейно-политическим борцом с анархией…

А ведь выведенный в пьесе Матрос-Алексей, даже не за коммунистов, единственный раз о них мельком отозвался: «Я сейчас с вами потому, что вы всё-таки лучше, чем другие». Зато потом сделал все, чтобы Отряд от гибели спасти. Комиссаршу из рук палачей вызволил, потому что всей силой своей анархисткой души полюбил, не за идеи, а за силу духа, которую смогла продемонстрировать, своим личным примером на подвиг людей поднять. «Вожака», своего идейного единомышленника и боевого командира за предательство лично расстрелял.

Но нигде ни словом, ни жестом, ни намеком, не показал, будто в анархистских идеалах разочаровался, тем более от них отрекается. В поступках, вполне убедительных, мотивированных понятиями нравственности, справедливости, чести и совести, предстал, как и положено любому идейному анархисту, героем живым и вдохновляющим. Браво Вишневский…То, что любой власти анархисты не по душе, я понимаю. Не понимаю другого, неужели не видите, что вам противопоставить анархии нечего?.. Душевного порыва в вас нет, удали молодецкой…

Недавно, в одной из телевизионных политических программ, вопрос об анархии возник в совершенно неожиданном, казалось бы, ракурсе. Речь зашла о психологической атмосфере, о настроениях людей. И вдруг участники программы, а среди них был артист Леонид Ярмольник сами того не ожидая сошлись во мнении, что массовые настроения людей сегодня ближе всего стоят буквально у порога «анархистской революции».

Ярмольник, щелкнув пальцами, даже продемонстрировал, насколько просто такое может произойти. У большинства участников передачи такая перспектива не встретила одобрения, по совершенно различным соображениям, но под сомнение её наличие не поставил никто. Если бы мне довелось в той передаче участвовать, я бы постарался доказать, что развитие событий именно в этом направлении ни то, что возможно, а объективно предопределено…

Иногда задаются вопросом, отчего в России, при достаточно низком уровне массовой культуры, при довольно замкнутой системе образования, так много гениев, талантов, мыслителей, писателей, поэтов, музыкантов и художников, которые почти все без исключения находятся либо в прямых конфликтных отношениях с российской властью, либо её противникам явно симпатизируют. Налицо прямая зависимость: гении всегда рождаются в периоды борьбы, сражений, в моменты наивысшего напряжения душевных и физических сил. А в России с давних пор по времена нынешние — жизнь есть борьба. Как же тут не рождаться гениям…

Поскольку все, обладающие здоровой, неизвращенной психикой и нормальной жизненной энергией, если не понимают умом, то чуют нутром, что в России всегда была, есть и будет дурная власть. И совершенно ясно почему. Каждый гражданин России, родившийся в культурной, просвещенной семье впитывает чувство неприязни к властям с молоком матери.

Как правило, так называемую «хорошую власть», имели, имеют и, наверное, будут иметь те страны и народы, где на тронах, в президентских, министерских и депутатских креслах оказываются люди, строящие свою политику и карьеру на олицетворении достоинств и «развоплощении» недостатков своих подданных, избирателей, подчиненных. Это основное отличительное качество хорошей власти, её внутренний стержень, если хотите, фирменный знак. Плохая власть, наоборот, всегда поощряет пороки, спекулирует на слабостях, потакает низменным страстям. Российская власть обречена, дни её сочтены.

«Перестройка», «рыночные демократические реформы» начинались с прекрасных рассуждений об идеалах, о возвышенных устремлениях и благородных целях, а к чему всё это привело? Скучно и противно даже перечислять. Разве такое произошло бы, если бы у нас во власти были хорошие, честные, справедливые, благородные, умные, порядочные люди? Ну хоть бы один?! Депутат Яровая не в счет. Она женщина, к ним вообще никаких претензий быть не может, если даже берутся не за своё дело…Для них на все времена закреплено одно и то же, выше и достойнее которого нет: гениев на свет производить…

Тот факт, что мои прогностические рассуждения не отличаются скромностью для внимательного читателя, полагаю, давно не секрет. К сожалению, но это приходится делать вынужденно, по сути дела заведомо беря на себя «повышенные обязательства». Таким способом приходится привлекать внимание к своим соображениям, предложениям, взглядам и «достижениям», которые всегда идут вразрез с официальными позициями.

Действуя именно таким образом, В. Жириновский для себя и целой партии довольно успешную политическую карьеру выстроил. Но что бы сравнивать свои прогностические кондиции с могуществом Творца, как это сделал я чуть выше?! На такое даже ЛДПРовский лидер не отваживал-

ся. Здесь, наверное, уже явный перебор в «саморекламе», совершенно искренне упрекнул себя я…

Но самое удивительное, что этот прием, хотя и с опоздание, сработал. Такое происходит всегда по одной и той же причине: утопающий за соломинку хватается, а неизлечимый больной, от которого профессиональная медицина отреклась, обращается к знахарям, колдунам и шаманам. В ближайшем окружении Б. Ельцина были в ту пору люди, которые могли ему обо мне напомнить и посоветовать встретиться.

Ведь это Б. Ельцин лично распорядился 7 марта 1991 года в полном объеме зачитать мою статью **«О политическом крахе Горбачева…»** на только что начавшем работать по его Указу «Радио России». Семнадцать страниц машинописного текста!!! Не мог он такого забыть. Да и я до сих пор помню, и профессионально горжусь. Ни в одной журналистской биографии мне ничего подобного встречать не приходилось. Если, конечно, не считать Л. Брежнева, на руках у которого было удостоверение члена Союза журналистов СССР под № 1.

В начале 1996 года, в феврале или марте, точно не помню, мне вдруг поступает приглашение от Бориса Ельцина проконсультировать его избирательный штаб накануне предстоящих президентских выборов, причем, как раз под углом зрения ни как самому победить, а как соперников нейтрализовать. Мы встретились с Т. Дьяченко, (**Дочерью Бориса Николаевича, она тогда возглавляла его избирательный штаб**, — *В. Г.*), вместо запланированных сорока минут проговорили три с половиной часа, а в дополнение пришлось пообещать ещё и подготовить на тему разговора Аналитическую записку в адрес самого Ельцина.

Более яркого примера нереализованной, абсолютно обреченной на удачу, тем не менее, совершенно бездарно загубленной идеи я, к счастью, предложить не могу. У второй такой записки, адресованной на этот раз уже другому президенту В. Путину, совершенно иная судьба. В значительной своей части она уже сработала, а в чем-то еще продолжает работать…

URSS

Глава 3

«Я взял за правило предугадывать намерения Путина»

В начале книги, впервые коснувшись имени В. Путина, точнее характера сложившихся между нами контактов, я пообещал об этом рассказать. Пришла пора исполнять принятое на себя обязательство. Складывались наши отношения спонтанно, по сути дела по моей инициативе, но заведомо без каких-либо далеко идущих планов и даже надежд на установление регулярных контактов. Их возникновение и развитие целиком и полностью дело рук В. Путина.

Началось всё с публикации моего интервью еженедельнику **«ВЕК» № 50, от декабря 2001 года,** стоившего мне очень дорого. Работу, исходя их джентельменских предрассудков, пришлось добровольно оставить за четыре месяца до наступления пенсионного возраста, хотя даже при наличии заявления «по собственному желанию», согласно существующему трудовому законодательству, работодатели вообще не имеют права увольнять человека в таком возрасте без назначения пенсии. Тем более, когда работодателем является само государство.

Интервью, из-за которого весь сыр-бор разгорелся, называлось так: **«Имитация Союзного масштаба. Виктор Гущин о скрытых механизмах российско-белорусского Союзного государства».** При наличии такого заголовка, уточнять, о чем в интервью шла речь, вряд ли стоит. Ни от самой концепции Союзного государства, ни от практической деятельности, якобы направленной на её реализацию, камня на камне не оставалось.

А я, на всякий случай напомню, служил в ту пору в наивысшем Исполнительном государственном органе Союза, в так называемом Постоянном Комитете, почитай Совете министров Союзного государства Россия—Белоруссия в должности Начальника Департамента Информации. Если аналогию продолжать, то был как бы Министром информации. Я на этом заостряю внимание вовсе не по престижным соображения, я свои должности и звания ни в грош ни ставлю, просто так станет понятней уровень скандала, возникшего в российско-белорусских высших правительственных кругах. Это важно в контексте заявленной темы. Иными словами, В. Путину, если сам публикацию пропустил, обязаны были о ней доложить.

Тем более, что завершалось интервью словами, адресованными В. Путину непосредственно, а по белорусскому президенту А. Лукашенко наносили очень болезненный удар по местам, которые в случае опасности при-

URSS

крывать руками даже «на людях» стыдным и зазорным не считается. Судите сами: ***«Главное сегодня, — это избавить идею российско-белорусского Союза от того наследия, которое досталось на нашу долю от эпохи раннего А. Лукашенко и позднего Б. Ельцина. Уж слишком в нем силен налет личной политической корысти. Так уж сложилось, что решение этой задачи под силу только В. Путину. И только в том случае, если он сменит на посту председателя Высшего государственного совета А. Лукашенко, который, как представляется, связал свою политическую судьбу с сугубо рейтинговой составляющей союзной идеи.***

Возможность такой ротации предусмотрена учредительными документами Союза. Совершенно ясно, с приходом В. Путина на этот пост должен быть положен конец любым имитациям — идейно-политическим, социально-экономическим, управленческим, финансовым, кадровым. Иначе Союзное государство действительно не спасти…

Надеюсь, В. Путин понимает критический характер существующей ситуации и в зависимости от этого понимания сам решит: дать Союзному государству бесславно умереть или попытается спасти ценой неимоверных усилий и огромного политического риска. Для принятия такого решения потребуется большая политическая мудрость и большое политическое мужество».

Спрошу прямо: вы можете себе представить, чтобы государственный деятель любого ранга, даже такого высокого как президент, дающий себе отчет на какой риск пошел человек, осмелившийся в нашей стране сделать такое заявление, не нашел бы способа ответить? Я точно знал, что ответит, вот только не предполагал как. Вдруг, дня через два или три, воспользовавшись каким-то сугубо формальным поводом, В. Путин делает совершенно скандальное заявление, которое потом долго вспоминали по разным поводам: **«В отношениях с братской Белоруссией в рамках Союзного государства нам надо научиться отделять мух от котлет».** Представьте себе на минуту, если бы мое интервью было подписано не «В. Гущин — В. Путину», а «Юстас — Алексу». Как бы ответил «Алекс»? Точно так, как Путин — Гущину. У него просто другого выхода не было.

Дальше эта цепочка замкнулась. Я в очередной публикации называл «пароль», В. Путин давал совершенно адекватный, заведомо узнаваемый «отзыв». Так в прямой связке оказались мои публикации об особенностях борьбы с международным терроризмом, такие как **«Терроризм — это война психологическая»**[14] **и «Не будет покоя пока жив Джавдет»**[15]**,** отношение к которым было отнюдь не однозначное, с еще более знаменитой фразой Путина **«о террористах в сортире».**

[14] См. «НГ» 21.09.1999 г.

[15] См. «НГ». 02.11.1999 г.

Далеко не все соглашались с тем, что в борьбе с терроризмом придется отбросить все этические ограничения. На мой взгляд, борьба с терроризмом, это война без правил. Мои публикации прямо перекликались с нашумевшей фразой В. Путина: **«Обнаружим террористов в сортире, там и «замочим!».** Он ясно дал понять, что такой подход разделяет.

Потом была еще фраза, что **«Российская Федерация — не конгломерат «удельных княжеств», а возможность и обязанность Центра и регионов совместно и согласованно решать вопросы жизнеобеспечения российских граждан».** Это по случаю Указа об отмене выборов губернаторов и перехода к их назначению. Фраза практически цитирует заголовок статьи **«Губернаторские выборы довершат распад России. Мы будем жить в удельных княжествах»**[16]**.**

Полагаю, вряд ли цепочку «паролей и отзывов» имеет смысл продолжать. Она бы протянулась через ежегодные путинские телевизионные «горячие линии», пресс-конференции, даже ежегодные президентские Послания Федеральному собранию, а порой даже принимала характер дискуссии, как, например, по вопросам «самоуправления», когда мы заочно по нескольку раз обменивались мнениями по этому поводу. Говорю «обменивались мнениями», потому что кроме нас в рассуждения на эту тему почти никто не пускался…

Путин, например, категорически не согласен, что взаимоотношения между официальными властями и формирующимися органами самоуправления заранее надо воспринимать как генетически конфликтные, состязательные, вплоть до конфронтационных. Предназначение самоуправления, я так считаю, откликаться на острые ситуации, подключаться к возникающим конфликтам, искать пути к их разрешению. Возникновение любой структуры самоуправления будет обязательно сопряжено с обострением отношений с властями. Иначе, что за нужда такие органы управления создавать, разного рода бюрократических «говорилен» и так достаточно…

Я свою позицию впервые изложил в адресованной В. Путину аналитической записке еще в 2005 г, он мне возразил в ежегодном Послании Федеральному Собранию от 13 декабря 2013 года. Такой интервал в обмене мнениями на заданную тему нормальное дело. До перевода вопроса в практическую плоскость нужно было еще дожить. Он поднимался в аналитической записке в стратегическом ракурсе.

В пику мне Путин исходит из позиции, что формирование структур самоуправления должно быть ориентировано прежде всего на «мобилизацию конструктивных потенциалов». Я, ему вот уже в нескольких публикациях к ряду, возражаю, считая, что для реализации и мобилизации «позитивных потенциалов» достаточно эффективно работают иные формы

[16] См. «НГ» 28.05.1999 г.

URSS

взаимодействия. Те, где проще планировать свою деятельность наперед. Самоуправление гораздо продуктивней срабатывает в «стрессовых» ситуациях. Абсолютно уверен, внимание к теме «самоуправления» в нашей заочной дискуссии будет только нарастать.

Или вот еще пример, достаточно свежий, да к тому же имеющий стратегический характер. Выступая 19 декабря 2013 года в Москве на Международной научной Конференции на тему **«Модернизация России: ключевые проблемы и решения»,** прошедшей под эгидой Президиума РАН с докладом, **«Концептуальные основы неизбежных политических перемен в России»,** я произнес новый «пароль»**.**

Под аплодисменты, что не так уж часто случается в научных аудиториях, воспроизвожу по информации, «вывешенной» на интернет-сайте Президиума РАН, он прозвучал так: «Жаль, что в попытке найти выход из нынешней сложнейшей социально-экономической ситуации ***российская власть совершила роковую стратегическую ошибку, взяв курс на всеохватывающую «модернизацию».*** Ориентируя общество и страну на обновление, улучшение и совершенствование уже достигнутого, (а чем же еще в правильно понятом терминологическом смысле может быть «модернизация», — *В. Г.*), власти обрекают Россию ещё на один имитационный цикл в своём развитии. Но если **первый** такой цикл под названием **«стабилизация»,** после двух предшествующих откровенно разрушительных *был вынужденным*, — то **нынешний «модернизационный», — абсолютно не обязательный.**

В курсе на **«модернизацию»** нет никакого мобилизационного потенциала. Он размытый, рыхлый, не конкретный. Лозунги типа «Делай лучше, бери больше, кидай дальше» никогда к убедительным результатам не приводят. ***В стратегическом смысле таким способом можно как-то держать консервативную «круговую оборону», но не более.*** Для всего своё время — и для консерваторов и для прогрессистов. Только это нужно правильно понимать. Неизбежно наступает момент, когда одни превращаются в других и наоборот. Иначе бы мир давно застыл в полном унынии.

Сегодня России нужен прорыв на главном направлении, качественный скачок из одного состояния в другое, если хотите из самодержавия в самоуправление, минуя демократию. Наука такой гипотетической возможности не исключает, точно также, как не допускает другого: догнать, а тем более перегнать развитые страны, следуя за ними след в след, по уже пройденному ими пути. Стратегические победы это не игра в «догонялки» и «перегонки». Это движение в нужном направлении по ещё нехоженым тропам».

Скажу совершенно честно и откровенно, я не рассчитывал на моментальный «отзыв», не усматривая для него публичного формата, но ошибся. В. Путин ответил, не стану настаивать, что именно мне, но на поднятую мной проблему, откликнулся точно. Значит и мной она была поставлена

ЦИРСС

вовремя. Во всяком случае, впрямую, так как это сделал я, власти в стратегической ошибке с выбором курса никто другой не упрекал. В случае, если В. Путин отвечал не мне, назовите кому. Не себе же самому?!

Выступая в апреле 2014 года на Санкт-Петербургском экономическом Форуме, довольно неожиданно для всех его участников, мне об этом рассказал один из них, В. Путин говорил так, как это делают, обращаясь к конкретному, присутствующему у зале оппоненту: обратил внимание на то, что не «следует воспринимать «модернизацию» всего лишь как курс на повышение эффективности, увеличение объемов и ускорение процессов развития и производства.

Стоящие перед страной задачи требуют революционно-технологических решений, способных обеспечить не просто подъем, а прорыв на важнейших направлениях экономики, науки и техники. С удовлетворением могу констатировать: ход мысли общий, термины одни и те же. А я большего и не ждал.

Кстати, к нашему взаимному обмену мнениями с Путиным в режиме «Юстас — Алексу» «Алекс — Юстасу» я не вижу никакой интриги. Я журналист, и среди моих представлений о профессиональном предназначении есть и такое: печать должна постоянно находится в живом диалоге с властями, на общую пользу, при взаимном интересе друг к другу. В свое время в газетах и журналах обязательно существовали рубрики, вроде «Действенность печати», «Нами сказано, что властями сделано», «По следам наших выступлений», «Встать! Наш суд идет!», «На контроле у «четвертой власти» и так далее.

Сегодня традиция живого заинтересованного общения между органами СМИ и органами власти почему-то утрачена. А жаль, вместе с ней куда-то ушло ощущение, что все мы живем в одной стране, делаем одно дело, заинтересованы в одном и том же. Помните, как в песне: «Жила бы страна Родная, и нету других забот…»

Иногда мне даже приходит в голову мысль, а вдруг наш виртуально-заочный диалог с Путиным всего лишь «фантомная боль» по ощущению причастности «к былым общим заботам». На самом-то деле и я, и он, и вообще мы все, живем сами по себе, абсолютно не вспоминая ни друг о друге, ни о стране. Однако, минуточку, в дверь звонят…

Пришел нарочный с сообщением в конверте: мое личное обращение к Президенту РФ В. Путину получено 29 апреля 2014 года, зарегистрировано под № 516971. Теперь буду ждать ответа по существу. **(Об исходе этой истории в конце книги, в разделе о «принципе прогностической регистрации», — *В. Г.*).** Кажется, помимо «Юстас — Алексу, Алекс — Юстасу» появляется новый канал связи. Теперь уже по моей собственной инициативе. В папку с надписью «Моя переписка с В. Путиным» отправлен первый конверт… Надо какому-нибудь издательству «заявочку» на буду-

ЦИКЛ

щую публикацию сделать. Двойная выгода. Работают на равных двое, авторский гонорар достанется одному.

Чтобы впредь, к теме, кто кому чего сказал и кто, что именно сделал, больше никогда не возвращаться, приведу пример, на который раньше никогда не ссылался: в 2003-ем году, сразу в двух газетах, в «Родной» и «Литературной», вовсе не случайно, знаю это точно, появились публикации на одну и ту же тему. Одну даже по заголовку запомнил, благо в него моя фамилия была уже вмонтирована: **«Виктор Гущин: «черная метка» Кремля».**

Статьи с подтекстом, льстиво-поганым. «Обе-две», как говорят мои чешские друзья, метили в одну точку: угадчик-то В. Гущин, конечно, угадчик, спора нет. Многое предсказывает точно, это факт. Вот только не мешало бы разобраться, откуда что берется и кому идет на пользу.

В одной из статей эта мысль была сформулирована следующим образом:

«В зарубежных Интернет-персоналиях можно узнать, что Гущин, известный в России политолог, включенный» «НГ» в список 100 наиболее авторитетных российских экспертов еще при Третьякове, вот уже несколько лет старательно нарабатывает себе репутацию «правдоискателя», «борца за справедливость», «рыцаря без страха и упрека», для которого нет ни одного авторитета, будь то хоть президент или премьер. Ни об одном из сильных мира сего ни одного бодрого слова. Лишь ярлыки и «гвоздолупы». Вместе с тем Интернет-персоналии оговариваются: борец-то он, конечно, борец, вот только рыбку-то из взбаламученного им омута как правило ловят чаще всего другие. Преимущественно люди за Кремлевской стеной. Тут уж одно из трех. Либо его публикации действительно предугадывают то, что там замышляют. На этом, собственно, наш герой и настаивает. Либо они действуют по его «политической наводке». Либо, что, скорее всего, Гущин с кремлёвскими ребятами заодно. Чтобы в этом разобраться, потребуется предыстория, так сказать экспозиционный фон».

Уверен, даже точно знаю, статьи написаны ни для того, чтобы меня очернить. Их предназначение в другом: публично отплатить за обиду тем же способом, которым авторам вышепоименованных публикаций она была нанесена. Долгое время я поддерживал довольно активные товарищеские, даже дружеские отношения с коллегами из депутатской фракции «Родина» Сергеем Пыхтиным и Андреем Савельевым, ближайшими сподвижниками Олега Рагозина.

Помню, фракция готовилась к очередному съезду партии, коллектив буквально бурлил, на телевизионный экран было выпущено несколько довольно дерзких рекламных роликов, очень часто замелькали названные мной имена, в различных СМИ. Я при каждой встрече сугубо по-приятельски, не упуская возможности поёрничать, коллег подначивал.

Вот, мол, скоро всех соперников и политических конкурентов, если «не заплюёте с ног до головы, то хоть, переплюнете», «арбузными корками» и «банановой кожурой» закидаете. Был такой сюжет в одном из нашумевших телероликов на тему о «мигрантах».

Но шутки — шутками, а тут как-то до серьезного разговора дошло. «Родинцы», решив в очень узком доверительном кругу обсудить свои «больные проблемы», почему-то сочли возможным и полезным на этот «доверительный междусобойчик» пригласить и меня с предложением выступить. Я предложение принял и выступил. Лучше бы я этого не делал. Не будучи ни депутатом фракции, ни членом партии, я наговорил такого, чего не следовало. Одним словом: «Остапа понесло!». Со мной такое бывает…

Короче, обидел я ребят, признаю. Причем, обидел не простительно, как говорится в поговорке, «ради красного словца, не пожалел, ни мать ни отца!». И они нашли талантливый способ отплатить мне той же монетой. Чтоб следующий раз неповадно было. Сделали это жестко, но абсолютно честно: статьи собственными именами подписали и выстроили всё так, как если бы ничего впрямую не утверждали, но грязью облили с ног до головы. Иными словами, сделали то же самое, что и я, в устной версии своего выступления. Статьи были выстроены по формуле, то ли Гущин кого-то предал, то ли его предали, но что-то там такое было, от чего подальше следует держаться…Мастера!

Вот ещё сюжетец:

«Работая, по решению ЦК КПСС в Праге в международном коммунистическом журнале «Проблемы мира и социализма» Гущин дозволял вести себя там так, как не мог бы этого делать тогда вообще никто. Подчеркнем: без специальных на то полномочий. Во время «бархатной революции» он был в контакте и с коммунистами, и с демократами, чуть не «посадил» на пост нового Генерального секретаря КПЧ своего приятеля еще по 1968-му году Эвжена Прушу, и одновременно был в числе ближайших сподвижников Вацлава Гавела, помогая ему бороться за президентство. В феврале 1990 года В. Гущин в эфире Чехословацкого телевидения осудил политику «перестройки» и лично Горбачева.

Тогда представители специального ведомства, занимавшегося в ту пору политическим надзором, потребовали от посла СССР в Праге Ломакина выдворить Гущина из страны. Поступки его несовместимы, мол, с нормами поведения советских людей за рубежом. Более того, наносят серьёзный вред советско-чехословацким межпартийным и межгосударственным отношениям. Но никакой реакции ни посла, ни других служб посольства, надзирающих уже за надзирателями, не последовало.

Вот тогда-то среди своих и чужих заговорили о том, что Гущин устраивает политические аттракционы хоть и от своего имени, но по чужим сценариям. Он выбран, чтобы запускать зондажные пропаганди-

ПРЕСС

стские шары. Посмотреть, как на них будут реагировать, а уж только затем выводы делать».

Одним словом, профессиональный провокатор или авантюрист, а это заведомо бросает специально «загущенную тень» как на прошлое, так и на будущее. Если оказался, к примеру, в августе 1991-го года среди защитников Белого Дома по доброй воле, ты «герой», а если «по-службе», то совсем иное дело. Может, у тебя по понедельникам, с 9 до 18 «подвиг» запланирован. Чему тут удивляться, какому благородству, какому мужеству? Просто работа такая…

Или еще один, сюжетец, вообще убойный, от которого несколько лет подряд отмывался, и до сих пор не уверен, что до конца отмылся.

«Теперь Гущин заактивничал с критикой Председателя Центризбиркома. По доброй воле он это делает или, быть может, А. Вешнякову тоже решили «там» вручить «черную метку»? С помощью Гущина? Поставить бы эту версию на контроль. Если А. Вешнякова отстранят накануне парламентских выборов, что будет большим скандалом. Значит, мы Гущина вычислили. В нашей истории уже был человек, которого называли «карающим мечом революции», теперь, похоже, может появиться новый меч — «предупреждающий».

Должен сказать, это был удар вообще ниже пояса, как они в эту крайне болезненную зону угодили, понять не могу. Я, конечно, с А. Вешняковым воевал в связи с протестной графой «против всех» в избирательных бюллетенях, но отношения между нами были честными, в итоге он принял мою строну, и встал, что называется на защиту графы, грудью.

И никаких «терок» с Кремлем у Вешнякова вроде бы не наблюдалось. И, вдруг, следует решение, поставленное автором статьи «на счетчик»: об освобождении от должности Председателя ЦИК. Причем с каким-то нарочито-загадочным шлейфом, как если бы сам Кремль решил авторам понравившейся идейки «подыграть». Но всё-таки скорее, С. Пыхтин с А. Савельевым действительно знали что-то такое, о чем я не догадывался, чего даже предположить не мог…

Я сдался. Пошел к ребятам, принес искренние извинения за нанесенные обиды, которые действительно серьезно били по их репутации и профессиональной квалификации. А главное, поблагодарил за урок: никогда не надо кичиться собственными заслугами и достижениями. В конечном итоге, всё зависит от того, как на них посмотреть. Под доброжелательным углом зрения одно, со злым умыслом, — совершенно другое. И по сей день за преподанный урок признателен.

Но приятельству всё-таки пришел конец. Что «написано пером, даже топором из памяти не вырубишь». Полагаю, ответ на нанесенную обиду получился со стороны «обиженных мстителей» не совсем адекватным. Свидетелями моего недостойного поступка были человек 25–30, сколько

людей прочитали статьи обо мне, не счесть. Если бы не мастерское исполнение, честно скажу, люто обиделся бы, а так, — снимаю шляпу…

Подозреваю, что статьи повлияли даже на мои отношения с некоторыми редакциями, с «Независимой» и «Новой», к примеру. Прежде обе печатали меня весьма охотно, но с какого-то момента, примерно совпадающего по времени с упомянутыми выше публикациями, уже раз несколько от предложений отказывались, мне совершенно ясно, вовсе не по соображениям качества исполнения…

Однако, пора от «обнюхивания предмета», к «поглощению» содержательной части отношений с В. Путиным переходить. Материалов у меня на эту тему накопилось столько, что вопрос о выборке вообще пришлось снять. Другого способа, кроме как действовать в манере начинающих юных рисовальщиков, не оставалось: смешать все краски в одну «акварельную болтушку» и выплеснуть содержимое на чистый лист бумаги. И только потом, местами, «мастерским ударом кисти» внести необходимые акценты «в цветовую гамму» этого абстрактно-спонтанного выплеска. Что получиться, то и получиться. Главное, — не концы с концами свести, а конец с началом. Не сумею этого, значит, не сумел ничего!

Выбрал вроде бы сквозной ракурс, заявленный в самой первой публикации о В. Путине Сегодня, наверное, он будет восприниматься как наиболее аттрактивный. Как в гигантском политическом цирке под планетарным куполом. Вроде бы «звезда» В. Путина на подъёме, даже на взлете, а может в самом апогее, а я берусь его изображать восходящим на Голгофу, предсказанную еще пятнадцать лет назад. В ноябре 1999-го свет увидела статья, о которой мне в доверительном порядке сообщил тогдашний ***главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков: «Мы твой материал, конечно, напечатали, но скажу честно, никто ничего не понял. Рубрика, нас, к сожалению, обязывает».***

Прогностический комментарий под рубрикой **«Карт-бланш»** назывался **«Отчизна-мать в предвкушении нового мученика. Вариации в русле размышлений о судьбе В. Путина»**[17]**.** В нем я его **назвал**, чего еще не делал никто, даже вопросс: «Who is Mr. Putin», — еще не задавали, **будущим Президентом России.** Мало этого, предрек В. Путину горестную политическую судьбу, как пушкинский кудесник князю Олегу. **«Грядущие годы таятся во мгле, Но вижу твой жребий на ясном челе…»**.

Далее известно любому пятикласснику: победой прославлено имя твое, твой щит на вратах Цареграда, под грозной броней, ты не ведаешь ран, незримый хранитель могущему дан, завидует недруг столь дивной судьбе, и волны и суша покорны тебе, и холод и сеча тебе ничего, но примешь ты смерть от коня своего…

[17] См. «НГ», 12.11.1999 г.

ИПРЭС

Достаточно заменить пару слов и названий, и один к одному, Вещего Князя Олега от Президента Путина не отличишь: Царьград на Севастополь; Щит, — на российский триколор; волны и сушу, — на Черное Море и Крымский полуостров; холод и сеча тебе ничего, — в морские глубины, под вечные льды погружался, чуть не в стратосферу на боевых машинах взлетал, танками, подводными лодками управлял, ракеты запускал; победой прославлено имя твое, — трижды победитель президентских баталий, Бог-чудотворец Сочинской Олимпиады; укротитель сирийского вооруженного конфликта с международным участием; под грозной броней ты не ведаешь ран, — Верховный главнокомандующий крупнейшей ракетно-ядерной державы; завидует недруг столь дивной судьбе, — Барак Обама с Евросоратниками; незримый хранитель, — сама Судьба; примешь смерть от коня своего, — жестокий кризис и кровавый конфликт на земле братской Украины, символом киевского Майдана, «на удачу» наверное, была подкова боевого коня…

Но главное, всё-таки, не в совпадении деталей, а в сути предначертаний. Оба и Князь Олег, и Президент России В. Путин выходят на роковой «предвещенный», то есть негативно предсказанный рубеж, таковым в древнеславянском языке было значение слова «вещий», **(Понятия «вещий» и «ведьма», то есть «специалистка» по «накликиванию» бед, однокоренные, — *В. Г.*),** казалось бы, в зените славы и могущества. На самом же деле вычерпанными и опустошенными, обессиленными и уставшими, «функционально отработанными». Оба оказываются «подстреленными» судьбой в инерционном полете, а не на взлете. Причем, что особенно огорчительно, по собственной вине. Оба о грядущей угрозе предупреждены. Оба предостережениями пренебрегли. За такие промахи судьба карает жестоко. На мой взгляд, аналогия между обоими вполне адекватная.

По мере развития и углубления украинско-российского политического кризиса и возвращения Крыма в состав России у национал-патриотически настроенной публики для аналогий между Владимиром Путиным и Вещим Князем Олегом появились дополнительные стимулы: богатую пищу для разного рода символичных ассоциативных толкований дал тот факт, что именно Олегу принадлежит заслуга возвращения Киева, до этого находившегося под «братской дланью» двух варяжских князей Аскольда и Дира, попавших под вассальную зависимость хазар.

Только после победы, одержанной Олегом и над князьями-братьями **(Сюжет знаменитого исторического романа К. Загоскина «Аскольдова могила», вспоминаете? — *В. Г.*),** и «отмщения неразумным» хазарам» за постоянные грабительские набеги и «обложение» Киева непомерной данью, Русь впервые, как это следует из летописной «Повести Временных Лет» стали именовать Киевской. В момент своих первых размышлений о Путине об этих исторических заслугах Князя Олега я даже не вспомнил. Повода, что называется, не было. Теперь появился…

Ход мысли у меня в том давнем прогностическом комментарии был навеян не воспоминаниями о прошлом, а попытками заглянуть в будущее: мол, по велению времени В. Путин пришел, по велению времени и уйдет. Срок пребывания на президентском посту будет предопределен функциональным предназначением. А оно уже тогда просматривалось как весьма трудоемкое и неблагодарное — уберечь страну от распада, навести элементарный порядок в управлении, заложить основы политической стабильности, на которую хоть как-то можно было опереться для последующего развития.

Как только эти задачи будут решены, пробьёт роковой час. И никакое «благоприятное стечение обстоятельств», никакие «объективные предпосылки», никакие «победы», вроде той, что недавно была одержана в «малой Крымской войне», удержаться в президентском кресле не помогут. Судьбу, если она даже политическая, не обманешь. Она может помочь прийти к власти, но только в тех пределах, которые и без тебя назрели. Судьба тут же прекращает свое покровительство, если функциональное предназначение очередного избранника оказывается исполненным.

Для всех, кто приходит во власть «по велению времени» без четких стратегических программ политической деятельности, срок пребывания «на посту» всегда бывает жестко ограничен. Исполнил выпавшее на твою долю предназначение, освободи место. Новое дело начинать будут другие. Под их действия совершенно иные основы нужно будет подводить, а от того, что Путиным было заложено «отрекаться». Иначе вперед не двинуться. Такова в общих чертах была логика прогностического комментария про «Отчизну-мать», изнывающую в томительном ожидании «нового мученика».

Я эту публикацию и прежде упоминал очень часто, но практически никогда не цитировал ни строчки. Уверенность в осуществлении «предвещенного» постоянно крепла, но наращивался лишь логический потенциал предвидения, а не его доказательная база. Реплика В. Третьякова, «никто ничего не понял», оставалась в силе. Приходилось дожидаться подходящего момента, когда как бы все само собой сложится, когда непонятное еще вчера, станет абсолютно ясным сегодня. И это произошло. Убедитесь сами. На нынешнюю ситуацию прекрасно проецируется. Цитирую.

«Многие вдумчивые аналитики предрекают России, причем совершенно справедливо, большую вероятность сюрприза, неожиданного поворота событий. То есть не так чтобы вообще неожиданного, сам-то по себе поворот практически неизбежен. Даже содержание его очевидно: он обязательно приведет не только к смене нынешней президентской власти, но и к полному обновлению политических элит. Загвоздка лишь в том, кто конкретно этот поворот в себе воплотит.

Когда разговор переходит в конкретную плоскость, то чаще всего ищут кандидата не в мученики, а в диктаторы. А это коренная ошибка.

Сама по себе диктатура, а главное, её функционирование, — процесс рациональный, прагматический, но для её установления нужен душевный порыв, сплачивающая идея. Пусть простенькая, но обязательно с мобилизующим потенциалом. Вроде «Ребята. Наших бьют». Без неё никак не обойтись. Случись такое, тогда, быть может, и генерал Лебедь вновь взмахнет крылом и, чем черт не шутит, долетит до Кремля. Но пока такой сюжет ***(Это в ту осеннюю пору 1999-го было «пока», а в нынешнюю весеннюю 2014-го в самый раз****, — В. Г.) — всего лишь полет политологической фантазии. Главной предпосылки её реализации — кандидата в мученики — еще нет. Нужен, ой, как нужен России новый царевич Дмитрий.*

В конце концов, не исключаю, что сама же власть о появлении такой жертвы и позаботится. Обязательно её где-нибудь отыщет, выпестует и нам предъявит. Она не может не прийти к диалектическому пониманию того, что бывают ситуации, когда сохранить за собой власть можно только через отрицание её. При желании нетрудно назвать несколько наиболее вероятных примеров, как именно такое может случиться. Не делаю этого по двум причинам: во-первых, из опасений быть обвиненным в подстрекательстве; во-вторых, по соображениям политических суеверий. В России чаще всего сбывается именно то, чего меньше всего хочется. Но без мученика нам всё равно не жить, из нынешней общественно-политической смуты не выкарабкаться. На него горемычного, вся надежда.

Предстоящие в декабре выборы в Государственную Думу кандидата в мученики нам еще не предоставят. При всей масштабности парламентской избирательной кампании она все-таки остаётся политической массовкой. Претендент на терновый венец объявится скорее всего к лету, когда политическая атмосфера в стране достигнет максимального накала. Настоящие жертвы приносятся на алтарь власти реальной, а не показушной. Но персональные очертания мученика уже начинают проступать на газетных «плащаницах». ***(Имя В. Путина непосредственно в тексте комментария названо не было по вполне понятной причине: это уже было сделано в подзаголовке. «*Вариации в русле размышлений о судьбе В. Путина»*. В. Г.*)**[18]

И вот В. Путин стал российским президентом с набором задач, сводившихся в основном к исправлению ошибок предшественников, чем ориентирующих на достижение новых рубежей. С точки зрения моих исследовательско-экспертных прогностических интересов передо мной открывался фантастический шанс. Прежде, и при Горбачеве, и при Ельцине, все мои версии и выводы имели в основном констатирующий характер, я ориентировался прежде всего на результат. В случае с В. Путиным открывалась возможность ориентироваться на мотивации решений и дейст-

[18] См. «НГ» 11.12.1999 г.

вий, на ход мысли, предположительное сочетание или стечение обстоятельств, на психологическую подоплеку ситуаций.

Более того, появлялся соблазн и перспектива его удовлетворения, «пососостязаться» в аналитических способностях с В. Путиным практически на равных. Этого мне никто не мог ни запретить, ни помешать. Для этого только и нужно было, что чуточку опережать его в огласке принимаемых решений, а при сопоставлении полученных результатов, становилась очевидной мотивационная логика его политических поступков и продуктивный характер моих прогностических версий. На сегодняшний день, я у В. Путина, похоже, выигрываю.

Не смотря, на то, что за моей спиной нет ни сонма помощников, советников, консультантов, доцентов с кандидатами, докторов с членами-корреспондентами, коллективами научно-исследовательских институтов, всей Российской Академии наук. Если вы нащупали формулу правильных решений, если всё, что нарабатывалось прежде, неизменно дает позитивный результат, можете не сомневаться, победите в любом состязании, потому что к достижению цели будете двигаться самым коротким путем, ни с кем ничего не обсуждая и не согласовывая. Обсуждения и согласования любую здравую мысль губят, на первом месте всегда оказывается личная корысть…

Это экономит очень много времени и сил. Когда у вас все свое всегда с собой, все отлаженно работает. Не только на уровне анализа, но и натренированной интуиции, в надежности которой, как вы уже сами сотни, а может тысячи раз, имели возможность убедиться, за вами никакие академики не угонятся.

Я всем всегда предлагаю: давайте сыграем в научный прогноз вслепую, как в криминальное очко. Пусть каждый изложит свою версию развития событий инкогнито и представит на рассмотрение независимой комиссии, у которой будет всего лишь одна, даже не экспертная, а сугубо ревизорская задача: определить, какой прогноз окажется самым близким к реальному ходу событий.

Сам с собой наедине, играю в эту игру уже более двадцати лет. Ни разу сам себе не проиграл. По итоговым результатам будем решать, кто же из нас действительно академик, а кто просто так, погулять вышел. До сих пор желающих по этой формуле со мной пососостязаться не нашлось. А жаль. Было бы весело. Могу продемонстрировать на самом свежем примере, позаимствованном из переписки с редактором книги.

2 декабря 2014 года, в ответ на сообщение редакции, что работа над книгой вступила в завершающую фазу и в этой ситуации желательно новых дополнений в текст уже не вносить. Обычная, разумная просьба, если иметь в виду «обычный, разумный» ход работы. Но у меня, как читатель уже знает, заведен порядок: на каждое более или менее значительное политическое событие, способное привлечь общественное внимание, заранее формулиро-

URSS

вать его прогностическую оценку с целью её последующего сопоставления с реально возникшей ситуацией. Причем, такая формулировка должна была бы быть официально зафиксирована не только в моих авторских дневниках, но и в источниках, имеющих публичный характер.

На этой практике основан один из ключевых принципов разработанной мной методики, а именно **«принцип прогностической регистрации»,** о котором еще пойдет речь в специально посвященном развитию этой темы разделе. Такая **«регистрация»** максимально дисциплинировала **«прогностическую мысль»,** приучив вкладывать её ключевую суть в одну, максимум две фразы. Если она попадает в цель, то затем становится «золотым ключиком» к правильному пониманию всего хода событий. Вот как это выглядело в моей переписке с издательством.

Письмо от издательства: *«Выправленный авторский материал получили. Спасибо, берём в работу. Просьба больше не делать изменений в Вашем файле, дождаться нашей версии на проверку».*

Моё ответное письмо в издательство. *«До получения Вашей финальной версии никаких изменений в текст обязуюсь не вносить. Лично для себя резервирую лишь возможность сравнить ключевую мысль президентского Послания Федеральному Собранию, с которым В. Путин выступит 4 декабря, то есть через два дня, с той формулировкой, которую я в методических целях заготовил заранее.*

Суть формулировки сводится к тому, что текущие события и политическая ситуация, сложившаяся в стране и в мире, побуждают Президента обратиться на этот раз не к Федеральному Собранию, как это было во всех предыдущих случаях, а ко всей стране, всему народу. В соответствующем ключе будут сформулированы и задачи, которые будут поставлены В. Путиным перед Россией и её гражданами. Включать или не включать этот сюжет в окончательный текст книги, решать Вам».

Контрольные выдержки из начала и окончания Послания В. Путина от 4 декабря 2014 года, в котором он сам определяет, что в нынешнем документе является ключевым, главным.

«Граждане России! *Сегодняшнее Послание будет, разумеется, соответствовать и времени, и условиям, в которых мы живём, тем задачам, которые перед нами стоят. Но прежде всего, хочу поблагодарить всех вас за поддержку, за единение и солидарность в судьбоносные моменты, когда решается очень многое для будущего нашей страны.*

В этом году мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплочённой нации, по-настоящему суверенному и сильному государству. Россия на деле доказала, что способна защитить соотечественников, с честью отстаивать правду и справедливость.

Наша страна сделала это благодаря вам, граждане России. Благодаря вашему труду и тем результатам, которых мы добились вместе. Благодаря вашему глубокому пониманию смысла и значимости общенациональных

интересов. Мы осознали неразрывность, цельность тысячелетнего пути нашего Отечества. И мы верим в себя. В то, что многое можем и всего добьёмся…. ***(Вот такие, явно незаслуженные авансы были выданы Президентом всем нам в оценке несостоявшихся побед и далеко еще не достигнутых целей в начале Послания. О том, в каких случаях и зачем такие авансы в нашей стране выдаются, чуть ниже, — В. Г.).***

Уважаемые друзья! Уважаемые граждане России! *Закончу сегодняшнее Послание тем, с чего и начал. В этом году, как это не раз бывало в судьбоносные моменты истории, наш народ ярко продемонстрировал и национальный подъем, и жизненную стойкость, и патриотизм. А сложности, с которыми мы сталкиваемся, создают для нас и новые возможности. Мы готовы принять любой вызов времени и победить».*

Последний из процитированных фрагментов Послания, представляет собой своего рода «путинский политический запрос» на ближайшее будущее. Когда в начале и в конце своего выступления В. Путин заявляет, что Россия сегодня переживает, **«судьбоносный момент в своей истории»** правда чистейшей воды. Потому и «путинский призыв», обращен не к депутатам, не к Федеральному собранию, как того требует статусный жанр Послания, а непосредственно к гражданам России. **«Судьбоносный момент»** в том политическом смысле, что Президент и страна оказались перед стратегическим выбором: взять курс на прямое народное управление, либо на дальнейшее упрочение режима авторитарного «путинского самодержавия». Иного, на мой прогностический взгляд, не дано.

Непосредственно к депутатам, причем, уже в самом конце выступления, Президент обратился лишь однажды: *«Рассчитываю на нашу совместную* ***консолидированную*** *работу. Интересы России требуют от нас именно такого* ***единства****, именно такой работы».* Иными словами, забудьте о своих парламентско-демократических дрязгах и препирательствах, отрекитесь от давно изживших себя «понятий» о «разделении властей», о «взаимных сдержках и противовесах», о партиях и фракциях «правящих и оппозиционных», от политического плюрализма, перестаньте корчить из себя авторитетов-законников.

Сегодня депутаты, как В. Путин дал понять, если для чего и нужны, то исключительно **консолидированным «СКОПОМ»,** так, как это произошло первого марта 2014 года при голосовании Совета Федерации по запросу Президента о предоставлении права прибегать к использованию вооруженных сил для защиты русскоговорящих граждан в Украине. Чуть позже единодушное голосование по этому вопросу пришлось дезавуировать, однако соблазн попользоваться **«депутатским консолидированным единством»,** что само по себе означает ни что иное, как фактический конец так называемой демократии, судя по всему, у В. Путина сохранился.

Полагаю, процитированных фрагментов достаточно, чтобы убедить любого, даже самого предвзятого оппонента, что разработанная мной

практическая методика научного прогнозирования политических событий надежно срабатывает, хотя конкретных деталей происходящего и грядущего, быть может, и не раскрывает. Тем не менее, суть и смысл объективной логики, которая лежит в основе развития событий, моя формулировка обозначает достаточно четко и точно. Мне было важно не вообще попасть в цель, а угодить в самоё её «яблочко». Только так можно вызвать доверие к вашим последующим прогностическим оценкам.

Ведь я прекрасно понимал и понимаю, просто на слово, в конкретный целевой смысл того, что В. Путин провозглашает, большинство людей скорее поверят ему, чем мне. Я заведомо исходил из того, что мне еще придется доказывать не только свою правоту, но и самоё право «судить о великом». Особенно, если учесть намерение завести речь о том, что нынешнее путинское Послание по смыслу и предназначению очень похоже на знаменитое послевоенное Обращение И. Сталина к стране и русскому народу.

Тогдашний советский вождь благодарил, прежде всего, русских людей за одержанную Победу, за проявленный героизм и понесенные жертвы, за терпение и мужество, позволившее выдержать господство над собой бездарной власти, наделавшей кучу стратегических ошибок, обошедшихся народу и стране слишком дорого. **«Ни один другой народ, — подчеркнул И. Сталин, — такого издевательства над собой не потерпел бы».** Судя по сказанному, Сталин действительно хорошо знал и понимал русских людей. Он ничуть не сомневался, после таких слов они ему всё заведомо простят и наперед на всё согласятся.

Беру на себя смелость утверждать, произнося эти слова вполне осознанно и искренне, И. Сталин ориентировал людей и страну отнюдь не на восполнение понесенных утрат, а на готовность принести новые жертвы во имя достижения провозглашенных целей, состоявших в обеспечения стране исторического Величия и державного Могущества. А это в сталинском понимании было накрепко связано с упрочением его собственного Величия и Могущества.

Всё, что сегодня предлагает и намечает В. Путин, служит достижению той же самой цели: упрочению собственной власти, мобилизуя для этого «народный патриотизм», олицетворением которого, в качестве национального лидера, он уже успел стать. Подавляющее большинство народа, во всяком случае, та его часть, которую принято именовать «общественным мнением» практически признало: : **«Есть Путин — есть Россия. Нет Путина — нет России».** Мысль достойная клинических идиотов. Странно, что у кого-то появляется желание выдать её в нашей стране за апофеоз «общественного мнения».

Поэтому нынешнее президентское Послание российскому народу мы вправе рассматривать как Послание В. Путина самому себе. Более глубокий анализ документа, для которого здесь просто не хватает

IPSS

места, (возможности внесения дополнений в текст книги весьма ограничены… *В. Г.*), позволяет убедиться: содержание нынешнего Послания, удовлетворяет абсолютно всех в самом широком диапазоне общественно-политических настроений. А это может означать только одно: в стратегическом смысле оно служит удовлетворению интересов и достижение целей только самого Путина.

Опять вынужден просить извинения за вопиющую авторскую нескромность. Выходит, мне вновь удалось наперед предвосхитить превращение В. Путиным Президентского Послания Федеральному Собранию в Послание Российскому Народу. А это уже само по себе событие, заслуживающее пристального внимания. Надеюсь, никто же не станет утверждать, что такие «превращения» происходят случайно. Прав же я или нет в смысле целевого предназначения всех остальных сюжетов документа, покажет только время.

Накануне обнародования Президентского Послания Федеральному Собранию я счел своевременным и необходимым попытаться предугадать главную тему документа. Только что я отчитался о предпринятой попытке. Но на очереди уже было еще одно событие, которое я не имел права обойти своим прогностическим вниманием — ежегодная большая пресс-конференция В. Путина. Решил воспользоваться и на этот раз уже отлаженной схемой, экономной и результативной. На этот раз, превратив в «регистрационную инстанцию» не редактора книги, а моего доброго знакомого и коллеги А. Н. Иванова, продолжающего работать в Госдуме в той же должности, что прежде занимал я.

Удовлетворение просьбы позволить ознакомиться с финальной версией книги я оснастил сопутствующей прогностической ремаркой. Вот её текст.

Как договорились, высылаю финальную версию книги. Хотя работа над ней продолжается в режиме «онлайн», каждое предстоящее более или менее значительное событие я заранее программирую, а затем сверяю с реальным ходом событий. Так было с Президентским Посланием, этот сюжет уже вошел в книгу, теперь на очереди выступление В. Путина на ежегодной Большой пресс-конференции, намеченной на 18 декабря нынешнего года, то есть всего через три дня. Таким образом, Александр, Вы будете первым, кто этот сюжет прочитает.

В моем контрольном прогностическом дневнике зафиксировано: **«Формат пресс-конференции не предполагает развернутых и концептуальных политических заявлений, но одна из ключевых мыслей в ответах В. Путина на вопросы её участников будет сводиться к тому, что все трудности и проблемы, выпавшие на долю России, могут быть преодолены, только при единстве действий народа и власти.**

UPSES

Короче, знакомая уже мысль: «Залог будущих Побед, будущего Величия и Могущества страны, — как сказал когда-то Сталин, — зиждется на доверии русского народа к своей власти». Иными словами, «Власть и Народ — Едины».

Путин сегодня оказался в аналогичном положении: позади ошибок куча, налицо новые угрозы, впереди неясно что. В таком положении остается только одна политическая цель: добиваться единства власти и народа. Иначе полный крах и смута.

Если я вдруг ошибусь, и эта мысль не будет акцентирована, считайте, что моя «практическая методика научного прогнозирования политических процессов» на момент 18 декабря лишь несколько опередила ход реальных событий, а вовсе не дала сбой. Поставьте формулировку на контроль и убедитесь: она укажет правильное направление развития. В. Путин будет стремиться к обеспечению именно такого «единства», хотя оно его и не спасет».

Считаю, что мои прогностические расчеты и на этот раз оправдались. И вопрос был задан, ключевой, быть может, самый прямой и острый, и ответ В. Путиным был дан именно тот, появление которого я и предполагал. В качестве доказательства процитирую из ответа лишь несколько фраз, а вопрос полностью, чтобы никаких сомнений не было.

А. АНИЩУК, агентство Reuters. Добрый день, Владимир Владимирович! За последний год Россия оказалась вовлечена, пожалуй, в один из самых глубоких кризисов в своей новейшей истории. Началось всё с событий на Украине в конце прошлого года, продолжилось ухудшением отношений с Западом буквально до уровня «холодной войны». Сейчас, в последние дни мы видим глубокий валютный кризис, который вполне рискует перерасти в финансовый и экономический, риски такие есть. Я знаю, Вы часто склонны винить во всём происходящем некие внешние силы, но я также знаю, что некоторые представители элит, люди из Вашего окружения, наиболее информированные граждане России, даже несмотря на их публичную риторику, часто склонны винить в некоторых вещах как раз именно Вас, как человека, который на протяжении 15 лет принимает все ключевые решения в России.

В. ПУТИН: Назовите пофамильно.

А. АНИЩУК: К сожалению, не могу: часто жалуются на условиях анонимности. Но в последнее время такие, действительно, в разговорах с журналистами нотки проскальзывают.

В этой связи вопрос, я не буду занимать много времени: насколько Вы уверены в Вашем окружении, в том, что оно безоговорочно Вас поддерживает? И насколько Вы видите риски государственного или даже дворцового переворота? То, что Вы будете делать в случае «оранжевой» или, не дай бог, «красной» революции, Вы говорили много раз. А есть ли у Вас некий план на случай предательства окружения и дворцового переворота?

В. ПУТИН: Насчёт дворцовых переворотов, успокойтесь: у нас нет дворцов, поэтому и дворцовых переворотов быть не может. У нас есть официальная резиденция Кремль, она хорошо защищена, и это тоже фактор нашей государственной стабильности. Но стабильность основана не на этом: она основана — не может быть никакой другой более прочной базы, чем поддержка российского народа. Я думаю, что Вы не будете со мной спорить в том, что по основным направлениям нашей внешней, да и внутренней политики такая поддержка есть…

Почему так происходит? Потому что люди душой и сердцем чувствуют, что мы (и я, в частности) действуем в интересах подавляющего большинства граждан Российской Федерации…

Теперь по поводу элит. Вы знаете, есть элитное вино, есть элитные курорты — нет элитных людей. Вы знаете, что такое «российская элита»? Это работяга, это крестьянин, это человек, на плечах которого держится вся страна, веками держалась, сейчас держится и будет держаться. Всё остальное разделение на какие-то элиты я считаю абсолютно необоснованным…

Самым главным защитником интересов российских граждан, чем бы они ни занимались, в том числе и бизнесом, может быть только сильное Российское государство…».

(Сноска. Когда я познакомил своих детей, дочь Марию и сына Александра, уже давно сложившихся и вполне самостоятельных взрослых людей, со своими прогностическими выкладками предстоящего выступления Путина, стратегические аспекты их не заинтересовали, они уже привыкли к тому, что здесь я редко, когда ошибаюсь. Зато оба спросили, во что, на мой взгляд, на практике выльются меры по «сплочению власти и народа»? Пришлось с оговорками, напомнив, что я не считаю себя специалистом в области экономики и финансов, ответить.

Было сказано, что эти меры, как всегда в нашей стране бывает, когда речь заходит о сделках, основанных на «взаимном доверии», будут выстроены по принципу «предоплаты», то есть — утром деньги, вечером стулья. В числе наиболее вероятных я перечислил следующие шаги: усиление платёжеспособности или, как говорят специалисты капитализации, банковской системы на нескольких, наиболее чувствительных направлениях. Прежде всего, целевого кредитования малого и среднего бизнеса, инвестирования импортозамещающих проектов, надежности банковских вкладов и их обслуживания.

На мой взгляд, это приведет к существенному повышению уровня страховых гарантий и значительному увеличению процентной ставки по срочным вкладам, перехода к индексации заработной платы бюджетников, пенсионных выплат и всех социальных пособий, в частности по материнству и инвалидности, не по фиксированному коэффициенту, а в размерах, соответствующих компенсации реальной инфляции. Понятно,

LitRes

что эти меры коснутся довольно многих, можно будет говорить даже о «слоях населения».

После того, как всё совпало один к одному, пришлось объяснять, чем я руководствовался, перечисляя предстоящие шаги. Пришлось обратить внимание, что в нашей стране уже давно сложилась практика, что почти все жизненно важные решения принимаются с большим опозданием, когда все необходимые предпосылки оказываются перезревшими, более того, на такие решения идут, когда иных возможностей уже не остается. Пришлось отослать детей к разделу книги ***«Принцип прогностической градации»,*** *где подробно объяснено почему такое происходит.)*

Здесь хотел бы сделать одно очень важное уточнение, распространяющееся на все мои суждения о Путине: когда я говорю, что он счерпал свой функциональный ресурс, что его карьера завершится неминуемым политическим крахом, как и судьбы его предшественников Горбачева и Ельцина, это не значит, что причиной тому послужили его личные качества. Вовсе нет. Скажу больше: в мире нет другого государственного деятеля равного В. Путину по политическим кондициям. Попробуйте представить себе еще какого-нибудь политического деятеля, который бы выдержал общение с журналистами в течение нескольких часов, не заглядывая ни в какие шпаргалки, не обращаясь за помощью к помощникам или за советом к советникам. Нет таких деятелей.

Диалектическая беда В. Путина состоит в том, что он стал «конечным продуктом» давно отжившей свой век либерально-демократической системы управления, он лучшее, даже единственное из того, что возможно, но не отвечающее цивилизационным запросам времени. Когда система умирает, она отторгает даже лучшее из того, что может сама же предложить. Всё, что можно было в интересах страны «выжать», если хотите «выдавить» из либерально-демократической системы, как зубную пасту из тюбика, было сделано до 2008 года, фактически к окончанию суммарного срока путинского президентства. Затем всё оказалось в зависимости не от Путина и его политического курса, а от мировых цен на нефть, от ресурсов, накопленных за предшествовавшее десятилетие нефтяного бума.

Достойной персональной смены у Путина в нынешних либерально-демократических координатах России нет и уже не будет. Нужно ориентироваться не на политические персоны, не на вождей, а на смену самой системы, исчерпавшей свой функциональный ресурс. Политический курс, который сегодня пытается осуществить В. Путин ведет страну не вперед, а назад: либо к воссозданию рухнувшего в 1917 году царско-самодержавного режима, либо возрождению советско-социалистического тоталитаризма, тем более, что между тем и другим уж не такая большая разница. Признаки именно такого перерождения явно налицо, даже в ощущениях. Во всяком случае, это

чувствуется отчетливо. А своим ощущениям я привык доверять. Они меня за минувшие тридцать лет не обманули ни разу

В связи с этим, сложившуюся в России и вообще в мире политическую ситуацию воспринимать так, что главным противником В. Путина, являются исключительно Соединенные Штаты, а Евросоюз всё ещё остается потенциальным партнером, вопиющее заблуждение. Европейцы, действуя против России заодно с США, исходят из солидарных политических интересов. **Коллективный Западный «Проект Новая либерально-демократическая Россия» провалился, ожидавшихся результатов не принес, планировавшаяся «перезагрузка отношений» не произошла. У сегодняшней путинской России отношения с Западом гораздо хуже, чем были у прежнего брежневского Союза в период афганской войны.**

Это беда России, но вина Запада. Его пример и его рекомендации, сама модель либерально-демократического существования в нашей стране дала генетический сбой. А это чревато, поскольку неудачу с либерально-демократическим реформированием России рано или поздно начнут рассматривать под углом зрения функциональной девальвации Западного опыта управления как такового. Единственный выход из возникшей ситуации — это создать впечатление, что во всем виновата не система, а непосредственно Путин. При Горбачеве и Ельцине «процесс шел» нормально, Россия развивалась в правильном направлении, и только Путин всё «испортил».

В результате весь политический пафос нынешнего политического кризиса в отношениях между консолидированным Западом и путинской Россией сводится к простой, давно известной формуле: «Я тебя породил, я тебя и погублю!», считая, что для этого у либерально-демократического Запада есть как формальное, так и моральное право. Примирения в таких антагонистических схватках не бывает. За собственные критические ошибки, неудачи, обманутые надежды и расчеты всегда мстят жестоко. С точки зрения Запада именно Путин должен быть стать жертвой, хотя бы формально искупающей понесённое поражение. Выход из создавшегося политического кризиса есть, но он находится в распоряжении Путина, а не его Западных коллег.

Для этого Путину только и нужно, что решительно порвать идейную пуповину породившую его Западом, отречься от отжившей свой век либерально-демократической системы управления, хотя именно она и привела его к власти. Обращаю внимание, это путь к самосохранению, а не самоизоляции. Таким должен стать только первый шаг. Вторым нужно будет перенести центр тяжести политических усилий с внешней арены внутрь страны, сосредоточить их на создании в России действительно Народного государства, о котором много и многие говорят, но никто ничего для этого не делает, кроме самых незначительных имитационных шагов, вроде тех, о которых 18 декабря 2014 года сам В. Путин и оповестил.

ИРЭС

Никакой победы над консолидированным Западом, действуя на его собственной «игровой площадке», по его же собственным правилам, одержать нельзя. Если западные демократии во главе с США задумали порожденный же ими путинский режим погубить, они его непременно погубят, как ни крутись. У меня есть собственная точка зрения как на суть нынешнего кризиса, так и на перспективу выхода из него. На деталях как того, так и другого, попытаюсь остановиться чуть позже, а сейчас лишь о самом главном: **установка на обеспечение единства народа и власти, к преодолению кризиса и благоприятным перспективам будущего, на мой взгляд, никакого отношения не имеет.**

Если власть совершает ошибку за ошибкой, в результате которых богатые богатеют, а бедные оказываются на грани нищеты, ни о каком взаимном доверии, тем более о единстве народа и власти, речи быть не может, точнее не должно. Нынешний валютно-финансовый кризис, приведший к катастрофическому падению рубля и спекулятивному взлету доллара по отношению к рублю, не стечение обстоятельств, не оплошность государства и крупнейших банков, не ажиотажный рыночный эксцесс, а тщательно спланированная и хорошо организованная акция. Это становится сразу же ясно, стоит лишь задаться вопросом: «кому выгодно».

И вот что примечательно, В. Путин эту акцию, очень похожую на диверсию, не только не предотвратил, — хотя и мог, если б действительно захотел, — а фактически простимулировал. Уверен, нынешние валютно-финансовые эксцессы не были для В. Путина сюрпризом, наверху к нему заранее готовились. В этом контексте сошлюсь лишь на один красноречивый пример: профилактическую санацию банковской системы, под сурдинку проведенную накануне декабрьского кризиса. По самым скромным подсчетам лицензий в течение 2014 года были лишены около 80 банков, наиболее слабых и уязвимых, а главное, — не внушавших особого доверия.

Многие в тот «ликвидационный» период выражали недоумение: хоть не велики «пенёчки», но ведь работают потихоньку, зачислите их в разряд «малых и средних» и пусть живут. А теперь представьте себе на секунду, что эти восемьдесят «банковских карликов» дожили до нынешнего валютно-финансового кризиса. Как бы повели себя их клиенты, какую волну паники они могли бы поднять? Значит, «зачистку» банковской системы проводили вполне осознанно, с прицелом на перспективу.

Это на нас с вами, рядовых граждан, кризис обрушился неожиданно, как снег на голову. Путин же, как выясняется, был к нему готов, как если бы знал о его приближении заранее, более того, рассматривал его как элемент «шоковой хирургии». И банковскую систему «зачислили» как раз вовремя, и программу ответных мер подготовили в деталях. Не исключаю даже невозможного: к разработке сценария самого кризиса В. Путин, скорее всего, имел непосредственное отношение. Кстати, эта мысль не одному мне пришла в голову.

20 декабря Юлия Латынина, журналистка с выдающимся экономическим чутьём, в своей авторской программе на «Эхе Москвы» тоже пришла к выводу: **«Ответ на вопрос, как и почему произошел в России валютный спазм, в чем его истинные причины, надо искать на самом высоком уровне».** Судя по тому, какими быстрыми темпами рубль начал после 18 декабря отвоевывать утраченные накануне позиции, эта мысль имеет полное право на существование.

В этом контексте прошу обратить внимание на два аспекта Президентского Послания от 4 декабря 2014 года.

Первый: Президентом было сказано, что в основе тех финансовых трудностей, которые всё больнее начинают сказываться на экономике страны и благосостоянии её граждан, лежат не объективные причины, а неумеренные, просто алчные аппетиты финансовых спекулянтов, действия которых, к сожалению, уголовно ненаказуемы, но с ними надо кончать. Причем, В. Путин уточнил, что ему хорошо известны имена тех, кто в этих махинациях участвует.

Второй: В. Путин вновь повторил, он лично, нынешнее правительство и Государственная Дума предлагают всем, чье имущество и капиталы легализованы за рубежом, «конвертировать» их в российскую юрисдикцию, без каких-либо ограничений, «ревизорских фильтров» и «отложенных штрафов». Одним словом, неважно, идет ли речь о добросовестно обретенных капталах или нажитых в результате разного рода махинаций. По возвращении «домой» любые средства, в том числе самые «грязные», с правовой точки зрения станут чистейшими. Отмытыми навсегда. По сути дела, В. Путин под личное «честное слово» объявил всем, кто откликнется на предложение о финансовой амнистии, выдать «президентскую индульгенцию» о заведомом отпущении всех грехов.

Сказанное В. Путиным 4 декабря стало для заинтересованных лиц по сути дела «инсайдерской информацией», открывающей возможность осуществления одной из крупнейших валютно-финансовых афер, срок которой был заранее строго отмерен — до 18 декабря. Поэтому нет ничего удивительного в том, что печально знаменитый «черный вторник» произошел не раньше и не позже, а пришелся аккурат на разлом между этими числами. Только очень крупным игрокам было под силу этот «вторник» в кратчайшие сроки организовать и возникшими спекулятивными возможностями воспользоваться. Причем, не без помощи Центробанка.

В результате, капитализированные за рубежом средства российских толстосумов в считанные дни, если конкретно, с 11 по 15 декабря, увеличились в чем-то на треть, а где-то и наполовину. Согласитесь, гораздо приятнее возвращать капиталы в Россию на ПМЖ значительно «пополневшими». По всей видимости, Президент понимал, обычного приглашения, даже очень радушного, для возврата «блудных денег» домой, в Россию, наверняка окажется недостаточно. Угрозы, как показала практика, тоже

LIBRUS

неэффективны, нужна «приманка», от которой было бы невозможно отказаться. Вот тут, полагаю, и могла родиться идея об отпущении финансовых грехов, очень похожая на выдачу лицензии для псовой охоты. Во всяком случае, я воспринимаю случившееся именно так.

Вот ход моих рассуждений: к 18 декабря, ко дню путинской пресс-конференции, как подсказывает логика событий, в какой-нибудь секретной папке в дальнем ящике президентского письменного стола уже должен был наверняка сформироваться список из тех имен, которые и прежде были В. Путину хорошо известны в качестве крупнейших махинаторов валютно-финансового рынка. Об этом он объявил в своем Послании от 4 декабря, но теперь они должны были фигурировать уже в другом качестве: крупных бизнесменов, изъявляющих согласие и готовность «добровольно» водворить свои капиталы в Россию.

В нем наверняка оказалась все «финансовые киты», с которыми надо договариваться, а за его пределами всякая «мелочь пузатая». Дату подведения черты под этим списком В. Путин тоже объявил заранее: на 18 декабря уже была назначена пресс-конференции, на которой, — это было ясно абсолютно всем, — Президент обязательно вернётся к теме амнистии. Именно так и произошло: на встрече с журналистами президент уже не в общей обтекаемой форме, а чуть ли не по именам перечисляя тех, к кому обращается, провозгласил, что объявленная амнистия будет распространена абсолютно на все капиталы, вплоть до самых криминальных. Надо полагать, что такие гарантии были не только условием согласия на репатриацию капиталов, но и выдачей «карт-бланша» на организацию «прощального банковского банкета».

Выгоды от такой постановки вопроса огромны: «акулам российского бизнеса» была предоставлена возможность «хапнуть от пуза», а мелкоту всякую напугали до невозможности. Вот им-то отныне действительно пощады не будет. С олигархами ссориться невыгодно, с народом — опасно. Не откликнутся добровольно на призыв о возвращении «блудных капиталов» в родные края, без дополнительной приманки и подкормки, замучаются кровью харкать. По сути дела, эти угрозы теперь адресовались не «крупным финансовым хиромантам», а тем слоям населения, которым было, что терять.

То есть «малому и среднему» бизнесу, о котором на словах так пекутся, а на самом деле только и думают, как превратить его в «дойную корову». Скорее всего, запланированные властями издержки по стабилизации валютно-финансового рынка, покрывать придется именно этой части российского бизнес-сообщества. Вот только очень сомневаюсь, что такими мерами можно укрепить между властью и народом взаимное доверие, тем более обеспечить «кровное единство» с Президентом, правительством и депутатским корпусом, то есть с российской властью. Объективные исторические запросы на будущее требуют иных управленческих решений…

UPRSS

Во всяком случае, — что тоже неопровержимый факт, — мне уже несколько раз удавалось гораздо раньше высказаться о содержании его предстоящих действий, чем В. Путину только оповестить о своих намерениях. А это уже и прежде у кого-то создавало впечатление, да и сегодня продолжает создавать, что В. Путин действует чуть-ли не по «гущинским» подсказкам. Единственное, на что я вправе претендовать, а это достаточно убедительно доказано: мне удалось «вписаться», — **(Смысловой акцент прошу делать за звуке «а»… *В. Г.*) —** в стиль политического мышления В. Путина.

Спешу в сотый раз уточнить, — мы мыслим, не говоря уже о том, принимаем решения, совершенно автономно. Разница лишь в том, что моя деятельность не имеет грифа секретности, со своими прогнозами я вообще собирался поставить дело «на поток»: сообщать о переменах в политическом климате, о разных там кризисах, осложнениях, падениях курсов, ростах цен, как о капризах погоды, консультировать бизнесменов об изменениях в политической конъюнктуре. Денег в этот проект вбухал кучу, но в последний момент все сорвалось. Партнера и соучредителя, главного инвестора нашли в гостиничном номере зарезанным.

Кем и за что, так и не удалось установить. Меня, во всяком случае, как партнера, даже не опросили, не то что, допросили. А может, это я его, из шкурнических, конкурентных соображений «замочил»? Надо полагать, такая «версия» случившегося следственным органам убедительной не показалось. Поэтому «в деле» я даже не был упомянут. Что вообще-то более, чем странно. Одна мемориальная табличка «о наших совместных намерениях», на знаменитом «сталинском доме» № 101 по Проспекту мира, сохранилась. Висит до сих пор. Уж больно солидная, видно, жалко снимать…

В последнее время люблю приводить пример с уходом В. Путина с президентского поста в 2008-ом и возвращением на него же в 2012-м. В смысле оглашения намерения покинуть президентское кресло, я опередил В. Путина на четыре года, а возвращения, — на целых восемь лет. Так что напрасно многие мои коллеги, в том числе и весьма авторитетные, И. Юргенс, к примеру, делали ставки на совершенно иной исход. Возвращение В. Путина в Кремль было заранее предопределено.

Для тех, кому лень или нет времени рыться в замшелых подшивках, десятилетней давности процитирую соответствующий сюжет: ***«До выборов 2008-го остается каких-то четыре года. Не уходить же, в самом деле, В. Путину из государственной политики в расцвете лет, да ещё с багажом такого уникального опыта, который он накопит за два президентских срока.***

В результате нынешняя президентская республика вполне может превратиться в премьерскую, стоит лишь Путину перекочевать из одного кресла в другое. У нас ведь не место красит человека, а человек место. Так что прямые, премьерско-президентские, и обратные, пре-

зидентско-премьерские, «рокировочки» на самом верху вовсе не исключены. Разница только в сценариях».

По ходу дела я вносил, конечно же, в эти сценарии необходимые уточнения. Однако, только с опережением, но никогда задним числом. Так, например, в прогностическом комментарии **«Сегодня Медведев с Путиным, завтра Путин с Медведевым. И так до беспредела»,** размещённом на Интернет-форуме MSK в октябре 2010 года, **(См. Приложение к нынешней книге… *В. Г.*)**, то есть вдогонку первой публикации о президентско-премьерской ротации, было указано, что **переход на такую систему обязательно повлечет за собой появление в стране массовой общественной организации, предназначенной создавать впечатление всенародной поддержки политического курса Кремля и лично В. Путина.**

Так, собственно, и появился на свет **Общероссийский Народный Фронт**, на который сегодня В. Путин делает, на мой взгляд, большую политическую ставку… Мне лично в этой идее видится несколько перспективных возможностей. Во-первых, персонально для В. Путина. С её помощью, исчерпав конституционные сроки пребывания на президентском посту, он вполне может трансформироваться в политическую фигуру гораздо более высокого ранга — национального лидера страны, став российским Ден Сяо Пином. Во-вторых, превратив Общероссийский Народный Фронт, в своего рода, «школу самоуправления», идущего на смену представительной демократии с её изжившим свой функциональный век политической системой партийного плюрализма.

Не стали для меня неожиданностью и недавние массовые протестные выступления на Болотной и других московских площадях и скверах. Во всяком случае, уже на рубеже 2005 года, когда В. Путин только заступил на второй президентский срок, в докладе, специально подготовленном по заказу аналитической службы Первого телевизионного канала, я отмечал буквально следующее: *«Нынешние российские власти стараются не замечать, что протестный потенциал российского общества, причём в его самых развитых и интеллектуальных центрах, стремительно растёт. Некоторые надеются, что высокий рейтинг президента нейтрализует антидемократические настроения российского общества и спасёт власть от «протестантов». Призрачные, напрасные надежды. Высокий рейтинг президента — это лицевая, что называется персонифицированная сторона медали, у которой на обратной отчеканено — «против всех». Популярность президента и нарастающие антидемократические протестные настроения неизбежно сойдутся в одной точке»*.

К этой констатации сегодня есть необходимость добавить существенное уточнение. Высокий авторитет личности в политике, а у В. Путина он нынче высочайший, вещь крайне тревожная, даже опасная, к перспективам обеспечения надежной политической стабильности, никакого отношения не имеющая. Скорее, наоборот. Высокий персональный рейтинг свидетельст-

ПРЕСС

вует лишь об одном: во всей системе власти уважением и доверием пользуется лишь одна фигура, стоит ей поколебаться, рухнет вся пирамида.

Причем, такое может произойти в момент, буквально, с вечера на утро. Сколько в нашей стране таких примеров уже было, не стоит даже вспоминать. Настроение толпы может измениться не то, что в момент, в миг. У нас дистанция от «Да здравствует!», до призыва «Долой!» мизерная…Особенно, если учесть, что могут найтись мощные и влиятельные силы внутри страны и за её рубежами, готовые такому повороту или «перевороту» ещё и посодействовать…

Вообще, наблюдать за деятельностью В. Путина с целью **ОПЕРЕДИТЬ** его в им же принимаемых решениях, — **подчеркиваю, здесь ошибки нет, не определить, а именно опередить,** — было крайне любопытно. Прежде, в случаях с М. Горбачевым и Б. Ельциным, как я отмечал, у меня такой возможности не было. Выносить суждения о характере и смысле их поступков, о принятых решениях, приходилось в зависимости от обстоятельств, точнее их содержания. Этого достаточно для наблюдателя, но не для эксперта.

Уверенность в собственных подходах и оценках возникает лишь тогда, когда ты в состоянии отделить, где политик действует в соответствии с обстоятельствами, а где вопреки им, по собственному плану. Первый подход можно считать аналитическим, он незаменим для подведения итогов, второй — концептуальным, без него не бывает прогноза. Абсолютно все мои публикации о В. Путине были концептуальными, и, следовательно, прогностическими.

На это отличительное качество указывают сами заголовки моих публикаций — **«Объективная логика политического краха Горбачева», «Ельцин на третий срок не пойдет. Даже по приговору Конституционного Суда»**. Обе статьи констатирующие, с предопределенными объективными факторами, выводами. Нынешний фрагмент о Путине, — прямая заявка на прогноз: «**Я взял за правило предугадывать намерения Путина».**

Есть у меня, что предъявить и по поводу нынешнего кризиса, до предела обострившего российско-украинские отношения. Уже в апреле 2005 года в публикации **«Зачистка власти. Предреволюционная ситуация в России будет завершена либо Кремлем, либо улицей»**, я обращал внимание на то, что распад СССР в 1991-ом году только начался, но еще далеко не закончился. Скорее всего, этот процесс растянется на долгие годы и в конечном итоге обернется жесточайшим *«сведением счетов за прежнее кровное братство и неразрывную дружбу».* От более подробного цитирования вынужден воздержаться, поскольку воспроизводить пришлось бы всю статью, объемом в четыре журнальных полосы[19].

[19] См. «Политический журнал», В. Гущин. «Специальный прогноз», № 12, 2005 г.

ИПКС

Из актуальных примеров на тему об украинско-российском кризисе считаю целесообразным обратить внимание на фрагмент переписки с авторитетнейшими представителями российской академической науки А. В. Кряжимским и Ю. С. Пивоваровым сопредседателями Оргкомитета и координаторами Программы фундаментальных исследований Президиума РАН под названием «**Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте».**

В ответ на их приглашение принять участие в XIV Международной научно-практической Конференции в рамках реализации вышеназванной фундаментальной Программы, я счел необходимым ответить следующим образом:

«Уважаемые господа! За приглашение благодарю, но в целесообразности проведения такой Конференции, как и участии в ней, глубоко сомневаюсь. О каких, спрашивается, «перспективах скоординированного развития» обеих стран, да еще в «европейском контексте», может идти речь, когда ни в той, ни в другой не существует концептуальной ясности по вопросу о том, почему на протяжении вот уже более ста лет, при совершенно разных политических режимах, ни будучи вместе, ни оказавшись врозь, ни одна из ключевых стратегических задач в области общественно-политического и социально-экономического развития в наших странах не была решена. И нет никаких надежных оснований полагать, что ситуация в разумно обозримом будущем изменится к лучшему.

Пока Россия и Украина не разберутся в парадигмах собственного развития, конструктивное обсуждение перспектив скоординированного курса бессмысленно. И в России, и на Украине все упирается в необходимость проведения назревших реформ системы государственного и общественного управления. Пока такие реформы не будут осуществлены, им гарантировано либо топтание на месте, либо попятное движение, а то и вообще катастрофический разлад».

На всякий случай уточняю, письмо отправлено 24 сентября 2013 года, Конференция проведена, организаторы утверждают, очень успешно, 14–15 ноября, всего за неделю до резкого обострения внутриполитической обстановки в самой Украине и возникновения острейшего кризиса между нашими странами, оказавшимися чуть ли не на грани войны друг с другом. В момент отправки письма я еще не полностью отдавал себе отчет, как именно всё это произойдет, но смрадный запах в политической атмосфере российско-украинских отношений отчетливо ощущался уже в ту пору.

Подобрав еще парочку аналогичных примеров, я в порядке шутки, но с вполне серьезной экспериментально-методической целью, написал и направил в редакции двух весьма популярных газет, с которыми моя творческая биография была тесно связана, — думаю, наблюдательный чита-

ИПКС

тель догадается в какие именно, — до неприличия игривый политический комментарий под названием **«Путин — это Я. Если судить, по тому, кто «первым сказал мяу».** Вот как этот материал заканчивался.

«Теперь, ознакомившись с перечнем примеров, кто кого и в чем опередил, самим читателям газеты придётся решать, кто у нас на самом деле Путин. Я-то знаю, когда и с чего следовало и следует начинать, и, соответственно, чем заканчивать. Ведь я же из народа, из самой его гущи. Говорят даже, что все, кто родом из-под Нижнего, носящие фамилию Гущин, происходят от Ильи Муромца. Это он в сказках и былинах стал Муромцем, а «в миру» был просто Гущиным. Так что решительность в суждениях у меня наследственно богатырская. Путин же всё чаще то-ли колеблется, то-ли путается. Фамилия что ли мешает. Слова «Путин» и «путаница» — однокоренные. Предлагаю экономный выход из положения в интересах сокращения дистанции между понятиями «сказал» и «сделал» — поменять фамилию Путин на Гущин. С этого момента всё наверняка пойдёт как по маслу. Гущин сказал, Гущин сделал. Пойди, разберись, который из нас…

P. S. Надеюсь с чувством юмора у В. Путина, его прежних сподвижников по службе и нынешних единомышленников по президентству, да и у самой редакции, всё в порядке».

Я, конечно же, понимал, ни одна редакция, даже дружеская, таких «подмётных» комментариев печатать не станет, но ведь они и писались не ради публикации, а для регистрации. В соответствии с той прогностической методикой, которая мной разработана любая мысль, имевшая отношение к существу дела, должна быть зафиксирована еще кем-то помимо меня, и где-то помимо моих дневников.

Точно таким же способом в нескольких авторских материалах, опубликовать которые пока никто не рискнул, не умаляя профессионально-политических и лично-биографических достоинств В. Путина, с полным к нему уважением, беру на себя смелость рассуждать на тему обстоятельств, приведших Путина в президентское кресло.

За его приходом во власть и последующей деятельностью, на мой взгляд, стояли два человека, одного из которых уже нет среди нас. Это **Аркадий Вольский.** *(На эту тему мне доводилось с ним беседовать, естественно, конфиденциально, — В. Г.)*. Другой здравствует поныне — **Евгений Примаков**. Только у них было достаточно знаний и опыта, чтобы разработать сценарий «путинского спецпроекта» с привлечением в качестве главного действующего лица человека, на первый взгляд совершенно непригодного для президентской роли.

Высказываясь на эту тему публично я обычно говорю буквально следующее: *«Наблюдая за действиями В. Путина, его выступлениями, поступками, прихожу к выводу: человек, которого мы видим перед собой*

ИРСС

под именем Владимир Путин, это — персонифицированное воплощение специального политического проекта, преследующего цель возвращения России статуса Великой Державы. Такая идея, а главное, методы её воплощения в голову отставным разведчикам не приходят. Они не придумывают, они — воплощают. В. Путин доказал, что он обладает замечательным качеством — верностью принятому на себя служебному долгу, который сродни данной государству клятвы верности. У таких людей, как В. Путин, даже на лицах это запечатлено, как у Штирлица. Где бы он ни оказывался, — на прогулке в весеннем пригородном лесу или наедине с Борманом или Мюллером, — в глазах холодная сталь, уверенность в своей правоте, непоколебимая воля вынести все испытания, но обязательно добиться поставленной цели.

В. Путина, воспитанного в недрах КГБ, работа по приказу захватывает ещё сильнее, чем по призванию. На ней он не собственному таланту служит, а государственной идее, что для таких людей как В. Путин гораздо почётнее и важнее. Не найдись в России такой человек на рубеже 2000 года, на должность совершенно провальную, ещё не известно, в какой бы стране мы жили. И кому бы пеняли за передряги, выпавшие на нашу долю».

Не требуйте документальных доказательств существования такого **«Проекта»,** он основан на сугубо логических заключениях. Знаю, на практике, по — настоящему серьезные политические решения в документы не закладываются. Факты и разного рода обстоятельства для истории, конечно, фиксируются, это верно, но концептуальные основы политических действий, иными словами, ход мысли, приведший к принятию решений, доверяют, как правило, только устным доверительным договоренностям. Даже между собой, особенно, если вас только двое.

Только у Вольского и Примакова было достаточно авторитета, чтобы убедить Б. Ельцина добровольно оставить Кремль и по сути дела назначить собственным преемником В. Путина, выходца из хорошо известных обоим спецслужб. Вольский был в свое время советником Андропова, Примаков сам руководил военной разведкой. У обоих за плечами огромный политический и управленческий опыт, десятилетия верной дружбы.*(Кстати, еще одна ремарка: Путин возглавил правительство всего через три месяца после того, как от этой должности, причем вынужденно, был отстранен именно Примаков, — трехмесячную паузу заполнили Степашиным. Вовсе не исключено, даже весьма вероятно, что Ельцин с Примаковым заранее договорились о такой ротации. «Сажать» В. Путина в премьерское кресло после Примакова «напрямую» было бы опрометчиво, торопиться не было смысла. Эту акцию нужно было соответствующим образом подготовить с учетом предстоящих президентских выборов. Ведь, надо полагать, уже тогда В. Путин планировался не в премьеры, а именно в президенты, — В. Г.*).

В одиночку одолеть проект, о котором идет речь, было невозможно, втроем — бессмысленно и браться. То, что знают трое, чаще всего становится известно всем. Вот и остаются из всего российского политического истеблишмента только двое. Характер их мышления и принципы действий мне были хорошо знакомы. Что и помогло «опознать» их участие в развитии событий. Людям, занимающимся политическим прогнозированием, в психологических особенностях действующих лиц приходится разбираться.

Сегодня, на мой взгляд, все политические проблемы В. Путина, а вместе с ним и России, сводятся к тому, что заложенное гипотетическим спецпроектом функциональное предназначение, — персональное и общеполитическое, — исчерпано. Россию, как геополитическое и эко-социальное целое удалось сохранить. Вынужден повторить, все наши президенты вообще были, есть и, не исключено, что еще несколько смен будут оставаться людьми очень узкой политической специализации: **их предназначение не собственную стратегию вырабатывать, а ошибки предшественников исправлять.**

В. Путин в восприятии А. Вольского и Е. Примакова был «заряжен» исключительно на достижение этой цели. Переход к новому этапу не был подготовлен, ни в кадровом отношении, ни в идейном, ни в политическом. Присоединение Крыма к России как бы подводит исторический итог «путинскому этапу» в развитии страны, а вовсе не открывает новый, по крайней мере, в отношении самого В. Путина.

Очередной раз я обратился к «проблеме Путина» совсем недавно, в декабре 2013 года, сразу после его выступления с ежегодным «Посланием Федеральному Собранию». Этот документ предоставил мне возможность задним числом вовлечь В. Путина в прогностический эксперимент, который я не раз, правда, безуспешно, пытался осуществить со своими профессиональными коллегами.

Здесь тоже присутствовал и запечатанный конверт с авторской прогностической версией, и уже истекший почти десятилетний урочный срок на её предполагаемую реализацию, и фактически совместное подведение итогов в торжественной обстановке в исключительно важный момент. Можно сказать, ключевой…

Начало эксперимента относится к весне 2005 года, совпавшей на этот раз с публикацией третьего по счету прогностического сборника под наглым самонадеянным заглавием: **«Я знаю Who is Putin & что есть Россия».** Обстоятельства тогда каким-то странно непостижимым образом для меня сложились. В момент, когда этого меньше всего следовало ожидать, вдруг получаю кремлевский заказ подготовить на имя президента Аналитическую записку о своих соображениях по стратегическому реформированию управленческой системы страны.

Поначалу воспринял сделанное предложение как коварный «розыгрыш» в ответ на публикацию книги. Шутку оценил по достоинству.

ИРСЕ

Серьезная, с подтекстом, злым и точным. Так продолжал думать несколько дней кряду пока из достоверных источников не получил подтверждение, что кремлевское предложение сделано всерьез.

Тогда и созрело решение: записку напишу, но огласке придам только в том случае, если все в ней написанное получит подтверждение в конкретной политической деятельности самого В. Путина, в его указах, установках и распоряжениях, соотносимых с содержанием рекомендаций. Иными словами собирался не столько президенту советовать, сколько собственные соображения на конкретных политических примерах лишний раз проверить и испытать. Мир, к сожалению, так устроен, что доказывать собственную правоту оказывается порой даже труднее, чем на нее выйти.

Записка, под названием **«Реформирование управленческой модели в России. Стратегические аспекты»,** была подготовлена и передана В. Путину через моего доброго товарища Аркадия Вольского. (*Тогдашнего Президента Российского Союза промышленников и предпринимателей. Так было условлено, — В. Г.*) Этот документ, как и всё, что я к тому времени писал, имел прогностический характер, только речь в нём шла не о предвосхищении событий, а о предопределенном на мой взгляд, ходе мыслей Президента и основных направлений его политических действий.

Внимание было сосредоточено на трех основных аспектах.

Первый: необходимость **введения жесточайшего системного контроля за исполнением принятых решений на всех уровнях управления.**

Второй: радикальное исключение из системы управления страной любых инструментов и механизмов, выстроенных в соответствии с принципами, так называемой, «представительной демократии», **полностью исчерпавшей свой функциональный ресурс.**

Демократический принцип **«разделения властей»,** с позиций науки вообще полный нонсенс. Власть в смысле принятия решений, понятие «единое и неделимое». При его расчленённости решение невозможно даже оперативно принять, не то, что реализовать.

Очень трудно представить себе продуктивное претворение в жизнь уже принятых решений и при действующем механизме принципиальных **«сдержек и противовесов».** Чему такие «сдержки и противовесы» служат на стадии реализации? Лишь усилению бюрократии и расширению масштабов коррупции.

Демократический принцип **«приоритета большинства»** в моменты принятия решений при сохранении «представительного характера власти», выродившегося в паразитическое посредничество «избранных» и политическое иждивенчество так называемого «электората», обернулся ныне питательной почвой для спекулятивного лоббизма и системной коррупции.

С принципом **«независимости судов»** вообще неизвестно, что делать. Сколько ни «колотится на этот счет в истерических припадках прогрессивная общественность» обеспечить реализацию этого принципа не уда-

ЦИРСС

ется. А как его обеспечишь, если **суды не могут существовать «независимо от законов», а законов, независимых от интересов тех, кто их принимает, не бывает.** Вот и бьются суды и судьи в изнеможении, пытаясь в поисках справедливости и обеспечения собственной независимости, согласовать не существующее с невозможным…

В этот же ряд, к сожалению, приходится ставить и принцип **«социального партнерства»** являющегося ничем иным, как изощренной формой эксплуатации людей и манипуляции общественным сознанием. От понятия **«Социальное государство»,** обретшего конституционный смысл, вообще разит «клиникой им. Ганушкина».

Так себя «обозвать» ни одной стране в мире в голову не пришло. Да это и понятно. Чего об этом кричать, да еще на скрижаль собственных достижений записывать, если никакое государство иным быть не может. Оно существует на деньги налогоплательщиков, значит, является социальным по определению. Это олигарх может в своем бизнесе быть или не быть «социально ориентированным», а государство обязано! Наше нынешнее «социальное государство» по уровню пенсионного обеспечения по данным МОТ занимает последнее место среди стран пенсии вообще выплачивающих. Значит, это где-то в конце пятого десятка, или начале шестого. А тут вдруг появляется «наш человек», на всех перекрестках кричащий: «Я самый умный! Самый честный! Самый справедливый!». Что о таком человеке подумают люди, по себе знаю! Вот и о нашем государстве так думают…

Третий: переход от демократии к предопределенному самим развитием цивилизации прямому народному «самоуправлению», не исключающий, даже скорее предполагающий, радикальное изменений характера отношений между народом и властью. Если конкретно, то их перевод в конфронтационное русло. Тогда я эту точку зрения сформулировал впервые, теперь могу только отметить, что еще больше утвердился в её справедливости. Развитие событий и конкретные действия В. Путина этому способствовали.

Хотел было «вмонтировать» Аналитическую записку в нынешний текст, однако стиль и лексика подобного рода документов плохо вписываются в нормальную человеческую речь. Поэтому решил сканированную копию «записки» присовокупить к материалу в конце, с тем, чтобы кто-нибудь еще помимо меня при возникновении такой необходимости мог сравнить написанное сегодня с «аналитическим первоисточником» почти двадцатилетней давности. Уж если речь идет о «научном эксперименте», то пусть все будет «по правилам».

Тем более, что после выступления В. Путина с Посланием Федеральному собранию у меня появились основания поставить оба документа в один ряд. Если в первом, от 2005-го года, от собственного имени содержались некие, адресованные В. Путину, рекомендации, то во втором, от 2013-

LIFESS

го, в исполнении самого Президента, речь по сути дела шла уже об их реализации.

Опять же хочу подчеркнуть, дабы не быть обвиненным в политической бестактности, я не собираюсь утверждать, что В. Путин действует по моим подсказкам, я лишь констатирую факт, что в целом ряде случаев наши мысли и оценки совпадают. Грех было возникшей для сопоставления возможностью не воспользоваться. По крайней мере, по первой и второй позициям «во исполнение», в отношении третьей, — как весьма вероятной перспективы.

Что касается наведения порядка с исполнением принятых решений, то в этом направлении В. Путин и прежде предпринимал кое-какие шаги. Но это были по большей части разовые административные действия, не носившие системного характера. Первой значительной акцией по действительному реформированию существующей в России системы управления стал президентский указ от марта 2007 года о ежегодной переаттестации государственных чиновников.

В основу своеобразного «ежегодного административного ЕГЭ» был положен именно принцип исполнения ранее принятых решений и постановлений. Зато набор критериев, в соответствии с которыми выносятся квалификационные оценки, был максимально расширен. Свыше 200 позиций.

К 2010 году под этот Указ «подвели» и министров федерального правительства. Выступая в декабре 2013 года с ежегодным Посланием Федеральному собранию Президент заявил, наведение порядка с исполнением принятых решений, он считает отныне важнейшей стратегической целью управления. Под этим углом зрения, к примеру, будет рассматриваться и деятельность всего правительства по исполнению президентских указов, принятых единым целевым «пакетом» в мае 2012 года.

По второму пункту «записки» о шагах по тщательному «выкорчёвыванию» управленческих рудиментов «представительной демократии» Президент в Послании не сказал практически ничего, хотя вполне мог бы. У меня, конечно же, нет оснований утверждать, что В. Путин полностью разделяет изложенную мной в Аналитической записке позицию по поводу изжившей свой функциональный век демократии, но действует он в последние годы именно в этом направлении. Чем многих весьма раздражает.

За время своего президентства он стал инициатором внесения более 100 поправок в избирательное законодательство России, практически сводящих на «нет» публичные процедуры, связанные с обеспечением так называемого «демократического управления». К этому можно добавить более 300 президентских указов, распоряжений и постановлений ликвидирующих или серьёзно урезающих управленческие функции «представительных органов власти». Можно считать, что по второму пункту записки разногласий тоже нет. (*Упомянутые чуть выше цифры я почерпнул в одном из публичных выступлений бывшего помощника В. Путина А. Илла-*

HSE

рионова, относящегося к антидемократическим инициативам Президента крайне критически. Я лично, наоборот, их одобряю. В стратегическом смысле они, на мой взгляд, были абсолютно необходимы, — В. Г.).

Некоторые «разночтения» между оригиналом Аналитической записки и ежегодным Посланием возникают лишь по пункту, где в довольно категоричной форме говорилось, что на смену **«отжившей свой функциональный век демократии должно прийти прямое народное самоуправление».** Иных путей для решения Россией стоящих перед ней проблем, нет. Это предопределено объективным развитием событий и запросами времени. Я намеренно заострял формулировки, чтобы с их помощью впоследствии сверять «ход» путинской мысли с действиями, которые он предпринимает.

Идею о переходе к «самоуправлению» Президент по сути дела принял, на что прямо указал в своём Послании, но только при условии, чтобы оно «работало» не «в пику» нынешней российской власти, а на повышение и удержание её авторитета, незыблемости и нерушимости.(*Полагаю, я вправе этот сюжет воспринимать как прямой ответ на содержавшийся в Аналитической записке тезис о том, что переход к «самоуправлению» приведет к усилению «неизбежной конфронтационной составляющей в отношениях между народом и властью». В. Путин решил с этим тезисом не согласиться, — В. Г.*)

Я ничего другого от него и не ожидал. Потому ему и придется покидать свой пост, как занявшего его «по велению времени», что строить свои отношения с российскими гражданами в диалектическом режиме «единства и борьбы противоположностей» В. Путин не готов. Иными словами, Президент считает: нужно сделать так, чтобы «самоуправление» состоялось, углублялось и ширилось, но только так, чтобы функция управления самим «самоуправлением» оставалась за Кремлём, то есть лично за В. Путиным.

Мысля и действуя в той системе координат, которые привели его в Кремль, он не может воспринимать «прямое народное самоуправление» как систему власти, идущую на смену «представительной демократии». Ни одна власть нигде и никогда ещё не подписывала себе смертных приговоров. В таких случаях неглупые властители предпочитают действовать по принципу: «Что невозможно предотвратить, надо возглавить». Хотя бы на время…

Именно на это я и рассчитывал, рекомендуя В. Путину в Аналитической записке впредь «не церемониться» с демократией, исчерпавшей свой управленческий ресурс, а «сделать ставку» на непосредственное народное «самоуправление». Я рассуждал просто: чем «хуже» действия Путина выглядели для демократии и демократов, тем быстрее страна будет приближаться к рубежу её полного упразднения. Для окончательных выводов время еще не пришло, но совершенно ясно одно: чтобы перейти к «прямому народному самоуправлению» необходимо произвести «окончательный расчет» с демократией, «стряхнуть её прах с наших ног»…

UPSS

В истории, как в математике, иногда чтобы доказывать верность избранного пути, приходится делать это как бы методом «от противного». В нашем случае, — приближаться к намеченной цели, двигаясь вроде бы в противоположную сторону. Не знаю как кому, а мне лично В. Путин представлялся весьма подходящей фигурой для вывода России в постдемократическую эпоху. Не сдюжил…

Я из раза в раз повторяю, правда, всякий раз под своим углом, что в основе всех кризисов, выпадающих на нашу долю, лежит кризис управления, который наиболее болезненно сказывается на отношениях власти и граждан. Граждане категория более константная, о её модернизации приходится говорить в параметрах исторических, власть гораздо динамичней, спрос с неё гораздо выше.

Если власть начинает не поспевать за темпами развития, возникают разного рода дисбалансы, приводящие к общественно-политическим и социально-экономическим коллизиям и кризисам. Ответственность за происходящее общество совершенно естественно возлагает на власть. Я, например, считаю, что в настоящий момент человечество переживает жесточайший цивилизационный кризис, воспринимаемый прежде всего, как системный кризис власти.

В основе деградации нынешних властей, в различных её модификациях, лежат отнюдь не идейно-политические мотивы, не уровень образования или профессиональные квалификации. Во власти много неглупых, знающих, опытных, честных, просто приятных и порядочных людей. К сожалению, власть вырождается системно. Та парадигма, в рамках которой существует нынешняя власть, давно исчерпала свой системный функциональный ресурс. У нас каждый новый президент, оказывается хуже предыдущего, каждый следующий парламент ещё беспомощней и бесполезней.

Власть на всех её уровнях давно утратила инстинкт самосохранения, а, следовательно, дезориентирована в адекватной оценке прошлого, настоящего, будущего. В этом, собственно, и состоит «объективная логика политического краха Путина», а не в его персональных ошибках и личных качествах. Можно даже сказать, что В. Путин это лучшее, что может сегодня дать российский политический истеблишмент, но он на сегодняшний день себя исчерпал.

Сегодня, конечно, В. Путин герой, ему аплодируют наравне с героическими участниками крымского референдума, и уже никто не вспоминает, что вплоть до 21 февраля 2014 года, то есть всего за неделю до свержения Януковича, он последовательно и твердо выступал на стороне «легитимного президента», «за сохранение территориальной целостности Украины», как того требовала логика государственной власти и пост, который он занимал.

Ему, как и всякому другому на подобном же месте, важнее всего было отстоять принципиальную «незыблемость основ государственной власти» от любых посягательств на неё, а не на волю людей откликнуться. Для

него В. Янукович как был, так навечно и останется законно избранным легитимным президентом. Иначе, заколеблется система какой бы то ни было власти, какую В. Путин только может себе представить. Теперь вот приходится ломать голову, как построить отношения сразу с двумя президентами: одним в «изгнании», другим — «избранным»…

Позволю себе спросить: ему в ту пору еще не было известно, что Крым дважды уже предали, не было ясно, что занятой позицией В. Путин демонстрировал готовность предать Крым в третий раз? Окажись украинская оппозиция посговорчивей, а В. Янукович чуть поумней, именно так бы и произошло. И очень скоро найдутся люди, которые В. Путину об этом напомнят.

Меня среди них не будет, я принятое им решение уважаю, а поведение считаю мужественным, хотя и вынужденным, но не конъюнктурным, не приспособленческим. Он нашел в себе силы, сдвинуть с места табуретку, на которой сидит. Наверное, чувствует, или даже знает, её из-под него скоро всё равно вышибут. Во всяком случае, в 2005 году в очередной прогностической книге **«Я знаю Who is Putin &что есть Россия»,** увидевшей свет в том же году, о такой перспективе речь уже шла.

У меня есть основания считать, что **В. Путин сегодня единственный российский политик, который понимает, с присоединением Крымской Республики вся Россия делает первый серьезный шаг от «вчерашней» цивилизации в «завтрашнюю», от представительной демократии, переродившейся сначала в утилитарно-прагматический авторитарный режим, а затем и в диктатуру, — а у нас сегодня господствует, в смысле способа правления и принятия решений, именно диктатура, вспомните голосование в Совете Федерации по запросу о праве на использование вооруженных сил на Украине для защиты российских сограждан, — к народному «самоуправлению».** К сожалению, в России иного пути к таким переменам нет. У нас привыкли идти к прогрессу, ломая существующие и назревающие проблемы, «через колено». Иного способа расставания со старым и обретения нового, мы не знаем.

Пройдет по историческим меркам совсем немного времени, эйфория, связанная с присоединением Крыма, неизбежные благотворные последствия которого ведущие к «самостийному народному бунту», пока еще мало кто осознает, схлынет. Повседневные кризисные заботы вновь возьмут страну и людей за горло, тогда и пробьёт час «путинского низложения».

Созданная в свое время им же «Единая Россия» вспомнит все нанесенные ей обиды. Ведь В. Путин ни в одной из трех успешных попыток стать президентом непосредственно от неё так и не выдвигался, хотя существующие законы от него этого почти что требовали, как если бы специально хотел «единороссов» унизить. В 2012-м вообще в противовес партии в интересах «поголовного сплочения» учредил, то ли вокруг неё, то ли против, Всероссийский Общенародный Фронт. При таком повороте

UPress

событий окажется очень кстати, что во главе «единороссов» стоит именно Д. Медведев. Это обстоятельство поможет придать банальному политическому предательству вид «назревших принципиальных разногласий».

Г. Зюганову с КПРФ и вспоминать ничего не придется, для этого у российских коммунистов всегда припасен набор испытанных претензий: неудовлетворенные чаяния народа, пренебрежение его духовными и нравственными традициями, нежелание оказывать активное противодействие «монетизации общественного сознания», растущему влиянию западного «образа жизни» и экспансии «потребительской идеологии».

В. Жириновский с ЛДПР, С. Миронов со «Свободной Россией» пристроятся в политический фарватер национал-патриотических настроений, в глазах которых недавний «путинский блеск» к тому времени уже померкнет, и все чаще начнет обращаться в сторону С. Шойгу. В этой же компании окажется Спикер Государственной Думы С. Нарышкин. Что касается В. Матвеенко, то ей придется возглавить «губернаторский фронт», который стройными рядами двинется в сторону возрождения былой практики обретения властных полномочий в режиме «всенародных выборов».

Не обойдется дело и без предъявлений В. Путину разного рода «пантовых инициатив», предпринятых в целях накачивания «рейтинговых мышц»: полеты со «стерхами», погружение в морские глубины за «эллинскими амфорами», транссибирский автопробег на отечественной «Ладе». И, конечно же, ряд других «суперменовских» аттракционов.

Под этим же углом зрения, А. Кудрин поможет, «пересмотрят взгляды» на затратные аспекты Олимпиады в Сочи, дальневосточного Проекта по обустройству Острова Русский, «популистских социальных программ», включая «материнский капитал» и амбициозный «пенсионный Проект».

Единственно, что оставят в силе без всяких на этот счет сомнений, это расходы на обеспечение вооруженных сил, на модернизацию и переоснащение армии и флота. Что избавит Д. Рогозина и С. Шойгу от необходимости «открещиваться» от шефа, а всему силовому блоку сохранить лицо. В итоге, полагаю, до публичного импичмента не дойдет, он сегодня никому не нужен. Дело, скорее всего, ограничится почти дружеской политической «разборкой по идейно-политическим понятиям», в результате которой сам В. Путин сочтет «целесообразным» под каким-нибудь благовидным предлогом президентское кресло покинуть. Он же назовет кандидатуру своего «анти-преемника». Так всё и сложится. Без «шума и пыли».

О том, что присоединение Крыма его не спасет, а погубит, В. Путин осознал самостоятельно, иначе бы он никогда не пошел на такую стремительную смену политических позиций, для президента недопустимой: от поддержки «легитимного» президента В. Януковича и сохранения территориальной целостности Украины» до перехода, причем всего за десять дней, в период с 21 февраля по 1 марта, на диаметрально противополож-

ные позиции. Такие «смертельные кульбиты» в большой политике даром не проходят.

Все остальные этого еще не понимают. В. Путин, я в этом уверен, понял. И в меру сил, даже попытался объяснить: он никогда бы на такой шаг не пошел, если бы не убедился, что такова «воля народа», как в Крыму, так и в самой России. Но ведь эта ссылка никого ни в чем не убеждает, и оснований для признания Крыма «неотъемлемой частью Российской Федерации», с точки зрения международного права не дает. Все сделано, что называется «впопыхах». Для признания этого факта действительным одного крымского референдума явно недостаточно, необходим еще и общероссийский.

Для того, чтобы Крым присоединить, такой общероссийский референдум, быть может, и не слишком нужен, зато по вопросу, как после украинских событий жить дальше, есть острейшая нужда. Но ведь российская власть, в лице депутатов и сенаторов, о существовании народа давно забыла, он ей не нужен, даже в качестве избирателя. Недавняя антиконституционная поправка, внесенная Федеральным собранием в избирательное законодательство, это красноречиво демонстрирует.

Путин, может быть, и помнит, только прибегать к этой процедуре ему теперь недосуг. Да и вопрос, который бы на такой референдум имело бы смысл вынести: «Упразднять или нет представительную власть в интересах перехода на систему «самоуправления», надо тщательно готовить. Времени же для этого совершенно не осталось. Вот и придется «маяться» пока ситуация не разрешится сама собой…

Исходя из ситуации, сложившейся непосредственно в России, В. Путин, если решит уйти, то по сути дела покинет свой президентский пост добровольно, в качестве национального лидера страны. Решит остаться, значит, подневольно, а в итоге, по факту, опять же, собственноручно, придется поставить жирный крест на собственной политической биографии.

К сказанному могу лишь добавить, решение уйти из международной политики В. Путин был должен принять уже тогда, когда понял, что инициаторы украинского кризиса подложили под него и под Россию «мину двойного действия». На первой взрывной волне от этой мины ему предстояло взлететь невероятно, а на амплитуде излета шмякнуться оземь, как если бы и не взлетал.

Присоединение Крыма ознаменовало взлет политического рейтинга Президента внутри страны, последовавшая затем полная международная изоляция Путина и России на мировой арене, должна была неизбежно привести его к решению об уходе. На примере России, в назидание всему остальному миру, Запад продемонстрировал, с чем столкнется любая страна, если её интересы войдут в противоречие с принципами вновь формирующейся глобалистской корпоративно-политической солидарности…

LIPSS

Перечитайте речь В. Путина от 18 марта 2014 года, по случаю подписания договора о присоединении Крыма к России. Это не речь, а прощальный хлопок дверью. В этой речи В. Путин по адресу своих недавних партнеров по «Восьмерке», особенно про Обаму с Меркель, про их «подстрекательскую роль» и «политическое двурушничество», наговорил такого, после чего пребывание друг с другом за одним переговорным столом противопоказано. Понятия джентельменской чести не позволят.

Государственные деятели масштаба В. Путина обязаны понимать, что их политическая судьба предопределяется не стечением благоприятных обстоятельств, «снисходящих с небес», а присоединение Крыма оказалось и для Путина и для России именно таким чудом, о возможности которого за две недели до случившегося никто и предполагать не мог, а функциональным предназначением. Пришел во власть «по велению времени», исполнил, выпавшую на твою долю историческую миссию, не только можешь или должен, а просто обязан покинуть свой пост. Личные качества здесь совершенно ни при чём, функциональный управленческий ресурс, который В. Путин олицетворяет, себя полностью исчерпал.

В момент торжеств по поводу присоединения Крыма, если судить по тому, что и как В. Путин говорил, решение о скорой и неизбежной отставке с поста Президента, было уже принято. Для дальнейшего пребывания на нем политического пространства не осталось. В. Путин от России, Россия от В. Путина, да и он сам от себя, давно устали. В заключение могу лишь в слегка актуализированном виде повторить то, что «напророчил» В. Путину пятнадцать лет назад в ноябре 1999-го года: **«Отчизна-мать, принимай в свои объятия долгожданного мученика».**

P.S.

В русском языке существуют гениальные фразы, срабатывающие как универсальный ключ к раскрытию всевозможных тайн. Я, например, очень активно пользуюсь замечательным суворовским высказыванием: «Война не закончена, пока не захоронен последний погибший солдат». У меня уже набралось немало выстроенных в такой же манере столь же глубоких констатаций по другим важнейшим поводам. Вот и сейчас, поставив, казалось бы, последнюю точку, вдруг понял: «Работа не может быть завершена, пока не сформулирована главная мысль, ради которой все начинал».

Начинал же не только ради того, чтобы в судьбах первых лиц государства разобраться, а ещё, чтобы понять, что и почему считать главным в прошлом, настоящем и будущем. И на это «главное» ориентироваться в своих «оценках» уже случившегося, на глазах происходящего, а в еще большей степени, — в решениях, принимаемых на будущее.

По ходу написанного я много на эту тему рассуждал, по-моему, неплохо, но надо же было такому случиться, действительно понял, в чем

UPSS

состоит смысл этого «главного», только сейчас. С журналистами такое случается довольно часто. Пишешь-пишешь, и вдруг понимаешь, что самого главного так и не сказал. Переписывать поздно, да и не хочется. Отсюда жанр «постскриптумов» появился.

Любое решение, чтобы навсегда остаться в прошлом как правильное, оказаться остро необходимым сегодня, и вознести вас как на крыльях в будущее, должно быть принято «своевременно». Ни раньше, ни позже, ни вдогонку, ни заранее, ни с опережением, а именно, «в свое время».

Такое решение всегда будет считаться «современным», к какому бы периоду жизни ни относилось. Современным для прошлого, современным для настоящего, современным для будущего. Современным, потому что правильным…

И только сейчас осознал, какой самый убедительный аргумент я готов предъявить в пользу того, что В. Путин должен уйти со своего президентского поста в момент, казалось бы, своего наивысшего взлета. Во всяком случае таких высоких рейтингов как сейчас прежде никогда не было У В. Путина, чем дальше, тем больше, стало возникать трудностей и проблем с принятием «своевременных», а, следовательно, правильных решений.

В. Путин явно поторопился с запросом в Совет Федерации на предоставление права на применение вооруженных сил для защиты российских граждан на Украине, когда в этом абсолютно не было никакой необходимости. Точно также, как поторопился и с отменой принятого решения. В стратегическом смысле это ничего не дало, а в тактическом даже навредило. Так всегда бывает, когда приходится расписываться в совершении очевидных ошибок. Тем более, что ни ранее принятое, ни нынче отмененное Постановление Совета Федерации с точки зрения международно-правового сопровождения украинского кризиса практически никакого серьезного воздействия не оказали, да и не могли оказать.

Дело в том, что в обоих случаях действовало и продолжает действовать аналогичное Постановление, принятое еще в 2009-ом году по запросу тогдашнего «промежуточного» президента России Д. Медведева на случай экстренно возникшей необходимости вооруженной защиты российских граждан, находившихся за рубежом и подвергшихся террористической угрозе. (См. Постановление СФ РФ от 16.12.2009 г.). Тогда речь шла о захвате сомалийскими пиратами российского торгового судна.

Это Постановление «забыли» отменить, а еще хуже, никто «не вспомнил», что оно продолжает действовать и поныне. Это еще не говоря о том, что в соответствии с пунктом 4, части 2 статьи 4 Федерального Закона «Об обороне» Президент и до этого располагал правом использовать воинские подразделения для защиты российских граждан. В итоге получилось, что в первом случае затеяли бурю в стакане воды, а во втором, как если бы обожглись на кипящем молоке, стали неистово дуть на студеную

воду. Всё в том же стакане. То ли наполовину полном, то ли на половину пустом.

Достаточно странно в исполнении В. Путина выглядели его заявления об обеспечении «целостности и неделимости» Украины, когда страна уже в буквальном смысле трещала по швам, а до Крымского референдума оставались не недели даже, а считанные дни. Едва они истекли, пришлось уже говорить, не об «обеспечении целостности, в соответствии с международным правом», а о том, что присоединение Крыма к России, это «восстановление исторической справедливости».

Совершенно не понятно почему В. Путин до сих пор не торопится найти какой-нибудь благовидный предлог «для отправки домой» бывшего тамошнего президента В. Януковича, что стало бы хорошей демонстрацией конструктивной оценки В. Путиным процесса нормализации внутренней обстановки в соседней республике. Да и от впечатления двусмысленного отношения к истории с Януковичем самого В. Путина, да и всю Россию, избавило бы.

Разрешилась бы, кстати, и глупейшая ситуация, когда В. Путин вынужден «делить свое внимание» сразу между двумя «легитимными» украинскими президентами. Вести переговоры с Порошенко, и продолжать оказывать «покровительство» Януковичу. В результате все участвующие в этих контактах лица оказываются в дурацком положении. И сам Путин, и Порошенко, и Янукович. В нынешней ситуации между ними никакого взаимного доверия быть не может. А какие переговоры без доверия?..

Да и в многосторонних контактах по вопросам украинского кризиса Путин «создает лишние проблемы» и всем мешает. Прежде всего, себе самому в стремлении как можно быстрее существующую ситуацию урегулировать. Ведь Путин и его партнеры по переговорам из США и Европы в минувшие месяцы сгоряча столько наговорили и «насанкционировали», что в глаза друг другу должно быть «стыдновато» смотреть. Не исключаю, американцы, чтобы «убрать Путина», а сегодня именно в этом состоит их стратегическая цель, никакая другая аналитически не просматривается, теперь уже не остановятся даже перед развязыванием войны. Теперь, к сожалению, только так можно будет оправдать хотя бы в собственных глазах собственную же агрессивность…

Они, — Путин, Обама, Меркель и иже с ними, — хоть и государственные лидеры, тем не менее, обыкновенные люди. Представления о приличиях на них тоже распространяются. Путин отвечает только перед собой и за себя. В этой ситуации ему гораздо проще, при взаимной плохой игре, сохранить одну «хорошую мину», чем целой коалиции из «семи» или «двадцати» первостатейных «мин».

Победи Путин, им между собой никогда счетов не свести. Мудрее было бы в этой ситуации Путину ни рейтингами и амбициями с евроамериканскими лидерами меряться, а демонстративно меч в ножны вло-

HSE

жить и добровольно отойти в сторону, одержав над своими нынешними недоброжелателями, внешними и внутренними, морально-нравственную стратегическую победу. Для России пользы гораздо больше было бы. Все бы, наконец, с облегчением вздохнули…

И таких примеров можно еще приводить достаточно много. О чем это свидетельствует? О том, что В. Путин попал в политический цугцванг, почти каждое его новое решение оказывается хуже предыдущего, у него разладился алгоритм адекватного восприятия окружающей действительности с алгоритмом обеспечения принятия эффективных политических решений. Это верный показатель: политический деятель исчерпал свой энергетический ресурс, перестал принимать «своевременные» решения, значит, перестает быть «современным», своей стране необходимым.

В чем сегодня состоит действительная вина В. Путина, которая грозит обернуться очередной исторической бедой для России? Прежде всего, в том, что его нынешний политический курс превращает страну в государство, которое никогда не умело отличать искренних друзей и подлинных союзников от «показушных», оказывающихся на поверку замаскированными врагами и предателями.

Вернуть шанс одержать победу над нынешними своими недоброжелателями и противниками, — будь они внешними или внутренними, — у В. Путина может появиться только в том случае, если он найдет в себе мудрость и мужество преодолеть силу политической инерции, если он действительно рискнет принять решение, — с точки зрения науки его стратегическая целесообразность совершенно очевидна, — могущее ознаменовать переход от окончательно исчерпавшей свой функциональный ресурс нынешней демократии к «самоуправлению», как новому цивилизационному этапу своего существования.

Для этого ему достаточно лишь издать Указ, совмещающий решение о собственном уходе с проведением всенародного референдума о переходе к новой системе управления. Действуя именно таким способом В. Путин может не только навсегда и во всем опередить своих нынешних противников и соперников, но и абсолютно всем указать выход из нынешнего глобального цивилизационного кризиса. К этому мир рано или поздно всё равно придет, но с гораздо большими издержками.

И, наконец, последнее, быть может, самое главное. В. Путин был вынужден пойти на присоединение Крыма, исходя вовсе не из стратегических интересов страны, а исключительно из своих собственных как главы государства. Ему было жизненно важно под воздействием накатывающихся друг за другом социально-экономических неурядиц максимально упрочить свои политические кондиции перед лицом набирающей силу оппозицией левого толка. Никакие социальные «поблажки» здесь «сработать» уже не могли.

URSS

Пришлось «разыгрывать» национал-патриотическую карту, так удачно оказавшуюся на руках у В. Путина, благодаря инспирированному Западом во главе с США обострению российско-украинских отношений. В политическом смысле, Крым оказался для В. Путина даже не подарком, а буквально «манной небесной» , выпавшей ему на голову в критический момент. Беда в том, что долго удержаться на гребне национал-патриотической волны еще нигде, никогда и никому не удавалось. Не удержится и В. Путин.

Ну вот, теперь, кажется, всё. Работа действительно завершена…И никакой предвзятости, никаких симпатий или антипатий. Я уже давно привык к тому, что позиции, которые я занимаю, и в отношении В. Путина, и в отношении самой России, не нравятся никому. Среди противников В. Путина не вижу ни одного, кто бы мог претендовать на его место по своему политическому потенциалу, среди демократов, требующих из раза в раз всё более «свободных и честных выборов», нет людей, четко осознающих, что система управления страной и обществом «по доверенности» давно себя исчерпала. Кстати, В. Путин это понимает. Если бы он этого не понимал, то сегодня наверняка бы возглавлял «Единую Россию», а не Всероссийский Народный Фронт. Ему не хватает мужества от этой порочной системы отречься…

URSS

Глава 4

Что в прогнозе главное? Концептуальная идея…

При кажущейся научной фундаментальности, обозначенной в заголовке, я ставлю перед собой цели вполне конкретные: помочь людям, оказавшимся перед необходимостью принимать ответственные решения делать это осознанно, без последующих огорчений и разочарований за допущенные просчёты и ошибки. Это важно, как для большой политики, так и в текущей жизни.

Нет ничего сильнее **идеи,** для реализации которой настало время. **Поиск именно такой перспективной идеи на интересующем исследователя направлении составляет стержень, цель и смысл научного прогнозирования. Поэтому я и называю её концептуальной.** В прогнозе остаётся только указать момент, когда это время наступит.

«Концептуальную прогностическую идею», как продукт человеческого сознания, очень важно уметь не отождествлять с общей стратегической линией общественного прогресса, которая складывается под воздействием объективных факторов развития. Хотя на практике такая путаница происходит сплошь и рядом. Наглядный пример в расхожей фразе: **«Все наши беды и кризисы состоят в том, что у нас отсутствует ключевая стратегическая идея общественного развития».**

Обычно общий смысл этой констатации сводится к фактору, на который я обратил внимание в начале книги, говоря о том, что смысл пройденного нынешней человеческой цивилизации исчерпывается реализацией принципа формирования групповых интересов. Но это не означает конца цивилизации.

Исчерпана лишь затяжная историческая фаза, связанная с существованием представительских систем управления, когда решения принимаются кем-то от имени кого-то. Вождями племен за всё племя, царями-королями за всю державу, партиями парламентами-депутатами за весь народ.

Движущей силой грядущей цивилизации станут не групповые интересы, а жизненные запросы личностей. Это предопределено объективными предпосылками исторического прогресса, которые действительно дают о себе знать через концептуальные идеи.

Самым уникальным, как я считаю, историческим примером реализации концептуальной прогностической идеи служит, на мой взгляд, решение о проведении 7 ноября 1941 года военного парада на Красной площади в момент, когда судьба Москвы, да и самой страны была под вопросом.

URSS

Но именно в то хмурое и студёное ноябрьское утро была одержана первая морально-нравственная стратегическая победа над врагом. Народ поверил в собственную силу, в способность выстоять и разгромить врага. От этого 40-минутного парада затем вёлся отсчёт других солдатских и полководческих триумфов, — битвы под Москвой, под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, разрыва ленинградской блокады, освобождения Минска, Киева, Севастополя, Будапешта, Вены, Праги и в мае 1945-го штурма Берлина.

Предвидеть можно по-разному: бывают вещие сны, у некоторых людей случаются пророческие видения, другие слышат потусторонние голоса, третьи вообще рождаются на свет умеющими видеть не только через предметы и стены, но и сквозь время. Можно, в конце концов, правильно угадывать развитие событий, как Вольф Мессинг по невесть какой причине или как Нострадамус, предсказывать судьбы мира и человечества на сотни лет вперёд. Всё это бывает**.**

Но прогнозировать в отличие от предвидения и ясновидения можно только научно, то есть с применением соответствующих методов познания и предъявлением убедительных результативных доказательств.

В самом общем виде **«концептуальная прогностическая идея»** имеет мировоззренческий характер и исходит из общих представлений об устройстве мира и особенностях его существования, но не носит универсального характера, как на это в свое время претендовал марксизм-ленинизм или экономическая теория Адама Смита.

В каждом отдельном случае, **в каждом конкретном прогнозе «концептуальна идея» обязательно обретает оригинальный, я бы даже сказал, индивидуальный авторский вид,** она всегда «личная» и воплощает в себе ключевую позицию любого научного исследования.

В **«концептуальной идее»**, всякий раз по-своему, в зависимости от объекта исследования, но непременно сходятся отживающее свой функциональный век «прошлое» и набирающее темп, жизненную энергию «грядущее». **Если иметь в виду общеметодологический смысл «концептуальной идеи» применительно к научному прогнозированию политических процессов, то он состоит из трех важнейших компонентов**.

Во-первых, она обязательно имеет «цивилизационный характер», то есть охватывает только процессы и явления, обладающие исторической динамикой. Они зарождаются, развиваются, набирают силу, функционально исчерпываются, сходят «на нет». **«Концептуальная идея»** в принципе никогда не должна «посягать» на конкретные события и обстоятельства личных политических биографий. Действительно научный прогноз дает вполне удовлетворительные ответы и на эти вопросы, но рассматривать их следует исключительно как сопутствующие результаты более широкого концептуального исследования, а не как его основополагающую цель.

URSS

Во-вторых, такая идея должна быть «привязана» ко времени и пространству, нести в себе обозначение, почему тот или иной процесс или явление, избранные для научного прогнозирования рассматриваются в том или ином историческом контексте и геополитическом ракурсе.

Наконец, в-третьих, она должна олицетворять собой аналитический и прогностический **«стык принятия правильного политического решения»**, в котором воплощается весь опыт «прошлого» и открываются перспективы «будущего». В этом как бы проявляется **прагматическое, прикладное предназначение «концептуальной прогностической идеи»**.

Сформулировать, указывающую на эту точку **«концептуальную идею»**, всё равно, что найти ключевое слово в поэзии, главную звуковую фразу в музыке, нужное сочетание красок в живописи. Иными словами, **поиск «концептуальной идеи» процесс творческий,** и потому доступный, даже при огромном багаже знаний, далеко не каждому.

Не все же становятся композиторами, поэтами, художниками. Родить «концептуальную прогностическую идею» сложно, зато очень важно научиться её отличать от ремесленнических поделок на тему о будущем, тем более профессиональных спекуляций на нем. Как это делают сейчас многие мои коллеги, особенно из числа тех, кто пробился в народные депутаты или в ближайшее окружение президента. Я им сочувствую…

Вот почему на протяжении всех лет работы, ссылаясь на собственные прогнозы, я обязательно обращал внимание читателей именно на **«концептуальную идею»,** стараясь подчеркнуть, что именно она лежит в основе любого сбывшегося научного предвидения, иначе мне вообще бы не удавалось не только предсказать, но даже толково объяснить происходящее.

Именно это попытаюсь сделать и сейчас, сославшись на **«концептуальную прогностическую идею»,** по сути дела сопровождавшую меня и мою работу минувшие четверть века. Впервые она была публично сформулирована **в прогностическом сборнике, «Глас вопиющего…» увидевшем свет в 1999-м году,** сыгравшем исключительно важную роль в моей исследовательской биографии. Посвященная размышлениям на эту тему глава называлась: **«Теперь в России не осталось места ни для политики, ни для политиков»**[20]**.** Привожу из этой главы ключевой аспект, в близком к оригинальному тексту изложении.

Для кого-то может прозвучать странно, но так оно и есть: политика себя в России изжила, окончательно исчерпала. Для неё не осталось ни социальной базы, ни идейной основы, ни исторических ориентиров. В России уже давно все перепробовали, не оставили не дискредитированной ни одной здравой политической мысли, ни одной продуктивной идеи. А главное, в стране поставлен под вопрос смысл борьбы за власть. В 1996-м году Г. Зюганов уже не захотел победить Б. Ельцина по сугубо

[20] См. Прогностический сборник «Глас вопиющего…», с. 31–57.

UPSES

конъюнктурным соображениям, боюсь, в 2000-х годах за власть в России не станет бороться ни один сообразительный, тем более уважающий себя порядочный человек. Слишком перспективы будут открываться мрачные. Интересуетесь почему? Отвечаю…

Я уже не раз высказывал мысль и делаю это вновь: политика начинается не там, где правительства, парламенты, министры, президенты, а там, где миллионы. Но не денег, конечно, а людей. Политика начинается там, где затронутыми оказываются жизненные интересы этих миллионов. Правительствами, парламентами, депутатскими и президентскими креслами, миллионными банковскими счетами, открытыми благодаря пребыванию у власти, политика заканчивается.

В сегодняшней России, где интересы миллионов людей оказались по одну сторону, а интересы властей по другую, истоки традиционной, классической, не утратившей смысла политики пересохли, ресурсы для взаимного доверия между властью и народом, исчерпаны. Теперь для продуктивного управления страной надо бурить новые артезианские скважины. Не от политики, не от борьбы за власть возродится Россия…

Те же, кто в борьбу за власть все-таки вступит, тоже знают и понимают, массовое общественное сознание, отягощенное удручающими результатами деятельности российских властей, во всех их ипостасях, ветвях и мастях, будет активно откликаться только на различные модификации лозунга «Долой»[21].

Эта **«концептуальная идея»** верой и правдой служила мне почти четверть века, помогая разбираться в хитросплетениях российской политики. В событиях менялся лишь актуальный антураж, но суть происходящего оставалась прежней…

«Концептуальная прогностическая идея» нигде не может быть позаимствована, ни в философских словарях, ни в энциклопедиях. Она должна прийти непосредственно в голову конкретному исследователю, посягающему на прогностический результат. В его собственном сознании должно родиться ощущение взаимозависимости и целостности всего происходящего. Здесь чужими подсказками и рекомендациями не обойтись.

Следует попытаться это ощущение расшифровать и испытать на практике. Работает, значит, вы на правильном пути, даёт сбои, совершайте новые попытки. Лично я в прогностический коллективный разум не верю. Слишком часто придётся согласовывать несогласуемое и совмещать несовместимое.

В первой книжке прогностических очерков **«Пророков нет…»** я посвятил развитию этой спорной темы практически целый раздел, из которого приведу лишь выдержку. «*Преодолеть массово-психологический гнёт общественного сознания, разорвать цепи «коллективного разума», вырваться*

[21] См. В. Гущин, «Глас вопиющего…». М. 1999 г., с. 39–41.

из оков традиционного стиля мышления и попытаться опередить время можно только в одиночку. Существуют сольные партии, есть хоровые кантаты. У исполнителей того и другого должны быть разные данные, а у самих партий — разное предназначение. Прогноз — это соло, адресованное, прежде всего, тем, кто понимает, а не воспринимает. Никто не пишет симфоний, стихов и картин (за малым и очень редким исключением) даже в четыре руки. Прогноз, способный опередить время, — это продукт сугубо индивидуального творчества, специально посвятившего себя этому неимоверно трудному и неблагодарному делу людей».

На встречах с читателями меня нередко спрашивают, чем я сам объясняю высокую степень точности собственных прогнозов. Обычно отвечаю так: *«Принимаясь за работу, у меня даже в мысли нет намерения заглянуть в будущее, разглядеть там неведомую цель. Я стараюсь лишь правильно понять настоящее, события и людей, под углом зрения перспектив развития. Если вы разобрались в сути дела, то, наверняка, натолкнётесь на опознавательные знаки, прокладывающие дорогу в будущее.*

По началу, на самом деле я проводил лишь тщательный аналитический мониторинг происходящих событий, пытаясь взглянуть на них под углом зрения критериев, представлявшихся мне закономерными. Рассматривать использованную методику политического мониторинга как прогностическую появилась возможность только сейчас, когда можно опереться на проверенные жизнью и практикой результаты».

Автор, посягающий на научное предвидение должен заведомо отказаться от стереотипа, что право на правду, справедливость, признание, уважение и даже право на будущее имеет лишь мнение большинства. По сути дела, речь идёт о том, чтобы рассматривать прогнозируемые события или явления не только под углом зрения их собственной логики, пусть даже объективной, но ещё в рамках взаимосвязей внутри социально-экономических и общественно-политических процессов, частью которых они являются.

Я всегда предупреждаю, что не занимаюсь прогнозированием конкретных фактов или чьих-либо политических биографий. Я преследую цель разобраться в процессах развития, в сути событий и явлений, в их закономерностях, а регулярное попадание в факты, должности и имена — это, как правило, побочный результат основного прогностического исследования, своего рода шлак, идущий в отвал.

Занимаясь научным прогнозированием политических процессов очень важно выработать в себе отношение к будущему как к предмету научного исследования, у которого есть истоки, движущие силы, фазы перехода из одного состояния в другое, признаки объективных тенденций и закономерностей развития. Наконец, научиться расшифровывать опознавательные знаки предвестников неизбежных последствий, принятых или не принятых решений.

Press

Понятно, что с концептуальных позиций приходится подходить не только к многослойным политическим процессам, уходящим корнями в прошлое, а ветвями в будущее. Нередко для аналитического рассмотрения даже отдельной темы с прицелом на прогноз **без сквозной концептуальной идеи** не обойтись.

Приведу два конкретных примера, когда мне пришлось поступить именно так. Первый — разработка темы протестных массовых движений и голосования «против всех». Второй — международный терроризм и его российская версия.

Как по первой, так и по второй теме у меня была масса публикаций, и смею заверить, в отличие от большинства выступлений других авторов на эту тему, они отличались именно концептуальным подходом, в них обязательно вскрывались истоки того и другого общественного явления, указывалось на закономерности развития, особенности проявления, а на этой основе и появились суждения о перспективах развития. Вплоть до конкретных рекомендаций, какие встречные или ответные действия, или противодействия следовало бы предпринять.

В отношении протестной темы, упомянутой в предыдущем разделе, я даже вышел на попытку сформулировать идеологическую подоплёку явления, назвав её **«идеологией позитивного негативизма»,** как бы подчёркивая, что выступать «против всех» не значит «против всего», что отрицание в основе своей несёт не негативный, а позитивный смысл. С его помощью мы избавляемся от всего отжившего, тормозящего развитие.

Этому было посвящено несколько публикаций, в том числе **«Что за теми, кто против всех», «Пробил час “позитивных негативистов”», «Позитивный потенциал голосования “против всех”» и, наконец, двухполосная газетная публикация «Через отрицание — к сплочению, через сплочение — к победе», которая чуть было не стала основой идейно-политической платформы Общероссийского общественно-политического движения “За гражданское достоинство”» во главе с Эллой Панфиловой.**

Кстати, доклад на эту тему, представленный в буклетированном виде, я сделал на заседании Экспертного клуба Первого телевизионного канала, а затем на специальном заседании Горбачёв-Фонда. На первой обложке буклета Михаил Сергеевич оставил автограф, уже второй за историю наших контактов и взаимоотношений. ***«Вновь приветствую Проект Виктора Гущина»,*** — так он оценил мои аналитические усилия.

Уже в тогдашних публикациях, относящихся в большинстве случаев ко второй половине девяностых годов, было обращено внимание на тенденции и закономерности, ведущие к нарастанию протестных настроений, к формированию на этой основе массовых политических движений. До активного публичного обсуждения этих проблем дело дошло только на рубеже президентских выборов 2012 года.

URSS

С разработкой темы терроризма я на такой высокий идейно-теоретический уровень не вышел, остановившись на уровне инициатора Международной конференции по борьбе с терроризмом, проведённой в 2004 году по моей рекомендации Организацией Договора о коллективной безопасности в московском Президент-отеле с упором на психологические аспекты. Я даже подготовил, оформил и выпустил за свой счёт в виде буклета Международный общественно-политический Проект «Жизни — да! Терроризму — нет!»

В него вошли некоторые авторские аналитические статьи, специально посвящённые морально-этическим и психологическим проблемам терроризма. Это — **«Терроризм — война психологическая. И победить в ней можно только психологическими средствами», «Не будет покоя, пока жив Джавдет. От террористов можно ждать любую гнусность и подлость», «Доля народа и воля власти. Первую принято разделять, вторую — собирать в кулак», «Символика кровавой бойни в Беслане. В ней зашифрованы психологические цели террористов».**

Взятые вместе эти статьи дают довольно полное концептуальное представление об идейно-политической и социально-психологической основе терроризма об особенностях его проявления в России, создавая, тем самым, возможность для поиска адекватных ответов на него именно в психологическом смысле.

С научной точки зрения **политическое событие может быть предсказано только в рамках процесса**, когда оно является неотъемлемой частью взаимосвязанных между собой действий или явлений, имеющих истоки, признаки динамического развития, когда исследователю ясны его движущие силы и составные части, и, наконец, основные направления и цели. Любое действие, взятое само по себе, вне политического процесса, в отрыве от прямых и обратных связей непредсказуемо, здесь можно полагаться лишь на случайное угадывание или ясновидение.

Руководствуясь именно этой мыслью, мне удалось убедить редакцию российского **«Политического журнала» («ПЖ»)** взяться за концептуальный прогностический анализ наиболее перспективных политических процессов, на фоне которых с наивысшей вероятностью в ближайшие годы будут происходить в стране ключевые события. Публикации выходили в свет во второй половине 2004-го года с завидной регулярностью.

Вот их перечень:

1. «Постная победа. Владимир Путин начал восхождение на Голгофу»[22];
2. «Зачистка власти. Предреволюционная ситуация в России будет разрешена либо Кремлём, либо улицей»[23];
3. «Демократия умерла? Да здравствует анархия!»[24];

[22] «ПЖ», № 11, 29.03.2004.
[23] «ПЖ», № 12, 04.04.2004.

URSS

4. «Партии без будущего. Будущее без партий?»[25];
5. «Даёшь самодержавие. Российский авторитаризм: ужас ужасом не перешибить»[26];
6. «Власть и бизнес: вместе или врозь»[27];
7. «Президент милостью божьей. Приемник Путина и крестная сила»[28].

Большинство из перечисленных статей включено в Приложения к книге и по ходу развития, к некоторым из прогностических сюжетов придётся ещё не раз возвращаться.

Публикации о протестном голосовании, о психологической подоплёке терроризма, целевую серию в «Политическом журнале» я до сих пор расцениваю, как большую научно-методологическую творческую удачу. Беда в том, что спрос на научный политический прогноз в нашей стране весьма специфический.

Людей интересует либо конкретные события, что и когда произойдёт, либо поворотные моменты политических биографий ведущих государственных мужей. Весь сопутствующий прогностический антураж, помогающий понять, почему случилось именно то, что случилось, а не прямо тому противоположное, воспринимается редакциями, как правило, как гадание на кофейной гуще или безответственный росчерк прогностическими вилами на поверхности воды.

Что касается периода, связанного с политической судьбой В. Путина, то к началу 2004 года, то есть к моменту публикации в «Политическом журнале» прогностической серии статей вся событийно-биографическая суть его жизни была уже отработана, оставалось только сообщить, что на третий президентский срок В. Путин не пойдёт и займётся тщательной подготовкой передачи власти кому-то из своих сподвижников по одному из двух способов — либо «официальному приемнику», либо «народному избраннику» с тем, чтобы в 2012 году вновь поменяться с ним местами.

На роль «приемников», судя по предпринимаемым В. Путиным действиям намечались С. Иванов и Д. Медведев, а «народного избранника» — В. Якунин. Однако, окончательное решение, как я полагал, будет непосредственно принято перед президентскими выборами 2008 года. Рассуждениями именно на эту тему, что и как будет происходить в историческом интервале между Путиным тогдашним и Путиным завтрашним, я и намеривался завершить прогностическую серию.

Когда итоговый материал под заголовком **«Что, как и почему после Путина»** уже был готов, «Политический журнал» почему-то к публика-

[24] «ПЖ», № 22, 28.06.2004.
[25] «ПЖ», № 26, 26.07.2004.
[26] «ПЖ», № 38, 18.10.2004.
[27] «ПЖ», № 38, 18.10.2004.
[28] «ПЖ», № 45, 06.12.2004.

URSS

ции нашей совместной прогностической инициативе охладел. Рубрику **«Специальный прогноз»** со страниц журнала убрали, причём одновременно с главным редактором, хотя вполне допускаю, что два этих события друг с другом не связаны, во всяком случае, сведениями на этот счёт не располагаю.

Быть может, кому-то из очень влиятельных лиц, пришелся не по вкусу тот образ утилитарно-прагматического режима, который был выведен в статье. Я имею в виду следующий фрагмент:

«Судя по объективным запросам времени и наличию необходимых предпосылок удовлетворения этих запросов, предстоящий этап российских реформ будет отличаться, следующими особенностями.

***Первое**. В управленческом смысле это будет режим умеренного утилитарно-прагматического авторитаризма («мягкий чилийский вариант»). Влияние представительных органов власти, вообще демократических функций и процедур, будет сведено к минимуму. Эта модель «втихую» уже отрабатывалась на имитационном этапе, но она оставалась ещё очень громоздкой, крайне затратной, практически непригодной для решения задач ускорения.*

Однако все эти очевидные изъяны компенсировались «подставным» предназначением Госдумы. Рост недовольства имитационной политикой, когда произносились правильные, хорошие слова, совершенно не подтверждавшиеся конкретными делами, где естественным образом, а где-то, полагаю, и специально организованным, переадресовывался на Думу. Это В. Путина до перехода к решительным действиям по политической ликвидации кадрового наследия двух предшествующих разрушительных этапов вполне устраивало.

Претерпит серьёзные изменения и характер взаимоотношений не только с представительной, но и с исполнительной властью — правительством и кремлёвской администрацией. Авторитарный режим эффективен только тогда, когда ориентирован на поддержание «добрых отношений» с населением, а не ближайшим окружением. Его-то, это окружение, как раз необходимо хотя бы для вида держать «в чёрном теле».

Если иметь в виду не содержательную сторону, а технологические характеристики грядущего утилитарно-прагматического авторитаризма, то она, эта модель, конечно же, относится к разряду кризисных способов управления. Это совершенно закономерно для стадии перехода от имитационного цикла к формированию дееспособного управленческого механизма, способного обслуживать не стабилизационное, а ускоренное развитие. Но этого придётся дожидаться ещё лет семь.

***Второе.** С экономической точки зрения четвёртый реформаторский цикл может быть охарактеризован как социально ориентированный либерализм. Не только в такой специфической стране, как Россия, но вообще всюду и всегда, в смысле общих объективных закономерностей, за фа-*

зой революционных преобразований, — они в нашей стране больнее всего ударили по социальным гарантиям и общественным приоритетам, ориентированным на коллективизм и государственный патернализм, — обязательно должен последовать «откат» на прежние позиции. Так гласит знаменитая «теория маятника».

Конечно, действие этой закономерности не обеспечит полного возврата к дореформенной социальной политике, но либеральный «фантомас», разбушевавшийся на стадии второго разрушительного цикла и перешедший в вялотекущую фазу на цикле имитационном, с приходом режима утилитарно-прагматического авторитаризма сдаст свои позиции, станет толерантнее. Это могло бы случиться и раньше, но для этого пришлось бы убирать из правительства Кудрина, Грефа, Зурабова прежде, чем для этого созрели благоприятные условия.

Для того, чтобы их убрать с пользой для дела, нужно было сначала запустить в действие социальные механизмы, против которых «записные либералы» категорически возражали. Это и функциональное преобразование Стабилизационного Фонда, и запуск нескольких социально ориентированных национальных проектов, и реставрация некоторых весьма важных принципов социального государственного патернализма, включая пенсионное обеспечение и систему поощрения рождаемости.

Третье. *В плане внутренней государственной политики механизм утилитарно-прагматического авторитаризма будет, скорее всего, работать в усиленном режиме на поприще универсально-патриотического федерализма. После решения не избирать, а назначать губернаторов никакой другой политики ожидать не приходится. Процесс выстраивания управленческой вертикали пока не форсируется. Да это и понятно. На данном этапе создаётся лишь нормативно-правовая система координат, а реализация стратегического замысла наверняка резервируется на то время, когда политическая система в стране будет подвергнута полному кадровому обновлению.*

В общем содержательном смысле, объединяющем все три важнейшие перечисленные особенности, как, впрочем, конечно, многие другие, о которых речь пока не велась, прежде всего, из-за экономии места и времени, предстоящий четвёртый реформаторский цикл должен будет обеспечить перегруппировку сил, накопления общественно-политического и социально-экономического потенциала не только для действительного стабилизационного, но, возможно, и ускоренного развития России».

Однако оставлять картину развития событий без завершающего прогностического «удара кистью» не хотелось. Я начал искать другое издание, где бы написанная уже статья могла увидеть свет. Выбор пал на вновь созданный **журнал «Политический класс»,** где главным редактором стал В. Третьяков, с которым мы были в весьма добрых творческих отношениях.

Большинство моих прогностических опытов, выпавших на период с 1991 по 2001 годы, были опубликованы в «Независимой газете», которую В. Третьяков в те годы возглавлял. Я даже в одной из личных записок в 1991 году после публикации статьи «Объективная логика политического краха Горбачёва» пообещал, всё, что мной будет написано впредь, я буду передавать в «НГ».

И уже только в том случае, если материал по каким-то соображениям не устроит редакцию, попытаюсь разместить его в каком-нибудь ином издании. Скажу честно, ни один из переданных в «НГ» материалов отвергнут не был. Их набралось на две книги, да ещё столько же осталось за их пределами.

С материалом **«Что, как и почему после Путина»** тоже всё обещало завершиться благополучно. Статью для публикации приняли, набрали, поставили в номер, сопроводив моей фотографией, вынесенной чуть ли не на обложку, но света материал так и не увидел. В последнюю минуту он был из номера снят. Я не стал выяснять по каким причинам, поскольку взял за правило судьбой материалов не интересоваться, так как мне самому было заведомо ясно, что поводов мои прогнозы не публиковать было гораздо больше, чем такую возможность предоставить.

Статья практически в неизменном виде пролежала в авторском архиве несколько месяцев, пока не помог совершенно неожиданный случай. Где-то в верхах, по некоторым признакам, в кремлёвской администрации, родилась идея к моменту смены президентского караула выпустить специальный аналитический сборник, предназначенный для презентационного вручения участникам президентской инаугурации.

Поскольку среди гостей предполагалось наличие иностранцев, одним из принципов подбора потенциальных авторов стали итоги запроса, организованного в 2007 году справочной поисковой компанией «Google». В результате проведённого информационного запроса я совершенно неожиданно для самого себя попал в пятёрку российских политических экспертов, на которых наиболее часто ссылаются в зарубежной печати. По этой причине я и получил предложение выступить в качестве автора в презентационном издании.

С присущей мне авторской наглостью предложил для публикации не столько взгляд на минувшие восемь лет, сколько наперёд, лет, эдак, на десять-пятнадцать. В итоге статья **«Что, как и почему после Путина»** в презентационном издании появилась, но без заголовка, как и у всех других публикаций презентационного издания.

Их заменили авторскими декларациями, ещё более обязывающими, чем заголовки. Моя выглядела так: ***«Я говорю и пишу только о том, в чём абсолютно уверен. При этом всегда готов обосновать свои суждения конкретными фактами и реальными политическими обстоятельствами».***

UPress

После выхода книги **«Россия. Восемь лет с Путиным»** я иногда демонстрирую её любопытной публике. Увесистый том, килограмма три с лишним веса, вощённая золотая суперобложка, да к тому же ещё специальный кожаный контейнер для транспортировки и хранения, вроде портфеля без ручки. Один из приятелей сообщил, что видел книгу в продаже в букинистическом магазине на Варварке. Стоимостью в несколько тысяч рублей.

Хотя о российской политике и российской власти и в этой презентационной публикации слова доброго не сказано. Я вообще считаю, если о властях и писать, то только так. Неважно, российская она или какая-либо другая. Функциональное предназначение власти — обслуживать и обеспечивать интересы людей и их запросы.

Если она исполняет свои обязанности хорошо, это нормально и благодарить здесь не за что. Если плохо, как чаще всего и случается, власть критикуют, порицают и даже свергают. В истории ещё не было власти, которая под эту критическую гильотину не попадала…

В одном из материалов, принадлежавших к опубликованной в «Политическом журнале» прогностической серии, я прямо говорю, что сегодня не только Россия, но и весь мир выходят на рубеж, когда отношения между властью и гражданами будут строиться не на партнёрской основе, как это делалось при демократии, пока она не исчерпала свой управленческий потенциал, а на базе острой, самовоспроизводящейся конфронтации по принципу **«консолидированный протест против консолидированной власти».**

Это только на первый взгляд выглядит страшным, даже ужасным, на самом же деле, вполне рабочая модель, если заранее знать, что отношения в этом противостоянии строятся на базе обоснованных взаимных требований и никаких поблажек или льгот не предусматривают.

*«Перспектива возникновения конфронтационной модели, — говорилось в статье **«Зачистка власти»**[29], — соответствует объективному вызову времени, тому состоянию, на котором находится сегодня уровень общественного развития. Этап, связанный с реализацией ресурсов представительско-посреднического управления, где всё было построено на использования возможностей выбора между различными претендентами, миновал. Сегодня развитие общества вышло на рубеж, когда во главе угла оказываются не пожелания, запросы и поручения, а непосредственные требования, адресованные властям напрямую. Так что конфронтационная модель, о которой идёт речь, по сути дела, несёт в себе не разрушительный, а созидательный потенциал…*

Пора привыкать к тому, что противоборство между властью и народом с использованием методов не компромиссного, а прямого конфронтационного воздействия на власть, включая манифестации, пикеты, ак-

[29] «ПЖ», № 12, 04.04.2004.

UPSS

ты гражданского неповиновения становятся делом обычным. Чем скорее эти отношения противоборства формализуются, воплотятся в конфронтационный механизм управления, тем лучше. Хотя, конечно, понимаю: процесс формирования такой модели не обойдётся без серьёзных издержек и потерь».

Напомню, что написано это было весной 2004 года, когда до нынешних революций, прокатившихся по целому ряду североафриканских и арабских государств, включая, прежде всего, Египет, Тунис, Ливию, оставалось ещё более пяти лет и, казалось бы, ничего не предвещало краха Мубарака и Каддафи. Против них поднялись не политические соперники, ни конкурирующие партии или политические заговорщики. На улицы со своими требованиями убрать неугодных правителей вышел народ, и оказалось, что у властей совершенно нечего таким выступлениям противопоставить.

Даже вчерашние западные союзники, вроде США и Франции, перешли на сторону восставших. Вовсе не потому, что воспылали вдруг к ним политическими симпатиями. Взвесив все «за» и «против» они встали на сторону наиболее вероятного победителя схватки. Прагматические, не обременённые идейными пристрастиями власти в таких случаях действует всегда одинаково: «То, что нельзя предотвратить, следует возглавить».

По этой же схеме действуют и российские власти, когда пытаются нарастающие массовые настроения протеста канализировать в разного рода «охранительные структуры», вроде Общественной палаты, Общероссийского народного Фронта, Открытого правительства, разного рода Союзов и ассоциаций содействия и т.д., и т.п.

На сегодняшний день Россия представляет собой испытательный полит-технологический полигон по совершенствованию системы управления обществом. В упомянутой чуть выше статье **«Что, как и почему после Путина»** я высказал мысль, что единственное конструктивное предназначение сформированного в стране в последние годы утилитарно-прагматического авторитарного режима, это выстроить управленческую исполнительную вертикаль, освободив её от идейно-политических механизмов, действующих на основе принципа осуществления власти «от имени и по поручению».

Исполнительная вертикаль в последующем, по мере созревания необходимых условий, должна будет напрямую замыкаться на повелительную горизонталь народного самоуправления, формирование которой идёт исподволь, причём, впервые в истории не посягая на ниспровержение исполнительной власти.

Если полномочия принятия решений переходят непосредственно на уровень горизонтального самоуправления, **нужда** в ликвидации уже сформировавшейся, деидеологизированной, деполитизированной, депар-

тизированной исполнительной вертикали, действующей в утилитарно-прагматическом режиме полезности и целесообразности, **отпадает**.

Создание новой системы управления на основе существования двух осевых координат — **исполнительной вертикали и повелительной горизонтали —** обещает стать первой в истории человечества революцией, ничего не отменяющей и никого не свергающей. Право принимать решения в руках тех, кому это и положено делать, то есть самих граждан, а право исполнять поступает в распоряжение власти исполнительной. По определению.

Когда управленческая утилитарно-прагматическая вертикаль выстроена, на что могут потребоваться годы и десятилетия, повелительная горизонталь может формироваться спонтанно, поскольку для её возникновения ничего кроме политической воли и самодеятельности самих граждан не требуется. Им нужно только вспомнить и осознать, что они по сравнению с жителями древнегреческих полисов не стали менее умными, менее ответственными, менее образованными или менее заинтересованными в обеспечении собственного благополучия.

Так почему же сегодня, когда научные, производственные и технологические достижения человечества на новом витке исторической развития вновь открыли возможность любому количеству людей объединиться для совместного принятия решений, не вернуться к практике непосредственного участия в управлении, как собой, так и страной. Для этого нужно создать лишь специальные механизмы, что не составит труда при нынешних информационно-коммуникационных возможностях.

Тому препятствует лишь одно: отсутствие осознания, что переход от представительских методов управления, через парламенты, партии, через депутатов и чиновников к непосредственным, воплощающим волю самих граждан, давно назрел. Если бы я обладал талантом Шекспира, давно бы запустил в повседневный обиход насущный политический лозунг: ***«Представительная демократия умерла! Да здравствует народное самоуправление. Начиная с собственного дома, заканчивая всей страной».***

Внимательный читатель, наверняка, держит в памяти высказанную чуть ранее мысль, что в основе научного прогноза обязательно должна лежать концептуальная идея, устанавливающая между прошлым, настоящим и будущим прочные логические связи. Каким бы сюрпризом возникшее, казалось бы, из ничего, событие, какая бы фигура не вырвалась, что называется «из грязи в князи», при ближайшем рассмотрении оказывается, что в подспудной основе происходящего всегда лежат, если не тенденции и закономерности, то вполне здравые мотивы и надёжные предпосылки.

Если вы сумели разобраться в главном, то предположить, как будут развиваться события дальше, вплоть до деталей, становится не так уж и сложно. Это проектировать и прокладывать железнодорожные магистрали

UPSS

дорого и трудно, многое заранее нужно знать и уметь, а перемещаться по ним в комфортабельном вагоне одно удовольствие…

Все титанические усилия до поры до времени остаются скрытыми, если о них кто и знает, то лишь ограниченный круг лиц, непосредственно причастных к проектированию и строительству. Но вот открытие движения по проложенной дороге — праздник для всех. Политику, чтобы быть понятным миллионами, чтобы получить поддержку, приходится подавать свои решения практически в готовом виде, да к тому же они должны выглядеть простыми и естественными.

Однако, признаюсь честно и откровенно, даже предъявляя заинтересованной аудитории неопровержимые доказательства успешного научного подхода к анализу действительности под углом зрения грядущих событий, мне до конца никого не удавалось убедить, что такое умение вполне может стать прикладным инструментом освоения мира и принятия ответственных решений.

История, ни устная, ни письменная, не знает ни одного примера, когда бы людская или даже приписываемая полубогам мифологическая прозорливость приносила хоть какую-то пользу. Вспомните хотя бы Кассандру, дельфийских оракулов, пифий. Все они, по сути дела, были олицетворением грядущих огорчений, разочарований. Никто даже не попытался воспользоваться их пророчествами во избежание беды или зла.

Наверное, именно это обстоятельство навеяло кому-то из великих поэтов, имя которого не приходит на память, печальные строчки: «Как страшно знать, когда от знанья нету пользы…». Истории из жизни пророков и сами их судьбы как бы специально сохраняются в народной памяти в назидание. Появление пророка всегда предвестие беды.

Так считается потому, что радужные, просветлённые счастливые предсказания — это вообще мелодия опереточная. Благоприятные перемены находят людей напрямую, за них не принято кому-либо пенять, принёсший добрую весть всегда желанный гость и в лачугах, и во дворцах.

Иное дело пророки. Мало того, что их предсказания не сулят добра, так в большинстве случаев, как утверждают исторические хроники, чаще всего сбываются. Опять же в этой констатации преуспели поэты: «Провидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах». Братья А. и Б. Стругацкие в своих «Гадких лебедях» писали: «*Ежели подумать, все пророки были пьяницами, потому что уж очень тоскливо: ты всё знаешь, а тебе никто не верит. Если бы в департаментах ввели штатную должность пророка, то им следовало присваивать звание не ниже тайного советника, и всё равно, наверное, не помогло бы…*».

Жизненный опыт, будь то личный или общечеловеческий, подтверждает: люди до сих пор не научились извлекать практическую выгоду из навыков и умения предвидеть будущее, главным образом потому, что примеряют к будущему не конкретную силу реального знания, а прекрасно-

душные «мечталки» и «хотелки». В придачу к беззаботным «авоськам» да «небоськам».

Если взглянуть на нынешнюю ситуацию под углом зрения обязательства, принятого на себя автором в начале главы, а именно — подходить к научной оценке будущего обязательно с позиций *концептуальной идеи*, — то в таком случае беру на себя смелость признать: совокупность трудностей и проблем, которые сегодня переживает Россия поставили её перед необходимостью решать всемирно историческую задачу. А именно: **создать принципиально новую модель обустройства общества на основе личной свободы, человеческого достоинства и гражданской ответственности.**

В начале главы я сослался на **«концептуальную прогностическую идею»**, которая продуктивно отработала свой срок. Но новая, устремленная в завтрашний день, уже на подходе. Свято место пусто не бывает. Беру на себя смелость сформулировать эту идею в том виде, в каком она видится мне. В общих чертах с легкой руки Ю. Гельцера она уже была изложена в Предисловии, но как говорят ювелиры: истинная цена драгоценного камня познаётся только в собственной оправе. Поэтому будет не лишним еще раз взглянуть на уже сказанное в авторском обрамлении.

Все противоречия Современного мира и России в том числе, предопределены сегодня одним общим для всех обстоятельством: будет ли найден адекватный ответ на поставленный наступившей эпохой вопрос о переходе к новой управленческой цивилизации. Перед этой проблемой причины всех других экономических, социальных, политических неурядиц, вплоть до жесточайших кризисов, отошли на задний план.

Прежде содержание сменявших друг друга методов управления во все времена каждая страна предопределяла сама. На свой взгляд, вкус и манер. Пока не наступила эпоха глобализации, поставившая перед человечеством невиданную цивилизационную задачу: найти взаимоприемлемый режим управления сразу для всей планеты, для всех втянутых в систему мирового хозяйства государств и даже корпораций.

Выбор на поверку оказался небольшой. Поначалу считалось, что для достижения цели будет достаточно унифицировать доказавшую свою управленческую эффективность рыночную демократию, утвердившуюся в наиболее развитой части мира, прежде всего США и Европы. Однако, очень скоро, особенно после неудавшихся попыток демократического реформирования России, её исключения из состава «Большой Восьмерки», выяснилось, что функционального ресурса для управления всей планетой у демократии явно недостаточно.

Мало этого, сама «демократическая зона» оказалась в полосе постоянных из раза в раз нарастающих и обостряющихся социально-экономических и идейно-политических кризисов, суть которых свидетельствует об исчерпанности управленческого потенциала и неминуемо надви-

URSS

гающейся на весь мир дезорганизационной катастрофы. Тем не менее, западный демократический мир, пока ещё находясь в стадии относительного инерционного благополучия, накопленного за долгие годы опережающего развития, предпочитает отстаивать свои прежние управленческие приоритеты, где-то силой, где-то за счет различных видов давления.

Особенно демонстративный характер подобные действия приобрели в связи с украинским кризисом. Если дело так пойдет и дальше, то можно и войны не избежать. И в этом смысле прогностическая версия Юрия Гельцера, та, что содержится в предисловии, выглядит гораздо более реалистичной. Мои рассуждения сводятся скорее ни к тому, что и как будет, а как могло бы быть, если бы Россия действительно осознала в сложившейся ситуации свою истинную историческую роль. Но об этом чуть ниже.

Глобальный «цивилизационный разлом», дал о себе знать на пороге двадцать первого века, когда опробованные столетиями способы и методы управления ушли в прошлое, а новым, подобно шилу, ещё только предстояло пробиться на свет, как стрелочкам травы из-под асфальта. Стало ясно, что практика принятия решений «от имени», «по поручению», «по доверенности», «в соответствии с предоставленными полномочиями», «в рамках компетенции» и любым иным, так называемым, «представительским способом», то есть кем-то вместо кого-то, свой век отслужила. Она просто вошла в острейшее и пока ещё не проникшее в должной мере в массовое общественное сознание противоречие с правами, свободами, интересами людей, доставшимися им от природы, что называется, по рождению.

Право принимать решения, следовательно, вся власть как таковая, — ведь её смысл именно в конкретном праве на принятие решений и состоит, — уже в разумно обозримой исторической перспективе будет постепенно сосредоточиваться непосредственно в руках людей, граждан той или иной страны. То, что еще вчера общественным сознанием воспринималось как достоинство, — готовность возложить на себя право принимать решения «вместо других», — сегодня оборачивается вопиющим пороком, посягающим на гражданский суверенитет личности. Даже само понятие «депутат» во многих странах оказалось полностью дискредитированным. Отсюда Площадь Тахрир в Египте, Киевский Майдан на Украине, Болотная площадь в Москве, студенческий «зонтичный бунт» в Гонконге.

Диалектический смысл отказа от демократии состоит вовсе не в замене провозглашенного ею управленческого приоритета большинства, а в закономерном придании этому большинству квалифицированного качества: чем больше заинтересованных людей непосредственно участвует в принятии решений, тем ближе оно оказывается в итоге к оптимальному

результату. Математики связывают этот эффект с объективно действующим «Законом больших чисел».

Значит, выход надо искать в создании приемов и механизмов, позволяющих каждому человеку непосредственно участвовать в принятии решений. Это только на первый взгляд кажется сложным и обременительным. На самом же деле при нынешнем уровне технологической оснащенности, наладить такую систему принятия решений не составит труда.

Эта **«концептуальная идея»,** почерпнутая из недр неотвратимо действующих математических закономерностей, я так считаю, будет предопределять не только развитие идущей на смену демократии системы «самоуправления», но и научную достоверность любых прогностических взглядов на перспективы политических процессов и вообще нашей жизни в ближайшие десятилетия. Полагаю, их наберется не меньше пяти.

Взгляните на всё, что нас окружает под этим углом зрения, и вы обязательно примете правильное решение. Ведь смысл прогноза и его практическое предназначение состоит не в немедленном предъявлении конечного результата, а в его практическом обеспечении. Пусть по частям, даже по крохам. Работает принятое решение на «самоуправление», — оно правильное и перспективное, — не работает, значит, ошибочное, никуда не годное.

В ответ мне нередко возражают, что в тактическом плане переход к «самоуправлению», в том виде, каким оно мне представляется, пока не созрел, оно еще не обрело конкретных очертаний. Но я ведь и не поднимаю вопрос, что «самоуправление» должно наступить прямо завтра. Речь идет только о том, чтобы четко определиться с направлением движения, о выработке навыков сверять с этим направлением любой свой шаг, любое решение.

Даже самое незначительное. Вспомните знаменитую притчу Рэя Брэдбери: любая мелочь, даже случайная гибель мотылька у вас под ногами на пути к намеченной вами цели, в конечном итоге может предопределить в будущем большую трагедию, начиная с вашей собственной гибели и заканчивая самой истребительной ядерной войной. Так что, если вы действительно ставите перед собой далеко идущие цели, научитесь опознавать её в каждом мотыльке под ногами, а не во весь исторический рост.

«Самоуправление» не посягает ни на одно из достижений или завоеваний демократии. Оно призывает идти дальше, добиваться большего, ориентирует на достижение целей, составляющих суть вековой мечты людей: самим управлять своей жизнью и жизнью страны. При демократии это стремление остается лишь декларацией, — можете убедиться в этом, заглянув в Статью 3 Конституции России, — при «самоуправлении» торжественно обещанное подлинное народовластие просто обязано воплотиться в жизнь.

ЦРСС

Когда-то великий российский драматург и писатель А. Чехов говорил, что «если в первом акте пьесы на стене весит ружье, то по ходу, во всяком случае, не позже четвертого акта, оно обязательно выстрелит». Если в ключевой статье Конституции написано: «**Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ»**. Можете не сомневаться, обязательно придет час, когда он об этом вспомнит. Идея непосредственного участия в принятии решений заложена в генетическую память людей со времен древнегреческих самоуправляющихся городов-полисов.

Причем, к достижению этих целей по сугубо историческим предпосылкам, накопленному опыту «земского управления», давних традиций «народных сходов», «казацких кругов», повышенного внимания к перспективным общественным инициативам, Россия стоит ближе, чем любая иная страна. Она же, что не может не вызывать сожаления, вместо того, чтобы в условиях нынешнего глобального цивилизационного кризиса сосредоточить внимание и силы на поисках стратегических вариантов не только собственного, но и мирового развития, склоняется рассматривать происходящие события под углом зрения двух великих разочарований: Цивилизованного Запада — путинской Россией, с другой стороны, путинской России — Цивилизованным Западом.

До 1991 года мир был расколот на две части по идейно-политическим и социально-классовым признакам, а главным противоречием эпохи, оно именовалось «диалектическим», считалось противоборство между **«капитализмом»** во главе с США и **«социализмом»,** где лидером был Советский Союз. Начатая в СССР в 1985-м году **«перестройка»** породила надежды, что она разрешит «эпохальное классовое противоречие» к взаимной выгоде. Но этого не случилось.

Оказалось, что на этапе **«начального капиталистического накопления»,** даже в самых его либерально-демократических формах и моделях, независимо от того где и когда оно происходит, приводит ни к **«гармонии миров»,** а к возрождению нравов **«Дикого Запада», с его обычными конкурентными эксцессами.** Вплоть до реализации принципа: **«Побеждает тот, кто стреляет первым».** Полагаю, что первопричину нынешних противоречий между **«Цивилизованным Западом»** и **«реформированной путинской Россией»** следует искать именно в этом. Оказывается, внутривидовые конкурентные противоречия на поверку оказываются **«покруче»** идейно-политических и социально-классовых.

И выхода из возникшего по этой причине цивилизационного тупика ни та, ни другая сторона не видит, не ищет, не предлагает. Но это не значит, что его не существует. Он есть, только связан с глубоким переосмыслением движущих сил мирового развития, с радикальным преобразованием утвердившейся шкалы ценностей, с переходом к новым методам по-

ИРСС

знания, включая научное прогнозирование общественно-политических и социально-экономических процессов.

Для начала важно понять, что нынешняя борьба между Россией и Западом идет не за победу, даже не за господство, а за мировое лидерство, за пример для подражания, то есть за право выставлять верстовые столбы, предопределяющие движение вперед, за возможность стать лидером для всего остального мира. Раньше такие цели достигались богатством и силой, огнем и мечом. Теперь этого мало.

Нужны новые идеи, способные коренным образом повлиять на формирование общественного сознания, оказать благотворное воздействие на изменение шкалы ценностей и приоритетов, доставшихся в наследство от прошлого. В наступившую эпоху лидерство будет определяется не материальным, даже не технологическим, а интеллектуальным, морально-нравственным превосходством.

Сегодня на первое место выходит привлекательность примера, умение предугадывать, что людям окажется по душе, а что будет, если и не с порога, то в конечном итоге, все равно отвергнуто. На мой взгляд, именно в понимании этого состоит заветная тайна разрешения нынешнего глобального политического кризиса, в котором сошлись в отчаянном соперничестве цивилизованный Запад и путинская Россия. В появлении примера, обеспечивающего не размежевание, а консолидацию объективно заинтересованы обе стороны.

Что конкретно в нынешних условиях могло бы послужить таким примером? На мой взгляд, переведение отношений между людьми, странами и народами из сферы соперничества и противодействия друг другу, в плоскость взаимодействия, идущего во благо всем заинтересованным людям, странам и народам. Именно такого рода примером и могла бы стать инициатива России о переходе к принципиально новой системе управления, ставящая при приятии решений во главу угла мнение и интересы каждого конкретного человека. У России сегодня явно больше шансов именно такой пример подать.

На протяжении минувших веков, — девятнадцатого и двадцатого, — сыгравших огромную роль в развитии современной цивилизации, России трижды предоставлялась возможность решительным образом повлиять на судьбы мира. Но всякий раз она уклонялась от этой исторической роли. В двух случаях, после Наполеоновский войн и Первой мировой войны просто переложив ответственность за послевоенное обустройство мира на своих мнимых союзников.

После Второй мировой войны, имея в своем распоряжении все права диктовать условия как главный победитель величайшей планетарной битвы от своих заслуг и завоеваний перед вступлением в XXI век добровольно отреклась, в том числе в пользу бывших противников, чем неслыханно озадачила всё человечество. В результате даже проигравшие страны в ито-

URSS

ге послевоенного переустройства не только сохранили за собой гораздо больше, чем-то, на что могли рассчитывать, но и оказались в мировых лидерах, как это произошло с Германией и Японией. Зато Россию, если кто и называет сегодня «Великой державой», то исключительно в кавычках.

Вразумительного ответа на вопрос, почему так произошло, нет до сих пор. Большинство исследователей, как зарубежных, так и отечественных, сходятся во мнении, что виной всему врожденная российская безалаберность, не позволяющая стране в решающий момент определиться со своими коренными национальными интересами, неумение сосредоточиться на главном, отсутствие навыков принимать единственно правильные решения, о которых бы впоследствии не приходилось сожалеть. Конкретных примеров на этот счет тьма.

Лично у меня на прошлое России, включая как победы, так и поражения, совершенно иная точка зрения. Дело вовсе не в неумении сосредоточиться на главном, тем более не в отсутствии навыков принятия правильных решений на каждый данный момент. Именно умение сосредоточиваться и наличие навыков принятия правильных решений во все времена предопределяло победы Россий в решающих битвах и схватках. Их бессмысленно даже перечислять. Важно разгадать иную загадку: почему, одерживая победы и добиваясь недюжинных успехов, Россия действительно постоянно как бы теряла интерес к дальнейшему использованию полученных преимуществ к собственной выгоде.

Разумное, тем более научное, объяснение такому феномену найти, пожалуй, невозможно. Во всяком случае, мне не удалось, если не считать мысли, что Россия в своих поступках и решениях ориентируется скорее не на происходящее, а на грядущее, на тот исторический час, который ещё не пробил. Такое предположение неизбежно выводит на идею об историческом предназначении России, о её цивилизационной миссии, которая далеко не всеми одобряется.

С другой стороны, уверен, никто не станет отрицать, что Россия никогда выпавшей ей на долю судьбой, не кичилась. Наоборот, все прекрасно знают, рядиться в идейно-политические и морально-этические одежды с чужого плеча давняя российская традиция. Так в нашей стране вместе с варяжскими князьями Рюриковичами утвердилось династическое самодержавие как форма государственного управления; православие было заимствовано у Византии с целью обретения народами, населявшими страну, нравственной и духовной общности; марксизм и коммунизм пришли на нашу землю в погоне за классовым равенством и социальной справедливостью; за западной демократией и либерализмом пустились в погоню в надежде наконец-то отведать «сладкий вкус свободы».

Не секрет и то, что ни одна из попыток поживиться чужим умом и чужим опытом успехом не увенчалась. Многие Россию, не только на Западе, но и в родном отечестве, за это обвиняют, даже упрекают в генетическом

«разгильдяйстве». Я же лично хвалю и даже горжусь. В историческом смысле «работать под дурачка», оказывается очень выгодно и полезно. Таким способом ни то, что десятки лет, сотни веков, невиданные ресурсы удалось сэкономить. А главное, — свое собственное историческое предназначение до урочного часа удалось сохранить, осознать и обрести желание претворить в жизнь. Проблема на сегодняшний день состоит именно в этом.

Все наше художественное, литературное, поэтическое, духовное, нравственное наследие, которое можно постичь скорее душой, чем разумом, ориентировано в завтрашний день, в будущее, на поиск ответов на вопросы «ради чего живем» и «чего же на самом деле хотим». Во всем мире имена и произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна, Б. Пастернака, А. Солженицына популярны вовсе не потому, что все они писали о России, а глубоко задумывались над судьбами людей как таковых. Особенно в контексте будущего.

Не случайно и Ф. Достоевский, выступая на открытии памятника А. Пушкину, прежде всего обратил внимание на то, что творческая душа великого поэта всегда была обращена в будущее, вдохновлена верой в конечное торжество не просто России, а человеческого разума, о чем свидетельствуют пушкинские слова, высеченные на мраморном пьедестале: «Нет, весь я не умру, Душа в заветной лире, мой прах переживет и тления избежит, И вечен буду я доколь в подлунном мире, Жив будет хоть один пиит!».

Идея об историческом предназначении России именно как родины народного «самоуправления» не была чужда великим научным умам нашего Отечества. Одно лишь перечисление имен занимает полстраницы. При случае я это обязательно сделаю, а сейчас процитирую лишь В. Вернадского: **«Общественная самодеятельность и общественное сознание постепенно будут расширены до масштабов государства и в конечном итоге заменят его».**

На протяжении жизни В. Вернадский говорил это несколько раз. В начале двадцатого века при «царе-батюшке», ближе к середине столетия, при Советской власти, по сути, не делая различий между самодержавием и большевиками. Его не волновали тактические различия или особенности тогдашних режимов. Для перехода к «самоуправлению», по мнению В. Вернадского, которое я всецело разделяю, в любой ситуации ничего другого, кроме четкого осознания самой необходимости достижения намеченной цели, не требуется.

Полагаю, он твердо отстаивал бы свою позицию и в условиях нынешнего цивилизационного кризиса управления. Быть может, во всемирной истории впервые сложилась ситуация, когда решение важнейшей судьбоносной проблемы, связанной с существованием планеты, впервые оказалось в непосредственной зависимости от воли самих людей. Вопрос

UPSS

только в том, сумеем ли мы сами себя осознать и решиться на исторический шаг уровня настоящего человеческого достоинства…

Чтобы идея «народного самоуправления» воплотилась в жизнь, стала движущей и мобилизующей силой, она не в умах должна родиться, а вызреть в недрах национального характера, дать о себе знать в тот самый важный для народа момент, когда его судьба, действительно, встаёт ребром. Либо сейчас, либо больше уже никогда. Сегодня, считаю, именно такой момент и настал для России.

Я пришел к такому заключению на уровне вывода, однако в качестве ощущения именно к такой же констатации приходят и многие другие. Дмитрий Быков, к примеру. В программе «Особое мнение», вышедшей в эфир 12 января 2015 гола он сказал буквально следующее: «У меня есть сильное ощущение, что этот неведомый, никем не изучаемый русский народ самореализуется, быстро и непредсказуемо. Именно из этого ощущения у меня родится ощущение переломности текущего времени, когда русский народ прямо на наших глазах переродится в блистательную, самоорганизующуюся нацию».

Единственная задача, которую я, как автор книги, в нынешних условиях перед собой ставлю: попытаться подвести под любые суждебния о будущем, включая и те, что основаны всего лишь на ощущениях научно-методическую базу, открывающую возможность заявить: ***будущее достижимо, потому что постижимо.***

Воплощение непредвиденного, не несущего на себе печать целенаправленных усилий, называться будущим вообще не имеет права. Это — не будущее, а снизошедшее.

URSS

Глава 5

Всё, что достижимо, должно быть постижимо

Самонадеянно предполагая наличие среди читателей людей, не просто любопытствующих, а соблазнённых обещанием научить их предвидеть будущее, отчётливо ощущаю нависшую над собой коварную реплику: «Допустим, приведёнными примерами доказано — научное предвидение возможно, но это всего лишь ответ на вопрос: «Что?», но не на вопрос «Как?» Обучение «умению предвидеть» заведомо предполагает раскрытие методов и предоставление рекомендаций по обретению прогностических навыков. Их-то всё ещё нет». Упрёк справедливый, своевременный и закономерный. Постараюсь на него должным образом отреагировать.

Предполагаемые дотошные читатели правы: наука начинается вовсе не там, где предъявляются факты. У ясновидения здесь гораздо больше возможностей удивить созерцающую публику. Только раскрыв методику познания и обозначив способы достижения цели, вы можете превратить любое, даже самое невероятное пророчество в реальный, научно обоснованный прогноз. Иначе его всё равно будут воспринимать как чудо или фокус в цирке. Увидеть попадание в цель легко, на мишени отметина остаётся. Но попробуйте отследить полёт стрелы, тем более пули. Полёт мысли, доложу я вам, по скорости им не уступит.

Любой, кто осознанно предпринимает попытку заглянуть в завтрашний день под углом зрения науки, должен давать себе отчёт, что вместе со сбывшимся предвидением придётся предъявлять и способы его постижения.

Значит, прежде всего, придётся обратить внимание, как уже говорилось, на наличие концептуального подхода к оценке действительности и перспективам её развития. Такой подход предполагает не только умение оценивать мир и происходящие в нём события с позиций неопровержимых закономерностей развития, это как бы, само собой разумеется, но и на обладание особым прогностическим мировоззрением, без которого на стезе научного предвидения делать совершенно нечего. Проще найти себе достойное место среди экстрасенсов и ясновидящих.

Что же представляет собой прогностическое мировоззрение и, главное, каким образом оно складывается? В конечном итоге оно сводится к давно разгаданному умению находить в окружающем мире объективно существующие логические связи между общим и частным, случайным и

URSS

закономерным, между прошлым и будущим. Это и приводит к вычленению перспективно реализуемой идеи от всех других, на первый взгляд быть может ещё более привлекательных.

В распоряжении Леонардо да Винчи было множество гениальных идей, вплоть до полётов в космос и погружение в океанские глубины на специальных подводных кораблях. Но среди них не было идей, имеющих концептуальный характер, то есть ни реальная жизнь, ни существовавшая на тот момент наука не предлагали способа реализации, задуманного.

В этом контексте прогнозируемое будущее на протяжении веков предстаёт перед людьми в двух научных ипостасях. **Первая** — гипотетическая модель перспектив общественного развития, выстроенная с учётом предполагаемых действий для достижения намеченных целей. Что в такой гипотетической модели будет отмечено знаком «плюс» или «минус», решают либо люди, либо само время.

Вторая — научная модель прогнозируемого будущего, воплотившаяся в историческую реальность, констатируется исключительно задним числом, картиной общественного бытия, ставшего совокупным результатом разрешения диалектических противоречий развития, а также неизбежных последствий принимаемых или не принимаемых людьми решений.

Вот почему именно сбывшиеся прогнозы упомянутый уже однажды К. Маркс очень точно называл «наивысшим сертификатом научности», открывающим путь к выработке продуктивной методики научного предвидения. По этой причине, прогнозы гораздо интереснее читать что называется «опосля», задним числом, чем «наперёд». Очень рассчитываю, что именно под этим углом зрения читатели встретят и сопровождающие книгу Приложения.

К сожалению, разделить гипотетическую модель будущего, без ведома, чем она обернётся, и модель реальную, ориентируясь на которую можно строить реалистические планы, в момент их появления на свет по признаку их результативности практически невозможно. Чаще всего процедуру отсечения гипотезы от научного прогноза приходится откладывать до того момента, пока свой окончательный вердикт вынесет время.

Чаще всего взаимосвязь объективных закономерностей развития с субъективными устремлениями человечества не отслеживается, причинно-следственные связи не устанавливаются. В результате получается, что энергетические источники развития действуют как бы сами по себе, а реальная жизнь сама по себе.

Если придерживаться аллегории, указывающей на неразрывную связь упавшего на голову Ньютона яблока с действием закона всемирного тяготения, успешное научное прогнозирование — это не более, но уж никак не менее, чем умение опознавать и расшифровывать логические причинно-следственные связи вполне конкретных событий и явлений.

LIPSS

Практически, да и теоретически, обозначить и охарактеризовать все эти закономерности, а тем более предсказать, какое воздействие они могут оказать на жизнь каждого конкретного человека, невозможно, да и не нужно. Важно нащупать какую-то одну, но именно ту, которая сказывается всегда, везде и во всём, чего бы вы не коснулись, о чём бы не завели речь. Иными словами, как сказано в предыдущей главе, нужно найти идейно-концептуальную «печку», от которой только и может начаться прогностический танец.

Наиболее яркая черта новой эпохи, если хотите, новой эры в цивилизационном развитии человечества состоит, на мой взгляд, в том, что ныне на исторической повестке дня оказался ключевой спор между объёмом, накопленных человечеством сил и богатства, с одной стороны, и качеством вселенского разума, воплощённого в каждой конкретной личности, с другой.

Иными словами, мир оказался на историческом рубеже, когда совершенно неожиданно человечество как таковое стало расщепляться на личности, борющиеся за свои права. Энергия, которая при этом высвобождается, сравнима с энергией, порождаемой расщеплением атома.

Это привело к парадоксальной ситуации, когда представления о мире, законах и правилах его существования, оставаясь синонимом совокупного человечества, его обобщённых интересов, оказываются накрепко связанными с каждой конкретной личностью, с её устремлениями и мотивационными установками.

В то же время массовое сознание и обыденная политическая практика адекватного восприятия диалектического единства общего и частного применительно к поведению самого человека всё ещё существуют порознь. На предшествующих цивилизационных этапах, отмеченных существованием демократии как универсальной системы управления, люди привыкли жить в мире, разделённом на страны, классы, расы, нации, на богатых и бедных, сильных и слабых, развитых и отсталых.

Теперь такие подходы не дают верных ответов на происходящее. Вот почему многое из того, что происходит прямо на наших глазах, оказывается либо негаданным сюрпризом, либо неведомой тайной, не дающей ответы на вопрос «Для чего?» в смысле будущего, и «Почему?» в смысле прошлого.

Для того, чтобы обеспечить успех прогностическим попыткам разобраться в перспективах преображения новой эпохи, попытаться увидеть каким может стать завтрашний день, важно научиться применять в подходе к оценке избранных для исследования явлений, процессов и событий набор принципов, гарантирующих получение надёжного результата.[ii]

Число таких принципов заранее установить невозможно, это всякий раз делается как бы заново, в зависимости от объекта прогнозирования и его особенностей. В одних случаях достаточно оказывается пяти, в других

UPSS

потребуется пятнадцать, а то и двадцать пять. Одно дело — предвидеть общий ход событий, не посягая на особенности развития и конкретику индивидуального поведения людей. Другое — докопаться не просто до сути, а до самых мелочей, чтобы не только найти ответы на вопросы «что?», «где?» «когда?», но и «как?», «зачем?» и «почему?».

В непосредственной личной прогностической практике, не выходившей за рамки политических процессов, автору обычно хватало 10–15 уже оправдавших себя принципов. Особенности событий и индивидуальная конкретика личных биографий политических деятелей, если меня и интересовали, то далеко не в первую очередь. С учётом того, что в данной работе речь идёт об общей методике научного прогнозирования, постарался спрессовать заявленные принципы всего лишь в пять.

Надеюсь, внимательный читатель помнит, что все «пять» перечислены в начале книг: это — принцип прогностического предназначения, принцип прогностической градации, принцип прогностической интуиции, принцип прогностической альтернативы, принцип прогностической регистрации,

Их можно назвать **ключевыми**, исходными, универсальными, а, главное, обязательными к практическому применению, независимо от масштабов и особенностей прогнозируемого объекта. Выработанные личной практикой принципы я отнюдь не противопоставляю хрестоматийным прогностическим подходам, которые легко обнаружить в каждом из подручных учебных пособий.

Здесь важно понимать, что прогностическая методика это не инструкция по эксплуатации интеллектуального потенциала, а комплексная система применения устойчивых приёмов, обеспечивающих получение адекватных оценок состояния или перспектив развития исследуемых процессов или явлений.

Демонстрация такого умения находит отражение в верном выборе предмета и направлений исследования, в чётком определении его задач и целей, в понимании сути и движущих сил происходящего и, наконец, в осознании закономерностей процессов развития, превращающих авторские гипотезы в реальные прогностические результаты. Наиболее убедительные доказательства такого умения — сбывшиеся прогнозы, особенно если они заведомо несут в себе методологические опознавательные признаки.

Выбор прогностических принципов основан на понимании, что будущее никогда не возникает из ничего, так же как прошлое никуда не исчезает бесследно. Методики познания и того, и другого в принципе одинаковы. Ключевое требование — установить между участвующими в процессе развития явлениями, факторами, событиями причинно-следственные связи.

URSS

В отношении прошлого это сделать гораздо легче, поскольку минувшее оставляет за собой в том или ином виде реально осязаемые следы. Будущее же приходится моделировать не по оставленным следам, а предполагаемым шагам, что требует, конечно, иных навыков восприятия и, если угодно, таланта, причём недюжинного.

Рискну повторить мысль, которая уже содержалась в книге «Пророков нет…», вышедшей в 1994 году. Научное прогнозирование движется усилиями лишь конкретных специалистов-профессионалов. Так называемые «инкубаторы мысли» в виде институтов, фондов, центров с мудрёными названиями никакой практической пользы для научного прогнозирования не приносят. Поскольку прогноз, хотя его результаты имеют объективный характер, рождается как плод индивидуального концептуального творчества.

Это как в музыке. Исполнять произведение можно — в четыре руки, в составе симфонического оркестра, даже сводного, а вот **авторство** мелодии на составные части на практике не расчленить. Хотя в теории в интересах всё тех же пресловутых методических целях приходится делать сплошь и рядом. В данном конкретном случае, буквально со следующей страницы.

5.1. Принцип прогностического предназначения

Задавшись целью спрогнозировать что-либо, естественно, приходится решать вопрос не только о выборе прогнозируемого предмета, но и о предназначении самого прогноза, то есть о том, чему или кому он может или должен послужить.

Нельзя прогнозировать мировое развитие, как таковое. Оно вообще не в наших руках и складывается скорее не по нашей воле, а вопреки ей. Поэтому, прежде всего, мы должны определиться, что конкретно в прогностическом смысле в окружающем мире нас интересует. Какое влияние на нашу жизнь оказывает текущее развитие событий?

Мы также должны давать себе отчёт, что предвидению поддаются лишь явления и события, имеющие динамические факторы развития, зафиксированные точки отсчёта и определившееся направления движения. Далее, необходимо отследить, какими событиями на избранном направлении отмечено явление. Разобраться в объективной логике происходящего.

Всё это, как правило, можно почерпнуть в специально научных источниках — документах, информационно-справочной литературе, экспертных суждениях, но, и, конечно, в литературном и культурном наследии. К числу обязательных знаний относятся статистика и социология, особенно при создании вероятностных моделей, предшествующих принятию прогностического решения.

URSS

Самое сложное, определиться в **предназначении научного прогноза.** То есть, решить какую именно цель вы перед собой ставите. Ни в коем случае нельзя ориентировать её на заказной запрос или на свои личные потребности. Прогноз — это не бизнес-план и не программа карьерного роста. В прогностической работе не должно быть не то что предпосылки, но даже намёка на конфликт интересов.

Научный прогноз распространяется только на события и явления, которые выходят за пределы частных и личных интересов. Научное предвидение в политике оперирует сотнями, тысячами, а порой и миллионами человеческих судеб.

Предвидение всего остального — это не сфера научного прогноза, а поле деятельности ясновидцев, экстрасенсов, эзотериков, кудесников и волхвов. Ну и, конечно же, политтехнологов. Предвидение, идущее не от науки, а от того, что, быть может, выше её, я не только не отрицаю, но и приветствую. Мне очень близки высказывания Александра Пушкина, гениального поэта и мыслителя о выдающихся провидческих способностях живущих в России людей. Он называл русского человека «угадчиком от природы», а перед божественным ясновидением наших предков преклонялся. Вспомните строки из уже упомянутой в тексте «Песни о вещем Олеге», к которым чуть позже еще будет повод вернуться»:

«…Волхвы не боятся могучих владык,
И княжеский дар им не нужен.
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен…»[30]

Я процитировал гениальные пушкинские строки не для того, чтобы противопоставить методику научного прогнозирования магическому пророчеству. Здесь они разные. Но в главном своём предназначении сходятся: уважения достоин только свободный и честный взгляд в будущее и беспристрастные суждения о нём. Независимо от того, ниспослано обретённое вами знание свыше, или вы до него «докопались» собственным умом или собственным трудом.

В реальной жизни, к сожалению, следовать этому прогностическому императиву «быть истинным и свободным» очень трудно. Потребностей в свободном и честном прогнозе, как **не было** вчера, так **нет** и сегодня. Хочется, как правило, совершенно не того, что на самом деле происходит и в гораздо больших количествах и размерах, чем это вообще возможно. Особенно, далеки от запросов на реальное предвидение люди, которым волею политических судеб выпала тяжкая доля нашей жизнью управлять.

В соответствии с который не только по порядку, но и по своему значению является первым, ключевым, исследователю предстоит определить

[30] *Пушкин А. С.*, Соч. в 3 т., М. Художеств. лит-ра, 1985, т. 1, с. 27.

URSS

объект и направление прогноза, чётко отделяя его параметры от любых иных способов постижения будущего. К примеру, ясновидения, угадывания, экстрасенсорного проникновения в смысл происходящего или природу предъявляемого. Такие способы — дар природы и к научной методике никакого отношения не имеют. Если же имеют, то только в одном компоненте — интуиции. Но об этом чуть ниже.

Прежде всего, **принцип прогностического предназначения** требует умения отделять «прогнозируемое» от «непрогнозируемого». Научному предвидению поддаются только процессы, обладающие исторической динамикой. На конкретные факты и имена можно выйти исключительно через анализ таких процессов. Но тогда это уже происходит как бы само собой и полученный результат следует рассматривать как побочный.

Следует также заведомо отказаться от любых попыток браться за позитивные прогнозы. Хотя заказов больше всего бывает именно на них. Власть, да и общество всегда ориентированы на достижение намеченных целей и получение позитивных результатов. Психологически это понятно, но существующие условия и реальные обстоятельства далеко не всегда соответствуют таким ожиданиям и надеждам. **Технологии достижения цели это одно, а методика научного прогнозирования, — совершенно другое.**

Более того, для научного восприятия позитивных направлений развития, человеческий мозг вообще не приспособлен. Он просто не обладает необходимыми для этого аналитическими механизмами. Об этом, в частности, свидетельствует статистика: из числа сбывшихся, абсолютное большинство составляют исключительно негативные прогнозы.

Инстинктом самосохранения люди наделены, а вот инстинктом «благовещания», отнюдь. Человеческое сознание настроено на восприятие, если иметь в виду перспективу, только преград, препятствий, разного рода помех и противодействий. Весь позитивный потенциал научного прогноза исчерпывается рекомендациями по ликвидации помех, преодолению препятствий.

Я даже придумал для обозначения этой стороны принципа прогностического предназначения специальный термин — «позитивный негативизм». Выпадающая на нашу долю радость, абсолютно всегда бывает нечаянной, то есть неожиданной. Что зафиксировано ещё в Библии. В одной Москве можно насчитать несколько церквей «Нечаянной радости». Одну из них, на Шереметьевской улице, я посещаю регулярно, хотя признаюсь, радости от этого не прибавляется. Зато огорчений в избытке, да ещё предугадываемых наперёд с научной точностью и достоверностью.

И еще. **Ни в коем случае не стоит ввязываться в коллективное прогнозирование**. Это очень нерационально. В таких затеях чаще всего оказывается, «один с сошкой, семеро с ложкой». Утверждение, что наука дело коллективное, неправда. Во всяком случае, если иметь в виду не во-

UPRSS

обще процесс накопления, обработки и распространения знаний, а стремление к постижению грядущего и неведомого.

Все научные открытия всегда носят имена своих прародителей. При коллективной попытке что-либо спрогнозировать замучаетесь согласовывать амбиции и позиции, к единому мнению никогда не придёте, этому будут мешать десятки, а то и сотни оговорок, примечаний, альтернатив. В результате, неизбежно окажетесь у «разбитого корыта». События произойдут гораздо раньше, чем вы их успеете «спрогнозировать».

Прогноз дело жёсткое и даже жестокое. Начнёте плутать в навеянных со стороны сомнениях, гипотетических предположениях, сопутствующих соображениях, лишитесь возможности принимать нацеленные на будущее решения. Прогноз не ориентирующий людей на такие решения, — досужее интеллектуальное развлечение. Достижения, требующие вдохновения, а прогноз, по моему глубокому убеждению, относится именно к сфере индивидуального творчества, коллективному разуму недоступны.

И ещё одна «заповедь» — **научный прогноз не должен быть обременён соблазном получить выгоду в любом виде,** — денежную, карьерную, публичную, должностную, идейную, политическую. У научного прогноза должен быть только один мотив — **постижение истины или хотя бы движение в этом направлении.** Во всех других случаях «научный прогноз», в подавляющем большинстве случаев кем-то заказанный и оплаченный, окажется враньём, ложным ориентиром, прокладывающим путь к неминуемой беде.

Когда приходится касаться деликатной темы смысла и предназначения прогнозов на встречах с читателями, всегда вспоминаю уже процитированную чуть выше «Песнь о вещем Олеге». Здесь гениально точно сформулированы практически все ключевые требования, предъявляемые к действительно научному предвидению. Комментировать и расшифровывать стихи дурной тон, поэтому я этого делать не буду, тем более что у людей моего поколения пушкинские строки до сих пор хранятся в памяти, но внимание на некоторых аспектах все-таки заострю.

Во-первых, нужно всегда помнить, что судьбами человека, событий, истории всегда вершат не обстоятельства, а сами люди. («Грядущие годы таятся во мгле, но вижу твой жребий на светлом челе!»;

Во-вторых, достоверное предвидение не может быть обременено ни страхом, ни корыстью, ориентироваться лишь на предопределенный Богом смысл человеческого существования. А главное, — никогда не пренебрегать правдой, если она даже горька и нелицеприятна. **(«Волхвы не бояться могучих владык, и княжеский дар им не нужен. Правдив и свободен их вещий язык, и с волей небесною дружен»)**. Обращаю особое внимание на строчку «правдив и свободен их вещий язык». Вспомните слова из басни еще одного российского гения слова, Крылова: «Вещуньина с похвал кружится голова». Почему Крылов в отношении вороны упот-

ребил ту же самую характиристику, что и Пушкин для князя Олега — «вещие»?

Понятие «вещий» в старославянском языке предвосхищало беду, невзгоды, огорчения. Ворона, как мы привыкли считать, именно их нам и «накаркивает», то есть «вещает», предрекает беду. Отсюда и у Пушкина название песни: «О вещем», то есть, «несчастном», «обременённом неотвратимой бедой», князе Олеге, причем не в результате того, что гибель напророчил «кудесник — грядущего вестник», а, как следует из самого текста «песни», исключительно по его собственной великокняжеской вине. Пророческими предостережениями князь легкомысленно пренебрег).

В-третьих, даже самый могучий «властитель», непременно бывает наказан, если не только пренебрегает, но даже усомнится, в целесообразности действий, вытекающих из рекомендаций «пророка» до этого уже не раз доказавшего свою «провидческую квалификацию».

Заключительная, «судьбоносная» сцена искреннего разочарования князя якобы ложным пророчеством, и тут же последовавшая гибельная кара за сомнение в пророческой силе, выписана Пушкиным, да простит мне Александр Сергеевич — это сравнение, буквально по-шекспировски. Узнав о кончине любимого и верного боевого коня, который, по словам кудесника, и должен был стать виновником гибели Князя, Олег пожелал проститься с останками своего былого четвероного друга: «Могучий Олег головою поник, и думает, что за гаданье? Кудесник, ты лживый, безумный старик! Презреть бы твое предсказанье! Мой конь и доныне носил бы меня». И хочет увидеть он кости коня». Чем закончилось это «свидание» известно: притаившаяся в лошадином черепе змея смертельно ужалила князя. Полагаю, смысл наказания очевиден: сомнение, не говоря уже о неверии в слова пророка, давно доказавшего свою магическую силу, даром не проходят…

Для того, чтобы быть заинтересованным в научном прогнозе с целью использовать его в конкретной практике управления, им нужно иметь перед собой десять, лучше пятнадцать или двадцать лет перспективы. Реализация прогностических решений, как подтверждает практика, предусматривает именно такие сроки. А «правящие верхи» имеют в своём распоряжении восемь, максимум десять-двенадцать. Во всяком случае, в странах, живущих по так называемым демократическим стандартам, научные прогнозы в жёстко регламентированной по срокам депутатско-министерской, президентско-премьерской деятельности как-то ни к чему.

Одна из самых удивительных загадок состоит в том, что в ключевые моменты жизни не только моей непосредственно, но и страны, — я оказывался в ситуациях, когда передо мной открывалась возможность предотвратить неизбежную беду. Достаточно было ведущим политическим лидерам лишь воспользоваться результатами моих прогностических оценок и рекомендаций.

URSS

Этого, однако, не произошло. Весной 1991 года к ним не прислушался М. С. Горбачёв, и страна поплатилась за это августовским путчем и распадом СССР, в марте 1996 года, возможностью разрешить на пользу стране затянувшийся кризис пренебрегли Б. Ельцин и Г. Зюганов.

Сначала я предложил Б. Ельцину сценарий сокрушительной победы надо всей оппозицией вкупе[31]. Без такой безоговорочный победы, дискредитирующей всех политических противников, с места ни Б. Ельцину, ни России было не сдвинуться. Ельцин ничего не мог предпринять из-за активного противодействия разношёрстной оппозиции, оппозиция набирала ещё больше политических очков из-за вынужденного бездействия Б. Ельцина.

Выход из этого тупика представлялся только один: нужно было создать ситуацию, когда бы оппозиция неожиданно оказалась бы перед перспективой получить в своё распоряжение власть, за которую якобы боролась. На самом же деле в то время в России гораздо комфортнее выглядела сама борьба за власть, чем обладание ею.

Не знаю, чего не хватило Ельцину, смелости или желания, но он предложенным сценарием, гарантировавшим разгром оппозиции, не воспользовался. Пришлось предложить выиграть схватку за президентское кресло Зюганову. За неделю до выборов, назначенных на 12 июня 1996 года я передал ему документы, указывающие на полную дезорганизацию и деморализацию избирательного штаба Б. Ельцина перед вторым туром голосования. Достаточно было эти документы опубликовать, чтобы поражение Б. Ельцина было предрешено.

Однако, оба претендента на роль главы государства предпочли безоговорочной победе друг над другом имитацию непримиримой борьбы между собой. И совершенно понятно почему. В случае действительной победы каждый из них оставался бы наедине с тягчайшими неразрешёнными проблемами. В результате на долю страны и её граждан выпали 5 дополнительных лет неурядиц и передряг.

Прогностические рекомендации, выданные Б. Ельцину и Г. Зюганову, были, конечно, разными, хотя обе гарантировали неизбежную победу друг над другом. Но итоги такой победы вряд ли бы благоприятно сказались на политических судьбах соперников. Выиграть от победы по каждому из сценариев либо одного, либо другого претендента на президентском кресле могла только Россия, её граждане. Обеспечить реформаторским преобразованиям хоть какие-то движения, даже не говоря о том, что провальный прогноз, это всё равно лучше, чем цедить воду через сито или толочь её в ступе.

---

[31] См. Приложение: «В России проигрывает тот, кто побеждает».

.

ИНИОН

К сожалению, прогностические рекомендации, нацеленные на конструктивное разрешение ситуации, востребованы не были. Россия вступила в новую полосу социально-экономических и идейно-политических передряг.

С тех пор мне и запала в голову шальная мысль начать приводить публичные прогностические сеансы с намерением продемонстрировать людям на конкретных примерах реальные возможности научного предвидения. Общественный запрос на обретение хоть каких-то контуров реально прогнозируемого будущего, пусть хоть самого ближайшего, витал в воздухе. Его предощущением люди просто дышали. В стране ближе к осени 1998 года разразился так называемый «дефолт», а проще говоря, катастрофическое падение номинальной стоимости рубля по отношению к доллару.

Правительство С. Киреенко было тут же отправлено в отставку. Попытки вернуть в президентское кресло В. Черномырдина успехом не увенчались. Дело завершилось назначением председателем правительства Евгения Примакова. Люди засыпали и просыпались с одним и тем же вопросом: «Чего ещё ждать? Что день грядущий (или грядущая ночь) нам готовит?»

Надо же было случиться такой оказии, что именно в этот момент к выходу в свет готовился второй сборник прогностических очерков **«Глас вопиющего…»,** в который я ещё мог успеть включить раздел, представлявший собой прогноз-прелюдию на заданную тему: текст прогноза заранее оснащался признаками, что он рождается не только на глазах у людей, но и с их непосредственным участием.

К моменту выхода книги из печати, то есть месяца через три-четыре, можно будет уже подводить итог проделанной прогностической работе. Особое преимущество такого формата публикации заключалось в том, что вниманию читающей аудитории предъявлялся не взятый сам по себе прогноз, а в сопровождении доступных только для книги методических комментариев. Почему, собственно, внимание обращено на тот или иной аспект? В чём перспективный смысл того или иного описываемого события? Каковы особенности причинно-следственных связей между рассматриваемыми событиями, и как эти связи обнаружить?

Иными словами, прелюдия так прелюдия. Решались как бы две задачи сразу: раскрытие сути происходящего, и демонстрация того, что каждый человек при наличии определённых знаний и умений может получить желаемый прогностический результат самостоятельно и на его основе, если понадобится, принять ответственное решение.

Вот почему мне представляется целесообразным и полезным именно в разделе о прогностическом предназначении воспроизвести аналитическо-прогностический эксперимент, относящийся к моменту назначения на пост премьер-министра Е. Примакова. Вот как он выглядел в сборнике **«Глас вопиющего…»**:

«Спешу, однако, заметить, правительство Е. Примакова формировали по принципу подбора наиболее живучих, а вовсе не самых «крутых» профессионалов, как обещали. История с назначением и самоотречением В. Рыжкова и А. Шохина — наиболее характерный в этом отношении пример. Людей приглашали в примаковскую команду вовсе не для того, чтобы дело делать, а чтобы они производили хорошее впечатление. Очередная попытка скрестить ужа и ежа закончится тем, чем и должна закончиться: в результате селекционно-инкубаторского эксперимента мы получим моток уже бывшей в употреблении, ржавой, ни к чему не пригодной колючей проволоки. Давайте честно, Чубайс с Немцовым были гораздо лучшими специалистами, чем А. Шохин с В. Рыжковым. А. Черномырдин на месте премьера, если по деловым качествам судить, да ещё применительно к нынешней ситуации, смотрелся гораздо убедительнее Е. Примакова. Что, будучи человеком порядочным и производящим хорошее впечатление, Евгений Максимович признал сам. Но и на этот раз ситуация разрешилась так, как она всегда разрешалась в России. Сработал императив: «Надо, Женя…»

Конечно, надо. Ведь речь шла не о деле. Оно в России всегда оказывается на последнем месте. Дело всегда может подождать. Надо Родину спасать. В качестве приложения или нагрузки к спасению престижа российской власти. Здесь уж не до деловых или профессиональных качеств. Тут лишь бы день простоять, да ночь продержаться. А там будь, что будет. Даст, Бог, авось да небось какая-нибудь кривая выведет. Поскольку у нынешнего правительства в запасе ничего, кроме умения производить хорошее впечатление и благих намерений, нет, куда авось да небось вывезут, известно заранее. Туда, куда, собственно, и мостят дорогу благими намерениями.

Короче, правительство Е. Примакова, приятное во всех отношениях, обречено. Оно погибло ещё до того, как сформировалось. И не по политическим и экономическим, а по психологическим мотивам. Одна из очень уважаемых социологических служб (называть не стану, ведь социология у нас теперь дело коммерческое, с какой стати делать ей бесплатную рекламу) провела опрос по трём позициям. Первая: есть ли у вас уверенность, что правительство Е. Примакова выведет страну из кризиса? Вторая: доверяете ли вы правительству Е. Примакова? Третья: есть ли у вас надежда, что правительство Е. Примакова успешно справится со своими обязанностями?

Ответы по первым двум позициям были легко предсказуемы. Уверенность — ноль. Доверие — двенадцать процентов. Зато — ура! — надежд аж 59! Вот он эффект формирования правительства по принципу гоголевского сватовства. Впечатление создано, надежды взмыли вверх, как курс американского доллара, то ли в знаменитый «чёрный вторник», то ли в приснопамятный «зелёный четверг».

ПРОБА

Можно не сомневаться, судьба правительства Е. Примакова повторит захватывающий полёт рубля. Сначала, на очень короткое время, под влиянием всплеска надежд, его рейтинг будет достаточно высоким, но оно всё равно рухнет. Это будет кошмар пострашнее триллера о Фредди Крюгере.

Предположим на секунду, что правительство Е. Примакова располагает всем необходимым, чтобы вывести страну из кризиса: профессионалами, у каждого из которых семь пядей во лбу; необходимыми ресурсами и полными доверху государственными закромами; крепкими и надёжными частными банками, туго набитыми червонцами чулками рядовых граждан. Сколько при таких условиях понадобится нынешнему правительству времени, чтобы вернуть страну хотя бы к рубежу 17 августа 1998 года, после которого реальное благосостояние людей упало? Кто говорит раза в полтора, кто вдвое-втрое.

Специалисты подсчитали 2–3 года. А ведь мы своим положением на 17 августа были жуть как недовольны. На рельсы выходили, здания Белого дома и губернских администраций пикетировали, акцию протеста на 7 октября уже назначили, отставки президента и правительства во весь голос требовали. На что нам, спрашивается дожидаться, такого 17 августа. Ты нам сейчас долги не только отдай, но и проиндексируй, пенсии выплати, налоги умерь, зарплату не задерживай. И чтоб благосостояние не только не упало, но ещё и возросло.

Иными словами, хорошее впечатление приходит и уходит, а кушать хочется всегда. С этой проблемой правительство Е. Примакова столкнулось с первых шагов, а через два-три месяца народ уже надёжно забудет про свои надежды и будет судить о правительстве по параметрам конкретного улучшения, точнее, ухудшения своего социально-экономического положения. Напомню, мы предположили всего лишь на секунду, для большего заведомо нет оснований, что у нынешнего правительства есть всё, дабы справиться с кризисом. Хотя нет, не справиться, а лишь вернуть положение к состоянию предшествующему дефолту… на 17 августа. Но ведь фактически у нынешнего правительства ничего из предложенного нет: министры давно известные, весьма ординарные люди, ничем особенным себя не проявившие. Разве что не вызывающие реакции отторжения, как это было с Чубайсом.

Достоинство, конечно, но слабенькое. Казна пуста. Уверенности, что из кризиса удастся выкарабкаться, — ноль. Доверие Е. Примакову — на других членов правительства, полагаю, этот показатель не распространяется, — всего двенадцать процентов. Надежды есть, и даже немалые, но надежды в политике — опора зыбкая, как топкое болото: чуть оступился — и ушёл в трясину с головой.

В нынешней ситуации беру на себя смелость заявить в нашей стране, во всяком случае, среди тех, кто берётся ею управлять, судя по тому, что и как они это делают, какие шаги предпринимают, никто толком не

LIBRESS

понимает, что, на самом деле, происходит. Не чувствуют они под собой не то что страны, а даже собственного кресла. Да это и понятно: и уж, конечно, никто из них не знает, не предполагает, не ведает, что всех нас, и их самих в том числе, ожидает в ближайшие недели и месяцы. Не говоря уже о годах.

Создаётся впечатление, что они никогда не слышали о неотвратимо действующем законе исторического возмездия, в соответствии с которым любое событие или явление обязательно проходит пять стадий — случайное, вероятное, тенденция, закономерность, неизбежность. Похоже, нашим правителям и в голову не приходит, что развитие событий в стране вступило в колею неизбежности, оставив позади опрометчивые решения, допущенные ошибки, упущенные возможности, попранные закономерности.

Никакими правительствами, даже производящими «хорошее впечатление», дело уже не поправить, назад, к исходным рубежам, страну не вернуть, новым резервом терпения людей не наградить. Предыдущие циклы развития, отмеченные разрушительным предназначением, исчерпали свою исторического функцию и политический ресурс. То, что нужно было разрушить, разрушено. То, что нужно созидать, будут другие. Политика так устроена, что в ней разрушители в созидателей не трансформируются.

Е. Примакову и его команде уже не удастся исправить допущенные до них ошибки, вернуть в казну то, что не ими было разворовано. Им уже не выправить курс, который завёл Россию в тупик.

Жизнь, объективная логика исторического момента требуют уже других решений, чем могут предложить собранные в примаковском правительстве горбачёвские «старослужащие» и гайдаровские «дембеля». Развитие социально-экономических и общественно-политических процессов обрело совершенно иной характер, радикально изменивший суть взаимоотношений «верхов» и «низов».

Допустим, приход к власти Е. Примакова отразил согласие политических элит, которые почувствовали, не могли не почувствовать, что во властной консолидации состоит их единственный шанс продержаться наверху ещё хотя бы чуть-чуть. Но кратковременная передышка для властей вовсе не означает и уж тем более не обеспечивает согласия в обществе. Для того, чтобы такая возможность открылась, вся нынешняя политическая элита, независимо от её окраски, убеждений, симпатий, антипатий, независимо от ежемесячно публикуемых «Независимой газетой» списков ведущих политиков и еженедельно оглашаемых в программе «Итоги» президентских рейтингов, должна уйти с российской политической сцены. Для этого вовсе не нужны революции или политические катаклизмы. Достаточно появления людей, которые понимают объективную логику развития события, которые умеют соотносить с ней свои поступки и действия…

ИПРЭС

Естественных приемников у Б. Ельцина, а точнее, у его курса теперь уже нет и быть не может. Попытки досужей политической публики приспособить для этой цели Е. Примакова тщетны. Отнюдь не по политическим мотивам. Во-первых, Примаков слишком умён и осторожен, чтобы соблазниться на такую авантюру. А, во-вторых, для подобного рода рискованных игр у него нет необходимых психологических качеств. Примаков прекрасно ориентируется только в предсказуемой среде. Он аналитик, а не карточный шулер, втёмную, во банк играть не станет, блефовать не будет.

А самое главное, к моменту выборов, особенно если они пройдут в намеченные сроки, что в нашей стране совершенно не факт. Е. Примаков утратит свой премьерский лоск, привлекательность властной свежести. На нём уже будут лежать тяжким грузом нерешённые проблемы, неудовлетворённые запросы, обманутые надежды и ожидания. Что дело будет обстоять именно так, никто, наверное, не сомневается. В том числе и сам Е. Примаков…

О соображениях политических приличий я намеренно не упоминаю, полагая, что есть вещи, которые подвергать сомнению не принято даже в фартовой среде. Все, надеюсь, ещё не забыли, что главным условием согласия политических элит по кандидатуре Е. Примакова была априорная предпосылка, что он заведомо в президенты не пойдёт. Таким способом предполагалось, что баланс политических сил будет в ближайшие два года сохранён.

Это, в свою очередь, должно было предоставить возможность самому Е. Примакову не ввязываться в предвыборные свары, употребив все силы на ликвидацию кризиса. Примаков заверил Думу и общественность страны, причём в очень жёсткой, безапелляционной форме, что на президентское кресло не претендовать, что любые предположения на этот он счёт считает для себя неприемлемыми, даже провокационными. Сегодня об этих, по сути дела очень важных эпизодах, стараются забыть.

Как справа, так и слева, более того, со всех сторон раздаются голоса, что Е. Примаков самый реальный, самый желанный, самый подходящий кандидат на высший госпост. Так могут вести себя только политики, которые не уважают ни себя, ни народ, интересы которого призваны олицетворять и защищать. Почему то не хочется верить, что Е. Примаков пополнит своим примером постыдную практику российского политического ханжества, цинизма и лжи. Политика хоть и грязное дело, но не настолько, чтобы вообще исключить участия в ней порядочных людей.

Всё-таки для меня загадка, почему, приняв абсолютно правильное решение, найдя, быть может, единственно возможный выход из политического кризиса, люди в который уже раз наступают на те же самые грабли. Опять вместо того, чтобы заняться делом, начинают примерять шкуру

неубитого, во всяком случае пока, кремлёвского медведя… Вспомните пенсионеров, свыше 10 миллионов инвалидов, столько же безработных, а 77 процентов населения живут ниже уровня бедности. И это в самой богатой по запасам минеральных т энергетических ресурсов стране. Неужели больше заняться нечем, кроме как Кремль делить…».

На этом не столько политический, сколько учебно-методический текст «прогноза-прелюдии» заканчивался, но перед самой сдачей книги в набор в нём появился ещё и постскриптум, такого содержания: «Правительство Е. Примакова, как ему и было предсказано, продержалось едва полгода. Во главе кабинета министров был поставлен С. Степашин. Однако, это персональная перемена объективной логики развития событий ничуть не меняет. Сдвиги к лучшему, хотя они возможны, будут происходить не благодаря, а вопреки деятельности правительства. Ему вообще разумнее всего ничего серьёзного не предпринимать, как собственно, и поступал Е. Примаков. Чем и заслужил пост-премьерский высокий рейтинг в российском общественном мнении.

Назначение Е. Примакова была политическим. С жестом в сторону «левых». Назначение С. Степашина также политическое. С жестом в сторону «правых». Ни тот, ни другой не предназначены для повседневного руководства страной и правительством. Все их достоинства, впрочем как и недостатки, выращены в прошлом. В прошлом и остались. Ни тот, ни другой ни в нынешнем, ни в каком-либо ином предполагаемом качестве, себя уже не проявят. Если иметь в виду суть, а не время. Они не знают решений, которые могли бы вывести страну и народ из блуждания по заколдованному кругу. При всём нашем к ним уважении…

24 июня 1999 г.

Утром 9 августа был отправлен в отставку и С. Степашин. Властная чехарда продолжается».

О том, что С. Степашина сменил В. Путин, а главное, в чём был подлинный смысл премьерской рокировки, в книгу уже не попало. Теперь, оглядываясь назад, я абсолютно убеждён, что Б. Ельцин ничего подобного придумать не мог. Не так у него мозги устроены были. Сопоставляя кто кого менял и в какие сроки, невольно приходишь к выводу, что сценарий смены премьерско-президентского караула по сути в обход традиционной процедуры выборов, превращённых практически в референдум по одобрению уже произведённого назначения на должность принадлежит Е. Примакову в соавторстве с коллегами из службы безопасности и военной разведки. Политическая судьба Е. Примакова после прихода В. Путина к власти такую версию не исключает.

Считаю необходимым обратить внимание ещё на одно очевидное достоинство теперешней публикации прогноза-прелюдии о правительстве

URSS

Е. Примакова. Не научное, конечно, а учебно-методическое. Сегодня, почти через 15 лет после того, как материал впервые вышел в свет, читателю с позиций накопленных знаний и жизненного опыта легко сравнить, правильно ли были выбраны основные аспекты анализа, убедительно ли разъяснено, почему именно они выбраны, сбылись ли предвидения, и правильно ли автор объяснил, почему именно так должно было случиться.

Пожалуй, прогноз-прелюдия о правительстве Е. Примакова — единственный материал в нынешней прогностической практике, в котором концептуальный подход к методическому обеспечению процесса научного прогнозирования воплощён наиболее полно. И, в этом смысле, он гвоздевой материал книги.

В завершение раздела о **принципе прогностического предназначения** выскажу ещё пару соображений, о которых людям, полагающимся на научное прогнозирование, нужно всегда помнить. Никогда нельзя исключить возможности, что абсолютно достоверный научный прогноз, почерпнутый из специальной литературы, или который вы сами же честно и непосредственно предъявляете заинтересованной публике, является неопровержимой истиной в последней инстанции.

С течением времени вполне момент обнаружится, что в основе научно отпрогнозированного события, суть которого, быть может, и не изменится, лежат факты и события, обстоятельства, существование которых вы не предполагали, и предполагать не могли. Порой может случиться так, что прогностическую дорогу приходится прокладывать не в будущее, а в прошлое. Оказывается, что без этого до истины не докопаться…

В контексте сказанного считаю необходимым упомянуть в одной связке сразу два события: о так называемом Карибском кризисе 1962 года и скандальной отставке Н. Хрущева с поста главы Советского Государства и Первого секретаря КПСС. Долгое время считалось, что каждое из этих событий произошло независимо друг от друга, что у каждого из них своя история и свои тайны.

Однако моя личная судьба сложилась таким неожиданным образом, что пришлось радикально поменять свою точку зрения на этот «исторический дуплет». Полагаю, рассказать об этом имеет смысл, именно в «подверстке» к **принципу прогностического предназначения.** Ведь он ориентирован не только на верное постижение будущего, но и восстановления истины по отношению к прошлому.

В конкретном прогностическом смысле сюжет о Карибском кризисе мне прежде никогда предъявлять не приходилось. Просто на слово тому, о чем заходила речь, никто не хотел верить, а я, со своей стороны, в поиске доказательств абсолютно не видел необходимости. Для меня в этой истории всё заслонял сам по себе человеческий фактор событий, а не связанные с ним обстоятельства. В том круге участников и отношений, в кото-

рых я оказался, всё было настолько реально, что даже возможности появления сомнений не предполагалось.

Бывают невероятные события, которые нельзя выдумать. Фантазии не хватит. И только в этом году, то есть именно в 2014-м, независимо от меня выяснилось: всё, о чем пойдет речь, абсолютно достоверно при том, что остается в полной недоказуемости, поскольку документов никто не предъявляет. Да и не предъявит, скорее всего, никогда.

На долю нашей семьи, оттуда и сведения, выпала тяжкая ноша. Рассказываю по самой упрощенной схеме, из экономии места, опуская интереснейшие детали. В 1962 году мой отец Гущин Виктор Федотович, к тому времени подполковник, участник войны, служил в Центральном Управлении ВВС, в ближайшем окружении Маршала Авиации В. Вершинина. Насколько я знаю, на протяжении всей своей жизни, отец был воплощением профессионализма, долга и чести. После увольнения из военной авиации в запас он еще долгие годы работал в КБ Чаломея, после смерти Королева фактически возглавившего отечественное ракетостроение.

Отец на «Фирме» отвечал за научную организацию труда. В ту пору мне было трудно об этом судить, но по опыту общения с его коллегами, мы все жили по соседству, я знал, что в деле организации работы, включая делопроизводство, а речь в данном случае шла об обороте конструкторско-проектной документации, а не канцелярских бумаг, отцу не было равных. Тайна, о которой мне предстоит рассказать, именно с таким видом работы и связана.

Помню день, приходящийся как раз на самое начало Карибского кризиса, когда отец пришел домой гораздо позже обычного, сильно встревоженный. Вообще-то он был человеком крайне уравновешенным, даже флегматичным. А тут прямо лица на нем не было. На мой вопрос, «что случилось», буркнул что-то невнятное и прямо на кухню, или как говорили в нашей семье, «на женскую четвертинку».

Отец с матерью, помимо того, что были супругами, сильно дружили, как это принято в авиации. Ведь они познакомились в аэроклубе, во время парашютных прыжков. В феврале 1941 года, на День Красной Армии поженились, отец с первого дня войны оказался на фронте. Маму тоже призвали. Она должна была служить в полку Марины Расковой, беременность помешала. В марте 1942 года родился я. Мама в добром расположении духа всегда шутила: «Это из-за тебя я не стала героиней, а только мамой». «Зато героической», стандартно отвечал я. Это у нас называлось «Обменяться паролями».

Мне важно об этом рассказать потому, что ситуация оказалась сугубо драматургической, развитие которой надо представлять себе в деталях и лицах. Я не должен был ничего слышать из того, о чем говорили родители. Они до конца своих дней, конечно же, догадывались, что мог слышать, но

ИГСО

сами об этом не спрашивали. Они в тот вечер шептали же друг другу на ухо так, как шепчут на сцене Малого театра: на галёрке слышно. Во всяком случае, до тех пор, пока разговор продолжался на кухне, я был в курсе того, о чем шла речь.

Отец получил задание провести ревизию документов, связанных с отправкой ракет на Кубу. На руки всё выдавалось под расписку, каждая бумажка на строгом учете. В распоряжении оказалось несколько папок, прошитых, пронумерованных, после каждого просмотра проштемпелеванных, так что в случае появления даже мельчайших помарок или, наоборот, «подчисток», вообще любой дефект или несанкционированное вторжение, тут же обнаружится, кто к папкам прикасался или вносил изменения, делал поправки.

Проблема состояла в том, что «прореху», которую обнаружил отец, можно было выявить только при определенном сочетании полученных на руки документов. Ни одна конкретная папка, взятая порознь, обнаруженной информации не предоставляла. Как они до этого перетасовывались, в тогдашнюю докомпьютерную эпоху установить было практически невозможно. А установив, следовало прийти в ужас и объявлять всеобщую боевую тревогу. Ставить всю страну под ружьё.

Одно из двух: либо случилась губительная оплошность, либо против страны совершена невиданная и неслыханная диверсия. Ракеты были доставлены на Кубу в неверной комплектации. Подмена или случайная оплошность была мизерной, но в результате боеспособность ракеты утратили полностью. Советский Союз этими ракетами американцев начал пугать, а они, оказывается, из себя никакой угрозы не представляют. Всего лишь «кукиш в кармане». Узнай об этом американцы, неминуемо произойдет неслыханная катастрофа, страна окажется на грани гибели!!!. Смысл случайно обнаруженной моим отцом тайны, состоял именно в этом.

Как быть?! В руках моего отца по сути дела оказалась не только судьба советско-американских отношений, мировой политики, пожалуй, что и мира как такового. Философский гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» в новой ракетно-ядерной версии «Докладывать или не Докладывать?», превратился, с одной стороны, в глобально-политический, а с другой, — в лично-семейный. Но по накалу страстей «действующих лиц» вполне шекспировским. Это помню до сих пор. Большего стресса, чем тогда, я в жизни не переживал.

Фразеологический оборот, довольно распространенный в то время, «держать судьбы войны и мира в своих руках», совершенно нежданно-негаданно для моих родителей, вообще для нашей семьи, обрел вполне конкретный смысл. Тогда и я впервые зафиксировал в своём сознании мысль, что прямо на моих глазах, хотя и без моего непосредственного

участия, решается мировая проблема, значит и я за всё происходящее в ответе, если не прямо сейчас, то вообще по жизни.

Я, конечно же, заранее знал, что меня к обсуждению, тем более решению возникшей проблемы не привлекут, и где-то в тайне был этому рад. Ставя себя на место отца, спрашивал, какой бы я сделал выбор, и не находил ответа. Вариант, что полученные отцом сведения, могут оказаться всего-навсего «должностной проверкой на вшивость», — «Доложишь? Молодец. Не доложишь? Разгильдяй, и может быть, даже враг», — сразу отверг.

С такой практикой в нашей семье были хорошо знакомы и отлично понимали, как подобная провокация может выглядеть. Мой дед, Васильев Матвей Васильевич, к тому времени он был еще жив, заканчивал службу в Вооруженных Силах в звании полковника, в должности Начфина Генерального Штаба, поэтому сам такого рода проверкам подвергался неоднократно. Да, что греха таить, и своих подчиненных аналогичным способом на «добросовестность, аккуратность и бдительность» проверял. Тогда такое считалось обычным делом, не раз аналогичные «эпизоды», называемые между нами «мякиной», обсуждались дома за обеденным столом.

В варианте с документами, оказавшимися в руках отца, такая провокация была заведомо исключена. На её изготовление и организацию потребовалось бы столько знаний и умений, столько времени и людей, всего лишь для того, чтобы уже в сотый раз убедиться в надежности человека, прошедшего через самые тяжкие испытания. Вряд ли это было возможно и необходимо.

Да к тому же профессионал такого уровня, каким был отец, любую «липу» распознал бы с первого взгляда. Здесь же он воспринял случившееся всерьез. Без каких бы то ни было скидок на случайные, тем более «намеренные» ошибки или стечение обстоятельств. Реальность и достоверность сведений, почерпнутых не столько из содержания документов, сколько из их сочетания и сопоставления, сомнений не вызывала и оказалась доступной отцу именно в силу его высочайшей квалификации.

Чем руководствовался отец, принимая решение, не знаю до сих пор, но уверен, и теперь это подтвердилось, он об обнаруженной «информационной мине», способной привести к тягчайшим вполне предсказуемым последствиям, никому не доложил. Я в этом уже тогда убедился. Пока горячее дыхание Карибского кризиса через теле- и радиоприемники долетало до нас, напряжение в доме не спадало. И только после того, как по тем же «приемникам» протрубили «отбой», мы все с облегчением вздохнули. Пронесло.

А ведь «пронесло» только потому, что у отца в ту пору хватило мудрости и мужества переступить через формальное понимание «офицерской чести и долга», которым он всю жизнь служил верой и правдой. Он включил мозги, а не просто взял под козырек. Я это понял уже потом, размышляя о случившемся, непосредственно с отцом об этом даже не перемолвились. Только с мамой, уже после его кончины, разговор был, но сбивчи-

вый. Она до конца жизни так и не разобралась, о чем можно сказать, а о чем следует молчать даже под пытками. В ней воинская советско-патриотическая закалка, видно, засела навсегда. Такое было поколение. Порой на них в мирной жизни выпадали испытания, похлеще, чем на войне.

В конечном итоге, всё пришлось додумывать самому. В уме было перебрано множество вариантов, но сводилось всё в конечном итоге к одному: докладывать не имело смысла, не только под гнетом долга, но и под страхом смерти. Сразу по нескольким причинам. Остановлюсь лишь на двух, важнейших.

Первое. Американцы к возникшей ситуации никакого отношения иметь не могли. Если бы инициатива исходила от них, если бы они были причастны к закладке «информационной мины», что было бы величайшей диверсионной акцией тысячелетий, даже всех времен и народов, то наверняка в той крайне обострившейся обстановке, возникшей в период Карибского кризиса в отношениях с Советским Союзом ситуацией, воспользовались бы. И потом не стали бы более полувека молчать, не сняв на эту тему, чего-нибудь голливудского, что-нибудь вроде «Звездных войн», «Армагеддона», «Зеленой мили», а то и покруче. Американцы же молчат до сих пор, как воды в рот набрали.

Второе. Значит, не на американцев этот «сюжет» играет, не на них сработал. Значит «концы», точнее «исходник», карибской ракетно-ядерной «авантюры» нужно искать на нашей стороне. Это следовало из содержания и характера документов. Ниточка от всего «диверсионного клубка», мама мне на это намекнула, тянулась на самый верх.

А это для моего отца могло означать только одно: с нашей стороны не было и не могло быть предательства, речь могла идти только о сверхсекретной тайной операции невиданных масштабов, скажем, для того, чтобы использовать ракеты лишь в качестве мнимой, точнее декоративной, угрозы, которую распознать было бы не возможно даже в упор. Без намерения пускать их «в дело», что бы ни случилось.

Вполне разумно. Не вывозить же ракеты, да ещё с ядерной «начинкой» за океан в полном боевом оснащении. Отец, совершенно неожиданно для себя оказался к этой строжайшей тайне причастным, и как опытный офицер, служивший в годы войны штурманом в полку авиационной разведки, сразу понял: даже малейшим сигналом о своем «открытии» он может не только себя погубить, к этому ещё в годы войны успел притерпеться, можно было нанести невосполнимый урон крупнейшему за всю мировую военную историю полководческому стратегическому замыслу.

Вот если бы отцовские мозги, да тогдашним советским государственным мужам да армейским генералам, под фуражки и шляпы, в облысевшие и поседевшие головы. Но оказалось, что при одинаковых исходных данных, они, эти головы, пришли к совершенно иному решению. Недавно

из телепередачи «Момент истины», узнаю «сенсационную» новость. Оказывается, в советско-партийном и армейском руководстве как раз в связи с надвигавшимся Карибским кризисом возник серьезный разлад по вопросу ввязываться или нет в прямое противоборство с США.

Н. Хрущев и еще несколько верных ему партийных функционеров, рвались в бой, военная элита, фамилии повторять не стану, в союзе с конгломератом высших чинов из КГБ и других спецслужб, всячески этому противились, полагая, что нагнетание напряженности с помощью размещенных на Кубе ракет неминуемо приведет к войне, которую они считали не только губительной, а вообще недопустимой. Убедить Хрущева отказаться от намеченных планов не удавалось.

Тогда была осуществлена невиданная доселе тайная операция: советские спецслужбы при согласовании своих действий с военным руководством страны вступили в прямой контакт с американскими спецслужбами и предложили оперативно и конфиденциально обмениваться важнейшей информацией по вопросу об обеспечении взаимной безопасности и предотвращению назревающего военного конфликта. Мысль, здравая, вполне в духе Штирлица, вот только додумать её до конца не сумели, а, может, не захотели. Такой вариант я бы тоже исключать не стал. Он бы оказался вполне в духе нынешнего времени. Рыночный…

В установлении необходимых контактов и налаживании каналов связи участвовал, как следовало из телепередачи, полковник Пеньковский, который для этого был превращен в так называемого «двойного агента». Судебный процесс над ним, люди постарше, которым лет за шестьдесят, наверняка помнят.

В телепередаче намекнули, что с «подачи» своего бывшего начальства Пеньковский воспринимал суд как инсценировку, потому и смертный приговор встретил спокойно. История с кубинскими ракетами в суде не фигурировала, как бы еще раз давая Пеньковскому возможность понять, что действительно серьезные акции, в которых он замешан, остаются в тайне, значит, и опасаться за исход суда нечего.

О том же самом во время тюремного свидания ему сообщила жена. Рассказала она также о помощи, которую оказывают ей и их детям бывшие коллеги Пеньковского, вплоть до подготовки отъезда всей семьи за рубеж, в Америку. О семье и детях, вроде бы действительно позаботились, а Пеньковского всё-таки расстреляли. Видимо он слишком много знал, из того, чего живым знать не следовало.

В итоге в тайной советско-американской операции всё свелось к передаче непосредственно в руки президента США Д. Кеннеди важнейшей стратегической информации и сведений о действиях советской стороны, направленных на «нейтрализацию» военных приготовлений. До сведения Президента США было доведено, что размещенные на Острове Свободы

URSS

ракеты небоеспособны и непосредственного участия в боевых действиях не пригодны.

Все это делалось под гарантию со стороны США ни в коем случае не прибегать к использованию ракетно-ядерного оружия против советской ракетной базы на Кубе и вообще против Советского Союза. Планета от мировой ракетно-ядерной войны вроде бы была спасена. Вот только способ «спасения» каким-то не очень нехорошим душком отдает.

Как-то уж слишком легко представители высших политических и военных элит, лидеры двух великих держав, до шпионского уровня докатились, вместо того, чтобы благоразумно обо всём, что с помощью шпионской интриги было достигнуто, на основе здравого смысла договориться. Хотя бы для того, чтобы туда-сюда ракетно-ядерный хлам через океан не таскать.

Общий тон телепередачи, из которой я узнал подоплеку Карибского кризиса в совершенно ином ракурсе, чем она выглядела в размышлениях об отце, был тоже какой-то двусмысленный. С одной стороны, вроде бы замечательно, что ракетно-ядерную войну предотвратили, но с другой, зачем тогда в её «нутро» влезали, с третьей, — похвально, что в ближайшем окружении Хрущева нашлись люди сумевшие, противопоставить его агрессивно-волюнтаристскому норову, стремление предотвратить угрозу войны.

Но, в-четвертых, наконец, почему не нашли способ сделать это как-то иначе. Пусть обманом, пусть с подвохом, пусть из-за угла и под прикрытием, на войне как на войне, но без предательства. Я больше, чем уверен, американцы не заикаются об этой истории только потому, что понимают: даже у предательства должны существовать границы, которые ни при каких обстоятельствах переступать нельзя. Вот и не хотят хвастаться, что таким «беспредельным» предательством воспользовались.

14 августа минувшего 2014 года моему отцу Гущину Виктору Федотовичу исполнилось 100 лет. Я достал из семейного альбома его фотографию в поношенной гимнастерке, с двумя медалями, — «За отвагу» и «За боевые заслуги», и двумя орденами — «Красной звезды» и «Отечественной войны». На обороте снимка натренированной штурманской рукой четко написано: «Инстербург. Восточная Пруссия. Фото в день победы». Я не ошибся, оба слова, «день» и «победы», написаны с маленькой буквы. Воевать и побеждать было его работой, и он, судя по фотографии, праздника ещё не успел почувствовать.

Это уже потом стали произносить эти слова с пафосом и с большой буквы писать. В те края, где отец фотографировался, День Победы уже пришел, а война еще продолжалась. Поэтому и лицо совершенно не радостное, даже улыбки нет, глаза уставшие, гимнастерка помятая, на плечах тряпочные капитанские погоны и медали косо повешены. Видно, на груди

ИРЗС

появились только для того, чтобы перед фотоаппаратом при полных регалиях предстать.

14 августа фотографию отца поставил на стол, налил полстакана спирта из бутылки, что хранится дома в медицинских целях, выпил залпом, чего вообще никогда прежде не делал и поблагодарил его за то, что научил смотреть на всё, что происходит вокруг прямо, честно, с умом. Не словами научил. Он был крайне неразговорчив, а выступать публично вообще стеснялся. Жизнью своей научил.

В каком мудрёном «военно-политическом ребусе» сумел правильно разобраться, даже в мыслях не нанеся ущерба ни собственной офицерской чести, ни человеческому достоинству и авторитету «отцов-командиров» в маршальских погонах?! У него было достаточно оснований считать, что его «на вшивость» проверяли. Не доложит, могли на следующий день к «стенке поставить».

Так что, не сообщая о «находке», отец жизнью рисковал. В честность своих командиров свято верил. Выходит, они его предали. Сообщи мой отец тогда о сделанной им находке, они бы, я в этом уверен, тут же распорядились бы о его ликвидации. Он же в их «патриотизм» верил, до самой кончины о них по-доброму думал, их верность воинскому долгу и армейской присяге под сомнение не ставил. Даже нашел их предательским действиям разумное объяснение. Более того, сам себе доказал их военно-стратегическую целесообразность.

А ведь, согласитесь, повод, заподозрить командование в предательстве, конечно же, был. В отцовских предположениях, которыми я сегодня руководствуюсь, полководческий смысл присутствует, а вот в тогдашних высочайших решениях и действиях государственных мужей и воевод, на мой взгляд, в отличие от телевизионного «Момента истины», нет. Ни мудростью, а трусостью и шкурничеством отдает. Чтобы предать и не проиграть, много ума не надо, вы эту возможность своим предательством у противника выкупили, а вот без предательства победить, это уметь надо. Мой отец наверняка сумел бы, будь он жив в свои сто лет…

Дивертисмент: «Две тайны в одном флаконе»

У рассказанной выше истории, не знаю, как точнее сказать, было или есть, продолжение, не менее, а может еще более таинственного свойства. Оно связывает уже рассказанную историю, с историей, только предназначенной к оповещению, в единое целое. Я вышел на эту констатацию, практически только работая над нынешним очерком, долго выбирая, на котором из двух сюжетов остановиться.

До этого оба они, с учетом их фантастического политического накала, прекрасно существовали порознь. Поначалу остановился на Карибском

UPress

кризисе только потому, что для его публикации возникли более благоприятные актуально-информационные обстоятельства, почерпнутые из телеэфира. Публикацию второго отложил «на потом».

Тем более, что в отношении него, мне всё время продолжало чудиться: чего-то здесь не хватает. Потом вдруг понял, — предыстории, вот чего. А предыстория эта уже давно у меня в руках. Она в том самом Карибском кризисе, над которым работаю. И если взглянуть на оба события, о которых идет речь под углом зрения характера и масштабов их взаимозависимости и взаимосвязанности, да еще добавить к этому абсолютно совпадающий персональный состав участников, то оказывается: я имею дело не с двумя разрозненными событиями, а с разными фазами одного и того же, где, первое — предыстория, а второе, — общий итог и конечный результат для обеих фаз.

Суть **первой фазы** в двух словах: острая политическая коллизия, возникшая в государственном и партийном руководстве СССР между двумя разными подходами к острому кризису в советско-американских отношениях, грозящему перерасти в прямое вооруженное противоборство из-за размещения советских ядерных ракет на Кубе.

ПЕРВЫЙ ПОДХОД, назовем его условно, агрессивно-политическим, возглавил Н. Хрущев, действуя практически в одиночку, в характерной для него манере «агитатора, горлана, главаря», отстаивал ***непримиримую классовую позицию: «добиваться своего до конца, не взирая ни на какие угрозы».***

ВТОРОЙ ПОДХОД формировался ***высшим военным руководством страны, включая Министра Обороны Р. Малиновского, Маршала Авиации и ракетных войск В. Вершинина, Председателя КГБ А. Семичасного, других ключевых представителей ВПК. Здесь возобладал военно-технократический «примиренческий настрой», стремление к достижению компромисса, предотвращению прямого ракетно-ядерного столкновения между СССР и США.***

В результате возникла парадоксальная ситуация: принятое решение оказалось расчлененным на две несовместимые части — политическую и военную. Н. Хрущев, мобилизовав весь свой эмоционально-харизматический потенциал «революционера из народа» настоял на том, чтобы ракеты были размещены на Кубе «в полной боевой готовности», «во исполнение интернационального долга», военные и спецслужбы со своей стороны, сделали всё, чтобы эту «боевую готовность» нейтрализовать.

Дело дошло до неслыханного и невиданного взаимодействия между военным руководством и спецслужбами обеих стран, США и Советского Союза, с целью не только фактической нейтрализации ракет, но и агрессивной политической активности Н. Хрущева.

Ключевая «фишка» этой грандиозной военно-политической интриги состояла в том, что от начала Карибского кризиса до самого конца,

Н. Хрущев о «миротворческом предательстве» военного руководства страны ничего не знал, в то время как президент США Дж. Кеннеди был информирован обо всем «по полной программе». Даже двум: советской и американской. Для Хрущева суть случившегося открылась, надо полагать, гораздо позже. Нашелся видно, «информатор», донес. Как же без этого…

В итоге Карибский кризис сошел «на нет», прямое вооруженное ракетно-ядерное столкновение предотвращено. Пока широкой общественности, оставалось неизвестным как это было сделано, исход считался позитивным. Теперь в свете новых обстоятельств, мнение на этот счет, может оказаться не столь однозначным. Прежде всего, с учетом последующих событий, связанных с отстранением Н. Хрущева от всех партийных и государственных постов на Октябрьском 1964-го года Пленуме ЦК КПСС.

До работы над очерком Карибский кризис и Октябрьский пленум не смотря на мою «самохв**а**льную» интуицию в единое целое не связывались, а благополучно себе существовали порознь. Там советско-американский ракетно-ядерный конфликт, здесь внутриполитическая интрига со скандальной отставкой «первого лица государства». Но если задуматься, начинаешь понимать, не могла «карибская история» пройти бесследно для внутриполитической ситуации, без «выяснения отношений» между Н. Хрущевым и его оппонентами из рядов политического «генералитета» и «маршальской» элиты.

Во втором захватывающем сюжете, пока что инкогнито присутствующем в повествовании, речь как раз идет о намерениях Н. Хрущева дать «жестокий бой» всей партийно-государственной и военно-промышленной советской верхушке. Но главный для меня вопрос оставался без ответа: **почему Н. Хрущев, собираясь фактически вступить со своими «обидчиками» в смертный политический бой, действовал практически изолированно, что называется «один против всех», даже не пытаясь обрести соратников и союзников, найти поддержку в силовых структурах и в армейском руководстве?** То есть, именно там, где он её получил накануне XX съезда КПСС, выходя на него с программой разоблачения «культа личности И. Сталина».

В контексте того, что рассказываю, вспомнилось одно из телевизионных выступлений Евгения Евтушенко. Он вспоминал об одной из личных встреч с Н. Хрущевым как раз незадолго до его отстранения со всех постов. В частности, с недоумением обратил внимание на то, что Н. Хрущев совершенно неожиданно, практически вне связи с темой разговора, вдруг сказал: «***Скоро мы вообще распустим Коммунистическую партию, она свою роль сыграла, а коммунистическим объявим весь советский народ»***. Евг. Евтушенко списал это намерение на счет «фантастического полета» мысли тогдашнего советско-партийного лидера. А зря…

Мыслил Н. Хрущев в этом направлении «чисто конкретно». По всей видимости, он рассчитывал произнести эту фразу непосредственно с три-

буны пленума в присутствии двух авторитетнейших партийно-политических деятелей Европы, их имена назову чуть ниже, и тогда никакие союзники и единомышленники ему не понадобились бы. Хрущев полагал, что в таком случае на его сторону «встанет весь советский народ».

Стратегическая мысль вполне в духе хрущевского спонтанно-волюнтаристского мышления. А ведь могла сработать… Он не к свержению коммунизма собирался призывать, а выступал за приобщение к нему «всего советского народа». **Идея «перестройки» — «народ против партии» могла сработать на двадцать лет раньше.** На пленуме Хрущева даже к трибуне не подпустили…

Ответ на тремя ступенями выше поставленный вопрос, выделенный жирным шрифтом, не скажу, что получил, он сам родился из симбиоза двух информационных пластов, связанных с уже раскрытой тайной Карибского кризиса с не менее загадочной историей появления 10 сентября 1964-го года, всего за три недели до Октябрьского пленума ЦК КПСС в газете «Правда» «Памятной записки» Генерального секретаря Итальянской Коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Так уж случилось, пусть скептики, сомневающиеся в том, что сама судьба мне покровительствует, усмирят свой скептический пыл: секрет взаимосвязи уже известных читателям Карибских событий с тайным умыслом «Памятной записки» П. Тольятти, было предназначено установить и раскрыть именно мне. И никому другому.

Во-первых, судьба заведомо вывела меня на непосредственное знакомство с людьми, хорошо помнившими и даже непосредственно общавшимися с П. Тольятти. В 1974 году за активное участие в подготовке документов для предстоящего Съезда советских профсоюзов, ВЦСПС потогдашнему: Отчетного доклада, проектов ряда постановлений, выступлений зарубежных гостей, меня поощрили путевкой в тот самый ялтинский санатории, в котором Генсек итальянских коммунистов работал над «Памятной запиской». Потом он так и назывался Санаторий «Имени Пальмиро Тольятти».

Более того, профсоюзное начальство распорядилось поселить меня в том самом номере, в котором Тольятти жил. Понятно, я своих журналистских шансов не упустил. Влез в подноготную пребывания П. Тольятти в Крыму до самого донышка, в самую его сердцевину. После скоропостижной смерти П. Тольятти прошло всего десять лет, в санатории еще продолжали работать многие врачи, медсестры, официантки, водители, которые его хорошо помнили, общались с ним.

Дело, само собой, не обошлось без настырного опроса по поводу обстоятельств смерти, последней встречи с пионерами, на глазах у которых он и скончался. Вплоть до любительских фотографий возле гроба, проливающих свет на эти обстоятельства. Судьба как знала, придет час, все сведения, которые я собрал, пригодятся…

LIPSS

Во-вторых, без какого бы то ни было лукавства скажу, уже специально взявшись за разработку темы «Памятной записки» в Праге, в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», где в 1989-ом году в связи с 25-лентие публикации документа по моей инициативе бы организован международный «Круглый стол», и потом в Москве, в начале 90-х, я упорно искал людей на роль «первооткрывателя». Пусть хоть кто-нибудь расскажет, хотя бы подскажет, лучик света прольет, даст за тайну хоть коготком зацепиться. Увы…

Всех хрущевских помощников опросил, включая Ф. Бурлацкого, со всеми высокими партийными функционерами, которые могли оказаться причастными к интересующим меня событиям, встречался. Вадима Загладина даже в Кунцевской Кремлевской больнице навестил. Безуспешно… О «Памятной записке» никто даже слова не пожелал обронить. Ф. Бурлацкий вообще сделал вид, что о существовании такого документа вообще ничего не знает. В день его публикации «в отпуске оказался». Видно над этой тайной решили «бдеть» чуть тщательней, чем о Карибском предательстве.

Слава Богу, я не успел опубликовать документальные материалы о «Памятной записке» прежде, к чему было уже всё готово. Без «связки» с Карибским кризисом, как я теперь понимаю, они оказались бы недостоверными не по фактам и обстоятельствам, а по сути…Помешало лишь случайное стечение неблагоприятных обстоятельств. Зато теперь у меня есть возможность утверждать, а это гораздо важнее, чем просто сказать: Карибский кризис 1962-го и Октябрьский 1964 года Пленум ЦК КПСС неразрывные звенья одной цепи, в которой еще историкам и политикам нашей страны предстоит детально разобраться. И сделать выводы о Родине и о себе…Имеем ли мы право быть довольными друг другом…

А пока познакомьтесь подробнее с «Памятной запиской», её содержанием, здесь будет много интересного, с загадочными обстоятельствами её появления на свет, с жертвами, которые эта публикация за собой повлекла…

Поначалу в прежде подготовленный для публикации текст, хотел внести некоторые изменения, ужесточить тон, сделать четче выводы, уточнить характеристики. Но потом от этого намерения отказался. Если то, что прежде было высказано в качестве версии, на поверку оказалось абсолютно точным, не потребовало внесения изменений по существу, значит это еще одно доказательство: практическая методика научного прогнозирования работает точно, даже на уровне гипотезы. Значит ей можно доверять, надежно ею пользоваться. А тональность — это категория не научная. Поэтому, читайте как было написано, а о смысле написанного судите по самому высокому счету…

Кстати, мне до сих пор так и не удалось выяснить, как «Памятная записка» вообще появилась в газете «Правда» (никаких решений на этот счёт

URSS

в архивных документах мне обнаружить не удалось). Осталось неведомым, как материал был переправлен в Москву и из чьих рук попал затем в редакцию газеты. Почему в связи с такой неординарной публикацией, как по содержанию, уровню авторства и даже самому факту появления на свет, никаких сопроводительных откликов или комментариев на неё не последовало, а жёстко соблюдавшиеся до этого правило — выступления в «Правде» лидеров братских коммунистических партий затем обязательно дублировались в журнале «Коммунист», — было нарушено? В журнале статья не появилась.

Тем не менее, к 2004 году у меня уже созрела вполне вразумительная версия случившегося, как с «Памятной запиской» П. Тольятти, так и с Н. Хрущёвым. Причём, у этой версии помимо исторического оказался и довольно актуальный политический аспект, не утративший смысла до сих пор. В России никогда ничего нового не происходит. Как правило, одно и то же событие повторяется как минимум трижды. Иногда больше. Констатация этой закономерности сформулирована известным высказыванием о старых граблях. Два последних ГКЧП хорошо известны: 1991 и 1993. Но был ещё один ГКЧП. В 1964 году. Когда на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС сняли Н. С. Хрущёва. Много на этот счёт существует версий, воспоминаний и даже фильмов. Но главную причину отстранения Хрущёва от руководства партией и страной предпочитают не трогать.

Хрущев, сменив Сталина на посту главы государства, повел себя как вообще принято в России — как антипреемник. На состоявшемся в 1956 г. XX съезде КПСС в специальном докладе Н. Хрущев разоблачил культ личности Сталина. Провозгласил, как водится, курс на восстановление ленинских норм партийной жизни, на развитие социалистической демократии. В стране наступила политическая «оттепель». Скворцы прилетели — запели о свободе слова, правах человека, совести и справедливости, честности, порядочности, правде. Птичий базар, многочисленный и горластый, продолжался недолго. С экономикой и политикой экспериментировали и так, и сяк. Без особого успеха в обоих случаях. Страна буксовала. Стали появляться признаки, что в стране складывается типичная ситуация для ГКЧП — нужно было как-то распорядиться властью, пока ее, эту самую власть, возмущенное население из рук не вышибло. У Хрущева на этот счет был свой план, у его «сподвижников», составлявших так называемое Политбюро — совет старейшин партии, — свой.

Я абсолютно убежден: если бы ближайшие соратники Хрущева не сняли его с поста, он бы их сам разогнал. Никита Сергеевич явно к этому готовился, но допустил оплошность. Уехал в Пицунду, как Горбачев в Форос, в самый неподходящий момент, самолично распорядившись до этого опубликовать в газете «Правда» под рубрикой «Документы международного коммунистического движения» так называемую «Памятную записку» Пальмиро Тольятти, председателя Итальянской коммунистической партии, скончавшегося скоропостижно в одном из крымских санаториев как раз в

момент работы над этим документом. Факт сам по себе более чем подозрительный.

Так вот, в этой «Записке» речь шла о том, что эксперимент с реализацией в СССР марксистско-ленинской социалистической идеи оказался неудачным. Пример «реального социализма», вместо того чтобы стать вдохновляющим, стал отталкивающим. Авторитет Советского Союза после разоблачения культа личности Сталина пошел на убыль. Само коммунистическое движение поражено раздорами, конфликтами. С демократией, с правами человека в странах социализма дела обстоят из рук вон плохо. Все это усложняет, делает малоэффективной и неубедительной идейно-политическую и агитационную работу европейских коммунистов в своих странах. Короче, нужно что-то делать, что-то менять, чтобы идея коммунизма могла вернуть себе былую притягательность для стран, населенных не нищими, безработными и убогими, а нормальными, относительно благополучными людьми.

Таково вкратце содержание «Памятной записки» П. Тольятти. Этот документ с одобрения Н. Хрущева увидел свет 10 сентября. Через три недели после публикации Н. Хрущев был снят с поста первого секретаря ЦК КПСС. Соратники Хрущева все поняли правильно. Публикация «Памятной записки» могла означать только одно: Н. Хрущев задумал повторить свой опыт, проведенный на XX съезде КПСС. Тогда он разгромил Сталина идейно-политически, разоблачил его культ личности. Теперь настала пора разогнать тех, кто испакостил своими бездарными действиями «светлую коммунистическую идею». О том, что публикация «Записки» и последовавшие следом события не просто цепь совпадений, а факты, накрепко связанные причинно-следственными узами, говорит многое.

Подготовка «Памятной записки» была инспирирована руководством ЦК КПСС. Скорее всего, лично Хрущевым. Хотя все было обставлено таким образом, что речь вроде бы идет о рутинной партийно-политической переписке. Предложение ЦК КПСС обсудить идею проведения в Москве очередного международного совещания коммунистических и рабочих партий, на которое можно было бы вынести ряд важных как для всего движения, так и для каждой партии вопросов, было, что называется, разослано «веером».

Но вот почему-то откликнулся на письмо только Пальмиро Тольятти. Во всяком случае, лишь его ответ был опубликован. Причем по тексту сразу же видно, что «Записка», по сути дела, была предназначена для чтения только одним адресатом — ЦК КПСС, точнее, Н. С. Хрущевым. «Записка» начинается со слов: «Письмо ЦК КПСС с приглашением на предварительную встречу по подготовке международного совещания поступило в Рим до моего отъезда…» Завершается «Записка» словами: «Мне следовало бы добавить многое, чтобы точно информировать вас о положении в нашей

URSS

стране. Но эти заметки и так слишком пространны, и я прошу за это извинения. Чисто итальянские дела лучше будет объяснить и изложить устно».

«Памятная записка» П. Тольятти не оставляет камня на камне от опыта социалистического строительства в СССР. Автор ее недвусмысленно и даже резко упрекает руководство КПСС в отступлении от курса на разоблачение культа личности Сталина. В тот момент такая постановка вопроса была выгодна только Н. Хрущеву. Самое время процитировать документ, иначе мне могут не поверить, что такое вообще возможно. Шел ведь не 1989-й, горбачёвско-перестроечный, а всего лишь 1964 г., положивший конец хрущёвской «оттепели».

«Неправильно говорить о социалистических странах (и даже о Советском Союзе) так, как будто бы там все всегда обстоит хорошо, — подчёркивает автор Письма, — в этом заключается ошибка, например, того раздела резолюции международного совещания компартий 1960 г., который посвящен этим странам. В действительности же во всех социалистических странах возникают трудности, противоречия, новые проблемы, к которым нужно подходить в соответствии с их реальным значением. Хуже всего создавать сначала впечатление, что все всегда идет хорошо, а затем внезапно сталкиваться с необходимостью говорить о трудных ситуациях и их разъяснять. Но речь идет не только об отдельных фактах. Речь идет о всей проблематике социалистического строительства — экономического и политического, которую на Западе знают слишком поверхностно и зачастую даже примитивно…

Не приходится отрицать, что критика по адресу Сталина оставила довольно глубокие следы. Самое серьезное — это известный скептицизм, с которым даже близкие к нам круги воспринимают сообщения о новых экономических и политических успехах. Кроме этого, вообще говоря, считают, что до сих пор не разрешена проблема происхождения культа личности Сталина, не разъяснено, как он вообще стал возможен. Объяснение всего только значительными личными пороками Сталина находят недостаточным. Пытаются выяснить, каковы могли быть политические ошибки, которые содействовали зарождению этого культа. Такая дискуссия происходит в кругах историков и компетентных кадров нашей партии. Мы не мешаем такой дискуссии, ибо она ведет к более глубокому познанию истории революции и ее трудностей. Но мы рекомендуем соблюдать осторожность в выводах и учитывать советские публикации и исследования. Проблемой, привлекающей наибольшее внимание — это относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам, — является, однако, проблема преодоления режима ограничения

и подавления демократических и личных свобод, который был введен Сталиным.

Не во всех социалистических странах наблюдается в этом смысле одинаковая картина. Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали как внутри партии, так и вне ее большую свободу высказываний и дискуссий по вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие, в особенности учитывая современные условия, когда больше не существует капиталистического окружения, а экономическое строительство достигло грандиозных успехов. Мы всегда исходим из мысли, что социализм — это такой строй, где существует самая широкая свобода для рабочих, которые участвуют на деле, организованным путем, в руководстве всей общественной жизнью. Поэтому мы приветствуем все принципиальные позиции и все факты, которые показывают, что именно такова действительность во всех социалистических странах, а не только в Советском Союзе. В самом деле, мы считаем вредными для всего движения те факты, которые подчас показывают нам обратное. Один факт, который нас беспокоит и который мы никак не можем в полной мере объяснить, — это проявление центробежной тенденции среди социалистических стран. В ней скрывается несомненная и серьезная опасность, которой, по нашему мнению, должны заняться советские товарищи. В этой тенденции, несомненно, есть элемент возрождающегося национализма.

Мы знаем, однако, что национальное чувство остается постоянной величиной в рабочем и социалистическом движении в течение долгого времени даже после завоевания власти. Экономические достижения не ослабляют, а укрепляют его. И в социалистическом лагере, возможно (я подчеркиваю слово «возможно», потому что многие конкретные факты нам не известны), нужно остерегаться навязывания единообразия извне и считать, что единство должно стабилизироваться и поддерживаться в условиях разнообразия и полной самостоятельности отдельных стран. В заключение мы считаем, что и в том, что касается социалистических стран, нужно иметь мужество подходить в критическом духе ко многим ситуациям и ко многим проблемам, если мы хотим создать основу для лучшего взаимопонимания и для самого тесного единства всего нашего движения».

Я еще могу допустить, что «Памятная записка» написана автором хоть и по заказу, но по доброй воле и в соответствии с его убеждениями. Пальмиро Тольятти был человеком отчаянного мужества, редкой принципиальности, исключительной искренности, в том числе и в политике. Но кто поверит, что все в «Записке» изложенное можно было опубликовать в

газете «Правда» без далеко идущего замысла, без высочайшей на то воли? Да и сама публикация овеяна тайной. У меня была возможность порыться в архивах ЦК КПСС, никаких документов и решений, связанных с публикацией, я там не обнаружил. А это странно.

Дело в том, что документы, относящиеся к международному коммунистическому движению, по сложившейся нерушимой практике публиковались исключительно по решению секретариата ЦК КПСС. Причем существовал жесткий порядок, который до «Памятной записки» П. Тольятти ни разу не нарушался. Опубликованный в «Правде» документ обязательно воспроизводился в ближайшем к дате публикации номере партийного журнала «Коммунист». На сей раз этого сделано не было.

Объяснение может быть только одно: октябрьский пленум опередил выход в свет партийного журнала. Для того чтобы переступить через строго установленный порядок при публикации «Памятной записки», а потом нарушить этот порядок вторично, но уже с противоположным знаком (в первом случае — опубликовать, во втором — не воспроизводить), на карту должно было быть поставлено очень много. Здесь явно столкнулись противоположные, быть может, даже антагонистические интересы.

Я лично нахожу этому только одно объяснение, которое уже высказал: «Памятная записка» Пальмиро Тольятти и в стратегическом, и в тактическом смысле выглядела наилучшим концептуальным подспорьем для второго издания XX съезда КПСС, но только теперь заостренным на кадровой чистке. Четверть века о «Записке» не было никаких упоминаний, и только в 1989 г. мне удалось «пробить» проведение на страницах международного коммунистического журнала «Проблемы мира и социализма» «дискуссионной трибуны», посвященной 25-летию этой публикации.

Но опять же для этого потребовалось заручиться соответствующим согласием международного отдела ЦК КПСС. Согласие пришло не сразу, да к тому же с рекомендацией: «Особенно тему не раздувать. Трибуну провести по-деловому, скромно. Сенсации никому не нужны».

Что конкретно имелось в виду под предостережением от возможных «сенсаций», со всей определенностью судить не могу. Но почти уверен, что не содержательные аспекты «Записки». К 1989 г. на КПСС было вылито столько грязи, что опасаться каких-то там идейно-политических сюжетов, связанных с критикой курса КПСС четверть вековой давности, было бы смешно. Подразумевались обстоятельства смерти П. Тольятти. Такие события срока давности не имеют. Я докопался до этих обстоятельств, разложив последние дни и часы жизни П. Тольятти буквально по минутам.

У меня хранятся копия медицинского заключения о смерти, официальное информационное сообщение Итальянской компартии об этом, официальный некролог, опубликованный в «Правде», записи бесед с людьми, имевшими непосредственное отношение к пребыванию П. Тольятти в Ялте. Из всех собранных документов следует, что версия о тяжелой

LIBRUSS

и продолжительной болезни, содержащаяся в некрологе, не соответствует действительности. За двадцать минут до смерти он был бодр и энергичен, а каким еще можно быть, выступая перед пионерами в «Артеке».

За день до этой встречи у П. Тольятти состоялся телефонный разговор с Н. Хрущевым, после которого стало известно, что Хрущев срочно вылетает в Ялту. Логично предположить, что П. Тольятти сообщил Н. Хрущеву о завершении работы над «Запиской». Ее рукописный вариант он отдал машинистке для перепечатки как раз перед отъездом в «Артек». П. Тольятти — в «Артек», а Н. Хрущев — в Ялту для встречи с Тольятти двинулись почти одновременно. П. Тольятти — на автомашине из санатория, Н. Хрущев — на самолете из Москвы. В полете Н. Хрущева сопровождали А. Косыгин. Н. Подгорный, Заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б. Пономарев.

Другого такого примера, когда бы отдыхающего, пусть даже близкого и высокопоставленного, навещали в столь срочном порядке и в таком составе, история советско-партийных отношений не знает. Скорее всего, планировались переговоры весьма серьезные. Когда самолет с советским партийно-правительственным руководством на борту приземлился в Симферополе, Н. Хрущеву сообщили, что П. Тольятти сорок минут как скоропостижно скончался.

На следующий день в «Правде» появилась фотография: Н. Хрущев, А. Косыгин, Н. Подгорный, Б. Пономарев в белых теннисках у гроба с телом П. Тольятти. Очевидцы рассказывали: санаторная палата, в которой жил П. Тольятти, к моменту приезда высоких посетителей из Москвы уже была опечатана. Скорее всего, «Памятная записка» в руки Н. Хрущеву в те дни не попала. А приезжал он, надо полагать, именно за ней.

Однако машина ГКЧП-64 уже была запущена. Как так случилось, что «Записка», предназначенная для руководства КПСС, была придана широкой огласке в Италии? Она была одновременно опубликована в газете «Унита» и журнале «Ринашита» с предисловием, подписанным сменившим П. Тольятти на посту генерального секретаря ИКП Луиджи Лонго. Предисловие заслуживает того, чтобы быть процитированным почти полностью:

«Публикуемая нами памятная записка по проблемам международного рабочего и коммунистического движения и по вопросам его единства была закончена товарищем Тольятти за несколько часов до того, как его постигла роковая болезнь, которая унесла его навеки. Этот документ предполагалось переписать на машинке, пока товарищ Тольятти поедет в «Артек» — в международный пионерский лагерь. По возвращении он собирался еще раз просмотреть машинописный текст. Известно, что товарищ Тольятти писал свои труды исключительно четким языком, а также очень ясным почерком, почти без поправок и с самыми незначительными дополнениями на полях. Это же свойственно и его последнему труду, и это доказывает, что до

последнего момента товарищ Тольятти работал с большой энергией и что ум его был ясен. Ничто не позволяло предполагать ужасного несчастья, которое помешало товарищу Тольятти еще раз просмотреть свою «Памятную записку». Мы полагаем, однако, что даже без такого окончательного просмотра можно рассматривать оставленный нам текст как точное выражение его мыслей по поводу затронутых в нем вопросов».

С точностью и выверенностью подтекстов, содержащихся в предисловии формулировок, может посоперничать только оперативность, с которой на публикацию откликнулись в Москве. В Риме «Записка» была напечатана 9 сентября, в Москве — 10-го. «Памятная записка» была придана огласке в очень экстренном и весьма специфическом режиме, решением этого вопроса должен был заниматься лично первый человек в государстве и партии — Н. С. Хрущев. Только он один мог быть кровно заинтересован в ее публикации. Я это понял позже, соратники Н. С. Хрущева — сразу же. И соответствующим образом отреагировали.

Что же касается причин и обстоятельств скоропостижной смерти П. Тольятти, то она до сих пор вызывает какое-то странное чувство. Как, впрочем, и еще одна смерть, последовавшая за месяц до этого, 11 июля. Морис Торез, лидер другой крупнейшей европейской компартии — французской, скоропостижно умер, находясь на борту советского теплохода «Литва», на котором он отправлялся на отдых в Ялту. Симптомы были очень похожими: пораженными оказались сразу обе сосудистые системы — сердечная и мозговая.

Такое в случаях естественной смерти бывает весьма редко. П. Тольятти и М. Торез были соратниками, друзьями, единомышленниками. На их идейно-политическом наследии взошли ростки «еврокоммунизма», доставившего КПСС в 70-е и 80-е гг. немало хлопот. ***(Помните ремарку, что Н. Хрущев явно рассчитывал на участие в его «дуэли» с политическими противниками на помощь и участие «секундантов»? Скорее всего, так складывается, ими и должны были стать два авторитетнейших лидера европейских компартий П. Тольятти и М. Торез, — В. Г.).***

В заключение позволю себе историческую бестактность: предположим на минуту, что на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС победили не «сподвижники», а сам Никита Хрущев. Как развитие событий в нашей стране и вообще в мире пошло бы дальше? Ведь замах-то у Хрущева был явно международный, да что там международный — вселенский! Как пелось в Интернационале: «Весь мир насилья мы разрушим…» Мнения на этот счет могут быть разные. Я выскажу только свое собственное.

Если не принимать во внимание детали и нюансы, хотя, как говорят французы, в них-то как раз вся соль, ход событий, безусловно, мог бы ускориться, но наша страна неизбежно вышла бы на тот же самый рубеж,

что и сегодня. Советский Союз все равно распался бы, КПСС размагнитилась, так называемое народное хозяйство вернулось бы в лоно частной инициативы, а Россия вновь стала бы буржуазной страной. То, что не успел сделать Хрущёв, довершил за него Горбачёв…

5.2. Принцип прогностической градации

Выбрав объект прогностического исследования, определившись с его предназначением, необходимо сделать следующий шаг: действовать по **принципу прогностической градации**. Что в данном случае имеется в виду?

Всё, предстающее перед нами, а тем более то, что даёт о себе знать лишь в предварительном порядке, непременно обладает опознавательными признаками и характеристиками. В одних случаях это всего лишь намёк, лёгкий эскиз, контур или, как говорят поклонники мультипликации, «ёжик в тумане». В других — величественный монумент, многоцветное художественное полотно, широкоформатный фильм в голографическом формате.

В методическом смысле всё уже случившееся, происходящее или только предстоящее заявляет о себе посредством **пяти опознавательных стадий**, а именно: **случайность — вероятность — тенденция — закономерность — неизбежность.** Именно в такой последовательности «выстроены» уже упомянутые вначале «Окна возможностей Овертона». Во всяком случае, ход мысли, приведший к сделанному выводу, абсолютно один и тот же.

Принципу прогностической градации по сравнению с другими методологическими собратьями необыкновенно повезло. Он, пожалуй, единственный, которому посчастливилось быть сформулированным в стихах. Один из крупнейших российских поэтов Борис Пастернак поставил способность предвидения в один ряд с творческой гениальностью, а путь к её достижению сравнил с вдохновенным полётом мысли к намеченной цели. Вот как это было сказано:

«Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на ходу,
Один прокладывает выход
Из вероятья в правоту…»

Перечисленные выше стадии научного предвидения в соответствии с принципом научной прогностической градации — **это и есть по сути дела путь «из вероятья в правоту».**

Определение каждой из стадий и переход из одной в другую определяется наличием, содержанием и объёмом причинно-следственных связей.

URSS

На стадии **вероятности**, скажем, достаточно найти всего две-три узловые характеристики, в сочетании с сопровождающими их признаками. При переходе на уровень **тенденции** их число возрастает, скажем, до пяти. На уровне **закономерности** — до семи. Далее уже каждый шаг приближает развитие прогнозируемого объекта к **неизбежности.** Предъявляя прогноз, автор должен определиться, на какой именно стадии это делается. Принцип прогностической градации выступает в данном случае как бы организующим компонентом аналитического пространства, разбивая его на проблемно-тематические блоки.

Согласно **принципу прогностической градации** весь объём проделанной исследовательской работы я решил расположить в аналитической последовательности, начиная с постановки основных прогностических задач и завершая историческими перспективами, которые нас ещё только поджидают. Так сформировалась идея о пяти аналитических блоках, в которых в логическом порядке выстроены наиболее важные прогностические публикации.

Блок первый содержит материалы, относящиеся к исследованию коренных причин и объективных предпосылок политических перемен, наступивших в СССР с приходом к власти М. Горбачёва. Надежды, связанные с возможностью обновления КПСС и демократизации советской власти в процессе инициированной им «перестройки» развеялись очень быстро, появлялось всё больше признаков, что коммунистическая партия и советская власть теряют почву под ногами, а Советский Союз расползается по швам.

В итоге страна оказалась перед лицом полного политического краха и необходимостью искать новую парадигму исторического возрождения. Под воздействием общественных настроений, порождённых возникшей ситуацией, были написаны стартовые прогностические работы, не утратившие своего значения по сей день.

Это — **«Объективная логика политического краха Горбачёва»**[32], **«Если бы Августовского путча не было, его следовало придумать»**[33], **«Быть России имперской»**[34], **«И всё-таки имперской России быть»**[35].

Блок второй я называю «десятилетием погони за неведомым», оказавшимся абсолютно нерезультативным в точки зрения созидания. Страна в период с 1991 по 2000 гг. как бы задалась целью воплотить воочию сказочную прибаутку, предписывающую «пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю, что». Формально любые попытки что-либо предпринять или

[32] «НГ», 07.03.1991.
[33] «НГ», 29.09.1991.
[34] «НГ», 23.07.1993.
[35] «НГ», 17.09.1993.

ИГСО

хотя бы объяснить, мотивированные демократическими установками на построение более благополучной Новой России.

На поверку создание нового оборачивалось лишь разрушением старого, к наиболее убедительным прогностическим публикациям той поры я отношу статьи **«Эх, недотёпы… Человека-то забыли»**[36], **«Геннадий Бурбулис ведёт свою игру. На кон поставлена судьба страны и президента»**[37], **«Пора ломать судьбу, а не менять политиков»**[38], **«Кремлёвская распасовка»**[39], **«Ельцин на третий срок не пойдёт. Даже по приговору Конституционного суда»**[40].

Третий блок, почти полностью выпавший на время путинского президентства, в прогностическом сборнике, вышедшем в свет в 2005 году, назван «имитационным». Все эти годы В. Путин очень умело делал вид, что глубоко озабочен судьбой страны. Я говорю «делал вид» не в упрёк, а, наоборот, в интересах очень важной аналитической констатации. В истории порой случается, что умение «делать вид» и есть самая серьёзная, для большинства людей, чаще всего, недоступная работа.

На рубеже 2000 года судьба России оказалась в такой ситуации, что её будущее зависело от того, будет или нет найден на роль лидера страны человек, умеющий не решать и управлять, а именно «делать вид». К поискам такого человека я, конечно, отношения не имел, это заслуга других людей, а вот от рискованной попытки разглядеть в нём будущего президента и публично сформулировать мысль о его функциональном политическом предназначении, отрекаться не стану. Была такая успешная попытка, воплотившаяся в целую книжную главу под названием «Исторический приговор: семь лет имитации».

Больше всего в этой главе я ценю первую публикацию, где идея о предстоящем имитационном цикле в процессе реформирования страны в главных своих компонентах, хотя и в аллегорической форме, но всё-таки уже была сформулирована. Вот как это выглядело в публикации **«Отчизна — мать в предвкушении нового мученика»**[41]:

«Когда разговор переходит в конкретную плоскость, то чаще всего ищут кандидата в диктаторы. А это коренная ошибка. Сама по себе диктатура, а главное, её функционирование — процесс рациональный, прагматический, но для её установления нужен душевный порыв. сплачивающая идея. Пусть простенькая, не обязательно с мобилизующим потенциалом. Вроде «Ребята, наших бьют». Без неё никак не обойтись.

[36] «НГ», 06.06.1992.
[37] «НГ», 30.11.1993.
[38] «ЛГ», № 45, 11.1997.
[39] «ВЕК», № 44, 11.1997.
[40] «ВЕК», № 5, 12.1997.
[41] «НГ», 12.11.1999.

Случись такое, тогда, быть может, и Лебедь вновь взмахнёт крылом и, чем чёрт не шутит, долетит до Кремля. Но пока такой сюжет — всего лишь полёт политологической фантазии. Главной предпосылки её реализации — мученика — ещё нет. Во всяком случае, пока. Нужен, ох, как нужен России новый царевич Дмитрий.

В конце концов, не исключаю, что сама же наша власть о появлении такой жертвы и позаботится. Обязательно её где-нибудь отыщут, выпестуют и нам предъявят. В Кремле не могут не прийти к диалектическому пониманию того, что сохранить за собой власть можно только через отрицание её. При желании нетрудно назвать несколько наиболее вероятных примеров, как такое может случиться. Не делаю это по двум причинам: во-первых, из опасений быть обвинённым в подстрекательстве; во-вторых, по соображениям политических суеверий. В России сбывается именно то, чего меньше всего хочется. Но без мученика нам всё равно не жить, из нынешней общественно-политической смуты не выкарабкаться. На него, горемычного, вся надежда.

Выборы в Государственную Думу мученика нам ещё не предоставят. При всей масштабности парламентской избирательной кампании она всё-таки остаётся политической массовкой. Претендент на терновый венец объявится скорее всего ближе к лету, когда политическая атмосфера в стране достигнет максимального накала. Настоящие жертвы приносят только на алтарь власти реальной, а не показушной. Но очертания мученика уже начинают проступать на газетных плащаницах».

Все последующие прогностические публикации о В. Путине и его политических превращениях, и перевоплощениях попадали в цель только потому, что в самом начале была угадана его ключевая политическая способность — умение соответствовать вызову времени. Нужен мученик? Будет мученик! Нужен защитник? Будет защитник! Нужен «могильщик»? И за этим дело не станет! Если человек доказал, что умеет «делать вид» в главном, можете не сомневаться, он умеет и всё остальное. Был бы запрос.

Блок четвёртый по времени охватывающий недавнее прошлое, время нынешнее и разумно обозримое грядущее, объединяет публикации, посвящённые обоснованию весьма неоднозначно воспринимаемой общественным сознанием идеи об утрате демократией своего управленческого потенциала и вытеснению её более эффективными механизмами принятия и реализации решений. На эту тему написаны десятки статей, высказаны сотни соображений. В двух прогностических сборниках от 1999 г. и 2005 г. «Глас вопиющего в пустыне…» и «Я знаю Who is Putin и что есть Россия» ей посвящены целые разделы. В тексте нынешней книги сошлюсь лишь на публикацию, которую в контексте принципа прогностической градации считаю ключевой, в методическом смысле наиболее показательной.

Это работа 2008 года **«Что, как и почему после В. Путина»**, целиком посвящённая формированию в России взамен не оправдавшей надежд демократии управленческого режима утилитарно-прагматического авторитаризма, способного стать прологом к формированию в стране принципиально новой политической системы, основанной на сочетании эффективно действующей вертикали исполнительной власти и повелительной горизонтали народного самоуправления.

Пятый блок — дань моей главной прогностической идее — перспективам становления в стране системы народного самоуправления, где я, конечно, не посягаю на описание деталей и каких-то конкретных форм. Чаще повествование ограничивается указанием на несоответствие существующих организационных, нормативно-правовых, административных форм нашего существования фактической природе и запросам человеческого бытия. Ближе всего, из того что уже написано на эту тему, могу назвать заключительную главу из прогностического сборника 2005 года **«Бороться надо не за власть, а с властью»** и некоторые тематические аспекты книги нынешней.

Наведение арифметического порядка в прогностической работе имеет для меня очень важное методологической значение, арифметика всюду, где она применяется, как говорил М. Ломоносов, мозги в порядок приводит. Подведение прогностических итогов в этом смысле не исключение. Аргументы и суждения, выстроенные в логической последовательности без всяких дополнительных ухищрений, начинают обладать гораздо большей убедительностью, чем просто сваленные в кучу.

Признаки прогнозируемого будущего на стадии случайности практически не обладают необходимой, доказательной чёткостью и неизбежно будут восприниматься, как некие гипотетические предположения, версии, фантазии. Даже в случае, если впоследствии выяснится, что грядущее с первого взгляда было предсказано абсолютно точно. Но тогда всё равно эту заслугу спишут либо на интуицию, которая непременно присутствует в любом научном открытии, но это признаётся лишь задним числом, либо на угадывание.

Тем не менее, исследователю, посягающему на научное предвидение, любую целенаправленную попытку разглядеть в случайном закономерное каким-то образом надо обязательно зафиксировать. Это может быть публичное выступление, заметка в газете или журнале, даже запись в дневнике. Но об этом речь чуть позже в соответствующем разделе.

А пока нам ничего не мешает признать, способность разглядеть в случайном закономерность, а, быть может, и неизбежность, на самом деле, является величайшим научным достижением. Правда, как свидетельствует реальная жизнь, ожидать такого признания приходится десятилетия, а то и столетия. Это только вслед за К. Марксом начнут повторять, что самым убедительным сертификатом научности является именно сбывшийся прогноз. Но пока предвидение ещё не сбылось, оно никому ничего не доказы-

вает, а когда сбылось — в практическом смысле, к сожалению, кроме специалистов мало кого интересует.

В качестве хрестоматийного иллюстративного примера методического подхода к научному предвидению, прошедшему все опознавательные и доказательные стадии — от случайности до неизбежности, — может быть предъявлено открытие Америки.

Вероятность её открытия, по сути дела, появилась уже тогда, когда люди стали выходить в море, сначала на шлюпках, потом — под парусом. В стадию **тенденции** перспектива её открытия перешла, когда дальность морских походов серьёзно увеличилась благодаря усовершенствованию морских судов, возможности иметь на борту запасы питьевой воды и питания, умению и способности ориентироваться по звёздам и солнцу в открытом море.

В стадию **закономерности** открытие Америки перешло, когда в распоряжении морских путешественников уже были навигационные приборы высокого уровня, усовершенствованная картография, и как результат, — способность совершать трансокеанские рейды. И, наконец, в стадию **неизбежности** — когда свидетельства о существовании т.н. «новой Индии» перестали восприниматься как сенсация. Перед Христофором Колумбом была поставлена задача — достичь этой неведомой земли. То, что роковые навигационные ошибки способствовали ускорению решения этой задачи и вывели не на «новую Индию», а на Америку, решающей роли не играет. Они, как и любое другое исключение, подтверждают правило: в силу объективного стечения обстоятельств, расширивших зону **вероятности** до **закономерности,** открытие Америки было уже не только неизбежно, но и **неотвратимо.**

Естественно, на фоне этого красноречивого исторического примера трудно подобрать что-либо подобное из текущей политической практики. А из времён минувших не так давно, пожалуй, можно. Речь пойдёт о сюжетах весьма примечательных, да и о людях очень колоритных и знаменитых. О великом англичанине У. Черчилле и нашем соотечественнике Н. Бердяеве.

В контексте прогностических заслуг У. Черчилля не стану вспоминать его пророчество о неизбежной гибели великой Октябрьской социалистической революции в России. В научном смысле мне представляется гораздо убедительнее другой пример, связанный со знаменитой Фултонской речью, прозвучавшей в марте 1946 года. В день 60-ой годовщины этого события я опубликовал в Интернете материал под названием **«Глобальный прогноз Черчилля»,** перепечатанный затем в нескольких десятках зарубежных изданиях.

В той речи Черчилль настаивал: «*мир будет прочным тогда, когда мы во главе с США будем обладать огромным превосходством, чтобы использовать его в качестве устрашения*». Так были заложены основы

построения «однополярного мира», в котором на опорном полюсе находились бы США во главе своих союзников, а на другой — все остальные страны, независимо от того — социалистические или капиталистические, богатые или бедные, демократические или тоталитарные, близкие или далёкие.

Только так, считал У. Черчилль, можно было противостоять одержавшему победу над нацизмом Советскому Союзу, открывшему, тем самым, себе путь к мировому господству. Таким развитие послевоенных событий виделись У. Черчиллю.

Фултонская прогностическая доктрина, можно было бы считать, на сегодняшний день сбылась полностью. Если бы не одно весьма деликатное обстоятельство. Даже Черчилль не мог предполагать, что социалистическое государство, родившееся в России в октябре 1917 года, по его мнению, обречённое на погибель, падёт не перед лицом западной мощи, а будет задушено руками наследников революции.

После победы СССР во Второй мировой войне, после создания ядерного и водородного оружия, которое должно было обеспечить существование советской власти на века, после запуска первого человека в Космос и кучи других так называемых достижений социализма. Такой итог не мог, казалось бы, привидится в самом страшном фантасмагорическом сне.

И только наш соотечественник, его имя названо вначале, Николай Бердяев описал предстоящий исторический кошмар практически в деталях и лицах. В **«Размышлениях о судьбе России»,** увидевших свет в начале 20-х годов XX веков, он писал: «*В русской революции уже появился молодой человек во френче, гладко выбритый, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Он заявляет себя хозяином жизни, строителем будущего России. Старые большевики, русские революционеры-интеллигенты боятся этого нового типа, предчувствуя в нём гибель коммунистической идеи. Но они должны с ним считаться. Чека тоже держится этими молодыми людьми. Это новый русский буржуа, господин жизни, но это не социальный класс, это, прежде всего, новый антропологический тип. Если эти «новые русские буржуа» победят, они окончательно загубят душу России, при них она станет вульгарно-буржуазной страной, настоящим мещанским царством, каким прежде никогда не была*»[42].

И ведь что самое удивительное: через восемьдесят с лишним лет портрет, нарисованный Н. Бердяевым силой философско-прогностического воображения, был воспроизведён практически с натуры человеком, на протяжении нескольких лет принадлежавшим к политической обслуге высшей кремлёвской власти. Я имею в виду В. Суркова, который то объя-

[42] Бердяев Н.А. «Новое средневековье», Феникс — ХДС пресс. М., 1991.

HDS PRESS

вится среди особо приближённых помощников В. Путина, то Д. Медведева. Желающим предоставляется возможность сравнить оба изображения — провидческое Н. Бердяева и написанное с натуры В. Сурковым.

«Одно из самых важных достижений 1990-х годов состоит в том, — отмечал в одном из своих выступлений перед партийным активом «Единой России» В. Сурков, — что даже в этот достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробились по-настоящему активные, стойкие, целеустремлённые и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации».

На мой взгляд, воображаемый портрет, нарисованный Н. Бердяевым, и практически автопортрет кисти В. Суркова (помощник В. Путина) сегодня не отличишь. Что в фас, что в профиль. «Новый антропологический тип», кисти Н. Бердяева как две капли воды, похож на представителей «нового ведущего слоя нации», пробившихся по словам Суркова, к ведущим позициям в 90-х годах в «зоологический период развития России»[43].

Провидческие этюды У. Черчилля и Н. Бердяева, сумевших по одним лишь робким намёкам, казалось бы, не дающим оснований для определения даже гипотетической вероятности указать на исторические неизбежности мирового развития, представляют собой достижения уникального прогностического уровня, наглядный пример способности человеческой мысли пронзить время и процесс развития событий насквозь — от случайности до неизбежности.

И всё-таки, как это ни горько сознавать, каждый сбывшийся прогноз сопровождается, как правило, двойным огорчением и тройным разочарованием. Во-первых, верх почти всегда берут предвидения пессимистические, во-вторых, почти никогда никем ничего не делается, чтобы нежелательное развитие событий предотвратить или хотя бы смягчить. В-третьих, фактически никакие, ни научные, ни практические уроки из происходящего не извлекаются. Так и хочется воскликнуть, обозрев доступное аналитическому взору историческое пространство: «О поле, кто тебя усеял старыми граблями?»

Опираясь на личный опыт, могу сказать, абсолютно все попытки научно-практического предвидения с целью предотвратить или хотя бы смягчить негативные последствия принимаемых или неприменимых решений, оказывались безуспешными.

Иногда по причине того, что у заинтересованных сторон не оказывалось необходимого ресурса, чтобы попытаться перспективу негативного развития событий предотвратить, но чаще потому, что развитие событий уже обрело необратимый характер, достигнув по шкале прогностической градации стадии закономерности, а то и неизбежности.

---

[43] Из выступления В. Суркова перед партийным активом «Единой России», 2006 г.

URSS

Рискну высказать предположение, любая страна, вознамерившаяся определить, насколько в своём развитии, имея в виду его благоприятные аспекты, отстаёт от себя самой, очень скоро выяснит — ровно настолько, насколько она оказывается позади собственной научной прогностической практики. На круг выходит лет десять-пятнадцать, а бывает, что и несколько десятков лет.

Разделив в соответствии с принципом прогностической градации аналитическое пространство на проблемно-тематические блоки, я по сути дела нанёс сокрушительный удар по собственной авторской активности. С научной точки зрения абсолютно отпала необходимость оперативного реагирования на происходящие события, порой даже самого сенсационного свойства.

После того, как я на собственном опыте убедился, что объяснение всему случившемуся легко обнаруживается в материалах, размещённых внутри того или иного проблемно-тематического прогностического блока, мне не оставалось ничего другого, как работать на опережение. Иначе было не избежать скатывания к демонстративному аналитическому занудству: «А я предупреждал».

Как только я это осознал, моя творческая работа превратилась из кабинетно-аналитической в лабораторно-испытательную. Понятно, что на свет таких материалов появляется немного. Как и положено, в лабораторных количествах. То есть в штуках. Из числа наиболее свежих назову последний, крайне актуальный — **прогностический комментарий «Сегодня Медведев с Путиным. Завтра Путин с Медведевым», размещённый на Интернет-сайте Forum MSK.ru 13 ноября 2010 года,** то есть ровно за год до момента официального объявления, кто именно из правящего тандема пойдёт на президентские выборы в качестве кандидата.

Открою небольшой секрет, публикация в Интернете появилась вовсе не потому, что меня интересовал вопрос, к тому времени активно обсуждавшийся в прессе и в экспертном сообществе: кто же всё-таки будет участвовать в президентских выборах, в качестве кандидата Путин или Медведев. Здесь, как я тогда считал и сейчас продолжаю считать, всё было заведомо ясно.

Не для того В. Путин, восемь лет находясь у власти, законодательно и административно выстраивал систему управления страной, чтобы потом не воспользоваться достигнутым результатом для реализации планов, намеченных на перспективу. В рамках затронутой темы присутствует ещё несколько моментов, а именно: о предпосылках трёх персональных конфликтов Кремля — с президентом Белоруссии А. Лукашенко, мэром Москвы Ю. Лужковым и министром финансов А. Кудриным, состояние внутрипартийных и международных отношений, предстоящих изменений конфигурации власти и её переход от выборов президентов к их ротационной смене друг друга.

А сверх того — о перспективах создания в стране по инициативе В. Путина в канун парламентских и президентских выборов **Общероссийского Народного Фронта**, замене прежних предвыборных платформ на развёрнутые Народные программы, намеченные на годы президентского правления.

Предполагалось, по всей вероятности, что все эти шаги придадут более высокий политический статус, как самим выборам, так и выдвиженцам в депутатскую и президентскую власть. Иными словами, уже в ноябре 2010 года, судя по совершенно очевидным признакам, можно было предполагать, что В. Путин планирует выйти на президентские выборы не просто как кандидат от правящей партии «Единая Россия», а в роли национального лидера, способного одержать над всеми своими соперниками сокрушительную победу.

В заключение раздела о принципе прогностической градации ещё одно замечание, связанное с воздействием этого принципа на сам творческий процесс научного предвидения.

Действующий в соответствии с принципом прогностической градации исследователь неизбежно оказывается в ситуации, когда любое событие, факт или обстоятельство ему приходится размещать в соответствующей ячейке внутри аналитической системы, методически очень схожей со знаменитой периодической таблицей Д. Менделеева.

Реагирование на происходящее как на сенсацию для профессионального эксперта являются проявлением вульгарного прогностического тона. Он обязан либо предъявить убедительные доказательства, что случившееся для него никакой не сюрприз и не секрет, а лишь обойдённый по тем или иным причинам прогностическим вниманием ход, либо признаться, прежде всего самому себе, что в деле прогностической практики никакой он не «спец», а обычный дилетант, гадающий на кофейной гуще и пишущий вилами на воде.

Именно под воздействием требований, ориентированных на принцип прогностической градации, я при накоплении эмпирического материала вышел на мысль о необходимости закладки на будущее своеобразного прогностического резерва, сформированного не по признакам непосредственной, а гипотетической актуальности. Так, например, в «Политическом журнале» появились на свет в 2004 году две публикации с прицелом на их тематическую востребованность лет этак через шесть-восемь, а то и десять.

В первой из них было высказано соображение, что очень *вероятно* в практику российских выборов, особенно президентских, будет внедряться проблема, заостряющая внимание взаимоотношениях власти и церкви. Причём, не с одобрения или поощрения самой церкви, а как бы ей вопреки, что заранее побуждает её со всем своим духовно-нравственным потенциалом и авторитетом встать на сторону электоральной креатуры Кремля.

ИРСО

В открытую это сделать церковь, и её иерархи не могут, у нас всё-таки не фундаменталистское, а светское государство, где церковь и власть доктринально друг от друга отделены. Но, по сути, конечно же, прочно связаны. Это обстоятельство закономерно должно было привести к тому, что с обоюдного патриарше-президентского согласия, нельзя исключать и консультативной договорённости, в контексте президентских выборов из раза в раз будет появляться кремлёвско-патриарший сюжет.

Подчёркиваю, приведённые выше рассуждения не сегодняшние, а семилетней давности, когда идея о президентско-церковном сюжете предъявлялась всего лишь в ранге прогностической вероятности. Не более. Но реализация такой вероятности подтвердилась гораздо раньше, чем можно было ожидать. Уже во время подготовки к президентским выборам 2008 года. Вспомним историю с Григорием Грабовым, заявившего накануне предстоящих выборов о себе сразу в двух ипостасях — второго пришествия Христа и кандидата в российские президенты. И аналогичный церковно-цирковой трюк в 2011 году с самовыдвижением на тот же самый государственный пост Ивана Охлобыстина, экранного шута и по совместительству православного священника.

В методических целях считаю очень полезным ознакомить читателей с текстом статьи, увидевшей свет в «Политическом журнале» в 2004 г. под названием «Президент милостью божьей». Вновь его воспроизводя в контексте нынешней ситуации, советую обратить внимание на выделенные в тексте жирным шрифтом места, в прогностическом смысле отсылающие читателя из 2004 в 2008 и даже в 2012 годы.

«В первую ночь после президентских выборов-2004 Владимир Путин признался: о том, кто придет ему на смену, он начал думать с того самого дня, как только в марте 2000 г. занял президентское кресло. Присутствовавшие на полуночной пресс-конференции журналисты дружно хмыкнули, посчитав сказанное характерной путинской шуткой. Напрасно.

В такой стране, как Россия, пускать процесс перехода власти из рук в руки на демократический самотек было бы катастрофической ошибкой. У нас это, как свидетельствует опыт, ни к чему иному, кроме смуты и раздрая, не приводит. Звездный час демократии остался в прошлом, а на первый выдвинулись задачи эффективного управления, решение которых присущий демократии механизм «сдержек и противовесов» обеспечить не в состоянии.

На рубеже 2000 г. радикальной модернизации была подвергнута сама система преемственности верховной государственной власти. Президентские выборы, в результате которых во главе государства оказался Путин, уже тогда ничего общего со штатно-традиционной демократической процедурой не имели. Они больше напоминали обычную практику династической передачи власти.

ИРСЕС

Выход на политическую арену нынешнего президента стал олицетворением радикальной качественной перемены — политика Кремля перестала быть импульсивной, обрела признаки предсказуемости, в ней стали прослеживаться закономерные причинно-следственные связи, появилась возможность говорить об объективной логике поведения российской власти.

Главная сложность в отношении оценки эффективности Путина состоит в парадоксальности его предназначения. На его долю, если судить по объективному содержанию исторического периода, когда ему пришлось возглавить государство, выпала довольно странная роль: властвовать, но не править. Для перехода к созидательной деятельности не было ни сил, ни средств, ни кадров. Востребованной оставалась только одна роль — быть главным политическим мистификатором. С точки зрения конкретного политического содержания смысл мистификационного цикла сводился к необходимости зачистки политического пространства. Прежние лидеры политических партий сникли сами по себе, их авторитет в глазах населения упал, реальное влияние представительных органов власти — Государственной думы и Совета Федерации — тоже.

Исполнительная власть в лице правительства и администрации президента тоже оказалась в роли пасынка. Обе структуры по инициативе президента были подвергнуты реконструкции, в результате которой, вместо того чтобы укрепиться в своем административном статусе, в глазах населения изрядно пострадали. На них стали смотреть как на нерадивых подручных, которые не столько помогают, сколько мешают президенту.

Президент эти настроения умело поддерживал, явно с прицелом на тот момент, когда и Думу, и правительство нужно будет «уронить» покрупному. Когда именно пробьет роковой час, зависит от того, насколько продуктивно будет идти переформирование духовно-нравственной атмосферы общества.

Все нужно сделать таким образом, чтобы нынешний президент в результате как минимум не пострадал, а быть может, еще и выиграл. Но, чтобы это случилось, потребуется реализовать еще один проект, ничуть не уступающий по своим творческим параметрам проекту прихода к власти самого Путина. Существует ли такой проект? Не знаю, как на бумаге, а вот в жизни, судя по целому ряду признаков, предпосылки для его реализации начинают складываться.

Во-первых, в преддверии перехода России к новому этапу развития и перемены власти радикальной стерилизации подверглась партийно-политическая система страны. Очень серьезный урон понесли КПРФ, «Яблоко» и СПС. «Яблоко» и СПС вообще на этот раз в Думу не попали. КПРФ из ведущей думской фракции превратилась в «депутацию статистов». Вроде бы одержавшие победу «Единая Россия» и партия

«Родина» сами себя поставили в такое положение, что соперничать с президентом оказались не вправе.

Во-вторых, не вызывает сомнения, что от серьезного участия в выборах, не только президентских, но и вообще любых уровней, отсечено бизнес-сообщество. Власть никаких посягательств на свои права со стороны «денежных мешков» не допустит.

В-третьих, если бы предусматривалось, что президент-2008 будет избран по канонам традиционной демократической процедуры, то мы бы сегодня прекрасно ориентировались в списке реальных кандидатов на этот пост. Политического состязания «голова в голову», по тбилисскому или киевскому сценарию, хотя и на Западе, и в России есть силы, в этом весьма заинтересованные, у нас постараются не допустить. Отныне никакой другой политической победы, кроме безоговорочной, в России не будет.

Можно не сомневаться, что именно такую победу готовят и для преемника Путина. Но среди нынешних президентских сподвижников подходящей фигуры нет. Тогда возникает вопрос: что же это за проект, что за кандидат, которому на президентских выборах предстоит безоговорочно победить? И возможно ли это? Конечно, возможно. Ведь победил же Владимир Путин в 2000 г. Почему бы такому не случиться еще раз? Хотя ведь и задача стоит покрупнее. Нужно не только кандидатуру подобрать, но и страну к крутому повороту событий подготовить. От чего здесь отталкиваться, где и среди кого искать?

Страна и ее граждане стоят сегодня перед необходимостью не столько социально-экономического и общественно-политического, сколько морально-нравственного, духовного возрождения. Животворный источник нужно искать только там, где его люди сами ищут. А это сегодня — религия, вера, возвращение к нравственным и духовным традициям предков, историческим памятникам и реликвиям, вообще неразрывная связь времен. Никакой другой сплачивающей силы, кроме обращения к духовному наследию нации, абсолютно не просматривается.

Уверен, люди, отвечающие за концептуальное оформление политтехнологического проекта «Президент-2008», мыслят именно в таком ключе. Им совершенно ясно, что любое соперничество и состязание на поле политических инициатив не принесет желаемого результата. Никакие самые замечательные деловые и человеческие качества государственных и общественных деятелей симпатий к себе не привлекут.

Иными словами, в стране сложилась ситуация, когда приходится исходить из того, что на этот раз важнейшую политическую задачу по подготовке и успешному проведению выборов главы государства придется решать неполитическими средствами и методами, без привычных схем и процедур, которыми обычно сопровождаются такого рода действия.

UPSES

По этой причине нисколько не удивляет возросшая в последнее время активность православной церкви. Позиция церкви не только воплощает в себе конфессиональную приверженность нравственному идеалу, но и становится как бы воплощением национальной совести, центром притяжения здоровых сил. Один мой старый и мудрый знакомый говорил: героизм — это порыв души, к которому себя надо готовить заранее. Действия православной церкви, в моем восприятии, и являются как раз тщательной и осознанной подготовкой к вызову времени, который потребует поведения, равного героическому.

Но если это понимает церковь, значит, должны понимать и другие наши современники. В том числе те, кто отвечает за формирование властных структур и концептуальное обеспечение государственной политики. ***Для них было бы очень кстати, если бы на будущего кандидата в президенты очень ненавязчиво, но вполне определенно указала церковь. Но сделать это будет нужно таким образом, чтобы выдвижение кандидата не выглядело венчанием на царство. Соглашение о том, что богу богово, а кесарю — кесарево, должно остаться в силе. Важно, чтобы власть и церковь к решению этой исторической задачи шли одновременно с двух сторон навстречу друг другу: президент обеспечивал полное обновление политических элит, церковь в нужный момент помогла президенту подобрать подходящего преемника.***

Достаточно дать ориентир, сигнал, выделить подходящего человека из общей массы. Скажем, такого, который при удачном стечении обстоятельств достойно себя проявил, продемонстрировал именно те душевные и нравственные качества, которые могли бы в нынешних условиях быть мобилизующим примером. Не удивлюсь, если имя будущего Минина или Пожарского нынешнему президенту уже известно. Вот только время для его явления народу еще не пришло.

Однако сценариев, как это может быть сделано, немного. Ведь речь в данном случае идет не о личности, способной управлять государством — подобрать кандидата даже на высший государственный пост не такое уж сложное дело, — нужно вдохнуть новые силы в само государство, вернуть ему доверие граждан, побудить их к сплочению вопреки существующему социальному неравенству, разноречивым интересам, политическим разногласиям и прочим претензиям, которых за годы реформ у людей к властям и к друг другу накопилось достаточно. И все это нужно сделать так, чтобы олицетворением процесса консолидации стала сама личность, чтобы люди «с первого взгляда» признали в человеке национального лидера. Пусть сначала морального, нравственного, а потом и государственного…

В прежние времена появление в России таких личностей всегда было связано с серьезной внешней угрозой, с посягательством, как сейчас принято говорить, на ее национальный суверенитет. Приводить примеры

нет необходимости по причине их хрестоматийности. Похожий исторический контекст складывается в России и сейчас. Общественное мнение уже воспринимает как данность то обстоятельство, что страна стоит на пороге новой отечественной антитеррористической войны, которая страшна не столько масштабами, сколько изнурительным психологическим гнетом. Поражающий эффект ожидания взрывов и диверсий оказывается гораздо разрушительней самих взрывов и диверсий.

Чтобы победить в любой войне, в том числе и войне антитеррористической, нужны герои. Если нет героев, не бывает побед. Тем более в войне, где речь идет не столько о силе оружия, сколько о силе духа. Спрос на появление героя «нового типа» становится в нынешней России, по сути дела, исторической потребностью. Появится он — появится и возможность не только победить в войне, но и разрубить тот гордиев узел противоречий и проблем, которые накопились в стране за минувшие пятнадцать реформаторских лет.

От кандидата на роль нового российского героя вовсе не жду героического самопожертвования по примеру Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло. Нынешнему российскому обществу нужен человек, внятно и убедительно сформулировавший мысль, способную стать своеобразным паролем народного сплочения, которая помогла бы людям избавиться от животного страха за свою жизнь и жизнь близких, убедить их в возможности не только противостоять терроризму, но и победить его.

Я связываю условия и момент появления такой личности с положением дел на фронтах антитеррористической войны. Заветные слова будут нести на себе именно ее печать. Это может быть сделано на каком-нибудь форуме, конгрессе или просто в СМИ. Абсолютно уверен, что первым «опознает» героя православная церковь, именно она укажет на него как на образец «праведной», то есть нравственно оправданной, борьбы с терроризмом. Если это попытается сделать кто-либо другой, есть опасность, что ему или им просто не поверят.

Вполне естественной как по форме, так и по содержанию должна будет выглядеть и та массовая поддержка, которая будет оказана церковью герою антитеррористической войны. Вовсе не исключено, что в его честь по всей России будет организован православный «крестный ход», в котором примут участие миллионы людей. И это тоже будет возможно только потому, что инициатором вывода на улицы и площади такого количества людей будет православная церковь.

Выводить сегодня на улицы и площади тысячи людей, не подвергая угрозе политическую стабильность, можно только с ее, церкви, благословения. Ее морально-дисциплинарный авторитет на сегодняшний, тем более завтрашний день помощнее административного ресурса будет. Это заведомо избавляет страну от внутренних рас-

прей, политического противостояния, какими обычно сопровождаются массовые митинги и манифестации, если они проходят под политическими лозунгами. События на Украине — красноречивый тому пример. Поэтому сценарий, в котором инициатором массовых акций и выступлений является церковь, а не представители тех или иных политических сил, выглядит гораздо предпочтительней, а главное — результативней для того же государства, от которого церковь как бы отделена.

Нельзя также забывать, что в арсенале нравственного воздействия церкви на сознание, чувства и поведение людей имеются такие уникальные средства, как знамения и другие чудеса. Нельзя исключить, что мы станем свидетелями какого-нибудь нового знамения, которое вмиг перевернет нашу жизнь и наши судьбы. Я лично такого поворота событий вовсе не исключаю. Даже приветствую, поскольку он действительно способствовал бы реализации объективной потребности сплочения страны и людей, содействовал бы переходу России в новую, созидательную фазу развития. Чудеса проявляются именно в те моменты, когда в них есть потребность. Это — закон жизни.

Как это скажется на президентских выборах 2008 г.? Уверен, самым положительным образом. Хотя и повлечет за собой некоторые неизбежные переакцентировки на властном верху. Президентом при таком развитии событий, скорее всего, окажется человек, за которым избиратели признают не столько авторитет власти, сколько авторитет нравственного эталона. В результате Россия получит нового президента, активно поддержанного улицей, но это будет президент не от политики, а как бы божьей милостию. Этого сценария при всем старании никакими бархатно-цветочными революциями не перешибешь.

Что касается управленческих полномочий, то они совершенно естественным образом перекочуют к правительству (если для этого потребуются небольшие конституционные поправки, они легко будут произведены). А вместе с этими полномочиями из президентского кресла в кресло премьерское перекочует сам Владимир Путин… Не уходить же, в самом деле, из государственной политики в расцвете лет полным сил, да еще с багажом такого уникального опыта, который он накопил за два президентских срока. В результате нынешняя президентская республика вполне может превратиться в премьерскую. У нас ведь не место красит человека, а человек место. Так что прямые, премьерско-президентские, и обратные, президентско-премьерские, «рокировочки» вовсе не исключены. Разница только в сценариях».

Итак, по прочтении статьи, зададим себе вопрос, по-моему, отнюдь не праздный: случайно ли, в преддверии президентских избирательных кампаний среди кандидатов на высший пост государства появляются претен-

денты в президенты вроде бы не от мира сего — в 2008 г. Григорий Грабовой, в 2012 г. Иван Охлобыстин?

Уверен, что нет. В нынешней России без темы церковь и государство в президентской кампании не обойтись.

В первых двух случаях дело ограничилось двумя шоу-кандидатами, появление которых на свет среди претендентов на президентское кресло больше смахивало на политтехнологический аттракцион, но совсем недавно протоирей Чаплин, один из высших представителей Московской патриархии, выступил с инициативой создания православной партии, то есть с прямой заявкой на участие в протекающих в стране политических процессах. Выходит — экзотическая, на первый взгляд, тема, выхваченная в 2004 году на перспективу, обретает конкретные прогностические очертания.

Принцип прогностической градации как таковой, целиком и полностью нацелен на перспективу. Его предназначение, как уже отмечалось, организовать аналитическое пространство в такую систему, чтобы любое событие, привлекшее внимание исследователя, встраивалось в систему прогностических координат в последовательности — **случайность, вероятность, тенденция, закономерность, неизбежность.**

В практическом смысле **принцип прогностической градации** обладает самым высоким коэффициентом полезного действия. Чтобы убедиться в этом, достаточно поставить себя в ситуацию, когда вы уверены, что принимаете решения, основываясь не на надеждах, желаниях или предположениях, а со знанием дела, ориентируясь на научно-аргументированные перспективы развития событий.

Такой подход не только в житейском, бытовым, но и цивилизационном смысле является самым эффективным с точки зрения продуктивной экономики основных исторических ресурсных сил, средств и времени. К сожалению, отсутствие навыков конструктивного использования результатов научного предвидения, пренебрежение прогностическими рекомендациями не позволяет эффективно использовать этот потенциал.

Так было в прошлом, так остаётся и по сей день.

Как уже было отмечено, великий российский учёный В. И. Вернадский в самом начале XX века провидчески указал, что Россия имеет все предпосылки к тому, чтобы в стране сформировалась подлинно народная система самоуправления, способная обеспечить стране благоприятное общественно-политическое и социально-экономическое развитие.

Этому способствовали усилия Вернадского и его соратников, направленные на создание новых университетов и научных академий на территории Российской империи, развитие по горизонтали земского российского движения, активное строительство больниц, школ, выступления Вернадского в Госсовете с учредительными инициативами об автономии школы и университетского образования, о расширении контроля над судебной

системой, как и организация широкой общественной помощи голодающим в российских регионах, начиная с 1880-х годов. Уже тогда развитие самоуправления, представшего благодаря активности В. Вернадского в стадии **научной вероятности.**

Тем не менее, уже тогда эта вероятность могла восприниматься как подлинный исторический ориентир движения в правильном направлении. К сожалению, этого не произошло. Путь к достижению объективно обусловленной идеи народного самоуправления вместо осознанного целенаправленного содействия оказался обременённым упорным сопротивлением и организованным противодействием. Иногда прямого, как это было в 1905 году, когда стихийно возникшие на волне революционных настроений в некоторых городах страны «народные советы» насильно подавлялись и ликвидировались царским режимом.

В 1917 году Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как форма местного самоуправления, появились вновь, но самостоятельно просуществовали весьма недолго. Их подмяли под себя захватившие верховную власть «большевики», исповедовавшие не идею самоуправления, а «диктатуру пролетариата». Формально местные советы просуществовали в России вплоть до распада СССР, подтверждая лишь то, что идея народного самоуправления не утратила своей притягательной силы.

Более того, сегодня есть основание говорить, что она вновь активно заявляет о себе уже не в стадии **вероятности** или даже **тенденции,** а вполне определившейся **закономерности,** выходящей на рубеж исторической **неизбежности** в момент, когда управленческий потенциал представительной демократии, с её иждевенческо-паразитической природой себя окончательно исчерпал.

В результате страна оказалась перед лицом объективно обусловленной необходимости проведения радикальной реформы политической системы, ведущей к замене демократического депутатско-партийного плюрализма новым управленческим механизмом, основанным на предоставлении гражданам России возможности и права непосредственно участвовать в принятии решений.

Единственно о чём в этой ситуации может болеть голова у В. Путина, сокрушительно, как это и предполагалось, победившего на президентских выборах 4 марта 2012 года, это, как сделать так, чтобы не выпустить из своих рук бразды правления самим самоуправлением. Скорее всего, для этого будет использовано его лидирующее положение в созданном по его же инициативе **Общероссийском Народном Фронте**.

Что же касается «Единой России», то ей, по всей видимости, придётся смириться с тем, что даже само понятие «правящая партия» очень скоро вообще исчезнет из политического обихода, что для меня лично не составляло секрета уже в марте 2004 года. Уже тогда соглас-

UPRSS

но *принципу прогностической градации*, я расценивал такую перспективу, как неизбежную.

Я, конечно же, понимал, что с точки зрения политических приличий, постановка вопроса о том, что президент должен стать могильщиком им же самим созданной партии, крамольная и, по правде говоря, до сих пор не перестаю удивляться, как редакция в идейно-политическом отношении вполне уравновешенного журнала, решилась такой материал опубликовать. Меня лишь попросили убрать из материала окончание последней строки. В опубликованном виде она стала выглядеть так: «Мавр сделал своё дело и по истечении отведённого ему Конституцией президентского срока не только может, но и должен удалиться…».

Из статьи по сути дела следовал вывод: если В. Путину не удастся ликвидировать «Единую Россию», в крайнем случае, радикально дистанцироваться от неё, партия потащит его за собой на политическую Голгофу. Сегодня эту статью особенно любопытно перечитать под углом зрения массовых протестных манифестаций, прокатившихся по стране в канун президентских выборов 2012 года. Убедитесь сами.

«Вероятно, Владимира Путина и его сподвижников, не лишенных чувства реальности, победа на парламентских и президентских выборах (пришедшихся, кстати, как раз на середину Великого поста) больше тревожит и настораживает, чем вдохновляет. Во всяком случае, с лица президента давно не сходит маска «озабоченности за Россию», а Борис Грызлов и Сергей Шойгу появляются на людях с выражением лица разочаровавшегося в жизни Кощея Бессмертного. С чего бы? Ведь победили как-никак. Даже сокрушительно.

Не будучи новичками в политике, они прекрасно понимают, что внушительные количественные показатели одержанной победы — 37,7 % голосов на выборах в Государственную думу и 71,2 % на президентских — это лишь политическая арифметика. Высшей математикой в данном случае является определение качественных показателей: какие избиратели и почему проголосовали за Путина и «Единую Россию».

Полной аналогии между голосованием за президента и «единороссов», конечно, нет. В России отношение к партиям и политическим деятелям, олицетворяющим высшую государственную власть, испокон веков было разным. Верховных правителей — царей, генсеков, президентов — уважали гораздо больше. Тем не менее в нынешней ситуации никто не станет возражать, что именно избиратели «Единой России» на президентских выборах были «ядерным» компонентом одержанной победы. Что это за люди?

Избиратели самодостаточные, привыкшие полагаться не столько на власть, сколько на самих себя, обладающие высокими адаптационными качествами, обычно голосовали за СПС и «Яблоко». На этот раз своих представителей в Государственную думу они не провели. Не имеют своих

депутатов в парламенте и те, кто голосовал «против всех». Их костяк — люди, независимо мыслящие и самостоятельно действующие. Получается, что депутатский корпус «Единой России», вокруг которого в нынешней Думе сложилось так называемое «парламентское большинство», представляет интересы людей, ждущих от властей благодеяний и даже чуда. Это обездоленные люди, утратившие надежду самостоятельно справиться с выпавшими на их долю проблемами.

Судите сами. В стране насчитывается 38,8 млн пенсионеров, уровень жизни которых колеблется на грани вымирания. А ведь, по статистике, это самая активная часть избирателей. Примерно 80 % из них регулярно участвуют в выборах. Еще один электоральный резерв «единороссов», особо подверженный воздействию «административного ресурса», — работники бюджетной сферы: 30 млн врачей, учителей, работников учреждений культуры, науки, социального обслуживания. Их средняя заработная плата не превышает 2500 рублей, то есть едва дотягивает до статистического прожиточного минимума.

40 % населения России живет в сельской местности, которую иначе, как зоной бедствия, давно уже никто не называет. Из 89 субъектов Федерации только десять являются «донорами», то есть в экономическом и финансовом отношении считаются вполне полнокровными. Остальные 79 практически состоят на иждивении государства, более 50 из них не в состоянии обеспечить себя даже наполовину. Эта масса обездоленных людей, которых в России насчитывается не меньше 70 млн, составляет социальную базу нынешней российской представительной власти и прежде всего «Единой России». Легко понять, что, опираясь на такую электоральную базу, строить серьезные планы на собственное политическое благополучие нельзя. Это все равно что возводить здание на зыбучих песках. Такая почва уйдет из-под ног, как только станет ясно, что взятые на себя политиками обязательства не подтверждаются конкретными делами.

Правда, многие мои коллеги с такой оценкой не согласны. Они считают, что голосование за «Единую Россию» и за Путина прошло не под знаком минус (обездоленность и безысходность), а под знаком плюс (стабильность и даже подъем). Согласившись с ними, мы оказываемся перед необходимостью ответить, каково качество такой стабильности и такого подъема. Полагаю, не надо объяснять, в чем разница между подъемом к вершине горы и попытками выкарабкаться из пропасти. Мы не можем сбрасывать со счетов тот факт, что реформы, независимо от того, каковы были их конечные результаты, отбросили страну лет на двадцать назад по всем социально-экономическим показателям. Сегодня мы лишь наверстываем утраченное, хвастаться и тем более гордиться здесь нечем.

Да и будущее у нынешнего президента и партии парламентского большинства отнюдь не безоблачно. Страна стоит на пороге серьезных

URSS

проблем в экономике, внешней торговле, финансовой и социальной сферах, морально-политическом состоянии общества. Каждая из них таит серьезные угрозы, предотвращение которых потребует максимального напряжения сил, а может быть, и жертв.

Если принять это во внимание, победные результаты парламентских и президентских выборов не только настораживают, но просто удручают. Хотя бы потому, что победа «Единой России» на парламентских выборах, и победа Путина на нынешних президентских вовсе не являются общим триумфом. Это скорее предвестник разлада президента со своими парламентскими порученцами.

Действительно, что за резон Путину сейчас, когда его политический статус по сравнению с первым президентским сроком изменился (теперь он не опекун «семьи» Ельцина, а полновластный хозяин Кремля и страны), разделять ответственность с партией, которая, во-первых, хотя и победила на парламентских выборах, но ничуть не облегчила лежащую на его плечах ношу. Во-вторых, не только в ходе избирательной кампании, но и после победы «единороссы» не сумели продемонстрировать никаких других качеств, кроме холуйства и угодничества, а этого недостаточно, чтобы стать президенту опорой в сложных ситуациях. В-третьих, и это, быть может, главное, — в «Единой России» при всей ее депутатской многочисленности не оказалось ни одной убедительной политической фигуры, которую можно было бы рассматривать не просто как напарника, а как стратегического преемника президентского курса.

Путину и до нынешней победы приходилось больше ломать голову не над тем, как победить в марте 2004 г., а над тем, к кому перейдет власть в 2008-м. Я абсолютно доверяю его заявлению, что на третий президентский срок он не пойдет. Такое решение придется рассматривать не только применительно к России, а в контексте мирового общественного мнения. По той же причине у нас после Путина вряд ли появится еще один президент-силовик. Еще важнее другое обстоятельство: очевидно, что через четыре года у президента уже не будет той «всенародной» поддержки, как сейчас. По сути дела, он окажется в ситуации, похожей на ту, что сложилась к концу второго президентского срока Бориса Ельцина. Путину тоже, по сложившейся в России традиции, придется искать не столько политический, сколько технологический способ передачи власти своему антипреемнику. Как человек дальновидный, он, если верить его же словам, начал подготовку такой передачи не сейчас, а едва заступив на президентский пост в 2000 г.

Анализируя политические процессы задним числом, как правило, можно установить, что развиваются они не столько по воле политических лидеров — от них исходят только начальные импульсы, — а под действием объективной логики событий. Рассматривая переживаемый на-

ИПРЗС

шей страной перестроечно-реформаторский период, можно убедиться, что складывается он из трех семилетних циклов.

В ходе первого — с 1985 по 1991 г. — энергичному разрушению были подвергнуты идейно-политические основы общества, которое мы называли «развитым или зрелым социализмом». В ту пору были востребованы люди пылкие, романтичные, с неиссякаемой публицистической энергией.

Во время второго — с 1991 по 1998 г. — объектом интенсивной атаки стали социально-экономические основы плановой, командно-административной системы. Для решения этих задач на первые роли выдвигались люди уже совершенно иного плана. Прагматичные, жесткие, даже жестокие, не слишком озабоченные ценой, которую приходилось платить за осуществляемые меры.

Наконец, третий семилетний цикл — с 1998 по 2005 г. — оказался объективно связан с необходимостью смены политических элит, проведением своего рода «зачистки» политического пространства, без которой невозможно перейти к решению задач общественно-политического и социально-экономического строительства. Соответственно задачам этого периода формировались требования к личным и политическим качествам людей, на долю которых выпала роль «чистильщиков».

Прежние романтики и недавние прагматики на эту роль совершенно не годились. Тем более что они обладали общим серьезным «изъяном»: и те, и другие мыслили себя членами команды, искали опору в союзниках и единомышленниках. В нынешних условиях, в контексте запросов времени, эти качества оказались лишними. Взаимные обязательства, идейные и дружеские узы могут лишь осложнить решение насущных политических задач, связанных с радикальным обновлением политических элит.

То, что Владимир Путин активно вовлекает в политику силовиков, никого не должно вводить в заблуждение: он делает это не из дружеских чувств и не в расчете на взаимную преданность. Просто в ведомстве, в котором ему пришлось в свое время служить, лучше, чем где бы то ни было, понимают, что бывают ситуации, когда ближайшее окружение должно состоять не из союзников и сподвижников, а из «козлов отпущения», выращивание которых становится смыслом и содержанием целенаправленной кадровой работы. Рискну высказать мысль, что Путин по отношению к «Единой России» и новому составу правительства действует именно с таким прицелом.

Но вот беда, время стремительно уходит, а стратегическая задача текущего политического момента не только не решена, но толком и не обозначена. Проведена лишь некоторая подготовительная работа — весной при оглашении президентского послания Федеральному собранию прозвучало заявление Путина о намерении сформировать новое, гораздо более амбициозное правительство. Осенью, накануне выборов в Государственную думу, он вновь вернулся к этой теме на предвыборном съезде

ИПРСС

«Единой России». Поблагодарив «единороссов» за совместную работу, президент выразил уверенность, что это продуктивное взаимодействие будет продолжаться.

Большинство моих коллег расценили намерения президента как политический аванс, выданный им своим политическим сподвижникам. Внешне это действительно выглядело так, но скрытый смысл аванса состоял не в том, чтобы демонстративно поддержать «единороссов». Как раз наоборот, Путину уже весной и тем более осенью было ясно, что с новым правительством и новым, на все согласным парламентским большинством каши не сваришь. Нужно было готовить акции по тотальной политической зачистке.

Визит президента на предвыборный съезд «Единой России» заведомо не сулил партийцам благоприятных перспектив. Со стороны Путина это были типичные действия по формуле: «Благословил, чтобы отречься». Следующий шаг (второй элемент этой домашней политической заготовки) не заставил себя ждать. Как только настала пора выдвижения кандидатов в президенты, когда все, и в первую очередь сама «Единая Россия», ожидали, что Путин пойдет на выборы под ее знаменами, «случилось страшное»: он стал самовыдвиженцем, не обременяя себя наперед никакими обязательствами перед, казалось бы, естественным союзником.

Действия президента поставили «Единую Россию» в глупейшее положение — победившая на парламентских выборах партия осталась не только формально, но и по существу за скобками важнейшего на ближайшие четыре года политического события. Даже позиция Партии жизни оказалась более выигрышной. Сергей Миронов хоть и был в мартовской выборной кампании пешкой, но все-таки в свите короля. А фигур от «Единой России» на политической шахматной доске вообще не оказалось. Нетрудно предположить, что дальнейшие действия президента будут развиваться именно в этом ключе — «единороссам» ничего хорошего ожидать не приходится.

Вопрос о полной смене политических элит давно уже стоял на повестке дня, но первый президентский срок у Путина ушел на подготовительные маневры. Решительным действиям мешали обязательства, которыми ельцинский режим повязал его по рукам и ногам. Победив на выборах 14 марта, президент оказался перед необходимостью действовать стремительно, решая грандиозную политическую задачу — прежних, доставшихся в наследство от двух предыдущих разрушительных этапов деятелей оттеснить с политической сцены, а перед новыми, которые никаких деловых качеств, кроме личной преданности, предъявить не могут, поставить непреодолимый заслон.

В этом контексте Путин напомнит о выданных политических авансах и тем, и другим, как только пробьет час. «Видит бог, — услышат от

URSS

него и министры, и депутаты, — я делал все, чтобы вас поддержать. Более того, рисковал ради вас своим политическим авторитетом. А где результаты? Единственно, на что вас хватило, так это на имитацию бурной деятельности под видом осуществления административной реформы и единодушного голосования по вопросам, в решении которых вы не принимаете никакого участия».

Спрашиваете, когда этот роковой час пробьет? Теперь об этом уже можно говорить достаточно определенно. Необходимые контрольные цифры и ориентиры совершенно четко обозначены. 18 марта, в день расширенного заседания коллегий двух ключевых министерств — экономики и финансов, — В. Путин поставил новое правительство «на счетчик». Ему поручено в кратчайшие сроки низвести уровень российской бедности до международных стандартов, принятых для развитых в экономическом отношении стран, то есть до 10–12 %.

Вот только хотелось бы получить внятный ответ на все тот же вопрос: а что будет весить процент нашей бедности по сравнению, скажем, с бедностью американской? В США к беднейшим слоям относят семьи, в которых ежемесячные доходы в пересчете на каждого члена семьи колеблются где-то на уровне тысячи долларов в месяц, согласно статистике, в нашей стране таких «бедняков» насчитывается никак не более 1,5 %.

Сумеет правительство превратить беднейших в богатейших — честь ему и хвала. Не сумеет… В. Путин ему судья. Первые кандидатуры для посадки на кол персональной ответственности, если поставленная задача не будет решена, уже названы — это Г. Греф, А. Кудрин и М. Зурабов. Ну и само собой председатель кабинета министров Михаил Фрадков. Для перенесения стандартов благополучного тридевятого царства, тридесятого государства на российскую почву отведено максимум три года…

Ответчики за прошлые грехи (корни правительственного кабинета, несмотря на некоторые новые лица, уходят в недра предшествующих разрушительных этапов) и виновные в новых, нажитых уже после Ельцина, будут найдены и поплатятся за содеянное. Уверен, народу такой поворот событий понравится. Толпе всегда нравится, когда в жертву приносят не каких-то клерков, а собственных сподвижников и друзей, когда «вдруг» обнаруживается, что они не справляются с делом. Да и «сподвижники» будут в значительной степени умиротворены. Перед президентской карой все будут равны, никому не окажут снисхождения.

Затем последуют болезненные политические пертурбации, с которыми надо поторопиться. Кредит доверия, полученный на президентских выборах, начнет таять, распорядиться им нужно максимально быстро. Не исключено, что президент обратится к народу за поддержкой идеи о перевыборах Государственной думы с целью повышения эффективности

URSS

власти. Предлог для этого будет найден вполне приличный, не кризисный. Даже конструктивный. Скажем, такой. «Неэффективность административной реформы, — заявит президент, — объясняется тем, что реформированию были подвергнуты только структуры исполнительной власти, а структуры представительной оказались нетронутыми, хотя действуют они в духе принципов и методов, обслуживающих единомыслие, а не политический плюрализм. Стране нужно отряхнуть этот прах со своих ног».

Понятно, что суть дела не в том, насколько такие шаги оправданны и целесообразны. Важно впечатление, которое они произведут. Россия, как никогда, нуждается в символе полного политического обновления, своего рода крещении. Миссия Путина в том, чтобы продемонстрировать разрыв цепи преемственности. Без этого совершить переход от реформаторской эпохи к созидательной никогда, нигде и никому не удавалось. Беда тех, кто будет отставлен от политических дел, не в том, что они плохи, просто их никто не пожалеет. Особый эффект этой акции могло бы придать заявление Путина, что на алтарь насущных перемен он приносит не только соратников и сподвижников, но и собственную политическую судьбу. Мавр сделал свое дело и по истечении отведенного ему Конституцией срока не только может, но и должен удалиться…»

В завершение главы о прогностической градации считаю своим правом и долгом в воспроизведённой публикации 2004 года восстановить отточие: «**с *тем, чтобы через четыре года вернуться***». Так статья завершалась в авторской версии. Процитированную строчку по просьбе редакции пришлось тогда снять по вполне понятным соображениям. Но весь предшествующий текст в её существовании не оставляет сомнений.

5.3. Принцип прогностической интуиции

Применительно к прогнозу обращение к **интуиции** — требование коренное. На практике ни одна успешная попытка заглянуть в завтрашний день без интуиции не обходится. Но рекомендаций, где, когда, в каких случаях, каким способом призывать на помощь это уникальное провидческое качество встречать не приходилось. Мне во всяком случае. Все попытки разобраться в этом обычно заканчиваются там, где и начинаются: утверждением «интуиция» либо есть, либо её нет.

Энциклопедические словари свидетельствуют — интуиция является прямым выходом на истину без предъявления доказательств. В евангелистской литературе со ссылкой на высказывание Святого Петра указывается на важнейшее качество интуиции — спонтанный душевный навык «отделять хорошее от дурного». Сегодня я к сказанному добавил бы ещё три слова: «существующее от будущего».

URSS

На этом фоне рекомендовать заинтересованному читателю и даже профессиональному политику в попытках что-либо предсказать или предвидеть «активно пользоваться интуицией» смешно и даже глупо. Поскольку она либо сама даёт о себе знать, либо до неё, чем ни колоти, не достучишься.

До поры до времени я, естественно, тоже полагал, что вопрос об интуиции сугубо риторический. Точного ответа на него найти невозможно, а уж тем более обрести и научиться применять — вообще фантастика. Теперь я так не считаю. Готов даже утверждать, интуиция — качество природное, не только людям, но и всем живым существам присущее, жизненно необходимое, а главное — практически управляемое, подпадающее под действие законов весьма специфических, но вполне осязаемых.

Инстинкт самосохранения целиком и полностью основан на интуиции. Этого никто не станет отрицать. Иначе живые существа, прежде всего, конечно, имея в виду природу, а не людей, несли бы большие потери от разного рода бед, катастроф и катаклизмов, которые нередко принято называть стихийными.

Это для человека они стихийные, а вот живым существам инстинкт самосохранения даёт не только знать о надвигающейся угрозе, но и мобилизует на действия, запрограммированные самой Природой: куда бежать, ползти, как защищаться.

Изначально человек, как царь природы, тоже обладал весьма чувствительным инстинктом самосохранения. Чем, собственно, обеспечил себе высокую способность выживания и приспособления к крайне сложным природным и климатическим условиях. К сожалению, по мере удаления от природы, прежде всего, в интеллектуальном смысле, превращаясь в «человека разумного», роль инстинкта самосохранения не то чтобы уменьшилась, а скорее модифицировалась. Его стали больше заслонять потребности формирования государственных и общественных отношений.

В ходе таких процессов стали серьёзно меняться ключевые взгляды на жизнь, её ценностях, долге и ответственности людей друг перед другом. Самопожертвование стало чуть ли не олицетворением высшей гражданской доблести, мужества и героизма. Даже самые высокие этические кодексы стали наводить на мысль, что есть вещи более достойные, во всяком случае, более дорогие, чем жизнь: Родина, свобода, любовь, дружба, тяжба. Из-за этого всего, люди не то, что друг друга, самих себя стали убивать…

В результате инстинкт самосохранения притупился, перестал сигнализировать об опасности. Для прогноза же, в том числе и научного, получение таких сигналов — острейшая необходимость. Коль уж возникновение интуиции на основе инстинкта самосохранения у людей деградировало под воздействием целевых предписаний, то под влиянием интереса к возвращению себе ощущений предчувствия возникла потребность в поиске адекватной замены.

URSS

Довольно долгое время найти её не удавалось. Однако, с течением времени выяснилось, что в резервах человеческого мозга существуют эффективные механизмы, действующие, как и механизмы самосохранения на инстинктивной основе. В результате открылась возможность природную интуицию не только возродить на уровне прежде утраченной, но и превратить её в ключевой элемент научного познания, включая, естественно, и прогнозирование.

Оказывается, в мозгу человека, в его тайных закоулках и лабиринтах находится неврологический узел, обладающий природной инстинктивной способностью, не позволяющей нам обманывать самих себя. Очень скоро выяснилось, что такая способность несёт на себе не только этическую, но и познавательную нагрузку. Даже не разбираясь в сути событий или явлений, человек посредством подаренного природой мозгового опознавательного «чипа» получает инстинктивный сигнал, отделяющий зло от добра, хорошее от плохого, даже помогающий ответить на вопрос: чему быть, а чему миновать.

На использовании этой способности человека основана практика т.н. «полиграфов», или «детекторов лжи». В практическом применении такие аппараты появились уже десятки лет назад, но относились к ним скорее, как к аттракциону, чем надёжному научному прибору, до тех пор пока не был достигнут уровень, гарантирующий безошибочную степень достоверности.

Теперь показания, полученные с помощью «детекторов лжи» (мне, однако, больше нравится термин «полиграф»), воспринимаются следственной и судебной практикой как реальные доказательства. Но ведь по сути дела такой прибор с более тонкой настройкой можно использовать не только в криминалистической, но и научной практике, скажем, для определения степени интуитивного мышления. А, может быть, и его воспитания?

Однако, стоп: хватит подкрадываться, пора бы и прыгнуть.

В продуктивности этой мысли меня убедил продемонстрированный 14 января 2015 года на телеканале «Культура» документальный фильм «Движение радикальной честности». Два его участника — психоаналитик Александр Литвинов и авторитетнейший полиграфолог Валерий Коровин, — обмолвились, что в принципе применение «полиграфов» не только для исследования прошлого, с целью определения меры ответственности кого-либо за уже случившееся, но и вообще исследование способностей к принятию правильных решений, рассчитанных на реализацию в будущем, возможно и даже желательно.

Технологические предпосылки для этого имеются. Не хватает только тщательно разработанных программ таких исследований. Как только книга увидит свет, я обязательно постараюсь обсудить с ними эту проблему. На мой взгляд, принципиальные подходы к составлению таких программ мною уже сформулированы, нужно только уточнить кое-какие детали. Ес-

URSS

ли такие программы появятся, то подбор кандидатов на посты президентов, министров, депутатов и вообще так называемых «руководителей», сильно упростится.

Как же практически обрести, простимулировать интуицию к научному прогнозированию вообще и к прогнозированию политических процессов, в частности? Как часто говорят популярные российские юмористы: «вопрос, конечно, интересный». Беда — исчерпывающий ответ на него дать очень трудно. К сожалению, к методике применения **принципа прогностической интуиции** приходится относиться точно также, как и к самому ключевому понятию, в основном полагаясь на веру, но с обязательным учётом предъявляемых результатов.

Но если бы это потребовалось сделать в отношении себя лично, мой квалификационный коэффициент интуиции выглядел бы, полагаю, весьма прилично. Многое, во всяком случае, наиболее значительное из того, что произошло в стране за последние 20 лет, мне удалось предсказать довольно точно, хотя до поры до времени мне даже в голову не приходило заниматься научным прогнозированием политических процессов профессионально.

На эту мысль жизнь вывела меня гораздо позже, когда сам взгляд на неё, — то есть на жизнь, как таковую, — коренным образом изменился. Произошло это под влиянием обстоятельств, сугубо личных, на которых я останавливаться не буду, но о последствиях случившегося постараюсь рассказать подробнее. Это важно.

Применительно к прогностической практике иногда встречается термин «коэффициент экспертной квалификации». К определению непосредственной прогностической точности этот коэффициент отношения не имеет, он лишь указывает на уровень профессиональной и научной успешности автора. Если скажем, в прогностической практике эксперт в 50-ти случаях из 50-ти оказался прав, то уровень его квалификации можно считать 100 процентным, то есть абсолютным.

Но это отнюдь не значит, что ошибка вообще невозможна. От этого не застрахован никто. Наглядный пример — история с Карибским кризисом, рассказанная чуть раньше. Этот пример очень многому научил, доказав, что любое исключение лишь подтверждает действующее правило.

Но всё-таки, степень вероятности прогностического огреха при высоком «коэффициенте экспертной квалификации» очень мала, практически ничтожна. На практике, насколько могу судить, никто специального учёта «коэффициентов экспертной квалификации» не ведёт. Во всяком случае, на соответствующий запрос в Интернете я никакого ответа не получил.

Не встречало ответа и моё предложение совместно провести такую работу в целом ряде высших учебных заведений, где имеются кафедры политологии. Формально из-за трудоёмкости, а по факту из-за рискованности такой работы. Вся наша политология, а её содержательный стержень должно было бы составлять именно политическое прогнозирование,

LIPSS

сервильна, то есть в основном обслуживает либо обладателей власти, либо структуры за неё борющиеся. Этим же, либо занимаются, либо этому обучают и вузовские кафедры.

Теперь представьте, что результаты обследования покажут, что вся российская обслуживающая политология, **а другой в России просто нет**, окажется с позорно низким «коэффициентом экспертной прогностической квалификации». При скрупулёзном сравнении опубликованных политологических текстов с реальными процессами развития событий, это обнаружится непременно. И что? Прощай профессиональные рейтинги, авторитет, признание, зарплата, наконец.

Однако, я, кажется, отвлёкся. Обещал ведь рассказать об обстоятельствах частной жизни, приведших к решению заниматься политическим прогнозированием профессионально.

События, о которых идёт речь, относятся к осени 1985 года, когда по неведомым причинам на близких мне людей, жизнью и благополучием которых я дорожил больше, чем своим собственным, обрушивались беда за бедой. И самое страшное, ничем помочь было нельзя, всё, что называется, было в руках Божьих.

Вот тогда меня впервые и посетила мысль: «В выпадающих на долю дорогих мне людей бедах и испытаниях, наверняка, есть и моя вина? Ведь я же, как сын, муж и отец, несу прямую ответственность за их жизнь и здоровье. Тогда и пути преодоления невзгод искать следует именно мне. Прежде всего, надо попытаться установить, в чем же состоят мои собственные просчеты, ошибки, грехи, заслуживающие судьбоносной кары?».

Теперь, спустя много лет, могу с полной уверенностью сказать, в этой мысли, казалось бы универсально благостной, практической нагрузки на себе не несущей, и был заложен ключ к преодолению возникших в ту пору проблем. Мир становится совершенно другим, более благоприятным по отношению к тебе и ко всем, кто тебе дорог, если начинаешь понимать, что несёшь нравственную ответственность за то, что с тобой и вокруг тебя происходит.

Этот вывод я сформулировал, конечно, гораздо позже, а тогда лишь принял решение коренным образом поменять всю свою повседневную жизнь. Перестать конформистски подстраиваться под обстоятельства, лукавить, мириться с тем, что идёт в разрез с требованиями морали, нравственности, совести и справедливости. Очень скоро выяснилось, что всё это охватывает всего лишь одна краткая формула — «жить по правде». Правда — это единственное, что никогда и ни в чём этим высоким требованиям не противоречит.

Как только я это понял, а затем начал соответствующим образом себя вести, свершилось чудо: сгущавшиеся тучи над головой близких, стали развеиваться, а вот над моей собственной, наоборот, всё больше сгущаться. Но меня это уже скорее радовало, чем огорчало. Над кем же им ещё

Press

сгущаться, ведь я же Гущин. Значит, обязан разгонять сгущающиеся над головой тучи любым способом, вплоть до анекдотических.

В подробности углубляться не буду. Скажу лишь главное: живя, что называется, не по лжи, не только по большому счёту, но даже в быту и в повседневном общении, вдруг начинаешь ощущать, что опыт прежней жизни, вроде бы достаточно богатой и многосторонней, обретает новые черты. Окружающий мир начинает восприниматься совершенно иначе, чем это было прежде, и самое удивительное — скорость принятия решений стремительно возрастала. Кто-то ещё не успел закончить фразы, а я ему уже готов крикнуть: не ври, всё обстоит совершенно по-другому.

Не стану утверждать, что это были всегда приятные, радостные ощущения. Скорее ошарашивающие, порождающие тревогу на грани с паникой. В какой-то момент мне даже пришлось решиться на шаг, фактически перечёркивающий всю прошлую профессиональную жизнь.

Я пошёл к руководству, уверяю вас, очень высокому, и заявил, что утратил силы и способность заниматься порученным делом, прошу освободить меня от занимаемой должности. Причина? То, что я теперь думаю не совпадает с тем, что делаю. Служба была ответственная, ни дисциплинарных, ни психологических послаблений не предусматривающая.

Я ничуть не сомневался, существующий порядок давно себя оправдавший, из-за моих переживаний никто менять не будет. Его и не стали менять. Хотя в удовлетворении просьбы об освобождении от должности отказали. Предложив объём и содержание выполняемой работы выбирать и определять самостоятельно, а не по распоряжению или служебному предписанию. Важно, чтобы результат был.

Перестроечные настроения, а главное, поддержка друзей, работавших в ту пору вместе со мной в журнале «Проблемы мира и социализма» (имена которых не могу не назвать С. Цукасов, В. Шелепин, Ю. Оганесян, в те годы в отечественной журналистике это были имена известные) видимо, сделали своё дело.

После этого, хотя и не сразу, дело пошло на лад. Причём, не с переменным, а стабильно нарастающим успехом. Стало появляться всё больше доказательств, что восприятие окружающего мира по критериям правды становится более точным и продуктивным. Не только в оценках того, что происходит, но и того, что только могло или должно было произойти.

На эту благодатную почву и упала мысль: не даёт ли о себе в данном случае знать качество, о котором ни то, что упоминать, а даже задумываться не приходилось. Любимый мною дотошный читатель уже, наверняка, догадался, речь идёт об интуиции. Вот было бы здорово, подумалось мне, если бы нарастающее ощущение предчувствия и предвосхищения происходящего удалось ещё и к профессиональному экспертно-аналитическому делу приложить…

URSS

Ухватившись за эту перспективную мысль, я стал фиксировать возникающие ситуации и обретаемые от них впечатления в кратких дневниковых заметках. Так родился первый личный «прогностический календарь». Постепенно эти записи навели на мысль о целесообразности систематизировать накопленный опыт, выработать принципиальные подходы в оценке перспектив событий, а затем разработать фундаментальную методику действий, направленных не только на достижение намеченных целей, но и восприятие Будущего, как предмета научного исследования.

Примерно года три-четыре я кропотливо и тщательно накапливал эмпирический материал, анализировал не только содержание, но и целенаправленно формировал композиционную составляющую публикаций, хотя бы слегка посягавших на научное предвидение или предсказание. Стараясь, прежде всего, самому себе доказать, что внутренние подсказки, идущие от интуиции, меня не обманывают, что на них можно полагаться не только в ощущениях, но и в научных суждениях.

Надёжным испытательным аналитическим полигоном до этого момента были для меня страницы упомянутого журнала **«Проблемы мира и социализма».** В личном качестве публиковаться в этом международном журнале было не принято, а вот в практической разработке проблем, предназначенных для авторских статей представителей партий, приходилось участвовать постоянно.

Так вот, в каждую такую разработку я старался обязательно заложить как можно больше прогностических сюжетов. Высшим методическим достижением в этом смысле я считаю подготовку и проведение на страницах «ПМС» международного «круглого стола» на тему «Возвращение в завтрашний день», посвящённого 25-летней годовщине знаменитой «Памятной записки» Генерального секретаря Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, о содержании которой читателю уже известно из одного из предыдущих разделов.

И тема «круглого стола», его содержательная и организационная подготовка, всё это было плодом моей личной инициативы, о которой мне и сегодня приятно вспомнить. Сам повод проведения «круглого стола» как бы ушёл на задний план, а смысл развернувшейся дискуссии сосредоточился на проблеме, из чего собственно рождается политическое предвидение, какие формы может обрести, каким целям служить, чему научить, какой исторический след оставить.

Работа над этим материалом привела ещё разрозненные к тому времени в методическом отношении мысли в порядок, укрепила уверенность, что интуиция в научном отношении вещь реальная, а главное — продуктивная. Просто, нужно уметь ей доверять. Ну, и, конечно, проверять, проверять, проверять…

На рубеже 1991 года после возвращения из бархатно-революционной Праги в предмятежную Москву я уже чётко представлял, по каким пара-

метрам нужно готовить исходный прогностический материал, как выстраивать его аргументарную композицию, какие критерии предъявлять к оценке его качества и достоверности.

Первым опытом практического применения накопленных прогностических знаний, умений, методик стала статья **«Объективная логика политического краха Горбачёва. Попытка исторического анализа перестройки».** И написанной вслед за ней статьи, публикуемой только в этом сборнике **«Если бы Августовского путча не было, его следовало придумать».**

С публикацией «Объективной логики…» были определённые сложности. Гласность хоть и шагала по стране, но с оглядкой, как бы тогдашним демократическим процессам не навредить. В журнале Верховного Совета СССР «Народный депутат», в газете «Известия», в еженедельнике «Неделя» при самой благосклонной оценке содержания и качества статьи от её публикации воздержались, по соображениям её несвоевременности и нецелесообразности. Публикация, мол, может сыграть на руку противникам М. С. Горбачёва, нанести урон процессу «перестройки».

Чуть мягче выглядела позиция «Независимой газеты». Там сказали, что нужно уравновесить акценты. «Ваша статья критическая, вот если бы ей можно было противопоставить апологетическую, тогда бы возникла возможность под маркой объективистского сбалансированного подхода к заявленной теме опубликовать сразу обе статьи». Не особо веря в такую вероятность, я отшутился: «Так зачем же дело стало, давайте я под псевдонимом напишу ещё и апологетическую?» Коллеги хмыкнули. «Нет уж, лучше мы как-нибудь изладим это сами».

Меня такой вариант вполне устраивал, хотя в тот момент я чётко осознавал, написать честный материал с благоприятной оценкой пятилетних перестроечных усилий М. Горбачёва удастся вряд ли. Не было для этого убедительных доказательств. Они появились гораздо позже, но в тот момент об их существовании никто, в том числе и я, не догадывался. Полагаю, и сегодня немногие догадываются. Однако, об этом чуть позже.

Статья пролежала в редакции без движения декабрь 1990 г., затем январь 1991-го. Настал февраль. И тут всё неожиданно решилось. Выступая по телевидению в прямом эфире 19 февраля Президент РФ Б. Ельцин по сути дела призвал к отстранению М. Горбачёва от власти. Эфир прервали, не посчитавшись с провозглашённой гласностью.

На утро раздался звонок по домашнему телефону. Звонил главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков. Сообщил, что вопрос о публикации моей статьи решается как бы сам собой. Требование об отставке Горбачёва накануне прозвучало на всю страну. Никакой аргументации в необходимости и целесообразности такого решения не последовало. Теперь достаточно в начало статьи поставить пару соответствующих фраз и текст можно давать в печать.

IIRSS

Я с предложением согласился, но с оговоркой, взыграл, видимо, авторский кураж: напишу не вступительный абзац о скандальном телеэфире, а развёрнутый «постскриптум» о тех событий, что произошли за те несколько месяцев, что статья «отлёживалась» в дальних редакционных ящиках, дожидалась публикации.

В. Третьяков выдержал довольно красноречивую паузу, но, на удивление, предложение принял. К счастью, в тот раз его редакторское здравомыслие превзошло мой авторский апломб. Статья была опубликована 7 марта 1991 года. За полгода до августовского путча, от которого я, собственно, и предостерегал Горбачёва. Я уже, кажется, упоминал, что через 10 лет уже в 2001 году та же «НГ» вновь воспроизвела эту публикацию как наиболее точный политический прогноз десятилетия.

История с публикацией «Объективной логики…» укрепила меня в намерении упорядочить выработку прогностических навыков, превратить их в единую системную цепь аналитического творчества, поставив на службу научному предвидению феномен подсознательных реакций, а именно, предчувствий, предвкушений, предвосхищений, на которые, собственно, и зиждится интуиция. В итоге все мои изыскания свелись «к трём источникам, трём составным частям» научной интуиции.

Первый — природный дар. Это талант и, может быть, даже экспертная гениальность, идущая, как и всякий талант, от Бога. Здесь говорить не о чём, либо есть, либо нет.

Второй — опора на знания истории, на собственный накопленный опыт, на умение отслеживать в цепи исторических событий не только внешнее сходство, но и глубинные причинно-следственные связи. Для этого во внутренней аналитической системе должна включаться программа, настроенная не на определение сходства и внешнего подобия, а совпадений по сути, даже при том, что сопоставляемые события могут выглядеть совершенно по-разному.

И, наконец, **третий** животворный источник и надёжная опора прогностической научной интуиции — это готовность и способность к аналитическому отторжению любой неправды, вранья и лжи, а главное — самообмана.

Под воздействием сделанных обобщений я очень активно работал в прогностическом ключе вплоть до конца девяностых годов, выбрав для этого **пять основных тематических направлений.**

Первое воплотилось в упомянутом уже материале «**Если бы августовского путча не было, его следовало придумать»**. Материал был написан по горячим следам «Объективной логики политического краха Горбачёва» и выводил оценку неизбежных последствий августовских событий 1991 года на исторический уровень, время до которого созрело практически только сейчас, через двадцать лет. Признаюсь, в момент готовности статьи, — а под ней стоит дата 19 сентября 1991 года, — я сам не мог по-

URSS

верить в то, что осмелился тогда написать. В ту пору я даже не рискнул предложить кому-либо её напечатать. Дал 2–3 людям, которым особенно доверял, на прочтение. Этим дело и ограничилось.

Двадцать лет статья дожидалась того самого часа, когда у меня, как у автора, открылась возможность публично поставить М. Горбачёву в заслугу то, что до сих пор принято ставить в вину.

Второе — дуплет статей **«Быть России имперской» и «И всё-таки имперской России быть».** К этой теме прежде я никогда не обращался, в расчёте на перспективу никогда не разрабатывал. Теперь точно знаю были написаны они по наитию, по интуитивной подсказке. Соблазнов вернуться к теме имперской России никогда не было, хотя дискуссии по этой проблеме не утихают до сих пор. Но статьи писались не дискуссии ради, а в расчёте на претворение в жизнь.

В начале девяностых на эту тему был жизненный запрос, на него моя авторская интуиции и откликнулась. На зов времени интуиция откликается первой. Теперь вообще считаю, интуиция активизируется, подаёт нам те или иные мотивационные сигналы, обязательно под воздействием жизненных обстоятельств. В этом её стимулирующая творческая роль, собственно, и состоит.

Третья и четвёртая взаимосвязанные темы объединены проблемами управленческого кризиса, обусловленного утратой представительной демократией своего функционального предназначения. На постановку вопросов, что следует делать не в пользу развития и совершенствования демократии, а после и вместо неё, я тоже вышел по интуитивной «наводке». Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что система управления, основанная на принципе принятия решений другими и за других, исчерпала свои возможности, и люди перестают мириться с ней, не столько по идейно-политическим или организационно-административным, сколько по морально-нравственным причинам.

Разработкой этих проблем с намерением повлиять на ход развивающихся событий практически никто кроме меня не занимался. А зря. С течением времени становится всё очевиднее, что система управления страной, да и жизнью вообще, всё больше испытывает на себе воздействие двух основных тенденций. Первая — это деидеологизация и деполитизация власти в обеих её ипостасях, — исполнительной и представительной, — и обретение ею совершенно нового облика, соответствующего прагматическим запросам времени. Вторая — крупные сдвиги в массовом общественном сознании, ведущие к пониманию, что за властью, как таковой, должны остаться лишь функция исполнения, а право принятия решений, как собственно и мыслилось при рождении демократии, должно быть возвращено людям, народу. Иными словами, как первое, так и последнее слово должно оставаться не за властями, а за гражданами.

ИРСС

Не стану скрывать и лукавить, когда я на протяжении многих лет из публикации в публикацию, из книги в книгу, бился над тем, чтобы доказать, что управленческий потенциал так называемой представительной демократии себя исчерпал, я, конечно же, в первую очередь, обращался не к рядовым гражданам, а к представителям власти.

Мне было важно, прежде всего, до их понимания донести, что практика управления, которой они пользуются, давно уже не даёт нужного эффекта, что от неё рано или поздно придётся отказываться в пользу более эффективных методов управления. Лучше если власть сама по доброй воле, осознанно и целенаправленно начнёт двигаться в этом направлении.

Иначе ей всё равно придётся сделать это под давлением самих граждан. В сопровождающих Приложениях, да и в самой книге читатели легко обнаружат непосредственные обращения к властям привести собственные действия в соответствие с требованием времени. В данном случае я гораздо больше рассчитывал, что власти прислушаются в большей степени к инстинкту самосохранения, чем моим советам. Тем не менее, как правило, такие обращения отклика не находили.

Поэтому я был приятно удивлён, когда перед самым окончанием книги в различных газетах одна за другой стали появляться статьи В. Путина, в некоторых из которых я узнавал не только собственные мысли, но и собственные слова. Это ни Путину упрёк, ни себе комплимент. В таком совпадении нет ничего удивительного, если и то, и другое авторами почерпнуто ни друг у друга, а из самой жизни.

В дополнение к теме об утрате представительной демократий управленческого потенциала и неизбежного перехода страны в ближайшие годы к системе подлинно народного самоуправления, о чём мне приходилось писать и говорить десятки, если не сотни раз, впервые преодолевая собственный скептицизм, смогу сослаться на совпадения взглядов по этой проблеме со взглядами представителей высшей российской власти. А именно с В. Путиным.

Приведу лишь небольшую цитату из его статьи «Демократия и качество государства», опубликованной в начале февраля 2012 г. в газете «Коммерсант»: «*Настоящая демократия не создаётся одномоментно, не копируется по внешнему образцу. Необходимо, чтобы общество было готово к использованию демократических механизмов. Чтобы большинство людей почувствовали себя гражданами, готовы были бы на регулярной основе тратить своё внимание, своё время, свои усилия на участие в процессе управления. Другими словами, демократия работает там, где люди готовы в неё что-то вкладывать…*

Поэтому современная демократия как власть народа не может сводиться только лишь к «походу к урнам» и им заканчиваться. Демократия, на мой взгляд, заключается, с одной стороны, в фундаментальном праве народа выбирать власть, а, с другой, — в возможности непрерывно вли-

ять на власть и процесс принятия его решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникации и «обратной связи».

И, наконец, **пятая,** навеянная интуитивным интересом, тема — это «национальная идея». В данном случае не могу сказать, что взялся за тему редкую. Отнюдь. О «национальной идее» писали, пишут и, наверняка, ещё будут писать много и активно. Я вижу свою заслугу лишь в том, что прямо связал перспективу постижения «национальной идеи» с умением прислушиваться как раз к собственной интуиции, к её запросом и сигналом.

Материал **«Тоска по национальной идее. Несколько откровенных тезисов»** был опубликован частями в различных изданиях в 1997 году, затем я дважды воспроизводил его в прогностических сборниках 1999 и 2005 гг., как бы специально в методологических целях обращая внимание, что поставленные в публикациях вопросы всё ещё сохраняют свою актуальность. Сегодня, хотя и под несколько иным углом зрения, появился повод сделать это в третий раз, с тем чтобы с удовлетворением отметить: поставленные уже 15 лет назад вопросы стали восприниматься всерьёз, принимаются госрешения и намечаются меры по достижению поставленных целей. Во всяком случае, именно так я расцениваю публикацию статьи В. Путина **«Россия: национальный вопрос»**[44].

Соблазна на фоне этой статьи воспроизвести несколько тезисов из-под собственного пера избежать не удалось. Да и в сугубо методологическом смысле мне это показалось интересным и даже необходимым. Хотя бы для того, чтобы убедиться, сколько иногда проходит времени, чтобы мнение и суждения, интуитивно навеянные, удостоились конкретного внимания со стороны общественного мнения, стали предметом конкретной политической дискуссии с участием первых лиц государства.

На этот раз, в отличие от двух предыдущих случаев в 1999 и 2005 годах, собственную позицию воспроизвожу в радикально сокращённом виде. Позволю себе лишь напомнить, что воспроизводимый текст написан был 15 лет назад, но смысла своего, как мне представляется, не утратил.

«Вот уже, наверное, лет десять кряду, совершенно с разных сторон, разными людьми, то по одному поводу, то по другому, поднимается вопрос о необходимости для России так называемой «национальной идеи». Желающие откликнуться на этот призыв постоянно находятся. Не устоял перед соблазном и я.

Одни утверждают, что «национальная идея» всего лишь — «житейская идеология здравого смысла», другие видят в ней вольтерьянскую мудрость — «возделывай свой сад», третьи — не что иное, как «конституционная законность», и вообще, смысл существования личности, нации

[44] См. «Независимая газета», 01.03.2012 г.

ИРСЕС

и государства определяют «не национальные, а общественные ценности». Всё это замечательно, если не считать, что никакого отношения к «национальной идее» приведённые высказывания и утверждения не имеют. Поскольку их авторы упираются в понятие «идея», в то время как главное, определяющее слово здесь — «национальная».

Искать в «национальной идее» смысл — бессмысленно. Она непостижима в своей простоте и проста в непостижимости. Наиболее точно сформулировал эту мысль ещё в 1918 году Н. Бердяев. «Национальная идея вся на виду, — писал он, — но попытки её рационального определения ведут к неудачам. Она таинственна, мистична, иррациональна, точно так же как таинственно, мистично, иррационально любое индивидуальное бытие». Она не откликается на вопросы «кто?» или «что?», а только на «зачем?» и «почему?»[45]

Иными словами, «национальная идея» — вроде лежащего под ногами булыжника. Булыжник, как его ни крути, остаётся булыжником… А вот над тем, как его применять, подумать не мешает. Можно дорогу вымостить или дом построить, а можно соседу или прохожему череп проломить, чтобы карманы обчистить.

Сложность подхода к «национальной идее» состоит не в постановке вопроса, а в ответе на него. Не искать, а применять — не применять, использовать — не использовать, вот на чём мысль заклинивает. Заклинивает, обнажая сокровенное, то, что и противникам, и сторонниками «национальной идеи» хотелось бы скрыть. И те, и другие прекрасно понимают, что «национальная идея» в силу специфического стечения исторических обстоятельств (об этом чуть ниже) может стать весьма эффективным фактором госполитики, но только опрокидывая при этом привычные нормы морали и нравственности, все житейские представления о смысле общественного бытия. И те, и другие отдают себе отчёт, что она может стать залогом успеха, но в то же время и прологом беды…

Сторонники «национальной идеи», понимая её политическую эффективность, но осознавая аморальность, стараются эту идею «одухотворить», возвысить. Противники, не желая признавать эффективность, усердно выставляют на позорище её безнравственность, и поэтому, как правило, её «обездушивают», примитивизируют… В итоге и те, и другие лгут…

Если коротко, «национальная идея» — ничто иное, как превращение нации, её исторически и психологически сложившихся запросов, пристрастий, интересов, потребностей и традиций в главный, стержневой фактор государственной политики, в начало всех начал: государству полезно только то, что идёт на пользу нации. Под этим углом зрения рассматриваются все законы, указы, постановления, правила поведения и нормы приличия. Это в смысле политическом.

[45] Бердяев Н.А. «Судьба России», М., 1918, с. 97.

URSS

В смысле нравственном, «национальная идея» это то, за что люди, причисляющие себя к одной и той же нации, готовы умереть. Умереть не просто за «общечеловеческие ценности», а именно как немец, американец, поляк, чех, русский, китаец, японец или чеченец. Здесь речь не идёт об идеологии, принципах, мировоззрении, законах или конституциях. Даже не о жизненных интересах. Все эти вполне достойные поводы для того, чтобы сложить свою буйную голову, не причисляя себя к какой-либо нации. Просто потому, что обстоятельства так сложились или по причине приоритетного выбора: предпочитаю умереть, чем так жить.

Применительно к человеческому обществу «национальная идея» не несёт на себе печати возвышенных чувств, героических поступков, грандиозных масштабов. В словосочетании «национальная идея», если иметь в виду слово «идея» — это инстинкт самосохранения «национального вида» в рамках человеческого рода. Национальная идентификация и самоидентификация дело будничное, житейское, но именно в нём заключена историческая основа существования нации, её способность», неповторимая индивидуальность.

Нация свято дорожит своей узнаваемостью, если даже она не вызывает симпатий у ближних и дальних соседей. Иногда осознавая, но чаще подсознательно, люди чувствуют, что в этой узнаваемости жизненный потенциал нации.

До тех пор, пока нация узнаваемая, она живёт. Узнаваема, конечно, не по шотландской юбке, ковбойской шляпе, цвету рубахи или покрою сарафана. Чтобы быть узнаваемой, у нации должен проявляться характер, существовать потребность национального самоутверждения, передающаяся из поколения в поколение.

Ничего зазорного, стыдного в этом нет до тех пор, пока потребность национального самоутверждения реализует себя на бытовом, житейском, этнографическом, если хотите, уровне. Безнравственной она становится, когда побудительный мотив национального самоутверждения используется в качестве средства государственной политики. Пожалуй, это наиболее красноречивый пример диалектического превращения нравственного в безнравственное при смене сфер применения.

Обращение к «национальной идее», превращение её в стержневой принцип государственной политики — всегда дело вынужденное. О ней вспоминают лишь тогда, когда к этому подталкивает особое стечение обстоятельств, когда все другие сплачивающие элементы государственного троительства — исторические, геополитические, социально-экономические, гражданские — по тем и иным причинам оказываются утраченными, исчерпанными или недостаточными для обеспечения национально-государственных интересов.

Иными словами, обращение к «национальной идее» — это всегда показатель переживаемого страной и народом острейшего общественно-

URSS

политического и социально-экономического перелома, воспринимаемого, прежде всего, как кризис государственности. Поэтому «национальную идею» никогда не приходится придумывать, тем более искать. Просто в один «прекрасный момент» мы вдруг обнаруживаем: ничего другого, что могло бы нас объединять, а тем более спланировать, как граждан одного государства, кроме национальной принадлежности, у нас нет.

Всё остальное слишком сложно и проблематично: мировоззрение разное, идейно-политические убеждения и пристрастия диаметрально противоположные, вплоть до враждебных, уровень благосостояния, социальная принадлежность тоже разбросаны в самом широком диапазоне. Так что, если мы ещё не отказываемся от потребности считать себя людьми, живущими в одном государстве, то поневоле приходится для гражданской самоидентификации обращаться к национальным признакам, способным объединить, прежде всего, большинство населения. Для государственной политики, исповедующей «национальную идею», это непременное условие.

Национальные параметры всё равно что военный мундир или фуражка, которые всегда на тебе. Даже в бане. Взглянул и сразу ясно — свой братец, кровный. А уж богат или беден, «правый» или «левый», образован или туп, как сибирский валенок, принципиального значения не имеет. Важно, что на призыв «наших бьют» откликнуться именно те, кто должен, если хотите, обязан. Иначе его могут неправильно понять. А если правильно, ему же, не откликнувшемуся, хуже.

С учётом того, что «национальная идея» является по сути порождением охватившего страну кризиса, государство может апеллировать к национальным чувствам граждан только в двух случаях: либо ради сплочения перед лицом какой-либо угрозы, бывает, что и мнимой, намеренно внедряемой в сознание людей. В России, к примеру, в 1612 году русский народ, кстати, объединился вовсе не для того, чтобы изгнать иностранных интервентов, — поляков, литовцев, шведов, — а против единокровных организаторов смуты, затеянной боярами, чуть не поставивших страну на грань гибели.

Сметливые российские власти, самодержавно-коммунистические, почти полтысячелетия делали всё возможное, чтобы вытравить из памяти народа его победоносный поход против собственной власти, и только российские демократические простофили, вопреки требованиям собственной Конституции, не поощряя посягательств на насильственное свержение власти, возвели 4 ноября, день освобождения Москвы и Кремля от «смутьянов» в национальный праздник. Теперь он называется «День национального единства». Интересно, кому это в голову пришло. Я лично доволен. Праздную с удовольствием.

Либо россияне объединяются во имя обеспечения «великого предназначения нации», исполнением ею некоей особой «исторической миссии»,

ЦРКОС

чаще всего тоже мифческой. (*Нынешние идейные национал-поисковики в большинстве случаев относятся именно к этой категории — В. Г.*)

Для политики, как мы знаем, мифотворчество вообще обычное дело. Политика либо использует уже существующие возможности для достижения намеченных целей, либо такие возможности создаёт. При апелляции к существующей угрозе мы получаем национал-патриотический вариант реализации «национальной идеи», в случае «великого предназначения», «особой миссии» — национал-имперский, великодержавный. (В условиях существования в России авторитарно-прагматического политического режима В. Путина обе тенденции вновь дали о себе знать. В стране заговорили о «возрождении былого величия», её «самодостаточности» и «историческом предназначении». Причем, именно под углом возвращения к прошлому, видя в нем «утерянный рай». Ориентир на «былое величие» в историческом смысле никогда не приводит к успеху, нужно учиться не допускать ошибок, принимая решения, от которых зависит будущее… *В. Г.*).

Все известные истории национал-фашистские, этнократические, расистские режимы относятся к государствам национал-фундаменталистского типа. «Национальная идея», реализующаяся в этой ипостаси, может быть весьма эффективной, приносящей максимальные результаты при минимальных возможностях. Однако, при этом поставленная на службу госполитике «национальная идея» обретает роковые качества шагреневой кожи. Любое исполненное с её помощью желание приближает государство к краху, а то и к гибели…

Чтобы этого не случилось, нужно точно знать, какие струны в душе русского человека необходимо затронуть, дабы на «национальный призыв» она добром, а не злом отозвалась. Здесь нужно, прежде всего, исходить из того, что русские по своей национальной природе страдальцы и самоотрешенцы. Вся наша история, культура, традиции, психологический склад, рассудок и предрассудки, чувства и предчувствия подтверждают это. «Русский человек приходит в мир, чтобы маяться, страдать, прокладывать дорогу, а не достигать целей».

Иллюстрируя конкретными публикациями применение принципа прогностической интуиции в исследовательской практике я чаще всего обращался к примерам, иллюстрирующим феномен интуитивного предвосхищения будущего. И это понятно. Книжка посвящена научному прогнозированию.

Но интуиция, если она активно даёт о себе знать, чувствительно реагирует не только на вопрос: что будет? но и на то, что было? Логика такой зависимости вполне понятна: белые пятна прошлого неизбежно обернутся прорехами будущего. Что-то обязательно останется недопонятым, недосказанным. Особенно это бывает заметно, когда речь заходит о событиях на ключевых исторических рубежах, от которых потом ведётся отсчёт теку-

щего времени, или о личностях, оставивших в судьбах страны и её граждан глубокий след.

Меня лично интуиция вывела на поиск недосказанного, недоисследованного в критических моментах жизни и деятельности одной из самых противоречивых исторических фигур, интерес к которой не угасает не только в России, но и во всем мире до сих пор. Я имею в виду И. Сталина. О нем написано, сказано и показано столько, что вроде бы не осталось никаких тайн, даже бытовых, житейских.

Но меня на протяжении последних тридцати лет всё-таки не покидало чувство, что до сих пор нет ответов на главный вопрос: **«Что думал сам И. Сталин о связанных с его именем массовых репрессиях 30-х годов, как их оценивал? Сделал ли он для себя из всего происходящего какие-либо далеко идущие выводы?»** Ни в научной, ни в документальной, ни в художественной литературе исчерпывающих ответов на эти вопросы я не находил. Но что-то подсказывало, что ответы существуют, причём их авторство должно принадлежать самому И. Сталину.

В результате наряду с аналитическими усилиями, направленными на формирование методологических подходов к научному предвидению грядущих событий, я достаточно последовательно и упорно стал приглядываться к информационно-аналитическим материалам и обстоятельствам, связанным с жизнью и деятельностью И. Сталина. Естественно, с прицелом на раскрытие тех тайн, которые меня волновали. Не могу сказать, что я их раскрыл, но у меня появились довольно обоснованные версии, точнее упорядочился ход мыслей, ведущих к их раскрытию.

Итак, речь пойдёт об Иосифе Сталине, то есть не о нем самом, а об оценке той роли, которую он сыграл в истории страны, а если ещё точнее, о попытке разобраться: почему через шестьдесят лет после смерти вопрос об отношении к нему сохраняет политическую и историческую актуальность, в чем причина того, что в массовом общественном сознании, он продолжает оставаться авторитетнейшей государственной фигурой.

Не скрою, этот вопрос волнует меня лично, поскольку мне самому уже не раз приходилось пересматривать свое отношение к И. Сталину. Причем, даже сама мысль о том, как мне жить, как после его смерти существовать мне и стране, посетила меня именно в траурные дни 1953-го. Первый свой прогностический сборник **«Пророков нет…»** я прямо начинаю с того, что смерть Сталина заставила меня, одиннадцатилетнего ученика четвертого класса, подумать о судьбе страны и своей собственной в единой связке. Предлагаю соответствующую цитату с первой страницы упомянутого сборника.

«Начиналось всё, помнится, в марте 1953 года, в те самые дни, когда мы по наивности думали, что Сталин умер. И страшно по этому поводу горевали, поскольку не понимали еще, что Сталин вовсе не человек, а оли-

ИРСС

цетворение совершенно особой российской формы массово-политического мышления, наш способ делать добро только ломая себя и страну через колено. И расстаться с этим способом существования будет неимоверно трудно. Нам осчастливить самого себя недостаточно, надо чтобы ощущение нашего счастья распространилось на окружающих, вплоть до всего человечества…

Первую «прицельную прогностическую» заметку, отправленную в газету «Пионерская правда», я написал именно тогда. В ней говорилось, что в траурные дни, когда наши папы и мамы, дедушки и бабушки скорбят о безвременной кончине нашего дорогого вождя, мы, дети, советские пионеры, должны поскорее повзрослеть, дабы довершить то, о чем мечтал Сталин, чтобы отстоять то, что он для нас создал и завоевал.

Я искренне сетовал, что мне, стоявшему в фойе школы в траурном почетном карауле возле бюста вождя, не дали в руки учебную «трехлинейку» образца 1893 года, как у коллеги старшеклассника, а только опоясали черной ленточкой узелок пионерского галстука. Будь у меня винтовка, тогда бы все увидели, что и мы, малыши-пионеры, ростом этой винтовке всего до затвора, готовы «жизнью и кровью» защищать «свой отчий дом», «вечно живое дело Ленина-Сталина».

Завершалась заметка выражением твёрдой уверенности, что наследие Сталина еще долго будет вместе с нами, что мы передадим его детям и внукам. Правда, я тогда, конечно, не догадывался в каком именно виде. Теперь вот, в который уже раз приходится ломать голову над тем, что делать со «сталинским ностальгическим наследием», действуя по принципу, удачно зарифмованному, нашим же российским поэтом: «Я сжигал всё, чему поклонялся, И поклонялся тому, что сжигал».

Сегодня мы на идейно-политическую процедуру «самосожжения» чуть ли не в пятый раз заходим, всякий раз упираясь в одну и ту же стену: в истории, как и в жизни, бывают проблемы непреодолимой сложности, когда в смысле окончательной оценки пройденного пути и прожитой жизни «плохое» от «хорошего» просто невозможно друг от друга отделить. У нас в стране, не в пример китайцам, если такие попытки и совершаются, то неизбежно с грязной водой в сточную канаву оказывается выплеснутым и ребёнок.

К этому немудреному выводу я пришел давно. С какого-то момента всё внимание сосредоточилось на совершенно ином аспекте этой темы. Сам И. Сталин, которому в уме и даже мудрости, а то и гениальности, при всей его тиранической натуре, почти никто не отказывает, задумывался или нет над тем, чем обернется для страны его «уход»?

Мне в его опубликованных работах таких соображений не встречалось, в мемуарной и исследовательской литературе тоже. А натренированная соответствующим образом интуиция подсказывала: такой документ

обязательно должен существовать, и хранится этот документ где-нибудь за семью архивными печатями и под семью амбарными замками.

Я документ нашел, связанную с этим детективную историю опускаю, сейчас содержание важнее. Скопированный текст документа, а он существует в виде письма, адресованного зарубежному получателю, хранится у меня уже четверть века. Не делаю секрета и из его местонахождения, он хранится в Государственном архиве Чешской Республики, перекочевав туда из партийного архива КПЧ.

В письме, отправленном на имя Председателя коммунистической партии Чехословакии Клемента Готвальда, причем не по дипломатической почте или специальным партийным курьером, что было бы обязательно зафиксировано в соответствии с установленным строгим порядке, а для передачи из рук в руки через зятя Клемента Готвальда, по совместительству чешского Министра обороны генерала Чепичку, со своими соображениями по поводу судебного процесс над бывшим Генеральным секретарем КПЧ Рудольфом Сланским, обвиненном в стандартном по тем временам преступлении — в буржуазном национализме и связях с империалистическими разведками. По содержанию письмо, ну прямо послание из 1937-го в 1951-й и «на всю оставшуюся жизнь».

Вот его текст:

«Совершенно очевидно, что полагаться на показания уже арестованных преступников нельзя. Их показания необходимо перепроверять и подтверждать фактами. Мы в Советском Союзе имеем опыт, когда арестованные в своих показаниях оговаривали других людей с целью посеять в партии взаимное недоверие. Оговаривая честных людей, некоторые пытались, таким образом, бороться с партией. Прага правильно поступает, что не доверяет уже арестованных, которые пытаются всю вину свалить на Сланского. Сланский допустил много ошибок в кадровой политике, был слишком доверчив, выдвигая некоторых ненадежных людей на ответственные посты, откуда они могли вредить партии. Это большой недостаток для Генерального секретаря, поэтому Вам его от этого поста освободить».

И ни слова о казни или о каком-либо ином суровом наказании, вроде тюремного заключения. Но Сланского, не смотря на заступничество Сталина, всё-таки казнили. Мне удалось разыскать сведения, что именно по распоряжению самого Сталина, Л. Берия направил в Прагу группу сотрудников НКВД для осуществления контроля за следствием по делу Сланского и «доведения этого дела до логического завершения», то есть до смертной казни.

Так что на самом деле не судьба Сланского И. Сталина беспокоила, а своя собственная. Да и адресована записка фактически не К. Готвальду, который, кстати, умер, тяжело застудив легкие на его похоронах, в ней следует видеть не просто совет или рекомендацию, по поводу конкретного

судебного процесса. Это — Политическое обращение к потомкам, в нем зафиксирована позиция Сталина по одному из важнейших и наиболее противоречивых событий и фактов в жизни страны и его собственной политической биографии.

И еще две существенные детали.

Первая. По всей видимости, Сталин правильно рассчитал: будет надежнее, если его «завещательный автограф», характерная для Сталина сдержанность тона не позволяет назвать написанное «Политическим завещанием», будет обнаружен не сразу после смерти, когда все его наследие будет выметаться почти под чистую «поганой метлой». Однажды на этот счет он выказался достаточно цинично, назвав свои многочисленные живописные портреты, воплощения в стихах, мраморе и бронзе **«кучей кладбищенского мусора, который после моей смерти еще долго придется расчищать».**

Деталь вторая. Нужно было обладать дьявольской интуицией и мефистофельской прозорливостью, чтобы и для возвращения письма в Россию заведомо проложить окольный путь, да еще не оставив никаких следов, штемпелей, регистраций, ни в почтовых, ни в курьерских службах. Сталину, по всей видимости, было важно, чтобы письмо «вернулось домой», когда о событиях 1937–38 годов уже перестанут вспоминать в деталях, забудут про ГУЛАГ, с особым подъемом заговорят о Великой Победе, когда почти не останется в живых ее участников, вновь заговорят о «всепобеждающем патриотизме», вновь запоют «Широка страна моя родная…». И тут вдруг окажется, что практически ко всему, чем нам стоит гордиться, имеет прямое отношение Сталин. Вот тут самое время сталинскому письму и объявиться, рассудительному, уравновешенному, почти отеческому…

Я всегда вспоминаю, а при удобном случае всякий раз повторяю, что выступая 5 марта 1946 года в Фултоне, впоследствии это дата совпадет с днем смерти И. Сталина, Уинстон Черчилль, по сути дела объявляя начало «холодной войны», обосновывал её необходимость тем, что Запад должен сплотиться перед лицом невиданной мощи СССР, которому на тот момент не было равных в мире.

Сегодня, когда мы эту войну позорно проиграли, оказалось, что понеся урон, как если бы потерпели поражение в настоящей войне, Запад, в смысле военного потенциала, обогнал Россию в десятки раз, а по уровню жизнеобеспечения, лет на 30–40. Хотя на момент 1991-го года этот разрыв был в три-четыре раза меньше. В данном случае я руководствуясь не статистикой даже, а личными впечатлениями.

С 1985-го по 1990-й год я работал в Чехословакии. И уже тогда, там жили на порядок лучше, чем мы в России сейчас. Определить, где и в чем была здесь вина и заслуга Сталина, а где и в чем наши собственные заслуги и провалы, желающие есть? Может, настало время не Сталина во всех грехах обвинять, а с самих себя пожестче спрашивать?..

LIBRES

Я ни сталинских реплик, ни его кладбищенских шуток, ни его «прижизненных завещаний» не переоцениваю. Не тот, И. Сталин он был человек, чтобы ему на слово можно было верить. Хотя, оставленное им, явно с дальним прицелом письмо, в котором каждое слово тщательно взвешено, и адресовано именно в будущее, лично мне для правильного понимания его самого и нескольких противоречивых страниц истории страны, дало очень много.

Считаю, все, кто берется судить о Сталине, о его политике, в содержании письма и способах его доставки в наше время должны как минимум хорошо ориентироваться. Здесь даже не содержание письма важно, а демонстрация вездесущей осведомленности. Он как бы напоминает: ***«Я, мол, с вами не прощался. Глубоко лежу, далеко гляжу. Всё знаю, ничего не забываю. Может, и вы обо мне ещё вспомните. Может, еще свидимся. Может, еще пригожусь».***

На мой взгляд, именно на такой «имидж» в смысле исторической памяти, И. Сталин работал всю жизнь, а в письме только дал пароль к пониманию сути. Если бы я верил в магов, колдунов и чародеев, то действовать они должны были бы именно так. Уже несколько раз похороненная память о нем всякий раз всплывает заново.

Я уже не раз писал и говорил, но в нынешнем контексте считаю целесообразным повторить: растущая популярность Сталина вызвана вовсе не тоской по лагерным порядкам, не по принудительной тотальной дисциплине. Человеческая память так устроена, то самые большие беды и огорчения, вплоть до преждевременной, мучительной гибели близких людей забываются, а нанесенные незаслуженными оскорблениями и обидами душевные раны зарубцовываются. Память тоскует по самоидентификации: «А я кто-такой?», — вот гамлетовский вопрос для русских, и уж только потом, «Кто виноват?» и «Что делать?».

Особенно не углубляясь в детали, скажу, уровень и качество целей, которые И. Сталин ставил перед собой, страной и народом были высочайшими, результаты невиданные и неслыханные. Любая попытка возразить против этого начинается со слова «если», а потому в историческом смысле убедительной считаться не может.

Невозможно опровергнуть и то, что цена за все достижения была жуткая, восприятию нормальным, не мобилизационным сознанием, недоступная. А самое страшное, что делалось это не в порыве безотчетного гнева, не в состоянии аффекта, не потому, что глава государства оказался вдруг генетическим деспотом и садистом-маньяком. Всё, что Сталин делал, он делал расчетливо, тщательно взвешивая не только поступки, но и слова.

Во времена Сталина такого понятия как «пиар» не существовало. Но ведь историю творят не слова, а дела и поступки. А по этой части Сталин был гениальный «пиарщик». С одной стороны, — ГУЛАГ, с другой, —

URSS

"Широка страна моя родная". Как это совмещалось в одном человеке, в одном сознании, не знаю. Если бы речь шла в медицинских терминах, лучше всего бы подошел вот этот — «гениальная шизофрения».

И еще одна примечательная деталь, которой, скажу честно, не нахожу объяснения. Конец тридцатых годов принято характеризовать как годы мрачные и угрюмые, все друг друга в чем-то подозревают, друг за другом «бдят». А тут как-то возникла необходимость сверить кое-какие данные о темпах рождаемости, нашел соответствующие сведения в материалах Роскомстата от 2009-го года.

Оказалось, период с 1935-го по 1940-ой, самый продуктивный в смысле рождаемости за всю историю страны! Да что там страны, на то время самый высокий показатель в мире. Причем, подчеркиваю это особо, без учета прироста населения в связи с присоединением к СССР Прибалтийских республик, восточных территорий Финляндии, Польши, Румынии. Общая численность населения возросла в тот период со 160-ти миллионов человек почти до двухсот. Пусть даже половина этого прироста приходится на «присоединённых», остальные двадцать миллионов «собственные новорожденные».

Демографы не дадут соврать: пики рождаемости никогда и нигде на мрачные периоды в жизни стран не приходились. С представлениями о тотальном ГУЛАГЕ эти сведения как-то не вяжутся, ***(В нем, по данным всё того же источника томилось порядка 700 тысяч узников, —*** *В. Г.*), а вот с пафосом «Широка страна моя Родная», и жизнерадостным настроем «Веселых ребят», — вполне. Вот как работал «сталинский пиар».

Я не медик, даже не политик, я эксперт. Мне положено не поддаваться эмоциям, не иметь ни симпатий, ни антипатий, ни, если хотите, даже убеждений. Моя задача при рассмотрении любого вопроса, любой проблемы, любой личности оценить качество поставленных целей, сопоставить их с достигнутыми результатами. В подведении таких итогов эмоциональным компонентам не место.

Идейно-политический эпикриз И. Сталина говорит: **в истории России Сталин был последним государственным деятелем, обладавшим стратегическим мышлением.** Что происходит в мозгу человека, когда он решил биться со всем миром за весь мир, не берусь даже предполагать. Есть ли норма тех жертв, которые соответствовали бы масштабам поставленных целей, не знаю. В ответ мне совершенно справедливо говорят: вот поставили бы в 1937 году к стенке, узнал бы.

Меня не поставили, не родился еще, мне что, теперь сожалеть об этом? Думаю, к истории с позиций личного опыта и отдельно взятых жизней, подходить опасно. «Историческим кретинизмом» может закончиться. Каждый начнет историю, прошлое и будущее, на свой собственный аршин мерить. И всё человечество тут же разделится на «гулливеров» и «лилипутов», да еще постоянно перевоплощающихся друг в друга…

ИРСС

Я далек от мысли, тем более намерения представить дело таким образом, что извлеченный мной из архивных недр сталинский автограф может серьезно повлиять на оценку или переоценку его исторической роли и масштаба личности. Для одних он как был, так и останется жестоким тираном и кровавым политическим маньяком, для других — олицетворением патриотического гения и стратегического таланта. *(Я, к несчастью, не принадлежу ни к тем, ни к другим, что вызывает, естественно, неудовольствие обеих сторон, — В. Г.*).

Подобного рода оценка складывалась в сознании людей десятилетиями под влиянием активных целенаправленных усилий и умений. Чтобы эти представления поколебать, нужны свидетельства, почерпнутые не из архивных завалов, а из реальной жизни, причем, не только прошлой, но и будущей. По чисто социологическим понятиям и критериям имя Сталина, его дела, испытание временем выдерживают, а эмоциональная составляющая, — это сфера искусства и духовной культуры, а не науки. Это тоже очень важно. Но я в данном случае пытаюсь удержаться только в пределах научных.

Мне архивная находка дорога, прежде всего, в той мере, в какой она подтверждает, что воздействие на наше сознание и устремления интуитивных подсказок имеет под собой реальную почву, что предположения, исходящие из правильного понимания сути человеческих характеров, могут играть в научном прогнозировании такую же важную роль, как и умение ориентироваться в связях и обстоятельствах, имеющих объективную природу.

5.4. Принцип прогностической альтернативы

Где-то вначале я уже обмолвился, что научное предвидение распространяется лишь на создание моделей, указывающих на наличие препятствий, трудностей, бед. Человеческий мозг так устроен, что он надёжно управляет лишь процессами аналитического освоения мира, чувства и предчувствия отданы на откуп эмоциям. Учёные установили, что состояние радостной эйфории от ощущения счастья, удачи, успеха продолжается всего три секунды, затем организм возвращается в психофизиологическом смысле к обычной норме.

Нормой же является состояние мобилизационной готовности к преодолению невзгод и неприятностей. Природа предписывает всему живому всегда оставаться начеку. Именно в этом причина того, что в любом веселье так мало рационального и разумно целесообразного.

В дни работы над книгой в одном из телевизионных сюжетов прошло сообщение о счастливчике, выигравшем в лотерею более 17 млн рублей, а ещё одна сельская гражданка в ту же неделю, на которую выпал выигрыш,

URSS

нашла в чистом поле среди коровьих лепёшек и козьего гороха упакованные в полиэтиленовый пакет 300 000 долларов. И в том, и в другом случаях «шальные деньги» были пущены по ветру наиглупейшим способом[46].

На примере наших сограждан, не избалованных излишками образования и не отшлифованных общей культурой общения, особенно хорошо видно, что сформировавшийся под воздействием насущных потребностей человеческий мозг не ориентирован от природы разумно распоряжаться выпавшим на его долю благом или удачей, и уж тем более заранее их предвидеть.

С точки зрения здравого смысла это дело абсолютно никчёмное. Удовольствия и радости, предполагаемые или нечаянные, никакой угрозы для человека не таят и, следовательно, в предварительной подготовке для встречи с ними не нуждаются. Главное, чтобы было весело. А способы и средства обеспечения веселья всегда в холодильнике. Здесь голову ломать, чаще всего, не приходится.

Это как дорожные карты. Если к намеченной цели ведёт гладкая, хорошо выложенная ухоженная трасса, то для предвкушения доброго пути достаточно знать его протяжённость, а о необходимых условиях получения удовольствий в дороге, наверняка, позаботятся другие.

Иное дело — дорога малознакомая, по пересечённой местности, с оврагами, съездами, подъёмами, с песчаными или снежными заносами, разломами, промывами и камнепадами. Если она и была нанесена на карту, так на ней за минувшее время всё могло до неузнаваемости измениться. Тут уж без консультации с опытными знатоками-землепроходцами не обойтись.

Чем больше от таких знатоков последует предупреждений, предостережений, тем надёжнее перспективы предстоящего путешествия. Если вновь воспользоваться аналогиями, теперь географическими, создание карты предстоящего по опасной дороге пути и есть задача научного прогноза. Сверхзадача — её уточнение подробностями, которые в реальной жизни ещё и не существуют, не просматриваются, даже тренированным сознанием не предполагаются. Но в принципиальной вероятности вполне возможны. Предполагать такие возможности надо уметь.

Решив заниматься научным прогнозированием профессионально, я всегда подходил к анализу ситуации, прежде всего, с точки зрения предвосхищения препятствий, способных помешать достижению намеченной цели. В большинстве случаев реально существующих или же по ходу развития предполагаемых событий.

Но и этим я предпочитаю не ограничиваться. В тех случаях, когда посягая на политическое прогнозирование в условиях реализации уже принятых властями решений, но, по моему мнению, заведомо, ошибочных, не

[46] НТВ, телепрограмма «Шальные деньги», 17.07.2011.

URSS

ведущих к достижению цели, я выстраиваю *альтернативную прогностическую версию*, оснащая её соответствующими аналитическими аргументами и доказательствами. Именно на этом обстоятельстве я уже заострял внимание читателей в начале книги на странице под номером 10. Вернитесь, перечитайте процитированный там сюжет. Сейчас он будет и здесь очень кстати…

Стараюсь, чтобы на присутствие такой альтернативы, указывал уже заголовок публикации. Скажем: **«Ломать надо судьбу, а не менять политиков», «Бороться надо не за власть, а с властью», «Если бы августовского путча не было, его следовало придумать».**

Из личной практики могу привести пример прямого столкновения двух прогностических полюсов: стопроцентного оправдавшегося, как и положено, пессимистического, в пику ему альтернативного, абсолютно проигнорированного. В первом случае — это статья об августовском путче 1991 года «Объективная логика политического краха Горбачёва», во втором, так называемые «имперские статьи», опубликованные летом 1993 года, «Быть России имперской. Чем скорее это случится, тем лучше» и «Всё-таки имперской России быть. Иначе на её месте возникнет чёрная дыра».

Что касается статьи 1991 года, то её прогностический смысл был прост и ясен: над обществом и страной нависла опасность, которую следует всеми силами предотвратить. В момент публикации это был не столько прогноз, сколько призыв. Теперь можно лишь рассуждать, почему он не был услышан.

Иное дело имперские статьи. Их выход в свет был абсолютно неожиданным. Если честно, то и для меня самого, Всего лишь за два года до этого случился августовский путч. Полтора года спустя распался Советский Союз. Страна — в развале. Люди — в растерянности. Предполагать и прогнозировать в тот момент можно было всё, что угодно, кроме **быстрого возрождения былого величия России.**

В первой из имперских статей речь шла о внутренних предпосылках такого возрождения. Во второй — о внешних. Причём, в обоих случаях статьи были адресованы, прежде всего, тем, кто взялся в тот период Россией управлять. Так называемым «младореформаторам». Об этом говорилось в первом же абзаце: «*О том, какой быть пост-социалистической, пост-перестроечной политике сказано и написано много. Назову основные параметры; демократической, реалистической, стабильной. Ну, и, конечно же, добрососедской, взаимовыгодной, а главное — обеспечивающей национальные интересы. Но ни у кого язык не поворачивается сказать, хотя кое — кто понимает, а другие догадываются: дабы обеспечить достижения продекларированных целей, как внутри страны, так и за её пределами, российская политика должна быть, просто обречена быть имперской*».

Публикация вызвала невиданный даже по тем временная резонанс. Помимо уже упоминавшихся откликов добавлю, что на страницах «Независимой газеты», «Правды», «Известия» и других изданий на эту тему развернулась полемическая дискуссия. Дело дошло до специальных книжных публикаций, скажем таких, как **«Неизбежность империи»,** выпущенной издательством «Интеллект» по инициативе Союза Возрождения России.

На все отзывы, одобрительные и полемические, я предпочёл ответить небольшой заметкой на страницах «НГ». Углубляться в дискуссию не стал, поскольку статьи не предназначались для прений и дискуссий, а мыслились как практические экспертные рекомендации для конкретных действий. Реплика была продиктована отнюдь не авторским высокомерием, а страшным дефицитом времени.

В тот момент везде давало о себе знать ощущение, что необходимые шаги для имперского возрождения России должны были быть предприняты незамедлительно. Пока над Россией не разразилась новая политическая гроза. Статьи были оформлены фактически как непосредственные рекомендации для конкретных действий, проведённых, как того требует описанный чуть ранее **принцип прогностической градации,** через анализ возможных перспектив развития: вероятность — тенденции — закономерности и завершающим выводом о неизбежных последствиях, если необходимые шаги не будут предприняты.

Публикация не должна была оставлять сомнений: её содержание основано на объективных закономерностях, а не на политологических фантах.По сути дела статьи были научно обоснованным альтернативным прогнозом, противопоставленным конкретным действиям российских властей, приведших страну после расстрела парламента в октябре 1993 года на грань гражданской войны. В 2003 году один из наиболее активных реформаторов А. Чубайс — об этом я уже упоминал — предпринял попытку припасть к истокам «имперской идеи», но к тому времени её животворный родник уже иссяк.

Однако, как ни грустно сознавать, что благие попытки направить ход событий в лучшую сторону успехом не увенчались, уверенность в возможности реализации **альтернативного прогноза,** пусть не имперского, а локального, не только жива, но с течением времени крепнет. Во всяком случае, в моём авторском альтернативном прогностическом архиве есть ещё материалы, содержание которых в момент публикации диаметрально противостояли не только решениям, но и конкретным политическим действиям российских властей.

Осенью 1992 года еженедельник **«Московские новости»** опубликовал мой публицистический комментарий: **«Сказал: не скажу. И не скажет».** Речь в нём шла о затеянном российскими властями позорном судилище над М. Горбачёвым. К моменту публикации в России развернулась

тотальная антигорбачёвская истерия, в которой активно участвовали, как бывшие соратники Горбачёва по КПСС, так и его недавние демореформаторские союзники.

Дело дошло до демонстративного предъявления Горбачёву требования об обязательной явке на судебные слушания Конституционного суда по обвинению запрещённой Указом Б. Ельцина после августовского путча КПСС. По прошествии времени всё это выглядит диким и абсурдным. Тогда же вся страна только о том и думала, только о том и говорила, чем же закончится Конституционный суд над Горбачёвым. Каким вердиктом?

Прекратить эту позорную свистопляску, прислушаться к голосу собственной совести и призывала как раз моя статья, опубликованная в «Московских новостях» 6 октября 1993 года. Она начиналась так:

«Отказываясь явиться в Конституционный суд, при всей уязвимости своей позиции Горбачёв всё-таки прав. Если он только специально не провоцирует своим поступком этот суд на встречные жёсткие действия. В таком случае это уже интрига, очень опасная, но отвечать за неё будет всё равно не Горбачёв, а Конституционный суд. Позиция же экс-президента СССР останется прочной при любом исходе… Принимая на этот раз сторону Горбачёва, я не испытываю мук совести и перед Конституционным судом. Хотя считал и считаю, что партия по самой своей природе неконституционна, как неконституционна была сама конституция, неконституционная советская власть, потому что, по существу, её не избирали, а назначали и утверждали в райкомах, горкомах, обкомах, в ЦК КПСС. Негражданственны, а значит, неконституционны были мы сами, поскольку соглашались с тем, что нами манипулируют.

В этих обстоятельствах искать отдельно взятых ответственных за все те беды, что обрушились на народ, в судах, пусть самых конституционных, бессмысленно. Подвести черту под нашим прошлым, вынести вердикт, в чём мы были правы, а в чём виновны, может только суд истории. И суд совести. Где каждый сам себе судья, сам себе подсудимый. Потому что мы все в чём — то виноваты. Только каждый по-своему. И в это смысле все мы в какой-то мере «горбачёвы». Это если судить по большому счёту. А в малый счёт наши беды, наши заблуждения и прозрения заведомо не вписываются. Потому и зашёл в заранее для него уготованный тупик Конституционный суд. Процесс «по делу КПСС», что бы там не говорили, как бы ни настаивал на противоположном председатель Конституционного суда, всё таки политический.

Разве самому суду, принявшему к рассмотрению иск о некоституционности КПСС, было неясно, что он берётся за доказательство очевидно недоказуемого? Разве у кого-нибудь из судей был хоть один вопрос к стороне КПСС, на который бы заранее не был известен ответ? Я что-то таких вопросов не помню. Если, конечно, иметь в виду суть дела, а не детали, фрагменты, эпизоды. В таком случае спросим себя: о поиске какой

же истины идёт речь в Конституционном суде? О той, которая всем известна. Кому устанавливают меру вины? Тому, кого заранее приговорили. Разве это не политика?!

Коли Конституционный суд превратился таки в политическое мероприятие, то каждый человек, включая Горбачёва, сам вправе решать, участвовать ему в развернувшемся разбирательстве-препирательстве или нет. Слава Богу, Верховный Совет России ещё не принял закона, а Президент России не издал указ, который бы предписывал людям в обязательном порядке участвовать в политической борьбе.

У Конституционного суда нет оснований, по крайней мере если рассуждать здраво, настаивать и на обязательной явке Горбачёва в суд. Насколько знаю, даже самой судебной процедурой предусмотрено, что человек имеет право отказаться свидетельствовать в ходе судебного разбирательства против самого себя. Это универсальный принцип демократической судебной процедуры. Что, как ни это, — свидетельствовать против самого себя, — предлагают сделать Горбачёву?

Наконец, Горбачёв прав, отказываясь явиться в суд ещё по одной причине, на мой взгляд, главной: есть вещи, которые нельзя ни объяснить, ни рассудить. Ведь именно это, пожалуй, имел в виду Горбачёв, когда в первый же раз после возвращения из Фороса день обронил на пресс-конференции: «Всего, что знаю, я вам всё равно никогда не скажу».

И не скажет. Горбачёв нам может нравиться или не нравиться, но мы обязаны понять, что он отказался в той безвыходной ситуации, о которой говорят: «слово изреченное — есть ложь…».

Вот такая была публикация.

К её заключительному евангелистскому сюжету ещё предстоит вернуться в следующем разделе. Сейчас лишь добавлю, что следом за «Московскими новостями» я опубликовал ещё один материал на антиконституционную тему в **«Независимой газете» «Хватило глупости начать, надо набраться мужества, чтобы прекратить».** В те же дни записал интервью для телевизионной аналитической программы «Итоги», выходившей в ту пору еженедельно по воскресеньям. Интервью так понравилось Е. Киселёву, ведущему программы, что он пригласил приехать в редакцию в воскресенье вечером, чтобы вместе посмотреть выход передачи в эфир.

Приезжаю в назначенный день и час с дачи, с корзинкой яблок на перевес, Е. Киселёв в растерянности. После выхода передачи в эфир ранним утром на Дальний Восток, начальство по чьей-то властной воле, распорядилось интервью из программы снять. То ли время провозглашённой М. Горбачёвым «гласности» прошло, то ли «свобода слова» так и не начиналась.

Тем не менее, у меня есть основания и право полагать, что публицистические выступления в «Московских новостях» и «Независимой газете» с резкой, но аргументированной критикой действий российских властей

положили конец антигорбачёвской истерии и повлияли на закрытие дела в Конституционном суде.

Я признателен М. С. Горбачёву, что он, по собственной инициативе, счёл необходимым принести личную благодарность за моё антиконституционное выступление, которым, надеюсь, удалось доказать, нет, не конституционную неподсудность, М. Горбачёва. Это было ясно и без моих публикаций. А тот факт, что *альтернативные суждения* о происходящем в стране можно в пику власти не только формулировать, не только защищать, но и добиваться реализации желаемого, если оно того заслуживает.

Вообще в период 1990-х годов практически все мои публикации в смысле содержания отмечены *прогностической альтернативой*. С тем, что, на самом деле, в стране происходило мириться, было трудно, да и не хотелось. Для меня лично единственным поводом и стимулом взяться за перо было желание предложить, если не для исполнения, то хотя бы для обсуждения иные направления развития, чем те, на которые ориентировала российская власть.

Из всего обилия такого рода материалов в контексте для иллюстрации к **принципу прогностической альтернативы** я выбрал лишь два, зато на момент публикации абсолютно крамольных, посягавших на самый высокий уровень большой государственной политики.

В первом из них поднимался вопрос о необходимости положить конец запущенному Б. Ельциным в начале 1990-х гг. процессу суверенизации субъектов Российской Федерации, грозившему неминуемо привести страну к распаду[47]. Во втором, речь шла о грубых стратегических просчётах в осуществлении политического курса в реализации Проекта о создании нового союзного государства с участием России и Белоруссии[48].

С приходом Б. Ельцина к власти первым крупным решением, свидетельствующим о взятом страной курсе на демократию, стал переход к выборности администраций, начиная с губернаторов и заканчивая местными поселковыми управами. Именно к тому времени относится знаменитый призыв: «Берите суверенитета столько, сколько сумеете проглотить», приведший к активизации сепаратистских настроений и спровоцировавший войну с Чечнёй.

К 1999 году при слабой президентской власти, при вновь накалившихся до предела скандальных отношениях между правительством и парламентом, после августовского 1998 года дефолта центробежные тенденции от выборов к выборам повсеместно набирали силу, грозя разорвать страну в клочья.

Понимали это многие, но высказаться открыто о разрушительном заряде губернаторских выборов практически никто не решался. Не то, чтобы

[47] См. Приложения, п. 9.
[48] См. Приложения, п. 19.

IIRSS

из-за страха, скорее от бессмысленности. Тогда ещё не верилось, что Кремль найдёт в себе мужество отменить собственные ошибочные решения. Меня же, наоборот, желание образумить Кремль, вдохновить скорее не самого Ельцина, а его будущего преемника на такие решения только, стимулировало, что и привело в итоге к публикации в «Независимой газете» статьи — **«Выборы губернаторов довершат распад России. Мы будем жить в удельных княжествах».**

С текстом публикации, отнюдь не утратившей своей содержательной и методической актуальности, в том числе из-за дискуссий вокруг перспективы возвращения к прямым выборам губернаторов, можно ознакомиться в документальном Приложении в книге. Здесь ограничусь лишь небольшой цитатой:

«Россия уже сегодня полноценным федеративным государством не является. Прежде всего, потому, что у неё отсутствуют государственные идеология. Не политическая, а именно государственная, определяющая стратегию и тактику государственного строительства. Центр не знает, каким государством руководит, какой страной, собственно, управляет. Куда её ведёт. Периферия неведомо, что им дозволено, что нет. Какой вопрос где и кому решать. Когда Центру выгодно, он говорит, что он — Центр. Когда невыгодно, тут же от своих приоритетов, а главное, от ответственности, отрекается. Последние политические склоки, поразившие федеральную власть, способны привести к ещё большему размежеванию между Центром и регионами. Центр как источник раздора не нужен никому. Майский президентский импичмент и отставка Евгения Примакова — это точно такой же удар по Российской Федерации, какой нанёс Август 1991 года по Советскому Союзу.

Короче, с федерацией у нас на сегодняшний день неладно. И, похоже, будет ещё хуже. Судя по тому, как идёт подготовка к предстоящим парламентским и президентским выборам. Не следует питать иллюзий, что это не коснётся проблем госстроительства, проблем российского федерализма. Есть очень много предпосылок к тому, что выборы не только усилят и без того достаточно мощные центробежные тенденции, а довершат распад России как федеративного государства».

К счастью, этого в тот раз не произошло, хотя угроза дефедерализации страны не только не уменьшилась, но, как и предполагалось, серьёзно нарастала, пока в 2004 году В. Путин не принял волевое решение об отмене прямых выборов губернаторов и переходу к процедуре их назначения местными парламентами по представлению президента.

У меня лично нет никаких сомнений в том, что этот шаг в значительной мере смягчил угрозу распада страны, хотя и не предотвратил её полностью. Тем более, если принять во внимание, что к старым негативным процессам добавились ещё и новые.

Тем удивительнее наблюдать, как в стране, где утратившие свою былую энергетику демократические выборы полностью себя дискредитировали, вновь раздаются требования вернуться к выборам губернаторов. Что это, мол, приблизит местную власть к людям, сделает управление страной более эффективным. Раскидали по стране граблей, не собрать. Нельзя такой страной как Россия управлять, продолжая принимать решения за других даже «от имени и во благо». Нельзя в федеративном государстве допускать, чтобы у главы каждого субъекта Федерации властных полномочий было больше, чем у президента. Это всё равно, что начинить бочку, на которой сидишь, динамитом и каждые четыре-пять лет, в момент выборов, подводить к ней бикфордов шнур.

Президент назначает губернаторов, мэров Москвы и Санкт-Петербурга несёт ответственность за страну в целом, вот и спрашивайте с президента за принятые решения. Это будет гораздо эффективнее и целесообразнее, чем взыскивать с губернаторов. Только так Россию можно сохранить целой и неделимой. Исполнительную вертикаль вообще нельзя дробить на куски, иначе она рассыпается на отдельные сучки. Неужели это трудно понять, и соответствующим образом себя вести и не включать требования о возвращении к губительной практике выборов в предвыборные программы. Претендентам на президентский пост и губернаторские кресла — это, конечно, выгодно, но только страна здесь ни при чём. Глупость оттого, что за неё голосует большинство, глупостью быть не перестаёт, а дурак, избранный или назначенный, всё равно дурак. Думаю, именно поэтому у нас в России, чем больше побеждает демократия, тем меньше оказывается во власти умных людей.

Теперь очень коротко о Союзном государстве. Решение о его создании было связано не со стратегическим идейно-политическим замыслом, не с глубоким пониманием всей сложности процесса союзного строительства, а с тактическими карьерно-конъюнктурным умыслом. В ту пору (первый Договор о российско-белорусском Союзе был заключён в апреле 1996 года — *В. Г.*) оба государственных лидера, хотя и по разным причинам, но одинаково остро нуждались в повышении собственных политических рейтингов. А. Лукашенко и Б. Ельцин были гораздо больше озабочены собственной политической судьбой, чем реализацией союзной идеи.

Она их привлекала лишь в той мере, в какой открывала возможность набрать очки в глазах общественного мнения. Необходимость привыкать к новым реалиям и понятиям — граница, таможня, визы и вообще к сложностям, связанным с распадом прежде единой страны, — порождала тоску по прошлым временам. На эксплуатацию этих настроений и был расчёт.

Первородный грех союзных договорённостей, связанных с тем, что они были продиктованы сиюминутными политическими интересами, без учёта реальных возможностей и предпосылок и реальных перспектив их

ЦРСС

реализации, неизгладимой печатью лёг на весь процесс союзного строительства, придав ему сугубо виртуальный, имитационный характер.

С прицелом именно на такое состояние союзной идеи в моём интервью еженедельнику **«ВЕК»**, опубликованном осенью 2002 года под заголовком **«Имитация союзного масштаба»**, говорилось:

«Имитация, хоть она и является деятельностью впустую, тоже обладает собственной инерцией, неотвратимой объективной логикой, возникающей в силу принятия обязательств, не подкреплённых условиями и предпосылками реализации. А таких обязательств напринимали ох, как много. Нужно найти способ остановиться. Быть может, даже вернуться назад, подвергнуть строгой ревизии принятые ранее документы, пересмотреть цели и задачи союзного строительства. А главное — избавить идею союза от того наследия, которое досталось на нашу долю от эпохи раннего А. Лукашенко и позднего Б. Ельцина. Уж слишком силён в нём налёт личной политической корысти…

Так уж сложилось, что решение этой задачи под силу только В. Путину. И только в том случае, если он сменит на посту председателя Высшего государственного совета А. Лукашенко, который, как представляется, связал свою судьбу с рейтинговой составляющей союзной идеи. Возможность такой ротации предусмотрена учредительными документами Союза, что с приходом В. Путина на этот пост должен быть положен конец любым имитациям — идейно-политическим, социально-экономическим, управленческим, финансовым, кадровым. Иначе Союзное государство, действительно, не спасти».

К сожалению, на этот призыв В. Путин, тогда он был всего лишь на втором году первого президентского срока, отреагировал только репликой в присущем ему стиле: «В отношениях с Белоруссией нам надо научиться отделять мух от котлет». На сегодняшний день идея российско-белорусского государства как такового практически сошла на нет, уступив место идеям менее жёсткого, зато более широкого объединения бывших союзных республик, скорее на конфедеративной, чем унитарной основе.

Прежде чем завершить главу о *принципе прогностической альтернативы*, несколько соображений о ближайших политических перспективах России. Прежде всего необходимо коренным образом изменить взгляд на стратегический аспект исторического развития России. Пока конкретные политические решения и практические управленческие шаги будут ориентированы на расширение, углубление и совершенствовании демократии никаких благоприятных перспектив ожидать не приходится. В лучшем случае Россия ещё долгие годы будет топтаться на месте, а скорее пятиться назад. Не на демократию, особенно в её представительной версии, надо ориентироваться.

Объективная логика исторического развития ориентирована на создание эффективной системы народного самоуправления. В зависимости от

того от демократии или самоуправления мы будем отталкиваться совершенно различными по своему характеру будут и практические решения.

В конце 2013 года мне удалось высказаться на эту тему с трибуны международной Конференции на тему: **«Модернизация России: проблемы и суждения»,** проведенной 19–20 декабря в Москве по инициативе Президиума Академии Наук. Соблазн был в том, что организаторы Конференции гарантировали тексты выступлений на пленарных заседаниях опубликовать полностью. К сожалению, моим расчетам на публикацию не суждено было оправдаться.

С трибуны участники Конференции проводили аплодисментами, зато организаторы сделали все для того, чтобы содержание моего выступления в печатном виде света так и не увидело. В опубликованную стенограмму именно та часть выступления, которой я больше всего дорожил, не попала, как разъяснили мне «ответственные академические деятели» по причине несогласия с моими «идейно-политическими оценками» перспектив развития страны.

Благо сегодня, я могу образовавшийся прогностический пробел в своем подходе к складывающейся в России политической ситуации восполнить и недостающую в стенограмме Конференции часть выступления воспроизвести. Что я и делаю, с учетом предоставленного мне права высказать альтернативную точку зрения на ближайшие перспективы политического развития России.

«Здесь возможны варианты. Вот наиболее вероятный, на мой взгляд: до падения нынешнего утилитарно-прагматического авторитарного режима во главе с Путиным, которому власть из рук в руки передал Б. Ельцин, России ещё придётся подпасть под личную диктатуру, установленную под конституционным лозунгом обеспечения «незыблемости демократических основ» общества и государства[49].

Смысл такого «превращения» не в ужесточении нынешнего режима, а в его выходе на новый, более изощрённый уровень управленческого самодержавия. «Обернётся» ли диктатором сам В. Путин или станет кто-то другой не столь уж важно. Но всё-таки скорее другой. С. Шойгу, к примеру. Сместить Путина с президентского поста не составит труда, стоит только захотеть. Путин сам уже давно сделал всё для того, чтобы это могло случиться.

Уже прежде для такого «замещения» было одного МЧС достаточно, теперь к этому добавилось ещё и Минобороны. С. Шойгу по сути дела вынудят это сделать, как в августе 1991 г. вынудили Г. Янаева выступить против Горбачёва. Самые записные российские либералы и демократы, по именам перечислять вряд ли стоит, выразят по этому поводу полный восторг. Для его воплощения в жизнь только и потребуется, что

[49] См. Преамбула Конституции РФ.

URSS

переквалифицировать нынешний профессиональный праздник День спасателя Отечества, приходящийся ныне на 27 декабря, в государственный — День его спасителя. Ведь мечты и мысли нынешних оппозиционеров дальше смещения В. Путина не распространяются. Над тем, что будет дальше, никто не задумывается.

Будет же вероятнее всего вот что: путинскую или послепутинскую диктатуру свергнут посредством уличного бунта и русских маршей национал-патриотические силы фашистского типа. Даже самые дисциплинированные и боеспособные воинские подразделения не способны подавить в собственной стране массовые беспорядки, спровоцированные патриотическими настроениями. Армия плоть от плоти народа, со всеми его недостатками, а не власти со всеми её преимуществами. И только после этого, И. Бунин прав, придёт исторически объективно обусловленное, продиктованное самим нашим генетическим кодом, самоуправление. Мир, к глубочайшему сожалению, всё ещё никак не поймёт, на что способна исторически униженная и оскорблённая великая нация. Прежде, чем она сумеет победить сама себя, как это произошло с нынешними немцами, будет предъявлено такое, что бед на всех хватит, и в отечественном, и в мировом масштабе.

Распад Советского Союза стал для нашей страны и населявших её народов, — это мы её населяли, теперь мы есть, а нашей страны, значит и роду-племени у нас уже нет, — величайшим историческим унижением и оскорблением. Ликвидация КПСС и Советской власти — пустяк. Не велика была цена, не будут долгими и сожаления. Мало ли было на нашу страну «лжедмитриев» и «семибоярщин». Распад же СССР — это грандиозная историческая трагедия. Его нужно было во что бы то ни стало избежать. Это к тому времени хорошо понимали даже на Западе. Не случайно после распада СССР, там тут же стали наращивать военную мощь, особенно ракетно-ядерно-космическую, невиданными темпами, хотя, казалось бы, главный потенциальный противник вроде бы сам себя поверг. На самом деле с распадом СССР (к тому времени он уже перестал быть кому-нибудь угрозой). Этот противник для США только появился. Советского «застоя» Запад боялся гораздо меньше, чем ставшую неуправляемой Россию. Стратегическая основа американской ПРО — сугубо антироссийская. Союз сохранить не удалось. Историческое возмездие за такие ошибки неотвратимо.

Избавить Россию от этой перспективы может только радикальное изменение массового общественного сознания людей, их психофизического состояния. На что потребуются громадные усилия, в первую очередь именно от научного сообщества. Другого интеллектуального ресурса у страны для этого нет. Нынешняя власть в этом отношении пришла в полную негодность.

URSS

В основе её деградации лежат отнюдь не идейно-политические мотивы, не уровень образования или профессиональные квалификации. Во власти много неглупых, знающих, опытных, честных, просто приятных и порядочных людей. К сожалению, власть вырождается системно. Просто парадигма, в рамках которой существует нынешняя власть давно исчерпала свой системный функциональный ресурс. У нас каждый новый президент, оказывается хуже предыдущего, а каждый следующий парламент ещё беспомощней и бесполезней. Власть на всех её уровнях давно утратила инстинкт самосохранения, а, следовательно, дезориентирована в адекватной оценке прошлого, настоящего, будущего. Любое сотрудничество с ней, даже самое искреннее и добросовестное, обречено на неудачу. Не надо на это тратить время, силы и здоровье. Единственно, что вынуждает науку сотрудничать с нынешней властью это вопросы ресурсного обеспечения. Надо, наконец, при участии власти или без неё, если потребуется и вопреки ей, обозначить цели и двигаться к их достижению шаг за шагом».

5.5. Принцип прогностической регистрации

К **принципу прогностической регистрации** я отношусь с особым почтением. С него, собственно, и началась систематическая работа по поиску методических подходов к научному прогнозированию, на что в итоге ушло более 20 лет.

Уже считая себя опытным политическим экспертом, я долго не посягал на самостоятельное прогнозирование политических процессов. И мысли такой в голову не приходило. Зато к чужим попыткам сделать это относился с повышенным профессиональным интересом. Любую публикацию, даже самую маленькую, где едва содержался хоть намёк на предвидение, откладывал в отдельную папку. По мере того, как накапливалось такое досье, я начинал всё лучше ориентироваться не только в сути происходящего, но и в самих проблемах научного прогнозирования.

Вот как об этом было сказано в моей первой книге, вышедшей в 1994 году:

«…Собирать эту папку я начал лет пять назад, когда в ходе бурных преобразований, охвативших страну, стало возникать впечатление, стремительно перераставшее в убеждение, что мы всякий раз получаем результаты прямо противоположные тем, на которые рассчитываем. Наталкиваемся на преграды и препятствия, которые вполне можно было бы преодолеть или обойти. О чём и говорилось в многочисленных газетных и журнальных публикациях.

Понятно, что цена таким предостережениям и прогнозам в момент из появления на свет заявочная, вроде стоимости ваучера. Всё зависит

URSS

от того, во что они воплотятся. Если прогноз сбывается, а предостережения оправдываются, тогда в нормальном цивилизованном обществе, обладающем развитой политической культурой, они обретают очень высокую цену. Не случайно вслед за К. Марксом теперь иногда говорят: сбывшийся прогноз — высший сертификат научности.

После проверки жизнью таких прогнозов остаётся, конечно, немного. Я их складываю в отдельную папку, которую всегда держу под рукой, обращаясь к ней всякий раз, как только возникает ощущение, что мы опять можем угодить в заведомую западню, поддаться на очередную провокацию, не разобраться в очередной коварной трагедии, стать невольными участниками событий, способных в очередной раз, поставить нас самих и страну на грань губительной катастрофы.

Выдержав испытание временем и событиями, эти газетные вырезки обретают статус своего рода моделей исторического развития, помогающих собрать воедино разрозненные факты, разглядеть их внутреннюю связи, обнаружить объективную логику происходящих событий. Перечитывая материалы своего прогностического досье, размышляя над ними, огорчаюсь: ведь был же шанс, можно было предотвратить непоправимое. Почему не воспользовались имевшейся возможностью? Но одновременно появляется и надежда: значит безвыходных положений не бывает! Предотвратить любую трагедию в силах человеческого разума и доброй воли.

Нужно только не полагаться на то, что политики, стоящие во главе государства умнее нас, простых людей, не заблуждаться на тот счёт, что они, принимая роковые решения, озабочены нашим с вами благополучием. К великому сожалению, они давно уже принесли в жертву своим властным междоусобицам наши коренные интересы, и нашу кровь, и наши жизни».

Согласитесь, с выходом **на «принцип прогностической регистрации»** мне на редкость повезло. Сначала он дал возможность ознакомиться с чужим накопленным и систематизированным опытом, затем пополнить прогностический багаж и своими наработками. Но подойти к рубежу, где открывалась перспектива, поделиться своим умением с другими, удалось только сейчас. Почему так медленно продвигалась работа? Быстрее, к сожалению, не получилось. В момент появления на свет прогноз, будь он хоть десять раз научным, императивной силой не обладает.

Его можно взять на веру и действовать в соответствии с заложенными в нём рекомендациями, на свой страх и риск, а можно и не принимать к сведению, руководствуясь собственными представлениями о способах, перспективах развития, достижении намеченных целей. И только в том случае, если прогноз осуществился, а на практике это порой занимает годы, а то и десятилетия, к нему можно обращаться как к источнику практических знаний и методических рекомендаций.

URSS

Спросите, кому и для чего прогноз, оправдавшийся задним числом, нужен? **Во-первых,** для того, чтобы доказать, что научное прогнозирование вообще возможно. **Во-вторых,** умению предвидеть надо учиться. Другого способа овладеть прогностическими навыками, кроме как через освоение уже накопленного позитивного опыта, не существует. Чтобы тебе поверили, необходимо ещё доказать, что ты умеешь не ошибаться, хотя бы в сорока случаях из пятидесяти.

И, наконец, **в-третьих,** чтобы научиться эффективно управлять текущей жизнью. Собственной и страны. ***«Умение управлять, — говорил П. Столыпин, — это прежде всего умение предвидеть».*** А этому прогностическому искусству можно научиться только на образцовых примерах.

Накапливаемое годами досье постепенно трансформировалось в «книжную прогностическую серию». Примерно раз в 5–6 лет я устраивал своему аналитическому архиву кропотливую ревизию, тщательно отбирая материалы, по которым можно было судить о развитии политической логики событий. Что не оправдывалось, не подтверждалось и потому не заслуживало более глубокого методологического анализа, отправлялось в мусорную корзину. Сбывшиеся прогнозы давали обильную пищу для размышлений, которые и воплощались в очередной книге.

Таких прогностических сборников в свет вышло три: в 1994 г., 1999 г., 2005 г. Причём, в каждом из них я пополнял не только событийную прогностическую базу, но и концептуально — методологическую.

В итоге всё написанное проходило как бы тройную проверку. Нынешняя книга — пятая. **Подводящая аналитический итог минувшему двадцатилетию.** Именно в неё я включаю статью, еще не опубликованную и поэтому поставленную на прогностическую регистрацию как бы «заочно» ещё в 1991 году. Однако, её ценность, на мой взгляд, состоит именно в том, что в ней уже тогда была совершена попытка подвести исторический итог событиям, в отношении которых полной ясности нет до сих пор. Значит, по велению судьбы писалась она на будущее, значит, на будущее ей выпадала и честь быть в нынешней книге прочитанной. (См. статью «Если бы Августовского путча не было, его следовало придумать…», размещенную чуть ниже).

Уже перед самым выходом книги «в свет» получил Ответ по своей Жалобе на Президента из Конституционного Суда. Не по существу, конечно, а сугубо формальный. **«Обращаем Ваше внимание на то,** — сообщает мне Суд, — **что проверка законности и обоснованности действий (бездействия) и решений должностных лиц органов власти к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не относится»**. На мой взгляд, ответ более, чем странный: **как может не относится «к компетенции Конституционного Суда» действия (бездействие) Президента, идущие вразрез с Основным Законом страны?!**

Признаюсь честно, отказ в рассмотрении Жалобы не стал для меня сюрпризом. Наготове уже лежало аналогичное Исковое заявление в Верховный Суд России. Воспроизвожу на всякий случай и его. «В соответствии с **нормами, установленными статьями 131, 132, 246, 247, 254 Процессуального гражданского Кодекса Российской Федерации** обращаюсь к Суду с жалобой на Президента Российской Федерации В. В. Путина за неисполнение им по отношению ко мне одной из своих прямых должностных функций и полномочий, предписанных Конституцией РФ **(См. Статья 89, пункт «а»)**, а также **Статьи 83, пункт «и»,** возлагающей на Президента РФ право формировать аппарат Администрации Президента РФ, и, следовательно, нести ответственность за действия (бездействие) своих подчиненных, в случаях, когда они выходят за пределы установленных для них прав или полномочий.

В качестве основания для предъявления Жалобы предъявляю ответ, полученный из Администрации Президента РФ **(Москва, Старая площадь, д. 4)** за подписью замначальника Управления по внутренней политике Р. Хабирова **(См. Приложение 1. Правительственное заказное письмо, за № А 61 – 2098.)** на моё личное Обращение к В. В. Путину **(См. Приложение 2),** с просьбой отдать необходимые распоряжения об оформлении соответствующим образом **«добровольного отказа от российского гражданства и присвоенного мне должностного ранга Государственный Советник Российской Федерации».**

Взамен я просил предоставить мне вместо гражданства «вид на жительство» или статус «не гражданина», поскольку я был автоматически зачислен в российское гражданство по факту «правопреемничества» России от СССР, а не личного обращения с просьбой о приобретении российского гражданства. Ныне я пришел к выводу, что обретение гражданства по факту «преемничества» обернулось крупной ошибкой, осознание которой считаю своим личным долгом зафиксировать.

В своем Обращении я не скрывал, а, наоборот, прямо указывал, что далее, в связи с тем, как развиваются события в стране, не могу считать себя её гражданином, поскольку ресурс взаимного доверия между мной и государством исчерпан, а, значит, согласно **ФЗ № 62 «О гражданстве Российской Федерации»** из наших взаимоотношений исчезли основания, обеспечивающие **«устойчивую правовую связь лица с Российской Федерацией, выражающуюся в совокупности взаимных прав и обязанностей». (См. ФЗ № 62 « О Гражданстве Российской Федерации»).**

В утрате такой **«устойчивой связи, выражающейся в совокупности взаимных прав и обязанностей», подчеркиваю, - «ВЗАИМНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ»,** — меня убедила собственная жизнь и мой личный опыт общения с органами государственной власти, берущей на себя смелость и право принимать решения от моего имени как гражданина России, **(на этом порочном принципе построена вся система управле-**

ния страной), но на самом деле ни разу не совпавшие, ни в плохом, ни в хорошем, с моими действительными интересами, потребностями и желаниями.

На протяжении всей жизни меня как гражданина страны фактически директивным образом под воздействием меняющейся идейно-политической конъюнктуры персонального свойства **(смена режима Сталина режимом Хрущева, режима Хрущева — режимом Брежнева и далее по порядку: Брежнева — Горбачевым, Горбачева — Ельциным, Ельцина — Путиным)**, не раз вынуждали одобрять и поддерживать политический курс страны, который, при очередной смене руководства, признавался ошибочным, коренным образом пересматривать основы отношений с государством и к их лидерам.

В результате возникло ощущение, что прожита не одна жизнь, а сразу пять, одна другой горше. На рубеже подведения итогов не осталось ничего, кроме разочарований. Сегодня страна, а, следовательно, и мои отношения с ней, явно оказались на пороге очередной идейно-политической «пертурбации», которой я совершенно не желаю подвергаться.

В моем Обращении к В. В. Путину четко проведена мысль, которую я и от Верховного Суда не намерен скрывать: мне важен не сам по себе факт гражданской принадлежности. Если решение от неё отречься созрело, то никакие внешние обозначения этого, мне не важны и не интересны. Единственное, на чем я настаиваю, это — соблюдение и уважение моего личного человеческого достоинства. Чего в нашей стране никогда не было, нет и, судя по всему, не предвидится.

Речь в моем Обращении к Президенту, как гражданина и профессионала, пока я ещё Государственный Советник РФ, идет не о моих личных переживаниях, а о серьезных бедах и угрозах, нависающих над страной, которую я вовсе не ассоциирую с государственной властью. Как гражданин и профессионал, я не раз обращал внимание властей на негативный характер происходящих в стране политический процессов (я специализируюсь на научном прогнозировании политический процессов, и до сих пор не было случая, чтобы хоть кто-нибудь имел основания упрекнуть меня в допущенных ошибках). Во всех случаях, к сожалению, безуспешно.

Нынешняя ситуация складывается таким образом, что я счел себя обязанным, как гражданин и профессионал, поставить некоторые вопросы будущего России непосредственно перед В. В. Путиным как главой государства. Именно в его власти принять сегодня решения, которые в состоянии избавить от неминуемых бед не только Россию, но и весь мировой политический процесс. Если всё и дальше пойдет как сейчас, вся Европа, а то и весь мир, неизбежно превратятся во вселенский Майдан типа украинского.

LitRes

Процесс состязания национал-патриотических амбиций уже запущен. Европа и США уже оказались в этот процесс вовлечены. Теперь только у России остается шанс направить развитие событий в благоприятное русло. Первый шаг в этом направлении, так судьба сложилась, может, на мой взгляд, просто должен, сделать именно Путин. Это — его историческая миссия и личное предназначение. Вот почему мое Обращение ему и адресовано.

Однако, как выяснилось, содержание моего Обращения до В. В. Путина вообще не было доведено. Жить в стране, где кто-то помимо самого Президента решает, что ему следует знать, а что нет, включая вопросы, прямо относящиеся к его компетенции, стыдно и противно. А главное, — очень опасно.

Вот и в письме за подписью Заместителя начальника Управления по внутренней политики Администрации Президента Р. Хабирова, которое мне предлагается «по умолчанию» воспринимать в качестве ответа Президента на адресованное ему письмо, что ни фраза, то нормативно-правовой нонсенс, посягательство на конституционные прерогативы не то что рядовых граждан, но и самого главы государства, ущемление гражданских свобод и права личности, подлог и беспредел.

После получения такой сугубо бюрократической отписки, абсолютно безграмотной в правовом отношении, **(См. Приложение 3)** я счел необходимым вновь обратится к В. В. Путину, с претензией, что не могу принять полученный из его Администрации ответ на мое Обращение как адекватный ни в смысле содержания, ни в уровне рассмотрения, ни в предусмотренной Конституцией компетенции принятия решений по поставленным в моем Обращении вопросов. Повторное Обращение вообще было оставлено без ответа, хотя и было получено Администрацией Президента. Это мной было проверено. Такое отношение к обращениям граждан, адресованным главе государства, вообще считаю вопиющей нормативно-правовой наглостью и административным хамством».

Судя по сохранившейся на одном из экземпляров дате статья **«Если бы августовского путча не было, его следовало придумать»,** речь сейчас идёт именно о ней, была готова уже к 24 сентября 1991 года. Значит, с момента путча едва прошёл месяц. Напечатанный текст я у себя не держал, один экземпляр статьи отдал Анатолию Собчаку, с которым я состоял в довольно добрых отношениях, для передачи М. С. Горбачёву, а другой — на хранение Народному депутату, Председателю Комитета Верховного Совета СССР по безопасности Владимиру Стаднику.

Она-то как раз и была датирована. Впоследствии я от самого Горбачёва узнал, что статья до него дошла. Видно, А. Собчак своё обещание выполнил. Как-то в личной беседе, а было это 25 мая 2005 года М. С. Горбачёв заметил: ***«А я Виктор, читал ещё одну Вашу статью. Неопубликованную».*** Других неопубликованных статей, кроме той, о которой было

упомянуто, у меня не было. Но той горбачёвской фразе я не придал особого значения. Самой статьи к тому моменту у меня на руках давно не сохранилось.

Всё перевернул как бы специально подвернувшийся случай. Мой добрый товарищ В. Стадник, живущий сейчас в Луховицах на берегу Оки, пригласил меня позапрошлым летом на рыбалку. В один из вечеров, коротая время, решили разобрать архив, хранившийся у В. Стадника на чердаке ещё с депутатских времён.

Среди бумажного вороха, мы натолкнулись на экземпляр моей статьи. С соответствующей датой и автографом. На первой странице значилось: «24.09.1991 г.» и автограф «В. Стаднику. Из неопубликованного».

Мы, конечно, не могли её не перечесть. И оба пришли к выводу, час для её публикации пробил не двадцать лет назад, а именно теперь, когда с необычайно остротой развернулись новые дискуссии: а что же на самом деле произошло в августе?

Не стану скрывать, завершение работы над книгой планировалось к поучительной исторической дате — двадцатилетию августовского путча. Значит, ровно столько прошло и с момента публикации первой из моих прогностических статей, в которой был проанализирован ход событий, ведущих к неминуемому политическому краху инициатора «перестройки» М. Горбачёва, а всю страну к тяжелейшим потрясениям.

До событий двадцатилетней давности я считал, не столько вина, сколько беда М. Горбачёва состоит в том, что он приступил к радикальной «перестройке» страны скорее по наитию, в ответ на зов времени и настроений людей, не имея перед собой стратегического плана, далеко и глубоко продуманного. По этой причине в какой-то момент он перестал поспевать за развитием событий, завершившихся августовским путчем.

Прогноз, построенный в соответствии именно с этой логикой, оказался абсолютно точным, вплоть до деталей и имён. Что вовсе не удивительно, если прогнозируемый период укладывается в обозримую зону причинно-следственных связей, имевших объективный характер. Именно эти качества так высоко оценил в моей первой публикации о Горбачеве Ю Гельцер. Но если по-правде, я гораздо больше ценю вторую, опровергающую выводы первой.

Верный прогностический результат развития событий, оказавшихся в этой зоне, как правило, мотивационно-целевой нагрузки на себе не несёт. Во внимание принимается только объективная логика обстоятельств и неизбежных последствий предпринимаемых действий по принципу, сформированному легендарным Кузьмой Прутковым: щёлкни кобылу в нос, она махнёт хвостом.

От этого сбывшиеся прогнозы ничего не теряют в своём научном качестве до тех пор, пока не наводят на мысль: а что если полученный результата именно таким и замышлялся, сложился не в итоге объективного

стечения обстоятельств, а благодаря реализации чьей-то конкретной субъективной воли. Тогда многое из того, что считалось досадным промахом, роковой ошибкой, фатальным недоразумением может предстать в совершенно ином свете.

То, что вчера казалось крахом и поражением, назавтра оказывается триумфом и безоговорочной победой. На эти размышления я вышел не сегодня, а в те три дня, проведённые с 19 по 21 августа 1991 года в Белом Доме. Затем по горячим следам, всё увиденное, услышанное, пережитое легло единым махом на бумагу. Считаю, что статья имеет все основания и права быть опубликованной полностью не в Приложении, а именно в постановочном разделе.

Но прежде, чем это сделать, позволю себе небольшую экспозиционную зарисовку.

Прибегая к спасительному примеру первой прогностической публикации, могу сказать: роль, которую должен был сыграть в надвигавшихся августовских событиях вице-президент СССР Г. Янаев, удалось предсказать довольно точно, а вот самого М. Горбачёва практически нет, хотя на событийной составляющей прогноза это никак не сказалось. Я уже где-то ранее по ходу изложения говорил, что по сути дела не занимаюсь прогнозированием событий, а ориентируюсь, прежде всего, на объективную логику взаимодействия обстоятельств и поведения людей в этих обстоятельствах.

Проиллюстрирую это на наиболее ярком конкретном примере прогностической статьи **«Объективная логика политического краха Горбачёва»**. Обстоятельства, приведшие к августовским событиям были изложены в материале достаточно точно, мне даже сегодня к ним нечего добавить. Не ошибся я и в той роли, которую играл Г. Янаев, по целенаправленной воле самого Горбачёва в декабре 1990 г., ставший вице-президентом России, а в августе 1991 г., возглавивший антигорбачёвский ГКЧП. Нет необходимости что-либо менять и в той части статьи, где речь идёт о действиях и поступках М. Горбачёва, которые вели и его, и страну к жесточайшим потрясениям.

Однако, вот в чём вопрос: делал он это вполне сознательно и целеустремлённо или по политическому недомыслию, недопустимому для государственного деятеля его уровня? Сам М. Горбачёва на этот вопрос чёткого ответа никогда не даст, потому что в любом случае он окажется в ситуации, когда для объяснения, случившегося нужно предъявлять неопровержимые доказательства правомерности своего поведения и целесообразности поступков и решений. Однако, в ситуациях, когда окончательный вердикт выносит только время, таких доказательств нет и быть не может. Здесь уж каждый сам вправе судить, что перед ним — непростительная вина или великая заслуга.

Признаюсь, искренне, честно, мысль поискать ответ на этот вопрос не через два десятилетия, а в те самые горячие августовские дни 1991 года

LIBRESS

мне бы никогда в голову не пришла, если бы не своего рода подсказка. Как я уже говорил, три дня, с 19 по 21 августа, я провёл в Белом Доме, оказавшись там с помощью коллеги и доброй знакомой Валентины Ланцевой, тогдашнего пресс-секретаря Бориса Ельцина.

Девятнадцатого утром, часов в 9 начале десятого мы с ней столкнулись возле 8-го, так называемого журналистского подъезда здания российского правительства, которое теперь обычно называют Белым Домом. Её «волшебного» слова, брошенного вооружённой короткоствольными «калашниковыми» охране, оказалось достаточно, чтобы я оказался внутри. **«Теперь действуй, как знаешь. Что тут будет, даже предположить не могу».** Ну, а уж я, тем более…

Помог случай, кто-то в фойе через мегафон объявил: «Народным депутатам СССР предлагаем собраться в левом крыле здания на первом этаже возле гардероба». Я, понятно, никаким народным депутатом СССР не был, зато имел в кармане удостоверение члена редколлегии и политобозревателя журнала Верховного Совета СССР «Народный депутат». Кстати, удостоверения были один в один депутатские, что впоследствии меня не раз выручало.

В тот первый день возле раздевалки собралось человек пять или шесть, кто именно сейчас вспомнить затрудняюсь, слишком взбаламученным было тогдашнее восприятие. На третий день в Белом Доме уже сложилась Союзная депутатская группа, человек в тридцать-сорок. Из числа тех, с кем пришлось общаться непосредственно могу назвать А. Владиславлева, В. Стадника, В. Челышева, Белозёрцева. Причастность к депутатской группе сослужила мне, как журналисту, хорошую службу, у меня в руках оказалось гораздо больше информации, чем я мог бы добыть самостоятельно.

К примеру, каждый вечер, из выпавших на время путча трёх, с группой Народных депутатов СССР, находившихся в Белом Доме, встречался Геннадий Бурбулис, в то время ближайший соратник Б. Ельцина. Поскольку меня в группе сразу признали за своего, присутствовал на этих «вечерних беседах» и я. Не помню, в какой именно из вечеров, скорее всего в ночь на 21 или 22 августа Г. Бурбулис сообщил, что на следующий день в Белый Дом «с дружеским визитом» из Фороса прибудет ближайший помощник М. Горбачёва Георгий Шахназаров. Общаться с ним следует осторожно, он та ещё «хитрющая лиса». ***«Мы вообще не должны давать повода М. Горбачёву перехватить у нас победу»,*** — завершил своё выступление Г. Бурбулис.

Заключительная фраза Г. Бурбулиса озадачила. Расхождения во мнениях, оценках и даже острые противоречия, доходившие порой до прямых конфликтов между помощниками М. Горбачёва и Б. Ельцина, уже давно не составляли секрета. Но в данном конкретном случае речь шла о возможности преодолеть разногласия, сплотиться на конструктивной платформе

URSS

и двинуться, наконец, к совместно провозглашённым целям. Откуда тогда установка: «не дать возможность и даже повода команде Горбачёва перехватить победу»? Разве у него были какие-то иные цели, чем у защитников Белого Дома? Что по факту должно было означать, что и на защиту М. С. Горбачёва? Во всяком случае, именно так оценивал ситуацию Б. Ельцин в своей знаменитой речи, произнесённой 19 августа с танковой башни.

А если Г. Бурбулис имел-таки основания для высказанных предположений о наличии у М. Горбачёва собственного варианта победы над путчистами, или, ещё круче, вместе с путчистами над Б. Ельциным и российской демократией? Слава Богу, я не позволил себе отвергнуть эту мысль с порога, а решил придать её тщательной аналитической экспертизе. Благо необходимые материалы, накопленные по ходу работы над первой статьёй, оставались под рукой.

Наверное, не ошибусь, если предположу, сегодня 9 человек из 10-ти, даже 999 из тысячи, сходятся во мнении, что ответственность за августовские события 1991 года ложится, прежде всего, на М. С. Горбачёва. Сначала как на Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем Президента СССР. Я не разделяю эту точку зрения именно потому, что уже в сентябре 1991 г. пришёл к совершенно иному выводу.

Величайшая историческая заслуга Горбачёва, истинная ценность и смысл которой ещё скрыты от глаз многих наших современников, состоит в том, что инициированная им «перестройка» и спровоцированный ею же августовский путч привели к ликвидации КПСС и Советской власти. За что, к великому сожалению, пришлось заплатить распадом страны. Без этой жертвы от КПСС и Советской власти избавиться бы не удалось. Вот, оказывается, какую победу Г. Бурбулис с Б. Ельциным и не собирались делить с М. Горбачёвым. Она же — эта победа — над КПСС и Советской властью принадлежит именно ему.

В этом меня убедило скорее не то, что М. Горбачёв успел сделать, а то, что не сделал того, что фактически обязан был сделать. Не отменил Указ Ельцина о запрете КПСС, санкционировал роспуск чрезвычайного съезда Народных депутатов СССР, хотя на тот момент съезд оставался единственным высшим легитимным и полномочным органом власти, не воспротивился сначала принятию, а затем и реализации Беловежских соглашений. Любое из таких решений могло повернуть развитие событий вспять. Но вспять, значило к сохранению КПСС и Советской власти.

Сегодня, через двадцать лет после августовского путча совершенно очевидно, что главным историческим итогом «перестройки» стала ликвидация КПСС и советской власти. Все другие цели и задачи, которые ставились до августа 1991 года и после него, вплоть до сегодняшнего дня, всё ещё далеки от воплощения в реальность.

ИПСС

Эффективная рыночная экономика в стране не создана, развитое демократическое общество не работает, рост материального благосостояния основной массы граждан страны скорее упал, чем вырос. А вот КПСС и советская власть ушли в прошлое безвозвратно. Кого-то это огорчает, кого-то радует. Но это уже критерии психологические, морально-этические, а не исторические.

Я сейчас говорю об этом не потому, что сам превратился из бывшего члена КПСС и советского гражданина в ярого антикоммуниста и антисоветчика. Просто минувшие два десятилетия научили меня оценивать людей и события не по сиюминутным меркам, руководствуясь симпатиями или антипатиями, а под углом зрения исторической перспективы. А она, во-первых, открывается не сразу, а, во-вторых, с течением времени способна менять не только оценки, но и сами направления развития, вплоть до прямо противоположных.

У любимого мною дотошного читателя, наверняка, в этом месте уже наготове вопрос: что такого-эдакого должно было случиться за считанные дни, чтобы автор диаметрально поменял свою точку зрения на одно и то же событие. **В первом случае, Августовский путч для Горбачёва — объективно обусловленный политический крах, а, во втором — величайшая историческая заслуга, почти что политический триумф.** Разве такое бывает? Оказывается, да.

Когда говорилось о крахе, я и предполагать не мог, хотя необходимость в этом видел, что одни человек, какой бы высокий пост не занимал, в состоянии сокрушить незыблемый политический бастион — КПСС и Советскую власть. Когда я писал «Объективную логику…», я думал не о стране. Моим пером двигало сочувствие к М. Горбачёву и огорчение, что связанные с ним надежды не сбылись. Оставалось только искренне М. Горбачёву посочувствовать. Он сделал всё, что мог, даже больше. Теперь разумнее всего, так я считал, пост Президента добровольно покинуть.

В заключение статьи я прямо так и написал:

«Несколько слов в завершение рискованной и спорной темы. Я не хотел причинять боль Михаилу Сергеевичу Горбачёву. И уж тем более писал не по социальному заказу. Говорю искренне, для меня он навсегда останется инициатором перестройки, одним из её героев, неизбежной её жертвой. Я бы не хотел только, чтобы имя Горбачёва оказалось связанным с гибелью последней надежды народа на возрождение, на осуществление выстраданного нами права жить по-человечески. С этой мыслью и заканчиваю. Ведь мы все, в конце концов, в ответе друг за друга, за страну, а не только президент. Верю, что М. С. Горбачёв это понимает».

К счастью, М. С. Горбачёв понял гораздо больше, чем я был в состоянии предполагать. Теперь я абсолютно уверен, М. Горбачёв знал, что его обязательно свергнут ещё задолго до Августовского путча, но если бы под

воздействием этой угрозы он покинул свой политический пост добровольно, КПСС и Советская власть сохранились бы.

В этом, надеюсь, сегодня никто не сомневается, даже самые оголтелые критики М. С. Горбачёва. Он на своём посту остался, КПСС и Советская власть рухнули. Поэтому в сентябре 1991 года на бумагу и легла статья **«Если бы августовского путча не было, его следовало придумать»**. Это не была перемена точки зрения на происходящее, здесь решающую роль сыграл иной взгляд на абсолютно точно предсказанные результаты. Если в чём-то и есть моя вина, то вовсе не в недостатке прозорливости, а в недооценке политической мудрости и человеческого мужества самого Михаила Сергеевича Горбачёва.

В написанной чуть ли не в один присест статье «Если бы августовского путча не было, его следовало придумать», я пришёл к выводу, хотел того М. Горбачёв или нет, сознательно он действовал или так складывалась судьба, но всё, что он провозгласил «перестройкой» с самого начала стало проявлять себя, как последовательная и целенаправленная реализация программы «Четырёх АНТИ» — антикоммунистической, антисоциалистической, антисоветской и антисоюзной. Действия в этом направлении лично мне представлялись разумными и целесообразными, объективно обусловленными.

Но кто мог предполагать, тем более надеяться, что всё случится разом, в историческом смысле в одночасье. За полгода до августовского путча и появилась статья «Объективная логика политической краха Горбачёва», со знаком минус. А сразу после путча под воздействием всё той же «объективной логики» другая статья на ту же тему, но с диаметрально противоположным знаком. Вот что могут натворить плюс три дня. С 19 по 21 августа 1991 года, и последующие три недели размышлений над тем, что случилось.

В том, что Программа «Четырёх АНТИ» в конечном итоге осуществится у меня ни разу не возникало сомнений и прежде. Поддержка курса М. Горбачёва была основана не на том, что он говорил, здесь было много разного, противоречивого, а что делал, как поступал. Действия же сомнений не оставляли. Горбачёв последовательно и целенаправленно вёл дело к ликвидации КПСС и Советской власти.

В конечном итоге, я и сам понимал, что такой исход исторически неизбежен. И вовсе не в результате заговоров, путчей, переворотов. Достаточно было М. Горбачёву предоставить своим сподвижникам, руководству партии и страны, возможность действовать по собственным представлениям, не считаясь, как они и привыкли, с требованиями времени и настроениями людей.

Безграничная власть, особенно если она осуществляется «во имя великой цели и на благо народа», неизбежно приводит к иссушению мозгов. Это наша несчастная страна испытала на собственном опыте. Я лично

UPSS

воспринимаю крах КПСС и Советского государства как величайшую историческую победу мирового значения. Под руководством Коммунистической партии Советский Союз и Советский народ проиграли исторический спор более эффективному и жизнеспособному социально-экономическому и общественно-политическому строю, сдали ранее завоёванные позиции, в какой-то момент довольно мощные. Во всяком случае, на важнейшем для существования страны рубеже сил хватило, чтобы победить во Второй мировой войне, создать атомную и водородную бомбы, запустить человека в Космос, выйти в целом ряде отраслей, промышленности и науки, в основном, обслуживающих ВПК, на передовые рубежи.

Почему же СССР не сумел конструктивно воспользоваться открывавшимися возможностями, почему не сплотил, хотя и пытался, вокруг себя союзников и соратников? На мой взгляд, по одной-единственной, решающей причине — не предоставив наглядного примера собственной эффективности и конкурентной способности, не доказав стремления к развитию личности, обеспечению её прав и свобод. В результате — крах. Горевать здесь по сути дела не о чем. Хотя и радоваться почему-то тоже не хочется. Уж слишком много у победившей страны осталось нерешённых проблем.

Зато планета и всё человечество после распада Советского Союза и «мировой социалистической системы», безусловно, выгадали: мир избавился от иллюзорной альтернативы развития, обнажились движущие силы исторического процесса и реально достижимые цели. Путь к установлению справедливого миропорядка предстоит хоть и долгий, зато прямой.

Именно по этой причине я в 1991 году считал и теперь продолжаю считать: если бы августовского путча не было, его следовало придумать. Не знаю, откуда я это взял, — скорее всего, интуиция осенила, — историческая правда и историческая справедливость тогда были и сейчас остаются на стороне М. С. Горбачёва.

Единственным действительно историческим событием минувшего двадцатилетия как в нашей стране, да и вообще в мире по объективным меркам остаётся ликвидация КПСС и Советской власти. И это бесспорно — заслуга М. С. Горбачёва. Всё, что было после и помимо него, до сих пор остаётся благими намерениями, заведшими страну в тупик.

Скажу больше: период с двадцать первого августа 1991-го по четвёртое октября 1993-го сыграл в истории России роковую роль. В августе был положен конец существованию в стране КПСС и Советской власти; в октябре — под лозунгом борьбы за демократию был перекрыт путь к национальному возрождению и гражданской консолидации России.

Уже двадцать лет назад я попытался это показать и доказать. Вот как это было сделано ещё в сентябре 1991 года. Начиная с первых строк статьи **«Если бы Августовского путча не было…»**, вплоть до заключительных.

ИПРСС

«Вообще-то я убежден: для того, чтобы высказать собственное мнение по любому, даже самому важному и острому вопросу, необходимо только одно предварительное условие — нужно это мнение иметь. Но поскольку заранее предвижу, что моя версия развития событий в стране, моя гипотеза о коренных причинах и движущих силах августовского путча может быть встречена большинством читателей как политическая фантастика, считаю себя обязанным доказать право обнародовать свои представления о случившемся. Слишком о серьезных вещах пойдет речь, слишком дорогой может оказаться цена даже малейшей ошибки. С другой стороны, видеть, что произошло и еще может произойти, понимать, что разразившаяся уже трагедия имеет не только конкретные причины, но и вполне объективные закономерности, и при этом уклониться от попытки разобраться в хитросплетении событий, считаю, невозможным. Такая позиция была бы изменой не только профессиональному, но и гражданскому долгу.

Подтолкнуло мою решимость поделиться своими соображениями еще фраза, сказанная М. С. Горбачевым на пресс-конференции 22 августа 1991 г., сразу после вызволения из Крыма: «Всего, что я знаю, я вам не скажу никогда». Значит хотим мы того или нет, до многого, если не до главного, нам придется додумываться самим, не полагаясь на откровения даже самых высокопоставленных должностных лиц, на результаты специальных расследований будь то прокуратура или парламентские комиссии. В документах этих органов найдут отражение конкретные факты и действия, но в их задачу не входит анализ объективной логики событий, далеко выходящей за рамки августовского путча.

Дело в том, что я глубоко убежден и намерен это доказать — страну вели к трагическим дням августа 1991 года сознательно и планомерно, а главное мужественно и тонко. Пусть не с первых дней перестройки, но уж в последние два-три года этот курс просматривается достаточно четко.

Окончательно убедило меня в этом заявление М. С. Горбачева о его твердом намерении сохранить за собой пост Президента. Ведь если согласиться, что для М. С. Горбачева события августа и то, как вели себя в ходе путча его ближайшие сподвижники, было неожиданностью, пусть трагическим, но непредвиденным стечением обстоятельств, тогда для Президента СССР как человека и политика, осознающего свою ответственность перед народом, оставался бы только один выбор — уйти в отставку. Ведь это же ясно, в слишком серьезном положении оказалась страна, чтобы вновь вверить свою судьбу в руки случайностей и непредсказуемому ходу событий. Иное дело, если М. С. Горбачев, пусть не в деталях, не в тактике, но обязательно в стратегии перемен, которые были названы им перестройкой, отдавал себе отчет в неизбежности острого кризиса, поставившего ныне страну на дыбы. Тогда он просто обязан

продолжить начатое дело с тем, чтобы довести его до конца. А наш долг помочь ему в этом.

Не документы, не факты, а гораздо более важные доказательства — логика политического поведения М. С. Горбачева — убеждают в том, что он раньше, чем кто бы то ни было понял: в нашей стране никакой иной перестройки, означающей переход от «реального социализма» к условиям нормального человеческого существования, кроме перестройки АНТИкоммунистической, АНТИсоциалистической, АНТИсоветской и АНТИсоюзной быть не может.

Я бы просил постараться понять меня правильно и воспринять сказанное без излишней идейно-политической аффектации. Любой непредубежденный человек, надеюсь, согласится, что постановка вопроса о четырех АНТИ-ипостасях перестройки — это не враждебный выпад закоренелого антикоммуниста и антисоветчика, не выдумка досужего ума, а констатация того очевидного факта, что именно в этих направлениях события и развивались.

Намерение действительно переустроить нашу нищую, убогую, недостойную человека жизнь у М. С. Горбачева было искренним, а теперь, можно сказать, и исключительно твердым, должно было привести его к убеждению, что без осуществления «контрреволюционного» переворота, возвращающего страну в русло нормального естественноисторического развития, который уже привел к процветанию народы многих других стран, не посягавших на поступь истории, не пренебрегавших мудростью объективных законов социально-экономического и общественного развития, не обойтись. Либо такой переворот, либо возврат к прошлому, равноценный гибели государства.

Неотвратимость августа была очевидна уже в декабре

Сейчас, по прошествии времени, мы вновь возвращаемся к размышлениям о том, когда же были запущены часы, подключенные к политической бомбе, разорвавшейся в ночь на 19 августа 1991 года. Разные на этот счет высказываются точки зрения, разные приводятся аргументы. Есть, точнее была, по этому поводу позиция и у меня. Судя по тому, как развивались события во второй половине минувшего года, у меня родилось сначала ощущение, а потом и уверенность, что дело, скорее всего, может принять трагический оборот. Однако до окончательного утверждения в своей правоте, я считал необходимым подвергнуть имевшиеся у меня доказательства и аргументы тяжелейшему, но объективному испытанию на научную и политическую состоятельность. Таким испытанием в науке и в политике может быть только одно сбывшееся предвидение, которое издревле, как только человек осознал себя способным мыс-

UPSS

лить, считается самым надежным критерием истины, самым ценным сертификатом научности.

Решение подвергнуть такому испытанию свои наблюдения и выводы пришло не сразу. Нужно было провести этот экзамен в критической точке, чтобы полученные результаты имели не второстепенный, побочный, а фундаментальный характер. Ведь только тогда можно быть уверенным — случайность исключена, в оценке событий, в предвидении перспективы просматриваются уже не тенденции даже, а вполне объективные закономерности, которые не перечеркнуть, не обратить вспять. И момент для такого испытания настал. У него есть точная дата и место действия — декабрь 1990 г. Кремлевский дворец Съездов, IV Съезд народных депутатов СССР, день выборов вице-президента страны, которым стал Г. И. Янаев. Это был сигнал — ждать дальше нельзя.

Тогда же подвернулся подходящий случай. В редакции журнала «Народный депутат», где я работаю, на очередное расширенное заседание редколлегии собрался наш творческий коллектив. В тот день — свидетели тому все присутствовавшие — я сделал заявление, суть которого сводилась к следующему: Съезд народных депутатов СССР под давлением М. С. Горбачева принял решение, которое чревато трагическими последствиями. Оно приведет к дальнейшему обострению конфронтации. Теперь можно с полной уверенностью говорить о неизбежности правоконсервативного переворота, дни которого не за горами. Я высказал также намерение подготовить для публикации статью, где содержалась бы развернутая аргументация изложенной мною позиции. Такая статья была написана всего за несколько дней, но увидела свет только через два месяца 7 марта 1991 года и не в журнале «Народный депутат», куда была первоначально предложена, а в «Независимой газете», будучи приуроченной к шестой годовщине перестройки. Называлась она «Объективная логика политического краха Горбачева».

Сейчас у меня есть желание кое-то в ней перетолковать, хотя бы потому, что многие из тех конкретных событий, о которых тогда шла речь, предстают ныне в ином, чем прежде свете. Но я удерживаю себя от этого соблазна. От необходимых дополнений, конечно, не уйти. Но мне бы хотелось воспроизвести картину такой, какой она виделась в ту, декабрьскую пору. Я прошу извинить меня за цитирование самого себя. Не принято это у журналистов. Но я делаю это не из честолюбия или тщеславия, а в интересах выяснения истины. Так было сказано, так виделось. Итак, цитирую небольшой кусочек, касающийся лишь тех аспектов, которые напрямую выводят на события августовского путча.

«Процесс разрушения его (М. С. Горбачева, — В. Г.) политического имиджа, падения авторитета и влияния стал необратимым. Слишком много за минувшие шесть лет допущено ошибок, просчетов, сделано невыверенных политических ходов.

В этой ситуации М. С. Горбачеву помогает держаться у власти только страх «правых», что победят «левые», и страх «левых», что победят «правые». Политического центра, способного притягивать к себе хоть какие-то силы, практически нет. Ситуация уникальная, по сути дела, тупиковая. Попытки самого М. С. Горбачева найти из нее выход заведомо обречены. Те, кто не понимал этого прежде, начинают осознавать сейчас, после того, как начался процесс формирования новой президентской рати, вместе с которой М. С. Горбачев уже пообещал уйти в отставку, если не удастся стабилизировать обстановку, добиться перемен к лучшему. (Именно это заявил М. С. Горбачев на одном из заседаний IV Съезда народных депутатов СССР, во время обсуждения кандидатур в состав будущего кабинета. Но сейчас, после того, что случилось, я принадлежу к числу тех людей, которые не будут ловить его на слове и требовать исполнения данного обещания. — В. Г.).

Это заявление свидетельствует только о том, что президент политически дезориентирован и, похоже, деморализован. Иначе он должен был бы знать, что в обозримой перспективе сделать нечто такое, что можно было бы рассматривать как стабилизацию обстановки, а тем более как радикальный поворот к лучшему, ни ему, ни кому-либо еще не удастся. Развитие событий вышло из-под контроля, (К этой оценке в дальнейшем еще придется вернуться для внесения существенных уточнений, связанных с новыми моментами, выявившимися в ходе недавнего государственного переворота. — В. Г.) и в нынешней ситуации никто не сможет предсказать, какая очередная «бомба» взорвется на политическом полигоне страны. Но что бы ни случилось, вина за это будет возложена на М. С. Горбачева, на тот Кабинет Министров, который он формирует. Кто бы в него ни вошел, заведомо ясно, что там не будет ни одной действительно заметной личности, знающей себе политическую цену.

Еще одним подтверждением образовавшегося вокруг М. С. Горбачева политического вакуума стало выдвижение на пост вице-президента Г. И. Янаева. Дело даже не в том, что после возникших сомнений при голосовании за его кандидатуру на 1У Съезде народных депутатов СССР не нашлось другого решения, кроме как настаивать на повторном голосовании. Хотя он должен был бы понимать, что, опуская бюллетени во второй раз, депутаты будут выражать свое мнение уже не по кандидатуре Г. И. Янаева, а по вопросу о доверии самому президенту. И одержанная победа была неубедительной.

В выборе Г. И. Янаева как в капле воды отразился измельчавший политический масштаб личности М. С. Горбачева, то качество Президента СССР, которое довершает сейчас его политическую гибель, — непродуманность предпринимаемых ходов с точки зрения их неизбежных последствий. Сделав своей правой политической рукой Г. И. Янаева, М. С. Горбачев не только нанес невосполнимый урон своему авторитету и

репутации государственного деятеля, но вновь — в который уже раз! — способствовал обострению конфронтации, усилению дестабилизации обстановки, чреватой для него и для народа тяжелейшими бедами. Так что же делать в этой ситуации?

Объективный анализ положения приводит к выводу: все, что нам предстоит увидеть, будет не только жалкой и жестокой агонией политической карьеры Горбачева, но и часом страданий народа.

Спасение возможно только в одном случае. Если сам М. С. Горбачев, осознав критический характер ситуации, сойдет с политической арены добровольно. После отставки Б. Н. Ельцина в 1987 году и Э. А. Шеварнадзе в 1990-м целесообразность отставки М. С. Горбачева вычисляется также просто, как валентность любого химического элемента по таблице Менделеева…

Добровольный уход М. С. Горбачева в отставку мог бы стать спасительной встряской для общества, заставить закусивших удила доморощенных демократов и консерваторов осознать гибельность конфронтации, понять, наконец, что без консолидации и гражданского согласия спасение страны невозможно.

Но до тех пор, пока во главе государства остается Горбачев, цель консолидации недостижима. Разорвать же заколдованный круг может лишь сам президент. Для этого ему вновь потребуется проявить политическое мужество в сочетании с политической мудростью. Хватит ли Михаилу Сергеевичу того и другого? Очень хочется, чтобы хватило. Ведь выбор ему предстоит делать действительно неимоверно трудный: либо ужасный конец, либо ужас без конца».

К счастью, во всяком случае я теперь так считаю, у М. С. Горбачева оказалось гораздо больше политического мужества и мудрости, чем этого требовалось, чтобы уйти в отставку. Этих качеств у него хватило для того, чтобы остаться. Я продолжаю думать, что в случае его ухода мы бы действительно могли получить и консолидацию и согласие. Возможности договориться у противоборствующих сторон могли бы появиться, и перспектива августовской трагедии, возможно, исчезла бы. Но в тот момент Горбачев, по всей видимости, уже утвердился во мнении, что консолидация консолидации рознь, что открывающаяся с его уходом перспектива — это движение вспять, к прошлому, из которого уже не будет возврата. Последний шанс будет упущен.

В первом моем анализе была схвачена внешняя канва событий, но их суть раскрылась только сейчас, когда за плечами оказался опыт трех трагических дней минувшего августа.

На рубеже прошлого и нынешнего года, когда у всех на устах были события в Вильнюсе и Риге, когда всё более острыми и кровавыми становились схватки на межнациональной почве в различных концах страны, во многих союзных республиках, отставка М. С. Горбачева представлялась

URSS

единственным спасением не только мне. Напомню лишь о выступлении Б. Н. Ельцина в прямом телевизионном эфире.

Как читатели, полагаю, знают, в феврале Б. Н. Ельцин по сути дела потребовал отставки М. С. Горбачева, возлагая на него вину за все, что происходит в стране. У многих тогда демарш Бориса Николаевича вызвал тревогу, правда, скорее за судьбу Ельцина, а не М. С. Горбачева. Ведь в том виде, как это было сделано, призыв об отставке Президента СССР больше походил на призыв к его свержению. И, следовательно, вся тяжесть ответственности за возможные последствия такого призыва ложилась на лидера России, с именем которого все демократические силы страны связывали судьбу давно назревших и желанных перемен.

Тем более в прозвучавшем из уст Бориса Николаевича призыве об отставке Президента СССР скорее всего по какому-то недоразумению, отсутствовало слово «добровольная». А оно — это слово — в тогдашней ситуации имело ключевое значение.

На следующее утро я прочитал в газетах, что совершая поездку по городам «золотого кольца» России, Б. Н. Ельцин, выступая в Переславле-Залесском, сделал существенное уточнение — говоря накануне об отставке Президента СССР, подчеркнул Б. Н. Ельцин, он, конечно же, имел в виду, что этот вопрос может решить только сам М. С. Горбачев. И только добровольно. От души как-то отлегло.

Теперь настала пора тревожиться уже за поведение М. С. Горбачева. То, что было произнесено им во время поездки в Белоруссию, и особенно выступление в Минске, производило удручающее впечатление. Здесь вновь, но с каким-то особенным напором, прозвучали слова о нерушимости «социалистического выбора», переходящего от дедов к внукам, о каких-то западных идеологах, которые спят и видят крушение наших революционных святынь и завоеваний, о том, что находятся в нашей стране безответственные политики, которые подхватывают, подбрасываемые из-за рубежа зловредные идейки.

Вразумительное объяснение тому, что было наговорено в Минске, можно дать, пожалуй, только сейчас. Все, кто судил о бурном течении реки лишь по белым барашкам на ее поверхности, ошибались. Истинная его сила была скрыта в глубине, на тот момент скорее всего только в сознании одного человека — Михаила Сергеевича Горбачева. Он, как мне представляется, понял то, что могло, нет, должно было стать, единственно реальным результатом его отставки — неизбежное столкновение «правых» и «левых».

«Правые» были готовы к такому повороту событий, «левые» еще нет. Так что исход схватки был предрешен. Следовательно, надо было удержать страну от катастрофы, даже если ради этого потребуется жертвовать своим политическим авторитетом и уважением народа.

Что и сделал М. С. Горбачев. Он поехал в Белоруссию. Не случайно. Именно там находится один из крупнейших бастионов военно-промышленного комплекса, именно там были сосредоточены наиболее стойкие политические силы правоконсервативного блока. Разве не подтверждает это хотя бы тот факт, что в момент августовского путча только в Белоруссии была предпринята попытка объявить ее суверенной коммунистической республикой!

Своими политическими реверансами перед «правыми» в Минске М. С. Горбачев сумел удержать их от готовности броситься во фронтальную атаку и тем самым спас Б. Н. Ельцина, спас надежду на конечный успех перестройки. Хотя себя поставил на грань не только политической, но и человеческой гибели. Впереди маячил август. «Правые» поддались на уловку. Они решили, что теперь М. С. Горбачев повязан с ними накрепко, что он будет действовать под их диктовку. Что теперь, с его помощью, они расправятся с Б. Н. Ельциным, а заодно и с «так называемыми демократами».

В постскриптуме, которые я успел дописать вдогонку к упомянутой статье, был такой абзац: «Уже прозвучали обвинения Б. Н. Ельцина в том, что он действовал под диктовку собственных амбиций, что он, на манер нового политического Герострата, готов спалить народ в пламени гражданской войны. Тем, кто выдвигает эти обвинения сегодня, очень скоро будет стыдно вспоминать о своем «благородном» гневе. Да они и не будут этого делать. Им просто будет не до этого. Очень скоро они сами станут требовать отставки М. С. Горбачева, а может быть, и суда над ним, будут призывать к передаче всей полноты власти Верховному Совету спасения страны и его местным комитетам, жестокого наказания нарушителей политического правопорядка». Августовские события подтвердили, что так оно и случилось. За исключением, быть может, несущественных деталей. Вроде той, что душители свободы и демократии предпочли назвать себя не «Верховным Советом спасения страны», а Государственным комитетом по чрезвычайному положению. Но кто знает, как бы он назывался, если бы путчистам удалось вынудить Верховный Совет СССР узаконить свои действия? Не исключено, что именно на это они и рассчитывали…

Крах КПСС — закономерный результат перестройки

А теперь, быть может, самое главное. Я уже говорил о четырех АНТИ-ипостасях перестройки. Из них самая важная — Антикоммунистическая. Без ниспровержения власти КПСС, без вытеснения ее с политической арены, никакие позитивные перемены в стране, ведущие из дискредитированного вконец социалистического прошлого, в нормальное человече-

URSS

ское будущее, были невозможны. Не та у большевистской партии была идейно-политическая закваска, чтобы поступиться принципами, чтобы уступить власть без боя, чтобы смириться с поражением. Помните Ленина: «Не для того большевики взяли в руки власть, чтобы от нее отказываться». И не отказались бы, если бы их к этому не вынудили.

Но и вынудить было бы невозможно, если бы не нашлось сил, способных разложить КПСС изнутри. Для внешних атак ее бастионы были непреодолимы. Слишком эшелонированной, тщательно продуманной и организованной была оборона. В коммунистическом духе начинали воспитывать детей чуть ли не с пеленок. С детского сада — сказки о «дедушке Ленине», с первых школьных шагов — «октябрятские звездочки», затем шеренги «пионеров-ленинцев», отряды «комсомольцев — подручных партии», и наконец, ряды самой КПСС, не состоя в которой вряд ли можно было рассчитывать в полной мере реализовать свои способности. Особенно, если это касалось сфер идейно-политических. Здесь надзор был жесткий.

Если мы теперь оглянемся назад, трезво оценим действия М. С. Горбачева, то легко убедимся, что реально Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС, делал только то, что подрывало позиции КПСС и то, что превращало процесс перестройки в стихийную антикоммунистическую революцию. И это понятно. Обеспечивать успешное развитие перестройки, пока компартия окончательно не устранена от власти, значило в любом случае укреплять ее позиции. А это с неизбежностью наступления ночи должно было привести только к одному результату: плодами перемен опять лакомилась бы партийная номенклатура, взращенный ею «новый класс» парт-государственного аппарата.

Я выскажу сейчас, если судить по недавним временам, крамольную мысль. Во всяком случае, именно так могут ее расценить еще многие. Самым эффективным и самым простым избавлением страны и народа от выпавшего на нашу долю тяжелейшего социалистического рока могла бы стать организация хорошо продуманного и тщательно подготовленного антикоммунистического путча. Победу которого закрепило бы осуществление научно обоснованных, во всех деталях продуманных решений, которые бы на каждом из промежуточных этапов находили подтверждения на практике, в жизни людей. Это был бы самый эффективный, наиболее безболезненный, но, к сожалению, гибельный поворот событий. Он не получил бы поддержки, народ не понял бы, не оценил его истинного смысла, не разобрался бы в его существе, целях и мотивах.

Семьдесят с лишним лет прошли не даром. Самостоятельно мыслить людей отучили, а действовать — тем более. Нужно было вести политику так, чтобы народ, как это ни горько, невыносимо горько сознавать, сам очистился от покрывшей его душу и мозги коммунистической

ИПРСС

коросты, увидел истинное лицо своих партийно-государственных доброхотов и «благодетелей».

Иного пути к осознанию этого, не испытав боль и страдания, не существовало. Предстояло пройти все круги перестроечного ада, а затем и чистилища августовских дней, чтобы осознать: все, что создавалось в нашей стране под водительством коммунистических лидеров, все, даже самые «великие» свершения, отмечены тлетворным прикосновением КПСС. Все, что она создавала, заведомо было обречено на гибель, поругание. Ибо сама идеология, политическая практика так называемого пролетарского коммунизма, замешанная на дрожжах апологетики классовой борьбы, революционного насилия, пренебрежения личными правами и свободами людей, не могла породить ничего иного, кроме общества, запрограммированного на самоликвидацию.

Все достижения «реального социализма» — это шагреневая кожа. Каждое новое исполнение задуманного не укрепляло, не продлевало, а наоборот, сокращало отмеренный ему срок. Последнюю попытку сохранить «реальный социализм» предприняли путчисты из ГКЧП. Все восемь — члены центрального комитета КПСС, половина из них — бывшие члены политбюро. У кого сегодня хватит смелости и разума утверждать, что это случайно?! Не бывает таких случайностей!

Мы должны благодарить Бога, а вслед за ним и М. С. Горбачева, что он от него сделал всё зависящее, чтобы подготовить народ, сохранить в строю решительных политиков, готовых встать на защиту свободы и нарождающейся в стране демократии, от посягательств "Гэкачепистов». Иначе могла разразиться трагедия, быть может самая страшная из тех, что мы уже пережили за послеоктябрьские семьдесят лет. Ведь КПСС — не просто политическая партия. Это партия ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Судите сами, могла ли быть у нас иная перестройка, кроме перестройки Антикоммунистической, коль уж мы вознамерились жить по-человечески. Вот почему я считаю, мне очень хочется в это верить, что эту очевидную истину, понял и М. С. Горбачев. Во всяком случае его действия убеждают меня, что он ее понял. Иначе зачем было ему оставаться до самых последних дней, вплоть до гибели партии, ее Генеральным секретарем. Стоило ему уйти с этого поста, и она могла бы сплотиться, консолидироваться. А такого поворота событий М. С. Горбачев, по всей видимости, не хотел. Кто знает, как бы повернулись события. Когда же стало очевидным, что политический крах КПСС состоялся, он сам, своей президентской росписью, скрепил указы Б. Н. Ельцина, подводящие итог ее бесславной, антинародной деятельности.

Многие сейчас считают, что КПСС может и должна возродиться. Но, простите, на какой основе. На прежней? Что все прожитое и созданное до пришествия коммунистов, лишь предыстория человечества, а

UPSS

истинная его история, начинается с «Коммунистического манифеста»?! Или, быть может, на том, что «насилием повивальная бабка революций». Или на том охлократическом тезисе, что большинство всегда право, что настоящая политика начинается только там, где миллионы. Марксизм-ленинизм, — а что может быть иного в основе любой из нарождающихся или возрождающихся коммунистических партий — сильная, изощренная, коварная, привлекательная на первый взгляд, но порочная идеология. Порочная в самой своей сердцевине.

«В марксизме доведены до конца притязания и сомнения «просветительного» разума, — писал изгнанный Лениным из России Н. Бердяев, — Он думает, что обладает просветительным и просвещённым разумом, который возвышается над всемирно-историческими судьбами человечества, над всей его духовной жизнью, над всеми человеческими идеологиями, видит все их заблуждения и иллюзии, являющиеся таким же отражением экономического процесса, как и он сам. Это — стремление сочетать притязания просветительского разума с мессианскими притязаниями, близкими к мессианским притязаниям древнего Израиля, потому что это — притязание на единственное, несущее свет сознание, — свет, претендующий быть не одной из идеологий, но единственной, и окончательной, окончательным светом, изобличающим тайну исторического процесса, а отсутствие этой тайны, изобличает страшную зияющую пустоту исторических судеб человечества, жуткую пустоту человеческой истории, изобличает небытие человеческого духа, небытие всей духовной жизни человечества, религии, философии, всякого человеческого творчества, наук, искусств и т.д. Марксизм утверждает, что все это — небытие»[50]*. Что ж, остается только поприветствовать попытки коммунистического возрождения на нашей земле по-шекспировски: «Король Ричард III умер! Да здравствует король!»*

Горбачев разрубил «гордиев узел», который сам же и завязал

Я очень часто вспоминаю слова, не раз поизносившиеся М. С. Горбачевым: если бы не интересы дела, которому он посвятил себя, не те цели, которые он перед собой и перед народом поставил, начиная перестройку, он с облегчением оставил бы оба своих высоких поста — и Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС. Понятно, что не сама по себе власть привлекала М. С. Горбачева. Что касается власти, то у него, как руководителя всемогущей по недавним временам партии, ее было больше,

[50] Бердяев Н. А. «Смысл истории», М., 1990, с. 11–12.

URSS

чем у любого из известных истории императоров. Другой вопрос, кому и чему служила эта власть.

Прежде, до М. С. Горбачева, она олицетворяла господство партократии, высших государственных чинов, воротил военно-промышленного комплекса, которые прикрываясь псевдосоциалистической, лживо-коммунистической фразеологией, установили в стране режим, близкий по духу и содержанию, разве что древним восточным деспотиям.

Нужно было случиться сверхъестественному чуду, чтобы во главе такого государства, как Советский Союз и такой партии, как КПСС, оказался человек, готовый отказаться от безграничной власти во имя интересов народов, о котором его политические поводыри, ослепленные коммунистическим гегемонизмом, давно и прочно забыли. Вот уж действительно, безумство храбрых.

Убежден, что первые три-четыре года перестройки люди даже из ближайшего окружения М. С. Горбачева не верили в искренность его намерений поставить страну на новые рельсы. Да, он, наверное, и не рассчитывал на постижение сподвижниками всей глубины задуманных реформ. Скорее всего, он и сам подходил к этому осознанию исподволь. Руководствуясь не волюнтаристской, типичной для коммунистических лидеров, а объективной логикой событий.

К тому же мы стали свидетелями еще одного явления «очевидного-невероятного». В партийной иерархии нашлись-таки наивные, легковерные люди. Не много, поначалу всего два-три. Среди них оказался и нынешний Президент России Б. Н. Ельцин, который воспринял провозглашенную М. С. Горбачевым программу перестройки всерьез. Казалось, можно только радоваться появлению энергичных единомышленников. Но М. С. Горбачев действует весьма странно: он отстраняет Б. Н. Ельцина от ключевых рычагов на том политическом пульте, с которого шло управление процессом перестройки.

Временами вообще создавалось впечатление, что Горбачев уже и сам готов отречься от провозглашенных целей, поддаться давлению ретроградов и консерваторов, действовать под их диктовку. Помните, каким гоголем держался одно время возле М. С. Горбачева Егор Легачев, чуть ли не похлопывая его по плечу. А однажды не удержался и с высокой трибуны партийного форума заявил, что именно он — Егор Легачев — и воспитал, и возвел на вершину партийной власти, и вывел в лидеры перестройки М. С. Горбачева. Но вскоре Лигачеву пришлось признать: «Перестройка, которую мы задумывали в 1985 году, не получилась». Не берусь судить, кого Е. Лигачев имел в виду под местоимением «мы». Но ход событий наглядно и убедительно демонстрирует, что у М. С. Горбачева имелся свой собственный взгляд на смысл и направления перестройки, отличный от точки зрения Егора Кузмича и многочисленного «мы» из верхушки партийно-бюрократической номенклатуры.

URSS

Но ведь не совпадал этот взгляд и с позицией Б. Н. Ельцина, затем со взглядами ближайших сподвижников, таких как А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, С. В. Шаталин, В. В. Бакатин. В опале оказались лучшие умы из числа советников Генерального секретаря и Президента.

Я рисую ситуацию по упрощенной схеме, максимально приближая ее к тому рубежу, который предшествовал августу. Хотя на самом деле все было гораздо сложнее и запутаннее. М. С. Горбачев по мере сил старался оградить общество от резкой политической поляризации, удерживая противоборствующие группировки в состоянии равновесия, когда ни одна из них не могла чувствовать себя уверенно.

Вспомните, как действовал М. С. Горбачев. То в одну сторону кинется, то в другую рванется, то «левых» пожурит, то «правых» попридержит. То к рынку за «500 дней» устремится, то вдруг переориентируется на «основные направления» без четких координат во времени и пространстве. Создавалось впечатление, что М. С. Горбачев мечется, не зная на что, наконец, решиться. А на страну обрушивался кризис за кризисом, жить становилось все тяжелее, экономика приходила в полной развал. Дело шло к прямому товарному обмену, инфляция набрала ошеломляющие темпы. В стране начались массовые забастовки, включая политические. Консерваторы и демократы тянули М. С. Горбачева каждый в свою сторону, предлагая один вариант преодоления кризиса за другим. Однако решение все не приходило.

Возникает естественный вопрос: что это — результат нерешительности М. С. Горбачева, его неумения сделать правильный выбор, проявить твердость, не пятиться назад, когда нога уже занесена для шага вперед? Укоры, а порой и обвинения подобного рода, звучали по адресу Президента СССР и «справа» и «слева», крайности не раз сходились и расходились, все более усиливая дестабилизацию во всех сферах жизни. А М. С. Горбачев продолжал маневрировать.

Конечно, программы демократов, Г. Явлинского, С. Шаталина, А. Петракова выглядели привлекательнее, но, к сожаление, трудно осуществимыми по двум причинам.

Первая из них — экономическая. Вторая — политическая. Радикальный перевод народного хозяйства на рыночные отношения, будем реалистами, стал бы делом рискованным, чреватым ничуть не меньшей неразберихой, чем попытки остановить набравший обороты развал экономики планово-социалистической.

Надежды на то, что можно стабилизировать положение за счет совершенствования прежних или развития новых принципов управления хозяйственным комплексом, тоже были призрачными. Ведь управлять можно только тем, что имеешь. Мы же, образно говоря, имели в своем распоряжении паровоз. У него какая система управления? Вперед-назад, да еще по тормозам. Вот и все возможности. А в условиях перевода на

рыночные отношения нашей прямолинейной экономике, предстояло сразу же выполнять фигуры высшего пилотажа.

Не готова она была к этому. Не взлетел бы паровоз. Не говоря, уже о том, что рыночная экономика не одинокий лайнер, зафрахтованный на стороне. Это целый аэрофлот, для которого нужны и машины, и взлетно-посадочные полосы и аэродромы по всей стране, и опытные экипажи, и не боящиеся скоростных полетов пассажиры. Не было у нас этого. Да и сейчас пока еще нет. Значит, действительное вхождение в рынок еще впереди.

К тому же торопливость, неудачные попытки форсировать переустройство экономики на новых принципах, могли привести не к рынку, а к «базару», где все продается и покупается, но ничего не производится. И симптомы такого поворота событий были налицо. Не исключено, что именно по этой причине М. С. Горбачев и проявлял осторожность в подходе к программам рыночников-демократов. Дискредитировать хорошую идею несвоевременной попыткой реализации легко, а вот восстановить к ней доверие — неимоверно трудно. Гораздо разумнее в таком деле поспешать медленно.

Тем более что путь к рыночной экономике преграждали еще и завалы политические. Ведь рыночная экономика без частной, акционерной без всех других форм собственности, создающих основу для предпринимательской деятельности в промышленности, в сельском хозяйстве, в сфере услуг, невозможна. А это значит, необходимо было нанести сокрушительный удар по экономическому оазису пресловутого «социалистического выбора». Здесь без политической борьбы, которая, как известно, служит концентрированным выражением борьбы экономической, не обойтись. Можно было не сомневаться, что она будет жестокой. Приверженцы «социалистического выбора» без боя позиций бы не сдали. И они готовились к этой решающий схватке.

Не буду вдаваться в детали, напомню лишь о трех красноречивых фактах: публикации прокоммунистического манифеста «Слово к народу», о якобы конфиденциальных выступлениях в Верховном Совете СССР Язова, Пуго, Крючкова, с которых так профессионально была организована утечка информации, да еще о неуклюжей попытке премьер-министра Павлова все на том же Верховном Совете СССР в отсутствие М. С. Горбачева потребовать себе дополнительных полномочий.

Что это, если не подготовка к перевороту? Разве могла она остаться незамеченной Горбачевым? Скорее всего, нет. Более того, надо полагать, у него исчезли последние сомнения: вылазка правоконсервативных сил неотвратима. Слишком большие сделаны ставки, чтобы они вышли из игры. Что тут предпринять? Вариантов не так уж много. Точнее, только два.

Упреждающий удар вряд ли можно было нанести. Приемлемого истолкования для него не нашлось бы. Как-никак будущие путчисты при

каждом удобном случае заявляли, что они пекутся об интересах страны, о благодатной судьбе народа.

Значит, оставался вариант тяжелый, опасный, но единственный. Действовать, ничего не поделаешь, по марксистской схеме: «Стреляйте первыми, товарищи коммунисты!»

А мы к этому будем готовы и даже поможем кое в чем. Ведь самое эффектное средство противодействия готовящемуся заговору, уж коли он неотвратим, это стать его ключевой фигурой. Находясь как бы в стороне от прямого участия, но все нити замкнуть на себя. Чтобы в критический момент выйти на сцену и произнести сакраментальную фразу: «А где тут Тяпкин-Ляпкин? А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! Павлова, Язова, Пуго. А заодно и Крючкова с Янаевым! Да и Лукьянова, кстати!»

Однако на успех можно было рассчитывать только в том случае, если бы удалось заставить путчистов действовать не по собственному плану, а по заведомо ложному, запрограммированному на провал. Пришлось, по всей видимости, «подбросить» для них такой сценарий.

Очень показателен в этом смысле по своему политическому подтексту отъезд М. С. Горбачева в Крым, за считанные до подписания Союзного договора дни. Горбачев знал, что в Договор заложены положения, приводящие в ярость приверженцев сохранения жесткого Центра. Своим отъездом, отсутствием в Москве, М. С. Горбачев предоставил им как бы свободу сговориться, даже стимулировал такой сговор, поручив подготовить материалы, характеризующие критическую ситуацию в стране. Возможно, он даже дал заговорщикам понять, что склоняется к введению чрезвычайного положения, но не видит средств, какими можно было бы это сделать. Для солдафонов командно-административной системы вроде Павлова и Янаева, такие сомнения все равно, что приказ. Шеф, мол, опять занервничал, вновь не хочет брать ответственность на себя. Значит, сделаем это за него, а Горбачева поставим перед свершившимся фактом.

Поэтому и не удался путч, потому-то он и обрел опереточный характер, что продуман был по-аппаратному, только до момента извещения Горбачева о случившемся. Дальше — восьмерка «гэкачепистов» была в этом уверена — все пойдет по накатанной колее: Горбачев все утвердит, все необходимые указы подпишет. И дело в шляпе.

Но М. С. Горбачев не подписал. Дни ему, его семье, конечно, пришлось пережить тяжелые. Очень тяжелые. Но в главном он, наверное, был уверен. За судьбу страны он мог уже не волноваться. Он знал, что есть Б. Н. Ельцин, есть еще люди, которых он ценил именно за то, что они не изменят делу демократии, проявят себя в трудную минуту. Для этой роли М. С. Горбачев, быть может, и сохранил их, отодвигая до поры до времени в тень, не особенно препятствуя их попыткам на предшествующих путчу этапах, дистанцироваться от Президента. А главное, иным за годы перестройки стал народ. Он избавился от страха перед коммуни-

ИПСС

стическим монстром. И даже танками его уже теперь не запугать. Пусть народ зол на Горбачева за нужду, тяготы жизни. Материальные блага, удобства, комфорт — дело наживное. Всего можно достичь, если убрать с пути преграды, мешающие движению вперед. А поперек нашей истории, поперек человеческих судеб лежал коммунистический режим.

Теперь его больше нет.

Вместо заключения

Ну, хорошо, скажет иной читатель, допустим. КПСС, ее руководство, проводило преступную, антинародную политику. И в этом смысле Антикоммунистическая направленность перестройки была совершенно оправдана, просто необходимой. Иначе кошмар, в котором жили народы еще продолжался бы. Но почему надо чохом отрекаться и от социализма, и от Советов, и от Союза?

Отвечая на этот вопрос и возможные возражения, я мог бы сейчас развернуть систему доказательств в пользу выдвинутой концепции о четырех АНТИ-ипостасях перестройки. Но для этого нет ни места, ни времени. Теперь главное понять, что и социализму Советская власть, развращенная и изнасилованная большевиками, и наш песенный «великий и могучий Советский Союз» — все это плоть от плоти, кровь от крови все той же коммунистической партии. Она отравила все колодцы, к которым мы могли бы сегодня припасть, чтобы утолить жажду свободы, справедливости, демократии, дружбы и сотрудничества между народами. Тоталитарный режим мог породить только тотальную деградацию. И с этим ничего поделать нельзя. Тем людям, которые еще связывают свои надежды с социализмом, Советской властью и Союзом, дороги идеи, даже скорее мифы, а не реальность. Мы привыкли жить в мире мифотворчества, нам дорога вера в «светлые идеалы», если они даже замараны кровью. Но это пройдет. Жизнь возьмет свое. Ведь подавляющая масса народов большинства цивилизованных стран живет богаче и счастливее нас. Без социализма, без Советской власти, без насильственных Союзов.

Я понимаю, у каждого честного человека душа сегодня больше всего болит за судьбу государства. Но прежний Союз не спасти, не обновить. Он был построен на крови, на унижении национального и человеческого достоинства граждан. Его создавали коварно и хитро, хотели сковать все республики неразрывной цепью, держать народы в узде на века. Потому-то и распался прежний Союз. История не прощает ошибок, а еще больше тех, кто не хочет их исправлять. Я верю, что Союз возродится, но уже на новой, демократической основе. Нужно только иметь терпение и уважение друг к другу. Августовская победа открыла дорогу к новому Союзу. И вообще к новой жизни.

URSS

Сейчас, находясь еще в пылу схваток, что разворачивались у Белого дома России мы, наверное, еще не до конца осознаем, что потерпел поражение не только путч, организованный партаппаратской шпаной. Рухнула до основания система тоталитаризма, претендовавшая быть мировой, посягавшая на право выражать интересы человечества, определять перспективы его будущего. Нет больше мировой системы социализма. Нет больше международного коммунистического движения во главе с КПСС. Вся эта структура начала разваливаться, расползаться уже давно. По горизонтали и по вертикали. Но последний, сокрушительный удар по ней был нанесен лишь 19–21 августа 1991 года. Теперь эти дни действительно можно считать днями избавления от угрозы, которая полтораста лет довлела над человечеством. Мятежный призрак коммунизма уже не бродит по Европе. Его дух нашел упокой там, где впервые победил, впервые материализовался. В нашей многострадальной стране.

Но торжествовать еще рано. Впереди суровая и, скорее всего, голодная зима, которую убежденные коммунисты, хранящие верность «социалистическому выбору», ждут как манну небесную. Они взбадривают себя злорадной мыслью: погодите, подавитесь вы своей демократией, когда жрать нечего будет, когда детей не сможете обогреть. Они знают, у нашего несчастного народа короткая историческая память. За семь послеоктябрьских десятилетий ее вытравили почти дочиста. Теперь многие могут не ощутить, не понять, не вспомнить, что довели страну до унижения и нищеты, до нынешнего ее бедственного состояния, именно коммунистические вожди. Можно не сомневаться, нависшая над народом беда, это единственное спасение для идейных борцов «за светлое будущее человечества». В основе всех большевистских побед неизменно были разруха и страдания людей. Тут уж они всегда впереди, на лихом коне. Повернись события к худшему, а вероятность того велика, именно коммунистические вожаки станут зачинщиками и голодных бунтов, и вдохновителями политических забастовок с самыми радикальными требованиями. Но не интересы народа поведут их на улицы, а то и на баррикады. Они будут действовать, подчиняясь инстинкту собственного политического самосохранения, который им дороже и человеческих судеб, и судеб Отечества».

Откровенно признаюсь, сам вместе с вами перечитал этот текст, мною уже изрядно забытый, и пришел к выводу: до этого нигде ничего более точного, конкретного и глубокого о событиях Августа 1991-го года, а главное, — о той роли, которую он сыграл не только для нашей страны, но и для мировой истории, мне встречать не приходилось. Значит, не зря статья все эти годы отлеживалась. Она дозревала, чтобы теперь всё в ней написанное с полным правом воспринима-

лось как прошедшая испытание временем истина, а не очередная «гущинская завиральная чушь»…

Публикацией статьи **«Если бы августовского путча не было, его следовало придумать»,** я намеревался завершить раздел о **принципе прогностической регистрации,** а вместе с ним и всю книгу. С этой мыслью уже подготовил рукопись для отправки в издательство, но потом вдруг меня осенило: книга будет выглядеть незавершенной, если не расскажу о своей очередной практической попытке повлиять на будущее.

Ведь **принцип прогностической регистрации**, о котором сейчас идет речь, не исчерпывается смыслом известной поговорки: «Мое дело прокукарекать, а там хоть солнце не всходи». Главное, свою позицию не на заборе изложить. Надо постараться донести её на уровень, где принимаются решения. В моем случае, какой это уровень? Судя по постановке вопросов, никак не ниже президентского. Вот и прошлось вновь «торить» информационную тропинку к Путину.

На этот раз решил воспользоваться так называемыми «общегражданскими возможностями», то есть правом обратиться к главе государства с личным письмом. Здесь было важно найти тему, решение по которой В. Путин в соответствии с Конституцией обязан принимать лично. Я такую тему нашел, острее не придумаешь: вопрос о моем добровольном отказе от российского гражданства. Конституция РФ относит решение этого вопроса к прямой компетенции, должностным полномочиям, даже обязанности Президента.

Но в содержательном смысле цель моего Обращения была совершенно иная: обратить внимание Президента, что **концептуальная идея возрождения Великой и Могущественной России** не может быть выстроена по образцам, пусть даже славных, но давно минувших дней, царско-самодержавных или советско-коммунистических. Главная отличительная особенность наступившей эпохи состоит в том, что созидательный опыт прошлого и примеры былых достижений исчерпали свой исторический ресурс.

Будущее отныне придется строить на принципиально новой идейно-политической основе, в отношении которой даже само понятие **«возрождение»** не имеет права употребляться. **Былое Величие и Прежнее Могущество никогда не воспроизводятся, не возрождаются, а СТАНОВЯТСЯ принципиально в совершенно иных исторических масштабах и новых качествах, отвечающих запросам времени.**

Стратегическая мысль В. Путина как главы государства, такое создаётся впечатление, ориентирована на всё лучшее из того, что и как было прежде. Действовать же, следует совершенно иначе. Нельзя двигаться в будущее затылком вперед…Мне хотелось, чтобы в рамках сложившейся уже практики, он дал какой-нибудь сигнал, что об этом

ИПСС

хотя бы задумывается. Однако выступление Президента 4 декабря 2014 года с очередным Посланием Федеральному Собранию, эти надежды развеяло. Стало ясно: провозглашенный им политический курс никуда, кроме личной диктатуры не ведет…

Решение придать свои личные Обращения к В. Путину публичной огласке я принял только после того как убедился, они до Президента так и не дошли. Сначала на их пути ни то, что удовлетворения моей просьбы, а всего лишь ей рассмотрения, встали чиновники из кремлевской обслуги. Из президентской Администрации, за подписью замначальника Управления по внутренней политике пришло сообщившие, что такого рода вопросы решаются общим порядком, а не лично президентом.

Глупость и вопиющая нормативно-правовая безграмотность, не допустимая для чиновника такого уровня и ранга. В соответствии с пунктом 1, статьи 89 Конституции РФ, на который я уже сослался чуть выше, решение вопросов гражданства отнесено непосредственно к компетенции и полномочиям президента. По сути дела, кремлевский чиновник мне в задуманной интриге подыграл, предоставив повод обратиться с соответствующей жалобой в Конституционный Суд, теперь уже на самого В. Путина. Здесь не в судебной тяжбе дело. Уж если я решил отречься от российского гражданства по доброй воле, то чьё-либо формальное согласие или несогласие на этот счет меня волновать не может и не должно.

Мне было важно донести непосредственно до В. Путина свою точку зрения на нынешнюю политическую ситуацию, доходчиво объяснить, почему не хочу, чтобы моё имя как гражданина России и мой должностной профессиональный ранг Государственного Советника Российской Федерации даже сугубо формально или косвенно ассоциировалось с тем, что в стране происходит.

Уверен, что и читателям книги тоже будет любопытно, в контексте **принципа прогностической регистрации,** понаблюдать, как будут развиваться события дальше. Поэтому я решил воспроизвести все три документа, имеющие отношение к моему личному Обращению к В. Путину. Вот в каком порядке они «запускались»: сначала два В. Путину, затем Жалоба в Конституционный Суд. **Все три документа читатель при желании сможет найти в Приложении к книге.**

Не исключаю, что дело может дойти и до Европейского суда по правам человека. На мой взгляд, оснований для этого более, чем достаточно. Чем дело закончится, предугадывать не берусь, но уверен: читателям найдется над чем в опубликованных документах поразмышлять.

Оказывается, в нашем Отечестве даже по доброй воле не так-то просто от гражданства отказаться. На этот счет в России специально введен порядок, какого больше не существует нигде в мире. Честно признаюсь, до того, как эта проблема коснулась меня лично, я о существовании такого

ЦИРСС

порядка, очень смахивающее на крепостное право, не знал, даже не подозревал…

Я не собираюсь из затеянной акции делать публичного скандала. С помощью придуманного мной «эпистолярного эксперимента» мне было важно уяснить насколько глубоко и серьёзно российская власть, её высшие органы, включая главу государства, готовы честно реагировать на отношение рядовых граждан к происходящим в стране событиям, на их попытки воспользоваться предоставленным Конституцией правом непосредственно влиять на принятие государственных решений. От этого очень многое зависти в том, что происходит в России сегодня, а ещё больше, что будет происходить завтра. Лично я уяснил. Итог, к сожалению, как это всегда бывает в моих прогнозах, неутешительный…

URSS

Послесловие ко всему, что было и будет

Завершая книгу, я уже не сомневался, читатели встретят её с интересом. Многолетний целенаправленный труд, знания и накопленный опыт позволили получить убедительные результаты, на которые и был расчёт. Благо жизнь научила видеть свою работу и оценивать её как бы со стороны. Не подвергая излишним испытаниям ложную авторскую скромность.

Этот же опыт подсказал, что главный вопрос, который непременно возникнет у каждого после прочтения книги, можно сформулировать так: что по поводу всего написанного думает сам М. С. Горбачёв? Именно подумает, а не скажет. Знаменитая фраза, произнесённая им после возвращения из Фороса на мятежную московскую земли: «Всего, что знаю, я вам всё равно никогда не скажу», до сей поры не утратила своего сакрального смысла.

И здесь меня осенило. Надо предложить Михаилу Сергеевичу издать книгу под эгидой Горбачёв-Фонда. Необходимыми контактами и надеждами на доброжелательное отношение к предложению я располагал. Примет Горбачёв предложение — возникает одна ситуация. Отвергнет, — совершенно другая. Но в обоих случаях ответ на поставленный вопрос будет практически получен. Интрига, конечно, даже провокация, но уж очень перспективная. Удержаться не смог, хотя и пытался.

На деле, случился, однако, третий вариант, как я теперь понимаю, единственно возможный. М. Горбачёв рукопись принял, с её содержимым ознакомился, — это мне подтвердили его помощники, — но никакого мнения ни о самом содержании книги, ни о перспективах её публикации, предпочёл не высказывать. Да и ладно…

Мне в занятой М. Горбачёвым позиции было важно только одно. Из опыта нашего общения мы оба понимали: стоило Михаилу Сергеевичу лишь лёгким намёком дать знать, что публикация книги нежелательна, способна нанести ему политический или моральный ущерб, она бы на свет не появилась. Для меня как для эксперта всегда было гораздо важнее достижение цели исследования, а не оглашение его результатов. Это в нашей стране чаще всего оказывается не к месту и не ко времени.

Летом 1993 года после публикации имперских статей в целом ряде печатных изданий появились отклики полемического характера, предлагавшие вовлечь автора, то есть меня, в дискуссию вокруг проблем будущего России. Мне поступило много звонков, предложений, вплоть до ведения в нескольких изданиях постоянных прогностических рубрик. Я от этих творческих соблазнов отказывался. Собеседники приходили в недоумение. Приходилось объяснять, главное, что я считал необходимым сказать, я уже сделал, повторяться не люблю.

URSS

Начиная с 1991 года меня гораздо больше интересовали не сами по себе будущие события, процессы и явления, а методика их постижения. Я и сейчас с гораздо большим увлечением перечитываю уже давно написанное, чем пытаюсь заглянуть в завтрашний день. Поэтому так обильно книга оснащена Приложениями. Скажу больше. Убеждают в продуктивности избранной прогностической методики в конечном итоге именно они, а не обще-теоритические и обще-методические рассуждения на тему о научном предвидении в постановочной части книги.

Прогноз при появлении на свет всего лишь одно из возможных мнений, а вот после его осуществления почти что волшебство. Сегодня, перечитывая их задним числом, с трудом верится, что они были написаны мной пять, десять, пятнадцать, двадцать лет назад. В каждом сбывшемся прогнозе обязательно присутствует какой-то энергетический компонент, призванный олицетворять живую неразрывную ткань связи времён. Такое рождается ощущение.

Но вот, что странно. Все мои попытки привлечь к проделанной работе заинтересованное внимание, — профессиональное, научное, общественное, оказываются безуспешными. Мои предложения встречаются не то чтобы враждебно, а как-то с опаской, как если бы речь заходила о посягательствах на самое невероятное из всего невероятного, на самое недопустимое из всего недопустимого, на самое святое из всего святого.

Хотя, на с самом — то деле, всё проще простого. Проделана добросовестная целенаправленная работа, получен вполне конкретный результат, не претендующий ни на что, кроме возможности обсуждения самой проблемы научного прогнозирования политических процессов, а если взглянуть на неё шире, то и перспектив принятия правильных решений, о каких бы сторонах жизни ни заходила речь. Но увы, интерес к этому оказался весьма ограниченным. По правде говоря, до сих пор не могу понять почему…

И последнее. Сейчас, заканчивая книгу, специально посвящённую обретению навыков по научному предвидению, считаю необходимым заявить: прогностический этап моей творческой жизни завершён. Отныне о будущем не только слова, но даже и звука от меня никто не услышит. В этом просто отпала практическая необходимость. Мне только сейчас в самом конце проделанной работы стало ясно, что я не о научных проблемах размышлял, а подводил итог собственной жизни и выпавшему на мою долю времени.

Тем более, что перспектива политического развития России на разумно обозримое будущее, на мой взгляд, давно предопределена: либо оно будет продолжаться за счёт усилий властей в парадигме утилитарно-прагматического авторитаризма, ничего кроме национал-патриотической диктатуры не сулящая; либо благодаря растущей самодеятельности российских граждан в стране начнёт складываться система подлинного народного самоуправления. В ней воплотится историческая миссия России…

URSS

Приложение

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЗА 1991–2014 гг.

1. Аналитические записки, адресованные президентам России

Б. Н. Ельцину. О необходимых мерах, обеспечивающих в ходе Президентских выборов 1996 г. нейтрализацию оппозиции

Судя по тому, как разворачивается кампания по выборам Президента России Б. Н. Ельцина, ее организаторы допускают серьезную установочно-стратегическую ошибку: вся подготовительная работа осуществляется таким образом, как если бы речь шла лишь о достижении самой победы без учета её качественных параметров. Однако диалектическая особенность момента такова, что Б. Н. Ельцину необходимо в июне не просто победить, а победить сокрушительно. Чтобы эта победа стала одновременно не только политическим, но и морально психологическим разгромом оппозиции.

Дело в том, что оппозиция пока еще спонтанно, подчиняясь лишь объективной логике развития событий, стремится не столько к победе на президентских выборах, сколько к сплочению собственных рядов. Существует достаточно много мотивов, от политических до морально-психологических, убеждающих оппозицию, что к приходу к власти она еще не готова, что, необходимые условия для этого еще не до конца созрели. Короче, пока еще оппозиция работает только на себя, а не на разрешение кризисных ситуаций. Стоит ли в таком случае играть по ее правилам? Очевидно, что нет.

Победу на выборах оппозиция, можно не сомневаться, уступит Б. Н. Ельцину без особо сильного сопротивления, не без оснований полагая, что для нанесения сокрушительного удара по Президенту у неё всегда остается в резерве конституционная процедура импичмента, которой можно воспользоваться в любой подходящий момент. Вопрос об импичменте не раз поднимался уже в прошлой Думе, но, как известно, не набирал необходимого числа голосов.

URSS

Поэтому оппозиции на президентских выборах важно не столько победить, сколько продемонстрировать свою силу, чтобы иметь возможность держать Президента «на коротком поводке».

Именно этим и продиктована необходимость для Б. Н. Ельцина не просто победить, а разгромить оппозицию не после, а уже в ходе выборов. После выборов это будет сделать труднее, а политические издержки полного разгрома будут гораздо выше. Быть может, даже выше, чем в октябре 1993 года.

В связи с этим в стратегической концепции президентской избирательной кампании Б. Н. Ельцина необходимо серьезное перемещение акцента. Со ставки только на победу его нужно перенести на обеспечение политического и морально-психологического разгрома оппозиции. Достижение этой цели предполагает совершенно иные избирательные технологии.

Вся избирательная кампания Б. Н. Ельцина должна строиться так, чтобы она создавала необходимые предпосылки для решительного шага Президента на заключительном этапе избирательной кампании. Шаг этот должен быть шокирующим, выбивающим у соперников почву из-под ног, а избирателей ставящий перед выбором: если не Ельцин, то Россия будет неизбежно ввергнута в новую смуту, из которой ей уже не выбраться. Причем сделать это нужно таким образом, чтобы ответственность за возникшую ситуацию ложилась не н а Б. Н. Ельцина, а на оппозицию.

Шаг этот, с одной стороны, должен соответствовать политическому имиджу Б. Н. Ельцина, как человека мужественного, харизматического, способного в критический момент принять единственно правильное решение, а с другой — быть понятным и близким историко-психологическому традиционному складу ума российских граждан. «Склад» же этот больше всего боится безвластия и смуты.

Страх народа перед смутой и безвластием всегда удачно использовали российские государи в критические для себя и страны моменты. Многие из них добровольно покидал и Кремль, заявляли о своей готовности отречься от престола под предлогом, что козни бояр и равнодушие народа к своей судьбе и судьбе государства фактически лишают власть необходимых полномочий, без которых обеспечить в России гражданский мир и порядок просто невозможно. Эти действия всегда приводили к одному и тому же результату: и строптивые бояре, и перепуганный простой люд бухались в ноги государю, прося его не бросать страну и народ на произвол судьбы. (В период с 1923 по 1927 год, когда решался вопрос, кто после В. Ленина возглавит партию большевиков и Советскую Россию, И. Сталин шесть раз ставил перед руководящими органами партии и государства вопрос о собственной отставке, с каждым разом усиливая давление на соперников и выговаривая себе все более широкие полномочия). Еще раз то же самое он проделал незадолго до смерти — в 1952 году.

Подобный шаг, особенно если учесть, что других способов политически и психологически разгромить оппозицию может и не оказаться, необходимо готовить для Б. Н. Ельцина уже сейчас. Следует построить эту работу так, чтобы недели за две-три до намеченной даты выборов у Б. Н. Ельцина было достаточно оснований заявить о своем намерении добровольно снять с голосования свою кандидатуру на пост российского Президента, мотивируя свое решение прежде всего бесчестными политическими кознями соперников и пассивностью граждан, в результате чего судьба России оказывается под угрозой. Мириться с таким положением, давать оппозиции повод утверждать, что она победила его в честной борьбе, хотя на самом деле это далеко не так, Б. Н. Ельцин якобы не желает. Поэтому и снимает свою кандидатуру, покидает Кремль.

Такой демарш, конечно же, деморализует оппозицию, вынудит ее оправдываться, доказывать, что оснований Б. Н. Ельцину для такого шага она не давала и вообще она хорошая, лояльная, вплоть до того, что ей придется заявить: без Ельцина в возникшей ситуации она на выборы не пойдет. Просто не имеет права. Избиратели тоже будут изрядно встревожены поступком Ельцина. Даже тиран, добровольно отрекающийся от власти, вызывает в российском народе сочувствие. У населения, можно не сомневаться, возобладает настроение — уж лучше все оставить, как есть, тем более что Б. Н. Ельцин действительно стал в своей политике больше уделять внимания социальным проблемам, чем подвергать себя и страну еще одной пертурбации. При таком повороте дел перед Б. Н. Ельциным открывается перспектива нанести оппозиции серьезный удар, от которого она не скоро оправится.

Понятно, что внешне действия Президента не только могут, но и должны выглядеть эмоциональными, даже импульсивными, но по сути дела их необходимо тщательно подготовить. Для этого следует сделать как минимум две вещи.

Во-первых, инициировать внесение на рассмотрение Государственной Думы Федерального закона «Об оппозиции», в котором должны быть заложены положения, исподволь, но достаточно жестко наступающие на самые больные места соперников Б. Н. Ельцина. Их ответная агрессивная реакция последует незамедлительно и может быть легко истолкована как погоня за властью, ради которой оппозиция готова пуститься во все тяжкие.

Во-вторых, необходимо радикально изменить тональность пропагандистского обеспечения предвыборной кампании Б. Н. Ельцина. Сегодня в ней преобладают бодряческие мотивы, она слишком перегружена аргументами официального оптимизма (шансы Б. Н. Ельцина на победу динамично растут, политический рейтинг повышается, народ его кандидатуру все активнее поддерживает).

На деле для победы Б. Н. Ельцина нужно, конечно, делать всё возможное и необходимое, но излишне на этот счет сорить словами не стоит.

URSS

В пропагандистских целях было бы гораздо полезнее обращать внимание избирателей на иные факторы: подчеркивать коварство, беспринципность соперников, их политическое интриганство, сговоры, вплоть до ошельмовывания искренних намерений и конструктивных действий Президента и т.п. Легкая, заранее запрограммированная победа меньше весит и дешевле стоит. В том числе и в глазах избирателей.

Подготовка соответствующих предпосылок для решительных шагов Президента по разгрому оппозиции должна осуществляться автономно, без формальных связей с официальными президентскими структурами и вне его предвыборного штаба. Знать о ней должно строго ограниченное число лиц, а осуществляться людьми, для которых предназначение плана и его детали остаются неведомыми. По сути дела, строгая конфиденциальность является основным условием реализации предлагаемых мер.

8 апреля 1996 года, г. Москва

В. В. Путину
Проблемы формирования новой управленческой Модели в России (Стратегические аспекты)

I. АСПЕКТ ПЕРВЫЙ
Отсутствие органической связи принимаемых управленческих решений с объективным содержанием социально-экономических и общественно-политических процессов

Любое управленческое решение, независимо от уровня на котором оно принимается, является решением прогностическим. Это предполагает, что люди, принимающие или не принимающие решение, должны давать себе отчёт о его неизбежных последствиях. В нынешней управленческой практике контроль за уровнем профессионализма и эффективности принимаемых или не принимаемых решений, к сожалению, отсутствует. Несоответствие управленческих мотивационных «посылов» результатам их практической реализации свидетельствуют о полной рассогласованности процесса принимаемых решений с объективным содержанием социально-экономического и общественно-политического развития России.

Ежегодные отчёты об исполнении бюджета этого катастрофического управленческого изъяна не компенсируют. Итоги бюджета выводят на подведение финансового баланса, а не на анализ эффективности управленческих решений. Без запуска механизмов обязательного контроля за результативностью и обоснованностью самих решений, эффективную управленческую модель, в которой сегодня так нуждается Россия, не создать.

URSS

II. АСПЕКТ ВТОРОЙ
Неадекватный подход к управленческим возможностям демократии

Основной дефект функционирующей в России управленческой системы состоит в том, что она ориентирована на принципиально отслужившую свой срок демократическую модель. Суть демократии состоит в обеспечении альтернативного выбора решений, прежде всего на магистральных направлениях социально-экономического и общественно-политического развития. Возникшие на демократической основе управленческие модели, в силу своего посреднического характера, являются крайне громоздкими, затратными, бюрократическо-коррупционными. Они рассчитаны на обеспечение процедур принятия решений, но не на их эффективное исполнение. В конечном итоге посредник, начинает работать только на себя. Не важно о чём идёт речь. О политике или о бизнесе. Сокрушительная победа рыночных, товарно-денежных отношений, по сути дела поставила демократическую управленческую модель, на грань упразднения.

Демократические управленческие модели исчерпали свой созидательный потенциал, функциональное предназначение и управленческий ресурс. От них необходимо отказываться: если идея исчерпала себя по сути, — в управленческом смысле магистральное направление развития избранно, — то отпала необходимость и в её, — этой идеи, — функциональном обеспечении. Многие негативные проблемы реформирования России объясняются именно тем, что идеология его осуществления основана на использовании именно демократических механизмов управления.

III. АСПЕКТ ТРЕТИЙ
Новая управленческая модель в России должна быть построена не на демократическом обеспечении интересов, а на диалектическом балансе взаимных страхов

В конечном итоге любые управленческие модели решают вопросы обеспечения интересов сторон, задействованных в социально-экономических и общественно политических процессах. Решающее преимущество получает при этом та из сторон, которая овладевает инструментом осуществления власти. Важнейший функциональный инструмент власти — манипуляция фактором страха, который, как говорили древние, рождает богов и питает власть. В одних случаях, — при деспотических, диктаторских, авторитарных режимах, — страх народа перед властью, в других, — при демократических формах правления, — власти перед народом (выберут — не выберут). В обоих случаях уровень страха зависит от потенциальных возможностей его поддержания.

В постдемократическую эру, наступившую с окончательным утверждением рыночных товарно-денежных отношений, страх уже нель-

URSS

зя обеспечивать в одностороннем порядке, как это происходило при авторитарных формах правления в пользу суверена, а при демократических — в интересах граждан. Объективно сложилась ситуация, когда стабильность в обществе может быть обеспечена не за счёт односторонней реализации потенциала страха, а за счёт обеспечения его диалектического баланса.

Власть и народ по определению являются конфликтными сторонами любой формы правления. В связи с чем, политический процесс протекает в двух ипостасях — борьбы за власть и борьбы с властью. Предшествующий исторический опыт содействовал прежде всего совершенствованию механизмов борьбы за власть. Формы борьбы с властью реализовывались за счёт бунтов, восстаний, революций. С этим можно было мириться до тех пор, пока вспышки социального протеста оставались эпизодическими и ограниченным по своим масштабам.

В эпоху нарастающей глобализации социально-экономических и общественно-политических процессов, социальный протест не может оставаться неуправляемым. Он должен быть интегрирован в управленческие механизмы, чтобы на любые проявления протеста можно было чутко реагировать, а при необходимости и управлять ими. Процессы формирования в России Гражданского общества, включая создание Общественной Палаты, должны служить достижению именно этой цели.

Для этого необходимо, чтобы власть, подчиняясь инстинкту политического самосохранения, взяла на себя инициативу организационной консолидации нарастающего социального протеста, видя в нём неотъемлемый компонент конфронтационной управленческой модели. Другого пути эффективного развития общества в постдемократическую эпоху нет.

Кстати, создание конфронтационной управленческой модели, задача вовсе не сугубо российская, а планетарная. Просто Россия, в силу стечения обстоятельств, как объективного так и субъективного свойства, оказалась к её решению ближе других. Хотя бы по той причине, что именно в историческом опыте России эффективность конфронтационных моделей управления уже была опробована. Это, в частности, относится к периодам правления Ивана Грозного, Петра I, Екатерины Великой и, особенно, самого успешного периода развития страны в 1905 — 1912 гг. выведшего Россию в число ведущих держав мира, не смотря на то, что это было время первой русской революции, достаточно бурной и кровавой.

18 декабря 2005 года.

Виктор ГУЩИН, *политолог, публицист,*
Кандидат исторических наук,
Автор книг: «Пророков нет…», «Глас вопиющего…», «Я знаю Who is Putin & что есть Россия».

IPSS

Обращение к президенту России В. Путину

Господин Президент! Прошу рассмотреть и отдать распоряжение об оформлении соответствующим образом мой отказ от российского гражданства и должностного звания Государственный Советник Российской Федерации. Я пришел к осознанию такой необходимости, к сожалению, только сейчас, когда уже настала пора вообще подводить итог прожитой жизни. В конце марта я перешагнул порог в 72 года. И всё это время, что при коммунистах, что при демократах, отечественную власть никогда не любил, считая её «генетически порочной». Чего, кстати, не скрывал, стараясь в то же время в меру собственных сил быть полезным для страны. Ведь власть и страна это не одно и то же[51].

То ли по предназначению, то ли под воздействием каких-то высших сил, в существовании которых не сомневаюсь, я уже давно принял решение никогда не занимать руководящих государственных постов, хотя мне это неоднократно предлагали. Ещё в 1974-м году я раз и навсегда сделал в выбор в пользу профессиональной занятости консультативного характера. Сообразно принятому решению я подобрал и научную специализацию, поставив перед собой еще тридцать лет назад задачу разработать, обобщить, кодифицировать и в реальных условиях опробовать практическую методику научного прогнозирования политических процессов. Только недавно, всего каких-нибудь полтора — два года назад, я пришел к выводу, что цель, которую я перед собой ставил, достигнута или, во всяком случае, я вышел на уровень, когда почувствовал себя в состоянии это доказать.

Вот здесь-то меня и настигло жесточайшее разочарование: оказывается, все минувшие годы жил в стране, где не только власть, от неё я никогда иного и не ждал, но и само общество, крайне «лениво и не любопытно», даже в отношении собственного будущего. А это верный признак того, что страна деградирует, если хотите, её «сводят на нет». Пока я еще только накапливал эмпирический материал, пока было трудно догадаться какую именно цель преследуют мои публикации, меня охотно печатали, присваивали творческие премии, приглашали в разного рода экспертные советы, обращались за политическими консультациями Горбачев[52] *и Ельцин*[53].

---

[51] См. «Литературная газета», № 45, 1997 г. Виктор Гущин. «Надо ломать судьбу, а не менять политиков».

[52] См. «Объективная политическая логика политического краха Горбачева», «Независимая газета», 07.031991 г.

[53] См. «Зюганов мог победить. Но не захотел». «НГ», 26.06.1996 г. «В России проигрывает тот, кто побеждает», «НГ». 03.07.1996. «Ельцин на третий срок не пойдет. Даже по приговору Конституционного суда». Еженедельник «ВЕК», № 50, 1997 г.

URSS

В 2005 году мой добрый товарищ Аркадий Вольский, к которому я относился с большим доверием и уважением, сославшись, что просьба исходит непосредственно от Вас, предложил мне подготовить Аналитическую записку по проблемам совершенствования системы управления в России. Вольский меня уверял, что записка была передана непосредственно Вам из рук в руки. Во всяком случае, в Ваших конкретных действиях отчетливо угадывались некоторые из моих рекомендаций.

Но все резко изменилось, когда дело дошло не до разрозненных статей, советов и консультаций, а до предъявления концептуальных выводов о том, что нынешняя российская власть давно исчерпала свой управленческий ресурс, что страна оказалась в полосе заведомо ошибочных решений. Все это изложено в недавно завершенной мной книге ***«Умение предвидеть. Как этому научиться».*** *Сегодня эту книгу никто не берется ни печатать, ни серьезно обсуждать, ни относится к ней как к серьезной работе. Я бы мог попытаться опубликовать книгу за деньги, но никогда себе этого как профессионал не позволю. Если честно проделанная работа оказывается не нужной и не интересной ни власти, ни обществу, ни стране, ни науке, тогда одно из двух: либо им следует от тебя отречься, либо тебе от них. Но в обоих случаях это надо делать открыто, а не «из под тяжка». Я так думаю.*

Единственно, что внушало мне слабую надежду в отношении лучшего будущего России, это впечатление, что Вы непосредственно как президент катастрофическую сложность сложившейся ситуации осознаете и в силу возможностей, которыми располагаете, можете на неё конструктивно повлиять. Я не о публикации книги, она своего часа дождётся. «Стоящие книга», как говорил Булгаков, «заслуживает того, чтобы в дальнем ящике отлежаться». Я имею в виду общую обстановку в стране.

Упомянутый чуть выше А. Вольский в 1999-м году, еще до того, как Вы стали Президентом, завещал мне, если потребуется, поддержать Вас на предстоящем нелегком пути. Именно этим «завещанием» и была навеяна публикация, которую в момент появления на свет в ноябре того же года в «Независимой газете» абсолютно никто не понял. Она называлась ***«Отчизна-мать в ожидании нового мученика. Вариации на тему о политической судьбе В. Путина».*** *Сегодня к сказанному пятнадцать лет назад могу лишь добавить: «Отчизна-мать, принимай долгожданного мученика в свои объятия».*

Вы достойно справились с выпавшими на Вашу долю задачами по предотвращению раскола России на «удельные княжества», отменили выборы губернаторов, я был единственным политическим экспертом в стране, выступавшим за такое решение еще до Вашего прихода во власть[54]*. Если верить Вашему бывшему помощнику А. Илларионову, а у*

[54] См. «НГ», 26.05.1999 г. «Выборы довершат распад России. Мы будем жить в удельных княжествах».

меня нет оснований этого не делать, за годы Вашего пребывания на президентском посту по Вашей инициативе в избирательное законодательство внесено более ста поправок (была названа цифра 113) и еще принято более трехсот решений, постановлений, указов по практическому ограничению полномочий представительных органов власти. Я тоже это приветствовал. О необходимости таких действий и шла как раз речь в упомянутой уже Аналитической записке на Ваше имя.

Порадовался я и тому, что в Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 года Вы привлекли внимание к необходимости подготовки страны к ***переходу от «представительной демократии» ,*** *себя уже давно исчерпавшей, не случайно же у нас каждый последующий президент оказывается хуже предыдущего, а каждая последующая Госдума еще бессмысленней и бесполезней, чем предшествующая,* ***к прямому народному «самоуправлению».*** *Над концептуальными особенностями такого перехода я упорно бьюсь уже второе десятилетие. Придет час, может кому-нибудь мои наработки и пригодятся.*

Но в политике бывают ситуации, когда лучше уйти на три года раньше, чем на три дня позже. У меня создавалось впечатление, что Вы понимаете: объёмом решенных исторических задач Ваш функциональный ресурс исчерпан. Вы пришли во власть «по велению времени». Значит по его же «велению» предстояло уйти. Иначе беда. И для Вас, и для страны, и для народа. Скажу по секрету, я даже повесил у себя на кухне Ваш «дембельский календарь». По моим подсчетам выходило, месяцев через восемь, максимум десять, Вы под каким-нибудь исключительно благовидным предлогом покинете свой пост, передав бразды правления уже подготовленному для новой роли С. Шойгу.

Политических аспектов Вашего предстоящего ухода я не касаюсь. Любая власть это, прежде всего, вопрос управления людьми. Следовательно, психологический фактор здесь главный. За годы пребывания у власти, а их позади пятнадцать, да еще впереди четыре, Вы сами «от себя любимого» должны были устать. И устали. Я вижу. Думаю, не только я. 17 апреля на традиционном телевизионном эфире на Вас было тоскливо и больно смотреть. Один из зрителей Вас пожалел, а телеведущие сочли возможным или нужным, судить не берусь, эту реплику зачитать. Не сгладил такого впечатления даже «мастерский финал» в духе раннего Максима Горького.

Однако, в таких жанрах как «Прямая линия», ценится неподдельная импровизация, а заведомые режиссерские «заготовки» не срабатывают. Уж слишком концовка Вашего общения со страной и народом была перегружена нарочитым русофильским пафосом. Мне как профессионалу было даже видно, что не Вы на вопрос отвечали, а письмо под Ваш ответ было «подогнано». Мой Вам искренний совет, Владимир Владимирович, уходите. Ведь у Вас есть замечательный вариант как это сделать, чтобы оста-

UPSS

вить в истории страны действительно неизгладимый, но пока еще незапятнанный след. Как это сделать — предмет отдельного разговора.

Полагаю, вы должны давать себе отчет, что разразившийся Украинский кризис, выбил из Ваших рук стратегическую политическую инициативу и вынудил действовать в тактическом ключе в зависимости от обстоятельств, а это до добра не доводит. Те, кто сейчас на все лады превозносят Ваши заслуги, как будто в этом есть нужда, — лицемеры и провокаторы. Они только до тех пор держатся у власти, пока Вы её возглавляете. До Вашей судьбы, судеб страны и народа им дела нет. Голосование в Совете Федерации по Вашему запросу это красноречиво продемонстрировало. Я было предпринял попытку всем это показать и доказать, а заодно, хоть чем-то Вам посодействовать на пороге очень нелегких, но крайне необходимых решений. Безуспешно.

Мой прогностический очерк ***«Президенты России: люди разные — судьбы общие. Они приходят и уходят «по велению времени»,*** *никто в нашей либерально-демократической стране печатать не хочет. Или не берется, не знаю. Иного способа донести его содержание до Вашего сведения у меня нет. Да, пожалуй, и поздно уже. Обстоятельства поставили Вас в ситуацию без выбора. Вы теперь, если не уйдете, будете вынуждены действовать под их диктовку. Я имею в виду не столько обстоятельства, сколько Ваших «доброжелателей». Мне же напоследок осталось только время о себе позаботиться.*

Поэтому возвращаюсь к началу письма: посодействуйте, пожалуйста, замене мне российского гражданства «видом на жительство» или статусом «не гражданина» 9по закону это возможно) и освободите от бремени должностного ранга Государственный Советник Российской Федерации. Не хочу, чтобы моя жизнь и на закате ассоциировалась с генетически порочной российской властью и дебилезированным обществом. Не хочу вместе с ним в национал-патриотической блевотине захлебываться.

В стране, где любовь к Родине превращают в политику и главный признак человеческого достоинства, это неизбежно. Кстати, национал-бандеровщина, с которой Вы пытаетесь сегодня бороться пока только на Украине, «заквашена» именно на этом. Ваши «доброжелатели» спят и видят, чтобы Вы, «победив украинскую бандеровщину», возглавили точно такой же национал-патриотический фронт в России. Если они вынудят Вас остаться у власти, именно это и произойдет. Если дело так пойдет и дальше под гнет «бандеро-жинриновщины» подпадет вся Европа. Как это будет сделано, я и пытался обрисовать в упомянутом уже очерке.

Заранее благодарен за содействие, если Вы всё-таки решите мне его оказать.

21 апреля 2014 года

Виктор Викторович ГУЩИН, политолог, публицист.

URSS

Повторное обращение к В. Путину

Г-н Президент, мной получен ответ ***(От 9 июня 2014 г. № А61-2098) на*** *личное обращение к Вам от 29.04.14 за подписью Замначальника Управления Президента РФ по внутренней политике Р. Хабирова, которое не могу считать адекватным ни по форме, ни по существу. Это обычная бюрократическая отписка, дискредитирующая, хотя бы на фоне «Горячих линий», практику Вашего общения с гражданами РФ. Выходит, «на показ» одно, а на деле совершенно другое.*

Мне сообщают, что решение моего вопроса о добровольном отказе от российского гражданства подпадает не под Вашу компетенцию, а под Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства РФ, утвержденное Вашим же Указом от 14.11.2002 г. № 1325. Так к кому же мне тогда обращаться как не к Вам, если суть и мотивы моей просьбы заведомо выходят за пределы Вами же установленного порядка и поэтому решить, поставленный мной вопрос можете только Вы и никто другой. Тем более, что речь идет о серьезных угрозах национальной безопасности и лично Вам как главе государства, возникающих из-за тех глупостей, которые творятся в стране. В том числе и по вине «деятелей» вроде Р. Хабирова, позволяющих себе действовать от Вашего имени, но, как я полагаю, без Вашего ведома.

Следовательно, считать ответ адекватным я могу лишь при наличии официального уведомления, что Вы ознакомлены как с моим письмом, так и с содержанием направленного мне ответа. Без такого уведомления о других глупостях и несуразностях, содержащихся в письме смешно даже говорить. При случае я этим обязательно воспользуюсь, но только после того как получу соответствующее уведомление. Для меня есть разница, предъявлять претензии непосредственно Вам или безграмотным чиновникам вашей администрации.

Советую, пока я еще Государственный Советник РФ, разъяснить вашему абсолютно безграмотному в правовом отношении аппарату, что решение вопросов об обретении или отказе от гражданстве, на том уровне, на котором его ставлю я, не может кем-либо или чем-либо «допускаться» или «не допускаться». В данном случае речь идет о гражданстве как о факторе Общественного договора между Гражданином и Обществом, Личностью и Государством. В этом качестве «Гражданство» существует или не существует в зависимости от наличия или отсутствия взаимного доверия между сторонами Договора. Гражданство не крепостное право и не Приписное свидетельство об исполнении воинской обязанности. Гражданская принадлежность не может быть использована для ограничения прав и свобод личности, в том числе права и свободы быть или не быть гражданином России.

URSS

Я поднимаю вопрос о гражданстве в своем письме именно под углом зрения взаимного доверия, как это делал в отношениях с Вашими предшественниками М. Горбачевым и Б. Ельциным. Я их внимание на это обстоятельство обращал, считал своим долгом обратить и Ваше. Меня же в ответ извещают глупейшей формулировкой: ***«решение о выходе лица из гражданства Российской Федерации не может быть принято Президентом Российской Федерации».*** *Хотелось бы узнать, в каком документе это зафиксировано. Очень интересно, чего еще в нашей стране* ***«не может решить Президент»****, ну, или хотя бы, что может. Без участия аппарата соответствующих подразделений и управлений. Может быть, там забыли, что Вы уже давно не руководите ФСБ, а целой страной, претендующей называться демократической?*

С уважением Виктор Викторович Гущин.

Москва. «25» июня 2014 года

URSS

2. Объективная логика политического краха Горбачева

Попытка исторического анализа «перестройки»

Допускаю, что к тому моменту, когда статья будет напечатана, М. С. Горбачев еще сохранит за собой пост Президента СССР. Даже после литовского кошмара. Такая страна. Хотя, с другой стороны, я глубоко убежден, что военная акция в Вильнюсе, как и кровавая междоусобная милицейская стычка в Риге, лишь драматизировали ситуацию, но не внесли чего-либо принципиально нового в трагедию, постигшую самого М. С. Горбачева.

Всех нас уже давно мучает вопрос: почему провозглашенная М. С. Горбачевым перестройка, получившая на первых порах всенародное одобрение, обернулась острейшим кризисом, поставившим Президента СССР на грань политического краха, а страну ввергла в катастрофу, из которой еще только предстоит найти выход? Но этого может и не случиться, если в анализе уже пройденного пути не удастся отделить зерна от плевел, вину М. С. Горбачева от его беды, субъективные просчеты, ошибки и заблуждения от того, что было продиктовано объективной политической логикой событий.

Проще всего представить М. С. Горбачева, как это часто делается, в прошлом, — олицетворением прогрессивных перемен, инициатором борьбы с застоем, а теперь — ренегатом перестройки, недальновидным политическим лидером, неспособным добиваться провозглашенных целей. Рассуждая таким образом, многие склонны считать М. С. Горбачева фигурой переходного периода и даже основным виновником того, что страна никак не может преодолеть этот болезненный этап. Но такая схема, по существу, ничего не объясняет. Она лишь фиксирует внешние проявления политического поведения М. С. Горбачева, не раскрывая побудительных мотивов принимаемых им самоубийственных решений. А разобраться нужно именно в этом.

Чем Горбачев провинился перед партией

Политическая биография М. С. Горбачева как инициатора перемен началась с его декларации о необходимости начать перестройку с КПСС. Для лидера правящей партии, которой в тот момент еще не противостояла

URSS

ни в парламенте, ни в жизни организованная оппозиция, такая постановка вопроса была абсолютно правильной, открывающей перспективу возрождения и КПСС, и страны.

Была ли возможность такого развития событий? По всей видимости, да. Что касается рядовых коммунистов, то они давно и морально, и политически были готовы к крутому повороту: уже в открытую говорили о загнивании партии, зазнайстве, непомерном честолюбии и корыстолюбии высших руководителей КПСС. Протест должен был вот-вот выплеснуться наружу. С каждым годом становилось все более заметным сопротивление политическому курсу, проводившемуся геронтологическим политбюро и в руководящих органах КПСС, обкомах и райкомах.

Недовольство зрело не только внутри партии, но и в народе. Высшие эшелоны партийной и государственной власти все острее ощущали на себе возрастающее давление. В этих условиях одно крыло политбюро ЦК КПСС (впоследствии группа так называемых демократов) считало необходимым искать выход, другое (будущие консерваторы) — спасение. И как обычно случается в неясных политических ситуациях, на авансцене появилась неясная политическая фигура — М. С. Горбачев. С одной стороны, молод, энергичен, коммуникабелен, к тому же — выходец из народа, с другой — выдвиженец прежнего руководства, не раз демонстрировавший ему свою преданность, человек, прошедший все ступеньки партийной иерархии, опытный, осмотрительный аппаратный работник.

Понятно, что М. С. Горбачев был компромиссной фигурой. И вся его дальнейшая судьба зависела от того, какая из сторон станет преобладающей. На начальном этапе перестройки в партии фактически развернулась борьба за Горбачева. Это было первое и сразу генеральное сражение. От его исхода зависело все: если победу одержат силы, не утратившие связи с народом, открывалась перспектива обновления страны и возрождения партии; если верх возьмут представители консервативного крыла, то партия неизбежно должна была лишиться права на политическое лидерство, превратиться в тормоз на пути преобразований.

Объективно соотношение сил складывалось поначалу в пользу обновленцев. Курс на перестройку был встречен с энтузиазмом и в партии, прежде всего среди рядовых коммунистов, и в народе. Создавалось впечатление, что у Горбачева есть все, чтобы осуществить задуманное. Однако объективные предпосылки — одно, а позиция политического лидера — другое. Все зависело от того, какой выбор сделает сам М. С. Горбачев. Какое-то время он медлил, лавировал, пытаясь уйти от прямого ответа, пока вопрос выбора не был поставлен ребром. Случилось это на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС, когда секретарь МГК КПСС Б. Н. Ельцин попросил об отставке, мотивируя свое решение несогласием не только с методами, но и с некоторыми направлениями проводимой М. С. Горбачевым политики.

Library

Тогда Б. Н. Ельцина помимо всего прочего обвинили в том, что он выбрал для своего демарша неподходящий момент. Страна — на пороге 70-летия Великого Октября. Народ охвачен пафосом революционного обновления. В Москву для участия в грандиозном политическом шоу приглашены главы правительств ведущих капиталистических государств. Начали прибывать в столицу на юбилейную встречу и делегации коммунистических и рабочих партий, других революционных, национально-освободительных, демократических движений. И тем, и другим должен был быть предъявлен в авторском исполнении эскиз так называемого нового мышления. И вот в этой обстановке совершает «политическое харакири» Б. Н. Ельцин — один из ближайших сподвижников, а в глазах народа — верный друг и единомышленник М. С. Горбачева.

На первый взгляд поступок действительно безрассудный, достойный осуждения. Но только на первый взгляд. Убежден, что в действиях Б. Н. Ельцина проявилось качество, которое создает крупного политика государственного масштаба, — безошибочная, политическая интуиция, умение поставить назревший вопрос в самую подходящую минуту. Не исключаю, что Б. Н. Ельцин и сейчас не сможет дать исчерпывающего объяснения, почему именно в тот момент он пошел на такой шаг. Здесь проявилась та самая политическая закономерность, которая сама найдет время, место и действующих лиц, чтобы реализоваться. Смысл же разыгравшегося в октябре 1987 года драматического акта состоял в том, что М. С. Горбачеву перед лицом не только своего народа, но и всего мира предстояло сделать выбор: с кем и куда идти?

Тогда он еще был свободен, не обременен невыполненными обещаниями и имел возможность, прислушавшись к предостережениям Б. Н. Ельцина, принять верное решение.

Однако в поведении М. С. Горбачева уже обозначилось намерение полакомиться первыми, недозревшими еще плодами перестройки, покрасоваться перед миром в образе коммуниста-реформатора, который со всеми умеет находить общий язык. Но тут и возник Б. Н. Ельцин со своей неуклюжей отставкой.

Осудив Б. Н. Ельцина, М. С. Горбачев проиграл партию в прямом и переносном смысле, собственноручно поставил крест на своей политической биографии как лидера перестройки. Она превратилась в нескончаемый «переходный период», поскольку Горбачев теперь не столько управлял вышедшими из-под контроля процессами, сколько балансировал на точке, которая не устраивала ни «верхи», ни «низы», ни «правых», ни «левых».

Начиная с октября 1987 года обновленческие тенденции пошли на спад. В обществе все отчетливее стали нарастать антипартийные настроения, хотя авторитет рядовых коммунистов какое-то время еще держался. На общесоюзных выборах в марте 1989 года и следующей весной в местные органы власти они встречали поддержку избирателей, а все нарекания

LIBRESS

адресовались, как правило, бюрократическому командно-административному аппарату.

Раздвоение политического лица партии быстро привело к тому, что уже сам факт принадлежности к КПСС стали воспринимать как каинову печать. Начался массовый выход из ее рядов. КПСС все больше замыкается в себе, становится все агрессивнее. Наконец летом 1990 года (XXVIII съезд КПСС и Учредительный съезд КП РСФСР) партия дала бой своему Генеральному секретарю. Бой решительный, но после того как М. С. Горбачев «обменял» 6-ю статью Конституции СССР на пост президента страны, по сути дела уже ничего не решавший.

Полагаю, не правы аналитики, представляющие дело так, будто столкновение делегатов обоих съездов с М. С. Горбачевым объясняется тем, что среди них большинство составляли партийные функционеры. Уверен, окажись Горбачев на любом партийном собрании, в любом коллективе, результат будет тот же — основная масса коммунистов не приемлет М. С. Горбачева. И для этого есть веские основания — Горбачев не сумел, будучи генеральным секретарем партии, осуществить и возглавить ее перестройку, упустил имевшиеся для этого шансы. Более того, партия оказалась в двусмысленном положении. На всех перекрестках и площадях ее проклинают, Генеральный секретарь делает вид, что ничего этого не замечает, а как только возникает нужда продвинуть угодное ему политическое решение, то мобилизуются именно партийные структуры. Ведь другой организованной силы, на которую М. С. Горбачев мог бы положиться, у него все равно нет. Хотя теперь, похоже, взаимоотношения между КПСС и Горбачевым становятся весьма сложными. Партия ничего не хочет делать для него бескорыстно, а ему становится все тяжелее с ней расплачиваться, не нанося ущерба своему политическому авторитету.

В конце концов случилось то, что и должно было случиться: партия как политическая сила оказалась на обочине перестройки. И произошло это не в последнюю очередь по вине ее лидера: этого ни те, кто остался в партии, ни те, кто из нее вышел, М. С. Горбачеву никогда не простят.

Почему Горбачев не выполняет своих обещаний

У политического поведения М. С. Горбачева наверняка должна быть какая-то универсальная формула. Ведь если человек вторгается в различные сферы жизни, но одинаково безуспешно, то здесь помимо конкретных причин неудач должен присутствовать некий коренной порок, даже добро превращающий во зло.

В благих намерениях М. С. Горбачева никто, пожалуй, не сомневается, даже те, кто сегодня изображает президента коварным политиканом и интриганом, чуть ли не заговорщиком и кандидатом в диктаторы.

UPress

Позиция тех, кто нападает на Горбачева, ясна. Скорее всего, они руководствуются не личной неприязнью, а соображениями политического рационализма: неважно, почему президент совершает те или иные ошибки, важно, что на практике он получает результаты, как правило, прямо противоположные целям, которые провозглашает. Думаю, каждый без особого труда может составить своего рода «дефектную ведомость» его политической деятельности за шестилетний период перестройки. Скажем, такую:

1. Начиная перестройку М. С. Горбачев намеревался прежде всего осуществить ее в партии. Что из этого вышло, мы знаем.
2. Обещал разгромить политический и экономический тоталитаризм, открыть путь для подъема экономики и повышения благосостояния народа. На шестом году перестройки основные звенья командно-административной системы в основном сохранились. В лучшем случае в слегка модифицированном виде.
3. Михаил Сергеевич еще до перестройки, будучи инициатором разработки еще одной программы — продовольственной, обещал к 1990 году обеспечить изобилие продуктов и товаров сельскохозяйственного производства. Но до сих пор никто не знает, куда сгинули затраченные на реализацию «программы изобилия» миллиарды рублей.
4. На заре перестройки М. С. Горбачев уверял, что она приведет к процветанию каждую входящую в Союз республику. Сейчас СССР превратился в конгломерат враждующих друг с другом республик. Во многих регионах дело дошло фактически до гражданской войны.
5. И наконец, Михаил Сергеевич начиная перестройку заявлял о своей приверженности идеалам свободы, гуманизма, демократии, прав человека. Ныне вместо демократических органов власти мы имеем президента, который чем меньшего добивается, тем больших полномочий для себя требует. Законы тиражируются десятками и не исполняются. Мощная волна преступности захлестнула страну. Единственный закон, который позволил советским людям вдохнуть глоток свободы, — Закон о печати — тоже оказался под угрозой. С подачи президента его действие норовят приостановить или, во всяком случае, ограничить. Предчувствия и настроения это намерение породило мрачные, в основе своей — антигорбачевские. Скептики, еще на заре перестройки сочинившие строки: «Товарищ, верь, пройдет она, так называемая гласность, и вот тогда госбезопасность припомнит наши имена», — злорадствуют. В очередной раз М. С. Горбачев совершил непростительную ошибку, говорящую об изъянах не столько его политического сознания, сколько обыденного, житейского — выпущенного из бутылки джинна невозможно загнать обратно силой.

Спрашивается: зачем с таким упорством, достойным лучшего применения, делами опровергать собственные обещания?! И все-таки не будем

LIBRIS

столь категоричны. Вспомним еще раз, с чего М. С. Горбачеву приходилось начинать. Страна плелась в хвосте мировых политических социально-экономических, научно-технических процессов, превращаясь постепенно из великой державы в третьеразрядное государство, мощь которого измеряется в основном ракетно-ядерным потенциалом. Было ясно, что вывести страну из застоя будет неимоверно трудно. Тому, кто возьмет на себя смелость и ответственность начать процесс перемен, необходимо обладать не только политической мудростью, но и политическим мужеством.

М. С. Горбачев, конечно же, понимал, какую нелегкую долю он себе выбирает. Ход мыслей у него был верный, и форму выражения им он нашел адекватную: «Каждый начинает перестройку у себя». Среди перестроечных афоризмов, на которые так щедр Михаил Сергеевич, считаю эту формулу ключевой, способной многое объяснить и в политическом поведении, и в судьбе Горбачева. Он решил перестраивать партию и страну одновременно, пытаясь попутно вылепить из себя самого политического деятеля нового типа.

Что ж, игра стоила свеч, но вот осуществление задуманного оказалось Михаилу Сергеевичу не под силу. Слишком сложна была задача, да и оковы усвоенных в недрах старых партийных структур представлений о том, из чего складываются авторитет и влияние политического лидера, сковывали мысль и действия. Пока М. С. Горбачев созревал до очередного «смелого» решения, его пора было уже менять на иное, иногда прямо противоположное. В итоге многое делалось невпопад, с опозданием или, наоборот, преждевременно, с разрушительным для самого Горбачева и его политического авторитета эффектом. Переоценив себя, не осуществив в необходимых масштабах личной перестройки, М. С. Горбачев неизбежно должен был оказаться в незавидной роли вселенского обманщика. Что это, вина его или беда?

Кто «за» и кто «против» Горбачева

Теперь попробуем разобраться: кто сегодня за президента? Очень немногие.

КПСС — в той мере, в какой М. С. Горбачев, будучи у власти, постарается не допустить против партии политического геноцида.

Так называемые демократические силы — в той мере, в какой он способен сдерживать агрессивность консервативного движения, строящего свою политику на использовании усугубляющихся трудностей, которые сегодня многими рассматриваются как результат дилетантских действий «демократов».

Профессиональные, творческие, молодежные, женские союзы и массовые организации — в той мере, в какой они разделяют позиции демократического или консервативного крыла.

URSS

Церковь — постольку, поскольку М. С. Горбачев не препятствует росту ее активности и влияния среди населения.

Общественное мнение — лишь в той мере, в какой оно опасается, что политика того, кто может прийти на смену Горбачеву, окажется еще более губительной.

Многочисленные группировки «неформалов» — в той мере, в какой они считают, что, до тех пор пока они окончательно не оформятся, будет лучше, если бразды правления останутся в руках М. С. Горбачева.

А кто против Горбачева? Те же самые силы, но теперь уже в зависимости от того, какие у них имеются программы вывода страны из кризиса, поскольку абсолютно все убеждены, что М. С. Горбачеву сделать это не удастся. Процесс разрушения его политического имиджа, падения авторитета и влияния стал необратимым. Слишком много за минувшие шесть лет допущено ошибок, просчетов, сделано невыверенных политических ходов.

В этой ситуации М. С. Горбачеву помогает держаться у власти только страх «правых», что победят «левые», и страх «левых», что победят «правые». Политического центра, способного притягивать к себе хоть какие-то силы, в стране практически нет. Ситуация уникальная, по сути дела, тупиковая. Попытки самого Горбачева найти из нее выход заведомо обречены. Те, кто не понимал этого прежде, начинают сознавать сейчас, после того как начался процесс формирования новой президентской рати, вместе с которой М. С. Горбачев уже пообещал уйти в отставку, если не удастся стабилизировать обстановку, добиться перемен к лучшему.

Это заявление свидетельствует только о том, что президент политически дезориентирован и, похоже, деморализован. Иначе он должен был бы знать, что в обозримой перспективе сделать нечто такое, что можно было бы рассматривать как стабилизацию обстановки, а тем более как радикальный поворот к лучшему, ни ему, ни кому-либо еще не удастся. Развитие событий вышло из-под контроля, и в нынешней ситуации никто не сможет предсказать, какая очередная «бомба» взорвется на политическом полигоне страны. Но что бы ни случилось, вина за это будет возложена на М. С. Горбачева, на тот кабинет министров, который он формирует. Кто бы в него ни вошел, заведомо ясно, что там не будет ни одной действительно заметной личности, знающей себе политическую цену. Не исключаю, что именно по этим соображениям дистанцировались от президента А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, а также некоторые авторитетные эксперты из команды президентских советников.

Еще одним подтверждением образовавшегося вокруг М. С. Горбачева политического вакуума стало выдвижение на пост вице-президента Г. И. Янаева. Дело даже не в том, что после возникших сомнений при голосовании за его кандидатуру на IV съезде народных депутатов СССР у президента не нашлось другого решения, кроме как настаивать на повторном голосовании. Хотя он должен был понимать, что, опуская бюллетени

во второй раз, депутаты будут выражать свое мнение уже не по кандидатуре Г. И. Янаева, а по вопросу о доверии самому президенту. И одержанная победа была неубедительной.

В выборе Г. И. Янаева вице-президентом, как в капле воды, отразился измельчавший политический масштаб личности М. С. Горбачева, то качество Президента СССР, которое довершает сейчас его политическую гибель, — непродуманность предпринимаемых ходов с точки зрения их неизбежных последствий. Сделав своей правой политической рукой Г. И. Янаева, М. С. Горбачев не только нанес невосполнимый урон своему авторитету и репутации государственного деятеля, но вновь — в который уже раз! — способствовал обострению конфронтации, усилению дестабилизации обстановки, чреватой для него и для народа тяжелейшими бедами.

Так что же делать в этой ситуации? Добиваться отстранения Президента СССР от власти?

В пределах конституционной процедуры это невозможно. Предложения лишить его поста, от кого бы они ни исходили, не получат необходимой поддержки. В аналогичной ситуации окажется и любая кандидатура, которую выдвинут на замену.

Невозможен и антиконституционный переворот, в силу не только внутренних, но и международных политических факторов.

Невозможно и развитие событий по восточноевропейским сценариям. Во-первых, процесс перемен в нашей стране пошел по иному политическому руслу. У нас он начался не снизу, а сверху. Во-вторых, советский народ в силу неоднородной политической зрелости и активности никогда не сможет взять в свои руки инициативу. А политической силы, способной под своими лозунгами вывести на улицу чуть ли не половину населения, как это случилось, скажем, в Чехословакии, в нашей стране нет. Да, пожалуй, это и хорошо, что народ пока не рвется делать политику на улице. Не те у нас традиции, не та политическая культура, чтобы удержаться при этом в цивилизованных рамках. Думаю, что у В. О. Ключевского были основания говорить, что массовые антиправительственные выступления в России если и не начинаются, то обязательно заканчиваются пугачевщиной. (Кстати, единственным политически мотивированным оправданием введения в стране военно-милицейского режима патрулирования можно считать лишь опасения народного бунта. Как известно, бессмысленного и беспощадного. Но об этом нынешние власти предпочитают всуе не поминать. Не накликать бы беды.)

Объективный анализ положения в стране приводит к выводу: все, что нам предстоит увидеть, будет не только жалкой и жестокой агонией политической карьеры Горбачева, но и часом страданий народа.

Спасение возможно только в одном случае. Если сам М. С. Горбачев, осознав критический характер ситуации, сойдет с политической сцены добровольно. После отставки Б. Н. Ельцина в 1987 году и Э. А. Шеварднадзе в 1990-м целесообразность отставки М. С. Горбачева вычисляется

так же просто, как валентность любого химического элемента по Таблице Менделеева.

Уход из официальной государственной политики Шеварднадзе, который возглавлял, казалось бы, наиболее эффективное направление перестройки, мог означать только одно — жесточайший удар по доверию к этой политике вообще, если это доверие еще у кого-нибудь оставалось. Как и в случае с Б. Н. Ельциным, демарш Э. А. Шеварднадзе поначалу вызвал недоумение, а затем серьезную тревогу: если корабль перестройки, которым командует М. С. Горбачев, покидает его первый помощник, значит, быть близкой беде или с кораблем, или с капитаном. А тут еще фраза: «Это мой протест против диктатуры».

В возникшей ситуации у Михаила Сергеевича, с точки зрения объективной политической логики, оставался единственный шанс отвести от себя подозрения и дезавуировать заявление Э. А. Шеварднадзе — любым способом уговорить его остаться в рядах президентской рати. Лучше всего в латах вице-президента, как вроде бы и планировалось до отставки министра иностранных дел, оказавшейся для президента, если верить его словам, сюрпризом. По существу, вопрос о сохранении Э. А. Шеварднадзе превратился в дело политической чести Президента СССР. Он удержать возле себя Э. А. Шеварднадзе не сумел или не захотел, предоставив тем самым возможность досужим политическим умам фантазировать на тему — то ли еще будет!

Добровольный уход М. С. Горбачева в отставку мог бы стать спасительной встряской для общества, заставить закусивших удила доморощенных демократов и консерваторов осознать гибельность конфронтации, понять наконец, что без консолидации и гражданского согласия спасение страны невозможно.

Но до тех пор пока во главе государства остается Горбачев, цель консолидации недостижима. Разорвать же заколдованный круг может лишь сам президент. Для этого ему вновь потребуется проявить политическое мужество в сочетании с политической мудростью. Хватит ли Михаилу Сергеевичу того и другого? Очень хочется, чтобы хватило. Ведь выбор ему предстоит делать действительно неимоверно трудный: либо ужасный конец, либо ужас без конца.

Нужен ли нам новый Горбачев?

Ну хорошо, допустим, М. С. Горбачев уйдет со своего поста добровольно или будет вынужден это сделать. Кто его заменит? Кто в состоянии осуществить то, что не удалось Горбачеву?

Здесь возникают два аспекта: функциональный и персональный. Прежде всего необходимо четко представлять, какую власть в союзном

URSS

ранге мы хотим иметь. И только после этого решать, какой человек, с какими конкретными полномочиями, с какими политическими и личными качествами может и должен занять это место. Нынешнюю ситуацию для рассмотрения, а уж тем более решения этих вопросов благоприятной не назовешь. Все запутано, стянуто в тугой гордиев узел. По всей видимости, должен найтись кто-то, способный разрубить клубок противоречий одним ударом. Лучше, если таким героем окажется сам М. С. Горбачев. Его добровольный уход в отставку упростил бы ситуацию радикально.

Думаю, не ошибусь, если скажу: самые горестные дни для М. С. Горбачева, для политики перестройки, для народа начались тогда, когда было решено учредить пост Президента СССР. Ведь никто не представлял себе, какой должна быть в нашей стране президентская власть. Если не представляли этого раньше, то неплохо бы разобраться в этом теперь.

Что касается личных качеств возможного преемника М. С. Горбачева, представляется, это не должна быть «сильная политическая личность». При том, как развиваются события в стране, нужен не столько сильный глава исполнительной власти, сколько человек, обладающий высоким моральным авторитетом, безошибочной политической интуицией, умеющий в одних сложных ситуациях находить компромиссы, а в других — проявлять твердость. И не путать одно с другим. Такие качества приобретаются не в результате пребывания на высоких государственных постах, а, скорее, опытом жизни.

Взгляните, в странах Восточной Европы в руководстве оказались люди, которых жестоко притесняли при коммунистических тоталитарных режимах: Л. Валенса — в Польше, В. Гавел — в Чехословакии, И. Илиеску — в Румынии, Ж. Желев — в Болгарии. Случайно ли это? Вовсе нет. В период, когда страна оказывается в трудной ситуации, люди хотят видеть руководителем страны человека, о котором заведомо известно, что он свою горестную чашу испил до дна. Он не ошибется в выборе средств и методов для осуществления своей политики, не покривит душой. Вот психологический портрет современного лидера у наших друзей по несостоявшемуся социалистическому счастью.

Конечно, это вовсе не значит, что и нам сейчас надо броситься искать страдальцев-правозащитников, чтобы возвести кого-либо из них на вершину власти. Но не надо и обольщаться на тот счет, что признание и авторитет в народе могут быть обеспечены человеку, который на протяжении многих лет сам был не последней спицей в колеснице власти. Поэтому если искать М. С. Горбачеву преемника, то не среди членов того политического клуба, к которому он принадлежал. Сегодня на посту Президента СССР должен быть человек с моральным авторитетом Андрея Сахарова или Владимира Высоцкого.

Что же касается «сильных политических фигур», то они сегодня очень нужны на республиканском уровне. Они должны быть в состоянии

обеспечивать порядок на своих территориях, отвечать за жизнь и безопасность людей, а не кивать на Москву.

Возможный преемник М. С. Горбачева должен понимать, что путь к созданию условий существования, достойных человека, лежит не через концентрацию власти и ответственности в одних руках, а через их рассредоточение и конкретизацию.

В практическом же плане он должен будет продемонстрировать два непременных качества. Во-первых, знать истинное положение в стране и, во-вторых, уметь предвидеть ход событий. Такие люди в нашей стране, конечно же, есть.

Несколько слов в завершение этой рискованной и спорной темы. Я не хотел причинять боль Михаилу Сергеевичу Горбачеву. И уж тем более писал не по социальному заказу. Говорю искренне, для меня он навсегда останется инициатором перестройки, одним из ее героев, самой крупной и, к сожалению, неизбежной ее жертвой. Я бы не хотел только, чтобы имя М. С. Горбачева оказалось связанным с гибелью последней надежды народа на возрождение, на осуществление выстраданного нами права жить по-человечески. С этой мыслью я начинал писать, с этой мыслью и заканчиваю. Ведь мы все в конце концов в ответе друг за друга, за страну, а не один только президент. Верю, что М. С. Горбачев это понимает.

P. S. Пока мои заметки дожидались очереди на публикацию, в стране разыгралась новая драма. Б. Н. Ельцин, выступая в прямом телевизионном эфире, потребовал отставки М. С. Горбачева. И опять, как и в прошлом (октябрьском, 1987 г.) эпизоде, у М. С. Горбачева есть выбор: прислушаться к голосу политического разума — и действительно уйти в отставку добровольно, в противном случае события будут развиваться по проторенному руслу, не сулящему ничего, кроме запрограммированной уже трагедии.

Однако на этот раз смысл поступка Б. Н. Ельцина гораздо глубже, а его диалектика — сложнее. Б. Н. Ельцин уже не верит, что М. С. Горбачев способен сделать правильный выбор, и он предлагает сделать выбор не Горбачеву, а народу. Хотя понимает, что результат, скорее всего, окажется в пользу Горбачева. В чем же тогда смысл совершенного шага?

Уже прозвучали обвинения Б. Н. Ельцина в том, что он действовал под диктовку собственных амбиций, что он, на манер нового политического Герострата, готов спалить народ в пламени гражданской войны. Тем, кто выдвигает их сегодня, очень скоро будет стыдно вспоминать о своем «благородном» гневе. Да они и не будут этого делать. Им просто будет не до этого. Очень скоро они будут требовать отставки М. С. Горбачева, а может быть, и суда над ним, будут призывать к передаче всей полноты власти Верховному Совету спасения страны и его местным комитетам, жестокого наказания нарушителей политического правопорядка. Б. Н. Ельцин это прекрасно понимает. Как понимает и то, что никакого

UPress

существенного воздействия на объективный ход событий ни его хулители, ни он сам, что бы он ни делал, оказать не смогут. Потому и уехал в Переяславль-Залесский. По-моему, Б. Н. Ельцин почувствовал то, чего у нас в России ни до Октября, ни после никто толком не понимал: не может быть крепкой власти ни в Центре, ни на местах без нравственной связи этой власти с народом.

Начиная перестройку ее инициаторы (в ту пору среди них был и Б. Н. Ельцин) думали о чем угодно, только не о создании нравственной связи с народом. Вилли Брандт, патриарх западноевропейской демократии, вскоре после войны, когда его страна еще не воспряла из руин, сказал: «Нам нужно думать не о том, каким будет правительство, а о том, каким мы хотим видеть народ». Он понимал, что демократию на развалинах тоталитаризма, обезобразивших не только ландшафт страны, но и души людей, за пять, десять, даже пятнадцать лет не построишь. Здесь нужна долгая, а главное — кропотливая работа по самосовершенствованию народа. Такую работу наскоком, в темпах перестройки не проведешь.

Если этого не понимают руководители страны, включая Президента СССР, то это должен попытаться понять сам народ. Коль уж он действительно хочет жить по чести и совести. Попытку такого осознания и предложил народу, каждому из нас, совершить Б. Н. Ельцин. Причем у нас нет альтернативы. На чью сторону встать — М. С. Горбачева или Б. Н. Ельцина, уже не столь важно. За последствия своего выбора винить все равно будет некого, кроме самих себя. Такого в нашей стране еще не было.

Ради того чтобы мы получили возможность решать свою собственную судьбу, осознали, что такое гражданская ответственность, и принес себя в жертву Борис Николаевич Ельцин. А вы говорите — амбиции…

(Печатается с сокращениями.)

«Независимая газета»,
07.03.1991.

URSS

3. Август 91-го: очевидное — неизбежное

«Программа четырех АНТИ» в действии и противодействии

ПОЖАЛУЙ, правы те, кто утверждает — все в мире относительно. За минувшие два года мы привыкли к российскому пиву под названием «Август» с силуэтом Белого Дома на этикетке, но все еще не можем осознать, что живем после поражения августовского путча в совершенно ином государстве, в совершенно иной эпохе.

Ведь два года назад потерпел поражение не только «путч», организованный, как кто-то в те дни хлестко выразился, «парт-аппаратной шпаной». Оказалась исторически поверженной особая форма мировоззрения, по-своему стройная система взглядов, которая, по ее предназначению, должна была открыть путь к достижению идеальной формы организации власти — демократического абсолютизма. Это когда власть, обладая внешними атрибутами демократии, оставалась самодержавной, даже деспотической по содержанию. Исторические амбиции этой власти простирались очень далеко: она претендовала на право выражать интересы всего человечества, определять перспективы его будущего. И вот эта система два года назад, в августе 1991-го рухнула.

Казалось бы, надо радоваться, а чувство такое, как будто нас приглашают на поминки, только впопыхах или под гнетом глубокой скорби, почему-то забыли уточнить, по кому или почему справляем тризну. А действительно, чем же на самом деле был августовский путч? Сделал ли он нас свободными или превратил в еще больших рабов? Открыл ли путь к возрождению или только приподнял крышку гроба, которая того и гляди может захлопнуться, но теперь уже навсегда?..

Мы продолжаем казнить памятники

С ОЦЕНКОЙ смысла и значения августовских событий 1991 года мы действительно оказались в глупейшей, двусмысленной, если не больше, ситуации. И не похоже, чтобы мы старались из нее найти достойный выход. Хотя ощущение, что находимся в тупике, становится все очевиднее. Возьмите хотя бы суд над учредителями ГКЧП и их ближайшими сподвижниками. Беру на себя смелость утверждать, что затея эта пустая и бесперспективная, вроде процесса над КПСС в Конституционном суде, в котором, как и следовало ожидать, больше выиграли подсудимые, чем спра-

URSS

ведливость. Затея эта бесперспективна еще и потому, что суд будет очень трудно, почти невозможно, провести по чисто формальным причинам. Групповой процесс над людьми столь преклонного возраста способен рухнуть в любую минуту. Особенно если учесть огромное число влиятельных лиц, заинтересованных в том, чтобы суд не состоялся. Но дело не только в этом.

Процесс над участниками ГКЧП просто бессмысленен в юридически-правовом отношении. Ни на один из вопросов, которые нас действительно волнуют, в том числе на главный, кто же действительно виноват в том, что случилось, он не даст ответа. Хотя бы в силу того, что не «гэкачеписты» Отечеству изменили, а Отечество пожелало измениться, учредителям же ГКЧП хотелось, чтобы оно оставалось таким, какому они присягали, какое строили, любили и защищали в меру собственного понимания.

«Гэкачеписты» не просто уголовные преступники. Они порождение определенной системы взглядов и конкретно-исторической формы общественных отношений. После того, как эта система рухнула, нет ничего проще, как наказать десяток-другой ее «типичных» представителей, которые виноваты перед законом ничуть не больше, чем их предшественники, соратники и единомышленники, отдавшие распоряжения о подавлении «беспорядков» в Берлине, о кровавых расправах в Будапеште, о повторной, вслед за освобождением, оккупации Чехословакии.

Справедливо было бы спросить: а где ответчики «по делам» о событиях в Вильнюсе, Риге, Тбилиси, Баку? Почему не сидят на скамье подсудимых политические деятели, ответственные за войну в Карабахе, в Осетии, в Абхазии, за братоубийственные стычки в Приднестровье, Чечне и Ингушетии? Да мало ли где еще! Ведь сегодня чуть ли не вся территория бывшего Советского Союза превратилась в пылающий континент. За это мы кого-нибудь будем судить или тоже все грехи спишем на какую-нибудь «четверку-восьмерку-десятку» очередных «гэкачепистов»?

По моему убеждению, речь сегодня должна идти не о том, чтобы наказывать людей за их, да и наше с вами, прошлое. (Это все равно, как если бы мы начали казнить памятники, которые сами же и ставили, — авт.). А о том, чтобы бороться за преодоление прошлого. Но это нам никогда не удастся, если мы будем продолжать делить друг друга на правых и виноватых, на коммунистов, «перестроившихся» в демократов и «консерваторов», оставшихся в «плену идеологических догм», на тех, кто «уверен в победе», и тех, кто «обречен на поражение».

А если без аллегорий, то суд над учредителями ГКЧП, хотя у меня ни один из подсудимых симпатий не вызывает, не только бессмысленен и бесполезен, но еще и вреден. Не принесет он нам ни мира, ни покоя, ни удовлетворения. А главное, не научит великодушию, которое, как известно, служит олицетворением силы. Великодушным может быть только тот, кто уверен в себе, в своей правоте, в своем могуществе.

Августовский путч был неизбежен

ПО МОЕМУ мнению, в Советском Союзе, если его устремления действительно были направлены на то, чтобы покончить с коммунистическим тоталитаризмом и создать плюралистическое демократическое общество, без путча было не обойтись. Либо антикоммунистического, либо, если этого не случится, антидемократического.

Лучше всего было совершить его, коли говорить о путче антикоммунистическом, молниеносно, воспользовавшись благоприятным стечением обстоятельств или специально подстроенным поводом.

Однако решиться на антикоммунистический переворот, даже осознавая его необходимость, даже давая себе отчет в том, что такой переворот — единственная возможность наиболее безболезненного и быстрого выхода из надвигающегося кризиса, в нашей стране никто вообще не мог. Следовательно, страну и народ для узурпации принадлежавшей компартии власти нужно было подготовить, нужно было вести дело так, чтобы такая узурпация выглядела не только неизбежным, не только единственно возможным, но даже желанным для народа разрешением кризисной ситуации.

Причем парадокс состоял в том, что в политико-прагматическом смысле в подготовке страны и народа к позитивному восприятию предстоящего переворота оказались заинтересованными обе противостоящие друг-другу группировки — коммунисты-консерваторы и радикал-демократы. Оба лагеря строили свою тактику подготовки к перевороту на одном и том же принципе — на неуспехах противника. Шансы на победу у обеих сторон оказались примерно равными, по формальным признакам у коммунистов они были даже предпочтительнее. Все зависело от того, кому больше повезет, у кого окажется более быстрой политическая реакция и крепче нервы. По всей видимости, политические товарищи-соперники понимали, что губительному для страны периоду безвластия, порождавшему смуту, должен быть положен конец. Но как? Первое, что приходит в голову, — обратиться к народу, предложив ему самому сделать выбор. Но к такому повороту событий не были готовы ни народ, ни власть. Народ еще не избавился от генетически присущего «гомо советикусу» иждивенческого отношения к государству, своим вождям и избранникам, которые и должны заботиться о его — народа — благе. У властей же как коммунистических, так и демократических, на всех уровнях не было ни необходимого авторитета, ни политического мужества, чтобы решиться на такой шаг.

Когда начинаешь задумываться над происходившим и происходящим под этим углом зрения, то начинаешь понимать, что наши беды проистекают вовсе не из-за кризиса власти. Он — лишь отражение более глубокого кризиса, связанного с качественным переходом общества из одного состояния в другое. Оглянется назад — там кровь и тьма, посмотришь впе-

URSS

ред — туман и мгла. А в воздухе уже носится сакраментальный вопрос: «Кто же во всем виноват, кому за это держать ответ?» И мы начали все чаще бросать гневные взгляды в сторону центральной власти: «Если кому и отвечать, то прежде всего ей». Вот у нее нервы и стали сдавать.

Если в корень смотреть, то Шеварднадзе и Яковлев поступили ничуть не лучше будущих «гэкачепистов», когда шарахнулись от М. Горбачёва, как только почуяли, что паленым запахло. Разве что оказались они чуть-чуть похитрее да порасторопнее. На время сделали вид, будто совсем из большой политики решили уйти, тем более что умным людям в то время в ней вообще делать было нечего.

Уже в 1990 году, задолго до путча было ясно, что союзная партийная и государственная коммунистическо-демократическая власть деморализована своим идейно-политическим двуличием, что ее час пробил, что возмездия за топтание на месте не избежать. Короче, нужно было решать — либо добровольно складывать с себя полномочия, либо готовиться к решительной схватке, не останавливаясь перед выбором методов и средств. Судя по тому, как развивались события на декабрьском 1990 годы Съезде народных депутатов СССР, все последующие месяцы вплоть до августовского путча, был избран второй путь.

Михаил Горбачев, его друзья и «товарищи»

У ШТУРМАНОВ дальней авиации есть такой термин — точка возврата. Ею обозначают пункт на заданном маршруте, после которого уже невозможно из-за ограниченного запаса горючего возвращение на базовый аэродром. Остается только одно — двигаться в направлении расчетной посадки. Именно такой «точкой возврата» в развитии политических событий в бывшем Советском Союзе, охваченном сплошной лихорадкой перестроечных будней, оказался, с моей точки зрения, IV Съезд народных депутатов СССР. После него никакого иного выбора, кроме политического краха «перестройки» и лично М. Горбачёва, уже не было. Часы отсчета дней, оставшихся до августовского путча, оказались запущенными. Это становится очевидным, если проанализировать действия трех главных лиц депутатского съезда — М. Горбачёва, Э. Шеварднадзе и Г. Янаева.

Начнем с Э. Шеварднадзе. Все, наверняка, помнят, какой фурор произвело его выступление, когда он заявил о своей добровольной отставке с поста министра иностранных дел. По какой-то странной, не поддающейся вразумительному объяснению логике, человек, возвестивший о нависшей над страной и народом угрозе диктатуры, но не назвавший ее конкретного источника, ни словом не намекнувший, с какой же стороны ее ждать, а вместо этого, прокричав «караул», бросился в кусты, стал чуть ли не общесоюзным героем.

URSS

Со всех сторон только и слышалось: ай да Шеварднадзе, ай да молодец! А почему «ай да», почему, собственно, «молодец»? Этот вопрос ни у кого, похоже, не возник. Жаль, поразмышлять было над чем. Особенно в свете того, как отреагировал на демонстративную отставку своего ближайшего друга и сподвижника М. Горбачев.

Уход из официальной государственной политики человека, который возглавлял, казалось бы, наиболее продуктивное направление «перестройки», ту ее часть, которая олицетворяла торжество «нового мышления», мог означать только одно — жесточайший удар по доверию к этой политике вообще, если это доверие еще хоть у кого-нибудь и где-нибудь оставалось. А тут еще фраза: «Это мой протест против грядущей диктатуры». Следовательно, откуда она исходит?..

В возникшей ситуации у М. Горбачева не только с точки зрения объективной политической логики, но и по соображениям обычной житейской целесообразности, оставался единственный шанс отвести от себя подозрения и дезавуировать заявление Шеварднадзе — уговорить, потребовать, любым доступным способом удержать Шеварднадзе в рядах президентской рати. По сути дела, вопрос о сохранении Э. Шеварднадзе превращался в этих условиях для Горбачева в вопрос защиты собственной политической чести.

Держать его возле себя он не сумел или не захотел. Во всяком случае, брошенную ему в лицо перчатку не поднял, к барьеру не встал, предоставив тем самым досужим политическим умам возможность для полета самой смелой фантазии на тему: то ли еще будет? Фантазировать, однако, долго не пришлось. Как только съезд приступил к решению вопросов, связанных с формированием нового правительства и выборами нового вице-президента, все стало ясно до неприличия.

Ведь есть очень простой способ определить репертуар любого правительства: приглядитесь, какие подбираются исполнители и какие в их руках инструменты. Если перед вами люди, привыкшие сопровождать, дуя в медные трубы, марширующие на армейском плацу роты, то в их исполнении даже адажио из «Лебединого озера» прозвучит как «Гром победы, раздавайся!» Они просто ничего другого играть не умеют, даже в том случае, если ими руководит искуснейший дирижер. Не оркестр к нему, а ему к оркестру, хочет он того или нет, придется приспосабливаться.

Как только вице-президентом был избран Г. Янаев, как только выяснилось, кто занял ключевые посты в правительстве, стало ясно, что «точка возврата», когда события еще можно было повернуть вспять от неизбежной катастрофы, пройдена. Нас уже ничего другого, кроме надругательства и насилия над провозглашенными демократическими принципами, не ждет, и без вооруженной схватки между претендентами на власть не обойтись. Вопрос лишь в том, кто на этот вызов откликнется, кто первым схватится за оружие — коммунисты, чтобы свою власть отстоять, или демократы, чтобы ее захватить. Только наивные в политическом отношении

UPRESS

люди могли думать, что политические убеждения М. Горбачева, как, впрочем, и любого другого на его месте или на президентском посту, гарантируют нас от такого поворота событий.

Примеры превращения ярых демократов в яростных диктаторов в истории не редкость. О чем в наше время, размышляя на тему, какой быть конституции для нашей российской республики, не следовало бы забывать. Ведь оправдания для узурпации власти найдутся. Возможность, я бы даже сказал, неизбежность установления диктатуры, всегда продиктована вызовом времени и обстоятельств. И если объективные условия для нее созрели, то она также неотвратима, как смена дня и ночи.

Примерно так я и рассуждал, наблюдая за тем, что происходило на декабрьском 1990 года Съезде народных депутатов СССР. Неглупые вроде бы собрались на нем люди, у многих и образование, и политический опыт, и в их честности вроде бы оснований усомниться нет, а нависающей над каждым из них, над страной, над народом страшной беды не видели, не чувствовали, не осознавали. Меня не покидало ощущение, что неизбежная катастрофа уже неминуема и осталось только подготовиться к ней.

Сегодня в качестве своеобразного послесловия к думанному-передуманному тогда добавлю лишь одно. В момент августовского путча у меня не было сомнений, где надлежит быть. Конечно же, в Белом Доме. Но я там защищал не демократию, о которой так любят рассуждать Б. Ельцин и его ближайшие сподвижники. Потому что демократии в нашей стране как не было, так и нет.

Ведь демократия — это не образ мыслей и даже не образ действий наших вождей и руководителей. Демократия — образ жизни людей, это их благополучие и благосостояние, их право жить по-человечески, возможность быть уверенным в самом себе, в будущем своих детей, а не в достоинствах обладателей или претендентов на власть, кем бы они себя не называли — коммунистами, демократами, либералами, анархистами или монархистами. Демократия — это когда человек чувствует себя человеком. Было такое в нашей стране прежде? Или, быть может, есть сейчас?

Так что же я в таком случае защищал в Белом Доме? Прежде всего свое человеческое достоинство. Ненормально это, преступно, когда против собственного народа выводят танки, когда его колотят дубинками на первомайских демонстрациях. Если бы танки в августе шли не на Белый Дом по велению Г. Янаева, а на Кремль по приказу Г. Бурбулиса, я бы считал, что мое место среди защитников Кремля.

И все-таки я очень дорожу тремя днями, что провел в осаде. В те три дня все, кто в нем был, и те, кто готовился его атаковать, были свободными. Не потому, что добровольно сделали выбор. В этом я как раз сильно сомневаюсь. Я знаю многих, которые бы с удовольствием поменялись местами и позициями. Тем более что кое-кто это уже сделал.

LIBRESS

Мы были свободными потому, что, может, впервые на себе ощутили благотворное влияние сомнений на наши сердца и умы. Чувствовалось, что они сидят в душе у каждого по обе стороны баррикад. Ни чьи-то приказы, ни чья-то воля, а именно наши сомнения удержали нас от братоубийственной схватки. После 21 августа, после того, как стало окончательно ясно, что путч провалился, а «демократы» победили, жизнь вернулась в свою колею. Каждый из нас вновь обрел уверенность в своей правоте, в своей исключительности, в своей бескомпромиссности и непогрешимости… Там, откуда уходят сомнения, демократии не бывает.

Мятеж не может кончиться удачей…

…В ПРОТИВНОМ случае его зовут иначе. Так, кажется, сформулировал свое отношение к различного рода мятежам, переворотам, путчам Роберт Бернс. Взять тот же августовский путч. Ведь если бы его инициаторы победили, то назывался бы он совершенно иначе. Скажем, так: победа здоровых или разгром контрреволюционных сил. На такой исход у гэкачепистов, по всей видимости, и был расчет. В любом другом случае они вряд ли бы всю эту августовскую катавасию затеяли.

Я намерен предпринять рискованную попытку воспроизвести сценарий, по которому должны были, как мне представляется, разворачиваться события в августе 1991 года, хотя никаких документальных доказательств или убедительных свидетельств в подтверждение своей версии привести не могу. Мне не на что сослаться, в моем распоряжении нет' ни материалов «особой папки», ни протокольных записей заседаний Политбюро, не заглядывал я ни в какие секретные сейфы и архивы, не стоял за спиной ни одного из причастных к организации путча деятелей. Более того, я убежден, что ничего из действительно важного, что бы могло пролить свет на происходившее, ни в каких папках, сейфах и архивах никогда и никому не найти. Там этого просто никогда не было и быть не могло.

Но жизнь и обстоятельства научили ориентироваться в другом: в способе мышления и действий, в ритуальном поведении той жреческой касты, которую мы называем партийным аппаратом. Путч готовился по-аппаратному и наверняка должен был завершиться успехом, если бы две его главные фигуры — М. Горбачев и Б. Ельцин — добросовестно исполнили те роли, которые им предписано было сыграть. Но они этого не сделали, хотя, судя по объективной логике событий, и обязаны были. Начнем с Горбачева.

Помните его слова на пресс-конференции 22 августа 1991 года, сразу после вызволения из Фороса: «Всего, что знаю, я никогда и никому не скажу». Значит, хотим мы того или нет, до многого, если не до главного, нам придется додумываться самим, не полагаясь на откровения даже са-

LIBRESS

мых высокопоставленных лиц, на свидетельства друзей или врагов Горбачева, на результаты специальных расследований — будь то прокуратура, следственные органы или парламентские комиссии.

Известно, в частности, что вопрос о возможности введения в стране чрезвычайного положения по причине обострившейся кризисной ситуации Горбачев со своими сподвижниками из будущего ГКЧП обсуждал. Более того, неоднократно сам заводил об этом речь, но всякий раз останавливался на пороге решения. Большинством такое поведение воспринимается как колебания, сомнения и даже муки давящей на человека непомерной ответственности.

Однако люди, сведующие в жреческих тайнах аппаратной политики высшего эшелона КПСС, согласятся со мной: именно так и должен действовать лидер партии в рискованной ситуации. В любом случае он должен вывести себя из-под удара, даже если ради этого придется пожертвовать ближайшими соратниками, а то и друзьями. Единственное, что следовало сделать, это дать понять, что кто-то должен взять ответственность на себя. И аппарат такие действия поймет и поддержит. Покорно смирятся со своей участью даже те, кому выпало на долю стать жертвой.

Спешу, однако, предостеречь: не следует воспринимать мои рассуждения как намек на существование какого-нибудь тайного сговора между М. Горбачёвым и будущими путчистами. Уверен, такого сговора не было и искать его материальные, формальные или свидетельские доказательства бессмысленно. В таком сговоре просто не было необходимости. Всем участникам августовских событий должны быть прекрасно известны правила аппаратной интриги, в которой каждый знал свою роль назубок и в шпаргалке не нуждался.

Было скорее всего другое. Горбачева просто поставили перед необходимостью смириться с неизбежным ходом событий, не ожидая от него ни одобрения, ни согласия. Не стану гадать, где, когда и в каком составе незадолго до августовских событий, но у М. Горбачёва обязательно должна была состояться встреча, где ему в очень жесткой и доходчивой форме объяснили, куда он завел страну, чем обернулась радужная и заманчивая поначалу перспектива «революционной перестройки». Наверное, ему напомнили, сколько раз в аппарате партии, в ее руководящих органах поднимался вопрос о том, что у «перестройки» должна быть хоть какая-нибудь программа действий или хотя бы традиционные для КПСС «основные направления», чтобы невзначай не сбиться с пути. Горбачев же склонялся к тому, что достаточно «начать», «углубить», а там процесс демократизации «пойдет», не остановишь.

В результате, принципиальные установки, которые, собственно, и составляли идейно-политическую суть «перестройки», сводились к внешне непритязательным, даже привлекательным на первый взгляд формулировкам и лозунгам. Вроде: «Дальше так жить нельзя», «Наша

LitRes

цель — вернуться в семью цивилизованных государств», «Мы должны преодолеть свое прошлое», «Нужно избавиться от старых стереотипов». Ну и так далее. Однако на поверку оказалось, что эти широкие, без четких границ лозунги оставляли не так уж много пространства и времени для маневра. Очень скоро они стали диктовать свой способ поведения и действий.

В итоге независимо от субъективных желаний и убеждений инициатора «перестройки» ее «процесс пошел» так, как и должен был пойти — в русле осуществления «комплексной программы», которую условно можно было бы назвать «Программой четырех АНТИ». Она должна быть Антикоммунистической, Антисоциалистической, Антисоюзной и Антисоветской. По этим основным четырем направлениям она и развивалась. Помимо воли Горбачева и вообще помимо чьей-либо персональной воли, поскольку «процесс перестройки» пошел стихийно, а значит, по самому болезненному, изнурительному и опасному пути.

Ельцин защитил Горбачева. Почему?

МОЖНО, конечно, допустить, что Горбачев сам это понял, собственным разумом дошел. Но вряд ли. Иначе он ни минуты не колебался бы с решением вопроса о собственной добровольной отставке. Он бы потерял власть, но сохранил бы честь и достоинство. Скорее всего его на этот счет «просветили», продиктовав заодно условия дальнейших действий и отношения к тому, что может произойти в стране. С чем и отправили в Форос.

Вы можете себе представить, чтобы он туда поехал добровольно за десять дней до того, как должен был быть подписан Союзный договор, подготовка которого шла с таким большим трудом? Ведь договор несомненно имел для Горбачева, как он сам любил говорить, «судьбоносный» характер. Я лично не могу. Да и не один опытный, ответственный политик ничего подобного по собственной воле не сделал бы. Во всяком случае, будучи в здравом уме и трезвой памяти.

Ясное дело, что Горбачева не просто запугали, ему сумели доказать, что другого выхода, кроме как введение в стране чрезвычайного положения, не существует. К тому же предлагаемые меры, которые формально могли быть осуществлены без непосредственного, во всяком случае на первом этапе, участия и привлечения М. Горбачёва, являются по сути дела единственным шансом исправить положение не только в стране, но и в личной политической судьбе Горбачева.

Основная ставка была сделана на разрешение зашедших в тупик отношений между Ельциным и Горбачевым. Начиная с октября 1987 года, когда Б. Ельцин, в ту пору кандидат в члены Политбюро и первый секретарь московского горкома партии, выступил на пленуме ЦК КПСС с рез-

URSS

кой критикой по адресу Горбачева и ходу «перестройки», конфронтация между ними шла по нарастающей.

Вот на этой-то горбачевско-ельцинской коллизии и решили сыграть учредители ГКЧП. Они, по всей видимости, исходили из того, что отстранение Ельцина от власти, что, собственно, и было основной задачей путчистов, должно играть на руку Горбачеву. Оно возвращало ему все права и полномочия как главе союзного государства, избавляло от двусмысленного положения при параллельном президентстве в России его наиболее лютого оппонента.

Убежден, учредители ГКЧП ни минуты не сомневались, Президент в конечном счете примет их сторону. На пресс-конференции самих «гэкачепистов» 19 августа Г. Янаев сказал: «Уверен, мы еще поработаем вместе с М. Горбачевым». (Иначе он сам себе подпишет смертный приговор, который Ельциным и будет приведен в исполнение, — авт.). Так что в антиельцинской позиции Горбачева «гэкачеписты» в принципе могли быть уверены. Оставалось только искусно разыграть антигорбачевскую карту Ельцина.

Уже много написано о том, что августовский путч был фарсом, провинциальным водевилем, что его организаторы оказались бездарями, не способными решать даже элементарные задачи, доступные ординарному полковнику, а то и капитану. Полагаю, это слишком упрощенная точка зрения и обманчивое впечатление. Убежден, переворот был хорошо подготовлен, и он наверняка завершился бы успехом, если бы его организаторы не ошиблись в главном — в том, как поведут себя в критический момент два основных действующих лица: М. Горбачёв и Б. Ельцин.

Горбачев в последнюю минуту дрогнул, в нем уже не было той твердости, которой до него отличались все лидеры большевистско-коммунистической партии. Раздвоение функций — с одной стороны, Генеральный секретарь ЦК КПСС, а с другой — Президент СССР — привело к политическому раздвоению личности. На что должен был решиться, что должен был санкционировать лидер КПСС, не мог принять, не мог одобрить Президент страны, вознамерившийся стать главой демократического государства.

«Нелогично» повел себя и Ельцин. По мнению и расчетам «гэкачепистов», он должен, просто обязан был увидеть в выступлении ГКЧП очередные козни Горбачева, и, действуя в свойственной ему импульсивной манере, обвинить Горбачева в организации путча. Это бы сразу стало сигналом путчистам, а может, и самому Горбачеву, для штурма Белого Дома и последующего отстранения Ельцина от власти.

Но произошло невероятное. Ельцин, которому по сути дела предоставили полную свободу действий, возможность сделать любое заявление, обрушиться с нападками на своего кровного обидчика, вдруг проявляет выдержку, не спешит клеймить позором Горбачева, а, уловив возможность

отсечь Горбачева от путчистов, энергично делает это, отложив расплату за нанесенные обиды «на потом».

Но этот факт вряд ли стоит воспринимать как торжество справедливости или наказание коварства. И приговоренный, и исполнитель приговора оказались лишь орудием в руках политической судьбы. Горбачев не понимал (или умело делал вид, что не понимал, — авт.), что дал старт «программе четырех АНТИ», Ельцин не понимает, что именно эту, а не какую-нибудь иную, программу он сейчас довершает. Ведь ничего принципиально нового в объективный ход событий, связанный с разгромом коммунистического тоталитаризма, социалистического инфантилизма, союзного унитаризма и советского идиотизма Ельцин за два года, миновавшие после августовского путча, не внес. Да и не мог внести. Поскольку ни он, ни его ближайшее окружение не понимают, что же действительно происходит в стране. Настоящие и насущные перемены еще впереди. Они в руках тех, кто понимает…

«Пророков нет…», с. 40–51,
Москва, 1994.

URSS

4. Быть России имперской

Чем скорее это случится, тем лучше

О ТОМ, КАКОЙ быть постсоциалистической, постперестроечной российской политике сказано и написано много. Назову основные параметры: демократической, реалистической, стабильной. Это в смысле внутреннем. И, конечно же, добрососедской, взаимовыгодной, а главное, обеспечивающей национально-государственные интересы России. В смысле внешнем. Но ни у кого язык не поворачивается сказать, хотя кое-кто понимает, а другие догадываются: дабы обеспечить достижение продекларированных целей как внутри страны, так и за ее пределами, российская политика должна, просто обречена быть имперской.

Империя и демократия диалектически едины

ЧТОБЫ это признать, для начала, конечно, придется преодолеть политическую аллегорию, я бы даже сказал жестче — реакцию отторжения на сами слова «империя», «имперский». Стоит их произнести, как у многих из нас, что вполне естественно после всего пережитого, всплывают воспоминания про третий рейх, про имперскую канцелярию, про советскую тюрьму народов. Эти ассоциации заслоняют от нас неопровержимую истину, что имперская политика в своем истинном, недеформированном виде и соответствующие ей принципы, если рассматривать их в историческом ракурсе, никогда не только не отрицали демократии, но и обеспечивали ее, не только мирно сосуществовали друг с другом, но и взаимодействовали.

Когда Б. Н. Ельцин во время визита в Афины во второй раз в своей жизни приносил символическую президентскую присягу, он, полагаю, должен был знать, что древняя Греция, родоначальница демократии, была по сути дела рабовладельческой империей. Тем более пришедшая ей на смену Римская — основоположница демократической законности и государственного права. Но если бы даже Б. Н. Ельцин не помнил, поскольку давно это было, то наверняка знал, что и политика России в исполнении почитаемого нынешним российским президентом великого реформатора Петра I тоже была имперской. Как, впрочем, и вся политика России вплоть до 1917 года, когда мы эту Россию потеряли. О чем сегодня, надеюсь, искренне и в равной мере скорбят как демократы, так и национал-патриоты.

Но если примеры из собственной истории не убеждают, то, присмотревшись повнимательней к современным демократическим государствам,

URSS

составляющим милый нашему сердцу цивилизованный мир, мы должны будем признать, что и они проводят типичную имперскую политику, где все распределено по чину, званию, силе и месту под солнцем. Поскольку имперская политика — не что иное, как державная политика, и, следовательно, понятие это не идеологическое, не социально классовое, не формационное, а историческое и геополитическое.

Государства, несущие на своих плечах основную долю нелегкого бремени ответственности за прокладку магистрального пути общественно-политического и социально-экономического прогресса, ставшие на том или ином этапе, в силу определенного стечения конкретно-исторических обстоятельств, прежде всего объективных, гарантами глобальной стабильности, не могут не претендовать на исключительность, на особые права. Не могут не пытаться диктовать другим своей воли, не стремиться защищать свои интересы любыми средствами, которые сочтут для этого приемлемыми и результативными. Тут уж, как любили говорить древнеримские демократы: что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Тут уж, как зафиксированное в современных международно-правовых документах, — кому совещательный голос в Совете безопасности ООН, а кому и право вето.

Иное дело, что все другие государства в своих собственных интересах и вполне в духе основополагающих принципов демократии, которые существуют не для того, чтобы кого-то ублажать, а для того, чтобы конкуренты и противники не пожрали друг друга, должны позаботиться о том, дабы в системе международных отношений точно так же, как и внутри любого государства, существовала и эффективно действовала надежная система «сдержек и противовесов», балансирующая имперскую, великодержавную политику мировых лидеров.

Причем, сил для такого противодействия у других государств вполне достаточно, если не единоличных, то в рамках тех или иных блоков и союзов. К тому же на стороне слабых и угнетенных оказывается объективно действующий закон неизбежного исторического возмездия — империи всегда погибали, когда превышали свои исторические полномочия, когда переходили грань, за которой сила переставала быть политикой и становилась средством подавления, беззастенчивой эксплуатации и уничтожения.

Именно по этой причине не состоялся третий рейх: не хватило у его главарей мудрости, исторической интуиции, чтобы, подняв страну с колен национального унижения, добившись возвращения Германии в число сильнейших мировых держав, остановиться. Они вознамерились диктовать свои условия не только другим народам и странам, но и истории. А она за это мстит жестоко.

Цивилизованная политика тех государств, на пример которых мы ориентируемся сегодня, есть тоже имперская политика, но не преступающая роковой черты, не переоценивающая собственных сил, не рискующая

IIRSS

понапрасну, не высокомерная, но твердая, я бы сказал непоколебимая в защите своих интересов. Почему бы и нам не научиться такой политике? Сил и возможностей у России для этого вполне достаточно, нужно только умно и умело ими распорядиться. Но вот тут-то как раз…

Как мы разрушили советскую «империю» и возвели демократические «суверенитетоскребы»

К СОЖАЛЕНИЮ, среди нынешних российских политиков не нашлось человека, которому бы пришла в голову не спонтанная, а политическим опытом или хотя бы здравым смыслом продиктованная мысль, что Советский Союз как тоталитарное унитарное государство, конечно же, надо трансформировать в конфедерацию, а может быть даже вообще вести дело к его расчленению на самостоятельные, независимые друг от друга государства. Но, во-первых, нельзя этого делать под лозунгом ликвидации командно-административной коммунистической империи, походя дискредитируя слово «империя» (зачем спрашивается плевать в колодец, ведь еще придется воды напиться), и, во-вторых, ни в коем случае нельзя было призывать к немедленной обжорской, «сколько сможете проглотить», суверенизации, в которой генетически был запрограммирован неуспех реформаторских устремлений (как в России, так и в других республиках бывшего Советского Союза).

В том виде, в каком суверенизация начала осуществляться, она наносила сокрушительный удар по самой возможности необходимых преобразований, какую бы сферу мы не взяли: народно-хозяйственный комплекс, научно-техническую базу, традиционные, играющие существенную роль в жизни каждой республики исторические, культурные, нравственно-духовные связи. Особенно болезненно процесс суверенизации сказался на обеспечении политической стабильности и национальной безопасности республик вследствие резкого изменения военно-стратегических и политических ориентиров, ликвидации единой армии, политической и финансовой дискредитации общесоюзного ВПК.

Опыт СССР еще раз доказал, что любая страна, будь она большой или малой, если она вознамерилась строить идеологизированное государство, если для ее руководителей и лидеров вопрос мировоззрения становится делом государственной политики, то для такой страны главной опорой, а то и единственной возможностью для поддержки собственной державности может быть только военная мощь, возможность обеспечить военно-стратегический паритет с державами-соперниками за счет постоянного наращивания ракетно-ядерного потенциала и идейно-демагогического манипулирования международным общественным мнением и сознанием собственного народа. Но в таком случае, согласитесь, мы получаем не им-

LIBRUS

перию, не имперскую политику, а милитаристское государство, страну, десятилетиями живущую в атмосфере осажденной крепости, но все равно внутренне дряхлую, способную рухнуть чуть ли не в одночасье.

А вот пример иного рода — Япония. Она стала процветающей и великой державой в кратчайший по историческим меркам срок, не только порвав с милитаризмом, но в первую очередь потому, что избрала для себя (правда, не без содействия американцев) деидеологизированную имперскую модель государства. Японцы не кричат на каждом углу, что они проводят имперскую политику, хотя так оно и есть, но и не стыдятся, что символом страны, олицетворением ее государственно-политического статуса является император… Однако вернемся к нашим баранам.

Какое-то время хваленое советское могущество и реальное влияние на мировую политику действительно поддерживалось аргументами милитаристского свойства. Но как только наступил момент количественного и качественного насыщения взрывоопасного материала, когда не только применение оружия, но даже сама угроза его использования стала самоубийственной и, следовательно, утратила свой политический смысл, «великий, могучий Советский Союз» рухнул, как колосс, стоявший на глиняных ногах, расколовшись при этом па «черепки» — независимые государства.

Во внешнеполитическом плане погубила СССР как мировую державу именно утрата военного могущества, а не горбачевская перестройка, не ново-огаревский процесс, не августовский путч и уж тем более не Беловежская пуща. И здесь ничего сделать было нельзя. Но вот внутри страны единственный мощный компонент союзной державы — силовые структуры и ВПК могли еще сослужить добрую службу, удержать государство от стихийного распада, придать процессу демонтажа СССР хоть какую-то логику, разумную последовательность, способствовать обеспечению столь необходимой для осуществления намеченных реформ политической стабильности.

Это не значит, что реформы должны были быть принесены в каждую республику или регион на штыках или ими поддерживаться. Упаси Бог. Но легкомысленно и недальновидно было наносить первый и наиболее сокрушительный удар по структуре, от состояния которой во многом зависит общеполитическая ситуация и ощущение безопасности каждого государства. Мы же в попытках суверенизации нанесли один из первых ударов именно в эту, наиболее болевую точку. Это все равно, как если бы, намереваясь вести караван по пустыне, решив избавиться от лишнего, обременительного груза, мы стали бы вдруг сливать на песок запасы питьевой воды и без того небогатые.

Я уже не говорю о том, что, дав зеленый свет расформированию армии и ее расселению по национальным квартирам, мы сами вложили в руки людей, представляющих в бывших союзных республиках противоборствующие группировки самое современное оружие, вплоть до ракетно-ядерного, как бы сами подтолкнули к тому, чтобы любое противоречие, а их за пе-

LIBRESS

чальной памяти годы советско-союзного владычества накопилось предостаточно, начинало приобретать форму вооруженного противоборства.

Более того, стимулировав после неудавшегося августовского путча процесс распада общесоюзной армии, Россия, а точнее ее руководители, оказались теперь объективно заинтересованными в междоусобных конфликтах и даже войнах в бывших «братских» республиках, хотя признаться в этом никто не хочет.

Пока эти республики раздирают непримиримые противоречия, они, ныне суверенные государства, еще остаются в зоне притяжения и влияния России. Но стоит лишь положению в них стабилизироваться, как бывшие «братья», учитывая нестабильность и нарастающую взрывоопасность ситуации в самой России, постараются от нее дистанцироваться на максимально возможное расстояние. Плацдармы для такого отхода они уже сегодня усиленно ищут, а некоторые, например, Таджикистан, Кыргызстан и Молдова, похоже, уже нашли.

Будь Россия единой, если бы ее не терзали внутренние про тиворечия, не будь она раздираема на части амбициями удельных суверенитетов, трудно, я бы даже сказал, невозможно было бы себе представить, что кто-нибудь их ближайших или дальних соседей, позволил бы себе ущемлять российскую государственность, национальное достоинство ее народа под самым носом у России, как это происходит в Прибалтике. Наверное, поостереглись бы всякого рода политические забияки и националистические фанатики затевать возле ее подбрюшья междоусобные драки, как происходит сейчас на территориях южных, приграничных с нами независимых государств.

Оставайся бывшая общесоюзная армия единой, можно было бы эти военно-политические эксцессы хоть как-то сдерживать. А при нынешней ситуации, инфицированная по воле отцов-демократов комплексом неполноценности российская армия, даже явочно оставаясь более сильной, не может этим воспользоваться, как-то на свою силу опереться.

Короче, безответственная поспешность, с которой выдвинули лозунг суверенизации, приведший к столь катастрофическим последствиям, свидетельствует, что продиктован он был не объективной логикой государственных интересов, не здравомыслящей политической волей, а благоприобретенной в советский период нашими отечественными лидерами коммунально-аппаратной склочностью, когда за личную неприязнь, за нанесение обид и оскорблений можно расплачиваться чем угодно, вплоть до коренных интересов страны и ее народа.

В итоге идея суверенизации, как и следовало ожидать, проявила себя как затея эгоистическая, да к тому же еще и губительная, поскольку создала для проведения единственно возможной, единственно продуктивной и перспективной для России имперской политики режим наименьшего благоприятствования.

LIRES

Пошла Россия за суверенитетом, а вернулась…

ПРОВОЗГЛАСИВ на манер гоголевского душевнобольного и убогого Поприщина, что «внутри земного шара сеть еще один, гораздо больших размеров», российские инициаторы суверенизации выпустили из бутылки джина, которым щ всех чудес может творить только одно — дробить целое на части, из большого делать маленькое. Сначала он продемонстрировал свое искусство на арене Советского Союза, а потом принялся за расчленение республик, заявил о себе на провинциальных сценах. Теперь готов явиться по первому зову какого-нибудь ЖЭКа или РЭУ.

В результате мы получили вместо плохо скроенного, из колючей и грубой ткани, местами пузырящегося и топорщащегося, по швам затянутого, будто смирительная рубаха, армяка — открытый всем ветрам зипун, сквозь дыры которого засветились все наши срамные места. Причем в самом убогом, позорном для ее государственного самолюбия, для чести и достоинства ее граждан положении оказалась Россия. Теперь внутри нее уже есть независимый Татарстан, суверенная Чечня, президентская Калмыкия, провозглашена самоопределившаяся Уральская Республика, того и гляди появятся Дальневосточная, Восточно-Сибирская, Поволжская, Ставропольская, а под боком у самой Москвы — Шаховское и Луховицкое независимые государства. Одного может не состояться — суверенной России.

Да откуда ей, суверенной России, взяться, если сразу, как только все остальные откусили по своему куску суверенного пирога, она не только лишилась своих собственных границ, которые никто не рискнет нанести на географическую карту, но и оказалась совершенно беззащитной.

Беда в том, что система национальной безопасности России никогда не создавалась как самостоятельная, а была выстроена по периметру бывшего Советского Союза. И вот после его распада, не без инспирации со стороны демократических лидеров самой России, безопасность республики оказалась расчлененной, раздробленной, неспособной в нынешних условиях не то что гарантировать, но даже адекватно реагировать на возможную угрозу. Через прежние союзные границы кто только не переползает-перелетает-переплывает, чего только через них не переносят-перевозят-перебрасывают. А потом все это, как правило прямиком, даже без пересадки и перегрузки, и только в особых случаях по задворкам и огородами, доставляется в Россию. За кого и за что погибают российские парни на афгано-таджикской границе? За Афганистан? За Таджикистан? Не знаю. Но точно не за Россию. Однако это еще далеко не вся беда.

На северо-западе, в бывшей советской Прибалтике, в стратегически важной для национально-государственной безопасности России зоне вообще возникла зияющая дыра. На Черноморье в результате прошлых хрущевских благоглупостей, возникших на почве пролетарского интернационализма и рабоче-крестьянской щедрости, вековечная российская

URSS

территория Крыма, россиянами добытая, потом и кровью умытая, вообще оказалась от России отторгнутой. А ведь кто владеет Крымом, тот господствует над Черным морем. Вот бы сейчас узнали об этом Петр I вместе с дочерью Елизаветой и их воспреемницей Екатериной II, столь много сделавшие для присоединения к России Крыма, то-то бы они своих почитателей, нынешних российских демократов-антиимпериалистов, не пожаловали.

В возникшей ситуации вообще непонятно, зачем России Черноморский флот, если она не собирается бороться за возвращение Крыма? Лучше сегодня, вслед за стратегическим полуостровом, сделать Украине еще один щедрый стратегический подарок — Черноморский флот. В таком поступке будет хоть преемственность исторической глупости и внешнеполитического головотяпства, а то ведь творим вообще бессмысленность — режем организм, одну из опор безопасности России по живому, приговаривая при этом, что отдавать по частям менее болезненно и не так обидно, как все сразу. Как тут не вспомнить сердобольного хозяина, который из жалости к своему доберману, купировал ему хвост не единым махом, а по кусочкам.

Сложнейшая, если не сказать тупиковая, ситуация сложилась и в экономике России. Я не настолько в ней разбираюсь, чтобы судить, хорошо или плохо, когда в экономике наблюдается «застой кризиса» и за благо считается «замедление темпов падения производства». Мне, как, наверное, и большинству россиянам, приходится судить о ее состоянии по собственному опыту.

Император Наполеон как то сказал: «Я могу обмануть профессоров и генералов, но мне не под силу обмануть домохозяйку, каждый день ходящую на рынок, чтобы покупать продукты». Ну на рынок у нас сегодня ходят немногие, только те, кто имеет большие деньги, настолько велики там цены. Но за покупками мы действительно ходим все. Из этих походов, я вынес глубокое убеждение, что самым дешевым рыночным товаром, самым дешевым из того, что вообще предлагается на продажу, является человеческий труд, а быть может, и сам человек.

Берусь утверждать, что только на одну зарплату, будь это хоть президент России, достойно прожить невозможно. Всем приходится искать дополнительные источники доходов. Конечно, личная инициатива — вещь хорошая, но все-таки не хотел бы терять ощущения, что являюсь еще и гражданином государства, которое во мне заинтересовано ничуть не меньше, чем я в нем.

Ныне же все мы, как граждане России, просто брошены на произвол судьбы. Широковещательные рассуждения о том, что основу будущего благополучия России и каждого из нас составят приватизация и ваучеризация, способная сделать из каждого россиянина собственника, на поверку оборачиваются блефом. Судя по тому, как эта приватизация с ваучериза-

цией разворачиваются, мы можем превратить россиян не в собственников, а лишь в спекулянтов и люмпенизированных эксплуататоров, ищущих, где бы и за чей счет нажиться.

Причин такого положения приводится много, но я лично прихожу к убеждению, что главная из них коренится в том, что Россия, ее нынешние реформаторы просто не умеют распоряжаться ее богатствами, не умеют обеспечивать и защищать интересы россиян.

К тому же, наверное, надо признать, что российская экономика, с учетом того как она формировалась в рамках бывшего Союза, является организмом несамостоятельным, испытывающим зависимость от источников сырья и производственных мощностей за границами ее нынешней территории.

В недалеком прошлом я желал успеха реформам Е. Гайдара, теперь симпатизирую В. Черномырдину, придут ему на смену Г. Явлинский или Ю. Рыжов, рад буду услышать, что через полгода, ну максимум через год, все в России, в ее экономике изменится к лучшему. Хотя душу, наверное, и тогда будет точить, как точит и сейчас, небезызвестный червь: «Сомневаюсь, однако…»

Потому что нельзя быть уверенным в успешном проведении преобразований, когда все может рухнуть только потому, что из Узбекистана не придут составы с хлопком, из Казахстана с пшеницей, из Белоруссии не будут получены станки и тракторы, а с Украины — авиационные двигатели. По какой причине? Да их тысячи, выбирай на вкус. Хочешь политическую, хочешь финансовую, или просто так, по причине вздорного характера или плохого настроения какого-нибудь премьер-министра или стрелочника на пограничном разъезде.

А что еще может сделать в ответ Россия? Сурово насупить брови? Стукнуть кулаком по столу? Или в ответ сунуть под нос проштрафившемуся фигу? Пожалуй. Но это все. Потому что никакого реального средства, чтобы отстоять свои интересы, а значит, и интересы российских граждан у нас нет. Угрозы перекрыть кран нефтепроводов и газопроводов, отрезать от источников энергоснабжения или еще что-нибудь в этом роде? Это так, для слабонервных. Ничего подобного Россия сделать не в состоянии. Во всяком случае сейчас, да и в обозримом будущем тоже. Это все равно, что самой себе накинуть удавку на шею.

Ведь от поставок тех или иных видов продукции или сырья, в том числе и стратегического, Россия зависит точно также, как и ее соседи из ближнего зарубежья.

Ясно одно, Россия не сможет применить жестких санкций за нарушение принятых обязательств, пока не наведет порядка в собственной экономике, пока сама не научится неукоснительно выполнять достигнутые договоренности.

ИРСЕС

России нужна державная партия и новый лидер

И УЖ СОВСЕМ больной вопрос — наши соотечественники, россияне, или просто русские люди, оказавшиеся за пределами собственного государства, вследствие все той же суверенизации, которой так гордится нынешний российский президент. По разным подсчетам, за пределами России их оказалось от 20 до 40 миллионов.

О ситуации в прибалтийских государствах, в Приднестровье, в некоторых среднеазиатских республиках, в суверенных и независимых республиках внутри самой России, мы знаем так много, что повторяться вряд ли стоит. Нужно просто что-то делать. Не будет мира и покоя в самой России, если она не обеспечит мир и покой нашим зарубежным соотечественникам. И опять же логика жизни подсказывает: выигрывает тот, кто в обиду братьев по крови и соотечественников по гражданской принадлежности не дает.

Вспомните акцию США в Гренаде под девизом «Внезапная ярость» или их же недавнюю — в Ираке. А сколько еще «бурь в пустыне» было в других странах — во Вьетнаме, Гватемале, Панаме, Колумбии, Ливии, да мало ли где еще? Разве нам мешает это считать Соединенные Штаты демократическим государством?.. Но зато американец всюду чувствует и считает себя американцем, не то что нынешние россияне, составляющие сегодня чуть ли не самую массовую категорию беженцев с мест прежнего жительства.

Конечно, Россия не сидит сложа руки, кое-что для защиты государственных интересов и собственных граждан, даже зарубежных, предпринимает. Вот только некоторые признаки: поддержка акций Соединенных Штатов против Ирака в качестве возмездия за нападение на Кувейт, солидарность России с действиями западных держав в Сербии и Хорватии, наконец, ужесточение позиций самой России в отношении грузино-абхазского конфликта и Эстонии, пытающейся принять дискриминационный, прежде всего касательно русскоязычного населения, Закон об иностранцах.

Однако эти примеры, к сожалению, пока еще даже не эпизоды, скорее лишь предвестники, хотя и весьма симптоматичные, необходимых действий, подобающих интересам, роли, влиянию и силе России. Если Россия не воспрянет, не утвердит себя в имперском качестве, окажется не на уровне своей исторической ответственности, евразийские пространства бывшего Советского Союза неизбежно превратятся в бескрайнее поле раздоров, конфликтов, вплоть до нескончаемых войн. Не исключено, что и с применением ядерного оружия и других средств массового уничтожения. Наверное, все-таки лучше отдать Богу богово, кесарю кесарево чтобы по праву и достоинству владеть тем, что непосредственно принадлежит тебе.

URSS

Но здесь мы оказываемся перед главным вопросом: что же нужно делать России, чтобы осуществить свою миссию? Первый шаг, как мне представляется, должен быть связан с формированием как у властей России, так и в гражданской психологии всего российского общества соответствующего образа мышления и психологии. Следовательно, прежде всего в России должна обозначиться идейно-политически и организационно имперская, для большего благозвучия и в угоду нашей идеологической стыдливости ее можно назвать державной, партия.

Предпосылки для ее возникновения налицо. К действиям именно в этом направлении объективным ходом событий подталкивается уже нынешнее демократическое правительство. Все говорит о том, что державная идея способна объединить трезвомыслящих представителей всех основных политических сил российского общества, заинтересованных в возрождении России такой, какой ей на роду написано быть. В том случае, если она действительно желает возродиться, а не оказаться ввергнутой в очередной мифологический проект «строительства светлого будущего» под названием демократия по-российски.

Значит, вопрос только в том, чтобы содействовать превращению наметившейся тенденции имперского возрождения России, в целенаправленный, если хотите, закономерный процесс. Речь, конечно же, должна идти о борьбе за власть, но понимаемой не как завоевание президентского поста, портфелей в правительстве и кресел в парламенте, во всяком случае на первом этапе. Дело в содержании самой власти, в придании проводимым экономическим и политическим реформам принципиально нового курса, соответствующего историческому предназначению российского государства.

Спрашивается, кто может быть против, чтобы Россия, проводя державную политику, аналогичную политике Соединенных Штатов или Японии, в то же время была не менее демократической, чем они? У патриотов возражения есть? Думается, нет. А у демократов? Смею надеяться, если они преодолеют присущее им политическое кокетство, тоже не будет. Не зря же они постоянно ссылаются на США как на образец для подражания. Так и подражайте, кто же вам кроме самих себя мешает?

И в заключение — персональный вопрос: кому возглавить движение за имперское возрождение России? Ничего готового, пожалуй, в наличии нет. Не принимать же всерьез либерального демократа В. Жириновского, который, что называется, слышал звон, да не знает, где он. И партию-то свою толком назвать не смог, чтобы было ясно, чего же она все-таки намерена добиваться. На словах вроде бы Владимир Вольфович категоричен — все или ничего, а на деле, похоже, готов согласиться хоть на что-нибудь, вроде права баллотироваться в президенты или взойти на трибуну Конституционного совещания, на которой он выглядел как всегда импозантно и как всегда бессмысленно.

ИРСС

Следовательно, российскому обществу нужно искать новую фигуру, точнее, воспитывать и формировать ее из подходящего для этой цели подручного политического материала. Ясно, что такой лидер не может быть новичком для большой политики. Ныне кота в мешке вознести на гребень политической волны будет очень трудно. Хватит, насмотрелись на быстронюхих «бурбулипартенков», скороспелых «шахрайместеров» и недозрелых «козырят» с выпученными от политической натуги глазами.

Было бы идеально, если бы такой лидер уже сейчас имел в своем политическом багаже и индивидуальном имидже какие-то накопления, опираясь на которые, он мог бы не силком, не натужно, не конъюнктурно, а логично и естественно вписаться в концепцию возрождения сильной имперской России. Лучше, если это будет человек, который уже стоит во главе какой-нибудь достаточно влиятельной общественно-политической структуры или движения, имеющего в России глубокие исторические корни, которое, если не по своей нынешней деятельности, то хотя бы по предназначению не было чуждо державной идее. Иначе его приобщение к ней будет выглядеть также нелепо, как возвращение к христианской духовности Б. Н. Ельцина, колотящего дрожащей рукой о крышку кухонного стола пасхальные яйца на глазах у всей телевизионной России.

Лидеру новой имперской России вовсе не обязательно производить впечатление яркой политической личности} быть ростом выше коломенской версты, красноречивее Собчака и нежнее политически субтильного Станкевича. Наоборот, на фоне таких индивидуальностей он должен выглядеть кряжистым, крепко стоящим на ногах, даже немножко Собакевичем, поскольку в обыденном сознании основательность, несуетливость ценятся дороже феерического темперамента и политического красноречия.

Его должны знать как человека рассудительного, не бросающегося в схватку, в спор, в полемику по первому сигналу боевой трубы. Это особенно важно сейчас, когда Россия выглядит деморализованной и расхристанной страной, стоящей перед мрачной перспективой хозяйственной и национально-республиканско-территориальной дезинтеграции и дефедерализации, а то и превращения во всероссийский Карабах.

В свете последних скандалов в духе взаиморазоблачений «сильных мира сего» у него должен быть прочный, накопленный еще прежде авторитет деятеля, умеющего оставаться порядочным в любых ситуациях, сохранять достоинство, уметь не ошибаться в выборе политических партнеров и единомышленников. Во всяком случае умеющего не делать этого себе в ущерб, но и не предающего, не открещивающегося от сподвижников, в каких бы сложных и противоречивых «историях» не оказывались как он сам, так и члены его «команды». Иными словами, он должен соответствовать наивысшему критерию гражданской добродетели в России — уметь служить отечеству верой и правдой.

LIBRUSS

И, что отнюдь не лишнее для политического лидера, олицетворяющего сильную, уверенную в себе Россию, он не должен быть угрюм, смотреть на вас исподлобья, как бык на тореадора, а быть открытым для общения, для восприятия новых идей, обладать той особой формой политической интеллигентности, которая не подавляет ни высоким рангом, ни державным апломбом.

Понятно, что это человек не без недостатков, но в них должны угадываться не личные пороки, их-то как раз желательно уметь скрывать, если уж не удается избавиться, а недостатки нашей жизни, нашего времени, наши с вами недостатки. Качества, подтверждающие его нравственную связь с народом, должны выступать выпукло, так же, как и факты биографии, свидетельствующие о способности переступать через себя, если того требуют интересы страны. Короче, для такой роли лучше всего подошел бы российский Рональд Рейган, а может, и российская Маргарет Тэтчер.

Предложенный портрет, конечно же, собирательный. Но написан, уверяю вас, с натуры. Люди, обладающие перечисленными качествами, взятыми, понятно, не вкупе, в России среди активно действующих политиков есть. Быть может, они только немного притормаживают, не торопятся раскрываться в полном объеме своего политического потенциала. Возможно, они ждут часа, когда сама жизнь подаст им сигнал: пора действовать в полную силу на том направлении, которое действительно ведет к возрождению России как сильной имперской державы.

По-моему, такое время если еще не наступило, то явно на подступах. Это становится очевидным настолько, что не замечать уже неприлично. Не дожидаться же того момента, когда на улицы и площади выкатят свои коляски детишки ясельного возраста с транспарантами: «Ребята, нынешний-то демократический режим — голый!».

«Независимая газета»,
23.07.1993.

URSS

5. И все-таки имперской России быть

Иначе на ее месте возникнет «черная дыра»

РЕЗОНАНС, вызванный публикацией «Быть России имперской», поставил меня перед необходимостью вернуться к затронутой проблеме. Во-первых, в откликах на статью, как позитивных, так и критических, поставлен ряд вопросов, требующих ответа. Во-вторых, мне как автору стало ясно, что кое-что на момент первой публикации было додумано не до конца, а главное, в ней не получала логического завершения концептуальная сторона проблемы возможною имперского становления России.

Подчеркиваю, возможного, а не предрешенного, становления, а не возрождения. Поскольку речь, как и в предыдущей статье, так и в размышлениях, которыми только намерен поделиться, идет не о возвращении к России, которую мы в 1917 году потеряли, а о процессах, протекающих в нынешних конкретно-исторических обстоятельствах, в современной геополитической структуре мира, где России еще только предстоит найти свое место. Каким оно будет, в решающей степени зависит от понимания того, кто мы и что мы, куда идем и чего же все-таки хотим.

Мир вступает в эру имперского гегемонизма

В ТОМ кризисе, который переживает Россия, как мне представляется, все еще не привлек к себе серьезного внимания один из его ключевых аспектов — международный. Мы так глубоко погрязли в процессе внутренних преобразований, протекающих с переменным неуспехом, — провал следует за провалом, рознясь лишь в масштабах и объемах разрушительных последствий, — что все окружающее нас отошло как бы на задний план, оказалось на периферии наших политических интересов.

В этом смысле те, кто утверждает, что у нынешнего демократического режима нет не только стратегической, но и вразумительной тактической концепции российской внешней политики, абсолютно правы. Потому что такая концепция должна включать в себя прежде всего осознание того, каким, собственно, государством собирается стать Россия, по какому руслу события в России втекают в развитие мировых процессов, какую роль она хотела бы в них играть, какое место намеревается занять в существующем или формирующемся миропорядке, какие цели перед собой ставит и как именно собирается защищать свои национально-государственные интересы. Или уж хотя бы четко определиться, в чем эти интересы состоят.

URSS

Слышали мы что-нибудь об этом от Б. Ельцина, Р. Хасбулатова, В. Черномырдина или А. Козырева? Ничего, кроме набивших уже оскомину еще со времен М. Горбачева сентенций, что «Россия должна вернуться в цивилизованный мир, «что она «готова жить дружно с ближними и дальними соседями», «взаимовыгодно сотрудничать с ними», что у нас есть по «пять — восемь — десять» и т.д. (чуть ли не по штуке на каждого из видных представителей нынешних властей) решений одной и той же проблемы. Вплоть до взаимоисключающих, как в случае с Курильскими островами, на которые претендует Япония.

Ничего действительно конструктивного не предлагает и доморощенная российская оппозиция, кроме общих деклараций, да еще абсолютно идиотских заявлений, что нынешнее правительство проводит «оккупационную политику», отвечающую интересам так называемого Запада. Кабы так, то это было бы еще полбеды, а может, и того меньше. Вся беда состоит в том, что мы проводим политику абсолютно вредоносную. Она ни кому не приносит пользы, ни Западу, ни Востоку, ни Югу, ни Северу. А уж о самой России и говорить нечего. Ее как внутренняя, так и внешняя политика напоминает огромный корабль, выведенный в дальнее плавание с прохудившимся днищем, без руля и без ветрил, без компаса, а главное — без четких ориентиров, к какому берегу мы намерены пристать.

Чтобы обрести хоть какое-то представление о координатах собственного исторического времени и местонахождения, нам необходимо, на мой взгляд, осознать следующее.

Первое. В результате краха советского коммунистического тоталитарного режима, развала «социалистического лагеря» разрешился продолжавшийся более полутораста лет системномировой лжеальтернативный кризис, в котором противоречия заменялись враждой, принципиальность — непримиримостью, интересы — амбициями. Мир никогда не был раем на земле и никогда им не будет. В нем всегда будут жить одни лучше, другие хуже, третьи совсем плохо. Но горше всего, когда среди смертных появляются богоподобные мироустроители, убежденные, что благородные устремления политической воли могут возобладать над несправедливостью, а иногда и жестокостью объективных законов развития жизни. Облагодетельствовать человечество нельзя. Общество вселенской гармонии — утопия. И как мы теперь знаем, весьма реакционная.

Философы говорят, что идея погибает только тогда, когда не выдерживает испытания критериями, которые сама же предложила для собственной проверки. Именно такого исторического «теста» и не выдержала марксистско-ленинская доктрина революционного преобразования мира. Она утверждала, что жестокому эксплуататорскому капитализму, антигуманному и бесчеловечному, идет на смену строй социальной справедливости, подлинной демократии и свободы, более высокой экономической

URSS

продуктивности, способной обеспечить человеку достойные условия существования.

Идея сама по себе привлекательная, но только нужно было еще доказать, что она имеет под собой реальное основание. Бисмарк, кажется, сказал: «Идея хороша. Не мешало бы попробовать. На примере страны, которую меньше всего жалко». Вот мы в России и попробовали. Попробовали не случайно (но это отдельный разговор) и доказали себе и всему миру на практике, на собственных синяках и шишках, да и другим этих украшений навешав, что пошли сами и пытались увлечь других в противоположную от магистрального пути развития человечества сторону.

Теперь стремимся вернуться в отвергнутый нами же цивилизованный мир, не избавившись от предрассудков и стереотипов, характерных для прекраснодушного политического волюнтаризма, оборачивающегося на поверку бесцеремонным насилием над здравым смыслом и объективной логикой исторического творчества.

Второе. Настала пора, пожалуй, даже уже прошла, когда нам следовало бы изменить точку зрения не процесс формирования современного миропроядка. Надо наконец признать, что в основе его развития изначально лежала имперская парадигма, выражавшаяся формулой: интересы, сила, власть. Во второй половине XX века к этой триаде, чем дальше, тем больше тесня власть, стало прирастать право. Рыночные принципы в экономике, имперские в политике, дополняя, обуславливая друг друга, и создали как раз столь любезный нашему нынешнему демократическому сердцу цивилизованный мир.

Теперь для того чтобы проводить имперскую политику, вовсе не обязательно завоевывать территории и держать их под своей «имперской пятой». Ведь власть и территориальные захваты — не самоцель. Они — средства обеспечения интересов государства. Для сильной и богатой державы в наше время за удовлетворение своих имперских интересов гораздо проще, а главное, во всех отношениях выгоднее, заплатить, чем проливать свою и чужую кровь на поле брани.

Правда, по причине присущей имперской политике жесткости ее во все времена кто-нибудь обязательно не любил или не одобрял. Как будто может быть политика, которая везде и всюду нравится всем. Но особенно резкий характер ее критика обрела в начале века, когда из великодержавно-географической она стала превращаться в великодержавно-капиталистическую. В перспективе это неизбежно должно было привести к вытеснению силы власти властью богатства. Но на заре века — это еще мало кто понимал.

Именно в ту пору и появилась на свет знаменитая ленинская концепция о том, что капитализм в империалистической стадии утрачивает свою первоначальную прогрессивность, ставит мир на грань империалистических войн и социальных революций. Основания для таких суждений вроде

ИНЕС

бы были, но вот с выводом, что «империализм есть высшая, последняя, загнивающая стадия капитализма», основатель большевистской партии и советского государства явно оконфузился, принимая спазмы детских болезней роста за предсмертные судороги дряхлеющего общественного организма.

Капитализм, вопреки ленинским пророчествам, выиграл соревнование по всем параметрам, которые ему навязывались. Преобразователи мира говорили, что «мирное сосуществование — особая форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом». Он разрешил его в свою пользу. Потом стали говорить, что «существовавшее прежде противоречие трансформировалось в противоречие между империализмом и демократией». Империализм, «обреченный на погибель», сумел доказать, что и это противопоставление ложно. Империализм не враг демократии (все крупные империалистические государства мы сами сегодня признаем образцами демократии), а противник политических благоглупостей и социальной демагогии, от которых народ России за семьдесят с лишним лет достаточно натерпелся.

И, наконец, вместо источника войн, которым империализм действительно был, — а какие еще из существовавших до него обществ такими источниками не были? — он становится фактором стабильности, если не единственным, то во всяком случае в ней, этой стабильности, наиболее заинтересованным. В силу объективного процесса интернационализации капитала, транснационализации производства, космополитизации идеологии.

Кто поставляет контингент в подразделения международных миротворческих сил и несет наиболее крупные затраты, предназначенные для урегулирования возникающих конфликтов? Кто действует наиболее решительно, когда возникает потребность, если не погасить, то хотя бы локализовать пылающие или тлеющие очаги вооруженных конфликтов? К кому мы сами обращаемся, как это сделал недавно Б. Ельцин, за содействием и поддержкой, убедившись в собственной беспомощности при попытках обеспечить мир и порядок в зонах наших непосредственных национально-государственных интересов? Да все к ним же, к империалистам.

И они бы нам помогли, как помогали в свое время Соединенные Штаты по «плану Маршалла» другим странам, даже тем из них, которые могли через каких-нибудь пятнадцать — двадцать лет превратиться из облагодетельствованных в конкурентов, причем достаточно серьезных. Вроде поверженных во второй мировой войне Германии и Японии. Но США этого не испугались.

То же самое американцы были готовы предложить своему союзнику по антигитлеровской коалиции — СССР, но его тогдашние вожди, так и не научившиеся отличать имперские интересы государства от идеологических тоталитарных амбиций собственного мировоззрения, выставили на-

ИРСЕС

встречу протянутой руке кулак, да к тому же еще сложенный в небезызвестную комбинацию из трех пальцев. Как будто у нас просили, а не нам предлагали. С ней, с этой комбинацией, мы, по существу, и остались один на один. Единственное, на что нынешним демократам хватило ума, — это сунуть ее в карман. Чтобы при случае всегда была наготове.

Вот эти крестьянско-провинциальные уловки Запад как раз и настораживают, а не возможные имперские притязания России. Язык имперской политики Западу понятен. Он сам на нем изъясняется не один десяток лет. Великие державы готовы с нами на нем договориться о разделении сфер влияния, об обеспечении наших национально-государственных интересов, о содействии и даже помощи в разрешении других наших проблем. Но прежде самой России надо без политического кокетства четко определиться, чего же она все-таки хочет, к чему стремится.

Третье. Решая, какое место мы хотим занять в мировой табели о рангах, необходимо давать себе полный отчет в том, что Россия намерена вернуться в чужой, нами уже однажды по-хамски покинутый «монастырь». И крайне глупо лезть в него со своим уставом, навроде небезызвестной концепции «нового мышления». В котором, как и следовало ожидать, не было ни одной свежей и здравой мысли, до этого неведомой международному сообществу. Кроме нас, конечно. Мы же, наконец, прозрев, почему-то решили, что весь остальной мир слепой, и «самоотверженно» предложили ему себя в качестве поводыря.

Мир, щедро оценив наши ученические успехи Нобелевской премией, от предложенных услуг деликатно уклонился, намекнув, что не плохо бы для начала разобраться в своих собственных проблемах, не посягая на «общечеловеческие интересы». Вот тут-то и выяснилось, что в реальных делах мы ориентируемся гораздо хуже, чем в маршрутах политических фантазий. Иначе давно бы поняли, что выбор у нас не так уж велик. Либо мы действительно совершим попытку вернуться в цивилизованный мир, согласившись с действующим в нем уставом, либо окажемся на задворках истории и лопухами в политике, продолжающими по привычке гордиться «возвышенными» идеалами, которые у нас что ни день, то новые. Вчера коммунистические, сегодня демократические. А нужны стабильные, соответствующие потенциалу и роли России — великодержавные.

И еще важно понять, что не только мы, но все государства после краха Советского Союза, после распада «мировой социалистической системы», после того как потеряло свой политический смысл деление на Запад и Восток, на «первый», «второй» и «третий» миры, находятся на рубеже перехода из эпохи господства англо-американо-франко-германо-японского империализма и классовой борьбы между капитализмом и социализмом в эру планетарного имперского гегемонизма, когда великие державы будут определять облик планеты, стиль ее жизни, ни с кем не соперничая, а взаимодействуя, координируя предпринимаемые политические шаги между собой.

ПРЕСС

В активизации, наращивании политики имперского гегемонизма, если судить по большому счету, и состоит общечеловеческий интерес, точнее, к этому толкает планету природный инстинкт самосохранения. Выжить сегодня человечество может только за счет мобилизации ресурсов богатейших, наиболее мощных государств. Из всех возможных делений мира на составные части, имеющих реальный социально-политический смысл, остается ныне только одно — на страны «бедные» и «богатые». Самое разумное в возникшей ситуации было бы подцепить к уходящему в новое тысячелетие имперскому поезду российский вагон, пока не нашелся среди нас какой-нибудь «сорви-голова», который подцепит его в погоне за социальной справедливостью к бронепоезду, все еще стоящему на запасном пути.

Двери в «имперский клуб» для России открыты

ЕСТЬ в российском национальном характере находящая отражение и в государственной политике черта: не видеть реально осуществляющих угроз, а запугивать себя и других химерическими. Нечто подобное происходит и с вопросом о становлении имперской России. На каждом шагу только и слышишь: ни в коем случае нельзя создавать впечатление, что у России вновь появились имперские аппетиты. Это, мол, оттолкнет от нас друзей и обозлит противников. Напрасные страхи, порожденные, скорее всего, комплексом политической неполноценности.

Живет же мир, не особенно опасаясь имперских устремлений и великодержавной политики США, Великобритании, Франции, Германии. Японии, наконец. Никому и в голову не приходит упрекать эти страны в том, что они формируют курс мировой политики, превращая по существу свои встречи в заседания мирового правительства. Живет, потому что остались в прошлом посягательства на сопредельные и заморские территории, грабежи, беззастенчивая эксплуатация чужих богатств.

Во второй половине XX века, после двух катастрофических мировых войн имперская политика, что называется, помудрела, в чем-то переступила через себя, перестав быть неизбежно кровавой и безусловно жестокой, не потеряв, однако, своей жесткости и целеустремленности. Теперь сила и власть как атрибуты политики уже не определяют главного содержания понятия «империя». Империя сегодня — это совокупная мощь государства, осознающего свою ответственность за судьбы мира, за его материальное и политическое благополучие.

Говорят, что имперские поползновения России могут нанести удар ее добрососедским, равноправным, взаимовыгодным отношениям с независимыми государствами, бывшими «братскими республиками». Те, кто так рассуждает, по всей видимости, забывают, что, порвав былые союзные «братские» связи, Россия оказалась перед необходимостью утвердить себя

URSS

в совершенно ином качестве, адекватном ее потенциальным возможностям и той мере геополитической ответственности, которая объективно ложится на ее плечи.

Наивно думать, что там, где господствуют рыночные отношения, возможна какая-нибудь иная, нерыночная политика. В ней столь же опасно продешевить, как и заломить непомерную цену. Речь, понятно, в данном случае идет не о материальных потерях, хотя их со счетов сбрасывать тоже нельзя, а об ущербе, который наносится статусу и репутации государства суетливой, несолидной политикой. Вроде той, что проводится сегодня Россией, к примеру, в отношении Крыма или четырех Курильских островов.

Чем обернется российско-японская тяжба из-за дальневосточных островов, нам еще предстоит увидеть, а вот крымская эпопея уже дала обильную пищу для размышлений. Начнем с того, что случай с постановкой вопроса о статусе Севастополя и территориальной принадлежности Крыма в Совете Безопасности ООН — вообще политический нонсенс. Его бы даже не приняли к рассмотрению, если бы Россия проявила в своих претензиях твердость, но сделала бы это без нарушения правил дипломатических приличий, без демонстративного пренебрежения возможностями договорного процесса. (К которому в конце концов пришлось-таки обратиться, но предварительно наломав дров сверх всякой меры.)

Ведь по сути дела нет ни одного государства, нет такого международного ограничителя, которые бы могли помешать России предъявить свои права на Крым. США, к примеру, полвека, включая годы достопамятной «разрядки» и «перестройки», не признавали включения в состав СССР прибалтийских государств, несмотря на советские законы, указы и конституции. Разве у России меньше исторических и политических прав на Крым, чем у США на Прибалтику? А разве ФРГ, никогда не соглашавшаяся на окончательный раздел Германии, имела для этого больше оснований, чем Россия в отношении Крыма? И кто вообще сказал, что у Украины, в составе которой Крым находился, да и то по сути дела условно, три десятилетия, на него больше прав, чем у России, владевшей Крымским полуостровом более двухсот лет?

К тому же нельзя считать, что предъявление Россией своих прав на Крым означает немедленное и чуть ли не обязательное объявление Украине войны. Так возникшую ситуацию могут воспринимать только политики, тупые как сибирские валенки. Любому мало-мальски сведущему во внешней политике человеку известно, международно-правовые документы не исключают самой возможности возникновения споров о границах и территориях. Они лишь запрещают использование для их разрешения неполитические средства. Что, кстати, зафиксировано в документах СБСЕ.

Мы же испугались предъявления собственных прав на Крым, как импотент — посягательств на свою невинность. На Западе, конечно, подивились такому поведению, но особого значения возникшему инциденту ме-

жду Россией и Украиной придавать не стали. Явно в намерении поглядеть, как будут развиваться события дальше. Вот если мы и впредь будем действовать столь же нелепо, себе во вред, тут уж, как говорится, вольному воля…

Хотя есть основания предполагать, что в стратегическом плане, как с учетом собственных интересов, так и по соображениям обеспечения глобальной стабильности, цивилизованный Запад не только не опасается, а наоборот, заинтересован, чтобы Россия проводила имперскую политику, как внутри страны, сохраняя политическое единство и территориальную целостность государства, так и вне, в отношениях со своими ближайшими соседями, а также государствами, находящимися в зонах влияния бывшего Советского Союза. (Для примера сошлюсь на доступные российскому читателю статьи директора Олинского института стратегических исследований Гарвардского университета Сэмюэла Хантингтона и профессора русской истории Лондонского университета Джеффри Хоскинга. см. «За рубежом», № 30 1993 г.).

Великие западные державы вынуждены будут смириться с деимпериализацией России, если она не найдет ничего лучшего, как самой произвести над собой эту политическую экзекуцию. Но с точки зрения объективной политической логики и по соображениям здравого смысла, которым западные державы привыкли руководствоваться, им было бы гораздо понятнее, если бы Россия, встав на путь экономических реформ по американскому образцу, подкрепила сделанный выбор осуществлением политического курса, соответствующего ее роли как мировой державы. Иными словами, двери для вступления России в мировой «имперский клуб» открыты, но тащить ее туда на аркане никто, конечно, не будет.

Лимит исторических попыток исчерпан. Остался последний шанс

ИЗ ОТКЛИКОВ на статью «Быть России имперской», с которыми довелось познакомиться, мое внимание особенно привлек один. В нем говорилось, что материал «отличает авторское политическое остроумие и умелое журналистское перо, но очень настораживает и даже внушает тревогу содержание, как бы имперская мантия, если Россия действительно захочет возложить ее на свои плечи, не обернулась шагреневой кожей, которая, как известно, отличалась тем, что, обеспечивая своему владельцу исполнение любых желаний, приближала его к погибели».

Я не слишком обольщаюсь комплементарной частью отклика (более двадцати лет работая в политической журналистике, можно в конце концов обрести кое-какие профессиональные навыки), а вот высказанную тревогу ценю и разделяю. Тем более, что она поднимает проблему исклю-

URSS

чительной важности и в предыдущей статье практически не затронутую — об исторической судьбе и предназначении России.

Пускаться в рассуждения на эту тему — дело рискованное, грозящее навлечь упреки в мистике, в исторической хиромантии и политическом шарлатанстве. Но и не замечать существующей проблемы тоже нельзя. Ведь это же факт, что на всем пройденном Россией пути ее судьба и историческое предназначение находились как бы в вопиющем противоречии друг с другом.

Трудно назвать событие, оставившее глубокий след в новой и новейшей истории планеты, в котором бы не участвовала Россия. И не в какой-нибудь второстепенной роли, а как одно из главных, если не самое главное действующее лицо. Но почему-то получалось так, что на уроках ее поражений учился кто угодно, но не Россия. Да и плоды ее побед пожинали другие, а она даже принадлежащее ей исконно и по праву, нередко теряла или разбазаривала. Как если бы все, выпадавшее на ее долю, было не тем, что для России исторически предназначалось.

Но она вновь и вновь продолжала предпринимать попытки, совершать рывки в стремлении опередить всех. Хотя каждая из таких попыток, скорее отбрасывала ее назад, чем продвигала к намеченной цели. За примерами ходить недалеко. Только в XX веке с Россией это случалось дважды, когда, казалось бы, самые крупные победы в ее истории, в октябре 1917-го и в мае 1945-го, были одержаны как бы вхолостую. В результате пройденный Россией путь оказался исторически парадоксальным. Точно так же, как и обретенный ею гражданско-психологический облик, в котором отчетливо проступают несовместимые черты. Я бы назвал их животворной обреченностью и безысходной надеждой: нам беда нипочем, мы все снова начнем.

Сегодня Россия вновь оказалась в центре мировых событий. На сей раз скорее в силу объективно сложившихся обстоятельств, чем по собственной воле. И это уже хорошо. Не надо быть особенно наблюдательным и сверхглубокомысленным человеком, чтобы понять: Россия стала испытательным полем, на котором сконцентрировались все острейшие проблемы современности, все кризисы, все невзгоды — экономические, политические, социальные, религиозные, национальные и любые другие, какие только можно себе представить.

Сумеет Россия справиться с выпавшим на ее долю испытанием, найдет выход из кризиса, значит, решит не только свои национально-государственные проблемы, но и сможет дать мощный импульс развитию мировых процессов, способных коренным образом изменить существующий миропорядок. Задача не из легких, но вполне разрешимая.

Для начала достаточно лишь не экспериментировать там, где в этом нет особой нужды. Благо, мы уже не претендуем на роль первопроходцев «светлого будущего человечества», а вполне готовы удовлетвориться тем,

IPSS

что уже давно достигнуто другими. Вот и надо этой линии держаться. Жестко в экономике, еще жестче в политике.

Справедливо считается, что все аналогии хромают. Не так уж часто в жизни возникают ситуации, когда чужой опыт можно целиком приложить к решению собственных проблем. И все-таки. Присмотритесь, как надежно функционирует модель политических отношений между государствами Американского континента, включая обе его части — Северную и Южную Америку. Для России, особенно в том положении, в котором она оказалась после распада Советского Союза, здесь найдется немало поучительного.

Скажем, к югу от Рио-Гранде Соединенные Штаты мало кто любит, да и к северу от озера Онтарио, в Канаде, особых симпатий не питают. Однако уживаются друг с другом вполне цивилизованно, как бы заранее распределив роли, права и обязанности, заранее согласившись, что полномочия ответственного континентосъемщика остаются за США.

Канада для американцев — своего рода трамплин в Европу, Мексика — самый приближенный из строптивых латиноамериканских соседей, на примере отношений с которым США демонстрируют, до каких пределов они могут мириться с неуважительным к себе отношением. Стоит Вашингтону дать сигнал Мексике — его тут же принимают к сведению как в Центральной, так и в Южной Америке. Неурядицы и даже стычки, конечно, случаются, но, как правило, их удается урегулировать без особого ущерба для морально-политического имиджа «дядюшки Сэма», умеющего блюсти не какие-то абстрактные интернационалистские интересы, а прежде всего свои собственные, имперско-американские.

На евразийском пространстве бывшего Советского Союза ситуация иная, не повторяющая один к одному американскую континентальную модель. Но все необходимое для создания устойчивой системы отношений с ближними и дальними соседями имеется и здесь. Ведущая роль (и исторически, и геополитически) заведомо принадлежит России. Это ясно. Она и центр притяжения, и источник влияния, а если потребуется, то и давления тоже. Белоруссия, Литва, подобно Канаде, связующие мосты или тоннели с Европой, Казахстан с Азией. Украина — достаточно серьезный противовес России, если она вдруг вознамерится превысить свои имперские полномочия, которые, как известно, не безграничны.

В российско-украинских отношениях, как у США с Мексикой, должны вырабатываться ориентиры для поведения государств, пытающихся противопоставить себя России. Они должны знать: что не позволено Украине, не будет позволено никому. Коль уж не захотели жить «в братской дружбе» друг с другом в рамках Советского Союза, то теперь нужно учиться взаимовыгодно дружить в евроазийской, или скорее азиопской, по меткому выражению то ли кадета Павла Милюкова, то ли эпицентриста Григория Явлинского, континентальной «коммуналке». Каждому с отдельным счетчиком на газ, электроэнергию, нефть и т.п., с персональным

погранично-таможенным входом-выходом, но в пределах общего жизненного пространства. При наличии, хорошего или плохого (это уж как кому нравится), домоуправа — России.

Те, кто выступал за демонтаж Союза, коли не смогли понять этого прежде, теперь вынуждены будут признать, что после распада СССР в лице России они неизбежно получат вместо «старшего» брата имперского «суверена», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поскольку иного способа самоопределиться в современной структуре мира у России просто нет. Слишком далеко простираются (в силу объективных причин) ее державные интересы, слишком много источников ее жизнеобеспечения (в силу все тех же причин) оказались за пределами государственных границ России.

Короче, имперская Россия или — ее самоликвидация. Но это уже будет геополитическая катастрофа глобального масштаба. Вот тогда точно и в ближнем, и в дальнем зарубежье многие пожалеют, что не поддержали имперских устремлений России.

Предложенная выше модель, конечно же, не идеал. В лучшем случае гипотетический эскиз. Заранее можно быть уверенным, что он многим не понравится и даже будет встречен в штыки. Тем более, что его изъяны очевидны. Слишком различны исторические, экономические, культурные, географические условия и предпосылки, на которых строились отношения Соединенных Штатов со своими соседями, и те, что могут лечь в основу сосуществования России с бывшими «братскими республиками», ныне суверенными государствами.

Скажу больше, я абсолютно убежден: У России есть все возможности, чтобы создать более гармоничную модель добрососедских, действительно взаимовыгодных и обоюдополезных отношений с государствами-соседями, но складываться она будет под диктовку имперского императива, для которого, однако, необходимо будет найти образцово-цивилизованную форму воплощения.

В этом, пожалуй, и состоит сверхзадача России — создать такую модель имперской политики, которая, будучи надежным инструментом обеспечения ее державных интересов, была бы в то же время отмечена особой чуткостью к достоинству и гражданскому самолюбию других государств. Возможность достижения этой цели, судя по всему, придется искать не в экономической и политической, а скорее в нравственно-психологической плоскости. С крахом коммунистических иллюзий идеи справедливости и добра не исчезли. Идет ли речь об отношениях между людьми или же между государствами.

История очень часто бывала к России несправедливой, даже жестокой, вынуждая дорого расплачиваться за допущенные ошибки, промахи, просчеты. Сегодня Россия оказалась перед новым испытанием: сумеет попутно с политической и экономической реформой, призванной вернуть

ее в цивилизованный мир, доказать свое нравственное право быть великой державой, значит, можно считать, что все пережитое было не напрасным, значит, историческое предназначение России — совершить рывок, к которому она постоянно стремилась, состоялся. Если нет, тогда ей имперская мантия действительно ни к чему, тогда она неизбежно обернется для нее шагреневой кожей, не сулящей ничего, кроме погибели.

Лимит совершенных Россией исторических попыток стать действительно великой державой исчерпан. Остался последний шанс…

PS. Статья «Быть России имперской», как и последующая «И все-таки имперской России быть», написанная в ответ на резонанс, вызванный первой публикацией, увидели свет накануне трагическо-драматических сентябрьско-октябрьских событий. Обе в «Независимой газете» (см. «НГ» 23.07 и 17.09.1993 г.). Затем были выборы и референдум по проекту новой конституции. Наверное, кое-что можно было бы в них добавить, что-то скорректировать или уточнить, с учетом всего случившегося. Но я этого намеренно не стал делать, поскольку, на мой взгляд, не претерпело изменений главное — изложенная в статьях прогностическая концепция имперского становления России не утратила права на существование. Суждено ли ей реализоваться, судить не берусь. Такие вещи от авторов прогнозов не зависят. А вот высказанное в статьях убеждение, — если события будут протекать в ином русле, то это может стать началом конца суверенной, самостоятельной России, — не только готов, но считаю своим долгом подтвердить.

«Независимая газета»,
17.09.1993

URSS

6. «Эх, недотёпы… Человека-то забыли…»

Отвечают ли демократические реформы интересам людей

СНАЧАЛА было только предчувствие. Затем оно стало приобретать очертания настойчивой мысли. Теперь, пережив драматические перипетии «перестройки», августовского путча, пятого, а затем и шестого съезда народных депутатов России, я твердо убежден: между тем, против чего мы так яростно боролись, что низвергли и предали анафеме, и тем, чего уже достигли, к чему еще продолжаем стремиться, на что надеемся, хотя это и горько сознавать, гораздо больше общего, если хотите, даже родственного. Глубокого и кровного.

«Вперед, заре навстречу»

НЕ ДУМАЙТЕ, однако, я не собираюсь доказывать, что свергнутая коммунистическая власть и нынешняя демократическая — одного поля ягоды, что сегодняшний политический плюрализм и прежний тоталитаризм ни бог весть как разнятся друг от друга. Что нужно еще посмотреть, когда больше грабили народ, в период господства централизованной плановой экономики или на повороте к товарно-рыночным отношениям. Да мало ли что можно сравнивать, если задаться целью доказать, будто хрен не слаще редьки, а скороспелый демократ может оказаться, и зачастую оказывается, пожестче закоренелого партократа…

Настораживает не само по себе некоторое внешнее сходство в действиях и политике большевиков-консерваторов и демократов-реформаторов, о чем на сегодняшний день написано достаточно много. Тревогу вызывает растущее число признаков того, что нынешний демократический режим, если вести его политическую биографию от начала «перестройки», как и ему предшествовавший — коммунистический, действует не вопреки, а в русле тех исторических закономерностей, которые на протяжении веков как бы держат страну в порочном круге неразрешимых противоречий между властью и народом, стопоря ее движение к прогрессу и процветанию.

Дело в том, что противоречие, характерное для любого общества — между властью и народом (злоупотребление термином «народовластие» не должно вводить в заблуждение, морфологический перевод с греческого

URSS

на русский слова «демократия» исказил суть самого понятия), — обрело в нашей стране совершенно особый, уникальный облик. В России, как только она стала формироваться в самостоятельное государство, власть имела тенденцию превращаться из источника закона в его замену. Народ при этом рассматривался только как средство достижения великодержавных целей. В результате многие поколения были вынуждены жить в состоянии неоплатного долга перед будущим. Людям постоянно внушалось, что нет такой жертвы, таких тягот или лишений, которые нельзя было бы принести или вынести во имя завтрашнего величия и процветания Отечества.

Победа большевиков в октябре 1917 года не принесла разрыва в цепи глубоко укоренившихся традиций российской истории. Наоборот. Октябрьский переворот усугубил ее давние, самые консервативные звенья и прежде державшие народ в состоянии постоянной готовности к жертвам, которые, якобы, необходимо принести сегодня, чтобы завтра стало лучше. Большевики сыграли на слабостях российской истории, потакая ее политико-психологическому комплексу неполноценности по отношению к настоящему и неуемной тоске по вожделенному величию и богатству. Не смогли порвать с этой традицией ни так называемая «хрущевская оттепель», ни еще свежая в памяти «горбачевская перестройка».

Строй, который не уменьшал, а усугублял страдания и жертвы народа, был обречен на самоликвидацию. Его нельзя было ни «обновить», ни «возродить», ни «перестроить». Так что август 1991 года, когда соратники М. С. Горбачева попытались силой «отстоять» будто бы сделанный самим народом «социалистический выбор», стал вполне закономерным итогом давно назревавшего краха. К тому моменту, когда Янаев и К° вывели на улицы Москвы танки, страна была поражена глубоким кризисом власти.

В определенном смысле августовский путч можно считать благам политическим делом — он разрешил существовавший в стране кризис в пользу демократов. Хотя и не избавил их от необходимости борьбы. Теперь уже не столько против политических противников, сколько за реализацию собственных обещаний, за исправление, к слову сказать, весьма многочисленных и крупных ошибок, даже за право называться демократами. А главное, за обретение государственного стиля мышления, действительно исходящего из интересов страны, ее народа, включающего умение не забегать вперед, оставляя за спиной не поспевающую за устремлениями лидеров массу населения.

Можно быть великой и богатой державой, не будучи демократическим государством. Такие примеры истории известны. Но не припомню случая, чтобы право называться демократической было признано за страной, где население не в состоянии само себя прокормить или без помощи государства похоронить своих родственников. А ведь именно в таком положении мы оказались сегодня. И обратите внимание, не в результате постигшей страну какой-то катастрофы — скажем, войны или стихийного

ИРСЕС

бедствия, — а по причинам весьма прозаическим: неспособности власти вот уже на протяжении нескольких веков распорядиться на пользу государства и народа хотя бы десятой долей тех ресурсов и возможностей, которыми располагаем. Вот так и живем. В состоянии богатейшего нищего в мире.

Мы теперь говорим: наконец-то демократия победила, не очень задумываясь над тем, что демократия не просто лозунг, не образ мыслей и даже не образ действий. Демократия, в ее современном понимании, — это образ жизни, в основе которого лежат достаточно зрелые социально-экономические, политические и общественные отношения, гарантирующие не только государственную стабильность, но и высокий жизненный уровень населения. А в дополнение к этому — создающие условия для всестороннего развития личности, обеспечивающие нерушимость прав и свобод человека. Тот ли мы выбрали маршрут и так ли действуем, чтобы пусть не завтра, пусть не через пять, даже десять лет, но все-таки оказаться в числе демократических государств? Вот в чем вопрос.

Не на новый ли круг заходим?

Я НЕ ПРИНАДЛЕЖУ к числу людей, готовых под воздействием существующих, а во многих случаях усугубляющихся трудностей упрекать в некомпетентности, в неумении управлять страной президента Б. Н. Ельцина, взятое им под опеку на пятом съезде народных депутатов России правительство, парламент и его спикера Р. И. Хасбулатова, депутатский корпус и вообще любую из разделенных ныне властей. Хотя сегодня оснований для самой резкой критики больше чем достаточно. Куда ни кинь критическое око, дефектами, просчетами, ошибками, неурядицами, начиная с масштабов государственных и кончая сугубо житейскими, квартирно-коммунальными, что называется, хоть пруд пруди. Те, у кого есть желание, имеющимися возможностями активно пользуются, выбирая объект для критики в зависимости от политических пристрастий или личных антипатий.

Только вот ведь какой наблюдается парадокс: практически любой критический выпад опровергается с такой же легкостью и изяществом, что и наносится, будто на состязаниях высококлассных фехтовальщиков. На все находятся оправдания, смягчающие любую вину обстоятельства, вразумительные ответные доводы на самые справедливые претензии. Ткните пальцем в любой порок, изъян, просчет и тут же услышите: «А вы чего хотите? Забыли, что нам в наследство досталось? Да нынешний кризис еще семьдесят с липшим лет назад запрограммирован был. Теперь делаем что можем, из сил выбиваемся. Сами должны понять, что ошибки совершаем в условиях «форс-мажора», вынужденно то есть. Иного выхода

URSS

нет. Вам бы нас поддержать, а вы критикуете. Нехорошо как-то, даже обидно».

И вроде бы, правду говорят, справедливо обижаются. Вот и разберись тут, что в разворачивающихся вокруг событиях первично, что вторично, где причина, где следствие. Разруха и разброд — результат политики, или нынешняя политика — порождение разброда и разрухи. Сумятица жизни порождает смятение в сознании. Критикам ли поверить и начать требовать отставки президента, расформирования правительства, роспуска парламента? Или же наоборот, стеной стать на их защиту.

Ведь как-никак у них на плечах ноша непомерная, здесь и впрямь не критиковать, а благодарить впору. Действуйте, мол, и дальше в том же духе, иначе нам, как вы справедливо предупреждаете, вообще «каюк», погрязнем в трясине «переходного периода» по самый хохолок на макушке. И благодарим. Одно плохо: жить день ото дня все тяжелей становится. Иной раз, особенно когда малышам в самом необходимом отказывать приходится, так и тянет переметнуться из стана защитников демократов-реформаторов в ряды их беспощадных, непримиримых критиков. Так и мечутся многие между хулой и одобрением. И еще долго будут метаться. Между жаждой лучшей жизни и нестерпимой горечью по поводу тягот наличной.

Это — население. По крайней мере его большинство. Не прут же статистики: свыше 90 % россиян живут на грани бедности. А если взглянуть не на цифры, а на саму жизнь, то, пожалуй, уже и за гранью. Очень непросто, находясь на таком рубеже, ощущать себя убежденным и последовательным демократом, принципиальным сторонником рыночных реформ. Это ясно.

А что же наша верховная власть? Президент, правительство, парламент? Они, как им и положено, не бездействуют. Созываются съезды, проводятся сессии. Принимаются указы, законы, постановления, издаются распоряжения, либерализуются цены, повышаются налоги. Государственные мужи делят между собой полномочия, перекладывают друг на друга ответственность, спорят до изнеможения и хрипоты в поисках истины и верных решений.

Неважно, считают некоторые, что порой наша верховная власть — и прежде всего законодательная и исполнительная — действуют, как признают сами ее представители, «вразнотык». Главное, обе стороны считают, что «тянут» в нужном направлении. Правительство, например, утверждает, что прокладывает путь к рынку, через разгосударствление и приватизацию, бездефицитный бюджет и конвертируемость рубля. При общем падении промышленного и сельскохозяйственного производства, не говоря уже о жизненном уровне населения. Зато при полном одобрении западных партнеров и растущей, если верить правительственным посулам, вероятности преодоления трудностей в самом ближайшем будущем.

UPSS

Верховная законодательная власть, по крайней мере вплоть до шестого съезда народных депутатов России, выражала на это счет глубокие сомнения, упрекая правительство в некомпетентности и даже авантюризме, способном привести страну не к рынку, а к погибели.

На сам съезд Б. Н. Ельцин с правительством и Р. И. Хасбулатов с парламентом отправлялись, глядя друг на друга из-под руки, как былинные богатыри в чистом поле. Ожидались схватки с драматическим исходом. Вроде бы к этому шло. Ожесточенная полемика развернулась по принципиальному вопросу: так ли идет реформа, с того ли конца ее начали, туда ли, куда намеревались, она ведет? О том, как протекал и чем закончился поединок, писали подробно, сойдясь в итоге на том, что дело завершилось «компромиссом». С моей точки зрения, не разрешавшим конфликта, а выводящим его на траекторию, уже знакомую, — заколдованный круг.

В итоге, каждая из участвовавших в «поединке» сторон покидала политическое ристалище Большого Кремлевского дворца, где проходил съезд, в уверенности, что если победа и не была одержана, то уж на будущее — зарезервирована.

Ничего, кроме нового витка противоборства, в который скорее всего окажутся втянутыми властные структуры, а вместе с ними и страна, получиться не может. Хотелось бы, конечно, чтобы события развивались иначе, в более благоприятном русле, но вот вероятность этого, к сожалению, весьма невелика. А после высказанного Б. Н. Ельциным намерения вынести вопрос о новой Конституции на всенародный референдум, а затем подумать об упразднении Съезда народных депутатов России стала еще меньше.

Все, что с нами происходит, закономерно

В таком случае каждый вправе спросить: что же, значит, впереди у нас фатальная безысходность, никаких надежд на лучшую долю? Так и будем вращаться в порочном кругу жертвоприношений без ощутимого продвижения или подъема? Проще всего на поставленный вопрос ответить так — это покажет сама жизнь, время. Но мне думается, что кроме уклончивых соображений по поводу ожидающих нас перспектив могут быть и другие, не исключающие благоприятного исхода.

Стран, переживших различные по своему содержанию социально-экономические и политические катаклизмы и все-таки не сбившихся с магистрального пути развития человечества, немало. Но с точки зрения исторических и политических аналогий, применимых к нашей стране, я бы выделил четыре. Это — Западная Германия после поражения гитлеризма, Испания и Чили после Франко и Пиночета и, наконец, Китай после Мао.

URSS

Сразу хочу заметить, что общего у этих стран с нами немного, в сущности только одно — им тоже пришлось пережить нелегкий этап перехода от тоталитаризма и диктатуры к демократии. В каждой из них этот болезненный процесс протекал по-своему. И не всюду, особенно если иметь в виду Китай, еще завершился. И все-таки в их опыте можно при желании увидеть то, что не просматривается в наших попытках преодолеть наследие тоталитарного режима и проторить свою тропинку к демократии.

Речь идет о найденном каждой из этих стран своем оригинальном способе разрешения диалектического конфликта между властью и народом на базе консолидации самой власти и обеспечении гражданского мира, не исключающего социальных и общественно-политических столкновений, но способного удерживать их в цивилизованных рамках. Германии при шлось для этого пройти через осознание своей исторический вины перед другими народами за причиненные им несчастья и беды в годы второй мировой войны; внутри Испании и Чили для этого оказалось достаточно взаимного «отпущения грехов» между противостоящими политическими силами; в Китае, на то он и древнейшая восточная страна, власть и общество после событий на площади Тяньэньмэнь заключили как бы негласный взаимный договор: чтобы порвать с прошлым, вовсе не обязательно предавать анафеме Мао, выворачивать наизнанку собственные души во имя очищения от коммунистических догм. Прошлое разумнее оставить прошлому, если оно может лечь поперек стремления построить лучшую жизнь на основе принципов свободы и демократии.

В нашей стране, сначала Советском Союзе, затем России и других независимых государствах, возникших в пределах прежних союзных границ, во имя разрыва с прошлым, в стремлении как можно скорее обрести вожделенные атрибуты демократии, все было поставлено на дыбы, с ног на голову, задом наперед. И прежде всего именно там, где в первую голову следовало бы обеспечить стабильность и согласие, — на уровне верховной власти и в обществе, которое оказалось растерзанным на противостоящие группировки, на «красно-коричневых» и «полосатых», «наших» и «ненаших», на «коммуняков» и «дерьмократов». Обретаясь в таком состоянии, вряд ли можно надеяться на успех осуществления эффективных демократических реформ, на каком бы направлении мы их не предпринимали.

Причин, по которым события в нашей стране развиваются именно так, а не иначе, не перечесть. Но я бы выделил только одну. На мой взгляд, главную из главнейших: лидеры демократического движения, как только замаячила возможность добиться власти, не удержались от соблазна, как это случалось почти со всеми, выступить в роли благодетелей народа, принять на себя заведомо невыполнимые обязательства обеспечить людям счастье в одночасье. Такого рода обещания, как свидетельствует история, опасны вовсе не тем, что они, не осуществившись, порождают в обществе политико-психологическую атмосферу разочарования и раздражения.

UPSES

Беда в том, что они начинают оказывать деморализующее воздействие на стиль политического поведения самой власти. В результате даже демократический принцип ее разделения идет не по линии размежевания полномочий и компетенции, а по пути дележа ответственности за нереализованные намерения, неудовлетворенные посулы. Напряженность и конфронтация «наверху», или, как выразился на шестом Съезде народных депутатов России Б. Н. Ельцин, «ожесточенное противостояние властей», начинает распространяться на все общество. Это, как лесной пожар, который сначала бушует по макушкам деревьев, затем, опускаясь все ниже и ниже, испепеляет все до последнего кустика, последней травинки. Если, конечно, его не удается остановить.

Жизнь наша, понятно, изменилась. Не стану утверждать, что к лучшему во всех отношениях. Но возврата к прошлому, если кто и хочет, то пожалуй немногие. Есть другое желание: чтобы демократия действительно стала демократией. Даже не в смысле осуществления власти народа. А власти для народа, выражающей его интересы и удовлетворяющей его нужды и чаяния, которые сегодня оказываются накрепко связанными с перспективами перехода к рыночным отношениям. Иного выбора нет. Зато есть препятствия. Возможно и непреодолимые, если события будут развиваться в том же ключе, что и до сих пор.

Мне, например, представляется, что сдерживающими моментами здесь могут стать два обстоятельства. Во-первых, характер самой нашей доморощенной демократии. В сознании значительной части российского руководства, в мышлении представителей законодательных органов, в общественном мнении утвердился стереотип, что мы уже находимся в той стадии развития, когда демократия победила и может своей властью решать любые проблемы. Полагаю, это весьма опасная иллюзия. До подлинной демократии еще шагать и шагать. Непонимание этого может привести к весьма плачевным результатам.

Увлекшись внешней стороной демократии, мы, скорее, будем стоять стеной за сохранение самой формы, к примеру, существующих у нас представительных органов советской власти, чем стремиться к ее радикальному преобразованию. В интересах все той же демократии. И копий здесь уже и еще будет поломано очень много. Скажется это, несомненно, и на течении того процесса, который должен вынести Россию на стремнину рынка. Абсолютизация требований формального соблюдения демократии здесь может скорее помешать, чем помочь делу.

Во-вторых, камнем преткновения может стать «человеческий фактор». Ведь сложность любых общественно-политических и социально-экономических преобразований сводится не к пересмотру принципов и методов управления, и даже, если хотите, не к изменению форм собственности. Все проходит через горнило интересов людей. Если у них будет возникать впечатление, что их интересы страдают, что надежды не сбы-

LIBRESS

ваются, что у руководителей страны слово расходится с делом, судьба рыночных реформ может оказаться, не хочу утверждать, что под вопросом, но очень сложной. Это практически уже сейчас можно гарантировать.

Часто приходится слышать: трудности, которые мы переживаем — временные, меры, на которые приходится идти — вынужденные. Совершать вынужденные ходы, к тому же в условиях цейтнота, дело опасное. Тем более, когда речь идет не о шахматах, а о судьбах страны и жизни людей. Не знаю, как кого, а меня, когда я вижу пробивающиеся из-под нашей российской почвы ростки новых рыночных отношений, охватывает не оптимистические настроения всесильного обновления, а ощущение тревоги. По какой-то капризной ассоциативной логике почему-то вспоминается заключительный эпизод чеховского «Вишневого сада».

…Заколочен обветшавший дом барской усадьбы. Снаружи доносится стук топоров. Идет расчистка окружающего дом старого вишневого сада под новые дачные участки для новых людей, новой жизни. Казалось бы, все как надо, все правильно. Отжившее уходит, новое вступает в свои права… Но вот где-то в глубине сцены понуро проходит брошенный всеми в заколоченном доме старик-дворецкий Фирс.

«Эх, недотепы, — едва слышно произносит он, — человека-то забыли…»

«Независимая газета»,
06.06.1992.

URSS

7. Геннадий Бурбулис ведёт свою игру

На кон поставлена судьба страны и Президента

…МЫ УЖЕ ПРИВЫКЛИ, что российские руководители, получившие властные полномочия, то к одному событию оказываются «неготовыми», то другого «не предполагали», то третье «прозевали». А уж о четвертом октября 1993 года и говорить нечего. Однако справедливости ради надо признать, люди, дающие себе отчет в каком направлении развиваются события, не рискующие оказаться застигнутыми врасплох, среди представителей нынешней политической элиты есть.

Один из таких людей — Геннадий Бурбулис. Когда он говорит о себе, как о человеке с убеждениями, стремящимся действовать последовательно и целеустремленно, лично я ему верю. Иное дело, что его убеждения, настойчивость и целеустремленность могут не соответствовать нашим представлениям о нравственных принципах, о средствах, методах, а, главное, цене достижения цели. Некоторые считают его жестким и хладнокровным хищником. Думаю, это не так. Просто у Геннадия Бурбулиса, как и у его знаменитого литературного тезки, работа такая — крокодилом.

Если же судить о Г. Бурбулисе не по аналогиям, а по критериям более или менее объективного свойства, то он, на мой взгляд, обладает тремя основными качествами, выделяющими его из общей массы российских политиков.

Первое. Он служит политике по-своему честно и бескорыстно. Необходимость соблюдения основного правила, состоящего в том, что в политике нет постоянных друзей, не существует постоянных врагов, а есть только постоянные интересы, для Г. Бурбулиса аксиома. Это позволяет ему быть независимым и самостоятельным в составе любой «команды», при любых обстоятельствах.

Второе. В отличие от большинства своих коллег он исповедует принцип активной, даже революционной политики. Если другие считают политикой «науку и искусство добиваться желаемого в рамках возможного», то Г. Бурбулис действует по принципу: «Политика — это наука и искусство создавать возможности для достижения желаемого».

И, наконец, третье. Г. Бурбулис несомненно обладает даром политического предвидения, частью благоприобретённым, но в основном унаследованным от природы. Он принадлежит к числу прирожденных политиков, умеющих действовать нестандартно, нередко за пределами хрестоматийной политической логики, но тем не менее убедительно и эффективно.

LIBRUS

Короче, в лице Г. Бурбулиса мы имеем дело с политическим «вундеркиндом», — весь нынешний российский истеблишмент, независимо от возраста, играет в политику как дети — действительно наделенным богатыми задатками, которые вполне могли бы превратить его в яркую творческую личность, в своего рода государственную звезду первой величины, если бы… Если бы природное дарование Г. Бурбулиса не было отягощено тяжелейшей генетической наследственностью — российским политическим цинизмом и волюнтаризмом.

Это, кстати, не только его беда, а беда общая, накладывающая негативный отпечаток на всю российскую политическую жизнь, лежащая в основе тех кризисов и конфликтов, которые вот уже на протяжении нескольких лет раздирают на части нашу страну, наши убеждения и наши души. Давайте зададимся вопросом: от чего больше всего, причем не только после октября 1917-го, а вообще в истории, страдала Россия? Прежде всего от того, что и государи и подданные, народ и власть, были исторически поражены одним и тем же пороком — нежеланием считаться с реальностью, с доводами здравого смысла, с объективными законами жизни. Ключевыми для нас оказываются всегда лишь два побудительных мотива: «так хочу» и «надо, Федя».

Мы никогда не могли провести четкую грань между тем, чего можно добиться в одночасье, и что требует не только гораздо большего времени, большего исторического пространства, но, быть может, и совершенно других условий, чем те, которыми мы располагаем. Ведь это только в России мог родиться афоризм, до которого не додумался даже всемогущий марксизм: «Мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее наша задача». Такова формула не только анти-природного, но и антиисторического вандализма, по законам которого Россия и ее народы живут уже не один век.

Туда, к этой магической формуле уходят корнями и древнерусские великокняжеские междоусобицы, и прославившиеся своей бессмысленностью и беспощадностью народные бунты и восстания, и феномен отечественного самозванства, пронизывающий российскую историю от лжедмитриев до лжепатриотов и лжедемократов, и все наши российские революции, все мятежи и путчи, от декабрьского 1825 года до октябрьского 1993-го.

Конечно, для каждого из перечисленных событий или явлений можно найти конкретно-исторические объяснения и предпосылки, подвести под них научную аргументацию, подвергнуть тщательному анализу, отделив зерна от плевел, общее от частного, объективное от субъективного. Но в итоге, главным и решающим все равно оказывается то, что научному анализу и разумному истолкованию не поддается — нравственно-психологический комплекс нации, ее не писанная, а внутренне, в душе выношенная морально-этическая конституция.

Библейское изречение «благими намерениями дорога в ад вымощена» — это о нас, о россиянах, о нашем прошлом, настоящем и будущем.

ИРСЕС

Исторические дороги, которые мы выбираем, обязательно оказываются непроторенными. Мы норовим пробиваться по целине и бурелому, в надежде, что так покороче, побыстрее, забывая, что люди не вороны, которые напрямик летают. В результате кавалерийский, авангард отрывается от бескрайне растянувшейся основной колонны, обоз с амуницией и провиантом вообще застревает где-то в хвосте.

Вот так, собственно, весь ад и начинается. Одна и та же страна, один и тот же народ, оказывается как бы расхристанными, разбитыми не только на несколько частей, а на несколько веков, может даже эпох. В зависимости от того, кто куда успел мыслью долететь, кто какие убеждения обрести, кто во что поверить. Для народа, оказавшегося в таком положении, а с нами это случается постоянно, не нужны, точнее не страшны внешние враги, они нас заставляют сбиваться в кучу, как-то консолидироваться, обретать ощущение исторической, национальной и гражданской общности, а значит и силы.

Самый страшный для нас враг — внутренний. Он появляется на первый взгляд вроде бы из ничего, на пустом месте, а по сути — всегда по одной и той же причине: нам обязательно нужно найти виноватого, на которого и свалить ответственность за постигшие нас по нашему же собственному историческому разгильдяйству неудачи. И прежде всего за крах радужных надежд на скорое и лучшее будущее.

Таким врагом может оказаться собственный брат, ближний или дальний сосед, плохой государь или никчемная государственная дума, богатые или бедные, «красные» или «белые», «коммуняки» или «демки», «наши» или «ненаши». Хоть понятие «враг народа» и было заимствовано у французов, смысл оно обрело сугубо российский, и в этом значении на политический язык других стран уже не переводится.

Сколько бы мы не копались в аналогах всемирной истории, другого примера, когда бы люди вредили себе столь настойчиво, как это делалось в России, чтобы они сами себе наносили столь жесткие удары, чтобы истребляли сами себя в таких масштабах, как умудряемся делать мы, найти не удастся. Другим народам этого не позволяет делать инстинкт гражданского и национального самосохранения. У нас же он подавлен другим, еще более мощным инстинктом — комплексом победителя.

Сейчас, в ходе попыток осуществить рыночные реформы, в качестве одного из основных резервов успеха называют конверсию оборонной промышленности. Наверное, в экономическом плане, здесь действительно есть какой-то ресурс, который можно использовать с пользой для страны и народа. Но ведь главные беды проистекают не из-за чрезмерно милитаризованной экономики. Этот порок легко устраним, Япония и Германия — наглядный тому пример. Главное, что требуется России, в чем нуждаются ее политические лидеры, что необходимо каждому из нас — это конверсия нашего сознания, наших душ, наших убеждений, которые генетически

инфицированы вирусом борьбы и жаждой победы. Что, надо сказать, может оказаться для нас, для России, пострашнее СПИДа.

Вспомните, с каким внутренним волнением, даже трепетом, вплоть до непрошеной слезы, мы поем — «Ведь нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим…». Не стану отрицать, Россия, действительно, страна героев, страна победителей. Но позвольте, однако, спросить: «Во что воплотились героизм и самоотверженность ее народа? В то, что мы сейчас начинаем не менее героически и еще более самоотверженно разрушать!? Почему победы, даже всемирно-исторические, которые мы одерживаем, скорее отбрасывают нас назад, чем продвигают вперед?» Как это случилось в октябре 1917-го или мае 1945…

Происходит же все это главным образом по одной причине. Для нас не важна цена — важна победа. Не важно достижение цели — важно обозначить стремление к ней. Мы действительно не стоим за ценой. А надо стоять, надо прицениваться к стоимости исторических перспектив. Жить не по средствам противопоказано не только в быту, но и существовать в политике. Нужно научиться видеть, не переходить грань, где цена перестает быть ценой, превращаясь в жертву.

Именно по этой грани, — между ценой и жертвой, — проходит рубеж, который политика и политики не должны, не имеют права переступать. Стоит только нарушить этот запрет, перешагнуть межу, как политика превращается в без нравственную и аморальную, а проводящие ее люди берут на душу тяжкий грех, за который неизбежно следует жестокая кара. Ее потом не отмолить ни исповедью на заданную тему, ни вынужденным покаянием, не залить водкой в финской бане. Политика, основанная на жертвоприношениях, исторически обречена, внутренне порочна, рано или поздно она все равно обнаруживает свою ничтожность и губительность…

Но, спросит читатель, причем здесь Бурбулис? Его-то конкретная вина в чем? В чем смысл тех претензий, которые ему непосредственно могут быть предъявлены с учетом всего вышеизложенного? Особенно, если учесть, что в нынешней ситуации никакого официального поста, который можно было бы считать государственным, он не занимает. По сути дела, Г. Бурбулис вообще лицо частное, в крайнем случае — общественный деятель. Не слишком ли широк замах из философско-исторического далека, чтобы привлечь внимание к его несомненно неординарной личности, пусть даже и отягощенной недостатками общероссийского свойства? Вопросы резонные, требующие конкретного ответа. И я их попытаюсь дать.

Во-первых, в политике вообще, и здесь Россия не исключение, человека оценивают не по должности или рангу, а по тому, какое конкретное влияние способен он на нее оказать, какой способ политических действий он собой олицетворяет. Молва, как известно, приписывает Г. Бурбулису многое, начиная с идеи «беловежского соглашения» и кончая решающей ролью в подавлении «руцкистско-хасбулатовского» октябрьского мятежа.

ЦРСС

Суть, конечно, не в том, так ли все было на самом деле. Важно, что имя Г. Бурбулиса оказывается на первом месте всякий раз, как только возникает очередной политический кризис. Ему либо приписывают его организацию, либо — ликвидацию. Тут уже больше чем молва. Это — общественное признание.

Во-вторых, Г. Бурбулис в наиболее напряженные моменты на самом деле оказывается там, где и положено быть человеку, способному действительно повлиять на развитие событий. Не случайно же именно в руках Г. Бурбулиса, человека без официальных должностей и политических рангов, оказались рычаги управления подготовкой апрельского референдума. Хотя это не афишировалось, скорее даже маскировалось. Хотя все, кому следовало знать, — знали, что конспиративная штаб-квартира по подготовке и проведению апрельского референдума находилась на Пушкинской, в помещении возглавляемого Г. Бурбулисом фонда «Стратегия». Пароль для входа и опознания: четырехкратное «Ты меня уважаешь?». Отзыв: четырехкратное «Да. Да. Нет. Да».

В октябре 1993 г., обратите внимание, в ситуации опять более чем критической, он возглавил организационные структуры правительственно-президентского блока «Выбор России». Вряд ли стоит пояснять, что это значит в смысле признания роли и профессиональных политических кондиций Г. Бурбулиса.

В-третьих, я имел возможность воочию наблюдать действия Г. Бурбулиса в весьма критических ситуациях, в том числе и таких, когда приходилось думать не о впечатлении, производимом на публику, а о достижении вполне определенных политических целей, в зависимости от которых оказывалось многое, вплоть до собственной жизни. Как это было, к примеру, в августовские дни 1991 года в Белом доме.

Помимо этого, я присутствовал на встречах Г. Бурбулиса с членами зарубежных делегаций, на его многочисленных пресс-конференциях, неоднократно был участником его кулуарных разговоров с журналистами, общался с людьми, составляющими ближайшее окружение Геннадия Эдуардовича, старался не пропускать связанных с его именем публикаций. Наконец, имел возможность беседовать с ним непосредственно. Все это помогло составить объемное представление как о политическом, так и о человеческом облике Геннадия Бурбулиса, способном, в силу особенностей, присущей ему политической воли, внушать не только уважение, но и тревогу.

Мы уже знаем, чем чревата политика, проводимая по принципу — цель оправдывает средства, когда не делают различий между ценой и жертвами, которыми приходится расплачиваться за достижение намеченного.

Г. Бурбулис, в этом я убежден, принадлежит к разряду политиков ленинского типа — он играет в открытую, не блефует, не обманывает, прямо заявляет о целях, за которые намерен бороться, давая тем самым возмож-

URSS

ность противникам уклониться от прямого столкновения, а союзникам — дистанцироваться, в случае несогласия с избранным курсом.

Но после этого Г. Бурбулис уже считает себя вправе действовать как сочтет нужным, сам определяет, что морально, а что безнравственно, что приемлемо, а что нет. Главное же, он ощущает себя свободным от каких-либо обязательств не только по отношению к другим людям, но и перед собственной совестью; Г. Бурбулис — политический рыцарь без страха и упрека. Его никто и ничто не может вышибить из седла. Он как Сид, удержится в нем даже мертвым.

У меня есть возможность познакомить читателей с фрагментами магнитофонной записи одной из бесед Г. Бурбулиса, проведенной именно в таком, рыцарском духе, где он всем, кому счел нужным, сказал: «Иду на вы». Кто согласен — извольте под мои знамена, кто не согласен — на тех будет окончательно поставлен крест. Будь — то хоть президент, хоть бывшие соратники по «Демроссии».

Беседа, понятно, как бы не была предназначена для печати, но с другой стороны, в духе принципов, характерных для политического поведения Г. Бурбулиса, не предусматривала и категорических ограничений на разглашение содержания состоявшегося разговора. После того, как сведения о ней все равно просочились в печать (см., в частности, «Литературную газету», 27.10.1993 г.), соображения дискретности, на мой взгляд, вообще утратили какой бы то ни было смысл.

Тем более, что я воспроизвожу запись не столько ради содержавшейся в беседе конкретной политической информации, к моменту книжной публикации она может и устареть, сколько в качестве образца, иллюстрирующего стиль политического мышления человека, от действий которого в нынешней России зависит немало. Как-никак мы имеем дело с человеком, возглавляющим фактически «Выбор России», хотя в центральном избирательном списке он числится под зловредным номером «чертовой дюжины», а лидером блока значится Е. Гайдар. Но ведь все прекрасно понимают, кто строит «дом для Чебурашки». Итак, слово Бурбулису.

* * *

К сожалению, меня не поддержали и в момент формирования идеи-блока «Выбор России». Я говорил, что нельзя формировать блок на структурной основе. Пусть это будет призыв персон, давайте объединим только тех, кто понимает, что иначе нам не жить. Я полагал, что новые выборы имеют смысл только в случае, если они помогут нам быстро, на основе собственной парламентской фракции, структурироваться в партию нормального конструктивного либерализма. Однако, все это было воспринято и квалифицировано так, как если бы Бурбулис преследовал цель «злодейски» закопать демократические структуры. К сожалению,

это мнение было перенесено и на предвыборный процесс, отягощенный, на мой взгляд, серией вреднейших компромиссов…

По этой причине, во всяком случае я так считаю, придется параллельно с избирательной компанией, с учетом опыта сомнительных компромиссов, не откладывая дела ни на один день, заниматься партийным строительством… Что же касается моих товарищей, тех, кто пошел на такие компромиссы, кто допустил их, то они для меня как бы аттестованы окончательно. Нам отныне не по пути.

Короче, у меня давно уже выкристаллизовалась одна простая мысль: без политической организации, объединяющей понимающих эту стратегию людей, мы не будем иметь ни стабильного парламента, ни дееспособного правительства, ни согласованных действий Президента с правительством и парламентом… Кто бы сегодня, и как бы в нынешний избирательный марафон не внедрялся, если в качестве главной цели выборной компании не ставится задача создания организации политической, формирование партии, то, значит, выборы бессмысленны, значит мы вновь получим временные структуры…

Кстати, очень выгодные сегодня, к сожалению, Борису Николаевичу. Пока нет партии, есть Президент, живущий своим незаурядным, так сказать, талантом, своими прихотями, своими капризами, своими слабостями… Но как только появляется партия, Президент перестает быть богоносцем и становится должностным лицом, исполняющим соглашение. Это уже не спаситель нации, а один их тех, кому поручили на время исполнять президентские обязанности. Все… Рано или поздно мы все равно придем к этому…

***Голос**: Но это уже не будет Ельцин?*

***Г. Бурбулис**: Не имеет значения. Не имеет значения…*

Я не уверен, что сегодня принципиальная проблема — Ельцин или не Ельцин. Я знаю одно: любой, кто прыгнет в эти сани при отсутствии партийной структуры, без фундамента в виде партии, опять соблазнится мессианским своим предназначением и тут же будет подкормлен мудрецами слева, мудрецами справа, фраерами сбоку, наушниками сзади. Ему принесут «заговор» с одной стороны, «преданность» служить информацией, с другой стороны. А человек, в том случае, если он нормальный, должен был бы сказать: не могу я во все это вникать круглые сутки… Он будет вынужден кому-то сказать: ты, мол, моя опора. Все… Я тебя ставлю на министерство безопасности и слушаю только тебя…

Движение «Выбор России», как вы знаете, избрало меня в мое отсутствие, иначе я бы, наверное, от этого воздержался, директором исполкома. Казалось бы, создается возможность делать партию в рамках этой первичной структуры, но мне пока не очень хочется, поскольку там, я не говорю цинично — мусора, но примесей очень много. Мне больше по душе сейчас не политбеседы в кругу случайных людей, а организационное

закрепление и объединение единомышленников, тех, которых ни в чем не надо убеждать, кому не надо доказывать, что Бурбулис не диктатор, не политический игрок, а человек убежденный, придерживающийся определенных принципов, хотя и со своими недостатками…

Меня тревожит также сложная ситуация не только внутри «Выбора России», но и внутри правительства… Оно у нас оказывается разбитым как бы на три блока. Заверюха (сюда же, надо полагать, относятся Черномырдин, Сосковец и некоторые другие «министры-отраслевики», — авт.) в одном, Шахрай, Шохин — в другом, Гайдар, Шумейко и еще пяток министров, их единомышленников — в третьем. Вы сами видите, что при такой ситуации вместо того, чтобы получить парламентское большинство по убеждению, мы скорее всего опять будем иметь рыхлую коалицию по принуждению…

Вместо того, чтобы быстро сформировать партию и на этой основе создать стабильное, дееспособное правительство, мы будем вынуждены вести борьбу за правительственные места, получим президента, который легко и с удовольствием манипулирует существующим раздраем… Но если прежде этот раздрай был как бы закулисным, то после выборов он обретет публично санкционированный характер. Велика тревога, что с новым составом парламента будет еще больше сложностей, чем мы имели прежде…

Я давно говорил Борису Николаевичу, в интересах надежности и стабильности, учитывая, что сегодня в руководстве страны много случайных людей, надо просто назвать преемников, пять-шесть человек как наиболее доверенных и перспективных его соратников… Это в дополнение к необходимости создания партии. К сожалению, я не смог Ельцина в этом убедить. Теперь я понимаю почему…

Ельцин всем своим нутром прекрасно понимал, стоит лишь создаться такой партии, необходимость в президенте харизматического типа пропадает. По опыту работы на руководящих постах в КПСС он знал, как только возникает партийная структура, как только у нее появится рабочий аппарат по вертикали с определенным нравственным и идейным стержнем, многое из того, что сегодня порождает острые проблемы, будет решаться просто и быстро… Нужен глава администрации в Ивановской области? Сейчас из-за этого скандалов на две недели между теми, кто знаком с Ильюшиным, и теми, кто знаком с Бурбулисом… Короче, сплошные головные боли… Имей мы партийную структуру, такие вопросы решались бы в момент. К сожалению, мне не удалось склонить Ельцина в пользу такого решения…

Теперь, что касается референдума по Конституции. Считаю, что сейчас принимать Конституцию нельзя. Представьте себе, что мы получили эту Конституцию, если она при всей ее новизне будет построена на унаследованной от государственно-административной системы осно-

UPSS

ве… Я не могу понять, как можно склеить государство, когда под него подложена мина замедленного действия. Ведь никогда нынешние лоскутные структуры не смогут договориться между собой.

Надеюсь, очень надеюсь, что при всей разношерстности нового парламента он будет един в двух позициях: а) не надо спешить с конституцией, даже если ее одобрят на референдуме, что само по себе может быть и неплохо… б) нужно еще раз вернуться к вопросу о президентских выборах и об их сроках. Тут тоже есть свои опасности, если мы все-таки избежим новой кучи-малы, то вряд ли президентские выборы надо форсировать сейчас…

***Голоса**: Может их надо отодвинуть?… Не спешить?…*

***Г. Бурбулис**: Надо просто присмотреться. Совершенно иная ситуация сложится… Срок выборов может быть тем же самым, он может быть передвинут, а может — вообще снят… Это вполне реальная перспектива. Но это не должно быть президентское решение…»*

* * *

Во-первых, декабрьские выборы 1993 года, по его мнению, с которым, уверен, согласятся все мало-мальски сведущие в политике люди, существующего в России перманентного кризиса власти не разрешат. Конфликт между президентом и парламентом после выборов не только не будет устранен, а разразится с новой силой. Что, кстати, еще раньше предсказывали многие аналитики. Ведь выборы реализуют не заложенную в них идею, не благие намерения и добрые надежды, а реально существующую в стране расстановку политических сил. А она ничего кроме конфронтации на уровне властных структур породить не может.

Во-вторых, Г. Бурбулис не скрывает, что нынешний президент России Б. Ельцин уже исчерпал свой демократический ресурс и превратился для возглавляемого им реформаторского крыла, скорее в обузу, чем подмогу. Что с его помощью нужно было дорушить или разрушить, дорушено и разрушено. «Лебединой песней» Б. Н. Ельцина, — не везет нам в России с лебединым репертуаром, — стал разгон советской власти. Заслуга сама по себе историческая, но уж слишком дорогой ценой доставшаяся. Отныне, биография Ельцина — это путь на политическую Голгофу с тяжким крестом на плечах для собственного распятия на глазах и при участии ближайших сподвижников.

С одной стороны, он сам себе никогда не простит октябрьского расстрела, по ночам ему будут являться «мальчики кровавые в глазах», с другой, — по причинам сугубо объективного свойства, на нынешнем этапе, когда России нужно обретать новый реформированный государственный облик, пытаясь восстановить политический потенциал великой державы, ей нужен лидер не столько решительный, сколько дисциплинированный, не столько «всенародно избранный», сколько «безнародно признанный».

ИПРСС

В ходе избирательной компании «Выбор России» намерен воспользоваться только магической привлекательностью имени Ельцина в качестве символа, а не им самим, как лидером демократических преобразований. Г. Бурбулис, кстати, этого не скрывает. Вот его слова: «Восемьдесят процентов избирателей будут голосовать на знаковом уровне. Этот уровень имеет сегодня персонифицированный характер. Все разговоры о блоках, чего и кого выбирать, в конечном итоге будут сведены к одному — «Где Ельцин?». Примерно тридцать процентов избирателей не нуждаются ни в какой особой пропаганде и проголосуют за «знак» — ЕЛЬЦИН. Хотя он сейчас такой знаковости избегает и делает, на мой взгляд, тем самым непоправимую. Он обязан был «Выбор России» поддержать в самой буквальной форме и нужный нам «знак» дать. Мы все-таки постараемся его вытянуть на этот шаг сами. Только бы не отрекался. Идея сегодня состоит в том, чтобы не отпугнуть в «знаковой» форме «Выбору России» от себя тех, кто будет искать для себя «надежную руку Ельцина» несмотря ни на что… «Знак» Ельцин хотите — не хотите все равно будет работать и в этом смысле, коль он уж существует, он нам полезен…"

Б. Н. Ельцин, судя по некоторым признакам, подозревает, что в рядах соратников уже созрела «измена». Его попытки дезавуировать критику, раздающуюся со стороны радикал-демократов по адресу силовых структур, стремление оградить от нападок за бездарные (провокационные?) действия в ходе октябрьских событий министерства внутренних дел и обороны, заигрывание, выходящее порой за рамки политических приличий с В. Ериным и П. Грачевым (первого пожаловал золотой звездой героя России и включил в президентскую сборную по теннису, второму — позволил являться перед высочайшей особой без фуражки и отдания воинской чести, да к тому же удостоил пожизненного звания «хороший министр»), суетливое намерение дать задний ход своему же указу о досрочных президентских выборах, низкий, хотя и весьма неуклюжий, книксен в сторону антигайдаровского крыла в правительстве, все это — симптомы политической неуверенности президента, красноречивые признаки образовавшегося вокруг него политического вакуума.

Дни Б. Н. Ельцина как президента сочтены (российский де Голль из него не получился), до новых выборов он, похоже, не дотянет. Мы знаем, что даже богов Геракл утомил своими постоянными подвигами, что же тут ожидать от простых смертных. Г. Бурбулис «сотоварищи», как обещано, ему в этом поможет. Хотя бы тем, что сумеет обставить «добровольный» уход Б. Н. Ельцина достойно.

В-третьих, на что я хотел бы обратить особое внимание, Г. Бурбулис убежден, что конституционный процесс, в ходе которого было изломано столько рук и столько копий, необходимо срочно приостановить, поскольку конституция, будь она принята хоть в президентском, хоть в любом

URSS

ином варианте, перегородит путь, который уже не миновать России — авторитарного правления, или, как его еще называют, демократуры.

Следовательно, из возникающей ситуации наибольшие выгоды извлечет тот, кто лучше к ней подготовится. Поскольку события развиваются по сценарию, разработанному «Выбором России», то не стоит сомневаться — он свое получит.

Даже не в смысле количества завоеванных депутатских мандатов. Они понадобятся только для того, чтобы перемолоть нынешнее правительство, пропустив его через жернова парламентского голосования по вопросу «о доверии», и сформировать новое, однопартийное, по «штатному расписанию» «Выбора России». Дальше необходимость в депутатской поддержке скорее всего вообще отпадет. За исключением, пожалуй, одного момента.

На повестке дня, в свете надежно прогнозируемого, я бы даже сказал, неотвратимого конфликта между новым парламентом и президентом, может встать вопрос о нейтрализации как президентской, так и представительной ветвей власти. Нельзя исключать вариант, когда Б. Н. Ельцин выступит с инициативой добровольного сложения с себя президентских полномочий «по соображениям высших интересов страны и проявления акта доброй воли». В связи с этим может прозвучать и призыв к парламентариям, последовать примеру президента. Вот здесь депутатские голоса для принятия решения о самороспуске или приостановке полномочий парламента, скажем, на срок до очередных президентских выборов в 1996 году, могут опять понадобиться. Можно не сомневаться, их окажется ровно столько, сколько потребуется.

Вот здесь, пожалуй, и обнаружится, насколько дальновидным был Г. Бурбулис, когда требовал от Б. Н. Ельцина заблаговременно обнародовать имена наиболее «доверенных и перспективных» соратников, как он был предусмотрителен, предпринимая усилия для создания правительственной партии, что он был прав, борясь за формирование однородного дееспособного правительства. Ведь другого выбора, кроме как передать все властные полномочия правительству в виде директории может и не оказаться. Во всяком случае, судя по тому, как мыслит и действует Г. Бурбулис, такой поворот событий для него неожиданностью не станет.

Дело в том, что Россия уже вступила на этот путь и проблема состоит лишь в поисках соответствующих форм, в которых должно осуществляться дальнейшее движение. Ввести развитие событий в рамки моделей цивилизованной демократии, с соблюдением всех правовых принципов и норм, присущих развитому демократическому государству, не удастся никому. В этих условиях, чем демократичнее будет конституция, тем очевиднее станет ее несоответствие реальному положению дел в стране. Зачем же принимать конституцию, которая будет у властей, даже самых ради-

кальных по демо-рыночным убеждениям, бельмом на глазу, повяжет их по рукам и ногам? Выходит, и здесь Г. Бурбулис прав.

Скажу больше, с точки зрения политического прагматизма, Геннадий Бурбулис прав во всем. И в этом смысле фраза, которую он любит повторять: «В политике можно действовать эффективно только в русле реального политического процесса, особенных инициатив в него не вкидывая, стараясь лишь этот процесс немножечко упорядочить», — отражает суть его подхода к происходящему.

Ошибку Г. Бурбулиса, причину его трагических заблуждений, нужно искать не в том, что он видит и программирует, а в том, чем он пренебрегает, с чем не желает считаться. А именно с тем, что в России, несмотря на все происшедшие перемены, продолжает существовать циничная, унизительная и оскорбительная для уважающей себя страны ситуация, когда в ней проводятся как бы две политики. Одна, маскарадно-шутовская — для народа, в верности интересам которого даются святые клятвы. Другая, закулисно-реальная — для власть имущих, которые в конечном счете и решают, что с народом делать, и как ему жить.

Взгляните под этим углом зрения на нынешнюю политическую ситуацию. Народу внушают, что в выборах его спасение, что с ними связаны надежды на примирение и стабилизацию, на ускорение реформ, на обретение уверенности в завтрашнем дне. Однако избирательный блок, который всю эту электоральную кашу заварил, который прочат в победители, готовится не к примирению, не к стабилизации, не к ускорению реформ, а к новым схваткам и новым сражениям, чреватым серьезными, не исключено, даже губительными последствиями.

Сколько изведено слов, чернил, типографской краски, эфирного времени на радио и телевидении на доказательства необходимости принятия новой демократической конституции. Как если бы она была панацеей от всех напастей и любых бед, которых на нашу долю и так уже выпало немало. И что же? Оказывается, наиболее дальновидные аналитики из демократического лагеря, которым доверено руководить предвыборной компанией самого перспективного избирательного блока, считают полезным заблокировать принятие новой конституции. Мол, не ко времени она сейчас…

Сколько выдвинуто неопровержимых аргументов нынешними реформаторами в пользу разделения властей. Сколько крови уже пролито, чтобы ликвидировать одну из них и защитить другую. И все ради чего? Чтобы превратить народ в заложника дворцовых интриг. Чтобы свести с его помощью между собой политические счеты…

При такой раскладке сил, при такой политике Г. Бурбулис, не сомневаюсь, окажется прав, перехитрит своих соратников, не говоря уже о противниках. Но только достигнута эта победа будет ценой циничного обмана…

И еще. Вероятность того, что победа Г. Бурбулиса «сотоварищи» обойдется без крови и репрессий, закручивания гаек очень мала. Как,

впрочем, и в том случае, если бы верх одержала противоположная сторона. Каждому из флангов обязательно нужно будет переступить друг через друга, враг через врага. Слишком ожесточили их предшествующие годы борьбы, слишком много взаимных обид накопилось, чтобы можно было забыть, простить, примириться.

Вся сложность, весь драматизм надвигающихся событий состоит в том, что оба лагеря, готовясь к неизбежной схватке, растаскивают каждый на свою сторону, уничтожая тем самым фермент политической дезактивации, представителей центристской группировки и без того достаточно зыбкой и противоречивой. В результате состязание двух крайностей может породить третью, еще более радикальную, способную еще сильнее взбудоражить политическую ситуацию. В то время как спасение России, ее последняя надежда — в обретении гражданского мира, обеспечении равновесия, в ново-обращении в стабильную, сильную великую державу…

Я верю, именно такой она и станет. Геннадий Бурбулис еще не весь «Выбор России», а «Выбор России» еще не все россияне, которые, Бог даст, сумеют, не ошибиться в выборе как для себя, так и для России.

«Независимая газета»,
30.11.1993.

URSS

8. Великими становятся только поверженные революции

Чтобы демократия в России победила, демократы должны проиграть

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ в своих знаменитых афоризмах об истории еще в конце прошлого века высказал мысль: «В доверии или недоверии к вождям выражается только одно — уверенность или неуверенность людей в самих себе». Если взглянуть под этим углом зрения на состоявшиеся в России 12 декабря 1993 г. выборы и референдум по проекту новой Конституции, то мы должны будем признать, если, конечно, наберемся честности и мужества, что экзамен на гражданское самоопределение, на политическую самоидентификацию, — кто мы и что мы, и чего же все-таки хотим, — не выдержал почти никто. Ни кандидаты в депутаты, ни кандидаты в избиратели.

Дабы не ошибиться в оценке происшедшего или происходящего, а тем более предугадать грядущее, начинать нужно с осознания смысла очевидного. С того, что не изменится ни с течением времени, ни под воздействием политической конъюнктуры, ни по воле власть имущих или на власть претендующих.

Что же все-таки случилось?

Первое. Чуть больше половины россиян, пришедших на избирательные участки одобрили конституцию, да и то весьма условно. На круг только четверть взрослого населения России проголосовала, хотя и без подобающей такому решению ответственности за продолжение деморыночных реформ, за президентскую республику, за новый конституционный строй, будущее которого, если иметь в виду итоги выборов в Федеральное Собрание, проходивших одновременно с референдумом по Конституции, оказалось весьма проблематичным. Как показывают социологические опросы, большая часть из проголосовавших «за», как, впрочем, и «против», проекта конституции не читали, даже в глаза не видели. Вот она «загадочная» русская душа, живущая и действующая по принципу: «Нам все равно, что водка, что паровоз, лишь бы с ног валило».

Второе. Чуть меньше половины россиян, наплевав на все и вся, с одинаковой степенью пренебрежения к себе сами и к тем, кто претендовал на роль защитников и выразителей интересов народа, решили вообще ни в выборах, ни в референдуме не участвовать, посчитав, по-видимому, что

URSS

отчаянная мудрость: «Да пропадите вы все пропадом, начиная с красно-бело-синих и до коричневых, голубых и зеленых», — самая подходящая для нынешнего россиянина гражданская позиция.

Третье. Из большей половины россиян, принявших участие в голосовании, только 15 процентов поддержало избирательный блок «Выбор России», который по укоренившейся в нашей безалаберной стране традиции отечественного самозванства провозгласил себя правительственно-президентским блоком и гарантом продолжения реформ. Чем (если судить по итогам выборов) поставил в дурацкое положение не только себя, правительство и Президента, но и под вопрос сами реформы. Ведь если сложить «до кучи» всех, кто не поддержал способ осуществления реформ, взятый на вооружение «Выбором России», то таковых наберется 85 процентов. Где уж тут «гарантировать реформы» с таким мандатом? Лишь бы не побили и на том спасибо.

Четвертое. Декабрьские выборы с неопровержимой очевидностью показали и доказали, что люди, присвоившие себе право диктовать народу и стране условия, и критерии демо-рыночных реформ проявили себя как дилетанты. Это в лучшем случае, в худшем — как авантюристы или провинциальные мошенники, вроде Чичикова (провернувшего с «мертвыми душами» тот же самый трюк, что и Чубайс с ваучерами, — авт.) или Остапа Бендера.

Не лишенные подобно свои литературным прообразам некоторого прохиндейского очарования, кое-кто из нынешних «рыночников» на поверку оказался «дутыми фигурами» и «липовыми миллионерами», промышлявшими торговлей «мертвыми душами», по-нынешнему ваучерами, и сбором средств «на ремонт провала», по-нынешнему, созданием «инвестиционных фондов «, или учреждением акционерных обществ открытого типа на манер небезызвестной заготконторы «Рога и копыта».

Ведь еще два года назад, когда только намечались гайдаровские реформы, было ясно, что ни к чему иному, кроме как к победе В. Жириновского, избранный курс привести не может. Требуете доказательств? Извольте. Ровно два года назад, в декабре 1991-го в статье, посвященной анализу итогов V съезда народных депутатов России, открывшего шлагбаум перед «шоковой терапией», я писал:

«Народ предоставил Б. Н. Ельцину возможность принять единоличное решение. В последний раз. Следующее примет уже сам. Или встанет под знаменем Жириновского?

Доживем — увидим…»[55].

Дожили… Увидели… Увидели людей, которые взялись реформировать государство, радикально менять жизнь народа, совершенно не обладая главными качествами, отличающими любого квалифицированного

[55] См. журнал «Народный депутат» № 18, 1991 г., с. 30.

URSS

профессионального политика — умением предвидеть результаты принимаемых решений. Увидели людей, которые не прислушавшись к воле народа, — ведь апрельский референдум, на итоги которого постоянно ссылались инициаторы декабрьской электоральной акции, никому не давал право на проведение досрочных, будь то президентских, или парламентских выборов, — теперь готовы пенять самому народу, что он вообще не умеет правильно выбирать.

Ошибся в 1989 году при выборах народных депутатов СССР. Напомню, на всякий случай, тогда народными депутатами, надо полагать по ошибке, стали и Б. Ельцин, и Г. Бурбулис, и А. Яковлев, и М. Полторанин, и Г. Попов, и А. Собчак, и Г. Старовойтова и многие-многие другие деятели из числа нынешних реформаторов. Ошиблись в 1990-м, при выборах народных депутатов России. Напомню, на всякий случай, что тоща депутатские мандаты получили, — уж не по ошибке ли?

С. Филатов, В. Шумейко, В. Брагин, С. Юшенков, В. Варов, Б. Куркова. Короче, весь нынешний демократический истеблишмент. Ошиблись и в декабре 1993 г. при выборах в Федеральное Собрание.

Да и как тут не ошибиться, когда «Выбор России», между делом приватизировавший право на власть и на имя президента, планировал для себя сокрушительную победу, а жизнь распорядилась по-своему. Вот уж действительно, гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить.

Хотя, если смотреть правде в глаза, то придется признать: любому мало-мальски сведущему в политике человеку было ясно, что новый парламент по составу будет хуже прежнего, что конструктивного сотрудничества у него ни с президентом, ни с правительством не получится. Публикаций на этот счет было так много, что даже ссылаться на них бессмысленно. Короче, никчемность выборов понимали все. За исключением, быть может, лидеров «Выбора России». Они, похоже, уверовали в свою неизбежную победу настолько, что решили даже устроить на стыке 12 и 13 декабря в Кремлевском Дворце «пост-избирательное шоу», превратившееся в своего рода «ночь длинных языков». Закончилась она полным конфузом, как, впрочем, большинство из предыдущих «выборосcовских» инициатив.

И, наконец, пятое. Самое важное и существенное. Выборы 12 декабря показали, что Россия объективно, нравится это нам или нет, вступила на путь неизбежного авторитарного правления. Вопрос лишь в том, какую форму оно обретет, какие цели будет преследовать. После того, что нынешние дилетанты-реформаторы сделали со страной, сначала распяв ее на перестроечном кресте, а затем оглушив «гайдарономикой», ничего другого России уже не остается.

Ввести развитие событий в рамки моделей цивилизованной демократии не удастся никому. Остается одно из двух: либо за осуществление та-

URSS

кого правления возьмется В. Жириновский, наши горе-демократы сами создали для него соответствующие предпосылки, либо кто-то другой, сумевший доказать свое право реализовать то же самое, или во всяком случае близкое к тому, что В. Жириновский обещал. Но без нарушения норм политических приличий, не эпатируя демократическую публику, как доморощенную, так и зарубежную, экстремистскими выходками.

Никакого иного лидера, если он не согласится оплатить выданные либерал-демократами векселя, Россия после всего с ней произведенного коммунистами и демо-рыночниками, не примет. Такая уж у нас в стране, как это ни горько сознавать, сложилась объективная ситуация. А все потому, что движемся по жизни затылком вперед, всякий раз натыкаясь на неизбежное, вместо того, чтобы своевременно обогнуть стороной непреодолимое.

Ведь обязаны же были видеть, будь среди нынешних демократов хоть один действительно вдумчивый политик-профессионал, к чему дело идет. Но они жеманились, кокетничали друг перед другом: «Ах, Горбачев-душка», «Ах, Ельцин-герой», «Ах, Гайдар-отнюдь», «Ах, Хасбулатов-сталинист», «Ах, Руцкой-предатель», «Ах, Явлинский-сноб», «Ах, Шахрай-ренегат», «Ах, Вольский-ретроград»… А получили: «Ух, Жириновский-гад». Но спрашивается, стоит ли на него гневаться, зачем разными словами обзывать? Он лишь собрал урожай, вами же, любезные «выборроссовцы» и посеянный. Так что не на него, на себя пенять надо.

В крайнем случае, на тех, кто довел страну до болезненного состояния, которое медики еще сто лет назад диагностировали как «социальный психопатический невроз». Это когда люди готовы предпочесть кого угодно, хоть черта в ступе, лишь бы не «этих», лишь бы «не тех».

Вот сейчас чуть ли не все поголовно готовы лукаво согласиться, что В. Жириновский победил исключительно за счет «искусной демагогии». На худой конец, с помощью «массового гипноза». Хотя все понимают, не могут не понимать, что его «демагогия» и весь «гипноз» заключались лишь в том, что он сумел обратиться к людям по-человечески, продемонстрировать пусть показное, но сочувствие к их бедам и нуждам. Но если бы хоть кто-нибудь проявил эти качества реально, с искренними намерениями и с видимым усилием осуществить даваемые народу обещания, разве мог бы таким политикам хоть что-нибудь противопоставить В. Жириновский!? Вряд ли.

Президент может только напугать, а надо успокоить

САМОЕ ужасное, чем могут обернуться итоги выборов 12 декабря, это если подсчет голосов избирателей приведет к сведению политических счетов: кто кому подставил ножку, кто кого обманул, кто кого предал, кто

LIPSS

кого победил, наказал, обыграл, перехитрил. Надо, наконец, осознать, что Россия с ее масштабами и многомиллионным населением, с ее историей и традициями, не полигон для политических экспериментов.

Выборы 12 декабря 1993 г. достаточно убедительно доказали, что в стране уже нет политической силы, способной удержать развитие событий под контролем. «Выбор России», казалось бы, имел в своем распоряжении все: и истолкованные к собственной корысти результаты апрельского референдума, и неограниченные возможности использовать средства массовой информации, особенно телевидение, и зарубежную, — финансовую и политическую, — поддержку, и правительственные рычаги влияния, и возможность по своему усмотрению подписывать или отменять любой президентский указ. И что же? Результат оказался, мягко говоря, весьма «неадекватный», как любят выражаться хитроумные философы.

Разве это не является сигналом, предупреждающим, что и без того драматический ход событий может в любой момент принять стихийно-катастрофический оборот, от которого пострадают все, на каком бы из противоборствующих флангов они не находились. Но самое трагическое состоит в том, что в нынешних, действительно «судьбоносных» (это словечко, введенное в политический оборот М. С. Горбачевым, мне, правда, не удалось обнаружить ни в одном из словарей русского литературного языка, — авт.) обстоятельствах, Россия оказалась без достойного лидера, способного уберечь ее от катастрофы.

Известный в нашей стране историк и правозащитник М. Гефтер, по всей видимости, раньше многих нынешних авторитетных политиков понявший роль, которую предстоит сыграть политическому лидеру реформируемой России, писал еще в 1989 году: «Фигура лидера приобретает сегодня беспрецедентное значение. Многое зависит от того, в какой степени он подотчетен обществу, — ив какой независим, способен выслушать других, не поддаваясь натиску частных интересов. Обладает ли он твердостью характера, риском доверия, мужеством идти на уступки…

Мы требуем от лидера риска доверия, но и сами рискуем заблудиться. Мы рассчитываем на подконтрольность «человека у кнопки», но как придет она к нему и к нам? Только как открытость лидера, его внутренняя свобода, способность получать импульсы из несовпадающих сфер жизни, от думающих и ведущих себя по-разному, суверенных людей. Лидер — не просто политик: он обязан уметь не быть политиком, взнуздывать злобу дня, открывать ход иным голосам и мотивам. Мир внеполитических связей между людьми, выступая оппонентом политике, может выработать новую мыслительную культуру, новую естественность человеческих контактов, выработать альтернативу привычному существованию. И лидер призван импонировать всему этому разнообразию, придавая простому человеческому голосу, человеческой точке зрения мировой статус.

ИПРЗ

Ведь «импонирование» — не заискивание, не демагогия. Это колоссальной важности труд, способный разряжать несовместимость людей. И в этом смысле импонирование лидера, для общества, для народа — искусство не пугать собой. И здесь уже мы прямо вторгаемся внутрь сегодняшней злобы дня, в центр проблемы страны, которая учится, которая осваивает это искусство».

Мысль, высказанная М. Гефтером, настолько ясна, мудра и актуальна, что освободив меня от необходимости ее истолкования, позволяет без всяких дополнительных переходов заявить: сегодня Россия оказалась без политического лидера, способного «импонировать» людям, умеющего «не пугать собой». Б. Ельцин с ролью российского лидера, к сожалению, не справился. Он так и не научился «импонировать», не научился «не пугать собой». Скорее даже наоборот, вел себя как типичное «чудище» из русских народных сказок — «чем дальше, тем страшней». Но мы ведь знаем, чем все эти «ужасы» в тех же самых сказках заканчиваются…

Говорю это не для того, чтобы Бориса Николаевича обидеть, тем более оскорбить, а с чувством искренней горечи, как человек, который Ельцину горячо симпатизировал, не раз пытавшийся ему помочь. Не из корысти, не по обязанности, а в меру понимания своего гражданского и профессионального журналистского долга.

Манера политического поведения Б. Ельцина у многих людей с самого начала вызывала настороженность и даже тревогу. Помню, как еще в 1987 году, после его выступления на октябрьском пленуме ЦК КПСС с резкой критикой М. Горбачева и хода «перестройки», один из нынешних руководителей российского движения демократических реформ назвал Б. Ельцина «командно-административным авангардистом». Тогда я смысла этой политической характеристики не понял. Возобладало чувство обиды за своего «кумира», в котором хотелось видеть олицетворение самоотверженного борца с партийной номенклатурой и бюрократией, воплощение наших надежд на действительные демократические перемены, а не горбачевское топтание на месте.

Оказавшись в политической опале, Б. Ельцин приобрел ореол мученика. А с таким ореолом в России можно вообще творить любые «чудеса». Иными словами, М. Горбачев в период с 1987 по 1991 год, когда Россия получила собственного президента, своими руками выпестовал Б. Ельцина. Точно так же, как сам Б. Ельцин, при участии особенно усердных помощников, еще быстрее, не за четыре года, а всего за два, «вынянчил» В. Жириновского. Вот уж, действительно: «Бабу-ягу со стороны брать не будем, воспитаем собственными силами».

Но это сегодня легко судить по результатам, а поначалу распознать возможные последствия ельцинских политических экспад было не так-то просто. Они представали как случайные, вполне извинительные для начинающего политика, непреднамеренные, хотя и досадные, ошибки, оплош-

ности, огрехи. Пока, наконец, не прозвучал первый серьезный сигнал, возвестивший о том, что, собственно, Б. Ельцин и демократия могут оказаться «вещами несовместимыми, как гений и злодейство». Случилось это в феврале 1991 года, когда Б. Ельцин, выступая в прямом телевизионном эфире, потребовал отставки М. Горбачева, по действовавшей тогда конституции, законного главы государства.

На следующее утро постарался прийти на работу пораньше, чтобы иметь возможность без помех воспользоваться телефоном правительственной связи, установленным в кабинете главного редактора журнала «Народный депутат», где я тогда работал. Вошел в кабинет, снял трубку белого аппарата с гербом и набрал номер приемной Б. Ельцина. Ответил его помощник, представившийся, если не ошибаюсь, Владимиром Николаевичем. Я, со своей стороны, предупредил, что звонят не из сумасшедшего дома, а из уважаемой по тем временам организации — редакции парламентского журнала — с целью предостеречь Б. Ельцина от неминуемо грозящих неприятностей, если не удастся исправить «оплошность», допущенную им во время выступления «во вчерашнем прямом телевизионном эфире».

Предупреждение о сумасшедшем доме, похоже, оказалось не лишним. На другом конце телефонной связи воцарилось глубокое и затяжное молчание. Когда я уже начал думать, что связь прервалась, слышу голос: «А что, собственно случилось?». Объясняю: «Борис Николаевич, потребовав отставки Горбачева, выступил по-существу с призывом к свержению конституционного главы государства. По нормам любого демократического общества, да и по нашим нынешним законам, вчерашнее выступление может быть квалифицировано как злонамеренное политическое деяние, со всеми вытекающими отсюда последствиями…».

На другом конце провода вновь гробовое молчание. Опять глубокое и затяжное. Может быть, это стиль такой у тех, кому по долгу службы положено дежурить у правительственных телефонов? После утомительной паузы — вопрос: «А что в такой ситуации можно сделать?». Отвечаю: «Срочно выступить с уточнением позиции. Нужно прямо сказать, что, выступая с требованием отставки Горбачева, Ельцин имел в виду добровольную отставку. Сделать это нужно уже сегодня, лучше немедленно, пока в аппарате Горбачева и в Комитете конституционного надзора еще не спохватились».

Очередная заминка: «Да, но Бориса Николаевича сейчас нет в Москве. Он в поездке по городам Золотого кольца России». «Попробуйте связаться, это недалеко, ведь речь идет о действительно серьезных вещах…» «Я понимаю», — отвечает Владимир Николаевич, — и на прощание просит еще раз повторить мои личные и профессиональные реквизиты: кто, откуда, по какому номеру телефона, если понадобится, можно позвонить. На том и расстались…

UPSS

На следующее утро читаю в газетах распространенную по каналам ТАСС информацию: Б. Ельцин, находясь в Переяславле-Залесском, выступая на одном из предприятий с ответами на вопросы трудящихся (правда, на каком именно предприятии и каких именно трудящихся сказать забыли, — *авт.*), отметил, что требуя отставки М. Горбачева, он имел, конечно же, в виду добровольную отставку. От сердца как-то отлегло…

Потом настали президентские выборы в России. У меня не было сомнений, кого поддерживать, за кого голосовать. Конечно же, за Бориса Николаевича. Вот только некоторые скандальные истории, вроде публикации в итальянской газете «Республика», экстравагантные зарубежные поездки, необычные мягко говоря, выступления с лекциями и купание в Москва-реке возле чужой дачи при полном светском обмундировании и с букетом цветов в руках, изрядно смущали. Как-то все это плохо вязалось с обликом и достоинством человека, собирающегося стать российским президентом. И все-таки…

Чувствуя профессиональным журналистским чутьем, что пропагандистская кампания в средствах массовой информации, а в ту пору все они были еще «официальными», работает в «антиельцинском ключе», одни более тонко и умело, другие — грубо и бестолково, я пытался хоть чем-то Б. Ельцина поддержать. Непросто это было. Мою статью в поддержку Ельцина, которая, правда, называлась «Объективная логика политического краха Горбачева», очень долго никто не хотел печатать. Отказался журнал «Народный депутат», отказались «Известия», другие издания называть не буду. Пока, наконец, не согласилась «Независимая газета»[56]. Хотя существовало мнение, что редакция «НГ» симпатизирует именно Горбачеву, а отказавшие в публикации «Известия», как ни странно, — Борису Николаевичу Ельцину. Я понимаю, все-таки М. Горбачев оставался конституционным главой государства, будущим Нобелевским лауреатом, а тут — крах.

Статья была резкая, по всем признакам, она должна была привлечь к себе внимание, настроить на полемику. Но — тишина. Позвонили лишь самые верные друзья по домашнему телефону, поцокали языком. Один, особенно близкий к источникам информации в горбачевском окружении сообщил: «Президентская пресс-служба «посоветовала» главным редакторам внимания к статье не привлекать». Они и не стали….

На завершающем этапе кампании по выборам российского президента вновь удалось сказать несколько добрых слов в поддержку Б. Ельцина. Хотя сделать это, признаюсь, было крайне сложно. Если бы не друзья из тех, кто тоже симпатизировал Б. Ельцину, но не имевших возможности сказать об этом открыто в силу своего служебного положения, не помогли, наверное, не сумел бы. Потому что речь шла о выступлении на телевидении в прямом эфире, да еще в передаче, за ход которой, как я потом узнал,

[56] См. «НГ», 07.03.1991 г.

ПРЕСС

ответственность возлагалась непосредственно на председателя Останкинского телецентра Л. Кравченко и секретаря ЦК КПСС В. Медведева.

Это был последний перед голосованием прямой телевизионный эфир передачи «Россия перед выбором». Установка в отношении ее содержания была такая: сделать максимум возможного, чтобы вселить в избирателей тревогу в отношении кандидатуры Б. Ельцина. Надеюсь, всем понятно, что случайно в число участников такой передачи попасть нельзя. Нельзя и первому получить слово, которое начиналось так: «Компартия против Бориса Николаевича Ельцина никого не выставляет, но ведь ясно же, что на паритетных началах с либерально-демократической партией она имеет против него сразу пять кандидатов — четырех коммунистов и одного Жириновского. Кто бы из них не победил, это все равно будет победа Полозкова».

Вместе со мной в том «круглом столе политологов» участвовали бывшие тогда народными депутатами СССР Р. Медведев, А. Денисов, корреспондент газеты «Правда» А. Головенко, председатель Российской телерадиокомпании О. Попцов. Надеюсь, они не забыли, что начало наших «дебатов» было именно таким. А затем мы разделились на две «команды» — Р. Медведев, А. Денисов, А. Головенко — в одной, О. Попцов и В. Гущин — в другой.

В конце передачи ведущий «круглого стола» А. Скрябин устроил блиц-опрос на тему: «Совместимы ли нравственность и политика?». Каждый сказал то, что считал нужным и правильным. Мой ответ был таким: «Безусловно, совместимы, равно как несовместимо с ней поведение, способное бросить тень на политика, дорожащего доверием и симпатией народа».

Надеюсь, мне не надо пояснять, кому адресовались эти слова и почему они прозвучали. К тому времени тревога в отношении того, что Б. Ельцин сумеет разумно и достойно распорядиться народным признанием и доверием, засела в душе уже достаточно крепко. Но последние надежды, что благоразумие будущего Президента все-таки возобладает, еще не развеялись. К августу 1991 года их уже не осталось.

В дни путча я, конечно же, был в Белом доме. Хотя мой родной брат, лишь по счастливой для нас обоих случайности, не оказался среди возможных участников штурма. Но я честно скажу, защищал я в Белом доме не Ельцина, и не демократию. К тому времени я уже убедился, что ее в России как не было, так и нет. Я защищал свое человеческое достоинство. Нельзя в политике давать право решающего голоса пушкам и «калашниковым». Если бы танки шли не на Белый дом по приказу Геннадия Янаева, а на Кремль — по распоряжению другого Геннадия, из ельцинской команды (который недавно на одной пресс-конференции заявил, что для достижения целей блока «Выбор России» готов использовать «любые меры», — авт.), я бы считал, что мое место среди защитников Кремля…

URSS

Кстати, именно против использования «любых мер» в политической борьбе я и выступил накануне декабрьских выборов 30 ноября 1993 г. в опубликованной «Независимой газетой» статье «Геннадий Бурбулис ведет свою игру. На кон поставлена судьба страны и президента». Я не собирался ее писать заранее, не планировал нанести публикацией урон избирательному блоку «Выбор России», в чем меня некоторые подозревают и даже обвиняют. Я просто считал, что Б. Ельцин — я ведь за него в июне 1991-го голосовал, — остается моим президентом, пока сам не решу отказать ему в доверии. А пока это не случилось, я обязан его защищать.

Поэтому у публикации в «НГ» была только одна цель: попытаться удержать Б. Ельцина от высказанного 26 ноября 1993 г. на встрече с лидерами избирательных блоков намерения присоединиться к одному из них. Какой блок должен стать «возлюбленным» президента, у меня сомнений не было — «Выбор России». Не случайно же на складах этого блока уже были заготовлены рекламно-агитационные материалы, где прямо говорилось, изображалось, фотографировалось — «Выбор России» — это Ельцин.

Одна из таких листовок, имитирующая страничку из учебника истории, сообщала, что Ельцин со своими ближайшими соратниками из блока «Выбор России» нанесли 12 декабря сокрушительное поражение противникам. А кто же противники? Те же самые россияне, те же самые люди, что голосовали за Ельцина на президентских выборах. После этого я окончательно для себя решил: с политиками, которые планируют победу над собственным народом, над собственной страной, я больше ничего общего не имею. Нет у меня перед ними никаких обязательств. Отныне г-н президент на мою скромную поддержку может не рассчитывать. Я пытался помочь Б. Ельцину трижды. Для четвертой попытки не осталось ни сил, ни желания. Хотя ему, насколько я могу судить, на это все равно наплевать.

Чему быть, того не миновать

СПРАВЕДЛИВО говорят, все исторические аналогии условны. История не попугай, она мыслит, а не повторяет. С учетом такого примечания, беру на себя смелость утверждать, сегодняшняя Россия напоминает Францию времен Великой революции. Начавшись под лозунгом «Свобода, равенство и братство», обещая народу процветание и торжество справедливости, она повергла Париж в тяжелейшую кровавую смуту, в предательство друзей и единомышленников друзьями и единомышленниками. В расправу Робеспьера над Дантом и Маратом, тех, кого Робеспьер напугал, над Робеспьером.

То, что произошло 4 октября возле Белого дома, когда Б. Ельцин отдал приказ стрелять из танковых орудий по зданию парламента, — типичная «робеспьеровщина». Ведь в Белом доме засели в том числе и те, кого

URSS

всего два года назад Б. Ельцин считал своими кровными политическим братьями и вернейшими союзниками. Одного из них — Александра Руцкого Б. Ельцин сам в июне 1991 года сделал «вице-ельциным», а другого — Руслана Хасбулатова, в октябре 1991-го, на внеочередном V съезде народных депутатов России — «вместо-ельциным».

Как развивались события во Франции двести лет назад известно. 9 термидора (27 июня) 1794 г., кровавый вождь Великой Французской революции Максемильян Робеспьер был арестован и наутро гильотирован. На его могильной плите высечена эпитафия:

Прохожий! Не печалься над моей судьбой.
Ты был бы мертв, когда б я был живой.

Революционеры всех мастей окрестили случившееся «термидором» — символом контрреволюции. Но французский народ продолжает считать ее Великой. И правильно. И справедливо. Великими могут быть только поверженные революции. Победившие обязательно переломят хребет стране и народу. Нам ли этого не знать. Ведь Россия уже настрадалась от одной победившей Великой октябрьской социалистической революции. Не дай Бог победит вторая — Великая демократическая.

Предназначение революций, их историческая миссия и призвание только обозначать направление движения, давать общественному прогрессу ориентиры. Поспешать в истории, в стремлении опередить время, пришпоривая, доводя до изнеможения народ — дело губительное. Как говорят те же, наученные горьким революционным опытом французы: «Не превышай скорость. Лучше быть дома в одиннадцать, чем в морге и девять».

И в этом смысле, пожалуй, жизнь оказалась 12 декабря права: «Чтобы демократия в России победила, нынешние демократы должны проиграть». Они и проиграли. Только бы среди них не нашлись отчаянные сорвиголовы, готовые пойти на «любые меры», дабы не признавать поражения, лишь бы довести, как они говорят, «начатое дело до конца».

Что касается «конца», то нет вопросов. До него рукой подать. Но это будет конец России. У нее же еще остался шанс стать Великой. Как сумела стать Великой Франция после поражения Великой Революции. Разве ради такой перспективы мы не найдем в себе сил мужественно и с достоинством перенести поражение Великой Российской демократической революции? Думать сегодня нужно не о победе, а о жизни. Не о борьбе, а о примирении.

Неужели мало пролито крови! Неужели политическое ожесточение застит глаза настолько, что не дает разглядеть очевидное — еще одного витка борьбы на исторической спирали Россия не вынесет. Единственное ее спасение в деполитизации, в запрете на какие бы то ни было победы, в объявлении моратория на какие бы то ни было выборы, референдумы,

URSS

сессии, съезды, манифестации и демонстрации. Уж коли они нам не приносят ничего, кроме вреда. Если политики, не умеющие договориться между собой втягивают в свои «разборки» народ, то это неизбежно закончится гражданской войной.

Единственным разумным шагом в этой ситуации, если российские политики, конечно, не окончательно лишились разума, может стать только нейтрализация противоборствующих сторон. Лучше всего, если бы президент добровольно пошел на свою отставку и призвал последовать поданному примеру новый парламент. Ведь не могут быть завоеванные мандаты дороже судьбы страны и народа. России нужны хотя бы два года передышки. Пусть на это время вся полнота власти перейдет к правительству, единому и дееспособному. Пусть оно наведет хотя бы элементарный порядок в экономике, в организации нашей жизни.

Не надо запугивать себя словами «авторитарное правление», «директория». Ведь это только Ф. Энгельс, крупнейший военный стратег революций, ставил знак равенства между авторитаризмом и насилием, а силу вообще называл «повивальной бабкой истории». Любая власть по своей политической природе авторитарна, все дело в мере и потребности авторитаризма. Сегодня в России потребность во власти, после нескольких лет изнурительного социально-экономического кризиса и безвластия, стала абсолютной.

Значит вывести Россию из нынешнего ее состояния может только абсолютная авторитарная власть. Мы сами довели Россию до этой грани, сами и должны найти в себе мужество при знать очевидное. В таком признании и состоит сегодня высшая государственная мудрость, высшее проявление гражданского долга перед народом и Отечеством. Если, конечно, мы не намереваемся принести Россию в жертву своим демократическим амбициям. Раньше нужно было думать о демократии, а теперь ее нужно просто спасать, — и это не должно восприниматься как нонсенс, — авторитарными методами.

Но авторитарное правление, назвать его можно хоть «директория», хоть «консулат», — все лучше, чем вновь создавать коммунистические, демократические или либеральнодемократические «фронты», «чека» или «гулага», — не навсегда. Российский народ уже принял идею демократических реформ, он от нее не откажется. Пусть Конституция, за которую он проголосовал на референдуме 12 декабря 1993 г., останется в силе. Она авторитарному правлению и действительному становлению демократии не помеха. Даже подмога.

Я категорически не согласен с тем, кто называет Россию и ее народ одуревшими, после того, как он столь активно голосовал за В. Жириновского. Российский народ оказался политически мудрее закусивших удила демократических лидеров. Он голосовал не за Жириновского. Он не настолько глуп, чтобы верить пустым обещаниям. Обещаниями и посула-

URSS

ми советская и демократическая власть потчевали нас ничуть не меньше, чем В. Жириновский. Россияне проголосовали за крепкую, даже суровую власть, за элементарный порядок, без которого даже убогая жизнь невозможна. Хотите отдать выраженную народом волю на откуп В. Жириновскому? Отдавайте. Только боюсь, даже спасибо он вам за это не скажет. И правильно сделает.

«Пророков нет…», с. 110–123.
Москва, 1994.

URSS

9. Выборы губернаторов довершат распад России

Мы будем жить в удельных княжествах

Россия уже сегодня полноценным федеративным государством не является. Прежде всего потому, что у нее отсутствует государственная идеология. Не политическая, а именно государственная, определяющая стратегию и тактику государственного строительства. Центр не знает, каким государством руководит, какой страной, собственно, управляет. Куда ее ведет. Периферия неведомо, что им дозволено, что нет. Какой вопрос где решать. Когда Центру выгодно, он говорит, что он — Центр. Когда невыгодно, тут же от своих приоритетов, а главное, от ответственности, отрекается. Последние политические склоки, поразившие федеральную власть, способны привести к еще большему размежеванию между Центром и регионами. Центр как источник раздоров не нужен никому. Майский президентский импичмент и отставка Евгения Примакова — это точно такой же удар по Российской Федерации, какой нанес август 1991 года по Советскому Союзу.

Короче, с федерацией у нас на сегодняшний день неладно. И, похоже, будет еще хуже. Судя по тому, как идет подготовка к предстоящим парламентским и президентским выборам. Не следует питать иллюзий, что это не коснется проблем государственного строительства, проблем российского федерализма. Есть очень много предпосылок к тому, что выборы не только усилят и без того достаточно мощные центробежные тенденции, а довершат распад России как федеративного государства. Назову лишь три такие предпосылки. Хотя на самом деле их гораздо больше.

ПЕРВОЕ. Прежде всего мы стоим перед лицом полного разлада взаимоотношений между гражданами и государством, между властью и обществом. Главным достижением демократии, главным условием развития рыночной экономики в России было объявлено то обстоятельство, что отныне каждый человек может и должен заботиться о себе сам. Сам добывать себе работу, пропитание. Сам заботиться о себе, своей семье, будущем детей. Сам защищать себя от жуликов, бандитов, грабителей. Короче, государство не собес, власть не нянька — получил свободу, пользуйся ею на все сто. Только налоги не забывай платить. И чтобы без претензий. Ничего не скажешь, постановка вопроса радикальная.

В итоге российское государство отреклось от своих граждан. Следовательно, лишилось и своих прав. Центр — в лице президента, правитель-

LIBRESS

ства, парламента, столицы — перестал быть притягательной силой. Советский Союз распался именно потому, что от роли центра Союза отказалась Россия. Теперь сама Россия попала в аналогичную ситуацию. Ее центр — Москва — перестал быть центром притяжения. Выборы в Государственную Думу и выборы президента в этих условиях только усилят тенденцию распада Федерации. Основной политический акцент выборов будет перенесен на регионы. Каждый периферийный анклав — национальный, территориальный, экономический — будет укреплять собственные позиции перед лицом ослабевшего Центра. В результате процесс формирования удельных княжеств пойдет полным ходом.

ВТОРОЕ. В ходе выборов и особенно после них проявит себя во всей красе главный деструктивный порок нынешнего российского государства — всевластие, самостийность губернаторов. Превращая в конституционную норму принцип выборности глав исполнительной власти, мы допустили роковую ошибку. Он только внешне выглядит демократично. На самом же деле стимулирует сепаратизм, региональное самодурство.

По ныне действующей Конституции, губернаторы обладают, по сути дела, гораздо большими полномочиями, чем глава государства. Власть и полномочия президента на губернаторов фактически не распространяются. Пытался Борис Ельцин одного-двоих за нерадивость и разгильдяйство с постов снять — не вышло. Конституционный суд не позволил. Там, где начинаются границы областей, краев, республик, там власть федерального Центра и президента прекращается. Теперь президент наиболее норовистых и строптивых губернаторов, вместо того чтобы наказывать, начинает орденами награждать. Авось смилостивятся…

На Россию пока еще распространяется только власть федеральных законов. Но и этому вскоре будет положен конец. Аккурат в результате предстоящих парламентских выборов. Многие уже обратили внимание на практику, что в моменты выборов в представительные органы власти в обиход запускаются так называемые губернаторские списки. В них попадают кандидаты в депутаты, которых иногда явно, а иногда тайно, но в обоих случаях весьма активно поддерживает местная исполнительная власть и непосредственно губернаторы. Так было в Москве, Санкт-Петербурге, недавно — в Удмуртии, в Кемерове.

По такому же сценарию будут развиваться события и на выборах в Государственную Думу. На местах, в одномандатных, или, как их еще называют, мажоритарных, округах будут поголовно побеждать губернаторские ставленники. В результате позиции регионов, точнее, персонально губернаторов, в представительных органах власти, и прежде всего в федеральном парламенте, усилятся. И ни один закон, как бы он хорош ни был с точки зрения потребностей и нужд государства, Федерации, через Думу не пройдет. Вот вам и конец федеральному законодательству.

URSS

ТРЕТЬЕ. При наличии двух отчетливо проявивших себя тенденций дефедерализации региональные лидеры будут добиваться дальнейшего ослабления федерального Центра. Именно эту цель и преследует интенсивно начавшееся формирование регионально-губернаторских избирательных блоков. С точки зрения хрестоматийно-традиционных представлений о демократии и просто с позиций здравого смысла, не говоря о правовых нормах, это абсолютный нонсенс. Исполнительная власть формирует себе собственную команду будущих законодателей, волю которых им же самим впоследствии предстоит исполнять. Налицо очевидный пример политической шизофрении. Или… злонамеренной интриги. Я лично склоняюсь ко второму варианту…

В формировании регионально-губернаторских блоков просматривается вполне определенная политическая стратегия, рассчитанная на два этапа. Первый — парламентские выборы. Второй — президентские. Но если кому-нибудь кажется, что здесь присутствуют заботы об упрочении государства, Федерации, то такие люди глубоко заблуждаются.

На первом этапе губернаторские блоки постараются проникнуть, а то и возглавить, пусть не формально, но по существу, в наиболее сильные и перспективные политические партии, общественные движения и избирательные объединения. Цель — внедрить в федеральные избирательные списки как можно больше своих людей. Ведь одномандатники — это только полпарламента, а другая его половина формируется за счет федеральных списков. Здесь тоже должно быть все схвачено. На этом этапе региональные лидеры охотно пойдут на контакты и союзы с кем угодно. Но в первую очередь — с наиболее сильными и перспективными.

В нынешних условиях, когда губернаторы больше всего заботятся об упрочении собственных позиций, Юрий Лужков — явный и самый сильный противовес федеральному Центру. Постоянные наскоки московского мэра на кремлевскую администрацию и президента, хочет того сам Лужков или нет, работают на центробежную идею. Лужков не делает различий между авторитетом Кремля и авторитетом власти. Критикуя Бориса Ельцина, Юрий Лужков вольно или невольно оказывается в оппозиции к федеральной власти. И в этом смысле Лужков губернаторам союзник. Чем резче он будет критиковать президента, тем выгоднее это губернаторам.

Но вся эта дружба тут же улетучится, как только в силу вступит объективная логика второго этапа. Губернаторам не нужен сильный президент. В главном кресле Кремля им нужен человек податливый, покладистый, своим избранием на высший государственный пост губернаторам обязанный. Юрий Лужков для такой роли не годится. Он кандидат в сильные президенты. А это чревато попытками усиления Центра и ограничения всевластия губернаторов. За что, скорее всего, Лужков и взялся бы, если бы в президенты прорвался. Но после парламентских выборов губернаторы Лужкова наверняка «кинут», как любит выражаться сам Юрий

UPRESS

Михайлович. Не случайно в одном из интервью Лидер блока «Вся Россия» Минтимир Шаймиев подчеркнул, что «говоря о сотрудничестве с «Отечеством» мы ведем речь исключительно о парламентских выборах».

Так что можно не сомневаться — торжеством федерализма предстоящие выборы не станут. Жить нам, скорее всего, предстоит каждому в отдельном удельном княжестве. А на долю федерального Центра выпадает роль совмещенного санузла. Да он уже и сейчас с ней вполне освоился…

«Независимая газета»,
28.05.1999.

URSS

10. Отчизна-мать в предвкушении нового мученика

Досужие размышления о политической судьбе В. Путина

В момент обострения бесплодных дискуссий о «национальной идее» я уже высказывал мысль, что мы, русские, по своему национальному характеру, гражданским чувствам и идейно-политическим убеждениям страдальцы и самоотрешенцы. Нам обязательно нужно ощущение необходимости возвышенных жертвоприношений. Причем не чего-то и кого-то вообще, а именно себя. Иного способа общественного бытия, какого-либо иного пути достижения желанных целей, кроме как через жертвы и мученичество, мы не знаем. Нам, если умирать не за что, то и жить незачем. Страдальческим, жертвенным, мученическим духом пропитана вся русская культура, литература, музыка, живопись.

То же самое можно сказать о государственной и нравственной истории России. Все наши достижения и успехи, сами понятия героизма и патриотизма осенены ореолом страданий и мученичества. Все наши святые, все наши национальные герои, даже идейные вожди — обязательно страдальцы. Братья-князья Борис и Глеб, Александр Невский и Дмитрий Донской, даже Иван Грозный и Петр Великий только потому и оставили глубокий след в народной памяти, что их образы связаны не столько с реальными благими делами, сколько с выпавшими на их долю душевными муками, с нравственными страданиями по поводу преодоления препятствий, с внутренними сомнениями, борением с собственными соблазнами, искушениями и изъянами.

У любого успешного общественного движения в России обязательно есть, был или непременно должен быть собственный мученик. Если такие мученики не появляются естественным путем, мы их специально «лепим» из любого подручного материала. Нынешние коммунисты для этого пытаются превратить в мученика мумию вождя. Национал-патриоты — семью последнего российского императора. Демократы-реформаторы долгое время эксплуатировали мятежный облик расстриги-коммуниста, взбунтовавшегося против самого себя. Но все это мученические суррогаты. Настоящих страданий за каждым из приведенных примеров нет. Россия нуждается, просто жаждет обретения мученика настоящего, адекватного мас-

LIBRS

штабам и сложности проблем, с которыми страна и народ столкнулись в последние годы.

Откуда же его взять? Налицо некие поползновения окружить ореолом мученичества жертвы террористических акций в Буйнакске, Волгодонске и Москве. Сплачивающий, консолидирующий потенциал у этих попыток, безусловно, имеется. Имелся он и в патриотических устремлениях встать на защиту братьев-славян в Югославии. Но беда в том, что русский человек не впечатляется, по крайней мере надолго, массовыми страданиями и коллективными жертвами. К ним мы быстро привыкаем, легко с ними примиряемся. У нас как история, так и страдания должны быть максимально персонифицированы. Мы мыслим не óбразами, а образáми. Нас могут впечатлить только горе одиночки и несчастье личности. Еще лучше — гибель. Причем чем более жестокая, а главное, глупая и бессмысленная, тем лучше.

И все-таки откуда, с какой стороны нам ждать новых мучеников? Где та благодатная почва, способная взрастить столь необходимого нам страдальца? В рядах структурированных общественных образований вроде партий, движений, избирательных блоков и т.д. таких кандидатов заведомо нет.

За пятнадцать минувших лет, если иметь в виду страдальческий потенциал, их представители себя полностью исчерпали и даже дискредитировали. Ни Зюганов, ни Явлинский, ни Черномырдин, ни Рыжков, ни Лужков, ни Примаков, ни Кириенко, ни Степашин на роль новоиспеченных мучеников не годятся. Их могут лишь пожалеть, но молиться на них не станут. Между ролью обиженного и обликом мученика «дистанция огромного размера». К сожалению, у нас вообще не может быть мученика, осененного знаком борьбы «ЗА». Мы можем надеяться лишь на мобилизацию эмоционального потенциала отрицания.

Значит, ждать кандидата в мученики по федеральным спискам и одномандатным округам развернувшихся избирательных кампаний не приходится. Наш мученик обязательно окажется не претендентом на власть, а ее жертвой. Отчизна-мать беременна именно таким мучеником. По данным социологических опросов, около 60 % населения страны вообще не видит в представителях нынешней власти, в любых претендентах на нее выразителей своих интересов. По сути дела, это означает, что наиболее продуктивной и наиболее массовой базой общественного согласия в России, как это ни парадоксально звучит, является несогласие.

Для российского менталитета, отечественного исторического сознания и вообще русского душевного склада ощущение негативизма и нигилизма — состояние органичное, можно даже сказать, генетически обусловленное. Настоящий русский если не по убеждениям, то по натуре обязательно индивидуалист и анархист, на что обращал внимание еще мудрейший Василий Осипович Ключевский. Коллективистская, тем более

URSS

интернационалистская идеология нам чужда. Именно по этой причине полный провал потерпела у нас коммунистическая доктрина. Единственное, что прижилось, так это коллективная безответственность. У нас все доказательства обязательно начинаются от противного. Для России лозунг «Так жить нельзя» — на все времена.

И все-таки где же взять героя-страдальца, способного консолидировать протест против власти на потребу самой власти? Что нужно сделать, чтобы удовлетворить вызов времени и потребность души? В принципе ясно. Посвятить себя служению Отчизне и за это жестоко поплатиться. Российское общество и российская власть к такому жертвоприношению вполне готовы. О состоянии общественного мнения, общественных настроений я уже говорил. Антигосударственный, антивластный негативизм достиг сегодня критической величины. Политическое соперничество в ходе набирающей обороты избирательной кампании что ни день крепчает. Безрассудство власти, давно утратившей инстинкт самосохранения, перехлестывает через край. А тут еще Чечня вновь раскалилась добела. Короче, достаточно в любую сторону спичку бросить, обязательно полыхнет. Вопрос лишь в том, кто эту спичку бросит: сама нынешняя власть или ее противники.

Соображения рационализма и так называемого здравого смысла в данном контексте совершенно не работают. Многие вдумчивые аналитики предрекают, причем совершенно справедливо, большую вероятность сюрприза, неожиданного поворота событий. То есть не так чтобы вообще неожиданного, сам-то по себе поворот практически неизбежен. Даже содержание его очевидно: он обязательно приведет не только к смене нынешней власти, но и к полному обновлению политических элит. Загвоздка в том, кто конкретно этот переворот в себе воплотит.

Когда разговор переходит в конкретную плоскость, то чаще всего ищут кандидата не в мученики, а в диктаторы. А это коренная ошибка. Сама по себе диктатура, а главное, ее функционирование, — процесс рациональный, прагматический, но для ее установления нужен душевный порыв, сплачивающая идея. Пусть простенькая, но обязательно с мобилизующим потенциалом. Вроде «Ребята, наших бьют». Без нее никак не обойтись. Случись такое, тогда, быть может, и Лебедь вновь взмахнет крылом и, чем черт не шутит, долетит до Кремля. Но пока такой сюжет — всего лишь полет политологической фантазии. Главной предпосылки ее реализации — мученика — еще нет. Во всяком случае пока. Нужен, ох как нужен России новый царевич Дмитрий.

В конце концов не исключаю, что сама же наша власть о появлении такой жертвы и позаботится. Обязательно ее где-нибудь отыщет, выпестует и нам предъявит. Она не может не прийти к диалектическому пониманию того, что сохранить за собой власть можно только через отрицание ее. При желании нетрудно назвать несколько наиболее вероятных примеров,

как такое может случиться. Не делаю этого по двум причинам: во-первых, из опасений быть обвиненным в подстрекательстве; во-вторых, по соображениям политических суеверий. В России сбывается именно то, чего меньше всего хочется. Но без мученика нам все равно не жить, из нынешней общественно-политической смуты не выкарабкаться. На него, горемычного, вся надежда.

Выборы в Государственную Думу мученика нам еще не предоставят. При всей масштабности парламентской избирательной кампании она все-таки остается политической массовкой. Претендент на терновый венец объявится скорее всего ближе к лету, когда политическая атмосфера в стране достигнет максимального накала. Настоящие жертвы приносят только на алтарь власти реальной, а не показушной. Но очертания мученика уже начинают проступать на газетных плащаницах.

«Независимая газета»,
ноябрь, 1999.

URSS

11. Мы возвращаемся на круги своя

Самодержавие и борьба с ним как извечная форма существования России

Года два или три назад, когда уже стало совершенно ясно, что демократический эксперимент в России не заладился, в ходе какого-то очередного политологического «круглого стола» его участникам был задан вопрос: «Какую форму существования вы считаете наиболее приемлемой для России?» Я ответил на поставленный вопрос так: «Борьбу с самодержавием…». Коллеги дружно хмыкнули явно поощряя за остроумие, но сказанное всерьез не приняли. А зря.

Вся история России, по крайней мере та ее часть, когда она существовала как самостоятельное государство, отмечена именно этой традицией. С одной стороны, стремление к крепкой, единоличной централизованной власти во главе с царем-самодержцем, а с другой — народная вольница, склонность к бунту, восстанию, мятежу. На одно полюсе — Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Вторая, Александр Третий, на другом — Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев, декабристы.

Оба энергетических полюса сшиблись в 1917-м, хотя произошло это в весьма парадоксальной форме. Большевики во главе с В. Лениным вовсе не являли собой разрыв с самодержавной традицией. Скорее, наоборот, вся их идеология была насквозь самодержавной, тоталитарной, даже деспотической, но оплодотворено все это было идеологией народной воли, свободы и справедливости. Большевизм потому и не прижился в России, что он замкнул напрямую «плюс» на «минус». Россия утратила нравственный стимул развития, ее внутренние движущие силы пришли в упадок. Ведь суть российской национальной идеи, поиском которой так озаботилось нынешнее общество, состоит в простой, каждому доступной мысли: у нас, если бороться не за что, то и жить незачем.

Но это никогда не было борьбой на уничтожение. Народовольческое движение заставляло сплачиваться, консолидироваться власть. Усиление власти, в свою очередь, побуждало общество к свободомыслию, к идеалам равноправия и справедливости. В результате на полюсе власти кристаллизовывались усилия, направленные на упрочение государства, обеспечение его державности, на полюсе народной воли — нравственные силы нации. Народные самородки, насквозь пронизанные духом протеста и бунта. В этом неистребимом диалектическом противоборстве обе стороны удачно

URSS

дополняли друг друга. В чем, собственно, и состоял самобытный российский путь, обеспечивавший нам признание, уважение и влияние в мире.

Это, если угодно, была специфическая модель российской демократии, отличавшей ее от всех других демократий. Только в так называемом цивилизованном мире борьба против власти была гораздо жестче регламентирована. Законом, правилами поведения, традициями. Все так называемые демократические свободы — слова, печати, манифестаций, собраний, объединений, партий — всего лишь средства и инструменты борьбы с властью.

Власть понимает, если она запоздает с реакцией, с корректировкой курса, то дело вполне может кончиться восстанием или бунтом. Сами по себе демократические свободы не предотвращают, даже не смягчают социальных конфликтов, они лишь дают власти сигнал о нарастающем напряжении, побуждают ее включать защитные механизмы.

Мы попробовали перенести модель западно-европейских демократий на русскую почву. Неудачно. Нам регламентированная власть и регламентированные свободы пришлись не по плечу. Тесноваты оказались. Как дворянский кожушок Емеле Пугачёву. Вот и затрещала хваленая западная демократия по всем швам. Не те размеры территории и национального темперамента. Нам уж если драка, то наотмашь, если власть, то абсолютная.

Слава богу, мы, сдается, возвращаемся после двух неудавшихся экспериментов — коммунистического и демократического — к своей традиционной форме существования: борьбе с самодержавием, к состязанию власти и народной воли.

После победы Владимира Путина на минувших президентских выборах многие до сих пор задаются вопросом, что же сплотило вокруг него российские политические элиты, что объединило вокруг него такие диаметрально антагонистические фигуры, как Ю. Лужков и С. Кириенко, А. Чубайс и В. Жириновский, А. Тулеев и Э. Памфилова. Никакого секрета нет. Политические элиты истосковались по решительной и дееспособной власти, по лидеру, готовому принимать решения и нести за них ответственность. При первом намеке на появление такого вожака они забыли свои политические и идеологические разногласия, охотно сплотились вокруг претендента на самодержавный престол.

В том, что пришествие В. Путина означает, не в смысле внешней атрибутики, конечно, а по объективным параметрам возвращение на самодержавную стезю, можно не сомневаться. Страна нуждается в наведении «порядка». С этим, как показали минувшие выборы, согласно абсолютное большинство. И народа, и представителей политических элит. Но порядок в России — это самодержавие. Кинетическая масса народа всегда шарахалась от одного полюса к другому: от порядка — к вольнице, надоест «гулять», — к порядку, воплощенному в сильной личности и твердой руке.

ИПКЗС

Сегодня, чтобы навести в России «порядок», необходимо произвести несколько обязательных действий. Во-первых, восстановить самодержавие по сути. Для этого необходимо оставить выборным только один пост — президентский. Все остальные государственные должности должны заполняться за счет назначения или конкурсной системы. (За исключением органов местного самоуправления. Здесь принцип выборности может быть сохранен.) Прежде всего должны быть отменены выборы губернаторов. Самостийность губернаторов не только раздирает страну на части, но и лишает власть самодержавного стержня. Без лишения губернаторов конституционных полномочий, фактически превышающих президентские, порядка в стране не навести.

Во-вторых, необходимо упразднить парламент, давно исчерпавший свое функциональное предназначение. Парламент и депутатство-суррогат, своего рода посредническая структура между народом и властью, которая в нынешних условиях работает исключительно на самовоспроизводство. Из всех атрибутов демократии парламент, применительно к России, самый бессмысленный и бесполезный. Влияние парламентов в цивилизованных странах практически сведено к нулю. Их сохраняют в качестве декораций; хотя вся полнота власти давно уже находится в руках власти исполнительной. Если говорить точнее, с учетом объективных аспектов мирового развития, в руках «восьмерки» глав государств, обеспечивших себе лидирующие позиции в мире.

В-третьих, вокруг президента должны быть сформированы структуры, действительно способные обеспечить прочность власти и «порядок» в государстве. Первая опора — своего рода возрождённая «боярская дума» в которую бы вошли так называемые олигархи. То есть люди, способные оказывать реальное воз действие на развитие социально-экономических и общественно-политических процессов в стране. На следующей ступени — двухпалатный государственный совет. первая палата — нормативный приказ, вторая — федеральная управа, «боярская дума» вместе с резидентом разрабатывает и принимает концептуальные стратегические решения, определяет главные цели и магистральные пути развития. Нормативный приказ разрабатывает и внедряет «правила игры», следит за строгим и х соблюдением. Федеральная управа обеспечивает достижение целей, следит за соблюдением порядка в стране с помощью подчиненных ей административных органов и структур.

«Боярскую думу», понятно, формируют по признаку реального влияния. Нормативный приказ — на конкурсной основе, с учетом профессиональной квалификации и практического опыта работы, прежде всего в сферах юриспруденции, экономики, социологии. Федеральную управу комплектуют строго по назначению президента. Иными словами, в эту властную структуру должны войти назначенные резидентом главы субъектов федерации. Проще говоря, губернаторы сколько их будет и с какими

полномочиями определяет президент. В качестве самостоятельных структурных подразделений в федеральную управу включаются кабинет министров и совет безопасности.

Такова, на мой взгляд, непременная схема наведения порядка в России, маршрут нашего возвращения на благотворную и продуктивную стезю самодержавия. Но тут возникает вопрос: кто же и что же будет обеспечивать стимулирующее, взбадривающее противодействие выстроенной схеме? Возрождение самодержавия неизбежно повлечёт за собой возникновение внесистемной гражданской оппозиции, основанной, как это бывало всегда, на идеологии народной воли. Поначалу противодействие со стороны этой оппозиции, в отличие от КПРФ, «Яблока» и ЛДПР оппозиции «нового типа», наведению самодержавного порядка будет относительно слабым, но постепенно станет набирать силу, вновь заработают нравственные, духовные факторы. На одном полюсе станут появляться Скуратовы, Меньшиковы, братья Орловы; Бестужевы, Горчаковы и Столыпины, на другом — Герцены, Чернышевские, Достоевские, Кропоткины, Горькие… На соперничестве силы власти и силы духа всегда стояло и стоять будет величие России.

Мы просто возвращаемся на круги своя.

«Независимая газета»,
07.04.2000.

URSS

12. Вперёд к имперскому авторитаризму

Парадоксальные размышления о неизбежной гибели диалектики и демократии

Зло и насилие

Никакой диалектики никогда не было, нет и быть не может. Единство и борьба противоположностей не более чем злонамеренная выдумка Гегеля, Маркса и нашего Ильича. На самом деле все, что они называли диалектикой, всего лишь промежуточное, сумеречное состояние ума, попытка примирить непримиримое, совместить несовместимое. Если диалектика что и отражает, то исключительно состояние житейской смуты, социально-психологических комплексов неполноценности, потери ориентиров конструктивной мысли и целеустремленных действий. Неудивительно, что диалектика стала опорой лево-ориентированного сознания, исповедующего босяцкий популизм и социальную демагогию.

Основа всякого движения, всякого развития не единство и борьба противоположностей, завершающаяся взаимным проникновением, или, как было модно его называть, «конвергенцией», а их, этих самых противоположностей, непримиримое столкновение по манихейскому принципу «либо-либо». Никаких переходов из одного состояния в другое не происходит. Такие превращения либо заведомое вранье, либо самообман.

Диалектика не признает возрождения Христа именно потому, что в его смерти и воскрешении нет превращения, перехода из одного состояния в другое. Смысл выражения «смертью смерть поправ» в том и состоит, что смерть побеждена смертью, а не жизнью. Смерть была повержена, побеждена сама собой, погибла сама в себе. Без всяких там единств и борьбы противоположностей. Силы добра и зла накапливают потенциал, обретают упругость вовсе не в борьбе друг с другом. Не борются же воздух с водой, а земля с небом. Условие победы — в преодолении. А ее суть — в отрицании. Чтобы победить, необходимо направлять энергию не вовне, а внутрь, не на борьбу, а на самосовершенствование.

Лев Толстой, перед гением которого склоняется весь мир, призывал не противиться злу насилием, а стремиться к победе над ним за счет самосовершенствования. За это наши доморощенные диалектики, считавшие, что «добро должно быть с кулаками», с «Аврорами», «Катюшами» и прочей смертоносной стратегической и тактической атрибутикой «добра»,

URSS

обозвали Л. Толстого «непротивленцем». Но где сегодня изможденные борьбой со злом диалектики и где «непротивленец» Толстой?!

Добро не должно вести изнурительной и бессмысленной борьбы со злом. Оно должно подниматься, набирать вес на собственных дрожжах. Тогда его будет становиться все больше и больше, оно заполнит собой все пространство, просто вытеснит зло за пределы житейской квашни. И наоборот, чем активнее зло проявляет себя, тем оно быстрее погибает.

Именно в собственной активности источник самоликвидации зла. (Надеюсь, хотя бы умеренно интеллигентные читатели понимают, что речь идет не о бандитах с большой дороги, варварах и вероломных агрессорах, а о духовной, нравственной стороне дела.)

Обольщенные демократией

К чему это я, однако? А все к тому, что приверженность диалектике стала первопричиной многих бед, которые постигли человечество. Причем самых масштабных, острых и глубоких. Одна из последних таких бед, переживаемых на наших глазах и с нашим непосредственным участием; — демократия. Диалектика — идейная основа, интеллектуальное горючее демократии. Диалектика, ее понятия и категории навязывают человеческому сознанию, обществу наркотическую тягу к постоянному поиску альтернативы, в котором «нет» не означает категорического отрицания, а «да» — безусловного утверждения.

В результате получается шизофренический коктейль: «да, но вместе с тем…» «нет, хотя с другой стороны…». Выбор по логическим и математическим законам демократии консервирует неопределенность, нечеткость, неясность. Поэтому демократия — самая недееспособная власть, демократическое диалектическое сознание в жизни и в политике в конечном итоге всегда ведет в тупик. Нельзя постоянно жить в состоянии выбора. Надо когда-то этот выбор сделать и действовать в соответствии с логикой победы, отметая действия и аргументы, противоречащие этой логике.

Трезвомыслящие, дальновидные люди никогда не обольщались на счет демократии. Для примера приведу лишь два имени, зато великих — Уинстона Черчилля и Николая Бердяева. Знаменитый англичанин был категорически точен. «Демократия — худший способ управления страной, если не считать тех способов, к которым до этого прибегало человечество». Иными словами, демократия не панацея, не венец творения. Она, демократия, как и любая другая форма управления обществом полезна и целесообразна лишь до тех пор и лишь в той мере, пока справляется с решением задач, выпавших на ее время и ее долю. Но как только функциональное предназначение той или иной формы правления оказывается исчерпанным, она должна, просто обязана сойти с исторической сцены.

URSS

Николай Бердяев, мудрейший российский провидец, писал еще в начале двадцатых годов минувшего столетия: «Демократия провозгласила свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выводит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она сама себя «преодолевает». В этом будет ее правда. Современная демократия явно вырождается и никого уже не вдохновляет. Веры в спасительность демократии уже нет…» Обращаю внимание: написаны эти слова ровно восемьдесят лет назад. С тех пор аргументов в пользу демократии вовсе не прибавилось. Наоборот, иссякли, пожалуй, последние. Но ведь просуществовала же демократия не одно столетие? Сколько конкретных достижений на ее счетах? Значит, был в ней какой-то позитивный смысл? Конечно же, был, но, как говорится, весь вышел. Демократия долгое время была сопутствующим интеллектуально-психологическим антуражем для целого ряда технологических революций — промышленных, экономических, информационных, научных и прочих, прочих, прочих. Душевное состояние людей не поспевало за творениями их же пытливого, рискованного разума. Нужны были исторические «заминки», компенсирующие быстрые темпы и высокое напряжение качественных социально-политических и научно-технических революций. На преодоление этих «заминок» ушло несколько лет. Последняя из «заминок» завершилась разрешением так называемого исторического спора между социализмом и капитализмом. То есть между идейно-политической абстракцией, порожденной болезненным диалектическим сознанием, и капитализмом, воплощением сурового, временами даже жестокого, трезвомыслия.

Надо выбирать? Надо исполнять!

Хрестоматийно знаменитые диалектические витки исторической спирали в результате разрешения этого спора вдруг обернулись лентой Мёбиуса, где с чего ни начни, тем и закончишь — собственность, капитализация, производство, рынок, прибыль. Выбирать, собственно, стало нечего. Надо исполнять. Демократия с диалектикой для этого не приспособлены. Но мы этого не поняли и пустились вдогонку за демократией с опозданием, когда бежать нужно было уже в совершенно другую сторону. Особенно обидно, что мы сделали это не будучи ни к демократии, ни к диалектике, ни по природе, ни по рождению предрасположены.

Во-первых, исторически по всем временным и качественным параметрам, включая духовные и нравственные, мы сильны и удовлетворены только тогда, когда все четко и ясно: вот «добро», вот «зло», вот «тьма», вот «свет», вот «царь», вот «народ», вот «бог», вот «порог». Переходные

IJPSS

состояния, единство и борьба противоположностей — не для русского человека. Мы крепчаем, когда делаем выбор лишь между жизнью и смертью. Любой другой выбор нас расслабляет, деморализует.

Во-вторых, диалектика и демократия пришли на нашу российскую землю, когда они уже исчерпали свой функциональный ресурс. На Западе, на родине диалектики и демократии, обе эти категории сохраняются как предмет национальной гордости, памятник общественно-политической мысли и культуры. Наконец, как декоративный антураж в угоду консервативному потенциалу массового сознания. На самом деле на Западе уже давно ни что не решается в диалектически-демократическом режиме. Жизнью правит сила воли, сила власти, сокрушительная мощь оружия и магическая сила денег. А всякие там выборы, парламенты, референдумы — маскарадная мишура, ярмарочные аттракционы для почтенной, но наивной публики. В действительности Запад развивается в направлении имперского авторитаризма, не имеющего ничего общего с диалектическим мышлением и демократическим жизнеустройством.

Мы же в России, исторически и по духу ближе всего стоящие к идее имперского авторитаризма, вместо того чтобы быть впереди, оказались в хвосте. И это попятное состояние может оказаться навсегдашним, если мы самым решительным образом не покончим с диалектикой и демократией. Тем более что для этого и нужно-то всего ничего — отказаться от выбора и выборов, которых от нас все равно никто не ждет, никто не требует. Да и нужды в них, как мы убедились на собственном опыте, никакой нет.

Когда все против всех

Мы должны, наконец, понять, что демократия, как и всякая другая общественно-политическая идея или явление, несет в себе не диалектические гены борьбы и единства противоположностей, а зародыш самоликвидации, который обязательно начинает активно проявляться, как только пробьет роковой час. Для диалектики и демократии этот роковой час пробил. Выбирать отныне стало нечего и, следовательно, и некого. Поэтому сегодня самой главной графой избирательных бюллетеней становится графа «против всех». Ведь в диалектически-демократическую политику ломятся сплошь непрофессионалы, заурядные люди, в большинстве случаев не заслуживающие ни уважения, ни доверия.

Неудивительно, что в России активность голосования по графе «против всех» на всех уровнях выборов, от президентских до муниципальных, раз от раза растет. На выборах в Государственную Думу 1999 года более чем в 10 избирательных округах голосовавшие «против всех» уже одержали победу. На президентских 2000 года «против всех» проголосовало около 7 процентов избирателей. На выборах в Московскую городскую Думу

«протестанты» в каждом из 35 избирательных округов перешагнули рубеж в 10 процентов. В некоторых округах показатель голосования «против всех» достигал 17 процентов, уступая только показателю победителя.

Нынешние российские власти стараются не замечать, что протестный потенциал российского общества, причем в его самых развитых и интеллектуальных центрах, стремительно растет. Некоторым кажется, скорее они надеются, что высокий рейтинг президента нейтрализует антидемократические настроения российского общества и спасет власть от «протестантов». Призрачные, напрасные надежды. Высокий рейтинг президента — это лицевая сторона медали, у которой на оборотной отчеканено «против всех». Авторитет одной личности на фоне абсолютной дискредитации демократических органов власти и управления не может вести никуда, иначе как к «имперскому авторитаризму». Популярность президента и нарастающие антидемократические протестные настроения неизбежно сойдутся в одной точке.

Я, например, не исключаю сценарий развития событий, который вполне вписывается в процедуру самоликвидации российской демократии. Вот он: предстоящие в 2003 году выборы в Государственную Думу будут катастрофически провалены по причине активного голосования «против всех». Потенциал протестного голосования и прежде был высок, а теперь по причине крайне серой, неубедительной деятельности органов государственной власти он может значительно возрасти. Особенно если в пользу такого голосования будет развернута специальная агитационная кампания.

Ведь такая агитация вовсе не запрещена законом, графа «против всех» обладает абсолютно всеми правами, которые предоставляются кандидатам в народные избранники. Не исключаю также, что в стране могут найтись люди и силы, которым срыв парламентских выборов по причине массового голосования «против всех» будет весьма на руку.

Мы люди имперские

Наблюдая за рождением и развитием голосования «против всех» уже более семи лет, прошедших с момента первых публикаций на эту тему, берусь утверждать, что психологические предпосылки склонить российское общество к массовому голосованию «против всех» очень велики. Особенно если для достижения этой цели будут применены соответствующие организационные приемы и выборные технологии. (На крайний случай может быть использован и более мягкий вариант «протестантского» сценария. Выборы будут сорваны из-за низкой явки избирателей на избирательные участки. Что организовать еще проще.)

URSS

Некоторые смекалистые деятели, понимающие, куда ведет объективная логика развивающихся событий, уже сейчас выступают с предложениями совместить парламентские выборы с президентскими. Тогда все получится вообще очень просто, красочно, наглядно. Вот вам демонстрация, кого народ российский на дух не выносит. Голосование «против всех» станет в этом случае общественным приговором идейным и процедурным заморочкам демократии. А вот последний, точнее окончательный, выбор в пользу имперского авторитаризма. За Путина проголосуют скопом.

Мне лично такое разрешение идейно-политического кризиса в нынешней России представляется предпочтительным. По мне нет лучшего мировоззрения, чем вера в здравый смысл и опора на радикальный имперский авторитаризм. Еще в 1993 году я высказал мысль, что Россия, преодолев все демократические препятствия, неизбежно вернется в лоно прагматичного имперского авторитаризма. Россия по своему историческому менталитету может быть только имперской. В противном случае на ее месте возникнет черная дыра.

Короче, долой диалектику и демократию. Путина на царство.

«Литературная газета»,
№ 36, 14.10.2002.

P. S. Данная публикация — научный пример, что в прогностической тематике приходилось иногда прибегать к провокационным заявлениями, политическим подначкам и разного рода стилевым хитростям, закладывая истинное содержание не в напечатанные строки, а между ними. Такими же приёмами приходилось пользоваться и в некоторых других статьях. Важно было пропечатать принципиально главную мысль, — демократия свой век отжила и должна быть ликвидирована, а уже под каким гарниром, — не так уж и важно.

В этом смысле я действую подобно знаменитому римскому сенатору Катону, который о чём бы не заходила речь, начинал и заканчивал свои выступления одной и той же фразой — «Карфаген должен быть разрушен». И ведь добился своего. Ненавистный Карфаген пал…

URSS

13. Даёшь самодержавие

Российский авторитаризм: ужас ужасом не перешибёшь

Исторический, а тем более политический процесс развивается по объективным законам собственной вегетации. Реформаторский период, который переживает Россия, четко распадается на три семилетних цикла. Первый, с 1985-го по 1991-й, был посвящен разрушению той общественно-политической системы, той идеологии, при которых мы жили. Второй, с 1991-го по 1998-й, стал апофеозом разрушения социально-экономической системы социализма, его плановой, централизованной экономики. Августовский, 1998 г., дефолт и последовавший вскоре за ним уход Б. Ельцина с президентского поста ознаменовали начало третьего семилетнего цикла, выпавшего на долю В. Путина.

Конкретный политический смысл этого цикла очень сложен. До переходного периода еще далеко. От разрухи к созидательному строительству сразу не перейдешь. Нет для этого под рукой ни кадров, ни техники. Остается только одно — имитировать бурную деятельность.

Тот авторитаризм, который сегодня совершенно безосновательно вменяют В. Путину в вину, носит, как и все, что происходит в выпавшее на его долю время, имитационный характер. Его, этого псевдоавторитаризма, вполне хватает, чтобы принять то или иное политическое или законодательное решение. Но нет сил и ресурсов, чтобы это решение с умом и позитивным результатом реализовать.

Чуть раньше, до монополизации Государственной думы «Единой Россией», В. Путину, чтобы собрать необходимое число голосов, иногда приходилось приспосабливаться, бросая поощрительные взгляды и делая побуждающие жесты по адресу тех или иных сил: в какой-то момент — правых, в какой-то — левых, в какой-то — «Яблока», в какой-то — «жириновцев», в какой-то — «рогозинцев». В результате необходимый для принятия решения «кворум» обязательно обеспечивался.

В конечном итоге от имитационного разнообразия партий, имитационного разделения властей родилось имитационное единство с имитационным президентом во главе.

Могу, конечно, ошибаться, но мне представляется, что внутренне В. Путин крайне встревожен всем тем, что происходит в стране и вокруг нее. Во всяком случае, на меня его обращение, с которым он выступил 4 сентября, сразу после поездки в Беслан, произвело именно такое впечат-

URSS

ление. Скажу больше, на мой взгляд, в некоторых словах и действиях В. Путина угадывались признаки смятения. Уж слишком тщательно, слишком нарочито, слишком явно в обращении проступала жесткость не только по отношению к террористам, но и вообще к оценке ситуации. А вот необходимой доброты и сочувствия к соотечественникам, к их душевному состоянию проявить не удалось.

В ключевом месте своего выступления президент даже пригрозил: тех, кто поддастся на провокации террористов, кто под предлогом поиска виноватых за совершенные теракты и их наказания будет совершать действия, способные дестабилизировать политическую обстановку в стране, российская власть будет рассматривать как пособников террористов.

Не с угрозами надо в таких ситуациях выходить к людям. Ужас ужасом, страх страхом не перешибешь. В критические моменты люди ждут от своих руководителей глубокого понимания ситуации, правды и искренности в оценке причин происходящего, энергичных мер, действительно ведущих если не к предотвращению повторных бед, то хотя бы к ликвидации причин, способствовавших их свершению.

В своем обращении В. Путин сказал об этом вскользь. Мол, «в ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны». Те, о которых на второй или третий день действительно было сообщено, убедительными никак не назовешь. Речь идет лишь о косметическом ремонте государственного здания, ничего капитального предлагаемые меры не затрагивают, на основы не посягают. А посягать пора.

Надо наконец перестать стесняться, тем более извиняться за то, что объективные обстоятельства вынуждают прибегать к авторитарным методам управления страной. В условиях имитационного семилетнего цикла, выпавшего на долю В. Путина, этот способ управления страной единственно возможный. Причем авторитарный не в смысле предоставления максимума полномочий одному лицу, конкретно В. Путину, стоящему во главе государства, а авторитарный по сути, по обязательному применению по всей вертикали власти.

В отличие от многих моих коллег я не считаю, что постановка вопроса о необходимости перехода к авторитарной системе управления неизбежно приведет к ограничению демократии, ущемлению прав и свобод граждан. Ничего подобного! Демократия — это не только процедура. Ее суть в реальной защите интересов людей. И ничего, что способствует этой защите, отменено быть просто не может.

Нынешние теракты, как уже было сказано, «черная метка» российским властям, а если быть максимально конкретным, лично В. Путину. Кроме него, другой власти в России на сегодняшний день нет. База, на которой зиждется президентская власть, крайне слабая.

ИКЕС

Протестный потенциал общества стремительно растет. Голосование «против всех» достигло запредельного уровня. Репутация российского бизнеса, а следовательно, и всего отечественного предпринимательского сообщества чрезвычайно низкая. Я, например, склонен считать, что шкурническая природа новорожденного российского капитализма по своей жестокости и цинизму ни в чем не уступает антироссийскому терроризму. А кое в чем и превосходит его. Общество деморализовано, миллионы умных, образованных, квалифицированных людей остаются невостребованными. Это очень опасно для любого государства. В таких условиях поверхностными, тем более имитационными способами и мерами дело не поправишь. Здесь надо действовать радикально, направляя усилия на создание действительно фундаментальных основ деятельности государства.

Понятно, что новые управленческие структуры, новая система выборов губернаторов и депутатов, возрождение однажды уже являвшейся на свет Общественной палаты задач создания таких фундаментальных основ не решают. Для этого необходимо создавать систему, способную компенсировать генетические пороки российской власти.

Ведь это закономерно, что наиболее успешные, во всяком случае оставившие глубокий след в истории периоды, когда Россия добивалась весомых результатов, приходились на те времена, когда, с одной стороны, налицо было стремление к крепкой, единоличной централизованной власти во главе с царем-самодержцем, а с другой — народная вольница, склонность к бунту, восстанию, мятежу. Так было при Иване Грозном, Петре I, Екатерине Великой. Самый яркий рывок, когда Россия ворвалась в число мировых держав, вообще пришелся на годы революционных волнений 1905–1912 гг.

По некоторым признакам, хотя и достаточно робким, приход к власти В. Путина позволяет надеяться, что он знаменует собой возвращение России на диалектические «круги своя». То есть в режим существования самодержавия и борьбы с ним. И в этом смысле террористические атаки на Россию не столько помеха, сколько стимул. Бывают, оказывается, парадоксы и такого трагического свойства.

Для того чтобы эти «признаки» превратились в реальный механизм управления, необходимо произвести несколько обязательных действий, далеко выходящих за пределы предпринимаемых Кремлем в последнее время имитационных косметических мер.

Во-первых, необходимо восстановить самодержавие по сути. Для этого следует оставить выборным только один государственный пост — президентский. Все остальные государственные должности должны заполняться за счет назначения или на конкурсной основе. За исключением органов местного самоуправления. Здесь принцип выборности может быть сохранен.

Одновременно с этим должны быть не секвестированы, как предполагается, а полностью отменены выборы губернаторов. Еще в момент

принятия соответствующего ельцинского указа я был категорическим противником превращения губернаторов в удельных князьков. Критиков у меня тогда было по всей стране не счесть. Сегодня все убедились: самостоятельность губернаторов не только раздирает страну на части, но и лишает российскую власть самодержавного стержня. Но около десяти лет оказалось уже потеряно. Без лишения губернаторов конституционных полномочий, превышающих в границах своих властных угодий президентские, порядка в стране не навести.

Во-вторых, необходимо упразднить парламент, давно исчерпавший свое функциональное предназначение. Парламент и депутатство — суррогат, своего рода посредническая структура между народом и властью, которая в нынешних условиях работает исключительно на самовоспроизводство, на собственное кормление. Из всех атрибутов демократии парламент, применительно к России, самый бессмысленный и бесполезный. Влияние парламентов в богатых западных странах практически сведено к нулю. Их там содержат, как содержат двор английской королевы или охрану швейцарских гвардейцев при персоне Папы Римского. Богатые страны могут себе это позволить. Демократия — привилегия богатых. Странам, испытывающим нужду, нужно пользоваться механизмами управления, которые им по карману.

В-третьих, вокруг президента должны быть сформированы структуры, действительно способные обеспечивать прочность власти и порядок в государстве. Первой из таких ключевых властных опор должна стать «Боярская Дума» (терминология условна), в которую бы вошли люди, доказавшие свою силу и возможности оказывать реальное воздействие на развитие социально-экономических и общественно-политических процессов в стране.

На следующей ступени — двухпалатный Государственный совет. Первая палата — Нормативный приказ, вторая — Федеральная управа. «Боярская Дума» вместе с президентом разрабатывает и принимает концептуальные стратегические решения, определяет главные цели и магистральные направления развития. Нормативный приказ разрабатывает и внедряет «правила игры», следит за строгим их соблюдением. Федеральная управа обеспечивает достижение намеченных целей, следит за соблюдением порядка в стране с помощью подчиненных ей административных органов и структур.

«Боярскую Думу», понятно, формируют по признакам реального влияния, а не личной преданности, землячества или кумовства. Нормативный приказ — на конкурсной основе, с учетом профессиональной квалификации и практического опыта работы, прежде всего в сферах юриспруденции, экономики, социологии, управления, науки.

Федеральную управу комплектуют строго по назначению президента. В нее входят необязательно губернаторы. Скорее на членов управы следует возложить обязанности президентских полпредов. Управа должна рабо-

URSS

тать на регулярной основе. Не исключаю, что практически ее следует формировать не по территориальному, а по функционально-отраслевому признаку. Сколько будет в управе таких «полпредов», определяет президент. Кабинет министров в нынешнем виде упраздняется. Функции, полномочия и состав Совета безопасности, наоборот, расширяются с приданием ему статуса президентского.

Таковы, на мой взгляд, непременная схема наведения порядка в России, маршрут нашего возвращения на благотворную и продуктивную, хотя и вовсе не благостную стезю самодержавия. Но еще раз повторю, эта модель начнет эффективно работать только в том случае, если на власть будет оказываться взбадривающее, стимулирующее воздействие. Но не с Запада, как сейчас, иначе пойдет попятный процесс, а изнутри. Для этого в России должна появиться внесистемная гражданская оппозиция нового типа, основанная на идеологии народной воли, которая учит бороться не только за власть, но прежде всего с самой властью.

Движение в этом направлении уже началось. Наиболее ярким проявлением этого процесса служит, на мой взгляд, стремительно растущее голосование «против всех». Я бы на месте президента не перекрывал этот канал давления на власть, упраздняя выборы по одномандатным округам, а, наоборот, стимулировал его. В нынешней ситуации этот вид голосования не помеха, а подспорье президенту. Одна из задач третьего, имитационного, цикла российских преобразований, пришедшаяся на время правления В. Путина, — это полная смена политических элит. Голосование «против всех» способно провести «зачистку» российского политического пространства быстро и эффективно, без ненужных эксцессов и истерик.

Выборы же представительных органов власти по пропорциональной системе, к чему склоняется президент, абсолютно неприемлемы. Не потому, что вредны, а потому, что несвоевременны. Власть в России всегда была и по сей день остается персонифицированной. Обезличить власть пропорциональным представительством — значит уронить власть в глазах людей ниже некуда.

Конечно, нейтрализовать возможные протестные демонстрации и манифестации, вызванные провокационными действиями террористов, программными выступлениями о коренном преобразовании системы управления страной, быть может, и не удастся. Но вот оказать позитивное воздействие на ситуацию и настроения людей поможет наверняка. Да и на улице с людьми будет о чем говорить.

«Политический журнал»,
№ 38, 18.10.2004

ПРЕСС

14. Постная победа

В. Путин начал восхождение на политическую Голгофу

Вероятно, Владимира Путина и его сподвижников, не лишенных чувства реальности, победа на парламентских и президентских выборах (пришедшихся, кстати, как раз на середину Великого поста) больше тревожит и настораживает, чем вдохновляет. Во всяком случае, с лица президента давно не сходит маска «озабоченности за Россию», а Борис Грызлов и Сергей Шойгу появляются на людях с выражением лица разочаровавшегося в жизни Кощея Бессмертного. С чего бы? Ведь победили как-никак. Даже сокрушительно.

Не будучи новичками в политике, они прекрасно понимают, что внушительные количественные показатели одержанной победы — 37,7 % голосов на выборах в Государственную думу и 71,2 % на президентских — это лишь политическая арифметика. Высшей математикой в данном случае является определение качественных показателей: какие избиратели и почему проголосовали за Путина и «Единую Россию».

Полной аналогии между голосованием за президента и «единороссов», конечно, нет. В России отношение к партиям и политическим деятелям, олицетворяющим высшую государственную власть, испокон веков было разным. Верховных правителей — царей, генсеков, президентов — уважали гораздо больше. Тем не менее в нынешней ситуации никто не станет возражать, что именно избиратели «Единой России» на президентских выборах были «ядерным» компонентом одержанной победы. Что это за люди?

Избиратели самодостаточные, привыкшие полагаться не столько на власть, сколько на самих себя, обладающие высокими адаптационными качествами, обычно голосовали за СПС и «Яблоко». На этот раз своих представителей в Государственную думу они не провели. Не имеют своих депутатов в парламенте и те, кто голосовал «против всех». Их костяк — люди, независимо мыслящие и самостоятельно действующие. Получается, что депутатский корпус «Единой России», вокруг которого в нынешней Думе сложилось так называемое «парламентское большинство», представляет интересы людей, ждущих от властей благодеяний и даже чуда. Это обездоленные люди, утратившие надежду самостоятельно справиться с выпавшими на их долю проблемами.

URSS

Судите сами. В стране насчитывается 38,8 млн пенсионеров, уровень жизни которых колеблется на грани вымирания. А ведь, по статистике, это самая активная часть избирателей. Примерно 80% из них регулярно участвуют в выборах. Еще один электоральный резерв «единороссов», особо подверженный воздействию «административного ресурса», — работники бюджетной сферы: 30 млн врачей, учителей, работников учреждений культуры, науки, социального обслуживания. Их средняя заработная плата не превышает 2500 рублей, то есть едва дотягивает до статистического прожиточного минимума.

40 % населения России живет в сельской местности, которую иначе, как зоной бедствия, давно уже никто не называет. Из 89 субъектов Федерации только десять являются «донорами», то есть в экономическом и финансовом отношении считаются вполне полнокровными. Остальные 79 практически состоят на иждивении государства, более 50 из них не в состоянии обеспечить себя даже наполовину. Эта масса обездоленных людей, которых в России насчитывается не меньше 70 млн, составляет социальную базу нынешней российской представительной власти и прежде всего «Единой России» . Легко понять, что. опираясь на такую электоральную базу, строить серьезные планы на собственное политическое благополучие нельзя. Это все равно что возводить здание на зыбучих песках. Такая почва уйдет из-под ног, как только станет ясно, что взятые на себя политиками обязательства не подтверждаются конкретными делами.

Правда, многие мои коллеги с такой оценкой не согласны. Они считают, что голосование за «Единую Россию» и за Путина прошло не под знаком минус (обездоленность и безысходность), а под знаком плюс (стабильность и даже подъем). Согласившись с ними, мы оказываемся перед необходимостью ответить, каково качество такой стабильности и такого подъема. Полагаю, не надо объяснять, в чем разница между подъемом к вершине горы и попытками выкарабкаться из пропасти. Мы не можем сбрасывать со счетов тот факт, что реформы, независимо от того, каковы были их конечные результаты, отбросили страну лет на двадцать назад по всем социально-экономическим показателям. Сегодня мы лишь наверстываем утраченное, хвастаться и тем более гордиться здесь нечем.

Да и будущее у нынешнего президента и партии парламентского большинства отнюдь не безоблачно. Страна стоит на пороге серьезных проблем в экономике, внешней торговле, финансовой и социальной сферах, морально-политическом состоянии общества. Каждая из них таит серьезные угрозы, предотвращение которых потребует максимального напряжения сил, а может быть, и жертв.

Если принять это во внимание, победные результаты парламентских и президентских выборов не только настораживают, но просто удручают. Хотя бы потому, что победа «Единой России» на парламентских выборах и победа Путина на нынешних президентских вовсе не являются общим

ЦРСС

триумфом. Это скорее предвестник разлада президента со своими парламентскими порученцами.

Действительно, что за резон Путину сейчас, когда его политический статус по сравнению с первым президентским сроком изменился (теперь он не опекун «семьи» Ельцина, а полновластный хозяин Кремля и страны), разделять ответственность с партией, которая, во-первых, хотя и победила на парламентских выборах, но ничуть не облегчила лежащую на его плечах ношу. Во-вторых, не только в ходе избирательной кампании, но и после победы «единороссы» не сумели продемонстрировать никаких других качеств, кроме холуйства и угодничества, а этого недостаточно, чтобы стать президенту опорой в сложных ситуациях. В-третьих, и это, быть может, главное, — в «Единой России» при всей ее депутатской многочисленности не оказалось ни одной убедительной политической фигуры, которую можно было бы рассматривать не просто как напарника, а как стратегического преемника президентского курса.

Путину и до нынешней победы приходилось больше ломать голову не над тем, как победить в марте 2004 г., а над тем, к кому перейдет власть в 2008-м. Я абсолютно доверяю его заявлению, что на третий президентский срок он не пойдет. Такое решение придется рассматривать не только применительно к России, а в контексте мирового общественного мнения. По той же причине у нас после Путина вряд ли появится еще один президент-силовик. Еще важнее другое обстоятельство: очевидно, что через четыре года у президента уже не будет той «всенародной» поддержки, как сейчас. По сути дела, он окажется в ситуации, похожей на ту, что сложилась к концу второго президентского срока Бориса Ельцина. Путину тоже, по сложившейся в России традиции, придется искать не столько политический, сколько технологический способ передачи власти своему антипреемнику. Как человек дальновидный, он, если верить его же словам, начал подготовку такой передачи не сейчас, а едва заступив на президентский пост в 2000 г.

Анализируя политические процессы задним числом, как правило, можно установить, что развиваются они не столько по воле политических лидеров — от них исходят только начальные импульсы, — а под действием объективной логики событий. Рассматривая переживаемый нашей страной перестроечно-реформаторский период, можно убедиться, что складывается он из трех семилетних циклов.

В ходе первого — с 1985 по 1991 г. — энергичному разрушению были подвергнуты идейно-политические основы общества, которое мы называли «развитым или зрелым социализмом». В ту пору были востребованы люди пылкие, романтичные, с неиссякаемой публицистической энергией.

Во время второго — с 1991 по 1998 г. — объектом интенсивной атаки стали социально-экономические основы плановой, командно-административной системы. Для решения этих задач на первые роли выдвигались

люди уже совершенно иного плана. Прагматичные, жесткие, даже жестокие, не слишком озабоченные ценой, которую приходилось платить за осуществляемые меры.

Наконец, третий семилетний цикл — с 1998 по 2005 г. — оказался объективно связан с необходимостью смены политических элит, проведением своего рода «зачистки» политического пространства, без которой невозможно перейти к решению задач общественно-политического и социально-экономического строительства. Соответственно задачам этого периода формировались требования к личным и политическим качествам людей, на долю которых выпала роль «чистильщиков».

Прежние романтики и недавние прагматики на эту роль совершенно не годились. Тем более что они обладали общим серьезным «изъяном»: и те, и другие мыслили себя членами команды, искали опору в союзниках и единомышленниках. В нынешних условиях, в контексте запросов времени, эти качества оказались лишними. Взаимные обязательства, идейные и дружеские узы могут лишь осложнить решение насущных политических задач, связанных с радикальным обновлением политических элит.

То, что Владимир Путин активно вовлекает в политику силовиков, никого не должно вводить в заблуждение: он делает это не из дружеских чувств и не в расчете на взаимную преданность. Просто в ведомстве, в котором ему пришлось в свое время служить, лучше, чем где бы то ни было, понимают, что бывают ситуации, когда ближайшее окружение должно состоять не из союзников и сподвижников, а из «козлов отпущения», выращивание которых становится смыслом и содержанием целенаправленной кадровой работы. Рискну высказать мысль, что Путин по отношению к «Единой России» и новому составу правительства действует именно с таким прицелом.

Но вот беда, время стремительно уходит, а стратегическая задача текущего политического момента не только не решена, но толком и не обозначена. Проведена лишь некоторая подготовительная работа — весной при оглашении президентского послания Федеральному собранию прозвучало заявление Путина о намерении сформировать новое, гораздо более амбициозное правительство. Осенью, накануне выборов в Государственную думу, он вновь вернулся к этой теме на предвыборном съезде «Единой России». Поблагодарив «единороссов» за совместную работу, президент выразил уверенность, что это продуктивное взаимодействие будет продолжаться.

Большинство моих коллег расценили намерения президента как политический аванс, выданный им своим политическим сподвижникам. Внешне это действительно выглядело так, но скрытый смысл аванса состоял не в том, чтобы демонстративно поддержать «единороссов». Как раз наоборот, Путину уже весной и тем более осенью было ясно, что с новым правительством и новым, на все согласным парламентским большинством

URSS

каши не сваришь. Нужно было готовить акции по тотальной политической зачистке.

Визит президента на предвыборный съезд «Единой России» заведомо не сулил партийцам благоприятных перспектив. Со стороны Путина это были типичные действия по формуле: «Благословил, чтобы отречься». Следующий шаг (второй элемент этой домашней политической заготовки) не заставил себя ждать. Как только настала пора выдвижения кандидатов в президенты, когда все, и в первую очередь сама «Единая Россия», ожидали, что Путин пойдет на выборы под ее знаменами, «случилось страшное»: он стал самовыдвиженцем, не обременяя себя наперед никакими обязательствами перед, казалось бы, естественным союзником.

Действия президента поставили «Единую Россию» в глупейшее положение — победившая на парламентских выборах партия осталась не только формально, но и по существу за скобками важнейшего на ближайшие четыре года политического события. Даже позиция Партии жизни оказалась более выигрышной. Сергей Миронов хоть и был в мартовской выборной кампании пешкой, но все-таки в свите короля. А фигур от «Единой России» на политической шахматной доске вообще не оказалось. Нетрудно предположить, что дальнейшие действия президента будут развиваться именно в этом ключе — «единороссам» ничего хорошего ожидать не приходится.

Вопрос о полной смене политических элит давно уже стоял на повестке дня, но первый президентский срок у Путина ушел на подготовительные маневры. Решительным действиям мешали обязательства, которыми ельцинский режим повязал его по рукам и ногам. Победив на выборах 14 марта, президент оказался перед необходимостью действовать стремительно, решая грандиозную политическую задачу — прежних, доставшихся в наследство от двух предыдущих разрушительных этапов деятелей оттеснить с политической сцены, а перед новыми, которые никаких деловых качеств, кроме личной преданности, предъявить не могут, поставить непреодолимый заслон.

В этом контексте Путин напомнит о выданных политических авансах и тем, и другим, как только пробьет час. «Видит бог, — услышат от него и министры, и депутаты, — я делал все, чтобы вас поддержать. Более того, рисковал ради вас своим политическим авторитетом. А где результаты? Единственно, на что вас хватило, так это на имитацию бурной деятельности под видом осуществления административной реформы и единодушного голосования по вопросам, в решении которых вы не принимаете никакого участия».

Спрашиваете, когда этот роковой час пробьет? Теперь об этом уже можно говорить достаточно определенно. Необходимые контрольные цифры и ориентиры совершенно четко обозначены. 18 марта, в день расширенного заседания коллегий двух ключевых министерств — экономики

URSS

и финансов, — В. Путин поставил новое правительство «на счетчик». Ему поручено в кратчайшие сроки низвести уровень российской бедности до международных стандартов, принятых для развитых в экономическом отношении стран, то есть до 10–12 %.

Вот только хотелось бы получить внятный ответ на все тот же вопрос: а что будет весить процент нашей бедности по сравнению, скажем, с бедностью американской? В США к беднейшим слоям относят семьи, в которых ежемесячные доходы в пересчете на каждого члена семьи колеблются где-то на уровне тысячи долларов в месяц, согласно статистике, в нашей стране таких «бедняков» насчитывается никак не более 1,5 %.

Сумеет правительство превратить беднейших в богатейших — честь ему и хвала. Не сумеет… В. Путин ему судья. Первые кандидатуры для посадки на кол персональной ответственности, если поставленная задача не будет решена, уже названы — это Г. Греф, А. Кудрин и М. Зурабов. Ну и само собой председатель кабинета министров Михаил Фрадков. Для перенесения стандартов благополучного тридевятого царства, тридесятого государства на российскую почву отведено максимум три года…

Ответчики за прошлые грехи (корни правительственного кабинета, несмотря на некоторые новые лица, уходят в недра предшествующих разрушительных этапов) и виновные в новых, нажитых уже после Ельцина, будут найдены и поплатятся за содеянное. Уверен, народу такой поворот событий понравится. Толпе всегда нравится, когда в жертву приносят не каких-то клерков, а собственных сподвижников и друзей, когда «вдруг» обнаруживается, что они не справляются с делом. Да и «сподвижники» будут в значительной степени умиротворены. Перед президентской карой все будут равны, никому не окажут снисхождения.

Затем последуют болезненные политические пертурбации, с которыми надо поторопиться. Кредит доверия, полученный на президентских выборах, начнет таять, распорядиться им нужно максимально быстро. Не исключено, что президент обратится к народу за поддержкой идеи о перевыборах Государственной думы с целью повышения эффективности власти. Предлог для этого будет найден вполне приличный, некризисный. Даже конструктивный. Скажем, такой. «Неэффективность административной реформы, — заявит президент, — объясняется тем, что реформированию были подвергнуты только структуры исполнительной власти, а структуры представительной оказались нетронутыми, хотя действуют они в духе принципов и методов, обслуживающих единомыслие, а не политический плюрализм. Стране нужно отряхнуть этот прах со своих ног».

Понятно, что суть дела не в том, насколько такие шаги оправданны и целесообразны. Важно впечатление, которое они произведут. Россия, как никогда, нуждается в символе полного политического обновления, своего рода крещении. Миссия Путина в том, чтобы продемонстрировать разрыв цепи преемственности. Без этого совершить переход от реформаторской

ПРЕСС

эпохи к созидательной никогда, нигде и никому не удавалось. Беда тех, кто будет отставлен от политических дел, не в том, что они плохи, просто их никто не пожалеет. Особый эффект этой акции могло бы придать заявление Путина, что на алтарь насущных перемен он приносит не только соратников и сподвижников, но и собственную политическую судьбу. Мавр сделал свое дело и по истечении отведенного ему Конституцией срока не только может, но и должен удалиться…

«Политический журнал»,
№ 11, 29.03.2004.

URSS

15. Зачистка власти

Предреволюционная ситуация в России будет разрешена либо Кремлём, либо улицей

Смена политических режимов в Грузии, на Украине, в Киргизии, где вопрос о власти решался на улицах и площадях, не оставляет сомнений: в основе происходящего лежит не стечение случайных обстоятельств, а некие глубинные закономерные причины, смысл и значение которых далеко выходит за пределы перечисленных стран и охватывает, судя по всему, все постсоветское пространство.

Решение — на площади

Если вести речь о причинах поражения официальных властей и побед бархатных цветочно-фруктовых революций, то главная из них состоит именно в том, что грузинско-украинско-киргизские власти испытывали отвращение к площадной оппозиции, заведомо исключали возможность диалога с ней, не говоря уже о достижении каких-то договоренностей, содержащих уступки или шаги навстречу.

У государственных руководителей, вышедших из советской партийно-аппаратной среды, инстинкт самосохранения давно атрофировался. Им до самой последней минуты казалось, что их властные политические позиции непоколебимы, а все желаемое, собственно, и есть действительность, от которой они танцевали. Эту генетическую особенность очень точно подметил один из телекомментаторов: «События Б Грузии, Украине и Киргизии наглядно продемонстрировали, что распад Советского Союза происходит как бы во второй раз. Теперь психологический. Трудно поверить, что этот процесс минует Россию».

Стоит ли удивляться, когда граждане, разочаровавшиеся в институтах и инструментах представительной демократии, выходят на улицы и площади, дабы предъявить властям свои требования напрямую? В некоторых демократических странах в конституциях до сих пор формально сохранено право народа не только на массовый уличный протест, но и на вооруженное свержение неугодной власти.

Опыт, не только российский, но и мировой, свидетельствует: все действительно насущные проблемы, когда под их воздействием оказывались сотни тысяч, а то и миллионы людей, чаще всего разрешались именно на

URSS

улицах. Суть проблемы состоит вовсе не в том. возможны пли нет в России события, подобные тем, что произошли в Тбилиси, Киеве, Бишкеке. Беда на самом деле в другом. Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. Посте революций-то что?

Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало. Дело ограничилось хрестоматийно-дежурными констатациями о том, что основными причинами серийных революций стали нужда, социально-экономические трудности и административная слабость властей.

От некоторых представителей власти звучат еще суждения о неких «происках» внутренних и внешних врагов, провоцирующих народные массы на протестные выступления. Быть может, подстрекатели действительно существуют. Но на самом деле суть проблемы, конечно же, не в этом. Не будь реального внутреннего массового недовольства, некого было бы и на баррикады звать… Короче, никакой ясности ни в отношении выводов, ни в смысле намерений и целей на сегодняшний послереволюционный день ни в Грузии, ни на Украине, ни в Киргизии нет.

Наверное, это не случайно. Все, что уже произошло в Грузии, на Украине, в Киргизии, что проецируется на Россию и другие бывшие союзные республики, имеет не конкретные оперативно-адресные, а общие исторические и политические корни. Начало реформаторского пути, по крайней мере до августа 1991 г. и распада Советского Союза, все страны СНГ прошли вместе.

Вектор перемен

Если взглянуть на происходящее не под событийным углом, сосредоточиваясь не на вопросах «где? что? когда?», а на ответе на вопрос «почему?», становится понятно: объективная логика политического процесса, охватившего на рубеже тысячелетий постсоветское пространство, едина и неделима. Согласно этой логике процесс, начало которому положила в 1985 г. горбачевская «перестройка», совершенно четко распадается на три семилетних цикла.

В ходе первого, с 1985-го по 1991 г., активным атакам, а затем полному разрушению была подвергнута идейно-политическая основа того общества, которое мы назвали «развитым социализмом». На этапе второго, с 1991-го по 1998-й, ознаменованный «дефолтом», не менее разрушительному воздействию была подвергнута социально-экономическая база плановой командно-административной централизованной экономики.

URSS

Два разрушительных периода нанесли тяжелый удар не только по материальному, но и по морально-психологическому состоянию людей. Ощущение, что за рыночные преобразования было заплачено непомерно дорого, стало преобладающим. В массовом сознании начал складываться стереотип, что если кто и выгадал от либеральных реформ, так исключительно власть.

Описанные настроения стали содержательной политической основой третьего семилетнего цикла, выпавшего на период 2000–2007 гг. Его функциональное предназначение как по субъективным, так и по объективным параметрам сводилось к необходимости полной смены политических элит. За предыдущие пятнадцать лет люди от разрушительной политики и политиков-разрушителей просто устали, они у них уже не вызывали ни симпатий, ни доверия. Собственно, на этой социально-экономической и морально-психологической базе и возник «конфликт интересов» общества и власти. Властям хотелось удержать свои позиции, народу, наоборот, не терпелось поскорее избавиться от опостылевших деятелей, которые стали вызывать отвращение одним своим видом.

Скорее всего, именно по этой причине процесс начавшихся на постсоветском пространстве народно-демократических революций обрел облик, характерный для неустойчивых эмоционально-психологических состояний. Вчера по отношению к властям — высочайший рейтинг политического доверия и симпатии, завтра — катастрофический провал, антагонизм, приводящий вчерашних кумиров практически к свержению. Так случилось с Шеварднадзе, Кучмой, Акаевым.

Кто следующий? Ведь Грузия, Украина, Киргизия населены не космическими пришельцами. Там живут такие же, как и мы, бывшие советские люди, у которых и чувства во многом одинаковые, и мысли общие, и поступки схожие. Кто поручится, что, пройдя практически одинаковый путь, граждане России, Белоруссии, Молдавии поведут себя в аналогичных ситуациях не так, как это сделали наши бывшие грузинские, украинские, киргизские сограждане?

Власти не сумели откликнуться на вызов времени о необходимости полной кадровой «зачистки» постсоветского пространства, политическое харакири оказалось им не под силу. Эту работу в итоге взяла на себя народная политическая самодеятельность.

Борьба с властью

В ходе событий в Тбилиси, Киеве и Бишкеке появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью. Один из показанных в телевизионном репортаже из Бишкека участников уличной революции произнес та-

URSS

кую фразу: «Мы завоевали власть не для оппозиции, а для народа». Как это понимать?

В данном случае мы имеем дело уже не с парламентской, представительской, а с прямой, непосредственной демократией, отказывающейся от услуг политических посредников. В результате открывается перспектива формирования двухполюсной политической модели управления, построенной по принципу «власть и антивласть».

На первом из этих полюсов должна быть сосредоточена совокупная сила власти, объединяющая все политические и общественные структуры, участвующие в борьбе за власть, на втором, противостоящем первому, должен, по всей видимости, организационно и политически сложиться некий объединенный фронт протеста. Генеральным штабом такого фронта в России могла бы стать анонсированная президентом Общественная палата. Вот только принцип ее комплектации в таком случае должен быть совершенно иным, чем пока планируется.

Перспективу возникновения двухполюсной конфронтационной политической модели, построенной по схеме «власть и антивласть», в принципе не следует воспринимать как политическую диверсию или эпатаж. Особенно для России. На противоборство друг с другом российская власть и российский народ запрограммированы, по сути дела, генетически.

Наиболее продуктивным способом самореализации России является «борьба с самодержавием». Во всяком случае, российская власть только тогда начинает, что называется, «чесаться», когда ее «припекает» снизу, как если бы под ней была не страна, а раскаленная сковородка.

Урок январских протестных выступлений помог не только пенсионерам, а миллионам людей понять: общаться с собственной властью через разного рода посредников — депутатов, чиновников, общественных и политических деятелей, вплоть до криминальных авторитетов, — дело хлопотное и неэффективное. С постсоветскими властями нужно действовать напрямую.

Стоило народному протесту выплеснуться наружу, обрести массовый характер, как «проштрафившиеся» министры тут же оказались «на ковре» у президента. Со всех сторон посыпались заверения, что допущенные ошибки будут исправлены в кратчайшие сроки. А главное — впредь ничего подобного не случится.

Не только специфика России, но и опыт всего ближнего зарубежья состоит в том, что здесь практически отсутствует полноценная оппозиция. Это происходит вследствие того, что все возникшие или возникающие на постсоветском пространстве политические партии или общественные структуры воспринимают политический процесс исключительно как борьбу за власть. При таком положении дел постсоветская власть деградирует, загнивает, начинает обслуживать только себя. Народ это понял хотя и поздно, зато окончательно и навсегда. Закон социологии: если статистиче-

UPSS

ски фиксируемые настроения и состояния массового сознания достигают 12–15 %, то это неизбежно побуждает носителей этих настроений к самоорганизации, сплочению, координации действий. Сегодня в России, как уже говорилось, уровень протестных настроений достигает 20 и более процентов. На этой базе, скорее всего, и сформируется революционный полюс конфронтационной политической модели. Его предназначение будет состоять в организационном оформлении широкого народного движения нового типа, которое будет видеть смысл и цель своего существования не в борьбе за власть, а в борьбе с властью.

Отсюда, от этого полюса, будет постоянно исходить импульс атаки на любую власть, какой бы она ни была по персонально-качественному составу или идейно-политической ориентации. В случае возникновения и организационного оформления этого полюса в России может возникнуть инструмент эффективного, не отягощенного конформизмом посредников воздействия на власть. На то, как у нас говорят, и щука в реке, чтобы карась не дремал.

Чтобы эта «щука» действительно появилась, движение общественного протеста должно превратиться в движение политическое. То есть освоить идеологию, которая коренным образом меняла бы постановку вопроса о взаимоотношениях народа и власти. Заявка на такую идеологию, на мой взгляд, уже подана — это идея борьбы не за власть, а за ее устрашение, без претензий на завоевание депутатских мандатов и президентско-министерских кресел.

Однако это, быть может, и не лишенная смысла, но все-таки теория.

А что делать конкретным властям, в том числе российским, если они уже оказались или вот-вот окажутся в предреволюционной ситуации? Сидеть сложа руки и дожидаться, пока не пробьет роковой час?.. Вовсе не обязательно. Чтобы определиться с характером и содержанием собственного политического поведения и действий, властям следует понять одну простую вещь: предотвратить революционные народные выступления вполне можно, а вот чего нельзя, так это обратить вспять процесс, которым эти выступления вызваны к жизни.

Значит, необходимо в собственных интересах произвести тотальную кадровую зачистку политического пространства по собственной инициативе, не дожидаясь, пока этого потребует улица. Я уже писал как-то на страницах «Политического журнала», что по целому ряду признаков президент РФ В. Путин уже давно исподволь начал готовить акцию по делегитимации нынешней российской власти. Не исключено, что ее полное обновление, включая правительство и парламент, может произойти гораздо раньше, чем это предусмотрено конституционным регламентом. Этого требует не столько политическая, сколько психологическая целесообразность.

В этом случае, вполне вероятно, России удастся избежать не только цветочно-фруктовых, но и кустарно-березовых революций. Но вслед за

этим все равно придется ломать голову над модернизацией политической модели управления, приспосабливая ее не под хрестоматийные стандарты демократии, а под насущные потребности страны и народа.

Перспектива возникновения конфронтационной управленческой политической модели соответствует объективному вызову времени, тому состоянию, на котором находится сегодня уровень развития демократии. Этап, связанный с реализацией ресурсов представительского управления, где все было построено на использовании возможностей выбора между различными кандидатами и претендентами на власть, себя исчерпал. Сегодня демократия вышла на рубеж, когда во главе угла оказываются не пожелания, запросы и поручения, а непосредственные требования, адресованные властям напрямую. Так что конфронтационная модель, о которой идет речь, по сути дела, несет в себе не разрушительный, а созидательный потенциал.

Вспомните диалектику: любой живой дееспособный природный или общественный организм — это воплощение и единства, и борьбы противоположностей. Поэтому пора привыкать к тому, что противоборство между властью и народом с использованием методов прямого воздействия на власть, включая манифестации, пикеты, акты гражданского неповиновения, становится делом обычным. Чем скорее эти отношения противоборства формализуются, воплотятся в конфронтационный механизм управления, тем лучше. Хотя я, конечно, понимаю: процесс формирования такой модели не обойдется без серьезных издержек и потерь.

«Политический журнал»,
№ 12, 04.04.2005.

UKRES

16. Демократия в России приказала долго жить

Ей на смену приходят режимы стандартизированной прагмакратии

СРЕДИ человеческих доблестей всегда числилась способность без обиняков, в открытую называть вещи своими именами или, как говорят в народе, резать правду-матку прямо в глаза. Формально это качество поощряется, но на самом деле к нему относятся с опаской. В большинстве случаев реальному миру мы предпочитаем набор хрестоматийно-традиционных суждений, оценок, привычек, стереотипов, условностей и даже иллюзий, лишь бы они вписывались в канву общепринятых представлений о жизни. Так продолжается до тех пор, пока не объявится некто, быть может, не самый умный, но умеющий признавать очевидное, кто возвестит: «Ребята, а король-то голый!» И все вдруг прозревают: «Действительно голый, как же мы раньше этого не замечали!»

Итак, беру на себя смелость (если угодно — наглость) выступить в этой отчаянной роли: «Утверждаю и настаиваю, демократия умерла!» Причем речь не о России, здесь она даже не успела родиться. Умерла как таковая, как форма власти и управления обществом. Более того, она превратилась в обузу, которая только сдерживает общественно-политический и социально-экономический прогресс. Она — демократия — теперь уже никому не подмога: ни России, ни Бурунди, ни Буркина-Фасо. Прогресс человеческой цивилизации в отличие от командных велосипедных гонок измеряется по результатам лидеров, а не аутсайдеров. Здесь кто не успел, тот опоздал. Навсегда. Просто случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Демократия исчерпала свой управленческий ресурс, эпоха, я бы даже сказал эра, демократии закончилась, мир вступил в принципиально новую полосу развития.

Предвижу — многие из числа демократических апологетов придут в негодование: «Вот, мол, объявился еще один могильщик демократии, невесть какой по счету. А демократия жила, живет и будет жить. И побеждать. Не случайно весь цивилизованный мир, наиболее развитые страны называют себя демократическими. Россия тоже должна занять в этом мире достойное место!»

Насчет того, что «жила», «живет» и «называют», спорить не стану. Это лишь подтверждает неоспоримый факт: вышеупомянутый мир и его

LIBRESS

лидеры воспользовались преимуществами демократии на том этапе, когда эти преимущества срабатывали. Но, если солнце зашло, нужен иной источник тепла и света. Именно по этой причине я и сомневаюсь в победоносном будущем демократии. Что и попытаюсь доказать.

Во-первых, уже давно ни одно из государств, которые принято считать демократическими, по сути таковым не является. В них никто не считает, что власть правит от имени большинства. Демократические процедуры в этих странах обрели ритуальный характер. Там уже спокойно можно между празднованием столетия со дня рождения королевы и парламентскими выборами ставить знак равенства. Реального воздействия на текущую жизнь ни то, ни другое не оказывает. Шоу — оно и есть шоу. Вся полнота полномочий сосредоточена в руках исполнительной власти. В данном случае это просто констатация факта. О причинах сложившегося положения — чуть ниже.

Во-вторых, на рубеже смены тысячелетий демократия обнаружила свою нетехнологичность, затратность и громоздкость. Наружу вышел главный генетический порок демократии — ее посреднический характер, до поры до времени скрытый в ее недрах. А любая посредническая структура, будь то в политике или в бизнесе, обязательно себя изживает, начинает паразитировать, работать только на себя. Было время, причем весьма продолжительное, когда демократия с ее делегированием полномочий от избирателя депутату была продиктована объективными обстоятельствами. Уровень образования населения, культуры, средств общения, связи и информации, состояние науки и техники были таковы, что без переадресовки прав и полномочий не обойтись. Но теперь, в эпоху сверхзвуковых скоростей, торжества образования и внедряющихся в повседневную жизнь интернет-технологий, функциональный смысл демократического представительства стал анахронизмом, нонсенсом. На поверку оказывается — примеров тому тьма, — что мы выбираем не самых умных и достойных.

На протяжении нескольких веков мир находился в полосе разного рода революций, качественных преобразований, начиная с технических и технологических и кончая политическими, информационными, нейрогенетическими. Все это время человечество нащупывало магистральный путь развития, примерялось к разным вариантам и альтернативам, продвигалось вперед способом проб и ошибок. Иногда добивалось успехов, которые порой выглядели как провалы и катастрофы. Здесь нужен был такой общественный механизм управления и власти, который бы не позволял миру совершать слишком рискованные кульбиты. Из этой исторической потребности, из гражданской осмотрительности и осторожности, психологически присущей людям, и родилась демократия — система «сдержек и противовесов».

Но опять же это не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно главный стратегический выбор должен был быть сделан. Мы как

UPSES

раз и стали свидетелями этого выбора. В глобальном состязании за будущее победили идеи либерализма, частной собственности и личной свободы. Так зачем же теперь эти идеи сдерживать, что за нужда им что-либо противопоставлять?! А демократия, по определению, умеет только сдерживать и противопоставлять. На стадии принятия сбалансированных решений это разумно и целесообразно, но, когда нужно наращивать темпы достижения намеченных целей, «сдержки и противовесы» только мешают движению.

И, наконец, в-третьих. В недрах самой демократии, как того требует объективная логика исторического процесса, давно уже сформировался совершенно новый механизм управления и власти, который поглотил — если угодно, пожрал — демократию изнутри. В лоне демократии, лишь сохраняя ее внешнюю атрибутику, родилось и окрепло качественно новое общество услуг и потребления, в основе которого лежит не идеология принятия принципиальных решений, а логика достижения конкретного результата. Я называю эту логику идеологией стандартизированной прагмакратии.

За годы существования демократии мы узнали, вычислили, определили, сколько чего человеку надо, чем его жизнь должна быть обеспечена, в каких условиях ему надлежит жить, чем пользоваться, как перемещаться относительно неподвижных предметов, как строить свои отношения с другими людьми, с государством. Все эти нормы, принципы и параметры давным-давно стандартизированы, кодифицированы и конституированы, многократно подтверждены международным опытом, воплощены в соответствующих хартиях, конвенциях, договорах, соглашениях. Здесь уже нечего обсуждать, нужны воля, силы и ресурсы, чтобы исполнить. Демократия растрачивает эту волю, силы и ресурсы впустую.

Обратите внимание: в процессе создания Объединенной Европы меньше всего говорилось о демократии, ее институтах, принципах и процедурах. Упор был сделан на возможностях будущих членов сообщества оказывать услуги и удовлетворять потребности. Не очень-то вписывается в рамки традиционных представлений о демократии и факт существования «большой семерки», ставшей, по сути дела, мировым правительством. Его ведь тоже никто, нигде и никогда не избирал и не назначал. «Большая семерка» существует явочным порядком и правит миром отнюдь не по демократическим законам и правилам. Это еще один аргумент в пользу того, что, если идея изжила себя по сути, она становится непригодной и функционально. Поэтому выскажу под занавес очередную «крамольную» мысль: рыночные реформы потому и не заладились в России, что мы решили осуществлять их демократическими методами, переставшими соответствовать потребностям эпохи и вызовам времени.

«Независимая газета»,
17.08.2000.

HPSS

17. Демократия умерла? Да здравствует анархия!

1. Признание очевидного

Беру на себя смелость выступить с отчаянным утверждением: «Демократия умерла!». Причем речь не о России, где она даже не успела родиться. Умерла как таковая, как форма власти и управления обществом. Она превратилась в обузу, которая сдерживает общественно-политический прогресс.

Все похвальные слова о ней носят ритуальный характер: они обращены в прошлое. На нынешнем этапе двигаться вперед можно только вопреки демократии. Демократия исчерпала свой управленческий ресурс и функциональное предназначение. Эра демократии закончилась, мир вступил в принципиально новую стадию развития.

На протяжении многих веков человечество нащупывало магистральный путь развития, продвигалось вперед методом проб и ошибок. Из этой исторической потребности, из гражданской осмотрительности и осторожности и родилась демократия — система «сдержек и противовесов».

Но это не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно главный стратегический выбор должен был быть сделан. Мы как раз и стали свидетелями выхода демократии на этот рубеж. В глобальном состязании победили идеи либерализма, частной собственности, товарно-денежных отношений. Но механизм ускорения, тем более прорыва, в демократии, к сожалению, отсутствует. В этом смысле потенциал авторитаризма, тем паче диктатуры, гораздо выше. Однако это происходит за счет ущемления прав и свобод, которыми люди дорожат иногда гораздо больше, чем материальным благополучием и порядком.

Рыночные реформы потому и не заладились в России, что их решили осуществлять демократическими методами, переставшими соответствовать потребностям эпохи. Даже то, что все-таки удалось, многие относят на счет возрождения авторитарных тенденций, а вовсе не самой демократии.

Причем мы, россияне, о таком повороте событий были предупреждены. Николай Бердяев еще в 1923 г. в «Новом средневековье» писал: «Демократия провозгласила свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выводит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она себя преодолевает. Современные демократии явно вырождаются и никого уже не привлекают».

URSS

Долгое время на любую критику в адрес демократии отвечали словами Уинстона Черчилля: «Демократия — худший способ управления страной, если не считать тех способов, к которым до этого прибегало человечество». Этот довод срабатывал, пока казалось, что отказ от демократии обязательно ведет к возврату прежних форм управления.

Однако неизбежно должен был наступить момент, когда человечеству надоело бы существовать в условиях лучшего из худших способов. Согласиться с тем, что демократия бессмертна, означало бы, что общественно-исторический прогресс вообще прекратился.

2. Ожидание неизбежного

Что же в таком случае должно ее заменить? На смену политическому проекту «Демократия» грядет проект «Анархия».

Конечно, торжество «Анархии» над «Демократией» случится не враз и не повсеместно. Речь идет о довольно продолжительном и сложном общественно-политическом процессе, обусловленном конкретно-историческими особенностями каждой страны.

Принято считать, что анархия — абсолютно деструктивная сила, способная только дезорганизовать общество. На самом деле это совершенно не так. Восприятие анархистской идеи незрелым политическим сознанием привело к весьма болезненным последствиям. В широком общественном обиходе вместо истинного смысла идеи оказался типичный продукт несварения мысли.

С анархической — не окарикатуренной — точки зрения власти, заведомо заслуживающей доверия, нет и быть не может. Власть в любой своей форме в конечном итоге всегда инструмент насилия и корысти.

Однако с приходом демократии почему-то стали считать, что этот порок удалось преодолеть. Егору Гайдару и его сподвижникам удалось доказать обратное: демократия, успешно решавшая управленческие задачи в предшествующие исторические эпохи, в России стала работать только на себя. Она наглядно продемонстрировала, что с ее помощью возможно только попятное движение.

Под заклинания о либерально-демократических реформах с карты мира исчезла целая страна, десятки миллионов оказались беженцами в собственной стране. То, что раньше называлось «народным хозяйством», где мошенническим, а где и откровенно бандитским путем перешло в частные руки. Население было несколько раз ограблено за счет ваучеризации, приватизации, отпуска цен, чековых аукционов, деноминации. В результате внутренний долг, который наше государство оплачивать вовсе не торопится, перевалил за 113 млрд долларов. Хотя с зарубежными долгами примерно в таком же объеме российские власти рассчитались довольно быстро.

URSS

Разрыв в доходах между наиболее обеспеченными слоями населения и людьми, вынужденными бороться за выживание, достиг катастрофических размеров. Некоторые эксперты называют цифру в 20 и более раз. Это при том, что число благоденствующих не превышает 10–15 %, а едва сводящих концы с концами — 80–85 %.

И все вышеперечисленное произошло по законам подлинного «народовластия», которое претендует олицетворять демократия. В результате Россия вышла из либерально-демократического эксперимента с гораздо большими потерями, чем Советский Союз из Второй мировой войны.

Страна отреагировала вполне анархическим образом — активным голосованием «против всех». В Москве, самом благополучном городе России, на минувших выборах в Государственную думу «против всех» голосовал каждый четвертый избиратель, а в целом по стране уровень такого голосования достиг почти 13 %. И это только вершина айсберга. В его подводной части — почти половина российских избирателей, решивших вообще игнорировать выборы. Совершенно ясно, что голосование «против всех» и демонстративное неучастие в выборах были анархическим протестом против отжившей системы комплектования и функционирования демократической власти.

Есть немало людей, стремящихся поставить знак равенства между понятиями «хаос» и «анархия». В лучшем случае это добросовестное заблуждение. Анархия не отрицает необходимости обеспечения порядка и эффективного управления, она не отменяет власть и не ликвидирует выборы.

Первородный грех демократии состоит в том, что она носит посреднический характер, а любая структура, возникшая на такой основе, рано или поздно вырождается, начинает паразитировать. С помощью выборов, ведущих к реализации принципа верховного властного суверенитета народа не прямым, а окольным путем, демократия вовлекает граждан в борьбу не за равенство, свободу и справедливость, а всего лишь в борьбу за власть, которая над ними же, избирателями, и собирается господствовать. Потому и фундамент демократии построен исключительно на голосовании «за».

Такое голосование обеспечивает кандидату на выборный государственный пост делегирование прав и полномочий, которыми в подавляющем большинстве случаев он пользуется лишь к собственной выгоде. Демократию такая ситуация вполне устраивает: кого-никого, а все равно выберут, процесс воспроизводства власти не остановится, впечатление, что она управляет страной от имени народа, сохранится. Так достигается видимость политической стабильности.

Выборы, по анархической версии, имеют иной смысл. Они орудие борьбы с властью как таковой. Следуя этому принципу, анархистская кон-

ИРСЕС

цепция выборов в противовес конформистскому, соглашательскому голосованию «за» выдвигает на первое место голосование «против всех».

Народ всегда умнее власти. В массовом сознании здравые, основанные на реальных потребностях и вызовах времени позиции вырабатываются гораздо раньше, чем в умах политиков. На базе голосования «против всех» складывается совершенно новый фактор общественного воздействия на власть. В условиях нарастающего институционального кризиса демократии массовое общественное сознание интуитивно нащупало совершенно правильный путь — власть, какая бы она ни была, должна постоянно находиться под мощным общественно-политическим прессингом.

Предназначение такого голосования — консолидировать оппозиционные силы общества не по партийным спискам, а по оценке фактического состояния дел в стране. В конечном итоге именно на этой базе должна сформироваться эффективная модель взаимодействия общества и власти. При демократии власть фактически действует в условиях вольготного поощрительного режима, в анархическом варианте — вынужденного директивно-принудительного.

Сегодня вместо выбора альтернативных решений демократия предлагает выбор между различными персонами, соперничающими в борьбе за место у государственной кормушки. Многие избиратели уже поняли: какими бы замечательными качествами претенденты ни обладали, никакого существенного воздействия на функционирование самой системы власти они оказать не смогут. Демократия потому так хитро и разделила власть на исполнительную и представительную, чтобы реальные рычаги управления сохранить за «верхами», а «низам» предоставить возможность раз в четыре года, иногда в пять или семь, поиграть во всенародную игру «Выбери меня».

В этой ситуации основным компонентом, мобилизующим власть на исполнение своего функционального долга, становится анархическое голосование «против всех». Иначе она превращается в свою противоположность — становясь источником коррупции, соучастником ограбления населения, пособником попрания гражданских прав и свобод.

Нельзя забывать: выборы не только способ кадрового комплектования власти, но еще и всенародный референдум по вопросу об эффективности ее функционирования как системы. В конечном итоге в контексте анархической логики именно этот показатель и должен стать решающим: в случае, если голосование «против всех» опережает показатели всех остальных претендентов на депутатские мандаты, выборы должны объявляться несостоявшимися и в соответствии с предусмотренной Конституцией процедурой проводиться повторно. Желательно без участия провалившихся.

Кстати, порядок перевыборов в результате анархистской победы «противвсешного» голосования формально российским демократическим законодательством предусмотрен. Однако лишь для одномандатных окру-

ИРСС

гов. В последнее время наметилась тенденция к тому, чтобы норму голосования «против всех» за счет разного рода манипуляций исключить. По предложению А. Вешнякова ее сначала хотят удалить из практики выборов в одномандатных округах, а затем и вообще удалить из избирательных бюллетеней.

Голосование «против всех» — далеко не единственный симптом приближающейся смены демократической эпохи на анархическую. Произведения М. Бакунина и П. Кропоткина, идейных основоположников анархизма, исчезают с книжных прилавков вмиг. Активный интерес проявляют к анархии пользователи Интернета. Черно-красные анархистские знамена стали все чаще появляться на массовых митингах и демонстрациях. И уж совсем неслыханное дело: похвальные слова по адресу анархии начинают звучать из уст авторитетных людей, имеющих возможность судить о власти не понаслышке.

Анархия — этого никто не станет отрицать — несет в себе потенциал бунта, но ведь глупо утверждать, что любое дуновение ветра обязательно чревато смертоносным ураганом. Основа анархизма — в его стремлении к справедливой организации жизни, в противодействии порокам власти.

Главное в анархизме — это апофеоз личности, ее самоценности, морально-нравственного превосходства над государством, которому обязательно должна противостоять ассоциация свободных личностей. Именно так трактовал идею анархии один из ее основоположников — Петр Кропоткин.

Чтобы общество обладало устойчивостью, управление им, с одной стороны, должно создавать условия для высокой эффективности производства и экономики, а с другой — обеспечивать социальную справедливость, соблюдение гражданских прав и свобод личности. Окончательная победа товарно-денежных отношений нанесла по демократическому режиму обеспечения такого баланса сокрушительный удар.

В условиях самостийного торжества рынок начинает обслуживать только интересы бизнеса и власти. Если объективной логике товарно-денежных отношений ничего не препятствует, сила и богатство неизбежно концентрируются на одном полюсе, нужда и обездоленность — на другом. Функциональное предназначение анархии — противопоставить процессу такой поляризации энергетику народного сопротивления.

Анархия по своей природе является идейно-политическим альтер эго стихийного рационализма рыночных отношений: если с обращения товаров и денег сняты какие-либо ограничения, то к аналогичному беспрепятственному режиму обеспечения начинают стремиться права и свободы личности. Чем большей свободой пользуется объективная логика рынка, тем энергичнее проявляют себя анархические настроения в обществе. В России в течение 2003 г. число миллиардеров увеличилось ровно вдвое — с 17 до 35. Стоит ли удивляться, что и по части анархических настроений Россия сегодня в безоговорочных лидерах?

UPRSS

Сможет ли анархия стать самостоятельным сектором общественного мнения и политического поведения граждан? Все дискуссии о необходимости создания в России гражданского общества являются констатацией весьма тревожного обстоятельства: накопившийся в народе потенциал критического отношения к положению в стране достиг опасного уровня.

Каким же в России может быть гражданское общество? Скорее всего, своеобразным общественно-политическим трансформатором, понижающим избыточное социально-психологическое напряжение до нормального рабочего уровня. Народ в массе своей утвердился во мнении, что ему пришлось заплатить за реформаторские преобразования крайне высокую цену, а вот власти от расплаты как-то «откосили». Многим не терпится этот счет властям предъявлять. И кое-где они это уже делают. В Ульяновской области, к примеру.

Там по причине массового голосования «против всех» практически провалены выборы всех уровней. И в Госдуму, и в областное Законодательное собрание, и в муниципальные органы власти. На очереди — выборы губернатора.

Можно предположить, что неукротимый российский мятежный дух ищет некую новую форму воплощения — и с течением времени обязательно найдет. Поэтому идея найти конструктивный, созидательный выход для накапливающейся в недрах российского общества мятежной энергии весьма своевременна.

Гражданское общество нового типа, которым беременна Россия, должно прежде всего привести к появлению невиданного до сих пор механизма, предназначенного для конструктивного диалога между российской властью и гражданской оппозицией. Это оппозиция должна получить возможность формироваться не в рамках сложившейся политической системы, не в рядах партий, союзов и ассоциаций всевозможных политических тонов и оттенков, а непосредственно в народной среде, в сознании самих граждан, начинающих ощущать себя субъектом большой национальной и международной политики.

Гражданское общество, о котором идет речь, прежде всего общество не министерско-депутатской, командно-административной, а индивидуально-личной гражданской инициативы, которое должно привести к выработке помимо политической еще и единой для власти и народа нравственной концепции ответственности «верхов» перед «низами».

В таком обществе власть должна начать уважать народ за то, что он ее не любит, а люди власть за то, что она позволяет с собой бороться.

Для этого вовсе не обязательно выдумывать что-либо несусветно оригинальное. Иногда бывает достаточно всего лишь вспомнить хорошо забытое. Не так уже далеки времена имперской России, когда принадлежность к власти и обладание несметными богатствами вовсе не считались большим достоинством или заслугой. Во всяком случае, этим не было

URSS

принято кичиться, как сейчас, тем более выставлять свое благополучие напоказ, покупая заграничные футбольные клубы или ювелирные кладки пасхальных яиц. Один из богатейших и влиятельнейших людей России граф Воронцов, который мог посоперничать по уровню состояния с самим императором, обращаясь к своим дочерям, писал: «Всегда поступайте так, чтобы вам никогда не было стыдно за свое положение и богатство». Создание гражданского общества, в котором власть несет перед народом не только политическую, но еще и нравственную ответственность, и будет означать торжество анархии.

Важно понять, что анархия ничего не отменяет из ранее достигнутого. Коренное различие между демократией и анархией состоит в том, что демократия все еще исходит из того, что именно власть, избранная демократическим путем, в состоянии вести дело к достижению провозглашенных целей. Однако ресурс доброй воли и гражданской ответственности, как уже было сказано, исчерпан демократией на предшествующих этапах.

Анархия твердо стоит на диаметрально противоположной идейно-политической позиции: власть в силу присущей ей эгоистической природы может работать на обеспечение свободы, равенства и братства, на воплощение суверенной воли народа только по принуждению. А еще лучше — под постоянно висящей над ней угрозой ликвидации.

Если отбросить предубеждения и предрассудки, а главное, соображения личной политической корысти, становится совершенно ясно: анархия — это не что иное, как терминологический синоним декларации, начертанной на всех конституционных скрижалях, — единственным обладателем и носителем верховной власти в стране является народ.

3. Отрицание отрицания

Неизбежное пришествие анархии и ее победа над демократией — утопия? А суровая правда жизни — никогда отдельная личность, ее права и свободы не станут управлять миром, властью, государством? Это под силу, утверждают мои оппоненты, только командам, объединенным в политические партии.

Подтверждаю: да, утопия, точно такая же, каковыми до этого были любые иные духовно-нравственные и идейно-политические концепции — авторитаризм, тоталитаризм, элитаризм, коммунизм, прагматизм, демократия и все другие «измы» и «атии».

Все они — символ веры, в крайнем случае — убеждений. Сами по себе они не создают жизни, а лишь формируют наши представления о ней. Однако по мере того, как меняется мир, меняются и представления людей о том, как он должен быть устроен. Одна утопия умирает, ее место занимает другая. Человеческое общество развивается только через преодоление утопий.

UFSS

Тяга к общественно-политическому коллективизму, сплочению на партийно-организационной основе кое-где еще дает о себе знать. Но это всего лишь отрыжка прошлого, рецидив идейно-политического инфантилизма. Люди начали понимать, что исполнять музыку можно хоть в четыре руки, хоть сводным оркестром, но рождается она лишь умом и талантом одного человека. Именно личность, ее гражданские амбиции, а не толпа, даже построенная в партийные колонны, воплощают в себе идею прогресса.

Только общество, в котором каждый сам принимает решение и несет за него ответственность, обладает наивысшей жизнеспособностью. Коммунизм потому и не состоялся, что воплощал в себе идею единомыслия и единогласия. Демократический плюрализм лишь модифицировал политический фантом единогласия в идею правящего большинства. Но и эта идея себя исчерпала.

Разочарование в демократии, которым сегодня охвачена Россия, неизбежно влечет за собой отторжение и ее партийно-политической системы. Анархия, идущая на смену демократии, — тоже утопия, иллюзия. Но только в конечном итоге. До того, как она себя исчерпает, ей предстоит поддерживать равновесие между стремлением людей к максимальной свободе в деле достижения материального благополучия, с одной стороны, и потребностью обеспечения прав и свобод личности, человеческого достоинства — с другой. Тем не менее обязательно наступит момент, когда анархия выйдет на диалектический рубеж собственного отрицания и преодолеет сама себя. Не берусь судить, какая именно модель общественного устройства и управления придет на смену самой анархии. В голову не приходит ничего, кроме Царства Божьего.

«Политический журнал»,
№ 22, 28.06.2004.

UPSS

18. Что, как и почему после Путина

Так уж случилось, что предложение поделиться соображениями о восьми годах пребывания Владимира Путина на посту Президента России, упало на благодатную почву, на которой в пору не то что сеять, а собирать обильный урожай. Пожалуй, уже лет двадцать пять с лишним прошло с тех пор, как я взял за правило подводить итоги минувшим событиям лишь в одном единственном ракурсе — прогностическом. А что они, — эти события, — сулят нам в грядущем? Иначе, как мне представляется, обращение к прошлому, будь то давнему или совсем свежему, будет носить сугубо академический характер. Исторические хроники — удел летописцев, а не политических экспертов, к которым себя причисляю.

Нам следует, если и пускаться в воспоминания, то только о будущем, усматривая его признаки в том, что уже случилось. Работая таким образом, ещё в 1983 году, удалось разглядеть предпосылки распада СССР, в декабре 1990 пришёл к выводу о неизбежном политическом крахе Горбачёва и попытке Г. Янаева сотоварищи захватить власть, возглавив так называемый Комитет спасения Отечества (на самом деле его название ГКЧП). Весной 1996 года в ответ на просьбу ельцинского штаба, руководившего избирательной кампанией по выборам президента, я высказал убеждение, что если даже Ельцин и победит, что на самом деле сделать было не так уж и трудно, полностью свой президентский срок отработать не сможет. Осенью 1999 для меня уже представлялся очевидным приход к власти Путина, а главное достаточно точно предугадать функциональное наполнение выпавшего на его долю очередного исторического этапа развития страны.

В принципе в прогнозе, если подходить к нему научно, решающим достоинством должно считаться точное предсказание содержания политического процесса, а не угадывание имён и обстоятельств. Политические биографии и актуальные экспертные хроники всегда бывают изрядно обременены текущей конъюнктурой, в них слишком многое зависит от стечения обстоятельств, в том числе и случайных. В то время как в политическом процессе находят воплощение прежде всего устойчивые тенденции, а в идеальном прогнозе, закономерности и неизбежности.

В этом смысле время, проведённое В. Путиным на посту главы государства, было не слишком насыщенно новыми именами и яркими событиями. Я бы охарактеризовал этот период в пику двум предыдущим разрушительным этапам накопительным. Когда Россия, её лидер, да, пожалуй, и само общество, что называется, сосредотачивались для предстоя-

UPRSS

щей работы, но пока ещё не приступая к ней. Путин и себя, и страну, и власть во всех её ипостасях, и общество тщательно и кропотливо готовил к новому историческому этапу.

В России, причём, без видимой натуги, были приостановлены разрушительные тенденции тех этапов, которые были связаны с именами двух предшественников В. Путина — М. Горбачёва и Б. Ельцина (подробнее об этом чуть ниже). Социально-экономические и общественно-политические сферы упорядочены. Непосредственно по инициативе В. Путина стала восстанавливаться управленческая верти кадь. Сформировалась устойчивая бюджетная политика. Определились я консолидировались приоритетные направления развития, обретя форматы национальных проектов.

В стране сформировался стратегический материальный ресурс, открывавший возможность для крупных преобразований, а может быть даже и прорыва во всех сферах жизни — экономики, науки, просвещении, здравоохранении и вообще всестороннего повышения благополучия и благосостояния страны, и народа.

Короче, налицо вроде бы все предпосылки и факторы не только для того, чтобы высоко оценить итоги президентской деятельности В. Путина, но и прийти к убеждению, что ему необходимо сохранить за собой пост главы государства и довести начатое дело до конца. Но Путин, почему-то, как только появились сюжеты о такой возможности, сразу же эту перспективу для себя лично отверг и заявил, что на третий президентский срок не пойдёт. Спрашивается, почему?

Мне представляется, что в ответе на этот вопрос кроется как раз суть понимания того, как оценивает достигнутое сам В. Путин, в чём он видит смысл дальнейших преобразований, какой ему представляется стратегия дальнейшего развития страны. В одном из обращений к избирателям, накануне выборов в Государственную Думу В. Путин, на мой взгляд, дал ключ к пониманию того, о чём идёт речь; «Страна, — сказал Путин, — стоит на пороге важнейшего события, полного обновления исполнительной и представительной власти. И это надо осознать».

Двух толкований сказанного быть не может: В. Путин не идёт на третий срок не потому, что этому препятствует Конституция. Это решение предопределено другим обстоятельством. «Все восемь лет, которые В. Путин находился в президентском кресле, во всех его начинаниях и решениях преследовалась главная стратегическая цель — построить в стране надёжную и эффективную систему управления и положить конец извечно существовавшему в России режиму личной власти. Остаться на третий президентский срок значило обратить процессы создания нового управленческого механизма вспять, дать импульс возрождению застарелых пороков политического и общественного сознания, когда судьба страны и народа, будь она плохой или хорошей, ассоциировалась с одним человеком.

URSS

В конечном итоге, все, что делал В. Путин в минувшие восемь лет, сводилось к созданию в стране совершенно нового механизма управления как в структурном, так и в кадровом смысле. Этап, который последует за Путиным, должен будет ответить на вопрос: удалось ли создать для таких коренных перемен необходимые предпосылки и условия или нет. Заработает созданная В. Путиным государственная машина хорошо без него, значит, историческая задача решена, страна действительно встала на новый путь развития. Нет — значит не судьба.

К этому новому, четвёртому по счёту этапу Путин подводил страну исподволь. О содержании первых трёх мне уже не раз приходилось писать в разное время и в разных изданиях, поэтому сейчас коснусь этой темы лишь в тех пределах, в которых она имеет непосредственное отношение к так называемому «человеческому фактору», а если точнее — кадровой политике президента по подбору полномочного преемника.

Первый семилетий цикл, продолжавшийся с 1985 по 1991 год, решал задачи идейно-политической дискредитации того строя, при котором мы в ту пору жили, называя «развитым или зрелым социализмом». В те годы главными действующими лицами на антикоммунистическом и антисоциалистическом поприще были говоруны: сам Горбачёв, его ближайший сподвижник Яковлев, даже целых два (Александр и Егор), Собчак. Травкин, Старовойтова, Говорухин, Афанасьев, Пономарёв, Коротич… Короче, что ни имя, то златоуст.

Потрудились они на славу: коммунистическую идеологию раскурочили вдрызг, хвалёные «преимущества» социализма «опустили» ниже некуда, духовные и нравственные ориентиры поменяли практически на противоположные. К августу 91-го страна не только в идейно-политическом, но даже в мировоззренческом, духовно-нравственном смысле раскололась на два враждующих лагеря, столкновение между которыми становилось неизбежным. И оно, это столкновение, произошло…

Второй семилетний цикл пришёлся на 1991–1998 годы. Если завершение первого семилетнего цикла было ознаменовано военно-политическим путчем, то второго — финансово-банковским дефолтом. Он, как и первый, был демонстративно разрушительным. Но теперь атакам была подвергнута социально-экономическая основа всё того же социализма, его командно-административная, плановая система. Для такой работы пафос и красноречие были уже не нужны. Ликвидаторы народ суровый, немногословный. Им всё равно, что водка, что паровоз, лишь бы с ног валило. Главное, чтобы на месте прежнего управленческого механизма, регулирующего как производство, так и распределение, пустое место образовалось, чтобы товарно-денежный смерч спроса и предложения смёл с магистрального рыночного пути всё без остатка.

Понятно, что и сугубо внешне, по облику, манерам поведения социально-экономические ликвидаторы второго семилетнего цикла были со-

вершенно иными, чем их идейно-политические предшественники. Те — жар и пламень, эти — лёд и камень: Чубайс, Гайдар, Авен, Начаев, Немцов, Христенко, Кудрин, Греф, Зурабов. От представителей разрушителей «первой волны», особенно по темпераменту, они отличались разительно. По не надо думать, что они чужды друг другу по происхождению и духу. Вовсе нет. И те, и другие порождены предшествующей коммунистической эпохой. Просто па их долю выпали совершенно разные конкретно-исторические задачи. На смену пламенным трибунам периода «гласности» пришли новые люди, тоже рождённые в недрах советской системы, но уже готовые её не «перестраивать», а просто рушить, без какого бы то ни было сожаления, не говоря уже об угрызениях совести, которую они сподобились прикрыть ваучерами, как фиговым листком.

Практически все вышеперечисленные фигуры, от Чубайса и Гайдара до Грефа и Кудрина, должны быть отнесены к числу именно таких профессиональных революционеров-ликвидаторов. Я глубоко убеждён: не в цифрах, не в масштабах происходящего, а именно в людских характерах, в поведении политиков и госдеятелей воплощаются наиболее важные опознавательные черты времени, его содержания. Именно такой подход помог мне с первого предъявления опознать и в Путине будущего президента.

Мне помогло здесь вовсе не то, что я как политолог пристально присматривался *к* Путину и его окружению. Я прислушивался не к тому, что там говорили, а к тому, чего требует время… А он, этот запрос, давал понять, во главе государства после постигших его двух разрушительных циклов должен оказаться человек, который ещё лет семь ничего не должен будет делать кроме того, чтобы производить, причем буквально на всех — на «правых», «левых», «центристов», «националистов», на «патриотов» и на «идиотов» — благоприятное впечатлен не. Это, собственно, и должно было стать его работой.

Уже в октябре 1999 года в «Независимой газете» под рубрикой «Картбланш» появились мои размышления о В. Путине и его времени под заголовком «Отчизна-мать в предвкушении нового мученика». Почему мученика? Да потому, что нет горше муки, чем имитировать бурную деятельность и глубокую озабоченность за судьбу страны и народа, когда па самом деле никакого участия в обеспечении этих судеб и отстаивании интересов принимать не можешь. Это всё равно, что бросаться грудью на амбразуру, г. которой, кроме самой дыры, ничего нет. Со стороны, быть может, этого и не видно, но ведь самого-то себя не обманешь.

Изменить же ситуацию совершенно невозможно. Два предшествующих разрушительных цикла не оставляли надежды даже на попытку совершить что-либо значительное, реально осязаемое, ни физически, ни политически. Для этого в наличии не было ни кадров, ни идей. Пока разрушали, над тем, куда идти и что строить, не задумывались. Да и смысла задумываться не было. Из двух, даже мощных бульдозеров одного подъ-

емного крана, даже плохонького, не соорудишь, как ни старайся. Это и без размышлений ясно. Значит, без ещё одного семилетнего цикла, теперь уже имитационного, было не обойтись.

Стране нужно было дать время, чтобы всё «устаканилось», то есть упорядочилось. Причём не под воздействием какой-то специальной целенаправленной политики, а что называется, само собой. В этом, если хотите, состояла на тот момент высшая политическая мудрость.

Это только кажется, что стихия, выпущенная на волю, действует как ей заблагорассудится или злоумыслится. Закономерности стихийных процессов на самом деле оказываются ещё жёстче, чем, планово-организованные и административно-управляемые. Вот только человеку они не подвластны.

Мне пришлось написать на эту тему за время пребывания Путина в Кремле не один материал. Недавно статьи эти вышли в свет, будучи объединены в самостоятельную главу под названием: «Исторический приговор. Семь лет имитации» в моей книге «Я знаю Who is Putin & что есть Россия».

Меня уже не раз спрашивали: «Почему и на президентство В. Путина отводится семь лет? Ведь ему по конституции для этого отведено восемь. Пытаетесь и его подогнать под идею о трёх семилетних циклах?» Отнюдь, отвечаю. Не ради того, чтобы подогнать, а чтобы точно обозначить объективную логику выпавшего на долю В. Путина периода правления. На весь срок путинского президентства приходится всего одна, зато грандиозная задача — полностью «зачистить» политическое пространство, создать условия для радикального обновления российских политических элит. Это нужно было делать аккордно, либо в начале президентского срока, либо в конце.

Никакого практического смысла в кадровой «зачистке» на стартовом этапе путинского президентства не было. Формировать новую команду, с которой можно было бы хоть что-то строить, а не ломать, всё равно было не из кого и не из чего. Значит, решительные действия нужно было перенести ближе к окончанию президентского срока, то есть на 2007 год, последний перед сменой кремлёвского караула. А до этого вести скрытую подготовку к этой акции. Что В. Путин и делал…

Вот и получается — семь лет на имитацию и на «устаканивание», год — бурной деятельности. Чему мы как раз и являемся свидетелями.

Преодолев два разрушительных и один имитационный цикл, Россия созрела для перехода в новую фазу развития, где о крупных масштабах созидательной работы речь ещё не пойдёт, но уже появятся чёткие контуры послепутинской управленческой модели. На это указывает объективная логика развивающихся процессов.

Вообще основные направления социально-экономического и общественно-политического развития складываются не в умах политиков и аналитиков. Они формируются самой жизнью, возникновением необходимых предпосылок для решения тех или иных насущных задач, в решении кото-

рых оказываются объективно заинтересованы не только политические элиты, а, главным образом, народные массы, люди, граждане, избиратели. Настоящая политика начинается не там, где десятки, сотни и даже тысячи людей, а там, где миллионы. Так вот, судя по объективным запросам времени и наличию необходимых предпосылок удовлетворения этих запросов, предстоящий этап российских реформ будет отличаться, следующими особенностями.

Первое. В управленческом смысле это будет режим умеренного утилитарно-прагматического авторитаризма («мягкий чилийский вариант»). Влияние представительных органов власти, вообще демократических функций и процедур, будет сведено к минимуму. Эта модель втихую уже отрабатывалась на имитационном этапе, но она оставалась ещё очень громоздкой, крайне затратной, практически непригодной для решения задач ускорения.

Однако все эти очевидные изъяны компенсировались «подставным» предназначением Госдумы, Рост недовольства имитационной политикой, когда произносились правильные, хорошие слова, совершенно не подтверждавшиеся конкретными делами, где естественным образом, а где-то, полагаю, и специально организованным, переадресовывался на Думу, Это В. Путина до перехода к решительным действиям по политической ликвидации кадрового наследия двух предшествующих разрушительных этапов вполне устраивало.

Претерпит серьёзные изменения и характер взаимоотношений не только с представительной, но и с исполнительной властью — правительством и кремлёвской администрацией. Авторитарный режим эффективен только тогда, когда ориентирован на поддержание «добрых отношений» с населением, а не ближайшим окружением. Его-то, это окружение, как раз необходимо хотя бы для вида держать «в чёрном теле».

Если иметь в виду не содержательную сторону, а технологические характеристики грядущего утилитарно-прагматического авторитаризма, то она, эта модель, конечно же, относится к разряду кризисных способов управления. Это совершенно закономерно для стадии перехода от имитационного цикла к формированию дееспособного управленческого механизма, способного обслуживать не стабилизационное, а ускоренное развитие. Но этого придётся дожидаться ещё лет семь.

Второе. С экономической точки зрения четвёртый реформаторский цикл может быть охарактеризован как социально ориентированный либерализм. Не только в такой специфической стране, как Россия, но вообще всюду и всегда, в смысле общих объективных закономерностей, за фазой революционных преобразований, — они в нашей стране больнее всего ударили по социальным гарантиям и общественным приоритетам, ориентированным на коллективизм и государственный патернализм, — обяза-

тельно должен последовать «откат» на прежние позиции. Так гласит знаменитая «теория маятника».

Конечно, действие этой закономерности не обеспечит полного возврата к дореформенной социальной политике, но либеральный «фантомас», разбушевавшийся на стадии второго разрушительного цикла и перешедший в вялотекущую фазу на цикле имитационном, с приходом режима утилитарно-прагматического авторитаризма сдаст свои позиции, станет толерантней. Это могло бы случиться и раньше, но для этого пришлось бы убирать из правительства Кудрина, Грефа, Зурабова прежде, чем для этого созрели благоприятные условия.

Для того, чтобы их убрать с пользой для дела, нужно было сначала запустить в действие социальные механизмы, против которых «записные либералы» категорически возражали. Это и функциональное преобразование Стабилизационного Фонда, и запуск нескольких социально ориентированных национальных проектов, и реставрация некоторых весьма важных принципов социального государственного патернализация, включая пенсионное обеспечение и систему поощрения рождаемости.

Третье. В плане внутренней государственной политики механизм утилитарно-прагматического авторитаризма будет, скорее всего, работать в усиленном режиме на поприще универсально-патриотического федерализма. После решения не избирать, а назначать губернаторов никакой другой политики ожидать не приходится. Процесс выстраивания управленческой вертикали пока не форсируется. Да это и понятно. На данном этапе создаётся лишь нормативно-правовая система координат, а реализация стратегического замысла наверняка резервируется на то время, когда политическая система в стране будет подвергнута полному кадровому обновлению.

В общем содержательном смысле, объединяющем все три важнейшие перечисленные особенности, как, впрочем, конечно, многие другие, о которых речь пока не велась, прежде всего, из-за экономии места и времени, предстоящий четвёртый реформаторский цикл должен будет обеспечить перегруппировку сил, накопления общественно-политического и социально-экономического потенциала не только для действительного стабилизационного, но, возможно, и ускоренного развития России.

Но для этого нужны люди, способные такой проект реализовать. Всё упирается именно в это. В. Путин за шесть лет своего президентства, после первых самых необходимых кадровых замен наиболее одиозных фигур, вроде А. Волошина и П. Бородина, никаких серьёзных действий на этом направлении не предпринимал. Даже совершенно перезревшую отставку М. Касьянова, которого в народе называли не иначе, как «Мишадва процента», В. Путин затянул до промежуточных выборов. Повторно став президентом, но сути дела на без альтернативной основе, В. Путин назначил председателем Правительства М. Фрадкова. Человека — это

видно политически невооружённым глазом — абсолютно лишённого административного темперамента и властных амбиций.

Было ясно, Фрадков, конечно, борозды не испортит, но и на глубокую вспашку не посягнёт. Типичный представитель имитационного цикла. Фрадкову, конечно же, предстояло уйти со своего поста вместе с либеральным ядром нынешнего правительства. Но уйти без политической эпиталамы. Он делал не только то, что мог, а главное — что должен: создавал демонстративный противовес радикал-либералам Грефу, Кудрину, Зурабову, Христенко, При этом на победу над ними не претендуя. Эта роль заведомо зарезервирована за обладающим на сегодняшний день высочайшим рейтингом В. Путиным. Без такого заоблачного рейтинга о радикальных кадровых преобразованиях нечего было бы и думать. Под решение задач полной «политический зачистки».

Но, повторяю, завершение имитационного цикла должно предполагать не только выдворение неугодных, но и водворение на освободившиеся посты людей, пригодных для решения новых задач. Есть ли у В. Путина необходимый для этого кадровый резерв? Долгое время я затруднялся со всей определённостью ответить на этот вопрос.

Было очевидно лишь то, что в кадровом отношении президент крайне бережлив, даже скуп. Порой вроде бы себе же в ущерб. Объяснение здесь может быть только одно: для чего-то, какого-то особого случая В. Путин людей берёг. Всюду понасажали «питерских», которые кроме личной преданности В. Путину никаких других примечательных качеств не продемонстрировали. Настоящими профессионалами среди них проявили себя лишь немногие. Полагаю, «питерский призыв» был необходим в качестве «растопочного материала». Какое-никакое, а мерцание в очаге надо было поддерживать.

В этом контексте я бы обратил внимание на ещё одно немаловажное обстоятельство: уж коли В. Путин решил не баллотироваться на третий президентский срок, предстояло определиться по вопросу: по какому сценарию передачи власти отдать предпочтение — преемнику но высочайшему назначению или же «народному избраннику» по так называемой воле избирателей, «Избранник», собственно, тоже должен был олицетворять «путинский курс» и принадлежать к «путинской команде», но в то же время обладать политическим имиджем самостоятельной персоны.

Поскольку заранее сказать, какой из сценариев окажется предпочтительней на решающем этапе, было трудно, подготовительную работу стали вести сразу по двум направлениям.

Одновременное назначение вице-премьерами Дмитрия Медведева и Сергея Иванова многими было воспринято как своеобразный «праймариз» на русский манер — рейтинговое оглашение претендентов на занятие высшего государственного поста в результате выборов 2008 года.

URSS

Полагаю, что эти кадровые назначения преследовали совершенно иную цель: сосредоточить на завершающем этапе путинского правления два наиболее важных направления хозяйственного развития страны — промышленного и социального — в руках наиболее преданных соратников, чтобы при их активном участии и уже только потом решать, кто именно — Д. Медведев или С. Иванов — будут названы кандидатами в президенты. Это обстоятельство само по себе заведомо исключало непосредственное соперничество Д. Медведева и С. Иванова за президентский пост в ходе предстоящих выборов. Д. Медведев и С. Иванов — краеугольные камни постамента, а не сама скульптура.

По второму сценарию, предполагавшему появление во главе государства «народного избранника», тоже делалось всё необходимое. Очевидные признаки этой работы дали о себе знать в июне 2005 года, когда один из ближайших сподвижников В. Путина В. Якунин стал президентом крупнейшей российской компании «Российские железные дороги». Хотя работа с ним с прицелом на участие в президентских выборах 2008 года началась гораздо раньше.

Есть очень хороший способ определить репертуар любой вновь формируемой властной команды: приглядитесь, кого подбирают в исполнители и какие в их руках оказываются инструменты. Если перед вами люди, привыкшие сопровождать марширующие на армейском плацу роты, дуя в медные трубы и колотя в барабаны, то в их исполнении даже адажио из балета «Лебединое озеро» прозвучит как «Гром победы раздавайся!» Они просто ничего другого играть не умеют, даже в том случае, если ими руководит искуснейший дирижер. Не оркестру к нему, а ему к оркестру, хочет он того или нет, придётся приспосабливаться.

Всё это наводит на мысль, что при внедрении В. Якунина в МПС еще в 2000 году речь, собственно, шла не столько о занятии руководящей должности, сколько об испытании человека на функциональную пригодность к формированию новой управленческой модели.

В этой связи вспомнился такой эпизод: на пресс-конференции сразу после избрания на второй президентский срок В. Путину задали вопрос: «Не задумываетесь ли Вы о том, кто придёт Вам на смену?». На что В. Путин ответил молниеносно, как если бы заранее такой вопрос ожидал: «Я думаю над этим с первого дня своего прихода к власти».

Тогда ответ В. Путина сочли остроумной шуткой, сегодня уже так не кажется. Уже слишком многое в биографии В. Якунина наводит на мысль, что он наверняка был среди имён, которые В. Путин имел в виду, когда обмолвился о своих размышлениях, но поводу будущего президента.

Железные дороги — это не просто народнохозяйственный комплекс, пусть даже исключительно могучий, но и колоссальный организационно-политический ресурс. Даже КПСС как политическая сила не была организована так чётко, даже она не имела такого дисциплинарно-вышколенного

LIBRESS

состава, как РЖД. Тот, кому в России обеспечена поддержка РЖД, тому под силу любые политические вершины. Когда в 1996 году позиции Ельцина выглядели крайне слабыми, поддержку ему оказал аппарат РЖД. Именно отсюда исходила инициатива о сборе подписей за его выдвижение. Здесь, на железнодорожном пассажирском транспорте, активнее всего проводилась агитация за переизбрание Б. Ельцина.

Да и сегодня, если откровенно, самой крупной политической силой обладает вовсе не «Единая» или «Справедливая» Россия, не КПРФ или ЛДПР, а именно РЖД. Другого такого полигона, который бы отвечал всем требованиям обкатки грандиозных социально-экономических и объективно-политических проектов, в России не было, нет и, скорее всего, никогда не будет. Росси некие железные дороги — это государство в государстве. Всё, что хорошо для РЖД, хорошо для России. Так было при царях-батюшках, так было при коммунистических генсеках-дедушках. Так остаётся и при их внучатом преемнике, нынешнем российском президенте.

Всегда, как только в стране назревали радикально-стратегические перемены, железная дорога оказывалась в центре внимания. Да это и понятно: здесь сосредоточен самый крупный ресурсный потенциал, экономический, социальный, политический. На этом участке случайные, непродуманные назначения и увольнения исключены. Слишком тесно отрасль связана с большой государственной политикой.

Биографический и политический бэкграунд В. Якунина не занятная. Служебный реестр не содержит необъяснимых стремительных взлётов и столь же немотивированных падений. По жизни В. Якунин шёл уверенно, полагаясь лишь на собственные силы, а пена дружескую протекцию, в которой ему, случись попросить, скорее всего, не отказали бы. О том, что В. Путин и В. Якунин близкие друзья, знали почти все и давно — у одних эхо вызывало удивление: такой большой друг, а особой пользы для себя из этой дружбы не извлёк, у других — искренние симпатии.

В одном из опросов, проведённом Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК), В. Якунин ещё до назначения на нынешний свой пост вошёл в четверку самых близких В. Путину людей. Но Грызлов, Иванов и Шойгу оказались в этом списке скорее по должности, а вот В. Якунин действительно по дружбе. Хотя и очевидной, но явно бескорыстной.

На протяжении всего предвыборного срока В. Якунин держал себя и своё поведение строго в рамках того сценария, по которому он в случае необходимости должен был предстать перед страной в роли «народного избранника», ничем при этом не мешая претендентам на первый пост из числа «назначенцев» отыгрывать свои предвыборные роли.

С интересом прочитав первое интервью В. Якунина в качестве президента «РЖД», посмотрев первое выступление но телевидению, с удовлетворением обнаружил, он с абсолютной точностью подтвердил те сообра-

LitRes

жения, которые были высказаны о содержательном и кадровом предназначении того этана российских реформ, который ожидает Россию после В. Путина,

В. Якунин, по сути дела, признал, что на долю Путина действительно выпала неблагодарная задача «зачищать» российское политическое пространство от кадрового наследия двух предшествующих разрушительных циклов, а на их место даже не набирать, а специально выращивать людей, способных исполнять созидательные функции.

Вот как это сформулировал В. Якунин: «В одной из бесед Владимир Владимирович Путин сказал, на мой взгляд, замечательную фразу о его личной кадровой работе. Смысл её заключается в том, что людей, назначаемых на высокие должности, необходимо выращивать. И начиная с 1997 года, происходил, как я сейчас понимаю, процесс постеленного и очень не ласкового выращивания из Владимира Ивановича Якунина управленца и человека, которому поручались сложные и ответственные участки работы… Что касается РЖД, то задача, которая передо мной здесь ставилась, сводилась к необходимости зашиты государственных интересов. Мой участок ответственности включат обеспечение реформирования отрасли, создание новой экономической модели её работы, реорганизацию и, по сути, формирование корпоративного управления компанией…

Я никогда не рассматривал свою работу в РЖД как промежуточный этан, перед тем как стать руководителем компании. Но в определённый момент я понял, что готов к выполнению и более сложных задач. И те кадровые разговоры, которые со мной проводились в этом году, показывали, что идёт процесс принятия решения».

Полагаю, в дополнительных комментариях и разъяснениях слова В. Якунина не нуждаются. В них чётко сказано, почему, как и с какими целями произошло его назначение, и что, собственно, оно собой доподлинно знаменует.

К тому же в последние месяцы перед выборами чуть ли не каждый день происходят события, которые лишь укрепляют уверенность. Пасхальные торжества 2007 года оказались по существу под опекой В. Якунина как руководителя Фонда Андрея Первозванного. Именно по линии Фонда было на этот раз организовано массовое паломничество на Святую землю, именно Владимир Якунин доставил в Москву Благодатный огонь аккурат к торжественному богослужению в храме Христа Спасителя.

Более впечатляющей демонстрации высокой духовности, столь востребованной сегодня общественным сознанием, невозможно придумать. Вслед за Христовым Воскресеньем в путинской резиденции в Ново-Огарёво прошло высокопоставленное рабочее свидание, посвященное РЖД, на котором В. Якунин удостоился высочайшей президентской похвалы. Если мне кто-нибудь скажет, что это случайное совпадение, позволю себе с такими утверждениями не согласиться.

ИРСС

Зато совершенно убеждён в другом: из всех претендентов на президентский пост, включая В. Зубкова, Д. Медведева, С. Иванова, В. Якунин единственный, о ком в последствии, стань он главой государства, можно будет сказать, что он действительно избран, а не назначен на этот пост. В конечном итоге, вполне могло случиться так, что именно это обстоятельство могло оказаться главным как для Путина, так и для самих избирателей.

И в заключение, быть может, самое важное. С. Медведевым, Ивановым, Якуниным, с РЖД и даже с Россией, если согласиться с изложенными в материале суждениями, вес более или менее ясно. Одному из перечисленных путинских сподвижников — быть президентом, два оставшихся будут «заряжены» на работу в правительстве, скорее всего в ранге вице-премьеров, но левую и правую руку В. Путина.

Согласие В. Путина возглавить кабинет министров, стать премьером, при том, что за ним будет закреплён символический титул национального лидера, не выглядит окончательным, В действиях и суждениях В. Путина чем дальше, тем больше проглядывают признаки стремления возродить Россию в имперском качестве, вернуть её в международное сообщество в роли Великой Державы. Движение в этом направлении, скорее всего, приведёт к обострению отношений соперничества е другими политическими центрами силы. Прежде всего США и ЕС, в меньшей степени с Японией и Китаем и может быть даже с Индией.

Понятие «империя» применительно к России — это вовсе не экономическая или социальная категория.

Российская Империя это, прежде всего, национально-патриотическое сплочение и державная мощь. К достижению именно этих целей, как мне представляется, будут направлены усилия В. Путина. А уж в каком качестве он предстанет перед нами, если эти цели будут достигнуты, в чём я на самом деле глубоко сомневаюсь, хотя в 1993 году сам был приверженцем этой идеи, я бы оставил на суд времени.

Сборник «Восемь лет с В. Путиным».
Москва, 2008 г., стр. 162–169.

URSS

19. Имитация союзного масштаба

О скрытых механизмах российско-белорусского Союзного государства

Л. Айдинова (ВЕК): — ***Виктор Викторович, до недавнего времени вы возглавляли департамент информации Союзного государства России и Белоруссии. Справедливости ради замечу, что в журналистской среде нечасто обсуждаются отставки пресс-начальников. Вокруг вашей было много слухов. Что привело вас на работу в Постоянный комитет и почему вы оставили столь перспективную должность?***

В. Гущин: — Я пришел в Постоянный комитет по доброй воле и с искренним намерением внести посильный вклад в благое дело становления нового Союза. Я всегда считал и до сих пор считаю, что с распадом СССР сама по себе союзная идея не умерла. Она лишь утратила советско-коммунистический компонент. Но эта потеря, убежден, союзной идее не повредила. Скорее наоборот, увеличила ее энергетический потенциал и запас прочности. Ведь в объединительном процессе современной Европы лежит не что иное, как союзная идея.

К сожалению, применительно к Союзному государству, возникшему по инициативе России и Республики Беларусь, точнее Б. Ельцина и А. Лукашенко, этого сказать нельзя, Это решение было связано не со стратегическим идейно-политическим замыслом, не с глубоким пониманием всей сложности процесса союзного строительства, а с тактическим карьерно-конъюнктурным умыслом. В ту пору (а первый договор о российско-белорусском Союзе был заключен в апреле 1996 года) оба государственных лидера хотя и по разным причинам, но одинаково остро нуждались в повышении собственных политических рейтингов. А. Лукашенко и Б. Ельцин были гораздо больше озабочены собственной политической судьбой, чем реализацией союзной идеи. Она их привлекала лишь в той мере, в какой открывала возможность набрать очки в глазах общественного мнения. Необходимость привыкать к новым реалиям и понятиям — граница, таможня, визы и вообще к сложностям, связанным с распадом прежде единой страны, — порождала тоску по прошлым временам. На эксплуатацию этих настроений и был расчет.

Первородный грех союзных договоренностей, связанный с тем, что они были продиктованы сиюминутными политическими интересами, без учета реальных возможностей и предпосылок их реализации, неизгладимо-

UPSS

мой печатью лег на весь процесс союзного строительства, придав ему сугубо виртуальный, имитационный характер.

Во многом именно по этой причине решение о создании российско-белорусского Союза было встречено настороженно и даже с подозрением — как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Но гораздо хуже, что в России и Белоруссии, взятых как порознь, так и вкупе, процесс союзного строительства не сдвинулся с мертвой точки. Во всяком случае не произошло ничего такого, что можно было бы считать принципиально важным, качественно самостоятельным, чего бы не удалось достичь вне рамок Союза, в контексте иных, несоюзных отношений и договоренностей. Все сводится к имитации бурной деятельности, к слышимости и видимости, к надуванию щек на высшем уровне и чиновно-бюрократической суете на рабочем.

Как только я это понял, то принял решение покинуть Постоянный комитет. Кстати, в заявлении на имя государственного секретаря Союзного государства П. Бородина я изложил именно эту причину своего ухода: «Категорическое нежелание участвовать в бессмысленной и изнурительной борьбе за решение вопросов, не имеющих никакого отношения к строительству Союзного государства».

Л.А.: — ***Заявления весьма серьезные. Хотелось бы услышать аргументы и конкретные доказательства того, что деятельность по созданию Союзного государства действительно имеет имитационный характер. Руководящие органы Союза — Высший государственный совет, союзный Совет министров, Постоянный комитет Союзного государства — работают активно и постоянно. В последнее время активизировался процесс создания проекта Конституционного акта и подготовка к выборам в Союзный парламент, реализуются союзные целевые программы, на пороге введение единой денежной единицы…***

В. Г.: — Начнем с руководящих органов. О Высшем государственном совете и Совете министров можно сказать только одно: это парадные структуры, собирающиеся по мере необходимости, для. того чтобы освятить своим участием наработки, представляемые главной исполнительной структурой — Постоянным комитетом, который, по сути дела, никакими полномочиями не обладает и представляет собой что-то вроде административного аппендикса при республиканских правительствах — российском и белорусском. Никакие решения, если они предварительно не согласованы с заинтересованными республиканскими министерствами, из недр Постоянного комитета не выходят. То же самое вполне можно было бы делать за счет прямых контактов на межправительственном уровне, без дополнительной, точнее посреднической, чиновно-бюрократической структуры.

Кстати, до Постоянного комитета его функции были в руках так называемого комитета Исполнительного, который два года назад был совер-

шенно безболезненно упразднен. Четыре года оказались практически вычеркнуты из деловой биографии Союза. Постоянный комитет работает не лучше и не хуже своего предшественника, поскольку предназначение у них одинаковое — создавать видимость работы, а в момент, когда наступает пора предъявлять результаты, превращаться в «козла отпущения». Под тем предлогом, что они со своим предназначением не справляются. Неудивительно, что в высших российско-белорусских сферах уже сейчас активно ведутся разговоры о необходимости новых преобразований Постоянного комитета и замены его руководства. Не исключаю, что понятие «бородинский союз» — по имени нынешнего госсекретаря об Союзного государства — вполне может войти в оборот наряду со знаменитыми «потемкинскими деревнями». И там, и здесь — показуха. Разве что масштаб покруче — не деревенский, а союзный. Возьмем другую важнейшую «союзную реальность» — бюджет. Когда он впервые был сформирован, он составил 520 млн рублей. 65 процентов этого объема обеспечивает Россия, а 35 — Республика Беларусь. На что он был предназначен, из каких параметров исходил? Совершенно ясно, что на начальной стадии в бюджет закладывались только организационные расходы, связанные сформированием и последующим функционированием союзных руководящих органов и управленческих структур. Что бы вы сказали, если бы сейчас, по прошествии шести лет существования Союзного государства, его бюджет оставался прежним? Ответ может быть только один: значит, и по сей день он обслуживает только нужды чиновно-бюрократического аппарата, работает на его самовоспроизводство, то есть имеет сугубо имитационный характер.

Формально бюджет Союзного государства вырос до двух миллионов 400 тысяч рублей, но фактически даже сократился, поскольку инфляция за последние годы — один 1998 год чего стоит! — перевалила за 400 процентов, что заведомо сводит на нет размеры увеличения бюджета. Следовательно, каким он был прежде, таким он и остался в 2001-м, и предназначение осталось прежним, сугубо имитационным. Он по сути дела заморожен на всё времена. Ведь основной принцип его формирования — уровень минувшего года плюс инфляционный прогноз. По такому принципу невозможно финансировать даже Музей восковых фигур: хочешь не хочешь, приходится пополнять экспозицию новыми фигурантами. А ведь Союз, если, конечно, его воспринимать как живой общественно-политический и социально-экономический организм, должен иметь потенциал развития и соответствующий ресурс для обеспечения этого роста, Но эти параметры в бюджет заведомо не закладываются.

То же самое происходит с исполнением союзных целевых программ, введением единой денежной единицы, унификацией таможенных тарифов. В целевых программах и унификации таможенных тарифов вообще ничего специфически союзного нет. Вплоть до того, что в принятии этих решений вообще не было никакой необходимости. Любые вопросы коопе-

ЦРСС

рации, совместного производства и реализации продукции прекрасно решаются на основе межправительственных соглашений. А в рамках целевых программ они лишь обрастают препонами и преградами, по сравнению с которыми советская командно-административная система выглядит либеральнейшим механизмом управления.

В подтверждение лишь один обескураживающий факт: в 2001 году бюджетное финансирование бюджетных союзных программ вообще не проводилось вплоть до июня, а с июля по октябрь велась изнурительная финансово-бухгалтерская война за реальный доступ к формально выделенным средствам. И, естественно, с переменным неуспехом.

Насколько можно судить, унификация таможенные тарифов к видимым позитивным результатам тоже не привела. Коридор Россия—Белоруссия в таможенном отношении как был, так и остается самым неблагополучным. *С* единой денежной единицей вообще никакой ясности нет. В принципе она должна как бы венчать единство экономических отношений. Так, как это, к примеру, произошло в объединенной Европе. Там евро стал эквивалентом унифицированных экономических отношений между членами Евросоюза. Эквивалентом чего и чему может служить союзная денежная единица? Ведь до сих пор модели экономического развитии России и Беларуси даже идущими навстречу не назовешь, не говоря уже о том, что близкими.

Теперь о Конституционном акте и выборах в Парламентское собрание Союзного государства. Политика — особенно благоприятная среда для различного рода имитаций. Бумага все стерпит. Специалист считают, что сталинская Конституция 1936 года была превосходным нормативно-правовым документом, но не имеющим никакого отношения к жизни. В Великобритании, на родине парламентаризма, наоборот, писаной конституции не существует до сих пор. И ничего — живут, даже благоденствуют, вполне удовлетворяясь бифштексом с кровью. Нам же приспичило, не создав Союзного государства, творить Конституцию, забыв про севрюжину с хреном. Разве что с демонстративной целью. Впрочем, как и проводить выборы в союзный парламент. У нас что, с появлением Союза уже сложилась новая историческая общность людей — союзный народ, которому без собственных избранников никак не обойтись?

Все, что сегодня жизненно необходимо гражданам Союзного государства, — это унификация правовых и нормативных актов, регулирующих их гражданский и социальный статус. Но для этого вовсе не обязательно создавать новый союзный парламент, который никому, кроме остающихся не у дел амбициозных политиков, абсолютно не нужен.

Словом, решения, которые принимаются без учета объективной потребности и целесообразности, для показухи, обречены. Жаль, что эта судьба может постичь и идею Союзного государства.

Л.А: — ***Что вы имеете в виду? Отказ от Союзного государства?***

URSS

В. Г.: — Объясню. Имитация, хоть она и является деятельностью впустую, тоже обладает собственной инерцией, неотвратимой объективной логикой, возникающей в силу принятия обязательств, не подкрепленных условиями *v.* предпосылками их реализации. А таких обязательств напринимали ох как много. Нужно найти способ остановиться. Быть может, даже вернуться назад, подвергнуть строгой ревизии принятые ранее документы, пересмотреть цели и задачи союзного строительства. А главное — избавить идею Союза от того наследия, которое досталось на нашу долю от эпохи раннего А. Лукашенко и позднего Б. Ельцина. Уж слишком силен в нем налет личной политической корысти.

Так уж сложилось, что решение этой задачи под силу только В. Путину. И только в том случае, если он сменит на посту председателя Высшего государственного совета А. Лукашенко, который, как представляется, связал свою судьбу с рейтинговой составляющей союзной идеи. Возможность такой ротации предусмотрена учредительными документами Союза. Понятно, что с приходом В. Путина на этот пост должен быть положен конец любым имитациям — идейно-политическим, социально-экономическим, управленческим, финансовым, кадровым. Иначе Союзное государство действительно не спасти…

Надеюсь, В. Путин понимает критический характер существующей ситуации и в зависимости от этого понимания сам решит: дать Союзному государству бесславно умереть или попытаться спасти ценой неимоверных усилий и огромного политического риска. Для принятия такого решения потребуется не только большая политическая мудрость, но и большое человеческое мужество.

Еженедельник «ВЕК»,
№ 50, декабрь 2001 г.

URSS

20. Сегодня Медведев с Путиным, завтра Путин с Медведевым

И так до беспредела

Скажу откровенно, меня нисколько не удивило, если бы острый политический конфликт Кремля с Президентом Белоруссии А. Лукашенко и бывшим столичным мэром Ю. Лужковым разразился не сегодня, а лет эдак 10 назад. Во всяком случае, именно в ту пору я полагал такой поворот событий не только возможным, но и крайне необходимым с точки зрения интересов страны. Во всяком случае, в статье «Имитация союзного масштаба. О скрытых механизмах российско-белорусского Союзного государства», увидавший свет в еженедельнике «ВЕК» в декабре 2001 г. открытым текстом было сказано, что это государство, созданное без учёта объективных потребностей, по сути дела для политической показухи, обречено. Первородный грех союзных договорённостей, продиктованных конъюнктурными электорально-рейтинговыми интересами раннего А. Лукашенко и позднего Б. Ельцина неизгладимой печатью легли на весь процесс союзного строительства, придав ему виртуальный, имитационный характер.

В статье было также сказано, что для В. Путина, только что пришедшего в России к президентской власти, если он относится к идее Союзного государства всерьёз, должно стать первоочередной задачей избавление российско-болорусского союза от лукашенсковского-ельцинского имитационного наследия. Для этого нужно было, как минимум, сменить А. Лукашенко на посту председателя Высшего государственного совета Союзного государства. Возможность такой ротации была предусмотрена учредительными документами Союза. С приходом В. Путина на этот пост, как мне тогда казалось, может быть положен конец любым имитациям: идейно-политическим, социально-экономическим, организационно-управленческим, валютно-финансовым, нормативно-правовым и даже морально-психологическим. Иначе Союзное государство не спасти.

К сожалению, прозвучавшая тогда искренняя тревога за судьбу Союза, стоившая автору статьи должности начальника Департамента информации Постоянного Комитета Союзного государства, отклика не получила. Если, конечно, не считать высказывания В. Путина, что в отношениях с Лукашенко и Белоруссией надо научиться «отделять мух от котлет». Однако на деле эта процедура при всей её очевидности и санитарно-политической целесообразности была отложена на 10 лет.

ИРКС

Тоже самое произошло и в случае с Ю. Лужковым, о котором мне в ту пору тоже довелось высказаться в связи с надвигавшимися в России очередными губернаторскими выборами. В «Независимой газете» под рубрикой «Карт-бланш» (см. «НГ» 28.05.1999 г.) было сказано, что принцип выборности губернаторов при всей его внешней демократичности нанесёт непоправимый урон федеративному устройству России, раздробит её в конечном итоге на 80 с лишним удельных княжеств. Наглядным и наиболее красноречивым воплощением именно этой тенденции я назвал лучшего из лучших, наипреданнейшего из преданных — Юрия Лужкова, заметив, что личные и политические пороки избираемых губернаторов именно в нём расцветут пышным цветом.

В том же 1999 г. на ту же тему в книге «Глас вопиющего…» (см. стр. 241) говорилось: «*В жизни порой случаются казусы, которые вроде бы ни с того ни с сего оказываются вещими. Помню, накануне очередного праздника города, отмечаемого теперь в Москве в начале каждого сентября, при въезде на Кутузовский проспект, появился зазывной плакат-перетяжка. Крупно, белым по голубому москвичей приглашали на гвоздь праздника «Парад мэра». Чуть ниже и мельче под строчкой о гвозде сообщалось, что в параде примут участие гигантские надувные фигуры. Я ещё тогда поймал себя на мысли, что затея с гвоздём и надувными фигурами может получится с намёком, с вредным подтекстом. Как бы на этом «гвозде» самому мэру через какое-то время не проколоться, а то пролетит над Россией с надутыми упругими щеками, как лопоухий Чебурашка, только его и видели… Вероятность такого исхода отнюдь не исключена*».

Согласитесь, после всего сказанного, что в случае с Лукашенко, что с Лужковым удивляться тому, что с обоими, в конце концов, Кремль всё-таки решил расплеваться, не приходится. Озадачивает другое: политические и личные изъяны и того и другого, вред, который они наносили интересам России, находясь на своих постах, был совершенно очевиден и ранее, но случилось неизбежное лишь 10 лет спустя. Выходит вред для России отнюдь не всегда оборачивается ущербом для Кремля. Все политики, приходившие туда во все времена свято блюли правило принимать решения не тогда, когда они становятся очевидными с точки зрения интересов страны и её граждан, а только в момент, когда это наиболее выгодно, наиболее своевременно, наиболее целесообразно, по кремлёвским меркам.

Так в чём же, в таком случае, актуальный смысл запоздавшего на десятилетие политического скандала Кремля с А. Лукашенко и Ю. Лужковым?

На мой досужий взгляд это связано с тем, что Кремль дозрел до понимания, что передача власти в стране от Президента к приемнику должна происходить не в режиме политического соперничества, а исключительно по ротационному принципу, как это уже было успешно опробовано на примерах передачи кремлёвской эстафеты от

Б. Ельцина к В. Путину, а затем от В. Путина к Д. Медведеву. Теперь, похоже, Кремль собирается ввести ротационную смену президентского караула в систему.

За минувшие годы для такого перехода при активном участии обоих претендентов была тщательно подготовлена нормативно-правовая база, созданы организационные предпосылки, включая увеличение сроков пребывания на президентском посту с 4 до 6 лет. Что называется, дёшево и сердито. Расходы на избирательные компании сокращены на треть, а срок пребывания в кремлёвском президентском кресле с максимальных 8 лет за две конституционные ходки увеличен до 12. Теперь лишь Кремлю надо продемонстрировать, что переход на ротационную систему осуществляется не в корыстных интересах претендентов, а по соображениям здравого утилитарно-прагматического смысла, с учётом требований времени и насущных нужд страны и народа.

Чтобы такое впечатление произвести, нужно не так уж много. По сути дела, всего лишь продемонстрировать, что властная российская двуглавая птица, рудиментарно мутировавашая из пятиконечных кремлёвских звёзд, решительно стряхивает со своих крыльев обременительный тлен коммунистического и реформаторского прошлого и на глазах изумлённой публики взмывает вперёд и выше, к вожделенным рубежам социального государства и заоблачным высям нано-технологических и модернизационных достижений.

Нетрудно догадаться, что политический конфликт Кремля с А. Лукашенко и Ю. Лужковым относится непосредственно к предполётной подготовке. Все должны убедиться, что отныне спуску не будет никому — ни союзным политическим «батькам», ни удельным коррупционным «законникам». Но, то ли ещё будет!!!

За уже произведёнными отставками, последуют не менее громкие и скандальные, тоже давно заготовленные. Скажем, А. Чубайса и А. Кудрина, которые за свою перестроечно-реформаторскую жизнь накопили на своём счету такое количество непопулярных грехов, что не свалить на них ещё и чужие, было бы непростительным упущением.

Следуя исторической традиции, кремлёвская власть давно научилась тщательно и умело выращивать в своих стойлах политических «козлов отпущения». Это, по сути дела, краеугольный камень кадровой кремлёвской политики. Претендентов на «отпущение» годами продвигают по службе, холят, лелеют, закрывают глаза на ошибки, промахи, просчёты, даже человеческие и служебные пороки, чтобы в урочный час в интересах, так называемого общего дела, взвалить на их ветвистые рога накопившиеся грехи и демонстративно выдворить с кремлёвского двора.

Изгнание «козлов отпущения» за пределы тучных кремлевских угодий для большой российской политики вещь довольно удобная. Стратегически и тактически. Ведь отречение от порочного прошлого, как правило,

ИРСЕС

не сопровождается принятием обязательств, что впредь ничего подобного происходить уже не будет.

А что же и как будет происходить? Это должны будут продемонстрировать не отставки «отпущенцев», а новые назначения административных зубров. Из таких «назначенцев» пока ещё публике предъявлен только один, — С. Собянин. Его появление должно символизировать собой, что Кремль кладёт конец дилетантизму в политике и управлении. На каждый более или менее ответственный государственный пост человек должен попадать не благодаря чьим-то симпатиям и предпочтениям, пусть даже уважаемых избирателей, а с заранее разработанной программой действий и яркими масштабными инициативами, вроде очистки московской атмосферы вакуумными насосами. Нисколько не удивлюсь, если вслед за Собяниным с его вакуумными насосами кто-нибудь из ближайшего медведевско-путинского окружения предложит что-нибудь ещё более нано-технологическое. Скажем, обеспечить пассажирские железнодорожные вагоны спальным бельём с применением ионов серебра. Мало того, что оно всегда будет сухим, оно ещё будет приятно охлаждать пассажиров летом и надёжно согревать зимой. А главное, в спальных железнодорожных вагонах можно будет перевозить бомжей без предварительной санобработки. Анти-педикулёзный эффект гарантирован.

Может в данном конкретном случае я и не угадал, но то, что в PR-обеспечении ротационного стратегического замысла мы увидим и услышим ещё немало удивительного, это факт. Политические аттракционы с далеко идущими целями действуют на тех же принципах, что и развлекательные. Публика скучать не должна.

При переходе на ротационную систему, серьёзную модификацию претерпит, надо понимать и традиционная процедура выборов. Её, скорее всего, придётся превратить в референдум по всенародному одобрению президентских целевых программ-шестилеток (В этом, собственно, и был смысл создания Общероссийского народного фронта — *В. Г.*). Это будет как венчание на царство. Второй участник кремлёвского тандема, не попавший в президентское кресло, на грядущие шесть лет уйдёт в премьерскую тень, где наряду с текущими управленческими заботами займётся детальной подготовкой собственной президентской программы.

Так и заживём. С 2012 по 2018 с Путиным и Медведевым, с 2018 по 2024 с Медведевым и Путиным, затем опять с ними же. Ведь им категорически нельзя допустить электорального поединка между собой. В политике выбор между двумя равно любимыми, равно достойными и равно амбициозными лидерами обязательно оборачивается невосполнимым уроном как для тех, кто выбирает, так и тех, кого выбирают. Вспомните историю про пресловутого Бурианова осла, сдохшего от голода, находясь между двумя снопами сена. Если бы до выборов между Путиным и Медведе-

вым действительно дошло, чиновно-бюрократическая и партийно-политическая Россия оказалась бы ввергнутой в ступор, из которого неизвестно когда сумела бы выкрутиться. **Значит у В. Путина и Д. Медведева нет другого выхода, как запустить безболезненный механизм смены друг друга у кремлевского кормила до той поры, пока граждане России не вспомнят о своём супротивном предназначении.**

Согласно Конституции носителем суверенитета и единственным источником власти в России является её многонациональный народ. Быть гражданином, значит не перепоручать свои права и полномочия даже самым изобретательным порученцам, а находить реальные возможности, организационные формы и эффективные инструменты непосредственного участия в управлении страной и принятия государственных решений.

Мир так устроен, что благополучие людей достигается только тогда, когда они умеют собственную власть в строгости держать. Иначе она такого напридумывает, что никаких племенных «козлов отпущения» не хватит, чтобы потом её грехи в пустыню оттранспортировать.

P.S.: Любые попытки заподозрить автора в том, что он делит всех путинско-медведвских единомышленников и соратников на «козлов» и «ослов» заведомо обречены. Упоминания этих парнокопытных в контексте заявленной темы несёт на себе исключительно литературно-идеоматическое, а не предметно-персональное предназначение. Вынужден предупредить, приписывая другим собственные ассоциации легко докатиться до впечатления, что и московский Кремль вовсе не державный пуп России, а всего лишь заурядный скотный двор. Стыдитесь, господа.

«Forum-MSK»,
13.11.2010 г.

URSS

21. Глобальный прогноз Черчилля

Не знаю, по какому такому стечению обстоятельств, я, во всяком случае, даже усматриваю в этом некий мистический подтекст, добрые друзья и коллеги пригласили меня участвовать в «круглом столе» на тему «Актуальные проблемы национальной безопасности» аккурат накануне ключевой даты, отомкнувшей врата чуть ли не всей послевоенной мировой политики. Я имею в виду 5 марта. В двух ипостасях этой календарной даты.

В этот день в 1946 году в американском Вестминстерском Университете в Фултоне (штат Миссури) по случаю присуждения степени почётного доктора великий англичанин Уинстон Черчилль произнёс знаменитую речь, которая является, на мой взгляд, уникальным по глубине прозорливости политическим прогнозом.

И в этот же самый день — 5-го марта, но только семью годами позже, умер Иосиф Сталин, который был в ту пору, пожалуй, единственным человеком, правильно понявшим задуманное Черчиллем. Правда, понявшим несколько упрощённо, но всё же попытавшимся противопоставить ему свой политический проект. Оба проекта касались послевоенного устройства мира и международной безопасности.

Поэтому на вышеозначенном «круглом столе», когда очередь выступить дошла до меня, я прямо так и сказал: «**Главная проблема, которая стоит сегодня перед нашей страной в смысле обеспечения национальной безопасности или хотя бы выработки её стратегической концепции состоит в том, что мы так и не сумели за шесть десятилетий найти адекватный ответ на предложение У. Черчилля**».

А говорил он о необходимости построения мира, в котором бы на одном полюсе были США во главе своих союзников, а на другом — все остальные страны. Независимо от того, богатые или бедные, демократические или тоталитарные, близкие или далёкие. Мир будет прочным только тогда, настаивал У. Черчилль, когда «мы во главе с США будем обладать огромным превосходством, чтобы использовать его в качестве устрашения».

Таким виделось будущее мира Уинстону Черчиллю. Именно таким мы видим этот мир сегодня. Фултонская прогностическая директива сбылась на все сто. Ныне военное могущество США почти в десять раз превосходит оборонный потенциал всего остального мира. И действуют они сегодня во всех уголках мира исходя именно из такого соотношения сил. А другого, пожалуй, и быть не может. Один из очень мудрых людей как-то сказал: «Политика имеет свою объективную логику, её интеллектом не перешибёшь».

URSS

Однако хватит о Черчилле. У него было своё пятое марта, у Сталина своё. Пятого марта 1953 года Сталина не стало, а значит, не стало и его «контрпроекта», рассчитанного на деятельное противодействие политике послевоенного доминирования США. Иосиф Сталин всё сказанное У. Черчиллем принял всерьёз и выдвинул в пику адекватную концепцию стратегического эшелонированного отпора политическому диктату США. Выбор средств для решения этой задачи был невелик. Приходилось довольствоваться тем, что оказывалось под рукой. В результате сложилось три направления конкретных действий.

Первое. Перенесение в рамках международного коммунистического движения акцента с антиимпериалистической борьбы на борьбу антиамериканскую.

Второе. Создание из попавших по Ялтинским соглашениям в зону советского влияния восточно-европейских стран «заградительного антиамериканского фронта». Генеральным штабом этого фронта стало созданное И. Сталиным так называемое Информбюро. Что-то вроде «малого Коминтерна». Только с гораздо более жёсткими принципами командования.

Третье. Организация внутренней жизни Советского Союза по мобилизационному образцу. В военную форму практически обрядили всех — от трамвайных кондукторов до курьеров «Сберкассы». Да это и понятно. Отсутствие достатка может быть компенсировано лишь повышенной дисциплиной.

Необходимость перехода к осуществлению стратегической концепции «осаждённой крепости», противостоящей провозглашённому У. Черчиллем проекту «Pax Americana», Сталин сформулировал так: «**Если до Второй мировой войны наиболее влиятельные реакционные круги американского империализма придерживались политики изоляционизма и воздерживались от активного вмешательства в дела Европы и Азии, то в новых послевоенных условиях хозяева Уолл-Стрита перешли к новой политике… Новый экспансионистский курс США поставил своей целью установление мирового господства американского империализма**».

За те семь лет, что отделяли пятое марта 1946 года от пятого марта 1953-го, с полной уверенностью сказать, на чьей стороне были сила и правда, не брался никто. Большинство экспертов склонялись к тому, что без Третьей мировой войны, которая должна была дать ответ на этот вопрос, скорее всего не обойтись. Но мы обошлись. После смерти Сталина вопрос о так называемой «национальной безопасности» страны был практически изъят из политической повестки дня. На вооружение была принята политика умиротворения и задабривания заведомо сильнейшего.

При Хрущёве это было «мирное сосуществование», при Брежневе — «разрядка международной напряжённости», при Горбачёве — «перестройка», при Ельцине и Путине — «демократическое реформирование».

ЦРЕС

Но во всех случаях эта политика вела к сдаче позиций, утрате влияния, разбазариванию сил. Некоторые эксперты считают, что потери, которые мы при этом понесли, вполне сопоставимы по характеру и объёму с гипотетическим уроном, который нашей стране могла бы нанести сама Третья мировая война. Но гипотетический урон вещь условная. Одно ясно, как уже было сказано в начале, адекватного ответа на то, что придумал Уинстон Черчилль шесть десятков лет назад, у нас в России так и не нашлось. Радоваться этому или огорчаться, право не знаю…

«intelligent.ru»
14.03.2006

URSS

22. Надо ломать судьбу, а не менять политиков

Волна политических скандалов, связанная с отставкой правительства С. Кириенко и возвращением в премьерское кресло В. Черномырдина, а на его место Е. Примакова, затем С. Степашина захлестнувшая пирамиду российской власти по самую макушку, невольно наводит на мысль, что причины происходящего имеют какие-то глубинные, не поддающиеся выкорчевыванию корни. Иначе чем объяснить, что судьбы российских политиков при всем различии их личных качеств и несхожести обстоятельств на поверку оказываются до невероятности схожими. Не потому ли создается впечатление, что и нынешние «разборки», охватившие высшие эшелоны власти, еще не конец, а скорее пролог к новому туру политических скандалов и передряг. Не являемся ли мы свидетелями и участниками событий, имеющих в своей основе какую-то неистребимо порочную закономерность?

В России очень легко быть пророком. Достаточно из всех возможных вариантов развития событий выбрать наихудший, и вы обязательно угадаете. Во всяком случае я этой методикой пользуюсь уже лет десять кряду и практически ни разу не ошибся. Происходит это не в последнюю очередь потому, что люди, которые могли бы изменить ход событий, изо всех сил подталкивают и себя и страну к обострению кризиса, а то и к катастрофе. На Руси издревле привыкли относиться к любым предостережениям с высокомерием невежд: все слушают, но никто не внемлет.

Нынешняя политическая элита России почти сплошь состоит из дилетантов, которые могут быть неплохими юристами, социологами, экономистами, выдающимися деятелями искусства, культуры и науки, но из них вышли абсолютно никудышные политики.

Практически никто из них не доказал, что способен действовать в русле объективной логики жизни. Многие события, которые сами же они инициировали, оказываются для них сюрпризами, а из провозглашенных намерений практически ничего не появляется на свет в заявленном виде. Перестройка оборачивается развалом, реформы попятным движением, президентские выборы провинциальным водевилем, клятвенные заверения пошлым обманом, законы, постановления, указы пустыми бумажками.

Однако о главном. Не может быть надежной политики, а тем более верного прогноза, даже расчета на получение желаемого результата, если и то, и другое, и третье оказывается за пределами того, что предначертано стране, народу, который в ней живет. Если деятельность людей, вознаме-

ЦРЕС

рившихся управлять народом и страной, не вписывается в образ их судьбы, которую, как известно, не обманешь, на кривой козе или рыжем козле не объедешь.

В эпоху «торжества» диалектического материализма, исторического детерминизма и научного атеизма даже сама постановка вопроса о судьбе стран и народов считалась крамолой, идеологическим преступлением, нравственной порчей. Хотя на самом деле каждый чувствовал, не мог не чувствовать, что жизнью каждого отдельного человека, как и страны, управляет какая-то гораздо более могущественная сила, чем знания, воля и разум. Не говоря уже о КПСС. Но в ту пору не только говорить, но даже думать на эту тему было запрещено. Да по правде говоря, и не хотелось.

Когда мы сегодня соглашаемся с тем, что наша страна более чем на семьдесят лет была вырвана из процесса естественного исторического развития, а теперь мы предпринимаем попытку вернуться в его лоно, то означать это может только одно: сегодня мы вновь стали смотреть на свое прошлое и будущее под углом зрения выпавшей на нашу долю судьбы. Долю горькую, но она наша.

Если бы нынешние реформаторы, начиная с М. Горбачева и кончая Е. Гайдаром и А. Чубайсом, не сделали ничего, кроме этого, их вполне можно было бы уже при жизни причислить к лику святых. К сожалению, им самим этого оказалось мало. Они сделали все, чтобы усугубить те тяготы, которые и так лежат на плечах россиян непосильной ношей. Кого-то из них уже прокляли, а оставшихся тоже проклянут. Как только пробьет их час. Кто-то, возможно, усмотрит в моих пророчествах кликушество. Вовсе нет.

Я бы рад наворожить и Б. Ельцину, и А. Чубайсу, и многим другим их нынешним единомышленникам, сподвижникам и соратникам иное, счастливое и радужное будущее, но не могу. Извините, ребята, не судьба. Одно остается пообещать для облегчения. Хотя бы морального. Судьба тех, кто придет после вас, тоже будет адовой, на их голову падет ничуть не меньше позора и проклятий, чем на вашу. Удовлетворены вы этим? Нет, конечно. Ну и правильно, вот только изменить ничего, к сожалению, нельзя.

Я российскую власть не люблю. На корню и в семенах. Особенно после того, как понял, что она генетически порочна. По всем параметрам. От медико-биологических до общественно-политических и социально-экономических. Что красноречиво подтверждают примеры из жизни наиболее ярких ее представителей, сумевших действительно оказать «судьбоносное» воздействие на развитие исторических для страны событий.

Великий государственник Иван Грозный уже в зрелые годы, что вообще-то случается крайне редко, сменил сексуальную ориентацию, стал гомосексуалистом. Великий реформатор Петр I страдал эпилепсией и прогрессирующей паранойей. Николай II, последний из царствующего рода Романовых, представлял собой целый букет признаков деградации, был

склонен к бытовому пьянству, очень часто вел себя как человек слабовольный, внушаемый, подавленный обстоятельствами. О чем горевала даже его собственная мать.

Так называемых «хороших» государей в России либо убивали, либо всячески старались опорочить, награждали обидными кличками, даже выставить в глазах современников, но главным образом потомков анекдотическими персонажами, которых всерьез воспринимать никак нельзя. Особенно в этом смысле досталось императрице Екатерине II. Спросите любого россиянина, что она сделала доброго для России. Скорее всего вразумительного ответа не услышите. А вот про любовные утехи «венценосной бабы», о ее романах с Потемкиным и братьями Орловыми, об историях с караульными гвардейцами наслышаны все…

И, наконец, самое главное, если иметь в виду личные биографии российских самодержцев, никто из них не смог обеспечить своим начинанием кровной преемственности. Иван Грозный собственноручно убил старшего сына. Петр I тоже измывался над царевичем Алексеем в подземном каземате и распорядился его казнить. Еще один несчастный царевич Алексей, сын императора Николая II, страдал гемофилией, был слаб и немощен, как и весь угасающий романовский род, увидевший свое единственное спасение в опоре на магическую силу «сибирского старца» Гришки Распутина.

И вот ведь парадокс, спас бы Гришка Николая, поскольку действовал решительнее и умнее, чем император, потому что лучше чем кто бы то ни было до него олицетворял природу российской власти, ее животные инстинкты, врожденное прохиндейство, невежество и дикость. Сам Распутин прекрасно понимал, что в расхристанной, впадшей в политический маразм России именно он единственная опора самодержавия. Незадолго перед покушением на него он предупреждал будущих своих палачей: «Убьете меня — рухнет трон, да и вы все подохнете». Так оно и случилось…

Заблуждаются те, кто полагает, что так называемое былое «величие царской России» зиждилось на трех китах — самодержавии, православии, народности. У нее были совершенно другие опорные точки — власть, деньги, грабеж… Потому она и рухнула, когда ее чуть-чуть подтолкнули…

Большевики, победившие в октябре 1917 года, страдали теми же самыми недугами, физическими и политическими, которые достались им в наследство от Романовых. У Ленина был прогрессирующий склероз, разжижение мозгов. Сталин имел явные признаки генетической мутации (на одной из ног у него были сросшиеся пальцы), многое свидетельствует о том, что по природе он был садистом, а по медицинским параметрам — параноиком. Троцкий был эпилептиком, Каменев алкоголиком, Свердлов и Дзержинский страдали чахоткой, Бухарин тяжелейшей формой неврастении.

Да и по части так называемой преемственности у большевиков было не лучше. Ленин предостерегал, что власть лучше передать кому угодно,

LitRes

только не Сталину. Последний в свою очередь почитал Ильича только на словах, лишь в той мере, в какой ему это было вы годно. На самом же деле Сталин относился к «вождю мирового пролетариата» пренебрежительно, даже с презрением. А дальше все пошло-поехало по накатанному. Хрущев сбросил с политического пьедестала Сталина, Брежнев Хрущева, Горбачев Брежнева, Ельцин Горбачева…

Короче, большевики не только не преодолели дурной наследственности российской власти, но, наоборот, усугубили ее коренные пороки, поскольку сделали все возможное, чтобы вытравить из душ и сознания людей те качества, которые хоть в какой-то мере уравновешивали генетическую неполноценность российской власти. На протяжении веков величайшей гражданской доблестью в России считалось служение «Богу, Царю и Отечеству». Конечно, прежде всего Царю.

По уходящим вглубь веков причинам исторического, геополитического и психологического характера Россия всегда была самодержавной страной. Но существовала царская власть как бы в рамках двух нравственных ограничителей высочайшей пробы — православной веры и национального патриотизма. Большевики уничтожили именно эти ограничители, зато открыли простор для самореализации абсолютной власти. В результате Россия превратилась в вождистское тоталитарное государство. Это во-первых.

Во-вторых, большевики вырвали Россию из процесса естественно-исторического развития, придав и прежде присущей российской власти склонности забегать вперед доктринальный характер. Претензии на олицетворение чаяний всего человечества, на высшую мудрость и всеобщую справедливость поставили страну и народ в ложное положение, а это в свою очередь совершенно закономерно породило лживую власть.

Вместо лжепретендентов на престол, которых в России всегда хватало, мы получили вконец изолгавшуюся власть, которая, как это нередко случается, сама уверовала, что ложь — это и есть правда. Все это хотели заменить преданностью идеям коммунизма, непререкаемым авторитетом так называемых общественных интересов, которые олицетворяла коммунистическая элита, партийными директивами и предписаниями, регламентировавшими всю нашу жизнь от А до Я. В результате и коммунистическая власть рухнула. Почитай, в одночасье. Поскольку и она за семьдесят лет успела прогнить насквозь…

Но тогда возникает вопрос: за счет чего же мы все-таки пусть худо-бедно, но движемся вперед? Откуда в таком случае в российской неказистой почве появляются самородки, которым порой цены нет?

Как, с какой такой стати рождаются у нас гении и таланты, которыми испокон веков славится Россия?

Все очень просто. С исторической, общественно-политической, социально-экономической, морально-этнической, эмоционально-психологической, любой иной точки зрения, какую только можно придумать и пред-

положить, народы продвигаются вперед или поднимаются по восходящей линии только двумя способами — либо сотрудничая и взаимодействуя с хорошей властью, либо борясь против плохой.

В нормальном процессе исторического развития периоды сотрудничества и борьбы могут сменять друг друга. Но только Россия почти перманентно находится в состоянии непрерывной борьбы с плохой властью. Все лучшее, что в ней есть, с этой властью конфликтует, сотрудничество с ней порядочные люди считают для себя унизительным, позорным, постыдным. Обратите внимание: все самое талантливое, самое значительное в России с точки зрения возвышенных порывов души, все самое гениальное непременно пронизано духом бунтарства, неприятия власти, борьбы с нею. Таланты, гении всегда рождаются в периоды борьбы, сражений, состязаний, в моменты наивысшего напряжения душевных и физических сил. В России больше всего рождается гениев и талантов, потому что здесь жизнь — борьба. В России всегда считалось, что у порядочного, тем более талантливого человека ничего общего с властью быть не может. И это естественно, поскольку все, кто обладает здоровой, неизвращенной, не искалеченной психикой и нормальной жизненной энергией, если не понимают умом, то чуют нутром, что в России всегда была, есть и всегда будет дурная власть. Это ей на роду написано, таков ее тяжкий крест…

Российская власть сама в себе несет причины и следствия постигающих ее, а вместе с ней и страну бед, неурядиц, кризисов, конфликтов, скандалов. Что ей на роду написано быть наказанием для собственного народа и тяжким бременем для страны. До тех пор, пока она сама этого не поймет. И сама себя не преодолеет. Хотя для этого ей потребуется мужество, граничащее с самопожертвованием.

Пять неискоренимых пороков российской власти. На самом деле их гораздо больше. Но я остановлюсь лишь на главных. Начнем с того, что власть не сама по себе появляется на свет, не из воздуха возникает. Корни ее уходят в национальную почву, в толщу народных слоев. Мысль, что каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает, аксиома. Во всех благополучных странах справедливость этой мысли проявляет себя одинаково, во всех неблагополучных каждый раз на свой особенный манер.

Как правило, хорошую власть имеют те народы, где на тронах, в президентских, министерских и депутатских креслах оказываются люди, строящие свою политику на олицетворении достоинств и развоплощении недостатков своих подданных, избирателей, подчиненных. Это основное отличительное качество хорошей власти, ее внутренний стержень, если хотите, фирменный знак. Плохая власть, наоборот, всегда поощряет пороки, спекулирует на слабостях, потакает низменным страстям.

Характерный пример: в русских народных сказках цари, царевичи, царевны, их придворные, разные там спальники, целовальники, воеводы наделены, как правило, чертами мало привлекательными, вызывающими ан-

типатию. Но, согласитесь, все эти персонажи абсолютно народны. В психологическом смысле русский национальный фольклор очень точен. Когда речь идет о власти, ее представителей «награждают» качествами, от которых самим «простым людям» хотелось бы избавиться. Сравните наши сказки с немецкими, французскими, скандинавскими — и вы тут же почувствуете разницу. Там к власти, к ее венценосным представителям относятся с гораздо большим уважением, если хотите, почтением. Не то что у нас…

Понятно, что заведомо плохих или хороших народов не бывает, люди сами по себе не ангелы, но и не исчадия ада. Так почему же в одних странах наверху оказываются достойные и порядочные люди, а в других прохиндеи и негодяи?

Есть ученые, которые сводят ответ на этот вопрос к закономерности. К примеру, известный английский политолог Фридрих А. Хайек, получивший Нобелевскую премию за исследование проблем власти, утверждает: «В таких странах, как Россия, к власти всегда приходят худшие люди». Спорить с ним не стану, поскольку с выводом согласен. Не вижу и необходимости повторять его аргументацию, так как книга Ф. Хайека опубликована на русском языке и в принципе доступна любому заинтересованному читателю. Могу лишь предложить некоторые собственные соображения и обобщения на этот счет.

Жизнь народов и государств протекает не только в системе исторических, геополитических, социально-экономических, но и морально-психологических, духовно-нравственных координат. Последними двумя параметрами, к сожалению, особенно часто пренебрегали и пренебрегают в нашей стране. Хотя именно они, по моему глубокому убеждению, очерчивают тот магический ареал, где происходят важнейшие для страны и народа события. Когда души людей на подъеме, взлетает и страна, унизьте людей, подрежьте им крылья, заставьте их ткнуться мордой в собственное дерьмо, они вам такое со страной сделают, что долго ее потом отмывать, по кусочкам собирать придется…

Духовный, нравственный диапазон исторического процесса ограничен двумя понятиями: возвышенной мечтой о Земле Обетованной и мрачным ожиданием Конца Света, Страшного Суда. Все, что только можно себе представить, любые искания, любые устремления, любые переживания и страхи укладываются в это ложе.

Однако не это главное. Дело в том, что история каждой страны, нравственный облик любого народа позволяет определить, куда устремлены силы их духовного притяжения и напряжения. К поиску Царства Божьего на Земле или в сторону Конца Света, Апокалипсиса. Представления о том и другом вовсе не абстрактны и бестелесны. Они обретают реальность в поступках и поведении людей, в их судьбах. А в конечном итоге — в судьбах стран и народов.

LIBRESS

Наш соотечественник, умница и провидец Николай Бердяев, называл русских «апокалипсическим народом». Не находя правды в Христе, они ищут ее в Антихристе, писал он.

На языке обыденном, житейском, а не мистическом, библейском это означает, что мы склонны шарахаться из стороны в сторону, из одной крайности в другую. Разве каждый из нас не знает за собой этого греха? Разве мы не видим, что вся наша жизнь, вся наша историческая биография отмечена такими метаниями? Разве то, что происходит сегодня на наших глазах, не подтверждает это?!

Но если бы мы лишь шарахались из крайности в крайность, от хорошего к плохому, было бы еще полбеды. Вся беда состоит в том, что мы, чем дальше, тем больше начинаем шарахаться от плохого к худшему, от проступков к преступлениям, от воровства к грабежам. Как если бы сами торопили приход Конца Света, сами загоняли себя на позорную скамью Страшного Суда.

Справедливость этого утверждения очень трудно доказать. Оно из числа тех, в которые можно только поверить или же отвергнуть напрочь. Но иногда жизнь подает какие-то знаки, помогающие правильно сориентироваться. Очень часто такие подсказки содержатся в языке, который развивается по законам, не подвластным человеческому разуму, но без его помощи не появляется на свет ни одна мудрость. В русском языке три понятия — Государь, Государство, Сударь и Сударыня, Судьба — связаны воедино, как власть и ее подданные. И все три слова имеют общий корень — Суд. Пусть мне кто-нибудь докажет, что это совпадение случайное и не имеет никакой связи с понятием Суда… Страшного[57].

Итак, российская власть — это апокалиптическая власть апокалиптического народа, который сам над собой возносит подонков, чтобы потом класть все силы, а то и жизнь на борьбу с ними. По-иному развиваться, каким-то иным способом двигаться, кроме как затылком вперед, мы не умеем. Не суждено. Это **первое.**

Теперь порок **второй.** Россия — страна самовоспроизводящейся истории. В ней не только рукописи не горят, но и вместо будущего наступает прошлое. Дабы убедиться, что все, чему суждено с нами произойти, всегда известно заранее, достаточно перелистать страницы русской литературы.

---

[57] Здесь самое время вспомнить о «Словаре сути слов», чтобы проверить алгеброй арифметику. Открываю раздел словаря на букву «С». Нахожу два следующих друг за другом слова. **«СУД — Тайна Божественного Промысла». «СУДЬБА — испытание человека».** Согласитесь, в контексте вышеизложенного толкование сути корневого слова «СУД» не противоречит выдвинутой версии. Кстати, что там в словаре говорится о версии? Открываю нужную страницу, нахожу ответ: **«ВЕРСИЯ — явление сил движения века».** Поначалу толкование представляется мудреным, но если по сути, в своих рассуждениях я как раз и стремился к постижению смысла явления сил движения века. Значит, и здесь все совпадает…

URSS

Самой пророческой литературы в мире. Из нее можно узнать гораздо больше, чем из публикаций разного рода горячих «компроматов», разоблачающих пороки российской власти.

Вообще нынешний бум «компроматов», заполнивших российские средства массовой информации, печатные и электронные, больше всего напоминает медицинскую процедуру колоноскопии без предварительного очищения желудка. Что в таком случае можно увидеть, объяснять вряд ли стоит. И так все знают. Вот только пользы от такого «исследования» никакой. Потому что не ради правды, не ради честности и выяснения истины это делается. «Компромат», по определению, может служить только для сведения политических счетов, быть своеобразным атрибутом криминальных и полукриминальных «разборок».

О действительно острых и больных проблемах нашей сегодняшней жизни все на самом деле давно уже сказано Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Фонвизиным, Грибоедовым, Пушкиным, Толстым, Достоевским, Чеховым, Островским.

Два самых актуальных художественных произведения, в которых описаны не только по сути, в главных чертах, но вплоть до мельчайших деталей нынешние наши перипетии, созданы были, когда я в свои пятьдесят с лишним лет еще не родился. Это пьеса М. Горького «На дне» и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». От обоих так и веет «чертовщиной».

Кто еще десять-пятнадцать лет назад мог предполагать, что многие из нас почувствуют себя обитателями хрестоматийной горьковской ночлежки, а сеанс «черной магии» с его «фокусами» и «разоблачениями» в исполнении «заезжей шайки», даже внешне очень похожей на булгаковских «героев», развернется прямо на наших глазах. Более того, как и описано, с нашим непосредственным участием.

У меня, к примеру, мурашки бегут по коже, когда я вижу, как нынешние власти только тем и озабочены, чтобы один к одному, тютелька в тютельку восстановить то, что было почти что до основания разрушено их предшественниками. Храмы, названия улиц, гербы, знамена, гимны, звания, погоны, лампасы. А Россию, которая, собственно, и была нашим прошлым, разметали в куски. Скажите, что к нам из прежней России, которую мы называем Великой, вернулось? Двуглавые орлы, вымаранные сусальным золотом, Андреевский флаг на корабельных мачтах, малиновый звон колоколов?! А где, скажите, земли, политые кровью и потом нескольких поколений россиян, над которыми этот самый венценосный орел простирал свои крыла? Где те победы, те завоевания, которые были одержаны предками и отцами под боевыми знаменами? Где та вера, которая вообще не куполами и звоном сильна была, а любовью и состраданием к господу, глубоким раскаянием в грехах наших.

Если утверждение, что развитие идет по спирали, верно, то мы по этой спирали вовсе не поднимаемся, а стремительно катимся вниз, под

UPress

уклон. Отсюда и следующий порок, которым страдает российская власть. Один из ее представителей, ныне покоящийся в мавзолее на Красной площади, определил бы его так: «Шаг вперед, два шага назад». К сожалению, слишком велика вероятность того, что и нынешняя власть, не успев восстановить разрушенного, увлеченная реставрацией прошлого, сама будет отнесена к разряду плохой. И все начнется сызнова. Шаг вперед, два назад…

Порок **третий.** В России авторитет власти, при самодержавии ли, при коммунистах или при нынешних демократах, всегда был и по сей день остается выше авторитета закона. Поэтому у нас всегда была бюрократическая, лживая, коррумпированная государственная машина. Сегодня этот родовой недуг обрел лихорадочный характер.

По сути дела в нашей стране существует сегодня не одно, а два государства. Одно декоративное, вроде потемкинской столицы, недавно помпезно отметившей свое 850-летие, второе теневое. Теперь вслед за героем гоголевских «Записок сумасшедшего» мы можем смело заявить: внутри российского государства есть еще одно — гораздо больших размеров. Не случайно же сведущие люди утверждают, что его «тень» покрывает почти 60 процентов российской экономики. Скажите, может ли быть хорошей власть, поднявшаяся на российских лживых, воровских, потемкинских дрожжах?

Четвертый. Российская власть никогда не считала себя ответственной перед народом. Почему, мы знаем. Но вот что характерно: власть и народ постоянно мстят друг другу за обманутые надежды. Власть народу за то, что он всякий раз оказывается не так глуп, как хотелось бы. Народ власти за то, что она так и не сумела стать лучше, чем предыдущая. Хотя обещала. Даже клялась. Поэтому отношения между властью и народом с завидной регулярностью бросает то в жар, то в холод, от пылкой любви к лютой ненависти. Народ ждет от власти благодати, власть от народа — благодарности. Но из этого иждивенческо-патерналистского мезальянса между властью и народом всякий раз получается конфуз.

Всегда считалось, что Россия дозрела до перемен, реформ и «перестроек», если до их осознания дозрела власть. Практика «осчастливливания» сверху по собственным, а чаще заимствованным рецептам — стержневой принцип российского реформаторства. Никто и никогда не хотел считаться с тем, как отнесутся к предполагаемым преобразованиям люди, по силам ли им окажется «цена реформ».

Российская власть никогда не оплачивала собственных «реформаторских инициатив» сама, из своих собственных закромов, в пользу страны и народа никогда ничем не жертвовала. Уже выбирая принципы рыночных реформ, которые сегодня в России идут с большим скрипом, их инициаторы заранее возлагали все предстоящие тяготы на плечи самых слабых, малоимущих и обездоленных.

LIPSS

Нынешние российские реформаторы — это те самые «новые русские», о «пришествии» которых предупреждал Н. Бердяев. Они сначала появились в политике и уж только потом в бизнесе. Многие из них сейчас открещиваются от «большевизма», считают себя его непримиримыми врагами, носителями истинных «российских ценностей и традиций». Обман или в лучшем случае лукавство. Вульгарно буржуазной сделали Россию большевики. И за границу обучаться в Сорбонне и Гарварде посылали нынешних «российских рыночников» по партийным рекомендациям, и в академии зачисляли по ним же, и к защите диссертаций по «политэкономии» без одобрения партийных организаций не допускали.

«Идейно» сейчас российские «рыночники» с большевизмом разошлись, а исковерканные души, навыки лицемерия и цинизма несут в себе до сих пор. Главное отличительное качество новых хозяев жизни, «новых русских» — это душевная неразвитость, нравственная глухота, безразличие к чужим страданиям и боли, вопиющая наглость. Потому и реформы у нас перекособоченные, вульгарно-жестокие, пошло-циничные, с духовными и нравственными ценностями России никак не связанные. Культура в загоне, образование нищенствует, библиотеки пустуют, книжные фонды разворовываются, наука дышит на ладан… Интеллигенция, совесть нации, по этому поводу бунтует, правительство безмолвствует и бездействует.

И, наконец, порок **пятый.** Тоже уникальный. Состоящий в том, что российская власть обладает непревзойденным умением подтачивать сук, на котором сидит. Временами создается впечатление, перерастающее в убеждение, что у нее просто отсутствует инстинкт самосохранения. Ни в одной другой стране не создают с таким усердием внутренних врагов, не натравливают одну часть населения на другую, как у нас. Во внутренних гражданских войнах, в ходе восстаний, революций и политических репрессий в России погибло больше людей, чем в войнах с другими государствами. И все это тоже смело может быть отнесено к «заслугам» нашей власти…

Российская власть никогда не умела и до последнего времени, похоже, не желала учиться осознавать и отстаивать государственные и национальные интересы. Сколько раз на протяжении веков мы ввязывались в войны, которые совершенно не были нужны! Сколько было одержано побед, которые, казалось бы, должны были на века обеспечить России величие и мощь! Но где плоды этих побед? Разбазарены и растранжирены.

На пороге третьего тысячелетия мы оказались, стыдно сказать, единственной страной в мире, где еще не завершился процесс национально-территориального формирования. Мы единственная страна, не имеющая собственных границ. Мы все еще объединяемся и разъединяемся, как если бы на протяжении всей своей предшествующей истории были колониальными задворками чьей-то империи.

Короче, если бы понятие «иммунодефицит» было применимо по отношению к власти, то уже давно следовало объявить, что российская власть

ЦРСС

вследствие своих порочных наклонностей и пристрастий инфицирована вирусом политического СПИДа. А СПИД, как известно, не лечится.

Во всяком случае, пока…

Для того, чтобы вывести российскую власть из злополучного порочного круга, в который она угодила, нужно не политику и политиков менять, а судьбу ломать. Пока мы будем бороться только против плохой власти, никаких радикальных перемен не произойдет. Тут себя перебороть надо.

Для этого прежде всего нужно понять, что генетические пороки российской власти паразитируют на наших собственных пороках. На нашей вере «в хорошего, доброго и мудрого царя», в то, что не мы сами, а власть может и должна за нас все решать. Нас не раз уже пытались осчастливливать насильно, то Иван Грозный, то Петр I, то «матушка» Екатерина, то троица императоров Александров. И уж конечно, коммунисты. Теперь демократы насильно тащат Россию в цивилизованный рыночный мир. Вот только закончиться это «осчастливливание», похоже, может печально. Концом света в отдельно взятой стране.

Вряд ли стоит обольщаться сомнительными комплиментами на счет того, что русский человек обладает «величайшей способностью приспосабливаться к любым условиям». **Надо наконец раз и навсегда решить, что мириться с недостойными человека условиями существования позорно. Ожидать, что кто-то нас научит жить по благополучным зарубежным рецептам и меркам, глупо. Не иметь собственной национальной концепции, или, как сейчас с легкой руки президента стали говорить, «национальной идеи», стыдно.**

Сегодня страна опять раскроена на множество кусков по идейным признакам и политическим пристрастиям, по социальной и национальной принадлежности, по религиозным верованиям, по месту проживания. Сегодня даже о гражданской общности россиян говорить не приходится.

Да, Россия переживает ныне тягостное, смутное время. Для выхода из существующего кризиса есть только два пути: либо власть сама осознает поразившие ее недуги, мобилизует все внутренние ресурсы самосохранения, преодолеет сама себя, либо россияне должны найти ей замену, не отягощенную порочной наследственностью. Хватило же предкам тысячу лет назад ума и мужества понять: «Велика и богата наша земля, а порядка в ней нет». Поэтому и пригласили княжить братьев-варягов. Не повторить ли опыт? Тем более что мы и так кроим нашу рыночную жизнь по зарубежным выкройкам. Так пусть бы этим открыто занимались действительные мастера, а не доморощенные вороватые подмастерья, которым все равно на чем наживаться: на гипсовых кошках-копилках или на вымаранных сусальным золотом бутафорских двуглавых орлах.

«Литературная газета»
№ 45, ноябрь, 1997.

ИПРСС

23. Партии без будущего, будущее — без партий

К середине лета провели свои очередные съезды практически все ведущие политические партии — КПРФ, СПС, «Яблоко», «Родина». Говорю «практически все», поскольку «Единую Россию» и ЛДПР политическими партиями в классическом смысле этого понятия считать нельзя. Это политические фан-клубы. Первый — Владимира Путина, второй — Владимира Жириновского. Разбираться в том, что с ними и в них происходит, — дело психоаналитиков, а не политологов.

Начну издалека, зато по существу. Почему потерял свое могущество Советский Союз? Думаете, по причине утраты военной мощи, принадлежащих ему прежде стратегических преимуществ? Да ничего подобного. С ним считались, более того, уважали, не потому, что он обладал смертоносным ракетно-ядерным оружием огромной разрушительной силы. Оно до сих пор хранится в наших ракетных закромах. Но никто теперь этих ракет не боится. СССР был силен, поскольку был носителем не смертельных ядерных боеголовок, а альтернативной политической идеи. Он посягал на то, чтобы представлять собой отличную от капиталистической модель мирового развития. И, надо отдать нашей бывшей Родине должное, немало в этом деле преуспел. И еще неизвестно, как бы историческое состязание за мировое лидерство закончилось, если бы не дал о себе знать генетический порок коммунистической идеи. Наш мудрейший соотечественник Николай Бердяев этот порок назвал «высокомерием просвещенного разума»: коммунистическая идея посягала на то, что от человеческой воли вообще не зависит.

Применительно к партийно-политической сфере эта аналогия должна восприниматься так: сила партии состоит не в ее численности, а в наличии у нее альтернативной идеи. А если ее нет — в добросовестном служении той, которая реально себя оправдала. Альтернативные идеи как таковые сами по себе на свет не появляются. Они всегда служат отражением, а то и воплощением сформировавшихся, в крайнем случае формирующихся в стране общественно-политических и социально-экономических интересов. Выдумать идею нельзя. Искусственно сконструировать партию — тоже. Это непосильная задача даже для самого изощренного политического ума.

Чтобы разобраться в том, что происходит с партийным строительством непосредственно в России, необходимо иметь в виду не только внутренние, но и общемировые процессы, которые происходят в этой сфере. Одна из таких объективных закономерностей состоит в том, что процесс

URSS

формирования общественно-политических и социально-экономических интересов стремится к поляризации, в результате сужается и сфера их альтернативной реализации. Естественным образом сокращается и политическое пространство, на котором могли бы зарождаться и действовать партии.

В итоге на смену политическому плюрализму приходит объективно обусловленная тяга к авторитаризму, то есть сосредоточению реального политического влияния, одной, максимум двух партий, не слишком отличающихся друг от друга в подходе к ключевым аспектам развития страны. Это не вопрос чьей-то злой воли, а объективный вызов времени, если хотите — историческая потребность.

После поражения коммунистической идеи в глобальном состязании за выбор магистрального пути исторического прогресса возникла ситуация, когда хрестоматийно знаменитые диалектические витки исторической спирали вдруг обернулись лентой Мебиуса: с чего ни начни, тем же самым и закончишь — собственность, капитализация, производство, товар, рынок, прибыль. Это обстоятельство радикальным образом изменило политический ареал существования партий. Если идея на всех одна, то и судьба одна. Бороться теперь приходится не за право реализовать собственную концепцию развития, а всего лишь за право внести свой вклад в повышение эффективности уже утвердившейся модели.

Соответствующим образом изменился и характер власти, принципы ее кадрового комплектования. Функциональное предназначение власти упростилось: открылась возможность решать управленческие задачи без оглядки на интересы второго, третьего, четвертого, тем более пятого порядка. С одной стороны, это привело к рационализации системы управления, с другой — отсекло власть от общества.

Политика стала все менее идеологизированной, власть — менее политизированной, по сути дела беспартийной. В результате власть, перестав быть идейно-политическим органом принятия государственных решений, трансформировалась в технический аппарат управления, практически не зависящий от перемен, происходящих в сфере общественного сознания и политического поведения людей.

Это, однако, не значит, что исчезает сам состязательный характер политического процесса, что на политической арене остается лишь игрок, представляющий власть. Вовсе нет. Изменяются правила состязания, возрастают требования к профессиональной квалификации игроков, значительно увеличивается мера ответственности за управленческие неудачи, промахи, ошибки. Накал соревнования за обладание властью не только не угас, он стал еще жарче, вот только с дворовых игровых площадок, где преобладал идейно-политический азарт, борьба переместилась на управленческо-менеджерский подиум. Здесь уже приходится демонстрировать высочайшее профессиональное мастерство.

UPRSS

Понятно, что участников таких состязаний не может быть много. Два, максимум три. Третий, как правило, всегда играющий на противоречиях между первыми двумя. Именно по такой схеме сформировалась партийно-политическая система Англии, США, Франции, Германии. Причем ведущие партии четко «вписываются» в объективную логику рыночных отношений.

Одна из партий воплощает в себе интересы бизнеса и предпринимательства и, как правило, исповедует консервативно-либеральную идеологию, другая, соперничающая с первой, олицетворяет интересы наемных работников, государственных служащих, прежде всего занятых в сфере образования, здравоохранения, культуры. Эта партия придерживается соответственно социально-демократической ориентации. Третья в случае возникновения политических неясностей обеспечивает необходимый баланс сил и интересов. Ее концептуальные установки весьма подвижны.

В России, к сожалению, партийно-политическая система все еще пребывает в состоянии организационного и функционального становления.

Во-первых, ей приходится формироваться в условиях политического пространства, на протяжении семидесяти с лишним лет находившегося под властью тоталитарного режима. Прямо скажем, не очень подходящий плацдарм для формирования политической многопартийности. Поменять убеждения и идеологические ориентиры легко. Сложно изменить способ мышления, глубоко укоренившийся в общественном сознании. Это обстоятельство серьезным образом влияет на процесс партийного строительства. Не случайно наш постперестроечный златоуст Виктор Черномырдин, возглавлявший одно время «Наш дом — Россия», как-то посетовал: «Что ни начинаем строить, а все равно получается КПСС».

Во-вторых, каждая из партий, претендующих на более или менее серьезное политическое влияние, продолжает искать способ самоидентификации не в функциональной, а в альтернативной идейно-политической сфере, акцентируя свои усилия на различиях, а не на том, что сближает ее с другими партиями.

В политическом сознании новоиспеченных партийцев преобладает стереотип, что живучесть партии обеспечивает идейная самостоятельность. Хотя на самом деле спрос на такую самостоятельность, как о том свидетельствует политическая практика, давно упал. А вот на профессиональное управленческое мастерство, наоборот, вырос. Универсальный закон спроса и предложения распространяется не только на товарно-денежные, но и на партийно-политические отношения. Но в России претенденты на партийно-политическое лидерство упорно не желают этого замечать.

Причем эта тенденция характерна не только для межпартийных отношений, как, к примеру, это происходит с «Яблоком» и СПС, но и для внутрипартийных, что красноречиво продемонстрировал раскол в КПРФ.

UPRSS

Прошедший в пафосной атмосфере преодоления наметившегося было раскола съезд «Родины» в этом смысле не столько исключение, сколько подтверждение правила: демонстративное единство в России — вещь нестойкая, чреватая неизбежным политическим раздраем. Как правило, идейный эгоизм обязательно берет верх и над здравым смыслом, и над соображениями политической целесообразности.

У партии «Родина», как, впрочем, и у «Единой России», не должно возникать уверенности, что их нынешнее политическое благополучие продержится долго. В России еще не было двух избирательных циклов подряд, чтобы победившая на предыдущих выборах партия сохранила свои позиции. За взлетом, как правило, обязательно следовало падение.

Не оправдала себя российская партийно-политическая система не только на федеральном уровне, но и на периферии. СПС, «Яблоко», ЛДПР, вместе взятые, за годы своего существования сумели привести в областные законодательные собрания всего одного депутата. Народная партия, кичащаяся своей близостью к российской глубинке, неоднократно пыталась пробиться в областные законодательные собрания и всякий раз с треском проваливалась.

К объединению «Отечества» и «Единства» в «Единую Россию» тоже подтолкнула не взаимная политическая любовь, а спекулятивный политический расчет. С его помощью удалось объединить не столько избирателей, сколько наличный административный ресурс, сыгравший в прошедших в декабре 2003 г. выборах в Государственную думу решающую роль. В списки «Единой России» было включено более тридцати губернаторов, из которых в результате завоеванной победы ни один не поменял губернаторское кресло на депутатское. Зато выборы прошли по хорошо отлаженной административной схеме. Но это вовсе не значит, что на предстоящих в 2007 г. выборах в Думу «Единая Россия» сможет преодолеть установленный для прохождения в парламент семипроцентный барьер.

Острее других тотальный кризис партийно-политической системы переживает КПРФ. Общие проблемы системного общеполитического кризиса наложились еще и на кризис партийного лидерства. Любым партиям, переживающим трудные времена, вообще свойственно видеть причину неудач в собственных лидерах. Но у коммунистов переоценки роли личности в политике и истории протекают особенно болезненно. Так уж повелось, что именно в облике лидера воплощается и идейное могущество партии, и ее организационное единство.

Геннадий Зюганов до тех пор, пока ему удавалось скрывать, что он боится самой возможности завоевания власти, справлялся с ролью партийного вождя. Но как только стало появляться все больше свидетельств, что Зюганов лишь имитирует борьбу за власть, а не ведет ее, его политический авторитет в глазах партийных масс резко упал. Это обстоятельство

ИРСЭС

совершенно естественным образом привело к постановке вопроса о необходимости смены лидера.

Однако, как мне представляется, судьба КПРФ, как, впрочем, и других партий, включая СПС, «Яблоко» и «Родину», будет зависеть вовсе не от того, как они решат кадровые и организационные вопросы. Гораздо важнее, насколько глубоко и точно они осознают смысл нынешней исторической ситуации, радикальным образом повлиявшей на процесс партийного строительства. Сколько бы ни продолжались межпартийные и внутрипартийные «разборки», рано или поздно всем партиям придется приспосабливаться под объективные потребности времени и общими усилиями начать формировать партийно-политическую систему не по идеологическому, а по функциональному признаку. Так, как это происходило в Великобритании, США, Франции, Германии, в других западных странах, которые у нас принято называть цивилизованными.

Мысль о том, что в России вместо партийного многообразия должна в конечном счете сложиться классическая двухпартийная система, витает в нашем обществе давно. Но одно ясно: прежде чем такое партийное «секвестрование» произойдет, нужно выработать общую точку зрения на ситуацию в стране, не разделяя людей на тех, кто прав, и тех, кто виноват. Во-первых, необходимо прийти к единому мнению, что никакие реформы, никакие рыночные принципы, никакие соображения политической целесообразности, предписания классической демократии и либерализма не требовали разрушения единого государства. Ответственность за случившееся сегодня в равной мере лежит и на либерал-реформаторах, и на коммунопатриотах, и на правых, и на левых, и на центристах, и на националистах. Еще неизвестно, что больше сближает позиции — осознание общих утрат или общих приобретений. Какой смысл сегодня делить вину между теми, кто инициировал процесс распада Советского Союза, и теми, кто не сумел его отстоять.

И те, и другие должны осознать, что распад страны отразился не только на географических картах. Он рубанул по живому, по душам людей, по их судьбам, по сознанию и подсознанию. Мы лишились ощущения гражданской принадлежности пусть к не слишком богатой, пусть не к счастливой, безалаберной, но великой стране. Безродная идеология «новых русских», что лучше жить в крошечной, но благополучной Бельгии или Дании, чем маяться на бескрайних просторах России, вдохновила немногих.

Ощущение масштаба, размаха — не прихоть, не каприз. Это состояние души русских людей, материализация их представлений о Земле обетованной. Без возвращения им этого ощущения никакие реформы в России на лад не пойдут. На уровне личности каждого отдельного человека всякий вправе сделать любой выбор, где ему жить и как. Но там, где дело касается судеб миллионов людей, где речь идет о стране, о политике госу-

дарства, никто не вправе поступать только по собственному разумению, руководствуясь только собственными интересами, тем более навязывать их кому бы то ни было.

Во-вторых, необходимо согласиться, что иного пути, кроме развития рыночных отношений, для России нет. Это не значит, что мы раз и навсегда согласились с той рыночной моделью, которая была избрана для внедрения в нашей стране. Когда в России запускали рыночные механизмы, рассуждали просто: превратим всех россиян в собственников, приватизируем и акционируем государственные предприятия, создадим средний класс, который станет опорой демократии и либерализма.

Не получилось. Да и не могло получиться. Не собственность создает благополучие, не форма владения ею сама по себе определяет эффективность производства и экономики в целом. В основе процветания, богатства страны и благополучия людей лежит труд, его полновесная оплата, уважительное отношение к нему.

Да и средний класс, во всяком случае, такова мировая практика, складывается не из собственников как таковых, а из наемных рабочих и служащих, из представителей творческой и научной интеллигенции, получающих за свой труд плату, вполне достаточную, чтобы им было что терять, кроме своих цепей. Но российские реформы обесценили человеческий труд, лишили его созидательных функций, превратили в насмешку, хотя бы размерами его минимальной оплаты, которую иначе как издевательской не назовешь.

На рынке, где труд самый дешевый, бросовый товар, реальных стимулов для развития производства и производительных сил не бывает. Здесь будут процветать махинации, аферы, обман, мошенничество, спекуляция, подлоги, коррупция, подкуп, шантаж, рэкет, вымогательство и так далее до бесконечности.

В-третьих, несмотря на существующие идейно-политические разногласия, не должно быть двух мнений на тот счет, что не может успешно развиваться страна, благоденствовать народ, если власть не исполняет главной своей нравственной функции и духовного предназначения. Власть не должна быть олицетворением присущих людям недостатков, порочных наклонностей. Она не должна стимулировать недостойные человека качества, тем более строить на их поощрении собственную политику. Власть, осознающая свое предназначение, должна быть не олицетворением, а развоплощением всего стыдного, недостойного, тем более позорного, если это даже коренится в натуре человека.

Уверен, число вопросов и проблем, которые неизбежно встают перед российскими политическими деятелями, размышляющими над тем, как им жить дальше, как строить свои отношения с людьми и государством, далеко выходит за пределы перечисленных. Смысл не в количестве вопросов и проблем, а в понимании в общем-то простой мысли: у нынешней

ИРСЕС

партийно-политической системы, в основе которой лежит принцип собственной идеологической особенности, будущего нет. Если российским партиям не удастся приспособиться к изменившимся историческим реалиям, может случиться, что будущее, в свою очередь, вполне обойдется без партий. В конце концов, все демократические конституции гласят: не партии являются суверенным носителем верховной власти, а народ.

«Политический журнал»,
№ 26, 26.07.2004.

URSS

24. Самая последняя утопия

Предсказанная Мишелем Нострадамусом глобальная катастрофа, которая должна была случиться «незадолго до смены тысячного века», была абсолютно реальной перспективой. Но мы ее миновали, даже не заметив.

Все ожидали «конца света» в результате третьей мировой войны, и она действительно произошла, Мы же продолжаем ее ждать. По причине психологической привычки не замечать очевидного.

Первая мировая война (1914–1918) завершилась не только экономическим, политическим переделом мира и сфер влияния, но и появлением альтернативного пути развития. В России к власти пришли большевики, исповедующие идеологию глобального преображения и «светлого будущего всего человечества». Вторая мировая война (1939–1945) была антифашистской, она предотвратила попытку решить исторический спор радикальным образом «справа». Завершилась, как того и следовало ожидать, усилением позиции «левых». На планете возникла «мировая социалистическая система».

Третья мировая война (1985–1999) должна была стать и фактически стала войной антисоциалистической, предотвращавшей попытку доктринального преображения мира «слева», на коммунистический лад.

Пусть никого не смущает отсутствие атомных бомбардировок, дальнобойных обстрелов, передвижения армий и массовой гибели людей, с чем обычно принято связывать перспективу возникновения мировых войн. Судить надежнее по результатам. В мире произошли именно те сдвиги и перемены, которые происходят исключительно в результате войн глобального масштаба.

С политической карты мира исчезло огромное государство, «великая держава», претендовавшая на олицетворение будущего планеты ликвидированы сферы ее влияния, отторгнуты территории и поделены союзники. Обширные пространства пришли в совершенный упадок, сопоставимый разве что с катастрофическими разрушениями в результате массированных налетов бомбардировочной авиации. Правопреемница прежнего государства оказалась в долгах, очень напоминающих контрибуцию, возложенную на страну-агрессора странами-победителями. 250 миллионов человек оказались перед необходимостью менять гражданство, влачить жалкое существование в режиме выживания. С насиженных мест сорваны миллионы людей, превратившихся в беженцев и переселенцев. Огромная

URSS

территория стала зоной бедствий, кризисов, локальных конфликтов и политических разборок, где хозяйничают бандиты, мародеры, похитители людей, шарлатаны и самозванцы.

Забудьте на секунду, что не гремели пушки, не падали на голову бомбы, тогда вы вынуждены будете признать, что описанные события и их результаты как по масштабам, так и по сути не могут быть расценены иначе, как последствия мировой войны, которая должна была обернуло глобальной катастрофой, но завершилась «концом света в отдельно взятой стране». Основным театром военных действий всех трех мировых войн стала Россия.

На протяжении веков не только мы, но и весь мир жил в некоем предчувствии особой миссии России. Объяснение этому находили в особом двуедином геополитическом положении страны, в загадочном умственном и психологическом складе русских людей, в противоречивости их возвышенных мыслей и плебейского, нередко хамского, поведения, в их способности побеждать и неумении пользоваться результатами одержанных побед, плодами собственных достижений.

Но все это лишь частично справедливые, но не исчерпывающие суждения. На самом деле суть состоит в том, что Россия, оказавшись основным театром трех мировых войн, была еще и главным историческим полигоном для разного рода общественно-политических экспериментов, которые должны были испытать материальные и духовные ресурсы человечества в различных экстремальных ситуациях с наибольшим напряжением сил.

Многие великие умы обращали внимание на это обстоятельство и в нашей стране, и за рубежом. Но точнее всех, пожалуй, оказался Петр Чаадаев в своих знаменитых «Философических письмах» «Мы принадлежим к числу наций, — писал он, — которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь урок… И сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?» Но ради чего? Не могут же муки и страдания быть самоцелью. Должен же быть в них хоть какой-то исторический смысл! Присмотримся к последним нашим испытаниям.

В стране произошло то, чего меньше всего ожидали как непосредственные инициаторы реформ, так и их близорукие попечители, и спонсоры, — здесь был нанесен сокрушительный удар по авторитету власти и государства, по стереотипам гражданского и общественного поведения. Целую страну вынудили жить в режиме выживания, когда каждый может полагаться только на себя, когда помощи и содействия ждать неоткуда.

До событий в России весь цивилизованный мир обретался в убеждении, что государство и гражданин, человек и общество только тогда могут существовать благополучно, когда взаимно заинтересованы друг в друге, в равной мере друг другом дорожат. Не мыслят друг без друга своего суще-

ИПРСС

ствования, как спрос и предложение. На этом было основано все — политика, экономика, идеология.

Теперь стройная, до поры до времени сбалансированная, даже гармоничная система рухнула. И вовсе не по причине специфических условий России. Просто произошел разрыв всемирной цепи в наиболее слабом ее звене. В таком случае рушатся все взаимосвязи. Глубоко ошибаются те, кто думает, будто острейший кризис переживает исключительно Россия, что только ее население конфликтует со своей неумелой, жуликоватой, эгоистической властью, что только российское государство расползается по швам. Мы являемся свидетелями глобального перевоплощения, своего рода всемирной психологической перестройки. Когда М. Горбачев выпустил свою знаменитую книгу «Новое мышление для нас и для всего мира», я не раз потешался над ее претенциозным названием. Не слишком ли велик замах, не слишком ли высок полет политической фантазии? Но… ирония судьбы. М. Горбачев оказался прав и прозорлив настолько, насколько может быть прозорлив человек, действующий по наитию. Россия действительно стала провозвестником глобальных перемен. Причем именно в сфере мышления, сознания, психологии, системы нравственных ценностей и жизненных ориентиров.

Другие, более благополучные страны давно живут по инерции, по привычке, не замечая, что объективная логика жизни течет уже иным руслом, что совершенно другими стали точки отсчета, что абсолютно нет никакой необходимости заявлять и тем более кичиться своей принадлежностью к народу, к нации, к государству, даже человечеству. Планета незаметно вступила в ту полосу развития, когда гражданин государства превращается в гражданина мира, где понятие «права человека» распространяется не на одну какую-либо страну или группу стран, а на всю планету.

Это, в свою очередь, означает, что человек становится суверенной личностью, свободной и полномочной, для которой понятие «Государство — это Я» становится приоритетным и основополагающим. Все прежние представления о нормах и правилах гражданского общежития перестают «работать». В зонах относительного благополучия эти процессы протекают в режиме эволюции, в зонах проблемных возникают кризисы, конфликты, потрясения, вплоть до революций. Но смысл происходящего в любом случае остается одинаковым, хотя и не всегда замеченным. Ведь не заметило же человечество третьей мировой войны. Не замечает и надвигающейся глобальной психологической революции.

В чем же состоит смысл психологической революции, каковы ее основные параметры и неизбежные последствия? Главное состоит в том, что в истории развития гражданского общества завершается эпоха демократии. Наиболее разумные деятели, привыкшие трезво оценивать события и называть людей, процессы и явления своими именами, насчет демократии никогда не обольщались.

ИРСЕС

Все, конечно же, хорошо помнят знаменитые отава Уинстона Черчилля: «Демократия — худший способ управления страной, если не считать тех способов, к которым до сих пор прибегало человечество». Великий англичанин, относившийся к демократии сугубо потребительски, как это вообще свойственно неглупым людям, — очень точно определил содержательные и хронологические рамки существования демократии: она полезна до тех пор, пока не созревают условия для более целесообразной формы управления обществом.

Еще более точен и конкретен в оценке демократии был Николай Бердяев. В 1923 году в очерке «Новое средневековье» он писал: «Демократия провозгласила свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выводит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она себя преодолевает. В этом будет ее правда. Современные демократы явно вырождаются и никого уже не вдохновляют. Веры в спасительность демократии уже нет…»

Подчеркиваю, сказано это в начале 20-х годов. И если судить по большому счету, даже самые образцовые, цивилизованные и совершенные, демократии не смогли предотвратить ни одной крупной беды. Они лишь помогали балансировать на грани, которую обозначил Черчилль: не будь демократии, дела могли бы обернуться еще хуже.

После того, что произошло в России, когда наружу вылезли все слабости, все генетические пороки демократии, после недавней варварской и бессмысленной акции объединенных западных демократий в Югославии стало совершенно ясно — демократия стала не только неэффективной, но еще и крайне опасной.

Она теперь не защищает интересы прогресса человечества, не снимает накапливающихся противоречий, а, наоборот, создает их, служит не благополучию людей, а своим эгоистическим потребностям и амбициям. Короче, с демократией происходит именно то, что случается с любым вырождающимся организмом или явлением.

На долю России в этой ситуации выпала демонстрационная роль. Она пустилась вдогонку за цивилизованным миром, когда демократия уже исчерпала свое историческое предназначение не только в идейно-политическом, но и сугубо функциональном плане. Мы провели над собой изнурительный исторический эксперимент по полной программе. Сначала по схеме доктринального коллективизма и интернационализма, затем — по модели отжившей свой век демократии.

В России сегодня происходит то, что завтра, если мир не поймет сути происходящего, даст о себе знать и в других, самых благополучных странах. Существует неотвратимый закон общественного развития: если идея исчерпала себя по сути, то она изжила себя и функционально. И в этом

случае ее уже ни к чему не пристроишь, не приспособишь. Ни во времени, ни в пространстве.

Понятно, что поиски такого пути растянулись на несколько веков, привели к состязанию идей, столкновению интересов, идейно-политических концепций, человеческих амбиций. Все это нужно было как-то сглаживать, а то и усмирять. Вот здесь и пригодилась демократия. В качестве укротителя общественно-политических страстей, психологического амортизатора она со своей исторической задачей прекрасно справилась. Честь ей за это и хвала.

Но как поступить, если окончательный выбор сделан, — а это произошло как раз на рубеже смены веков, когда разрешился глобальный спор между двумя мировыми системами? Если магистральный путь определился, принципы рыночных отношений и личной свободы одержали верх? Если отпала необходимость размазывать манную кашу по чистому столу, если нужно не тормозить, а ускорять движение? Если возникает необходимость включать иные рычаги, нажимать на совершенно иные педали? Демократия к этому абсолютно не приспособлена. Она имеет очень низкий коэффициент ускорения. Она научилась быть умной, но не умеет быть результативной. У нее на принятие решения, на обеспечение так называемых «сдержек и противовесов» уходит слишком много времени и средств. Ее политический механизм в нынешних, кардинально изменившихся условиях оказывается чрезмерно затратным, неэффективным, а значит — порочным. Вывод очевиден: демократия исчерпала свой ресурс максимальной полезности и должна отмереть.

И это вполне естественно. Даже закономерно. Демократия по сути своей — суррогат, эрзац-продукт, посредническая структура внутри общественных отношений. Она предоставляет каждому из нас ущербное, заведомо девальвированное право делегировать так называемым «народным избранникам» наши мнения, суждения, устремления, а главное — право принимать от нашего имени государственные решения и государственные законы.

Чем дальше, тем больше становится очевидным, что демократия после утраты своего изначального предназначения — сглаживать острые углы — обретает черты доведенного до абсурда политического лжепредставительства и самозванства, превращается в генератор политических и финансовых «накруток». Во что рано или поздно, но неизбежно, трансформируются любые посреднические структуры, будь то в политике или бизнесе.

Тем не менее демократия продолжает существовать. Более того, до сих пор имеет массу сторонников и приверженцев. Тому много причин. Назову две важнейшие. Во-первых, работает инерционный фактор массового сознания. Людей несколько веков кряду убеждали, что лучше демократии ничего не существует. Убеждение в достоинствах и преимуществах демократии засело в мозгах людей так глубоко, что выбить его оттуда не так-то просто.

LIPSS

Во-вторых, в сохранении демократии заинтересован весьма влиятельный и многочисленный слой политических иждивенцев. У щедрого корыта демократии кормится немало прихлебателей и нахлебников, представляющих собой так называемые политические элиты и их интеллектуальную обслугу. Сюда входят журналисты, пиарагенты, политологи, рекламщики, имиджмейкеры, советники, эксперты, издатели и т.д., и т.п. Всех, и политиков, и тех, кто их обслуживает, объединяет одно желание сохранить систему, которая их кормит. Они с удовольствием, даже воодушевлением, будут воевать друг против друга, но горой будут стоять за сохранение демократической «кормушки».

На самом же деле демократия уже давно утратила свой и без того весьма условный представительский характер. Политики воспринимают людей только в качестве избирателей. Как самостоятельные личности со своими потребностями и запросами они их совершенно не интересуют. В нынешнем своем виде демократия — отнюдь не власть народа. Демократия переродилась в корпоративный антинародный заговор, узаконенный конституциями, президентскими указами, парламентскими законами. Демократия уже давно перезрела, стала загнивать на корню, внутренне себя исчерпала.

Она превратилась в тяжкую и вредную обузу. В существовании парламентов и любых других избираемых формах управления и согласования интересов сегодня абсолютно нет никакой необходимости.

Избираться может только одна-единственная фигура — глава государства.

Все остальные чиновники должны назначаться, наниматься на службу.

Поэтому не надо лукавить. Верните народу, точнее, людям, человеку, узурпированное у него демократией право самому управлять своей жизнью, своим будущим. Демократия — не что иное как ложь, возведенная в принцип политической деятельности и государственного управления. Любой из демократических принципов ложен, любая из демократических целей лукава, любой из демократов — по определению обманщик и лицедей. Мы видим сегодня в России особенно отчетливо, как так называемые публичные политики — вот уж действительно точная, исчерпывающая, саморазоблачительная характеристика их сути — воюют друг с другом, поливают друг друга грязью, но в то же время горой стоят за сохранение демократии, за право быть избранными, за возможность действовал, от имени народа. Задумайтесь на минуту: если борьба за обладание демократической властью так неприглядна, если путь к достижению демократических целей так мелочен и подл — разве может быть честной и достойной сама власть?

Любая идея, предназначенная для овладения сознанием так называемых масс, для управления, точнее, манипулирования ими, безнравственна. Более того, античеловечна, антигуманна. Рано или поздно человек, обретя

качества личности, обязательно восстает против таких идей, предъявляет им свой счет. Так случилось с коммунизмом, так случится и с демократией. Ведь демократия — все тот же коммунизм, только для избранных. На смену демократии неизбежно придет действительно свободный, независимый человек. Он демократию породил, он ее и погубит во имя собственного блага.

Прошлогодний кризис, обозначивший полный крах экономической политики российской власти, конфликт в Югославии, обнаживший беспомощность нашей внешней политики, скандалы с импичментом президента, с коррупцией в его окружении, предвыборные интриги и пошлые склоки между Кремлем, правительством и Государственной Думой продемонстрировали, что и во внутренней политике российская власть ни к чему не способна, неизбежно внесли в настроения россиян новые идеи. Как говорится, нет худа без добра. Если угодно, после пережитых потрясений, после горьких разочарований россияне оказались на пороге новой политической веры — веры человека в самого себя.

Человек появится на свет свободным, без государства, общества, царей президентов, министров депутатов. Таким он в душе остался. Люди по своей духовной, нравственной, если хотите даже биологической природе — анархисты. Идея анархии, сколько бы ее ни отвергали, сколько бы ни придавали политической анафеме, живет и постоянно напоминает о себе. Природа ее живучести — в максимальном прибл!гжении к истине, к сути человеческого характера. Нужно перестать пугаться анархии, следует попытаться разобраться в причинах ее появления на свет и, будем откровенны, в ее неизбежном торжестве. Хотя бы потому, что анархия — апофеоз личности, а личность — основа грядущего миропорядка.

Начнем с того, что анархизм как психологический феномен, как течение мысли и общественно-политическое явление — не вывих, не историческая аномалия. Если анархия заявляет о себе, значит, для этого сложились соответствующие благоприятные условия, появилась почва. Вместо размытого коллективистского «Мы» на первое место вышло четкое, категоричное «Я».

В нынешней России проблема анархии вызвана острейшим политическим кризисом, крахом власти и государства. Все прежние параметры, которыми определяется исторический облик страны, рухнули. Новые еще не появились. В этой ситуации появление «я» — не свидетельство катастрофы, а надежда на выздоровление.

Склонность россиян бросаться из крайности в крайность известна. Эта истина распространяется и на наши отношения с государством, с властью. Поначалу, с приходом новой власти, нам всегда кажется: вот наконец-то пришла настоящая власть, знающая и понимающая наши заботы. Но проходит совсем немного времени — и настроение недавнего восторга сменяют убеждения, что хуже, чем власть нынешняя, не было, нет и быть не может.

ИРСЕС

Однако в нынешних условиях это неизбывное качество российского политического менталитета, нашего национального мышления обретает новые черты. Чем дальше, тем больше в обществе начинают преобладать настроения глубокого разочарования в самом властном институте, в его представителях, в любых претендентах на власть. Причем власть сама способствовала этому. В ходе нынешних реформ миллионы людей были выброшены за борт государственного корабля. Россиянам настойчиво внушали, что главный смысл свободы, которую они вроде бы обрели, есть свобода обеспечивать, кормить, одевать себя самого. Что государство — не нянька, не собес Короче, спасение утопающих — дело самих утопающих.

В возникшей ситуации есть два выхода. Первый — ополчиться против анархии попытаться подавить ее силой, лишить права на волеизъявление. Соблазн таких действий очень велик. Но это было бы трагической ошибкой. Процессы, которые порождены объективным развитием событий, подавить, загнать внутрь практически невозможно.

Гораздо более продуктивным и перспективным был бы другой путь — позволить анархии самореализоваться, дать ей возможность самой преодолеть себя.

Мы должны перестать вздрагивать при одном лишь упоминании об анархии Она страшна, когда она поражает власть изнутри, как это происходит сейчас в России. Ведь нынешняя власть не управляет ни собой, ни страной.

Так что же плохою в том, если в ситуации, когда власть обнаруживает свою несостоятельность, люди начинают ощущать себя решающим субъектом происходящих событий? Ошибается тот, кто воспринимает анархию вообще как протест против всякой власти. Вовсе нет. Анархия — это борьба за такую власть, которая бы соответствовала своему предназначению — обеспечивала преобладающий общественный интерес.

Анархизм в России был опошлен и окарикатурен черными пиратскими знаменами, байками про Нестора Махно, литературными и драматургическими образами «вожаков», «вожачков», «сиплых» и «левок задовых». Но у нас очень мало известно об анархизме просвещенном и деятельном, умном и благородном

В. Ленин, кстати, рационального зерна, содержащегося в идеологии анархизма, не отрицал. Говоря об одном из основоположников русского анархизма князе Кропоткине, он отмечал: «Идеи Кропоткина не потому неприемлемы, что вредны, а потому вредны, что несвоевременны…». Но ведь «несвоевременность» — тот недостаток, который с годами проходит.

Что в анархизме главное? Апофеоз личности, ее самоценности, ее физического, правового, морально-нравственного суверенитета. Вместо верховенства закона анархизм выдвигает на первое место совесть. На место государства ставит ассоциацию суверенных личностей. Проще говоря,

URSS

свободных людей. Анархизм ориентирован не на самые худшие человеческие качества, не на самые плохие и недостойные принципы.

Согласитесь, большинство людей, во всяком случае тех, кого мы считаем честными и порядочными, вовсе не нуждаются в конституционных подсказках, указующих перстах различного рода кодексов и уложений. Они «умудряются» жить и поступать, не нарушая писаных законов. Значительная часть людей в репрессивном, регламентирующем участии государства не нуждается. Многие другие его функции, скажем организация системы образования и здравоохранения, между гражданами и государством вполне могут решаться на договорной или коммерческой основе, в режиме оказания услуг.

Государство должно служить интересам человека, личности, гражданина. Вы же не станете платить сторожу, который не уберег вашу машину от угона, квартиру — от ограбления! Идейно-политическая подоплека нынешнего бунта российских налогоплательщиков состоит именно в этом. Нет смысла поощрять государство, если оно само, как это случилось в России, становится грабителем.

Анархизм признает только одну высшую ценность — свободу личности. Для этой личности существует только один судья и один закон — совесть. У этой личности может быть только одна истинная, достойная цель — созидание себя, самосовершенствование. Свобода имеет только одно ограничение: она не может, не должна посягать на свободу других людей.

Чаще всего в качестве возражения приходится слышать: УТОПИЯ. Да, действительно утопия. Как и всякая иная концепция. Концепции и теории сами по себе не создают жизни, не наполняют ее содержанием. Они формируют наши представления о ней, приноравливают эти представления под задачи управления обществом. Одна утопия умирает, ее место занимает другая. Жизнь развивается только через преодоление утопий. Иного пути нет.

Поэтому анархизм — конечно же, УТОПИЯ, иллюзия. Но ничуть не большая, чем любые иные идейно-политические концепции, вроде авторитаризма, тоталитаризма, элитаризма, плюрализма, коммунизма, демократии, прагматизма.

Пока же всюду и всегда государство и власть господствовали и господствуют. И будут господствовать до тех пор, пока в сознании и психологии людей будет жив стереотип, что общество не может обойтись без надсмотрщиков, плеток, кнутов. Пока в душе человека не исчезнет страх, не умрет раб, пока нам будет нравиться исполнять и отдавать приказы, пока дисциплинарные установки будут заменять нам человеческое достоинство — будет жить и государство.

Человек создал государство по своему греховному образу и подобию. Найдет человек в себе самом силы преодолеть себя, собственные пороки, собственную греховность — преодолеет и государство.

ЦРКС

Нас долго убеждали, что национальная природа русского человека требует соборности, коллективизма. Неправда. Такая трактовка выгодна властям и вождям. Она помогает сгонять людей в стадо и управлять ими с помощью кнута или клочка, сена. На самом же деле русский человек по природе своей — воплощение активного одиночества. Психологически он самодостаточен. Русским человеком, безусловно, движут чувства дружбы, жертвенности, готовности отдать собственную жизнь за свободу страны, ее народа. Но так он поступает только тогда, когда ощущает себя свободной личностью.

Понимание, что любая власть — насилие, а власть денег — ничуть не меньше, чем любая другая, у русских людей в крови. Поэтому ошибаются те политики, которые созывают русских людей под лозунги борьбы за власть. Сегодня он хочет не власти, а покоя и воли. Нынешняя власть не предлагает ему ни того, ни другого. Она предлагает ему полагаться только на себя, самостоятельно выживать. В этих условиях выход на политическую арену России идеологии анархизма может оказаться не только возможным, но и неизбежным.

Так что предстоящие годы обещают быть весьма бурными. Тенденция социальной самоорганизации будет крепнуть и превращаться в главный фактор развития. Все будут захвачены поиском собственных выходов из затруднительных положений, тупиков и кризисов. Как говорится, нет худа без добра. После пережитых потрясений, после горьких разочарований россияне оказались на пороге новой политической веры — веры человека в самого себя.

Склонен считать, что человечество действительно перестает существовать в своем собирательном смысле. Вслед утрачивают свое былое значение такие понятия, как коллектив, общество, государство. На первое место выходит индивидуум, человек, личность. Понятия «человечество», даже «народ» абстрактны, непригодны для понимания сути «живой жизни», как говорил Юнг. «Человечество — ничто, личность — все. С человека начиналось человечество, к человеку «идея жизни» и возвращается, вновь превращая его в абсолютную ценность, в «меру всех вещей». В «Словаре сути слов» встретил совершенно гениальную мысль: «Корни языка — в Будущем, а не в Прошлом. Слова уже есть в языке, но их истинный смысл открывается только тогда, когда приходит Время».

Представляется, что именно сейчас, на наших глазах, время коллективов, общества, государства уходит. Наступает Время Человека.

Журнал «Персона»,
№ 3, 1999 г.

ИРСС

25. В России проигрывает тот, кто побеждает

У нас делят не власть, а ответственность

По-моему, настала пора признать очевидное: у нас никто не хочет полномочной и ответственной власти. Поэтому все, что оказывается связанным с ее завоеванием — «перестройка», реформы, путчи, мятежи, правительственные кризисы и дворцовые перевороты, всякие там выборы, — на поверку оказываются пустыми хлопотами, имитацией. У нас вот уже пятнадцать лет идет не столько борьба за власть, сколько выяснение отношений, кому за что отвечать, на чью долю достанется больше «шишек» за невыполненные обещания, за ложь, обман и надувательство. Чтобы не быть голословным, расскажу о двух эпизодах, подтверждающих сказанное.

Итак, эпизод первый, Добрые люди (в булгаковском смысле этого понятия) на прошлых президентских выборах посоветовали команде Бориса Николаевича Ельцина встретиться с Виктором Гущиным на предмет ознакомления с предложением, как победить на выборах. Такая встреча состоялась в Президент-отеле. Разговор с Татьяной Дьяченко мне показался интересным, но в итоге оказался безрезультатным. А предлагалось вот что (привожу выдержки из переданной ей «аналитической записки»): «Судя по тому, как разворачивается сегодня кампания по выборам президентом России Б. Н. Ельцина, ее организаторы допускают серьезную установочно-стратегическую ошибку: вся подготовительная работа ведется таким образом, как если бы речь шла только о достижении самой победы без учета ее качественных параметров. Однако диалектическая особенность момента такова, что Б. Н. Ельцину необходимо в июне не просто победить, а победить сокрушительно…

В связи с этим в стратегической концепции президентской избирательной кампании Б. Н. Ельцина необходимо серьезное перемещение акцента. Со ставки только на победу (она при всей видимой остроте предвыборной борьбы обеспечена), его нужно перенести на достижение политического и морально-психологического разгрома оппозиции во всех ее ипостасях. Это предполагает использование совершенно иных технологий, чем те, которые применяются ныне предвыборным штабом…

Вся избирательная кампания Б. Н. Ельцина должна строиться таким образом, чтобы она создавала предпосылки для решительного шага президента на заключительном этапе. Шаг этот должен быть шокирующим, обескураживающим, выбивающим у соперников почву из-под ног. Добиться этого на фоне противоборства с одними лишь левыми нельзя. Дело

ЦРСС

нужно вести таким образом, чтобы ответственность за возникшую кризисную ситуацию ложилась не на одних только коммунистов, а на оппозицию как таковую.

Шаг этот, с одной стороны, должен соответствовать политическому имиджу Б. Н. Ельцина как человека мужественного, харизматического, способного в критический момент принять единственно правильное решение, а с другой — быть естественно близким историко-психологическому складу российских граждан. «Склад» этот, или, как теперь стало модным говорить, менталитет, больше всего боится безвластия, смуты, необходимости самостоятельно принимать решения.

Этот страх народа перед потерей «отца родного» всегда удачно использовался российскими государями в критические для них и страны моменты. Многие из них демонстративно покидали Кремль, заявляли о своей готовности отречься от престола под предлогом, что козни бояр и равнодушие народа к своей судьбе и судьбе государства фактически лишают власть необходимых полномочий, без которых обеспечить в России гражданский мир, порядок, не говоря уже о благополучии, невозможно.

Подобные действия — своеобразное российское историческое ноу-хау, пренебрегать которым не стоит. Они всегда (за исключением лишь случая с Николаем II. Но у него был соперник, который действительно хотел и добивался власти, потому так легко ее и получил) приводили к одному и тому же результату: и строптивые бояре, и перепуганный простой люд бухались государю в ноги, прося его не бросать страну и народ на произвол судьбы. В период с 1923 по 1927 год, когда решался вопрос, кто после В. Ленина возглавит партию большевиков и Советскую Россию, И. Сталин шесть раз ставил перед руководящими органами партии и государства вопрос о собственной добровольной отставке, на самом деле каждый раз усиливая давление на соперников и выговаривая себе все большие полномочия.

Настала пора подумать о таком шаге и Б. Н. Ельцину. Тем более что других способов политически и психологически разгромить оппозицию, заставить ее надолго вобрать голову в плечи, похоже, не осталось. Сам же план должен быть «запущен» недели за две-три до намеченной даты выборов, чтобы народ и оппозиция, перепуганная насмерть реальной перспективой остаться с народом с глазу на глаз, «успели» уговорить президента остаться на своем посту» (Далее шло перечисление того, что конкретно для проведения этой акции следует делать.).

Однако имевшимся шансом разгромить оппозицию и получить в свои руки всю полноту власти Б. Н. Ельцин и его окружение не воспользовались. И совершенно ясно почему. Победи Б. Н. Ельцин по предложенной ему схеме, то что бы он делал без такого «пугала», как нынешняя Государственная Дума, на кого бы он валил все грехи, кого бы обвинял в интригах и

URSS

безответственности, кого бы пересаживал из кресла в кресло, кто бы создавал видимость сопротивления его «реформаторским» усилиям…

В итоге случилось то, что и должно было случиться: в политической жизни накануне предстоящих выборов, как парламентских, так и президентских, воспроизводятся те же самые проблемы, что и в 1995–1996 годах, только теперь на тотально проигрышных как для власти, так и для оппозиции условиях.

Казалось бы, возникшая ситуация должна была побудить «левых» к сплочению, мобилизовать их на завоевание власти, которая по всем признакам и так готова упасть в подставленные руки, как перезревший плод. Ан нет. Мы стали свидетелями склок, скандалов и раскола в рядах левых. Сначала они сами, когда президентская власть в момент очередного нездоровья Б. Н. Ельцина казалась практически рухнувшей, объявили о своем намерении идти на выборы «тремя колоннами».

Потом число «колонн» стало расти: от коммунистов и левопатриотических сил в спешном порядке откололись наиболее заметные политические фигуры — Алексей Подберезкин со своим «Духовным наследием», Аман Тулеев со своей «политической харизмой», Михаил Лапшин со своей «крестьянской смекалкой». В лагере Геннадия Зюганова вздохнули с облегчением. Теперь «победить-то все равно «победим», но по частям. А этого как раз достаточно, чтобы и впредь только имитировать борьбу за власть, но не обладать самой полномочной властью. А значит, и ответственностью.

Высказанное предположение, конечно же, гипотетическое, но опирающееся на объективную логику событий и на реальный предшествующий опыт общения с Геннадием Зюгановым. Летом 1996-го, в интервале между первым и вторым туром выборов, мне (опять же при содействии вездесущих добрых людей) попали в руки материалы, рассказывающие, в какой панике оказался предвыборный штаб Бориса Ельцина после первого тура. 3 % преимущества выглядели ничтожными, особенно если учесть, что генерал Александр Лебедь, набравший в первом туре 15 % голосов, сам считал четырех из пяти своих избирателей потенциальными сторонниками Геннадия Зюганова.

Во втором туре эти голоса вполне могли перекочевать к «законному владельцу». Обмен мнениями между членами ельцинского штаба на предмет того, как и чем «покупать» не только Лебедя, но и организаторов выборов и подсчета голосов на избирательных участках, был настолько горячим, откровенным и циничным, что огласка этих материалов неизбежно должна была привести Бориса Ельцина к сокрушительному поражению во втором туре. Именно это я и предложил сделать Геннадию Зюганову: хотите победить — побеждайте. Но он даже нигде не заикнулся, что ему ведомо о царившей в избирательном штабе президента панике. Не появились, само собой, эти документы и в партийной коммунистической печати…

Короче, настоящей полномочной власти и реальной ответственности перед народом в России сегодня не хочет никто. По крайней мере среди главных претендентов на власть. Вот перед каким политическим парадоксом мы оказались на пороге предстоящих выборов…

P.S.

Может возникнуть вопрос: а в чем, собственно, смысл моего «двурушничества»? С одной стороны, помогать Борису Ельцину, а с другой — Геннадию Зюганову? Мне, как аналитику, противопоказано иметь какие-либо политические симпатии или антипатии. Если хотите, даже убеждения. Уж коли оба этих деятеля, как, впрочем, и все остальные, существуют в качестве реальных персон политического процесса, мне все едино: что Ельцин, что Зюганов, что Гайдар, что Лужков. Если они имеют равные права перед законом и реальное влияние на политический процесс, значит, имеют право и на объективный анализ своей деятельности. Мое личное отношение к ним определяется единственным критерием: уж если они погрязли в политике по самые уши, то хотя бы не творили глупостей. Не в состоянии принести пользу — то хотя бы меньше причиняли вреда и ущерба.

«Независимая газета»,
03.07.1999.

URSS

ВОПРОСЫ АВТОРУ

---

[i] (стр. 20) Уточните: верно ли внесена правка? в правильное ли место вставлен выделенный текст?

[ii] (стр. 123) Не ясна правка: «**Добавить:** Приложение. **«В России проигрывает тот, кто побеждает».**»

URSS